

МИОН

**Межрегиональные
исследования
в общественных науках**

**Министерство
образования и науки
Российской
Федерации**

**ИНО-центр
(Информация. Наука.
Образование)**

**Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)**

**Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)**

**Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. Мак-Артуров
(США)**

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования РФ, **ИНО-центром** (Информация. Наука. Образование) и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности

Коллективная монография

Екатеринбург
Издательство
Уральского университета
2006

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор
Леонид Петрович Крысин
(Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН);
доктор филологических наук, профессор
Людмила Владимировна Зубова
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Я 41 **Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности:** Коллективная монография / Отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. — 562 с.

ISBN 5-7525-1640-4

В коллективной монографии осуществлен опыт лингвокультурологического исследования толерантности / интолерантности как коммуникативной категории, выявлена парадигма современных вербальных и невербальных текстов вражды и текстов примирения, систематизированы стереотипные и нестереотипные сигналы толерантности и агрессии, охарактеризованы их идеологический, этический, эмоционально-психологический, коммуникативно-прагматический потенциал и направления влияния на сознание горожан.

В книге разрабатываются теоретические аспекты проблемы коммуникативной толерантности, описываются специализированные средства языка вражды и языка согласия, их функционирование в разных сферах коммуникации; особо рассматриваются формы репрезентации вражды и согласия в произведениях литературы и искусства; выявляется формирование характерной для России культурной мифологии *Другого / Чужого* и ее различные представления в подсистемах городской культуры, устанавливаются функции мифологем в формировании «своего круга», интерпретируется процесс демифологизации, обуславливающий психологическое состояние и мировоззренческие установки горожан.

Для филологов, философов, культурологов, социологов, социальных работников, журналистов и работников культуры.

ББК Ш 100.04+Ч 111.15

© ИНО-центр, 2006
© УрМИОН, 2006
© Коллектив авторов, 2006
© Издательство Уральского университета. 2006

ISBN 5-7525-1640-4

Монография «Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности» посвящена памяти **Эры Васильевны Кузнецовой** (1927–1988), которой в 2007 году исполнилось бы 80 лет.

Доктор филологических наук, профессор Уральского государственного университета, специалист по теоретической семантике, Э. В. Кузнецова предложила и разработала методику ступенчатой идентификации значения слова, которая легла в основу анализа ментально значимого концепта «толерантность» и языкового поля толерантности в современном русском языке. Именно эта методика оказалась результативной для выявления языковых средств и речевых подсистем со значением вражды и согласия в современном социокультурном контексте.

Продолжение научной жизни профессора Эры Васильевны Кузнецовой и благодарную дань ее памяти представляет собой эта книга.

Коллектив авторов

Содержание

Предисловие	9
Раздел 1. Толерантность и агрессия в речевой коммуникации	
<i>Стернин И. А., Шилихина К. М.</i>	
Толерантность, интолерантность и агрессия	20
<i>Прохоров Ю. Е.</i>	
Языковая личность в коммуникативном пространстве: к типологии толерантности	31
<i>Земская Е. А.</i>	
Факторы, определяющие действие толерантности в сфере коммуникации	46
<i>Мишланов В. А., Салимовский В. А.</i>	
Дискурс враждебности как социальный феномен	56
<i>Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.</i>	
Конфликтный диалог и межкультурная коммуникация	66
<i>Дымарский М. Я.</i>	
Речевая манера: конфликтность внутренняя и внешняя	74
<i>Борисова И. Н.</i>	
Конфликтогенная ситуация в повседневном общении	89
<i>Протасова Е. Ю.</i>	
Некоторые особенности реакции обиды	126
Раздел 2. Языковые средства выражения вражды и согласия	
<i>Вепрева И. Т., Мустайоки А.</i>	
Детабулизация в современном русском языке и тревожная лексика	141
<i>Ермакова О. П.</i>	
Ирония --- язык вражды или язык согласия?	151

<i>Бурвикова Н. Д.</i>	Пародирование прецедентного текста как средство языка согласия	157
<i>Данилов С. Ю.</i>	Речежанровые сигналы вражды и согласия: предвыборные дебаты	161
<i>Грищенко А. И., Николина Н. А.</i>	Экспрессивные этнонимы как примета языка вражды	175
<i>Шарафутдинов Д. Р.</i>	«Лица кавказской национальности» и «люди славянской внешности»: стереотипы вражды?	188
<i>Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.</i>	Выражение враждебности и дружелюбия посредством одной и той же лексемы	200
<i>Андреева Т. Я.</i>	Сигналы вражды и сигналы согласия в английском языке	207
Раздел 3. Язык вражды и язык согласия в разных сферах коммуникации		
<i>Чепкина Э. В.</i>	Язык согласия в корпоративной прессе	219
<i>Енина Л. В.</i>	Представители власти в текстах уральских СМИ: вражда и согласие	233
<i>Туксаитова Р. О.</i>	Язык вражды и язык примирения в медиaprостранстве Казахстана	245
<i>Каблуков Е. В., Майданова Л. М.</i>	Метаморфозы агональности в современном парламентском дискурсе	258
<i>Пикулева Ю. Б.</i>	Спортивный дискурс в аспекте толерантности	278
<i>Жданова О. П.</i>	Конфликт как актуальный маркер студенчества	295
<i>Абашева М. П.</i>	Страсти по «Живаго»: властные конфликты в культурном пространстве современного города	308
<i>Карасик В. И.</i>	Смысловая свобода знака и типы общения	316
Раздел 4. Репрезентация вражды и согласия в литературе и искусстве		
<i>Литовская М. А.</i>	Адаптация социально нового в литературе: путь к примирению ...	331
<i>Черняк В. Д., Черняк М. А.</i>	Концептуализация действительности в современной массовой литературе: сферы вражды и согласия	346

<i>Попкова Н. Н.</i>	
Агрессивное в иронических текстах Игоря Иртеньева	355
<i>Васильев И. Е.</i>	
Внутрикультурная конфронтация как путь к обретению групповой идентичности в авангарде	363
<i>Михайлова О. А.</i>	
Вражда и согласие в массовой песне советского и постсоветского времени	371
<i>Машина Е. Е.</i>	
Язык вражды как выражение базовой составляющей рок-культуры	387
Раздел 5. Вражда и согласие в мифологии уральского города	
<i>Приказчиков Е. Е.</i>	
Миф и его социокультурные преломления: от архаики до наших дней	397
<i>Блажес В. В.</i>	
Мифология города Екатеринбурга (XVIII век)	414
<i>Вепрева И. Т.</i>	
Отражение мировоззренческих противоречий в переименованиях Екатеринбурга	436
<i>Атманских А. С.</i>	
Восстановление справедливости или ирония судьбы? (Опыт метафизического краеведения)	447
<i>Клочкова Ю. В.</i>	
Формирование екатеринбургского мифа в литературе и его трансформация в произведениях свердловских авторов 20–30-х годов XX века	455
<i>Коновалова Н. И.</i>	
Мифология бани в лингвокультурном пространстве города: грани коммуникативной гармонии	472
<i>Шалина И. В.</i>	
Вражда и согласие в повседневной культуре	489
<i>Купина Н. А.</i>	
Тоталитарные мифологемы в речевом пространстве уральского города	516
Литература	535
Сведения об авторах	558

Предисловие

Предлагаемое вниманию читателей научное исследование языка вражды и языка согласия является продолжением двух коллективных монографий, изданных благодаря содействию Уральского межрегионального института общественных наук. Первая из них, «Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности» (Екатеринбург, 2003), посвящена разработке проблемы толерантности и выявлению лингвистического потенциала данной категории. Содержание концепта *толерантность* только начинает складываться в русском языковом сознании и еще не осмыслено в достаточной степени, в то время как реальное состояние коммуникативного взаимодействия в нашей стране требует лингвистического вмешательства. Формирование гражданского общества, сопровождающееся преодолением тоталитарных стереотипов и утверждением прав личности в государственной практике России, сегодня невозможно без формирования устойчиво толерантного массового сознания. В связи с этим возникает необходимость изучения не только феномена толерантности, но и форм проявления толерантных установок в коммуникативном поведении отдельной личности и социально-культурной группы. Именно поэтому центральной категорией второй монографии, «Культурные практики толерантности в речевой коммуникации» (Екатеринбург, 2004), стала *коммуникативная толерантность*, представляющая собой наиболее наблюдаемую и подверженную педагогическому и воспитательному воздействию установку толерантного сознания.

Исследование коммуникативных аспектов толерантности позволяет составить объективное представление о формах проявления толе-

рантных установок в коммуникативном поведении отдельной личности и целого народа, выявить национальные, социальные, возрастные, гендерные особенности проявления толерантности / интолерантности в общении, дает возможность сформулировать конкретные подходы к формированию установок толерантного сознания через обучение общению. Воспитание коммуникативной толерантности этнической группы и личности — эффективный путь формирования отношений согласия в социально-культурной ситуации, сложившейся в России.

Современное социально-культурное пространство характеризуется возникновением очагов напряжения и вражды. Язык вражды активно изучается различными научными направлениями. Так, регулярно проводится мониторинг средств массовой информации: см., например, статью Г. Кожевниковой «Язык вражды в сюжетах Всероссийского конкурса “Время действовать”», обзоры В. Шариповой по материалам региональной прессы Тверской области, И. Сажина по материалам интернет-изданий и печатных СМИ Республики Коми [<http://www.xeno.sova-center.ru>]. На протяжении нескольких лет Информационно-аналитический центр «СОВА» осуществляет мониторинг языка вражды в тиражных «респектабельных» российских СМИ [<http://www.xeno.sova-center.ru>]. Кроме того, материалы по изучению языка вражды можно найти на сайтах Центра содействия проведению исследований проблем гражданского общества «Демос» [<http://www.demos-center.ru>] и Центра экстремальной журналистики [<http://www.cjes.ru>]. Осознание толерантности как фундаментального принципа культуры активизировало процесс изучения гуманитариями языка вражды (монографии А. Верховского, А. Паппа, В. Прибыловского [1996], А. Тарасова, Т. Черкасова, Т. Шавшуковой [1997], А. Верховского, В. Прибыловского [1999], Т. Музаева [1999], сборник статей «Язык мой... Проблемы этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ» [2002]). Язык вражды был предметом обсуждения на проведенной в Москве в ноябре 2004 года конференции «Язык вражды в обществе, политике и СМИ» и находится в центре внимания авторов одноименной книги [2005], изданной Центром развития демократии и прав человека. Под «языком вражды» обычно понимаются любые некорректные высказывания в адрес этнических и конфессиональных групп или их представителей — от самых жестких (по сути, криминальных открытых призывов к насилию или дискриминации) до наиболее мягких, которые являются скорее результатом журналистской небрежности, нежели целенаправленной дискредитацией группы (например, немотивированное упоминание этнической принадлежности в криминальной хронике). Проблема-

тика языка вражды в названной монографии рассматривается не только в отношении этнических или конфессиональных групп, а гораздо более широко, «как с точки зрения охвата уязвимых групп, так и с точки зрения общественно-политического контекста “враждебной” риторики».

Авторы настоящей монографии уделяют внимание не только языку вражды, но и языку примирения, описанию коммуникативных тактик, направленных на достижение согласия в конкретных сферах общения, определению моделей толерантного речевого поведения.

Ц е л ь коллективного исследования — выявление факторов, обуславливающих толерантность / интолерантность в коммуникации, характеристика средств и способов репрезентации языка вражды и языка согласия в пространстве актуальной российской культуры.

В данной книге язык вражды и язык согласия выступают как собственно лингвистический и — шире — семиотический объект, интерпретация которого осуществляется также с культурологической, литературоведческой, искусствоведческой, психологической точек зрения. Аспектность в сочетании с междисциплинарностью — важнейший методологический принцип исследования. Еще один фундаментальный принцип — сочетание синхронного подхода с диахронным: только историческая ретроспектива позволит выявить природу толерантности и агрессии в их многообразных современных проявлениях. Принципиальным для нас является отбор **материала**, воплощающего национально-культурное своеобразие коммуникативных контактов. В монографии исследуются системные объединения языковых средств вражды и согласия, репертуар функций этих средств в речи: дискурсивное и текстовое воплощение конвенций, регламентирующих формы бытования вражды и согласия. Особое внимание уделяется современному речевому существованию российского (уральского) города, живой диалогической речи горожан. В объективе исследовательского внимания находятся как произведения речи на естественном языке, так и тексты культуры иной семантической природы — прежде всего живописи и киноискусства.

Целевая установка коллективного труда обусловила не только выдвижение методологических принципов и отбор материала, но и разработку групп **конкретных задач**: углубленное исследование лингвистических проблем толерантности, уточнение категориального аппарата лингвистики толерантности, систематизация типологических построений, открывающих перспективу осмысления природы и механизмов интолерантной (конфликтной, агрессивной, враждебной) и

толерантной (согласной, гармоничной) коммуникации (1); описание активно используемых в актуальной культуре средств вражды и согласия, речекультурных стереотипов, извлечение их когнитивного, прагматического, этического потенциалов (2); фиксация конкретных сфер коммуникации, в которых функционируют тексты, транслирующие вражду и / или согласие (3); выявление парадигм текстов литературы и искусства, оказывающих влияние на формирование толерантного / интолерантного общественного сознания, характеристика закономерностей, связанных с концептуализацией литературой и искусством враждебности и согласия (4); демонстрация константных факторов вражды и согласия на примере срезового анализа мифологии уральского города (5). Отмеченные исследовательские задачи определили композицию коллективной монографии, которая состоит из пяти основных разделов.

В первом разделе **«Толерантность и агрессия в речевой коммуникации»** исследуются лингвистические проблемы толерантности. Так, *И. А. Стернин* и *К. М. Шилихина* рассматривают противостоящие толерантности коммуникативные стратегии интолерантности и вербальной агрессии, обосновывают различия между ними. Учитывая фактор сферы использования стратегий, авторы прослеживают механизмы усвоения агрессивных речевых действий в детском возрасте и предлагают пути и приемы формирования толерантного поведения. *Ю. Е. Прохоров* разрабатывает типологию толерантности как личностного психологического состояния и как личностной деятельности, прослеживает проявление толерантности на уровне реализации языковой личности в процессе ее функционирования в различных коммуникативных пространствах. *Е. А. Земская* вскрывает социально-исторические и культурные факторы, определяющие реализацию категории толерантности в сфере коммуникации; на примере коммуникативного поведения русских и англичан демонстрирует связь между толерантностью и особенностями национальной культуры; исследуя речевое поведение выходцев из России, описывает отношения между эмигрантами разных волн, выявляет причины разобщения людей одной нации. *В. А. Мишланов*, *В. А. Салимовский* рассматривают основные свойства дискурса враждебности как социального феномена, показывают, что различные модели этого дискурса проецируются на социальную действительность, обуславливают ее отображение в актах речи и порождают типовые социальные и межличностные конфликты.

Анна А. Зализняк, *А. Д. Шмелев* исследуют феномен конфликтного диалога, в частности диалога со скрытой конфликтностью, которая

маскируется буквальным смыслом и обнаруживается лишь в подтекстовой информации; анализируют причины конфликта как результата коммуникативных неудач при несовпадении намерений говорящего и интерпретации высказывания слушающим, при неверной реконструкции скрытых смыслов адресатом речи, при различии речевых стратегий, принятых в разных культурах. *М. Я. Дымарский* уточняет критерии выделения и принципы оценки типов речевых культур, определяет понятие *речевая манера* в границах современной теории речевой культуры, выявляет два базовых типа речевых манер — моностилевой и полистилевой, обосновывает зависимость потенциальной конфликтности коммуникации от соотношения типов речевых манер. *И. Н. Борисова* анализирует динамические типы взаимодействия речевых стратегий участников потенциально конфликтных ситуаций в русской повседневной коммуникации; описывает фазовую структуру конфликтогенной ситуации, распределение коммуникативных ролей, тактики речевого поведения партнеров общения; выявляет модели речевого взаимодействия (примирение, нейтрализация и обострение конфликта) по типу коммуникативного и психологического результата разрешения ситуаций. *Е. Ю. Протасова* выделяет в качестве предмета анализа универсальную в ситуациях враждебной коммуникации реакцию обиды, характеризует психологические и социологические факторы, обуславливающие возникновение данной реакции.

Второй раздел **«Языковые средства выражения вражды и согласия»** посвящен интерпретации специализированных средств, используемых в коммуникации как сигналы вражды или сигналы согласия. В статье *И. Т. Вепревой* и *А. Мустайоки* исследуется процесс дедабуизации в современных СМИ, приводящий к увеличению пласта тревожной лексики и в целом способствующий росту агрессивности современной публицистики. *О. П. Ермакова* выявляет семантический, эмоционально-психологический, коммуникативно-прагматический потенциал иронии, обнаруживает ее полифункциональность и возможность использования и как средства вражды, и как средства согласия в зависимости от групп факторов — внутриязыковых и экстралингвистических. *Н. Д. Бурвикова*, анализируя тексты-пародии, основанные на использовании композиционной структуры производящего прецедентного текста, демонстрирует возможности пародирования как средства согласия, доказывает продуктивность расширительного понимания прецедентности. *С. Ю. Данилов*, рассматривая предвыборные дебаты как крупную речевжанровую структуру, характеризующуюся особыми нормами отбора и реализации жанрообразующих еди-

ниц, выявляет первичные и вторичные речевые жанры, которые в составе целого воспринимаются как сигналы согласия или сигналы вражды. Анализ проводится с учетом спроецированного на реальную социально-политическую ситуацию фактора адресата.

А. И. Грищенко и Н. А. Николина исследуют проблему экспрессивных этнонимов, выступающих в коммуникации как специфическая примета языка вражды. Уточняя содержание терминов «этнофолизм» и «этноним», авторы прослеживают особенности бытования этнонимов в древнерусской книжности и современном обиходе, описывают собственно лингвистические признаки этнонимов как языковой универсалии и лексического пласта русского национального языка, включающего, в частности, экзоэтнонимы (обозначения «чужих») и эндоэтнонимы (обозначения «своих»). Анализируется разная степень экспрессивности и, соответственно, враждебности при употреблении разных типов этнонимов. Проблему функционирования этнонимов разрабатывает и *Д. Р. Шарафутдинов*. Он предлагает гео-, социо-, психолингвистический анализ находящихся в активном речевом обороте клишированных вкраплений типа *лицо кавказской национальности, человек славянской внешности*. Автор выявляет механизмы возникновения этих выражений, причины их устойчивости, характеризует семантическое своеобразие, определяющее наличие / отсутствие конфликтогенности в разных ситуациях общения.

И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев обращают внимание на возможность одновременного выражения в высказывании дружелюбия и вражды по отношению к *другому*. Они устанавливают общие источники дружелюбия и враждебности. Зыбкость границ между двумя исследуемыми видами отношений продемонстрирована на материале русского и английского языков. Раздел завершается характеристикой вербальных сигналов вражды и согласия в английском языке. *Т. Я. Андреева*, анализирующая эту проблему, использовала репрезентативный массив лексических и фразеологических единиц, извлеченных из современных русско-английских словарей, установила специфику отраженного в языке мировоззренческого восприятия вражды и согласия. Авторы данного раздела монографии доказывают, что естественный язык вырабатывает специализированные средства как для выражения вражды, так и для выражения согласия. Вместе с тем в конкретных речевых актах их функция может быть различной. Кроме того, определенные лингвоспецифические средства языка при выражении враждебного или согласного отношения к *другому* проявляют диффузность, осложняющую процесс вербальной коммуникации.

Раздел третий «**Язык вражды и язык согласия в разных сферах коммуникации**» составляют исследования многообразных преломлений дискурсных практик толерантности / интолерантности на разных участках современного коммуникативного пространства. Э. В. Чепкина, анализируя массив текстов, опубликованных в корпоративных газетах промышленных предприятий Пермской области, приходит к выводу о том, что согласие как корпоративная ценность вырабатывается на базе представлений о цементирующем *свой круг* единстве взглядов, позиций, образа жизни, прагмо-коммуникативных установок. Прослеживаются особенности формирования конформистского идеала согласия, связанные с подавлением проблемы различий, игнорированием разногласия дискурса. Л. В. Енина, исследуя ограниченный хронологическими рамками корпус текстов СМИ Урала, выявляет стереотипные характеристики представителей современной российской власти, описывает типовые сюжетные роли в их оппозиционных связях, вскрывающих региональную специфику приятия и неприятия носителей властных полномочий.

Дискурсивные практики в журналистском дискурсе обладают национальной специфичностью. Это подчеркивается Р. О. Туксатовой, анализирующей медиaprостранство Казахстана в преддверии президентских выборов. Ключевым, по мнению автора, является выбор языкового кода — моноязычного или билингвистического. Если моноязычие газетных изданий разъединяет население страны, то билингвистический принцип публицистики в условиях современного Казахстана, напротив, способствует единению, созданию толерантного отношения к культурным различиям и социокультурным конфликтам. Е. В. Каблуков, Л. М. Майданова прослеживают метаморфозы агональности в современном парламентском дискурсе на материале стенограмм заседаний Государственной думы РФ. Авторы определяют роль ритуала в создании впечатления агональности, описывают лингвоповеденческие маски агональности, за которыми скрываются истинные интенции действующих политиков.

В центре внимания Ю. Б. Пикулевой оказывается современный спортивный дискурс и его разновидности: собственно спортивный, журналистский, «фанатский». В данной сфере коммуникации, как показывает материал, формирование *своего круга* сопровождается актуализацией образов «врагов», задающих типы конфликтного поведения. О. П. Жданова анализирует конфликт как актуальный маркер студенческого сообщества. Автор извлекает примеры языковых сигналов вражды из «Русского ассоциативного словаря» (РАС 2002) и сопостав-

ляет полученный материал с результатами ассоциативных экспериментов, проведенных в студенческих аудиториях. Отмеченный подход позволяет установить разновидности конфликтов в изучаемой социальной среде. *В. И. Карасик* анализирует общую проблему, обращая внимание на разную степень смысловой свободы знака, связывая ее с разными типами общения. *М. П. Абашева* рассматривает конкретный коммуникативный эпизод, оказавшийся в центре внимания жителей Перми (один из ресторанных комплексов получил название «Живаго») и выявляет социальные, культурные, эмоционально-психологические, эстетические причины конфликта, описывает вербальные формы проявления властных амбиций, скрывающихся за демонстрацией культурных практик духовности.

Обнаруживая специфику языка вражды и языка согласия в разных сферах коммуникации, авторы раздела подчеркивают неочевидность ценностных ориентаций коммуникативного взаимодействия в конкретных ситуациях, возможность манипулятивного использования дискурсивных практик вражды и согласия.

В разделе четвертом **«Репрезентация вражды и согласия в литературе и искусстве»** осуществляется анализ форм выражения толерантности / интолерантности в художественных текстах, в том числе в высокой литературе и литературе массовой, в произведениях изобразительного искусства и рок-поэзии. Материалом служат тексты наших дней, отражающие текущие проблемы современности, и тексты, в которых зафиксированы особенности мировоззрения носителей русского языка и культуры в переходные эпохи истории России (на рубеже XIX–XX и XX–XXI веков). Так, *М. А. Литовская* выявляет формы адаптации социально нового в художественной литературе, смежных видах искусства в 1920–1930-е годы и в постсоветский период, устанавливает этапы адаптации искусством социальных явлений и коллективных представлений о новых социальных силах (коммунисты / «новые русские»), которые в момент своего возникновения воспринимались в обществе как враждебные. Автор доказывает, что адаптация литературой и искусством социально нового служит средством примирения.

Повышение читательского спроса на тексты массовой литературы привело к усилению ее влияния на сознание россиян. Это обстоятельство стимулирует интерес исследователей к актуальной для российской культуры парадигме текстов влияния. *В. Д. Черняк*, *М. А. Черняк* рассматривают концептуализацию действительности в сферах вражды и согласия актуальными жанрами современной массовой литературы. Выделяются группы текстов, транслирующих агрессию, и груп-

пы текстов, способствующих формированию общественного согласия. *Н. Н. Попкова* анализирует тексты популярного поэта Игоря Иртеньева, которые были восприняты общественностью как личностные нападки, не лишенные националистических намеков. Демонстрируется роль экспрессивных этнонимов, на базе которых реализуется прием иронии, участвующий в создании агрессии. *И. Е. Васильев*, обращаясь к культурным практикам авангарда, выявляет цели и формы художественной деятельности авангардистов и доказывает, что эпатаж, вызов, провокация в практике авангарда имеют культурные основания и являются средствами выражения групповой сплоченности. На материале сопоставления текстов советского и постсоветского периодов построено исследование *О. А. Михайловой*, в котором показаны особенности репрезентации вражды и согласия в массовой песне. *Е. Е. Машинина* рассматривает враждебность как базовую составляющую рок-культуры. На материале текстов рок-поэзии анализируются проявления враждебности: противостояние традиционным культурным ценностям, непримиримое отношение к *чужим*, конфликт отцов и детей.

Раздел пятый «**Вражда и согласие в мифологии уральского города**» открывается интерпретацией различных концепций мифа, которые обнаруживают пересечения философской, культурологической, социологической, психологической, филологической парадигм, возникающих при исследовании феномена общественного и индивидуального сознания. Прослеживается формирование культурной мифологии *Чужого*, характерной для России (*Е. Е. Приказчиков*). Разноаспектный подход к проблеме позволил выявить механизм мифологизации в различных подсистемах культуры: литературе (*Ю. В. Клочкова*), фольклоре (*В. В. Блажес, Н. И. Коновалова*), СМИ (*Н. А. Купина, И. Т. Вепрева, А. С. Атманский*), живом общении горожан-уральцев (*Н. А. Купина, И. В. Шалина*). В процессе исследования охарактеризована региональная содержательная специфика мифотворчества. Выявлено ядро мифологических смыслов, релевантность которых ярко проявляется в геокультурной, политико-экономической, социальной, этнокультурной оппозициях. На базе отмеченных оппозиций установлены зоны напряжения в культурно-языковом пространстве города. В этой связи детальное литературоведческое и лингвистическое описание получил миф о культурной столице, нашедший воплощение в текстах уральской литературы, текстах СМИ, диалогической речи уральцев. Охарактеризованы трансформации мифологического образа Екатеринбурга в литературе (*Ю. В. Клочкова*), выявлены истоки

мифологии Екатеринбурга на основе архивных и фольклорных материалов (*В. В. Блажес*). Анализ текстов СМИ и опрос информантов показали, что известная вера в существование «единственно правильного» именованья способствует мифологизации и созданию нового образа города. При этом смена имени города отражает столкновение мировоззренческих установок в эпоху крупных перемен (*И. Т. Венрева, А. С. Атманских*).

Охарактеризованы вербальные формы бытования конкретных мифологем городского пространства, в частности мифологемы «баня», обнаружены трансформации этнокультурных компонентов семантики мифологемы (*Н. И. Коновалова*). Анализ живой речи и текстов региональных СМИ позволил установить факт «упрямства» идеологем тоталитарного языка, которые автоматически реализуются в спонтанной речи горожан. Эти мифоидеологемы эксплицируются и в текстах районных газет, оказавшихся отчужденными от живых демократических процессов. В то же время в постсоветский период активизируется процесс демифологизации, который, однако, нельзя назвать завершенным. Демифологизация языкового сознания горожан-уральцев сопровождается проявлениями мифологического скептицизма, цинизма и нигилизма (*Н. А. Купина*).

Авторы раздела приходят к выводу о том, что язык города, обладающий мифологической культурной памятью и продуцирующий современные мифологемы, является способом оформления и воплощения региональной идентичности, подтверждает наличие *своего круга*, значимость сохранения общекоммуникативных и этических конвенций, отстаивания фундаментальных ценностей и стереотипов согласия.

Очерченная в предисловии проблематика коллективной монографии, как нам кажется, заинтересует не только филологов, но и других представителей гуманитарного знания, а также специалистов, занимающихся практической разработкой культурных практик толерантности.

И. Т. Венрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова

Раздел I

**Толерантность и агрессия
в речевой коммуникации**

И. А. Стернин, К. М. Шилихина
**Толерантность, интолерантность
и агрессия**

Толерантность как форма поведения и общения с другими людьми противостоит агрессивности, конфликтности, безапелляционности, стремлению во что бы то ни стало настоять на своем, подавить собеседника, уничтожить другое мнение. Прежде всего, проявление толерантности в общении — это достижение компромиссов, умение избегать конфликтов. Естественно, что в отличие от агрессивного толерантное поведение не является импульсивным, спонтанным. Для того чтобы демонстрировать толерантность в общении, необходимо не только терпимо относиться к собеседнику, но и владеть стратегиями бесконфликтного общения.

В современном российском обществе идет процесс осмысления толерантности как способа восприятия мира. Характерными в этом отношении являются попытки лингвистов разграничить понятия «терпимость» и «толерантность»: принципиальное различие между ними видится в том, что терпимость — это терпение к плохому, а толерантность — терпение к другому, иному, непохожему. Тем не менее в обществе эти понятия продолжают функционировать как синонимы: «Что такое **толерантность**? Терпимость по отношению к людям другой национальности, расы, положения, веры? В каждом языке под этим словом понимается разное: у европейцев — терпимость к мнению другого, у китайцев — великодушие, а у арабов, например, — милосердие, снисхождение... В русском языке близким является понятие терпимости (*Крижевский А., Дробизева Л.* Непримиримых культур не бывает // Известия. 2002. 15 нояб.).

Как модель поведения толерантность предполагает терпимость к инакомыслию, спокойное отношение к разным мнениям и воззрениям других людей, способность прощать другим их несовершенства. Толерантность — это терпимость к чужому, готовность сосуществовать с ним; это гибкость, сдержанность в оценках, взгляд на мир без устойчивых негативных эмоций. Толерантность не предполагает обязательно-го разделения мнения другого человека и тем более одобрения этого мнения или поступка. Толерантный человек фиксирует в своем сознании и собственное негативное отношение к идеям или поступкам других, но он не проявляет этого несогласия в резкой или агрессивной форме, умеет отделить главное от второстепенного, не вступает в перепалки и конфликты, старается мнение свое высказать ненавязчиво, необходимо, оставляет за собеседником право на другое мнение.

Толерантность в общении — это вежливость к собеседнику независимо от того, насколько взгляды участников общения совпадают или расходятся.

Толерантное разрешение конфликтов предполагает использование прежде всего тактик уступчивости и компромисса в непринципиальном, и тактики сотрудничества — в важном вопросе.

Толерантности в описанном смысле противостоят интолерантность и агрессия. Эти понятия далеко не всегда разграничиваются.

Интолерантность нередко объясняется через понятие агрессии. По мнению некоторых исследователей, агрессия наиболее часто мотивируется чувством страха и выступает как производное от страха, как оборотная сторона страха: «Агрессия всегда сопровождается приступом страха, а страх может перерасти в агрессию. Самые разнообразные опыты на животных показали, что это так. Если на группу животных нагонят страх, они становятся агрессивнее. То же происходит и с толпой людей или обществом в целом. Агрессивно-трусливое состояние — самое опасное» [Дольник 1994: 132].

Интолерантность как форма поведения мотивируется не страхом, а неприятием другого, и проявляется это поведение чаще всего в процессе коммуникации.

В данной статье речь пойдет об отличиях коммуникативной стратегии интолерантности от коммуникативной стратегии вербальной агрессии и о механизмах передачи опыта агрессивного общения. Нас интересует взаимоотношение интолерантности и агрессии, поскольку обе речевые стратегии имеют целью установление отношений доминирования говорящего над адресатом, а также связаны с открытым выражением негативных эмоций в адрес собеседника.

Агрессия является достаточно сложной формой поведения живых организмов, поэтому она изучается в рамках различных наук. Например, в этологии особый интерес ученых вызывают случаи внутривидовой агрессии у животных, причем такая форма поведения рассматривается с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения социальной организации сообщества особей — представителей одного биологического вида и условий их обитания. Такой подход можно условно назвать социологическим, хотя в действительности речь идет о животных. Во-вторых, с точки зрения нейробиологических механизмов, которые «запускают» или, наоборот, тормозят агрессивное поведение при столкновении животных. Полученные данные свидетельствуют о том, что внутривидовая агрессия является результатом взаимодействия нейробиологических и социальных механизмов (см., например, беседу А. Гордона с Н. Н. Кудрявцевой о нейробиологических механизмах агрессии [Гордон 2005]).

Агрессия в среде животных выполняет ряд важных функций, среди которых этологи выделяют обеспечение изоляции группы в пределах одной популяции, противодействие проникновению чужих в определенное сообщество, формирование структуры популяции через установление иерархических отношений внутри группы. Таким образом, агрессивное поведение является необходимым условием выживания для животных.

Агрессия свойственна не только животным, но и человеку, поэтому причины и формы ее проявления в человеческом сообществе изучаются в социальной психологии, социологии, конфликтологии. При этом возможно сопоставление данных этологии с данными антропоцентрических наук. Интересно, что если агрессивное поведение животных признается необходимым условием выживания, то в человеческом обществе агрессия квалифицируется как антисоциальное явление, т. е. считается, что она не выполняет тех регулятивных функций, которые осуществляет в сообществах животных.

Исследователи говорят о том, что в современном обществе агрессия по своей природе может быть описана и как биологическое, и как социальное явление. В социальной психологии агрессия определяется как особый тип поведения, который может иметь различные формы выражения. Психологи и социологи, изучающие агрессию, отмечают наличие ряда трудностей в определении самого понятия агрессии. Р. Бэрон и Д. Ричардсон пишут, что зачастую под агрессией понимают открытое выражение негативных эмоций, но такая точка зрения неточна, поскольку агрессия не сводится только к проявлению эмоций.

Наиболее часто агрессия определяется исследователями как особая форма поведения, но и при таком понимании феномена агрессии оказывается достаточно трудно отграничить ее от интолерантного поведения или от выражения негативных эмоций. Это связано с тем, что термином «агрессия» исследователи обозначают самые разнообразные действия, как физические, так и вербальные. Можно найти несколько классификаций проявлений агрессивного поведения. Так, Р. Бэрн и Д. Ричардсон в качестве примера приводят классификацию А. Басса, который предложил все проявления агрессии разделить на два вида: физическую и вербальную агрессию. Оба вида агрессии могут иметь активную либо пассивную, прямую или непрямую форму. Таким образом, А. Басс выделяет восемь типов агрессии. Для нашего исследования представляет интерес его описание типов вербальной агрессии.

По мнению А. Басса, прямая активная вербальная агрессия выражается в прямом оскорблении или унижении человека; непрякая активная вербальная агрессия — в распространении клеветы или сплетен о другом человеке. Пассивные типы вербальной агрессии проявляются следующим образом: прямая — в отказе разговаривать с собеседником, непрякая — в отказе дать словесные пояснения или в отказе выступить в защиту человека, которого незаслуженно критикуют [Бэрн 2000]. Таким образом, язык как социально-психологическое явление естественным образом становится одним из возможных инструментов, а речь — каналом трансляции сигналов агрессивности.

На наш взгляд, с точки зрения коммуникации агрессию можно считать не просто формой поведения, но определенной коммуникативной стратегией. Чтобы убедиться в этом, обратимся к определению понятия коммуникативной стратегии: «коммуникативная стратегия говорящего состоит в выборе коммуникативных намерений, распределении квантов информации по коммуникативным составляющим и выборе порядка следования коммуникативных составляющих в предложении» [Янко 2001: 38].

Если применить это определение к вербальной агрессии, то агрессивное речевое поведение можно считать коммуникативной стратегией: очевидно коммуникативное намерение говорящего — желание оскорбить или унижить собеседника, установить доминантные отношения. Исходя из намерений, он осуществляет распределение информации в высказывании (отбор лексики, порядок слов, интонация и др.).

Для реализации коммуникативной стратегии агрессии языковая система определенным образом резервирует средства на различных

уровнях системы: отдельные лексемы или словосочетания приобретают негативный компонент значения (инвективы), определенные супрасегментные единицы реализуют эту стратегию в речи (например, повышение громкости или интонация, с которой произносятся речевые акты угрозы).

На прагматическом уровне тоже можно выделить определенные типы речевых актов, которые становятся конвенциональными средствами выражения агрессии (угрозы, упреки, замечания и др.).

Для понимания сути коммуникативной стратегии агрессии необходимо не только установить коммуникативные намерения агрессивно настроенного коммуниканта, но и обратиться к тем стратегиям общения, которые имеют общие черты с вербальной агрессией. На наш взгляд, одной из таких коммуникативных стратегий является интолерантность, т. е. открытое выражение нетерпимости по отношению к определенным группам людей или их отдельным представителям.

Возникает вопрос, можно ли считать интолерантность особой коммуникативной стратегией, отличной от вербальной агрессии. Если в определение коммуникативной стратегии включить еще два компонента — сферу использования стратегии и наиболее типичного адресата, то окажется, что интолерантность является особой стратегией общения, поскольку в данном случае легко определяется коммуникативное намерение говорящего — выражение негативного отношения к определенным группам людей или их отдельным представителям, желание продемонстрировать доминантные отношения. Данное намерение также диктует выбор языковых средств и прагматические характеристики высказывания. Поэтому интолерантность может быть определена как коммуникативная стратегия.

Получается, что интолерантность и агрессия имеют общую составляющую — желание оскорбить адресата высказывания, стремление подчеркнуть свое доминантное положение. Анализируемые коммуникативные стратегии являются конфликтными, поскольку конфликтное общение часто ассоциируется либо с сознательным стремлением причинить вред собеседнику, либо с негативными эмоциями, наличие которых у говорящего приводит его к агрессивным речевым действиям. И речевая агрессия, и интолерантные высказывания наносят психологический ущерб в первую очередь тому, против кого они направлены.

Несмотря на ряд общих черт, названные стратегии имеют и различия, и эти различия касаются сферы использования и адресата.

Во-первых, агрессия используется, как правило, в межличностном общении, а интолерантность — преимущественно в общественно-

политическом дискурсе. Отсюда следует, что адресат агрессивного высказывания — это, как правило, индивид, а интолерантность обычно направлена против групп людей с социальными характеристиками, отличными от характеристик говорящего.

Во-вторых, агрессия является способом воздействия на адресата с целью изменить его поведение, а интолерантность в большей степени связана с выражением негативных эмоций, которые вызывает у говорящего «инаковость» объекта высказывания, т. е. такие его социальные характеристики, которые, в отличие от поведения, изменить практически невозможно.

Наконец, отличительной чертой интолерантности является разделение общества на «своих» и «чужих» (основанием для подобного разделения может стать любая социальная или биологическая характеристика). Агрессия же может быть направлена как против «чужого», так и против «своего», если по каким-то причинам поведение адресата не удовлетворяет требованиям говорящего. Таким образом, в отличие от интолерантности вербальная агрессия часто проявляется и вне зависимости от шкалы «свой — чужой».

Отметим еще одно важное различие между этими коммуникативными стратегиями. Поскольку интолерантность, как правило, встречается в политическом, религиозном и других общественных дискурсах, эта коммуникативная стратегия усваивается только тогда, когда человек оказывается участником публичной коммуникации хотя бы в качестве слушателя и запоминает определенное количество стереотипов восприятия различных социальных групп. А вот с агрессией мы сталкиваемся гораздо чаще — в повседневном межличностном общении. К тому же агрессия в меньшей мере связана с усвоением социальных стереотипов восприятия окружающих, поэтому агрессия как коммуникативная стратегия усваивается гораздо раньше, и уже в речи маленьких детей можно услышать агрессивные высказывания:

А если ты у меня машинку заберешь, я тебя стукну, и тебя мой кот оцарапает (Максим, 4 года).

А кто сейчас не замолчит, тот выйдет из-за стола (Маша, 4 года, имитирует речь воспитателя).

Коммуникативная стратегия, как правило, вырабатывается в процессе социализации. Следовательно, существуют определенные механизмы научения вербальной агрессии. Мы рассмотрим только некоторые из них.

Хотя агрессия как особый тип поведения обусловлена и биологически, и социально, некоторые формы ее проявления усваиваются лишь

в ходе социализации. Нейробиологические исследования показывают, что в возникновении физической агрессии задействованы многие нейробиологические составляющие, а в ряде случаев физическая агрессия может быть следствием дисбаланса между механизмами возбуждения и торможения в головном мозге. Таким образом, физическая агрессия формируется в основном за счет биологических факторов и в определенных условиях может быть как спонтанной, так и преднамеренной. Что касается вербальной агрессии, то от физической она отличается тем, что является обычно преднамеренной, т. е. спланированной, и это еще раз доказывает, что мы говорим об особой коммуникативной стратегии. Умение использовать язык в качестве орудия «нанесения удара по противнику» приобретает ребенком в ходе социализации и становится частью коммуникативной компетенции. При этом интенсивность агрессивных действий зависит от того, насколько общество считает такую коммуникативную стратегию допустимой и есть ли какие-то «механизмы торможения» вербальной агрессии.

Попробуем проследить, каков механизм усвоения агрессивных речевых действий. Одним из источников информации о применении вербальной агрессии к собеседнику может стать семейное общение. Семья организована иерархически, поэтому члены семьи так или иначе проявляют отношения доминирования. Родители, пользуясь своим более высоким положением, нередко прибегают к психологическому давлению, которое выражается в том числе и через вербальную агрессию. Очень часто вербальная агрессия кажется взрослым кратчайшим путем достижения необходимого результата.

Родители нередко дают негативную оценку поведения ребенка с помощью сравнений:

Что ты руки в карманы засунул, как debil? (мать — сыну-подростку).

Карандаш она будет блестящий рассматривать! До сих пор как сорока! (бабушка — внучке).

Другой способ вербального агрессивного воздействия — выражение презрения к адресату или его действиям и последующее демонстративное прерывание коммуникации:

Девочка Поля, 9 лет, и бабушка делают домашнее задание по информатике.

Поля (кричит): — *Мы работаем в программе «Лого-миры»!*

Бабушка (кричит): — *Мне наплевать на твою программу! Тебе надо просто описать, как ты строишь угол!*

Поля (кричит): — *Нет! Тут написано «с помощью про-грам-мы!»*

Бабушка: — *У тебя так не выйдет.*

Поля (бурчит под нос): — *Выйдет.*

Бабушка (резко): — *Я тебя слушать больше не хочу.*

Коммуникант, избравший коммуникативную стратегию вербальной агрессии, часто не слышит, что пытается сказать собеседник, обрывает его реплики. Продолжение диалога бабушки и внучки после небольшой паузы является характерной иллюстрацией дальнейшего проявления агрессии со стороны взрослого:

Бабушка (резко): — *Я тебе говорю: пинешь «первое, второе, третье»!*

Поля (возмущенно): — *Да я...*

Бабушка (перебивает): — *Все!*

Психологи, исследующие проявления агрессии в обществе, указывают на то, что каждый раз агрессор, добиваясь быстрой победы, испытывает положительные эмоции, что, в свою очередь, стимулирует дальнейшее использование агрессии. Объект агрессии (в данном случае ребенок) тоже получает определенный социально-коммуникативный опыт — знание о том, как может вести себя тот, кто доминирует. Поэтому в общении между собой и в играх дети очень рано начинают использовать коммуникативную стратегию речевой агрессии:

1. Дети 3–4 лет, совместная игра, хозяин игрушек стремится объяснить правила игры, но гости его не слушают. Тогда мальчик пытается вербально установить отношения доминирования:

— *А кто сейчас не замолчит, тот получит по попе!*

2. Девочка, 9 лет, обнаруживает в своей школьной тетради «художества» четырехлетнего брата и с криком пытается его догнать и ударить:

— *Ах ты, маленький гадец! Ты у меня сейчас получишь!*

Бьет брата по попе, тот сквозь слезы:

— *А ты гадица, Поля, гадица!*

До сих пор мы рассматривали прямые проявления вербальной агрессии, однако говорящий может избрать и косвенный способ оскорбления собеседника и демонстрации своей доминантной позиции — иронию:

Ну конечно, ты у нас все знаешь, все умеешь! (мать — дочери).

Ну да, ты у нас тут самый умный! (учитель — ученику).

Это пусть другие как дураки английский язык учат! А Поле не надо! Зачем? Она ведь и так красивая, правда, Поля? (отец — дочери).

Таким образом, вербальная агрессия как коммуникативная стратегия является в большей степени социальным продуктом. Заметим также, что широкое распространение вербальной агрессии можно объяс-

нить еще и тем, что агрессор не испытывает страха перед возможным наказанием. Общество изобрело механизм наказаний за проявления физической агрессии (Уголовный кодекс), но подобного механизма контроля вербальной агрессии у нас нет.

Существуют отдельные попытки сделать публичную коммуникацию более толерантной (речь идет о политкорректной лексике, цель введения в дискурс которой изначально состояла в снижении негативной оценочности высказываний в адрес определенных социальных групп), более вежливой (с помощью речевого этикета). Но механизмов торможения вербальной агрессии в межличностной коммуникации практически нет.

Возникает вопрос о механизмах формирования толерантного поведения людей в обществе. Принципиальным является формирование установок толерантного общения и поведения у детей.

Исследования Е. Б. Чернышовой [2004] толерантного и нетолерантного речевого общения шестилетних детей показало, что шестилетние дети более терпимы к взрослым и менее чутки к ровесникам. Из этого следует, что формирование толерантного коммуникативного поведения детей должно происходить в условиях некатегоричного поведения взрослых и увлекательной деятельности со сверстниками путем подражания толерантному, нормативному поведению окружающих взрослых людей.

Толерантность формируется в коммуникативном поведении ребенка преимущественно подражательно, как отражение соответствующего поведения окружающих, но все более активно начинают играть роль объективные и субъективные факторы, которые должны направляться и регулироваться взрослыми в воспитательном процессе.

Толерантность ребенка формируется изначально по отношению к взрослым, но не по отношению к сверстникам, т. е. она имеет ярко выраженную вертикальную направленность. Взрослые же далеко не всегда толерантны в отношении детей. Толерантное поведение окружающих взрослых — вот среда формирования толерантного коммуникативного поведения ребенка.

Для формирования толерантного поведения и общения взрослых в настоящее время нет другого пути, кроме как разъяснение того, что такое толерантность и в чем преимущество толерантности перед интолерантностью и агрессией.

Необходимо проводить тренинги толерантного общения, а также развивать у взрослых навыки бесконфликтного обсуждения противоречий. Эффективной формой развития коммуникативной толерантно-

сти общения являются дебаты, в ходе которых участники получают навыки толерантного обсуждения тех или иных волнующих общество проблем.

По мнению американцев, именно практика самого широкого публичного обсуждения общественных вопросов позволила Америке решить острейшие расовые проблемы американского общества в 50–60-х годах, проблему неравенства оплаты труда мужчин и женщин, а также резко сократить (на 40 %) число курящих американцев.

В современных США дебатирование как учебный предмет включено в программу в школах (с 12 лет), а также во всех колледжах и университетах. В учебных заведениях есть специальный преподаватель, который называется *debate coach* — «тренер по дебатам», «дебатный тренер», существуют многочисленные учебные пособия, используется видеотренинг.

В классах, школах, образовательных округах, городах и штатах есть «дебатные команды» школ и других учебных заведений, которые участвуют в соревнованиях самых различных уровней — от классных и школьных до общенационального соревнования по дебатированию; лучшие команды и их участники не менее популярны в своих коллективах и городах, чем игроки в американский футбол. Кабельное и местное телевидение, телевидение штата часто передают по своим каналам дебаты по тем или иным местным вопросам, что еще более повышает общественную значимость дебатов, возлагает на их участников дополнительную ответственность за общественный резонанс проводимого ими обсуждения. Нередко после дебатов, которые всегда проводятся с участием зрителей и групп поддержки, зрители голосуют. Результаты голосования не имеют никакого обязывающего характера, они просто показывают участникам итог их работы, а также выявляют победителя, если это было соревнование.

Однако необходимо признать, что в современном российском обществе практически полностью отсутствует традиция и «техника» демократического всестороннего публичного обсуждения представляющих общественный интерес проблем в коллективах, дискуссионных клубах, учебных заведениях и в целом — на уровне рядовых граждан. Отсутствуют опыт таких обсуждений, общепринятые правила проведения таких мероприятий, единые требования к регламенту выступлений и ответам на вопросы, распределению ролей участников обсуждения и др. Нет традиции равного соблюдения регламента всеми участниками подобных дискуссий, независимо от должностного положения, нет привычки уважительно задавать вопросы и уважитель-

но отвечать на них по существу, нет требования неукоснительно соблюдать этические и риторические нормы ведения дискуссии.

Необходимо всячески пропагандировать идею устного публичного обсуждения общественно значимых проблем, а также обучать такому обсуждению начиная со школы. Ср. грубоватое, горькое, но, к сожалению, истинное замечание М. Жванецкого: «Знаете, в чем наша проблема? Вместо того чтобы сказать: “Что же вы, суки, делаете!”, мы говорим: “Что же они, суки, делают!”». Демократическое общество должно избавиться от этой проблемы.

Подчеркнем, что важнейшая особенность дебатов заключается в том, что во время их проведения *не спорят*, а:

- высказывают свою точку зрения, приводя аргументы;
- выслушивают оппонента не перебивая;
- задают оппоненту вопросы только с целью прояснить его позицию, не вступая с ним при этом в спор.

В дебатах нельзя критиковать, нельзя использовать фразы *Я не согласен*, *Вы не правы*, *Это неверно* и подобные, можно только ставить вопросы, а также приводить аргументы в поддержку своей точки зрения.

Существуют и используются различные модели и «форматы» дебатов, включая парламентские дебаты. Большинство подобных дебатов могут организовать и провести только хорошо подготовленные школьники или студенты. Это снижает их доступность для обычных учащихся, не позволяет всем получить навыки цивилизованного, толерантного обсуждения проблемы. Нами разработана упрощенная модель учебных дебатов, позволяющая подготовить дебаты за короткий срок и провести их с командами и участниками любого уровня. За основу была взята модель учебных дебатов, продемонстрированных в Воронежском университете в октябре 1997 года доктором Т. Панетто (США). Американская модель была модифицирована с учетом русских коммуникативных традиций и реальных условий российских учебных заведений. Модель приспособлена к регламенту одного академического часа, чтобы можно было провести дебаты и обсудить их результаты в течение 45 минут.

В ходе дебатов участники приобретают навыки коммуникативного общения. Формирование коммуникативной толерантности является наиболее доступным и простым, педагогически осуществимым путем формирования толерантности в российском обществе.

Ю. Е. Прохоров

Языковая личность

в коммуникативном пространстве:

к типологии толерантности

Уже трудно толерантно говорить о термине «толерантность». Несмотря на заявления исследователей о том, что понимание толерантности только начинает складываться в русском языковом сознании, частотность его употребления и в научной литературе, и в обиходе явно превзошла не только потребности, но — иногда — и просто здравый смысл. Но у нас ведь как: если «процесс пошел», то всегда и во всем должны быть «плюрализм» и «консенсус», — а это и есть свидетельство толерантности. Или свидетельство чего-то иного, столь же толерантного...

Слово «толерантность» изначально было медицинским термином: «Толерантность (от лат. *tolerantia* — терпение): 1) иммунологическое состояние организма, при котором он неспособен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена при сохранении иммунной реактивности к другим антигенам. Проблема толерантности имеет значение при пересадке органов и тканей. 2) Способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды» (СЭС 1981: 1348). Как показывают эти определения, толерантность, в сущности, характеризуется не только собственно терпением, но и умением организма приспосабливаться к чему-либо, что ему чуждо или является для него внешним вторжением. Именно на этой основе и развилось переносное значение: «3) Терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [Там же]. А переносное значение послужило основанием использования этого термина в других

дисциплинах — например, в теории коммуникации. Толерантность в широком смысле — это, с одной стороны, качество, «выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное» (НФЭ 2001), а с другой — «отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию» [Дьяченко, Кандыбович 1998].

Попытаемся использовать именно базовое, «медицинское» понимание термина «толерантность» в дальнейших рассуждениях.

I. Как справедливо отмечает О. А. Михайлова, слово «толерантность» многозначно, что позволяет определить его, «во-первых, как психологический феномен (душевное качество); во-вторых, как социальный феномен (отношения между личностями); в-третьих, как коммуникативный феномен (поведение личности)» [Михайлова 2004: 15]. Но это означает, в первую очередь, что толерантность — это и состояние, и деятельность, что она имеет и интровертивное (как «я» ощущаю себя по отношению к «они» — **и н т р о в е р т - т о л е р а н т н о с т ь**), и экстравертивное выражение (как «я» позиционирую себя по отношению к «они» — **э к с т р а в е р т - т о л е р а н т н о с т ь**).

Некоторым идеальным проявлением соотношения интровертивной и экстравертивной толерантности можно считать общение, при котором его участники не испытывают внутренней потребности к ее нарушению и не используют в деятельности средств, которые могут к этому привести (определим это проявление как **и н д и ф ф е р е н т - т о л е р а н т н о с т ь**).

Интровертивную толерантность как психологическое состояние личности можно, на наш взгляд, рассматривая именно ее как основание для качества деятельности вообще, определить по следующей шкале.

1. Аутизм-толерантность¹ — отсутствие внутренней потребности в напряженности, конфликте, агрессии в деятельности. (Одним из проявлений аутизм-толерантности является пофигизм.)

В ресторане пусто — четыре часа дня.

Посетитель у окна заказывает официантке. Оба — лет двадцати.

Он провожает ее взглядом: хорошая фигура.

Официантка приносит водку, яичницу и сигареты.

— Меня зовут Саша. А вас?

— Зачем?

Официантка приносит шашлык.

— Выпейте со мной, — говорит Саша.

— Нам нельзя.

— Одну рюмку. Выпейте, ей-богу...

— Спасибо; нам нельзя.

(Ей и без него доуки хватает. Ее мальчик ушел вчера. Она не спала. Плохо спала. Она переживает. Она покинута любимым. Флиртовать нельзя. А этот — ничего. Поэтому она раздражается. «Мне и без тебя доуки хватает», — думает она) (М. Веллер. В ролях).

2. Мазохизм-толерантность² — осознанное подавление имеющегося внутреннего стремления к нетолерантной деятельности.

Возле камина — маленькая дверь в стене, как в каморке у папы Карло. Морис открыл эту дверь, и я увидела высокий кованый стеллаж, на котором были сложены березовые поленья. Поленья сложены не как, пошло, а рисунком. Кто-то их выкладывал. Наверное, для этого существовал специальный человек.

Я посмотрела на аккуратные чурочки, и у меня потекли слезы.

В это время Морис перенес дрова в камин и поджег. Пламя быстро и рьяно охватило поленицу. Значит, дрова были сухие.

Я смотрела на огонь. Слезы текли независимо от меня. Может быть, мне стало жалко чемодана? А может быть, я оплакивала свою жизнь — жизнь Золушки, не попавшей на бал. Морис и Мадлен ругаются, выясняются, а за стеной, выложенные буквой «М», лежат и сохнут березовые чурки. Они даже пропадают на фоне бескрайней территории, бирюзового бассейна и кремовых роз. И пюре из шпината.

Я плакала весьма скромно, но мои слезы были восприняты как грубая бестактность. Меня пригласили, оказали честь, накормили изысканной едой, а я себе позволяю.

Плакать — невежливо. Если у тебя проблемы — иди к психоаналитику, плати семьдесят долларов, и пусть он занимается тобой за деньги.

Если бы я заплакала в русском доме, меня бы окружили, стали расспрашивать, сочувствовать, давать советы. Обрадовались бы возможности СО-участия. Все оказались бы при деле, и каждый нужен каждому.

А здесь — все по-другому. Морис нахмурился и отвернулся к огню. Мадлен отошла, ее как бы отозвали хлопоты гостеприимной хозяйки, Шарль и Франсуаза сделали вид, что ничего не произошло. Ну совсем ничего (В. Токарева. Из жизни миллионеров).

Экстравертивная составляющая понятия толерантности может, на наш взгляд, также проявляться по меньшей мере двояко (с учетом ее взаимосвязи с интровертивной составляющей как первопричиной).

1. Садизм-толерантность³ — осознанная толерантная вербальная и невербальная деятельность при явном нетолерантном состоянии личности или осознанно нетолерантная вербальная или невербальная деятельность, которая, по мнению исполнителя, не будет восприниматься участником общения как нетолерантная.

Доброе утро, Юрий Алексеевич, — слышится через селектор контрольного главного хранителя. — Если Вас не затруднит, Юлия Борисовна, — ведя свою партию осторожно и точно, потому что с женщиной, говорящей на шести языках и переписывающейся со всеми крупнейшими западными художниками, только так и можно, ибо в характере у нее не может угнестись ни подозрительность, ни ненависть, ни мстительность — пустой характер! — а лишь фантастический интерес к искусству и той особи животного мира, которая называется «человек», — если Вам, Юлия Борисовна, не трудно, попросите ко мне Ростислава Николаевича. <...> Здесь я на него почти закричал. Он никогда не слышал, чтобы я кричал. Я не умею кричать. Это последнее оружие, и я знаю, что на окружающих, привыкших к моему тихому, выработанному многолетней привычкой сдерживаться, интеллигентному, мягкому голосу, это действует оглушительно. Здесь тоже есть свой механизм... Мои последние слова — в приемной тихая паника, секретарша из всех сил лупит по машинке, чтобы заглушить несущийся из кабинета крик, — мои последние слова еще не затихли... а глаза уже смеялись, я улыбался, я ликовал... (С. Есин. Имитатор).

2. Аффект-толерантность⁴ — осознанное стремление к нетолерантной деятельности, связанное или с нетолерантным интровертивным состоянием, или с экстравертивными нетолерантными условиями деятельности.

— Хо-ррро-шо! Верно?

— Да.

— А я, брат, так вот лежу и думаю: что будет, если я помру?

— Что будет? — хладнокровно усмехнулся Неизвестный человек. — Землетрясение будет!.. Потоп! Скандал!.. Ничего не будет!!

— Я тоже думаю, что ничего, — подтвердил Надькин. — Все тоже сейчас же должно исчезнуть: солнце, земной шар, пароходы разные — ничего не останется!

Неизвестный человек поднялся на одном локте и тревожно спросил:

— То есть... Как же это?

— Да так. Пока я жив, все это для меня и нужно, а раз помру, на кой оно тогда черт!

— Постой, брат, постой... Что это ты за такая важная птица, что раз помрешь, так ничего и не нужно?

Со всем простодушием настоящего эгоиста Надькин повернул голову к другу и спросил:

— А на что же оно тогда?

— Да ведь другие-то останутся?!

— Кто другие?

— Ну, люди разные... Там, скажем, чиновники, женщины, министры, лошади... Ведь им жить надо?

— А на что?

— «На что, на что!» Плевать им на тебя, что ты умер. Будут себе жить, да и все.

Чудак! — усмехнулся телеграфист Надькин, нисколько не обидясь. — Да на что же им жить, раз меня уже нет?

— Да что ж они, для тебя только и живут, что ли? — с горечью и обидой в голосе вскричал продавец ленкоранских лесов.

— А то как же? Вот чудак — больше им жить для чего же?

— Ты это... серьезно?

Злоба, досада на наглость и развязность Надькина закипели в душе Неизвестного. Он даже не мог подобрать слов, чтобы выразить свое возмущение, кроме короткой мрачной фразы:

— Вот сволочь!

Надькин молчал.

Сознание своей правоты ясно виднелось на лице его.

— Постой, постой! — вдруг горячо замахал руками Неизвестный человек. — А я, что ж, по-твоему, если умру... Если раньше тебя, тоже все тогда исчезнет?

— Зачем же ему исчезать, — удивился Надькин, — раз я останусь жить? Если ты померешь, — значит, помер просто, чтобы я это чувствовал и чтоб я поплакал над тобой.

И, встав с земли и стоя на коленях, спросил ленкоранский лесоторговец сурово:

— Значит, выходит, что и я только для тебя существую, значит, и меня нет, ежели ты на меня не смотришь?

— Ты? — нерешительно промямлил Надькин.

В душе его боролись два чувства: нежелание обидеть друга и стремление продолжить до конца, сохранить всю стройность своей философской системы.

Философская сторона победила.

— Да! — твердо сказал Надькин. — Ты тоже. Может, ты и появился на свет для того, чтобы для меня достать кулич, курицу и водку и составить мне компанию.

Вскочил на ноги ленкоранский продавец... Глаза его метали молнии. Хрипло вскричал:

— Подлец ты, подлец, Надькин! Знать я тебя больше не хочу!! Извольте видеть, мать меня на что рожала, мучилась, грудью кормила, а потом беспокоилась и страдала за меня?! Зачем? Для чего? С какой радости?... Да для того, видите ли, чтобы я компанию составил безработному телеграфистишке Надькину? А?!.. Для тебя? Провались ты: не товарищ я тебе больше, чтоб тебе лопнуть!

Нахлобучив шапку на самые брови и цепляясь полуоторванной подметкой о кочки, стал спускаться Неизвестный человек с пригорка, направляясь к горodu.

А Надькин печально глядел ему вслед и, сдвинув упрямо брови, думал по-прежнему, как всегда он думал: «Спустится с пригорка, пойдет за перелесок и исчезнет... Потому, раз он от меня ушел, зачем ему существовать? Какая цель? Хо!»

И сатанинская гордость расширила болезненное, хилое сердце Надькина и освещала лицо его адским светом (А. Аверченко. Телеграфист Надькин).

Проявление собственно экстравертивной толерантности зависит, кроме ее интровертивной первопричины, как справедливо отмечают многие исследователи, от целого ряда параметров общения (см., например: [Крысин 2004: 27–32]).

С точки зрения «я-состояния» можно характеризовать аутизм-толерантность и садизм-толерантность как комфорт-толерантность, мазохизм-толерантность и аффект-толерантность — как дискомфорт-толерантность.

II. Толерантность может проявляться (или не проявляться) не только на уровне личностного состояния или личностной деятельности, но и на уровне более высоком — на уровне реализации языковой личности в процессе ее деятельности в различных коммуникативных пространствах. Под коммуникативным пространством нами понимается совокупность сфер речевого общения, в которой определенная языковая личность может реализовать в соответствии с принятыми в данном социуме языковыми, когнитивными и прагматическими правилами необходимые потребности своего бытия [Прохоров 1999].

Понятие коммуникативного пространства использует в своих работах и Б. М. Гаспаров, понимая под ним «...мысленно представляемую среду, в которой говорящий субъект ощущает себя всякий раз в процессе языковой деятельности и в которой для него укоренен продукт этой деятельности». «Понятие КП представляется мне более широким, чем жанр; оно включает в себя, наряду и вместе с собственно жанровой характеристикой, такие свойства языкового сообщения, как его “тон”, предметное содержание и ту общую интеллектуальную сферу, к которой это содержание принадлежит; оно включает в себя также коммуникативную ситуацию, со всем множеством непосредственно наличных, подразумеваемых и домысливаемых компонентов, из которых складывается представление о ней каждого участника. Важную сторону КП составляет представление автора сообщения о реальном или потенциальном партнере, к которому он обращается, его интересах и намерениях, о характере своих личных и языковых взаимоотношений с ним. Наконец, свой вклад в КП вносит само-

сознание и самооценка говорящего, представление о том, какое впечатление он сам и его сообщение должны производить на окружающих» [Гаспаров 1996: 295–296].

Необходимо отметить и предлагаемое И. В. Шалиной понятие «коммуникативно-культурного пространства», под которым понимается заключенное в определенные географические, темпоральные, социальные границы общение, которое вырабатывает речевые, поведенческие, жанровые и другие стандарты, определяет речевую иерархию, доминирующий тип речевой культуры и формы взаимодействия с другими типами речевых культур. Коммуникативно-культурное пространство предполагает культурно-речевое взаимодействие членов социальной группы, характеризующееся своим хронотопом, речевой и социокультурной гомогенностью, обуславливает приверженность определенным речевым и поведенческим шаблонам и отражает нечто общее, типичное для членов группы в конкретных локальных проявлениях их культурно-речевого взаимодействия [Шалина 1998: 4]. «Речеповеденческие шаблоны» мы уже определяли в общем плане как национальные социокультурные стереотипы речевого общения — социокультурно маркированные единицы ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемые в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения [Прохоров 1997: 98].

Языковая личность в реальном общении реализуется как личность речевая, соблюдающая определенные когнитивно-прагматические правила, установленные в коммуникации данного лингвокультурного сообщества. При этом каждая речевая личность обладает соответствующим репертуаром умений и навыков. Любой носитель языка, не переставая быть языковой личностью, тем не менее не обладает умением вступать в речевое общение во всех коммуникативных пространствах — аналогично тому, как ни один носитель языка практически не владеет всей совокупностью языковых единиц, составляющих лексикон данного лингвокультурного сообщества. Это неумение может проявляться в ряде параметров, например:

— незнание необходимых для достижения когнитивно-прагматических целей общения языковых единиц (причем не только терминологии или профессионального жаргона, сленга и т. п.);

— незнание когнитивных аспектов речевого общения в данном коммуникативном пространстве (на уровне концептов, постулатов и т. п.);

— незнание прагматических правил достижения результатов общения в данном коммуникативном пространстве.

В качестве примера рассмотрим две ситуации речевого общения из романа Б. Акунина «Алтын-Толобас». Герой романа Николас имеет русские корни, он изучал русский язык на родине. Владея русским языком практически свободно, т. е. будучи русской языковой личностью, как речевая личность он может реализовывать себя в коммуникативном пространстве обиходно-бытового общения. Однако как носитель коммуникативного поведения другой лингвокультурной общности он регулярно нарушает когнитивные и прагматические условия бытового общения или неадекватно воспринимает их. С другой стороны, у него есть приобретенные знания о том, каким должно быть речевое общение в ряде других коммуникативных пространств:

Спортивные молодые люди обнаружили в шестом купе четвертого вагона, соседнего с Николасовым. Ехали вдвоем, шлепали по столу замусоленными картами. На столе стояли пивные бутылки.

— Это тот самый костюм, — показал Николас лейтенанту на синий рукав с белой полосой. — Я уверен.

— Документики предъявим, — строго приказал милиционер. — И вещички тоже. Имею заявление от иностранного гражданина.

Тот, что постарше, развел руками:

— Какие вещички, командир? Мы с Серегой в Неворотинской сели, в Пскове сходим. Во, гляди — два леца в кармане, сигареты.

Следовало отдать лейтенанту Вале должное: в явное нарушение прав личности и должностных инструкций он обыскал и купе, и даже самих молодых людей, но кроме двух вяленых рыббин, пачки LM, подсолнечных семечек и мелочи ничего не обнаружил.

— Ну чего? — спросил Валя в коридоре. — Дальше пойдем или как?

— Я знаю! — воскликнул Николас. — Они в сговоре с проводником из моего вагона! И вещи наверняка тоже у него! А в Пскове он им передаст украденное, и они сойдут.

— Не, — отрезал милиционер. — Проводника шмонать не буду, себе дорожке. — И, подумав, присовокупил: — Без ордера не положено. Вы вот что, мистер. Пишите заявление, а после мне в третий поднесете. Пока.

И Николас остался один, кипя от бессильной ярости.

Время, время было на исходе! До остановки в Пскове оставалось не более четверти часа. Можно было, конечно, занять пост в тамбуре и попытаться застичь подлого проводника с поличным — когда будет передавать добычу сообщникам. Но что если у них придумано иначе? Скажем, сунет через открытое окно кому-то, кто заранее дожидается на перроне, а Николас так и будет торчать в тамбуре.

Думай, думай, приказал себе магистр. Упустишь письмо Корнелиусу — большие его не увидишь. И никогда себе этого не простишь.

Подумал минут пять, и появилась идея.

Еще минут пять ушло на перелистывание фольклорного блокнота и заучивание некоторых аргоизмов из раздела «Маргинальная лексика».

Когда в окне зачастили желтые огни, давая понять, что поезд въезжает в пределы немаленького города, Фандорин без стука распахнул дверь служебного купе, вошел внутрь и наклонился над сидящим проводником.

— Ну что, мистер, отыскал барахлишко? Да ты пошукай получше. Может, сам куда засунул да забыл. С этого дела бывает. — Наглец щелкнул себя по горлу и спокойно улыбнулся, кажется, совершенно уверенный в своей безнаказанности. — Видите-ка, гражданин. К станции подъезжаем. Гоу, гоу, шинель!

Николас положил неприятному человеку руку на плечо, сильно стиснул пальцы и произнес нараспев:

— Борзеешь, вша поднарная? У папы крысячишь? Ну, смотри, тебе жить. [«Борзеть» = терять чувство меры, зарываться; «вша поднарная» (оскорб.) — низшая иерархия тюремных заключенных; папа = уважаемый человек, вор в законе; «тебе жить» (утрож.) = тебе не жить.]

Произведенный эффект был до некоторой степени схож с реакцией мистера Калинкинса на исполнение англичанином песни о Родине, только, пожалуй, раз в двадцать сильнее. Николас никогда не видел, чтобы человек моментально делался белым, как мел, — он всегда полагал, что это выражение относится к области метафористики, однако же проводник действительно вдруг стал совсем белым, даже губы приобрели светло-серый оттенок, а глаза заморгали часто-часто.

— Братан, братан... — зашлепал он губами и попытался встать, но Фандорин стиснул пальцы еще сильнее. — Я ж не знал... В натуре не знал! Я думал, лох заморский. Братан!

Тут вспомнилась еще парочка уместных терминов из блокнота, которые Николас с успехом и употребил:

— Сыскан тебе братан, сучара. [«Сыскан» = сотрудник уголовного розыска, шире — милиционер; «сучара» (презр.) = вор, поддерживающий контакты с милицией.]

Здесь важно было не сфальшивить, не ошибиться в словоупотреблении, поэтому Николас ничего больше говорить не стал — просто протянул к носу злодея раскрытую ладонь (другую руку по-прежнему держал у него на плече).

— Ну?

— Шас, шас, — засуетился проводник и полез куда-то под матрас. — Все целое, в лучшем виде...

Отдал, отдал все, похищенное из кейса: и документы, и портмоне, и ноутбук и, самое главное, бесценный конверт. Заодно вернул и содержимое бумажника мистера Калинкинса.

Ведьмовской лес дрогнул перед решимостью паладина и расступился, пропуская его дальше.

Можно было объяснить свершившееся и иначе, не мистическим, а

научным образом. Профессор коллоквиальной лингвистики Розенбаум всегда говорил студентам, что точное знание идиоматики и прецизионное соблюдение нюансов речевого этикета применительно к окказионально-бытовой и сословно-поведенческой специфике конкретного социума способно творить чудеса. Поистине лингвистика — королева гуманитарных дисциплин, а русский язык не имеет себе равных по лексическому богатству и многоцветию. «Ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — думал Николас, возвращаясь в купе. — Нельзя не верить, чтобы такой язык не был дан великому народу».

Из примера видно, как в процессе речевого общения происходит выбор вербально-семантических единиц, «пригодных» — т. е. толерантных для данного коммуникативного пространства, исходя из имеющегося знания когнитивно-прагматических его параметров. Причем это знание минимально, далеко не полностью соответствует знанию той речевой личности, которая может реально обеспечить свое бытие в данном пространстве, поэтому и совокупность вербальных единиц ограничена — однако ее, в принципе, хватает для достижения целей общения⁵.

Говоря о многопространственном либерализованном языке сегодняшнего русского речевого общения, В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова отмечают: «Определенное настроение общества, изменившаяся его структура, новая модель поведения людей, иной общественный вкус и мода ведут к сознательному видоизменению литературно-языковых норм и ослаблению их системы в целом... Ищутся языковые варианты, которые были бы противопоставлены кодифицированным, кажущимися тусклыми нормам литературного выражения... В качестве общей тенденции карнавальных перемен выступает смещение или даже снятие границы между отдельными сферами общения и вытекающая отсюда нивелировка разных типов речи» [Костомаров, Бурвикова 1997: 23]. Это смещение в современной коммуникации и позволяет русской языковой личности реализовывать себя как личности речевой в значительно большем количестве коммуникативных пространств. С одной стороны, такая возможность обеспечивается постоянным наличием некоторого «речевого фона» этих пространств в современном общении представителей данной лингвокультурной общности: отдельные компоненты вербально-семантического уровня, некоторые концепты когнитивной составляющей, определенные элементы прагматики общения представлены в средствах массовой информации и современной литературе, узнаются в процессе вынужденного сегодня межстратного общения. С другой стороны, вынужденность

этого межстратного общения усугубляется тем, что, по справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, «смена культур (в частности, в эпохи социальных катаклизмов) сопровождается обычно резким повышением семиотичности поведения» [Лотман и др. 1971: 145]. Оторванность в новой социальной среде «я-образа» от привычной поддержки «мы-образа» заставляет речевую личность придавать большее значение овладению новым «мы-образом», чем защите старого «я-образа»: при вынужденности межстратного речевого общения необходимо овладеть определенными единицами, обеспечивающими контакт, научиться толерантно пользоваться элементами нового коммуникативного пространства. Естественно, что наиболее доступным является овладение именно элементами вербально-семантической составляющей этого нового пространства, так как речь чаще всего идет не о полноценной потребности «обеспечения бытия», а о потребности поддержания минимально необходимого речевого общения.

«Большинство реально существующих языковых стилей представляют собой сложные, комбинированные стилевекторы, в которых, тем не менее, всегда можно выделить вектор-доминанту. Стилистическая доминанта определяется не столько “произволом” стилетворцев, сколько духом, господствующим умонастроением эпохи, т. е., по сути дела, культурно-биосферными факторами. В истории языковых стилей отчетливо наблюдаются сменяющие друг друга стилистические потоки. Существуют закономерности переходов одних стилепотоков в другие, как правило, в противонаправленные» [Елистратов 1996: 5].

Тогда так. Остановить машину. В путеводителе сказано, что в Москве мало такси, но зато развит частный извоз. За небольшие деньги, долларов за пять, можно на попутной машине доехать с окраины до центра. А там взять настоящее такси, и в Шереметьево.

Оглянувшись (по-прежнему никаких признаков слежки), Николас стал дожидаться попутку. Как назло, мимо ехали одни грузовики. Ну, естественно — скоро конец рабочего дня.

Наконец из-за угла вылетел ярко-алый спортивный автомобиль. Николас вскинул было руку и тут же опустил. Зачем владельцу такого шикарного экипажа пять долларов?

Но «ягуар» бесшумно затормозил у тротуара. С деликатным жужжанием сползло вниз тонированное стекло.

За рулем сидел викинг с золотистыми волосами до плеч и коротко стриженной бородкой. Васильковые глаза взирали на магистра с веселым недоумением.

— Елки-моталки, живой бритиш. Только котелка с зонтиком не хватает. В Бескудниках! What are you doing here, dear sir?

— Я, собственно, хотел добратсья до Шереметьева, — пробормо-

тал Фандорин, встревоженный тем, что в нем с первого взгляда виден британец.

— Не бритиш, но крутой укос под бритиша, — констатировал нордический красавец. — Ценю мастерство. Садитесь, сэр, подкину до Хаммера. А там вас до Шере-мать-его любой водила за полтинник доставит.

Машина кошачьей породы вкрадчиво взяла с места, Николаса мягко вжало в дружескистую спинку кресла.

Викинг с любопытством обернулся к нему и хотел что-то сказать, но тут заиграл марш Мендельсона (Николас читал в газете, что русские обожают устанавливать музыкальные сигналы на мобильных телефонах), и начало беседы было отложено.

— Я, — сказал блондин.

Потом, после паузы, резко произнес:

— Мало ли что Черномор сказал. Вы, Леонид Робертович, лицензию обещали? Обещали. Бабки скушали? Скушали. Отвечайте за базар, или же, выражаясь интеллигентно, исполняйте взятые на себя обязательства... Вот это другой разговор... Значит, завтра коллегия министерства? Ну, буду ждать. И учтите, это ваша заморочка, не моя. Ауф видерхерен.

Николас знал, что «Черномором» в чиновничьих и деловых кругах России называют самого премьер-министра, и взглянул на хозяина машины с особенным интересом. Кто он такой, если ему и глава правительства не указ? Какой-нибудь крупный промышленник или лоббист?

...Снова заиграл свадебный марш.

— Я, — снова произнес в трубку новорусский мачо. —... Ты че, Толян, с клубники упал, как Мичурин?... Ага, щас. Нашел терпилу... Какие, блин, реутовские? Че ты мне гонишь?... Рамсы развести проблем нет, только не плачь потом... Ладно, Толян, забили.

Этот разговор велся совсем в иной манере, чем предыдущий. Теперь Николас и вовсе ничего не понял. Правда, выражение «развести рамсы» в блокноте имелось. На криминальном аргоне означало «уладить конфликт». Выходит, этот человек не политик и не бизнесмен, а уголовник?

На сей раз викинг швырнул трубку на приборную доску довольно сердито и процедил: «Козлина дешевый». Но тут же вспомнил о попутчике, белозубо улыбнулся ему и сказал:

— Пардон. Познакомиться не дают. Блейзер из «Харродса»? Рукав порван, видели?

— Да, благодарю. Я вчера неудачно упал... — тоже улыбнулся Николас. — Наверное, теперь придется выкинуть...

Вдруг водитель поправил зеркало заднего вида, коротко обернулся назад и перебил:

— Э, сэр, да у нас с вами хвост. Ваш или мой? Меня сейчас вроде бы пасти некому.

Фандорин тоже оглянулся и увидел близко, в каких-нибудь двадцати

ярдах, светло-зеленый джип «нива». За рулем сидел человек в очках, с соломенным чубом. Шурик!

— Это мой, — быстро сказал магистр, и сердце у него заколотилось быстро-быстро. — Послушайте, я не хочу подвергать вас опасности. Высадите меня. Или... — Он взглянул на викинга, тихо закончил: — Или просто прибавьте газу. С вашим двигателем мы от него легко оторвемся.

Сказал — и покраснел, потому что просить о такой опасной услуге совершенно незнакомого человека было недостойно, стыдно. Но ужас, всколыхнувшийся откуда-то из темных подземелий души, был сильнее всех прочих чувств...

— Нет, не нужно прибавлять газу, — сказал он. — Высадите меня. Это моя... заморочка, не ваша.

Викинг включил сигнал поворота и вырулил направо, в переулок.

— На газ жать не буду, — сказал он, поглядывая в зеркало. «Нива» держалась на той же дистанции. — Нарушать ограничение скорости некрасиво. Это во-первых. Высаживать вас я тоже не буду, потому что моя тачка — все равно что мой дом. Значит, вы у меня в гостях, а своих гостей я не сдаю. Это во-вторых. Ну, и в-третьих... — Он повернул еще раз, под знак «тупик». — Я кошмарно самолюбивый. Какого хрена этот урод на мне повис?..

На первом же светофоре Соловьев протянул руку:

— Начнем церемонию официального представления. Влад Соловьев. Фандорин, запнувшись, назвал так:

— Нико... Николай Фандорин.

— Интересный ты человек, Коля. Просто лом у меня на интересных людей, нет мне от них никакого жистья. Ты не пузырься, претензия не к тебе, а к Господу Богу. Извини, конечно, за праздное любопытство, но кого мы с тобой урыли? — Он искоса взглянул на мучнисто-белое лицо магистра истории. — По виду и прикиду ты не из деловых. Выражаясь языком дворов и мусоров, чистый ботаник. Скажи мне, ботаник Коля, как ты до жизни такой дошел, что за тобой матерые волчары с девяносто третьими «береттами» гоняются?

Очень захотелось все рассказать этому смелому, бесшабашному парню, да и долг признательности вроде бы не позволял скрытничать. Но, с другой стороны, впутывать в свои невеселые дела постороннего было бы безответственно. <...> Страшный Шурик мертв, но Алтын говорил, что у него должен быть хозяин...

Соловьев выждал с полминуты, пожал плечами:

— Не хочешь — не говори. Имеешь право. Ты мне, Коля, жизнь спас. Если б ты не грохнул этого кошмарика, он бы мне точно кирдык сделал.

— Понимаете... — волнуясь, начал Фандорин. — Понимаешь, Влад, я не уверен, что имею права втягивать тебя в эту историю... Она такая мутная, запутанная. Я бы даже сказал, таинственная. И очень опасная.

— Опасная — хрен бы с ним, не привыкать, а вот чужих тайн не люблю, — поморщился Влад. — Свои девать некуда. Ты скажи, тебе зачем в Шереметьево надо? Хочешь дернуть из ЭрЭф в солнечную Анталию или гостеприимную Чехию? Устал от своих корешей, хочешь от них отдохнуть? Понимаю тебя, Коля — особенно если все они вроде этого сеньора. Может, есть проблемы? Я помогу. Как теперь говорят, долг платежом зелен. — Он коротко хохотнул и перешел на серьезный тон. — Ксива, виза — проблем нет. За сутки сделаю. Учесывай хоть в Новую Зеландию.

— Спасибо, не нужно. Документы у меня есть.

Николас достал из кармана свой паспорт, показал.

Влад открыл красно-золотую книжечку, заглянул в нее, присвистнул.

— Так ты в натуре бритиши. Ну, дела. Все равно, Коля, с Шереметьевым лучше обождасть. Если тебе захватиться негде — проси политического убежища у Владика. Выручу. Давай, Коля, заказывай музыку — Влад Соловьев исполнит. Для нашего друга из солнечного Альбиона прозвучит патриотическая песня «Не нужен мне берег турецкий».

И правда запел — красивым, звучным баритоном: А я остаюсь с тобой, родная моя сторона, не нужно мне солнце чужое, и Англия мне не нужна!

Фандорин молчал, растроганный и впечатленный. Ход его мыслей был примерно таков.

Все-таки в словах Достоевского о всемирной отзывчивости русской души есть великая и неоспоримая правда. Взять хоть этого Владика — казалось бы, маргинальный тип, по западным меркам просто разбойник, а сколько отзывчивости и душевной широты в этом новорусском флибустьере! Как тут не вспомнить взаимоотношения Петруши Гринева с кровавым и великолепным Пугачевым. Тот тоже за заячий тулупчик отблагодарил без меры и счета, безудержный в добре так же, как в зле. Вот каких типажей рождает русская земля! Тут и красота, и мощь, и бесшабашность, и душевное благородство — при абсолютном пренебрежении к закону и нормам общественной морали. Ведь только что всадил человеку в голову три пули, а ни малейших признаков рефлексии — сидит, поет.

— Мы с тобой, Влад, человека убили, — тихо сказал Николай. — И ни о чем другом я сейчас думать не могу.

...Па-па-па-пам! Па-па-па-пам! — записал свадебный марш, в десятый, если не в пятнадцатый раз за вечер. Николаса не уставало поражать, как по-разному разговаривает Соловьев со своими невидимыми собеседниками: то на малопонятном, но интригующем блатном жаргоне, то с изысканными речевыми оборотами (вроде «не сочтите за труд» и «буду вам бесконечно признателен»), то по-английски, то по-немецки, то вовсе на каком-то тюркском наречии.

Ренессансный тип, Бенвенуто Челлини, думал Николай, любясь тем,

как артистично Влад опрокидывает стопку и одновременно слушает телефон.

Как следует из примера, русская языковая личность действительно обладает широким спектром толерантной реализации в различных коммуникативных пространствах своих различных речевых личностей, и именно это вызывает неоднозначную реакцию той языковой личности, которая подобным набором не обладает и предъявленные варианты общения не может рассматривать как всегда толерантные.

Таким образом, структура толерантности как некоторого концепта⁶ может быть охарактеризована по нескольким параметрам, которые реализуются в зависимости от когнитивно-прагматических условий общения.

¹ Аутизм (от греч. *autos* — сам), состояние психики, характеризующееся преобладанием замкнутой внутренней жизни, утратой контакта с действительностью и интереса к реальности, отсутствием стремления к общению, скудостью эмоциональных проявлений (НИЭС 2001: 58).

² Мазохизм — упорное желание растравлять собственные обиды, душевную боль и другие неприятные ощущения (Там же: 422).

³ Садизм — стремление к жестокости, наслаждение чужими страданиями (Там же: 633).

⁴ Аффект (от лат. *affectus* — душевное волнение, страсть) — состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, снижающее способность лица понимать значение своих действий или руководить ими (Там же: 60).

⁵ Именно по этой модели чаще всего, на наш взгляд, и строится реализация языковой личности как речевой личности в периферийных, но необходимых для ее реального существования актуальных (для данного момента коммуникации в данном лингвокультурном сообществе) коммуникативных пространствах.

⁶ Концепт — сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении (см.: [Прохоров, 2004]).

Е. А. Земская

Факторы, определяющие действие толерантности в сфере коммуникации

Что такое толерантность? До сих пор еще не выработано общепринятого определения этого важного для многих наук понятия (см., например: [Хомяков 2003; Йокояма 2003 и др.]). С собственно лингвистической точки зрения толерантность — это специфическая категория, влияющая на механизмы речевой коммуникации. Представляется, что толерантность теснее всего связана с вежливостью (см.: [Земская 1994; 1997; 2004]).

Толерантность, безусловно, противопоставлена агрессии. В оппозицию «толерантность — агрессия» вовлекается третий член — **нейтральный**; условно его можно определить как равнодушие (Р.). Образуется трехчленный ряд, характеризующий направления коммуникативного поведения: «толерантность — равнодушие — агрессия».

Толерантность нередко отождествляют с терпимостью. Данное отождествление не представляется правомерным (см. об этом: [Михайлова 2003: 105–106]). Как уже было отмечено, категория толерантности пересекается с категорией вежливости (КВ). Общими для обеих категорий являются такие составляющие, как компромисс, примирение, благожелательность, уступчивость (ср.: [Михайлова 2003: 110]). Толерантность не входит в область бессознательного. Напротив, она непременно связана с коммуникативным **намерением** говорящего. Толерантность обнаруживается и в поведении человека, и в том, как протекает коммуникация. Толерантность связана с **речью**, а не с языком. Поэтому нельзя говорить о толерантности / нетолерантности отдель-

ных уровней и элементов языка, например грамматики, фонетики, словообразования. Так, не может быть толерантным тот или иной звук, морфема или словообразовательный тип. Нельзя согласиться с формулировками типа «толерантность русского словообразования» (см.: [Попова 2003: 134–154]; ср.: [Земская 2002a]). Те или иные словообразовательные модели охватывают внутренние механизмы языка и не касаются характера **речевого поведения** человека, его коммуникативных намерений. Обратимся к собственно коммуникативным параметрам толерантности.

Сущность толерантности ярко проявляется при изучении межнациональных и межкультурных связей. Очевидно, что специфика национальной культуры влияет на характер коммуникации, принятый в обществе. Охватывает ли специфика коммуникации **всех людей** нации? Вероятно, нет. Несомненно, однако, существование **типических** черт поведения, свойственных людям, входящим в ту или иную национальную общность. Финны молчаливы и редко употребляют собственное имя собеседника (см.: [Стернин 2000]). Французы и итальянцы — разговорчивы. У французов шире распространены формулы благодарности, чем у других народов. Можно привести и много других фактов различий (см., например: [Kerbrat-Otéchioni 1996; Земская 1997; Павловская 1998; Прохоров, Стернин 2002; Ларина 2003]). Рассмотрим более подробно толерантное / интолерантное коммуникативное поведение русских и англичан.

Англичанам свойственны прямота, холодная вежливость, которую иногда называют ханжеством. В данном исследовании для сравнения коммуникативного поведения русских и англичан привлекаются разные материалы, в частности очерки Анатолия Адамишина, который два года (1994–1996) возглавлял посольство России в Великобритании и жил в Лондоне. Эпиграфом к своим очеркам Адамишин берет такие слова: «Английское ханжество — светлое будущее человечества». Автор поясняет свой тезис: «Ханжество хвалю потому, что его эквивалент в положительной половине лексического спектра есть терпимость. Да, да, терпимость».

Почему Адамишин сопоставляет терпимость и ханжество? Потому что ханжество соседствует с терпимостью. «Кто объяснит, почему на протяжении столетий англичане не убивают друг друга? Почему у них гражданские войны остались далеко в прошлом и страна не знает разрушений от рук людей, населяющих ее? Почему памятники у них воздвигнуты и королям, и тем, кто казнил королей, и тем, кто казнил тех, кто казнил королей? И никто никогда их не сбрасывает с пьедес-

тала. Не потому ли, что они научились кое-чему важному. Не сразу пришли бритты к жизни такой. И они были свирепы и кровожадны друг к другу. <...> Возможно, одними из первых... англичане поняли, что непродуктивно физически устранять врага. <...> Гораздо утонченнее и безопаснее уничтожить соперника морально, затаскать по судам, заставить испытать до дна горькую чашу унижений, одновременно называя его то другом (а почему, кстати, и нет?), то сэром, а на худой конец — эсквайром. Да и не знаешь, кто и когда тебе пригодится в будущем». Ср. русскую пословицу *Не плюй в колодец...* Можно принять это рассуждение, но возникает вопрос: при чем тут ханжество? «А при том, — отвечает Адамишин, — что именно так выглядят в чужих глазах многие британские нормы общения. Начнем с мелочей: ты звонишь в английский дом, попадаешь на автоответчик и слышишь голос хозяйки: “Боюсь, что меня нет дома”. Поначалу ты ошеломлен. Что значит “боюсь”, какие тут могут быть сомнения? Лишь потом начинаешь соображать: а вдруг леди никуда не ушла и слушает твой звонок (привычка, придуманная не ею), но она не обидит тебя грубой правдой и вместе с тем оставит себе лазейку. И вот в этом филигранном балансе правды и кривды заложена английская терпимость, она же воспитанность, она же ханжество. Не покоробить другого, но и не быть лгуном в собственных глазах — это ли не высший пилотаж?». С этой самой чертой связано английское ведение диалога: «Фразу здесь принято начинать с “боюсь”, если в ней дальше следует отрицание. И — “мне кажется”, если высказывается утверждение». В данном случае, очевидно, адресат должен убедиться в отсутствии категоричности, исключающей толерантность диалогического общения. Вот еще один коммуникативный эпизод, воспроизведенный Адамишиным: «Помню, на заре моего усвоения языка спросил я своего британского визави: как произнести — “Букингемский дворец”, и он ответил: “Полагаю, Бакинхэм”, — даже в этом безусловном случае он оставлял некоторое пространство для вариаций. И, если вдуматься, совсем это неплохо» [Адамишин 1997]. В цитируемом очерке выделяются регулярные формы проявления толерантности в поведении англичан: обхождение острых углов, затушевывание неприятной сути, неагрессивность и другие способы предотвращения диалогических конфликтов.

Вот цитата из пособия для желающих освоить хорошие манеры: «Честность — это далеко не всегда лучшая политика... Во всяком случае, не в Англии. Надо быть дипломатичным, но совершенно не обязательно говорить правду, если она может обидеть или огорчить».

Таким образом, толерантная установка на «другого» выступает как грань толерантности.

В дискуссиях и спорах англичан учат не давить на собеседника, не проявлять коммуникативное насилие и не злоупотреблять в речи формами повелительного наклонения. Английское коммуникативное воспитание формирует выдержку, которая характеризуется как визитная карточка ролевого поведения воспитанного человека. «Невыдержанность не для джентльмена. Он никогда не опустится до невежливости или — того хуже — грубости, если только... сам не решит, что это оправдано в данных обстоятельствах. Таким образом, выбор модели поведения определяется не только воспитанием, соблюдением норм общения, но и ситуацией, а также поведением партнера. В то же время при столкновении с грубияном в соответствии с правилами поведения целесообразно отойти в сторонку, не реагируя на агрессивный выпад. Толерантность в данном случае проявляется как в стремлении оградить личное коммуникативное пространство от нежелательного вторжения “чужого”, так и в сознательной установке — “никому не лезть в душу”. Коммуникативное воспитание направленно формирует тактики толерантного поведения на фоне разумно эгоистических предписаний: “определи то, что считаешь для себя действительно важным, и это свое оберегай, ограждай, защищай всеми доступными легальными средствами”, “высшая мудрость — суметь постоять за себя, не переходя рамки закона, не доводя до крайностей”. Еще одно полезное предписание — готовность к речевой борьбе, инициированной другим: “...говорите мягко, но носите с собой большую дубину”».

Речевая коммуникация англичан, по наблюдениям Адамишина, исключает равнодушие. Речевые жанры поддержки, инициативного предложения помощи, сопереживания, сочувствия — формы повседневного проявления толерантности. Условие толерантного общения — приветливость англичан, поддерживаемая искренней улыбкой, готовность помочь не только знакомому, но и незнакомому человеку, который оказался в затруднительном положении.

Обратим внимание на следующее наблюдение Адамишина: «А возьмите язык! Есть ли более совершенный филологический инструментарий не только для выражения тончайших оттенков — тут мы, русские, можем посоперничать, — но и для игры словами, такой передачи содержания, чтобы оно оставалось многосмысловым, с двойным и тройным подтекстом». Многослойность смыслов концентрирует внимание коммуникантов на интеллектуальной стороне комму-

никации, обуславливает активизацию мыслительной деятельности говорящих, стремящихся к разгадке подтекста и равноправному участию в интеллектуальном поединке. Интеллектуальная языковая деятельность (декодирование сложных участков диалогических реплик и продуцирование реплик, не уступающих по сложности воспринимаемым) предотвращает примитивные проявления речевой агрессии. Именно особенностями речевого поведения и склонностями к прямым способам выражения мысли объясняется, как полагает Адамишин, непонимание и даже неприятие англичан носителями других языков и культур: «Когда об англичанах отзываются неодобительно, чаще всего им ставят в строку следующее: редко говорят то, что думают. Или же: говорят не то, что думают, а то, что надо сказать по данному поводу. Истинные мотивы прикрывают несколькими слоями более благовидных резонов и раздражаются, когда эти мотивы выходят на свет. Вот мы и вернулись к исходному тезису о лицемерии. Но теперь-то, надеюсь, знаем, что на самом деле это показатель более высокой культуры общежития».

Особенности национально-культурных речевых предпочтений англичан — причина возможных коммуникативных конфликтов с русскими: «Кому, однако, труднее других найти с ними общий язык, так это, вероятно, нам, русским. Две великие цивилизации пошли как бы по расходящимся линиям. Для нас исключительно важно докопаться до истины. Помните, у Бориса Пастернака: во всем мне хочется дойти до самой сути. Англичане, если и добиваются до правды, то предпочитают об этом помалкивать. Для нас характерна забота о проблемах глобальных, о судьбах всего человечества. Для англичан эти тревоги, насколько я могу судить, беспредметны. Мы, особенно если выпьем, любим рвать на груди рубаху, каяться в грехах, обнажать недостатки. Англичанину, который тоже выпить не дурак, это органически чуждо. В его понимании это есть бесполезное перекладывание на чужие плечи своей истерики. С нашей точки зрения, они даже перебарщивают, ибо заставить британца признать свою неправоту — дело, как правило, трудное, хотя слово “sorry” слышится на каждом шагу. Существует мнение, что у англичан расчет преобладает над эмоциями, а некоторые считают, что и над воображением». Воспитанность как следование внутрикультурным нормам, стереотипам речевого поведения, основанного на толерантной коммуникации, следовательно, на соблюдении коммуникативных прав и обязанностей, со стороны (т. е. инокультурными коммуникантами) может восприниматься как «лицемерие», фактически же является достоянием национальной культуры.

Еще одна проблема, рассматриваемая в данной работе, — **социально-исторические условия**, влияющие на коммуникативное поведение людей одной национальной общности. Речь пойдет о выходцах из России, покинувших ее в разное время и по разным причинам. Известно, что русские покидали Россию на протяжении долгого времени — отток эмигрантов шел волнами на протяжении всего XX века. Сейчас насчитывают четыре волны эмиграции. В аспекте толерантности актуален вопрос об отношениях между эмигрантами разных волн, прежде всего старой и новой эмиграцией, т. е. людьми, покинувшими Россию после революции, в 20-е годы, и «новоприезжими» (как их называет старая эмиграция) людьми, уехавшими в период перестройки и гласности и позднее. С середины 80-х годов отъезд был разрешен: уезжали в основном диссиденты и евреи. Отвечая на данный вопрос, я буду использовать результаты собственного изучения русского языка эмигрантов разных волн пяти стран. Расскажу об одном случае в Италии. В 1980 году в Риме мне удалось познакомиться с эмигрантами первой волны, бежавшими из России в начале 20-х годов. Они не эмигрировали, а именно бежали, спасая свою жизнь. Называют они себя “беженцами”, а не эмигрантами. У многих из них погибли старшие родственники, чаще мужчины (террор, война) — мужья, отцы и деды. Матери бежали с маленькими детьми, иногда дети уже рождались на чужбине. Эти люди уезжали на время, не навсегда. Часто даже не распаковывали чемоданы. Среди них много аристократов, дворян, людей высших сословий, близких двору, представителей духовенства. Им приходилось трудно. Они мечтали вернуться в Россию и свято хранили русский язык.

Как складывались их отношения с новой эмиграцией? Сознаюсь, что я не сразу поняла все тонкости и сложности этих отношений. Во время длинного душевного разговора с одной пожилой дамой, отец которой был приближен ко двору, я спросила, как она относится к новой эмиграции. Дама ответила: *Хорошо. Но ведь они совсем другие. Они приехали на все готовое. Им платят пособие, дают жилье. А мы? У нас ничего не было. Они привыкли жить под крышей страны, хотя и плохо, но ни за что отвечать им не приходилось. Они — вялые, а мы должны были быть энергичными. За все бороться.* Этот разговор многое объясняет.

Между эмигрантами разных волн отношения далеко не простые. Старые эмигранты (не все, но многие) невольно завидуют вновь приехавшим (как легко они устроились в чужой стране!) и не одобряют отъезд по материальным соображениям. Они считают «новеньких»

недостаточно преданными прежней, настоящей России, находят в их языке много советизмов.

Газета «Консерватор» (2003. 11–17 апр.) отвела большой раздел проблемам русской эмиграции — «Эмиграция: русский опыт. Русская диаспора как школа отчуждения». Вывод из этих материалов таков: старая и новая эмиграция не толерантны друг к другу. Каждая испытывает чувство недоброжелательности, а иногда и агрессивности. Почему и за что? Можно назвать несколько причин (естественно, что я говорю лишь о некоторых факторах).

1. Одни уехали, спасая жизнь, другие — в поисках лучших условий существования.

2. Одни до сих пор воспринимают Россию как свою родину, дорожат ею, считают себя русскими и хранят русский язык в нескольких поколениях (передают его детям и внукам), дома говорят по-русски. Другие стремятся скорее забыть о жизни в России, вспоминают о ней с ужасом, не хотят говорить по-русски.

Вот что пишет А. Меркулов, эмигрант из Мельбурна (Австралия) в статье «За что я не люблю Россию»:

Я, как говорится, эмигрант со стажем. За последние пятнадцать лет я сменил несколько мест жительства, пока не обосновался в стране, которая меня устраивает. Это не значит, что мне здесь нравится абсолютно все. Тем не менее в ближайшее время я уезжать отсюда не собираюсь. И еще одно я знаю точно: никогда, ни при каких обстоятельствах я не вернусь в Россию.

Вопреки распространенному мнению о выскочечных эмигрантах, я отношусь к оставшимся с огромной жалостью. Среди них есть много хороших, порядочных людей, которые заслуживали бы лучшей жизни. Тем не менее они проживут свою жизнь и умрут, даже не узнав, чего они были лишены. Русские часто думают, что секрет Запада — это материальное благополучие. Во многом это верно: тот уровень материальной обеспеченности, который в России могут себе позволить только представители власти и преступники (впрочем, в России это одни и те же люди), здесь доступен практически каждому. Но дело не только в деньгах. Цивилизованный мир предоставляет человеку такой уровень личной защищенности и комфорта, которым в России не обладает никто. Все отношения между людьми, а также людей с государством здесь регулируются четкими, ясными правилами, усвоить которые не составляет большого труда. В остальном здесь можно вести любой образ жизни. Я провел год жизни в Америке, работая в кустарной мастерской, раскрашивал мотоциклы. Это не приносило никаких денег, мне просто нравился такой образ жизни, в котором я чувствовал свободу. Потом я узнал, что есть много видов свободы. Несчастье России в том, что в ней не свободен никто.

Признаюсь и в том, что мне тяжело общаться с соотечественниками. Они, как правило, расхлябанны, нечестны, не умеют себя вести и постоянно ставят себя и других в глупые положения. Исключения есть, но в целом у русских очень низкая репутация.

Я живу в стране, которая в силу своего географического положения никогда не будет воевать с Россией. Но если Россия когда-либо снова будет представлять угрозу, я буду считать оправданным любой жесткий ответ. Завистливые неудачники не имеют права мстить отважным, талантливым и свободным людям за свою неполноценность. И даже исчезновение России с карты мира стало бы меньшей потерей, чем гибель великой западной культуры, которая дала миру неизмеримо больше, чем русская. Но, конечно, я не хочу этого.

Прав ли А. Меркулов? Справедлив ли он?

Я всю жизнь живу и работаю в России. Родилась в Москве. Ненадолго уезжала в эвакуацию (Куйбышевская область, теперь — Самара). Несколько раз работала за границей (США, Италия, Финляндия, Германия, Польша, Чехословакия, Венгрия и др.). Я люблю Россию, не уехала из нее и не собираюсь. Моя специальность — русский язык. И, к сожалению, я должна сказать, что А. Меркулов во многом прав. Среди русских много людей, которые плохо работают, людей нечестных, ленивых, безынициативных. Нравственные характеристики обуславливают возможность приятия / отторжения.

3. Многие покидают Россию в поисках материальных благ. Такие люди не вызывают уважения ни у старой эмиграции, ни у тех, кто не покинул Россию и не собирается ее покидать. Здесь примешивается еще одно сильное психологическое чувство, стимулирующее агрессивность, — презрение.

Как можно относиться к тем, кто перекидывается в стан «громящего Атиллы» за шнапсом и девками? — пишет другой читатель газеты, К. Крылов. Он дает такое объяснение:

Взаимная нелюбовь эмигрантов (имеются в виду уехавшие после войны и в конце XX века) и оставшихся обусловлена именно этим обстоятельством. Оставшиеся чувствуют, что эмигранты не просто сменили место жительства, а именно перебежали на сторону победителей. <...> «Мы вынуждены покориться и молчать, потому что проиграли. Но хорошо относиться к тем, кто вовремя пристроился при походной кухне (при походном борделе) победившей армии — увольте». Чувство зависти, боязнь чужого успеха охватывает и старую, и новую эмиграцию. Менее удачливые эмигранты завидуют «новоприезжим», которые хорошо устроились. Вот типичный разговор: «Господи, что это вы, только приехали, а уже суши едите! Мы тут уже седьмой год, а вот у вас только попробовали!» (Консерватор. 2003. 11–17 апр. С. 3).

Итак, нетолерантность среди эмигрантов разных волн объясняется психологически: завистью, неприятием чужого успеха, непониманием «чужих» условий жизни. Подчеркну, что неприязнь наблюдается с обеих сторон. Одни считают уехавших изменниками, предателями, другие относятся к оставшимся как к «лохам» и неудачникам. Они говорят о *тухлой вонючей Рашке со спившимся подлым народом, место которого у парашии истории* (Там же).

Попутно отметим, что в советское время у советского человека было много комплексов, но комплекс побежденного у него отсутствовал. Эмиграция же была явлением сложным и опасным: «отъезжанты» воспринимались как смелые люди, пускающиеся в рискованную авантюру. Разумеется, легкий привкус предательства ощущался уже тогда, но он легко забивался той же идеологией. Достаточно было осознать себя (или хотя бы назвать себя) антикоммунистом, пацифистом, иудаистом или баптистом, чтобы получить вполне законную моральную индульгенцию на «гуд бай, немытая Россия».

4. Возникновению отношений толерантности между эмигрантами разных волн препятствует резкое культурное несходство между ними.

Старая эмиграция (в большинстве своем) имела хорошее образование, отличалась знанием многих языков, в том числе языка страны нового обитания. Новая знает только русский (см.: [Пушкарева 1997]), но при этом далеко не всегда стремится его беречь и хранить (конечно, я не говорю обо всех новоприезжих). Они хотят выучить новый язык, чтобы быть своими в чужой стране. Однако, не овладев еще новым языком, забывают родной, нередко способствуют порождению языковых «монстров», создают языковую чересполосицу, макаронический дискурс. Например: *Посласайте мне полпаунда хэма тоненькими писиками* [порезьте мне ветчину тоненькими ломтиками], — говорит покупательница продавщице в магазине на Брайтон Бич. *Я купила полпаунда хэма* [полфунта ветчины], — сообщает одна знакомая другой. Старая эмиграция бережно хранит язык. Например, последовательница языка русской эмиграции М. Бобрик переписывается с одним из родственников своего мужа, Николаем Алексеевичем, который родился в 1921 году в Санкт-Петербурге и получил высшее медицинское образование. Вскоре после окончания Второй мировой войны Н. А. уехал из Германии и поселился с семьей в Австралии. В 90-е годы он пишет письма в Берлин на хорошем русском языке своему племяннику Алексею и его жене Марине Бобрик, обнаруживая большой интерес к России и к изменениям в русском языке. А ведь в России он никогда не был. Этот человек считает себя русским, хотя

вся его жизнь прошла в Германии и Австралии [Бобрик 2001: 323–336]. Отношение к родному языку сближает эмигрантов первых волн и отделяет их от новоэмигрантов.

Толерантность — явление чрезвычайно сложное, многогранное, имеющее большое значение в жизни людей. Толерантность проявляется в бытовом семейном диалоге, в контактах людей разных национальностей, конфессий и культур. Задача лингвистов — внимательная фиксация и последующая интерпретация факторов и форм проявления толерантности / интолерантности в коммуникативных ситуациях разных типов.

В. А. Мишланов, В. А. Салимовский
Дискурс враждебности
как социальный феномен*

В числе надындивидуальных моделей речевого общения и реализующих их практик существуют разновидности, использование которых закономерно вызывает вражду между коммуникантами. Предваряя рассмотрение дискурса враждебности как социального феномена, определим ключевые понятия, используемые в данной статье.

В соответствии с исследовательской традицией, развивающей идеи М. Фуко, *дискурс* будет пониматься как «языковое выражение (языковой коррелят) определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность. Каждый текст... квалифицируется как социальное высказывание, как отражение надындивидуальной, коллективной... речевой практики» [Чернявская 2003: 54–55].

Враждебность — это комплексная аффективно-когнитивная ориентация человека. Основными конституентами враждебности являются эмоции гнева, отвращения и презрения, а также образы и мысли, созвучные аффекту. В числе главных факторов, вызывающих враждебность, — чувство, что с тобой обошлись несправедливо, что тебя обидели, мысль об обмане, унижении, незаконные или аморальные действия. Очень часто этот комплекс чувств и мыслей становится источником агрессии (см.: [Изард 2002]).

* Работа издается при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 05-04-82407а / У.

© В. А. Мишланов, В. А. Салимовский, 2006

Исходя из сказанного, под *дискурсом враждебности* мы подразумеваем такой дискурс, который выражает враждебное отношение одних людей к другим и / или в соответствии со своей целеустановкой воплощает психологические причины враждебности (содержит явно несправедливые оценки, обидные утверждения и пр.) и потому закономерно вызывает ее.

Согласно М. Фуко, люди говорят «внутри дискурсивных правил» [Фуко 1996: 131]. Иными словами, дискурсивные правила во многом определяют замысел и организацию конкретных текстов. Как писал ранее М. М. Бахтин, «не столько выражение приспосаблиется к нашему внутреннему миру, сколько наш внутренний мир приспосабливается к возможностям нашего выражения и его... путям и направлениям» [Бахтин 1993: 99].

Есть основания полагать, что различные модели дискурса враждебности проецируются на социальную действительность, обуславливают ее отображение в актах речи и порождают острые межличностные и общественные конфликты.

В подтверждение сказанного рассмотрим актуализацию одной из таких моделей в тексте газетной статьи, ставшей объектом судебного разбирательства (подчеркнуты высказывания, вызвавшие наибольшую обиду и боль у родственников погибшего человека, защитивших его честь и достоинство).

13 июля в своей квартире по улице Ленина был найден известный пермский балетмейстер, художественный руководитель балета, носящего его имя, — Евгений Панфилов. Смерть наступила в результате шести ножевых ранений.

Официальная версия убийства такова. В пятницу, 12 июля, маэстро был дома один, когда в его квартиру проникли неизвестные (сколько их было, устанавливает следствие) с целью ограбления. Но, увидев хозяина, они якобы растерялись и, вместо того чтобы запереть досадную помеху в ванную или элементарно связать, начали наносить ему одно за другим колото-резанные раны холодным оружием. <...>

На наш взгляд, версия с ограблением вообще не выдерживает никакой критики. Говорили об этом и в толпе, когда 15 июля люди, сливаясь в бесконечные потоки, шли и шли проститься с пермской знаменитостью в драмтеатр... Нашлись люди, которые утверждают, что в последнее время видели балетмейстера почти каждый вечер на лавочках возле фонтана у родного театра в весьма непрезентабельном виде. При нем всегда имелся небольшой кейс, который он якобы открывал, похваливаясь перед собеседниками количеством купюр внутри. <...>

Но самой вероятной и правдивой выглядит «голубая» версия. Ни для кого, думаем, не было секретом, что личная жизнь «пермского Нуриева»

была полна роковых страстей. Он давно уже не жил с женой. И вообще женщины давно уже не интересовали 46-летнего художника от бадета. Мальчики, юноши, мужчины — именно с ними пытался свести знакомства Панфилов, выходя на «охоту» к фонтану. Была ли это случайная связь, закончившаяся нетрезвыми разборками, или в квартиру ворвался давний брошенный любовник, кто знает. Во всяком случае, характер убийства говорит о том, что маэстро не просто банально зарезали. Его долго и мучительно были, почти пытали, всаживая болты или гвозди в голову. В гробу лицо Панфилова покрывал толстый слой грима и ретуши. При этом один глаз балетмейстера был зашит. То есть он просто отсутствовал. <...>

И вот еще что странно. Насколько мы помним Евгения Алексеевича, он всегда серьезно и вдумчиво относился к вере и Богу. Не знаем, правда, был ли он крещен в лоне православной церкви, однако отпевать по ее канонам Панфилова не стали. Неужели служители культа отказали в этой последней милости зверски убитому человеку только потому, что за ним водились противоестественные, с точки зрения церкви, грехи?.. (Московский комсомолец в Перми. 2002. 18–25 июля. С. 13).

Что же побудило автора статьи делать не соответствующие действительности утверждения, умаляющие доброе имя человека и причиняющие нравственные страдания его близким?

Не имея информации о субъективных мотивах этих речевых действий, укажем на мотивы объективные (что для лингвистического анализа особенно важно).

Вполне очевидно, что в данном случае журналист использовал присущую бульварной прессе дискурсивную модель «Дискредитация звезды», основывающуюся на предвзятом мнении обывателя о личной жизни известных артистов. Назначение этой модели как раз и состоит в том, чтобы опорочить достоинство прославившегося человека в угоду запросам части читателей (обеспечивая тем самым финансовое благополучие издания и авторский гонорар). Примечательно, что такого рода публикации нередко помещаются под рубриками «Звездодопад», «Звезды и закон» и т. д. Вот некоторые типичные для этих рубрик заглавия, лиды, надписи под фотографиями (часто смонтированными): *Маккартни подрался; Голая старушка Йоко Оно* (Криминал. 2003. № 3); *Алла предпочитает отдыхать в одиночестве и чтобы на ней был минимум одежды; Басков приставал к другой в присутствии жены* (Желтая газета. 2005. № 31). Журналисты бульварных газет, как известно, легко смешивают факты, слухи, сплетни, вымысел, концентрируя при этом свое внимание на таких темах, как «Криминал», «Деньги», «Секс». Автор рассматриваемой газетной статьи явно ориентируется на выбранную им дискурсивную программу,

организуя содержание текста на основе указанных тематических макроструктур. Можно сказать, что его речевая деятельность мотивируется целеустановками этой программы.

В самом деле, обращаясь к теме «Деньги», авторы «желтых» газет стремятся не только «заглянуть в чужой кошелек», но и приписать его обладателю всевозможные пороки: жадность, нечестность, склонность к мотовству, распушенность и пр. (по этическим и эстетическим соображениям мы ограничимся минимумом иллюстраций): *Ираклий Пирцхалава уволил танцора из своей группы... «Он все время кормит нас обещаниями, но денег мы так и не видели, — рассказывает танцор Алексей Исаков. — Когда я потребовал вернуть нам долг, Ираклий пришел в ярость и уволил меня — чтобы никто впредь не возникал и не доставал его вопросами о деньгах». Сам Ираклий сообщил «ЖГ», что... деньги у него водятся всегда* (Желтая газета. 2005. № 31. С. 4). Нетрудно заметить, что эту речевую стратегию реализует и автор анализируемой статьи: *При нем всегда имелся небольшой кейс, который он якобы открывал, похваляясь перед собеседниками количеством купюр внутри...*

В теме «Секс» излюбленными являются намеки на нетрадиционную половую ориентацию известных людей: *Но намного чаще... Станислав... появляется в обществе некоего высокого блондина... В окружении артиста судачат, что с ним Костюшкин практически не расстается: вместе они посещают фитнес-центр, бывают в ресторанах...* (Там же. С. 9). Данный стереотип используется в анализируемой статье как ее смысловая доминанта: *Но самой вероятной и правдивой выглядит «голубая» версия.*

При освещении темы «Криминал» журналисты бульварных газет стремятся поразить воображение читателя изображением сцен физического насилия, описанием состояния его жертв: *...Сергей уже принаравливал пилу к морщинистому горлу. Он резко опустил зубья на живое теплое горло... Наконец острые зубья вонзились в белые бугорки оголившись позвонков... Голова Петрова отвалилась от тела...* (Криминал. 2005. № 32. С. 2). Дает волю черной фантазии и автор рассматриваемой статьи: *Его долго и мучительно били, почти пытали, всаживая болты или гвозди в голову...*

Итак, в нашем случае установка журналиста состоит не в следовании фактам, а в представлении событий по шаблону дискурсивной схемы, требующей выбора и компоновки сплетен, допускающей вымысел. Реализация этой схемы непременно загрохивает честь и достоинство человека. Поскольку указанная дискурсивная модель вклю-

чена в речевую компетенцию журналистов и при этом востребована бульварными (и шире — рассчитанными на непритязательный вкус массового читателя) СМИ, она, к сожалению, будет использоваться по отношению к новым и новым персонажам.

Еще более опасен дискурс враждебности, направленный не на отдельную личность, а на целые социальные группы. Как известно, в условиях экономического кризиса и общественной нестабильности в массовом сознании активизируются стереотипы и предрассудки, делающие нас пристрастными к человеку только потому, что мы воспринимаем его как представителя другой группы [Майерс 2005]. Поскольку часть общества одобряет высказывания, реализующие такого рода стереотипы, получают распространение дискурсивные практики, порождающие социальную, национальную и религиозную вражду. Суть этих практик — в целенаправленном приписывании тем или иным группам людей отрицательных характеристик, в прямом или косвенном побуждении адресата к агрессивному поведению по отношению к этим группам, к их дискриминации.

Примером дискурса вражды этого типа могут служить агитационные материалы А. В. Митрофанова (члена фракции ЛДПР в Государственной думе), баллотировавшегося в 2004 году на должность губернатора Псковской области. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ признала их противоречащими закону [Вестник 2005].

Изданные политиком плакаты изображали выходцев из южных республик СНГ. На одном плакате мужчина рекламирует водку, на другом — будучи учителем, демонстрирует на фоне классной доски восточные продукты питания. Имплиcitный смысл этих изображений — стереотипные представления о том, что инородцы спаивают население, наносят вред образованию, исконной национальной культуре. Рисунок сопровождается надписью: *Кандидат в губернаторы Псковской области Алексей Митрофанов говорит: «Криминальные южане — вон из области!»*. Очевидно, что рисунки и текст не только выражают неприязнь к людям, приехавшим в Псковскую область из южных регионов России и других стран, но и содержат призыв к их насильственному выселению (к физической агрессии).

Согласно пояснениям А. В. Митрофанова [Вестник 2005], распространение этих материалов было мотивировано желанием вызвать у избирателей интерес к себе как к кандидату на должность главы администрации области. Трудно судить о том, насколько политик руководствовался при этом личной неприязнью к представителям южных

регионов страны и мигрантам из соседних стран. Важно отметить другое: дискурсивные практики, актуализирующие отрицательные стереотипы в отношении тех или иных групп населения, являются удобным средством обретения популярности у части электората. Поэтому в отсутствие эффективных мер противодействия возбуждению социальной и национальной вражды эти практики будут оставаться востребованными и жертвами их применения вновь и вновь будут становиться те или иные социальные группы. Симптоматично, что на последних парламентских выборах ЛДПР использовала лозунг *Мы за бедных, мы за русских!*, имплицитно выражающий негативные стереотипы, подобные указанным выше.

Рассматриваемая разновидность дискурса враждебности не только основывается на предрассудках, но и утверждает их в массовом сознании и, кроме того, создает новые предрассудки.

Весьма показательны в этом плане обзоры печати, касающиеся цыган. Вот выдержки из статей, содержащих, казалось бы, уже отжившие свой век представления о цыганах как похитителях детей и конокрадах:

В настоящее время отрабатываются версии о выезде детей за пределы поселка на автобусе или о том, что «их могли забрать цыгане». Милиция проверяет цыганские семьи, проживающие в Богородском районе, а также опрашивает водителей автобусов междугородних рейсов (ИА «ВолгаИнформ»; <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?s=260004731&mid=4997715>); <...> Хозяин лошади вовремя заметил пропажу и немедленно сообщил об этом в милицию. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий демянским милиционерам не только удалось отыскать похищенную лошадь, но и задержать пятерых старорусских цыган, обоснованно подозреваемых в совершении этого преступления («Новгородинформ. ру»; <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?mid=6033614&s=2>).

К сожалению, средствами массовой информации создаются и новые негативные стереотипы, характеризующие цыган как наркоторговцев:

На въезде в Кострому... была остановлена машина, в которой находились беременная двадцатилетняя цыганка и ее сожитель --- цыган двадцати шести лет. При досмотре в чашечках бюстгалтера будущей мамы были обнаружены два пакетика с героином... (ИА «ВолгаИнформ» // <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?s=260004726&mid=5958867>).

Симптоматично, что в заметках и статьях о разнообразных правонарушениях, совершенных цыганами (ограблении, поджоге, причинении ущерба железной дороге, нападении на дипломата и т. д.), о преступнике может не сообщаться никаких сведений, кроме его наци-

ональности. Характерны сами заголовки: *Наркополицейские Челябинской области изъяли у молодого цыгана свыше 700 граммов героина* (Урал-пресс // <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?mid=6249526&s=2>); *В Вологде цыгане устроили перестрелку* (ИА «Новости Вологодской области» // <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?mid=6319719&s=2>); *Цыгане, уходя, подожгли свой дом: Хроника пожаров в Новосибирске* (KNews.RU // <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?s=260004727&mid=5795967>) и др.

Таким образом, приводимые данные иллюстрируют, с одной стороны, восприятие авторами указанных публикаций чужой национальной группы через уже сложившийся негативный стереотип, с другой — создание новых ошибочных обобщений. Последние создают почву для крайних проявлений речевой агрессии, не считающейся не только с этическими, но и с правовыми нормами:

«В моем избирательном округе, в частном секторе Фрунзенского района Ярославля, проживает много цыганских семей. Милиция регулярно задерживает их детей и беременных женщин при сбыте наркотиков. Жители готовы начать жечь дома цыган, и я хочу возглавить этот процесс», — заявил депутат Сергей Кривнюк (ИА «ВолгаИнформ» // <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?s=260004726&mid=5283819>); *Цыганские таборы, таджикские гастарбайтеры... Маргиналы. У них свои законы. Они обитают где-то в придонном слое — ближе к животным, чем к людям...* (Московский комсомолец в Перми. 2005. 3–10 авг. С. 23).

Основываясь на анализе данного материала, охарактеризуем важнейшие свойства дискурса враждебности. Прежде всего нужно отметить, что, в соответствии с самой природой дискурса как языкового коррелята определенных видов социальной деятельности, дискурс враждебности — это институциональные негативные речевые практики, обусловленные различными формами социальной организации. Так, сенсационные статьи, умаляющие доброе имя известного человека, произвольно приписывающие ему всевозможные пороки в тематическом поле «криминал — деньги — секс», предполагают существование института бульварной прессы с его специфическими требованиями к производимой печатной продукции. В бульварных СМИ (в газетах, радио- и телепередачах, на интернетовских сайтах) широко представлены материалы, актуализирующие всевозможные предрассудки массового сознания, в частности в национальной сфере. Распространение лозунгов, дискриминационных по отношению к тем или иным социальных группам, публичные выступления, провоцирующие применение насилия к представителям этих групп, тоже институциональны: это практики ряда политических организаций.

В силу указанной особенности дискурса враждебности он может быть мотивирован не только известным комплексом аффективно-когнитивных явлений, но и расчетом, основанным на логике решения финансовых и политических (властных) задач.

Кстати, именно потому, что дискурс враждебности объективирует социальную деятельность, человек, подвергшийся речевой агрессии, склонен связывать причиненный ему моральный вред едва ли не с каждым словом [Майданова 2000]: ведь нравственные страдания доставляют ему не только определенные речевые действия, но деятельность в целом, агрессивное поведение субъекта речи как таковое.

Другое важное свойство дискурса враждебности, уже достаточно подробно рассмотренное нами, заключается в том, что типовое содержание речи образуют негативные стереотипы и предрассудки. Иными словами, анализируемый дискурс основан на негибких, ошибочных обобщениях, приводящих к отрицательной оценке представителей какой-либо социальной группы, к тенденциозному истолкованию их поведения; при этом не учитываются существенные различия индивидов внутри группы [Майерс 2005].

Подчеркнем также, что в определенном смысле дискурс враждебности самовоспроизводим: негативные эмоции, мысли и поведенческие тенденции, относящиеся к представителям той или иной социальной группы, с одной стороны, являются источником изучаемого дискурса, а с другой — порождаются им.

Чтобы выявить и описать лингвистические (языковые и речевые) признаки враждебности, следует иметь в виду, что она характеризует не только социальные отношения (отношения между определенными сообществами или отношение к определенным сообществам, объединяемым по социальным, профессиональным, этническим или расовым признакам), но и межличностные. Если толерантность может выразиться и в бездействии, то враждебность чаще всего нуждается во внешнем проявлении — в некотором агрессивном действии (воздействии) на объект. При этом в обоих случаях враждебность реализуется главным образом в речевой деятельности, но коммуникативные и языковые характеристики текстов, выражающих враждебность, ощутимо разнятся.

Как уже было сказано, социальная враждебность опирается на социальные институты, эксплуатирующие стереотипы массового сознания, мифы и предрассудки (в известной мере подпитываемые и языком). Тексты, мотивированные социальной (в том числе этнической) враждебностью, могут и не содержать (и чаще всего не содержат) от-

рицательно-оценочной лексики, т. е. слов и оборотов, для которых оценочность является не коннотацией, а основным значением (например, различной степени «бранности» вокативы и эпитеты). Негативная оценочность высказываний в этом случае возникает в известной мере независимо от языковой формы, но вследствие того, что нечто в общественном сознании бытует как неприемлемое, что необходимо безусловно осудить (ср. внешне безоценочное *лицо нетрадиционной сексуальной ориентации* и синонимичные этому сочетанию резко оценочные просторечные номинации).

Журналиста, подчеркивающего, что подозреваемый или осужденный является цыганом или «лицом кавказской национальности», не легко «поймать с поличным», т. е. доказать, что он имеет в виду не это, а причинно-следственные отношения между этнической принадлежностью и фактом преступления (доказанного или недоказанного — не важно), что он сознательно упоминает о национальной принадлежности причастного к преступлению лица, не без основания рассчитывая: предположение о том, что в преступлении замешан цыган или кавказец, обывателем будет восприниматься как утверждение, не требующее доказательств и не вызывающее удивления. Желтая пресса осознанно или подсознательно использует то обстоятельство, что сознание обывателя, его отношение к миру и к людям определяется предубеждениями и мифами, закрепленными в значениях и коннотациях языковых выражений.

Враждебность в живой коммуникации, в условиях непосредственного речевого общения обычно проявляется существенно по-другому: в открыто агрессивной форме, т. е. в выборе грубых, бранных или просто непечатных выражений, в порождении высказываний, имеющих целью оскорбить адресата, нанести ему нравственный ущерб.

Враждебность как социальный феномен дискурсивна и в том смысле, что выражается не в прямых утверждениях, а в импликатурах, содержащихся во внешне нейтральных (невраждебных) высказываниях. Она маскируется в не прямой коммуникации и, быть может, поэтому оказывается более эффективным средством воздействия на мысли и чувства адресата, чем прямые выпады. Враждебность же межличностная проявляется в прямых инвективах, в высказываниях, являющихся по своей природе перформативами.

Е. Гродзинский к категории перформативов относит формулы вежливости, поскольку они не информируют о действительности, а «создают ее на некоторых отрезках» [Grodzicki 1977: 308]. Перформативный характер высказываний типа *Dzień dobry, Dobranoc, Do*

widzenia, Pozdrawiam, Gratuluję, Witam, Żegnam, Dziękuję, Przepraszam, Składam życzenia и др. заключается в том, «что каждое из них, употребленное в речи, создает на некотором малом отрезке то, что можно определить как «атмосферу вежливости», предотвращая одновременно возникновение ее противоположности — «атмосферы невежливости»» [Grodzicki 1980: 90]. Есть некоторые сомнения относительно того, в какой мере являются перформативами формулы куртуазного общения, но вряд ли такие сомнения уместны в случае с грязной бранью в чей-либо адрес. Называя в ходе непосредственного общения кого-либо болваном, говорящий ничего не описывает, а д е й с т в у е т определенным образом. Разумеется, отрицательно-оценочные слова могут быть элементами «обычных» дескрипций — сообщений о событиях и мнений по поводу этих событий, но это происходит, как правило, в условиях опосредованного общения (в письменном тексте или в рассказе о третьем лице).

Поэтому автор высказывания, содержащего речевую агрессию, если речевое событие зафиксировано документально или свидетельскими показаниями, может быть привлечен к ответственности за само это действие, за деяние (если законом оно квалифицируются как правонарушение).

Необходимость углубленного изучения собственно лингвистических аспектов дискурса враждебности делает актуальным решение ряда задач, определяющих программу дальнейшего исследования. Среди них:

- описание и систематизация основных проявлений дискурса враждебности в различных областях социальной жизни;

- изучение средств и способов языкового выражения враждебности;

- лингвоидеологический анализ данного типа дискурса, диагностирующий протекающие в общественном сознании процессы [Купина 1995];

- совершенствование методик лингвокриминалистического исследования текстов с учетом актуализации в них различных дискурсивных моделей.

В связи с последним пунктом отметим, что противодействие возбуждению социальной вражды, очевидно, должно предусматривать моральную и административно-правовую оценку не только речевых фактов (высказываний, текстов), но прежде всего — порождающих их *дискурсивных практик* определенных общественных институтов.

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

Конфликтный диалог и межкультурная коммуникация

Феномен конфликтного диалога

Тот факт, что «истинный смысл» высказывания (т. е. то, что говорящий «хочет сказать») часто бывает не равен его буквальному смыслу, хорошо известен лингвистам. Как показала Дебора Таннен в книге «That's not what I meant» [Tannen 1986], любое высказывание имеет скрытый смысл (metamessage), ради передачи которого это высказывание, собственно, и производится. При этом принципиально то, что скрытого смысла не может не быть: если говорящий будет пытаться максимально эксплицировать все скрытые смыслы, сделать их открытыми и во всех случаях пояснять: «Я говорю это с той целью, чтобы...», — то данное его высказывание в свою очередь будет производиться с какой-то целью (и тем самым иметь скрытый смысл, так что слушающий все равно может задаваться вопросом: «Зачем он это говорит?»).

Со времени публикации в 1975 году известной статьи Г. П. Грайса (H. P. Grice) «Logic and conversation» (русский перевод — [Грайс 1985]) скрытые смыслы, содержащиеся в высказывании и устанавливаемые не на основе «неявных» компонентов значения используемых языковых единиц, а на основе общих принципов речевого общения, принято называть речевыми, или коммуникативными, импликатурами. Вычисление коммуникативных импликатур осуществляется на основе презумпции соблюдения говорящим «принципа кооперации»; иными словами, предполагается, что диалог представляет собою совместную деятельность его участников, причем каждый из них признает суще-

ствование общих для них целей коммуникации и отдельные реплики в диалоге направлены на достижение этой общей цели. Речевое общение может считаться успешным постольку, поскольку оно способствует достижению этой общей цели, а это, как правило, происходит в тех случаях, когда адресат речи успешно «вычисляет» то, что «хочет сказать» говорящий, т. е. скрытый смысл высказывания. Выводы адресата речи относительно имплицатур речевой коммуникации иногда называют инференциями; соответственно коммуникация считается успешной в той мере, в какой инференции (т. е. то, что «извлекает» из высказывания адресат речи) совпадают с имплицатурами (т. е. с той имплицитной информацией, которую «закладывает» в высказывание говорящий).

Однако во многих случаях реальная речевая коммуникация лучше описывается не посредством метафоры сотрудничества, направленного на достижение некоторой общей цели, а посредством метафоры игры, в которой каждый из участников стремится к выигрышу, причем выигрыш одного часто означает проигрыш другого. Именно эта метафора используется в книгах известного американского психоаналитика Эрика Берна («Games People Play: The psychology of human relationships» и «What Do You Say After You Say Hello!: The psychology of human destiny»)¹ в которых игры противопоставляются другим типам речевой коммуникации: процедурам, ритуалам и «времяпрепровождениям». Как пишет Э. Берн, «игры отличаются от процедур, ритуалов и времяпрепровождений, на наш взгляд, двумя основными характеристиками: 1) скрытыми мотивами; 2) наличием выигрыша» [Берн 1988: 37]. При этом реальное содержание выигрыша может быть весьма различным: чаще всего оно состоит в утверждении собственного превосходства, но он может быть и иным, в зависимости от типа игры. В применении к речевой коммуникации, которая может быть описана посредством метафоры игры и направлена на «выигрыш», об общей цели участников коммуникации говорить не приходится — такая коммуникация представляет собою не сотрудничество, а конфликт. Соответственно, диалоги, осуществляемые в рамках такой коммуникации, могут быть названы «конфликтными диалогами» [Зализняк 2004].

Отметим, что реальная конфликтность диалогов интересующего нас типа может быть замаскирована совершенно «невинным», на первый взгляд, буквальным смыслом произносимого текста и обнаруживает себя лишь после реконструкции их скрытого смысла. Ср. следующий отрывок из повести Ю. Трифонова «Обмен», в котором такая реконструкция осуществлена автором:

Все бы обошлось тогда, если б не эта дура Марина, двоюродная сестра. Как увидел ее красную физиономию за столом над пирогами и вафлями, сразу понял: несдобровать. Лена гораздо умнее ее, но чем-то они схожи. И всегда, как встречаются на семейных сборах, затевается между ними какая-то петуховина. То спорят в открытую, а то пикируются хитро, так что со стороны и не заметишь. Вроде ватерполистов, которые бьют друг друга ногами под водой, чего зрители не видят. <...>

И тогда, в феврале — почему-то запомнилось до последнего слова, — началось с невиннейшего, с подводных толчков. А запомнилось потому, что — последний раз Лена в гостях у матери. С тех пор никогда. Уже лет пять ни разу. Ксения Федоровна заходит, навещает внучку, а Лена к ней — нет. «Как поживаешь, Марина? У тебя все по-прежнему?» — «Конечно! А как у тебя? Служишь все там же?» Эти фразы, сказанные с улыбкой и в рамках правил, означали на самом деле: «Ну, как, Марина, никто на тебя по-прежнему не клюнул? Я-то уверена, что никто не клюнул и никогда не клюнет, моя дорогая старая дева». — «А меня это не волнует, потому что я живу творческой жизнью. Не то что ты. Ведь ты служишь, а я творю, живу творчеством». Марина работала тогда редактором в издательстве. Сейчас где-то на телевидении. «А что-нибудь хорошее вы издали за последнее время?» — «Кое-что издали. Это у тебя что за материал? Брала в ГУМе?» И тут были упругие удары под водой: «О каком творчестве ты там лепечешь? Хоть одну хорошую книгу ты лично отредактировала, выпустила?» «Да, конечно. Но говорить с тобой об этом нет смысла потому, что тебя это не может интересовать. Тебя же интересует ширпотреб».

Приведенный диалог может быть представлен в виде таблицы, в которой первый столбец соответствует реально произносимым репликам, а второй — реконструируемому скрытому смыслу:

Произнесенный текст	Скрытый смысл
Как поживаешь, Марина? У тебя все по-прежнему?	Ну, как, Марина, никто на тебя по-прежнему не клюнул? Я-то уверена, что никто не клюнул и никогда не клюнет, моя дорогая старая дева.
Конечно! А как у тебя? Служишь все там же?	А меня это не волнует, потому что я живу творческой жизнью. Не то что ты. Ведь ты служишь, а я творю, живу творчеством.
А что-нибудь хорошее вы издали за последнее время?	О каком творчестве ты там лепечешь? Хоть одну хорошую книгу ты лично отредактировала, выпустила?
Кое-что издали. Это у тебя что за материал? Брала в ГУМе?	Да, конечно. Но говорить с тобой об этом нет смысла потому, что тебя это не может интересовать. Тебя же интересует ширпотреб.

Обратим внимание на то, что в бытовом сознании скрытый «истинный смысл» часто обозначается при помощи «подводной» метафоры; в частности, в приведенном отрывке из повести «Обмен» использованы такие выражения, как *бьют друг друга ногами под водой, подводные толчки, удары под водой*.

Конфликтный диалог или коммуникативный провал?

С другой стороны, смысл, воспринятый слушающим, нередко существенным образом отличается от того, который имел в виду говорящий. Несовпадение имплицатур и инференций одного и того же высказывания в общем случае ведет к коммуникативной неудаче: одним из возможных результатов оказывается конфликт участников коммуникации. Но диалог, в котором единственной причиной конфликта является коммуникативная неудача, не может рассматриваться как «конфликтный диалог», поскольку он не был запрограммирован на конфликт изначально.

Однако иногда (как правило, в ситуации внутрисемейного общения) несовпадение имплицатур и инференций оказывается настолько регулярным, что может рассматриваться как изначально предполагающееся (хотя бы бессознательно). Кажется, опыт мог бы научить участников таких диалогов пониманию того, что собеседник «услышит» в высказывании совсем не то, что в него вкладывает говорящий; и тот факт, что коммуниканты раз за разом попадают в одну и ту же ловушку, заставляет заподозрить, что это и является их подсознательной целью, так что диалог приобретает все свойства конфликтного диалога, в котором собеседники стремятся не к единой общей цели, а к «выигрышу».

Многочисленные диалоги такого рода в общении между супругами проанализированы в упомянутой книге Деборы Таннен [1986] (ср. также [Tannen 1989; 1990; 2002]). Диалог поначалу не строится как конфликтный; однако неправильная интерпретация реплик собеседника приводит к тому, что постепенно участники диалога начинают «вычитывать» в репликах друг друга прямую враждебность, что заставляет вспомнить строки из «Супружеских стансов» Э. Кестнера (перевод К. Богатырева): «Даже в самых дружеских беседах / Сердце просто рвется напоследок».

Такого рода «наведенная» конфликтность возникает не только в диалогах между супругами. Так, в книге [Леви 1989: 25] приводится такой диалог сына с матерью (воспроизводим его для удобства его в форме таблицы):

Произнесенный текст	Смысл, который вкладывает в сообщение говорящий	Смысл, воспринятый слушающим
Сын: — <i>Мам, я пойду гулять.</i>	Мне скучно, мой мозг в застое, мои нервы и мускулы ищут работы, мой дух томится.	Не хочу ничего делать, я безответственный лентяй, мне лишь бы поразвлекаться.
Мать: — <i>Уроки сделал?</i>	Хорошо тебе, мальчик, а мне еще стирать твои штаны.	Не забывай, что ты не свободен.
Сын: — <i>Угу.</i>	Помню, помню, разве ты дашь забыть?	Смотрел в книгу, а видел фигу.
Мать: — <i>Вернешься, проверим. Чтоб через час был дома.</i>	Можешь погулять и подольше, у меня голоза болит. Хоть бы побыстрее вырос, что ли. Но тогда будет еще тяжелее.	Не верю тебе по-прежнему и не надеюсь, что когда-нибудь будет иначе.
Сын: — <i>Ну, я пошел.</i>	Не надеяться невозможно. Ухожу собирать силы для продолжения сопротивления.	Ты отлично знаешь, что вовремя я не вернусь, а проверку уроков замнем.
Мать: — <i>Надень куртку, холодно.</i>	Глупыш, я люблю тебя.	Не забудь, что ты маленький и останешься таким навсегда.
Сын: — <i>Не, не холодно. Витька уже без куртки.</i>	Ну когда же ты наконец прекратишь свою мелочную опеку?	Есть матеря и поумнее.
Мать: — <i>Надень, тебе говорю, простудишься.</i>	Пускай я и не самая умная, но когда-нибудь ты поймешь, что лучшей у тебя быть не могло.	Оставайся маленьким, не имей своей воли.
Сын: — <i>Да не холодно же! Ну не хочу... Ну отстань.</i>	Прости, я не могу выразить это иначе. Пожалуйста, не мешай мне тебя любить.	Ты мне надоела, ты глупа, я тебя не люблю.

В. Леви называет реконструкцию скрытых смыслов — как вкладываемых в сообщение говорящим, так и воспринятых адресатом речи, — «переводом с подсознательного». Он отмечает, что такого рода перевод может быть разным, так как этот язык многозначен. «Но важно хотя бы знать, что переводить всегда есть что — подводная часть айсберга больше надводной» [Леви 1989: 26] (отметим, что здесь также используется «подводная метафора»). Действительно, хотя и не

все смыслы восстановлены одинаково удачно (в частности, некоторые экспликации сами содержат скрытый смысл), но само наличие этих смыслов не вызывает сомнения, и возникает подозрение, что именно ради их передачи и затевается диалог.

Расхождение конвенциональных речевых стратегий как источник коммуникативных неудач

Необходимо отметить, что положение Грайса, в соответствии с которым скрытый смысл высказывания может быть выведен на основе универсальных постулатов речевого общения, отвергнуто современной сопоставительной прагматикой. Правила, определяющие реконструкцию скрытого смысла, являются специфичными для конкретной культурно-речевой общности. В разных речевых культурах принято использовать разные речевые стратегии достижения скрытых целей и, соответственно, разные правила извлечения скрытых смыслов. Расхождение речевых стратегий — один из самых распространенных источников коммуникативных неудач при межкультурной коммуникации.

Дебора Таннен в упоминавшихся ранее сочинениях указывала, что взаимное непонимание в разговорах между супругами во многих случаях может быть приписано различию речевых стратегий, характерных для мужской и женской речи. Эти различия оказываются еще более значительными, когда участники диалога принадлежат разным социальным или этническим группам и особенно при межкультурной коммуникации.

А. Вежбицка отмечала, что «Иисусовы притчи нельзя правильно интерпретировать, если не знать традиций еврейской *Drohrede* (“угрозительной речи”). Но принять в расчет необходимо не только конвенции *Drohrede*; есть и другие сопоставительно-культурные препятствия, которые необходимо преодолеть, чтобы избежать недоразумений при интерпретации Евангелий. Для современного западного читателя, привыкшего ценить последовательность, точность, логическую связность, “рациональную” аргументацию и ожидать этого, манера речи Иисуса неизбежно будет вводить в заблуждение, а также приводить в смущение. Метафорический характер таких образов, как “печь огненная”, теперь понять легко, но образный характер гиперболических и апокалиптических выражений в призывах к обращению до сих пор не получил широкого признания» [Вежбицкая 1999: 765].

Другой пример неумения увидеть скрытый смысл, вытекающий из различия речевых стратегий, принятых в разных культурах, заклю-

чается в неправильной интерпретации русскими эмигрантами в США высказываний их американских собеседников. Некоторые русские эмигранты воспринимали отказ (взять на работу, опубликовать статью, финансировать проект) почти как согласие, потому что американцы стремились «подсластить пилюлю» (сказать нечто вроде «мы вам еще позвоним», «мы вернемся к этому вопросу позже» и т. п.). По-видимому, в англосаксонской культуре по сравнению с русской больше запретов на то, чтобы говорить неприятные вещи (и, вероятно, более сильно предписание говорить приятное). Казалось бы, последнее требует готовности отклоняться от истины, когда правда может быть неприятна собеседнику, и, таким образом, культуры с таким предписанием должны быть менее требовательны в отношении правдивости. Но оказывается, в некоторых областях, наоборот, англосаксонская культура более «правдива», а русская культура едва ли не в большей степени терпима к *вранью*: в общении с начальством и в любовных делах (подробнее см.: [Шмелев 2005]).

Взаимное непонимание речевых стратегий собеседника в диалоге может приводить к тому, что речевая коммуникация внешне оказывается чрезвычайно похожа на конфликтный диалог (и, более того, способна привести к реальному конфликту). Однако если цель собеседников не заключается в достижении «победы» в разговоре, конфликт бывает связан с недоразумением, а не с реальной конфликтностью диалога.

Так, в русской диалогической речи, особенно когда собеседника в чем-то надо убедить, широко используются обращения: *Ну, Маш, ну послушай*. В финской речи такого рода обращения не приняты, и когда русский прибегает к ним в соответствии со своими речевыми привычками, финн воспринимает это как панибратское похлопывание по плечу или как скрытое обвинение в том, что он не слушает и надо специально привлекать его внимание [Leinonen 1985].

Незнание сущности речевых стратегий, используемых представителями иной культурной традиции, может не только препятствовать пониманию скрытого смысла сообщения (и даже приводить к конфликтам), но и быть источником ложных стереотипов, выражающихся посредством достаточно примитивных клише. Представления о прямолинейности и авторитарности немцев, неискренности японцев во многом связаны с тем, как воспринимаются стратегии, к которым они прибегают для достижения своих коммуникативных целей.

Участвуют в создании стереотипов и речевые сигналы, призванные облегчить адресату речи вычисление скрытого смысла: паузы, из-

менения тона, громкости и т. п. Дело в том, что эти сигналы в разных культурах также используются по-разному. Так, распространенные представления о чрезвычайной медлительности финнов и эстонцев, по-видимому, связаны с большой длительностью пауз, посредством которых носители данной культурной традиции дают собеседнику возможность продолжить свой монолог, подумать над сказанным, вставить свою реплику. Длительные паузы накладываются на тот факт, что в финском и эстонском языках распространены долгие звуки (не только гласные, но и согласные), так что речь воспринимается как чрезвычайно медленная и соответственно как свидетельство медлительности говорящего.

О коммуникативных неудачах в силу различий в традиции использования речевых сигналов может свидетельствовать тот факт, что почти все иностранные преподаватели, работавшие в финских университетах, жаловались на некооперативность финских студентов: «Им задаешь вопрос, ждешь ответа, а они все молчат — и приходится самому отвечать». А финские студенты жаловались на преподавателей: «Задают вопрос, не дают рта открыть, сами тут же на него отвечают».

Итак, речевые стратегии носителей разных языков неодинаковы, и различия между ними отнюдь не сводятся к несовпадению отдельных деталей. При этом они обычно слабо осознаются самими говорящими на данном языке, что часто приводит к тому, что в философии называют натурализацией: различия между используемыми речевыми стратегиями воспринимаются как несходство между характерами и устройством жизни у носителей разных культур. Здесь кроется один из источников непонимания, ксенофобии и национальной отчужденности. Без глубокого осмысления этих различий невозможно развитие толерантности и взаимопонимания между представителями различных языков и культур.

¹ Книга «Games People Play: the psychology of human relationships», опубликованная в 1964 году, стала бестселлером и была переведена на многие иностранные языки. Книга «What Do You Say After You Say Hello!: the psychology of human destiny», представляющая собою новый шаг в развитии концепции ее автора, была опубликована в 1972 году, уже после смерти Э. Берна. Русский перевод этих двух книг (с небольшими сокращениями) см.: [Берн 1988].

М. Я. Дымарский

Речевая манера: конфликтность внутренняя и внешняя

I. «Нуждается ли современный русский язык в защите? — пишет Е. А. Земская. — Нет, я думаю, что нуждается в коррекции своего языка подавляющее большинство российских граждан. Нуждается в значительно более высоком уровне культуры все общество. “Порча” языка, о которой так много пишут, затрагивает не систему языка, а языковую способность, умение говорить. Новые условия функционирования языка, появление большого количества неподготовленных устных публичных текстов создают впечатление роста количества ошибок. <...> Язык — система самоочищающаяся. <...> В тоталитарные времена язык засушили, ему не доставало животворной влаги, теперь — перенасытили ею. Лишняя — уйдет» [Земская gramota.ru]. К этим словам можно добавить только одно соображение: для того, чтобы «подавляющее большинство российских граждан» осознало, что оно «нуждается в коррекции своего языка», чтобы эта неосознанная нужда превратилась в осознанную потребность — необходима огромная просветительская работа, возможно — даже с элементами принуждения, как предлагает И. А. Стернин [2003].

А для того, чтобы эта просветительская работа велась с максимальным учетом «фактора адресата», без чего она малоэффективна, как раз и необходима конкретизация понятия «речевая культура» (РК). Весьма перспективно в этом смысле направление исследований, в которых намечается «субкатегоризация» речевой культуры — с выделением нескольких типов РК [Гольдин, Сиротинина 1993, 1997; Ко-

четкова 1999; Осина 2001; Сиротинина 2001а, 2001б, 2003]. Это направление нацелено на изучение именно тех уровней реализации языковой способности, того умения говорить, о котором пишет Е. А. Земская. Поэтому идея разграничения типов РК обладает значительным объяснительным потенциалом и практической применимостью, причем в данном случае *практическая применимость* — не дежурная положительная характеристика, а животрепещущий вопрос, поскольку перед многими и многими членами общества, учреждениями, организациями все чаще возникает вполне конкретная задача: оценить уровень речевой культуры выпускника, работника, кандидата, дать / получить по этому поводу мотивированное заключение.

Вопрос, однако, заключается в том, каковы должны быть принципы применения данного понятийного аппарата.

Сосредоточим внимание на среднелитературном типе. Процитируем — почти полностью — характеристику, данную ему О. Б. Сиротининой: «Носителями этого типа речевой культуры является большинство образованного населения России: большинство людей с высшим образованием и значительное количество людей со средним образованием. Этот тип воплощает общую культуру человека в ее упрощенном и далеко не полном варианте. При этом характерной чертой среднелитературного типа является принципиальная удовлетворенность своим интеллектуальным багажом, отсутствие потребности в расширении своих знаний и умений, тем более в их проверке. Самоуверенность носителя среднелитературного типа речевой культуры приводит к системным ошибкам в орфографии, пунктуации, произношении, словоупотреблении и т. д. без тени смущения или даже с агрессивной защитой именно такого отношения к правилам. <...> Телевидение и другие средства массовой информации, а также популярная литература, нередко “макулатурного” типа, служит для носителей этого типа безусловным прецедентным текстом, речевая ущербность таких текстов носителями среднелитературного типа не осознается.

Среднелитературный тип — не до конца освоенный элитарный, поэтому в нем есть соблюдение норм литературного языка, даже стремление к большей “литературности”, но при отсутствии необходимых знаний это приводит к искаженным представлениям о правильности, злоупотреблению книжными и иностранными словами. <...> Частотны и иностранные слова с неправильным произношением и употреблением. <...> Отсутствие в сознании носителей среднелитературного типа речевой культуры большого словарного запаса не позволяет им

использовать в своей речи широкие синонимические возможности русского языка, что превращает их речь в штампованную: либо по типу старого новояза, либо с засильем сниженной лексики, к которой и сводится стремление сделать речь экспрессивнее. <...> Среднелитературность речевой культуры наших журналистов, речь которых является прецедентной (и даже эталонной) для носителей среднелитературного типа речевой культуры, создает замкнутый круг и способствует воспроизведению и все более широкому распространению именно среднелитературного типа речевой культуры» [Сиротинина 2001a].

В этой характеристике все убедительно, в том числе и иллюстрации, которые в целях экономии места здесь опущены. Тем не менее ряд признаков, справедливо указываемых О. Б. Сиротининой, допускает толкование в весьма широких пределах. Как оценить, например, в меру использует некоторый говорящий книжные и заимствованные слова или злоупотребляет ими? Где пролегает граница между уместным употреблением сниженной лексики и ее «засильем»? В более поздней работе О. Б. Сиротинина уделяет специальное внимание маркерам типа РК, отмечая при этом: «Очевидно, на каждом уровне языковой системы есть определенные сигналы (маркеры) типа речевой культуры, хотя и нет жесткости соотношения даже каждого отдельного маркера с определенным типом. Интуиция воспринимает, очевидно, не отдельные маркеры, а их целостную систему. <...> Маркеры типов речевой культуры носят скорее отрицательный характер, т. е. указывают на то, чего в данном типе речевой культуры быть не может или по крайней мере не должно быть» [Сиротинина 2003: 11]. По поводу среднелитературного типа автор далее пишет, что он, в сравнении с полно- и неполнофункциональными типами, «обнаруживается гораздо легче. Его выдает количество и грубость ошибок в речи, нередко судить о принадлежности говорящего и пишущего к этому типу речевой культуры можно даже по одному высказыванию <...>: бесконечные слова-паразиты, стремление говорить книжно, прецедентные куски речи, основанные на рекламе, передачах типа “Аншлаг” и никогда — на текстах из классической литературы» [Там же: 16]. Более — ничего.

Думается, что подобных критериев для более или менее объективных суждений недостаточно. Приведем лишь два примера.

1. Саратовская журналистка пишет в газетном материале: ...*Сколько раз я мысленно посылала к такой-то матери всю Германию, где он made in, когда сей продукт знаменитой торговой марки вследствие*

плохой точки опоры шумно шлепался в воду с полочки в ванной... (цит. по: [Осина 2001]).

Присутствие в этом фрагменте явно сниженных элементов *посылать к такой-то матери, шлепаться* очевидно; но позволяет ли оно констатировать засилье сниженной лексики? Яркая черта стиля этого газетного материала — совмещение разнородных языковых средств: книжных (*вследствие*), заимствованных (*made in, торговая марка*), сниженных. Как следует оценивать это совмещение и как может быть связана эта черта идиостиля журналиста с его речевой культурой? А. В. Осина констатирует в данном случае среднелитературный тип [Там же], нам же представляется, что оснований для такой оценки недостаточно.

2. М. Соколов в статье «Белые, красные, передовые» (Изв. 2000. 11 окт.) пишет (приводим лишь характерные для его стиля выдержки. — М. Д.): *...бездействие обвиняемого а priori объявляется преступным... принадлежит в аккурат той самой организации, которую так принято по поводу и без повода поминать. <...> Национальное охранительство не червонец, чтобы быть любезну всем... чтобы клеймить русский традиционализм словами «большевизм», «брежневизм», «чекизм» etc. <...> Тоталитаризм имманентно присущ России и в этом смысле никакого серьезного различия между Николаем II и Сталиным, между Россией и Совдепией нет...*

Бросается в глаза совмещение книжной, в большинстве своем заимствованной лексики, в том числе в оригинальном написании (*бездействие, а priori, охранительство, клеймить, традиционализм, тоталитаризм, имманентно, присущ, etc.*), и средств сниженных (*в аккурат, Совдепия*). Можно трактовать это совмещение как вычурность речи и на этом основании делать вывод о том, что автор с удовольствием демонстрирует свой интеллектуальный багаж, которым он, как и своим стилем, полностью удовлетворен, из чего может следовать и подведение его индивидуальной речевой культуры к среднелитературному типу (что и делает А. В. Осина в указанной работе). Однако думается, что такой вывод будет недостаточно мотивированным. При чем для того, чтобы согласиться с последним утверждением, не обязательно принадлежать к почитателям журналистского таланта М. Соколова и восхищаться его стилем¹.

Характерно, кстати, что бесспорно просторечных элементов в цитированных фрагментах нет. Наречное выражение *в аккурат*, отвергаемое литературной нормой, в последние годы находится на пике языковой моды, причем не языковой моды вообще, а моды, распрост-

раненной среди людей, речевую практику которых отличает игровое начало. Это выражение не первое и не последнее в бесконечном ряду средств, на время проникающих в речь носителей литературной нормы из-за ее пределов — и чаще всего туда же и возвращающихся. (Так было, например, со словечком *обалденный*, которое бытовало в молодежном сленге 60–70-х: через некоторое время оно едва не обрело права гражданства в литературном языке, а затем так же быстро вышло из употребления, почти забылось.) Но важно иметь в виду, что пока слово находится в сравнительно широком употреблении среди носителей нормы, у него особый статус: ведь речевая практика носителей нормы — это своеобразный испытательный полигон литературного языка, и просторечное словечко на этом «полигоне» уже не просто таковое, а кандидат в слова разговорной разновидности литературного языка. Данное словоупотребление — не продукт незнания нормы или пренебрежения ею, а элемент сознательного стиливого оформления текста: в данном случае — такого, чтобы текст содержал яркие «метки», опознавательные знаки для «своих» — причем «своих» не столько в смысле «единомышленников», сколько в смысле «*единоречников*», — и наиболее легко включался в определенный текущий дискурс в качестве его составляющей. Эту же природу имеет и употребление латиницы, и использование «сильно умных» слов и незакавыченных цитат.

Таким образом, если существующая сегодня общая характеристика типов речевой культуры может считаться вполне удовлетворительной, то принципы оценки типа речевой культуры, свойственного конкретному носителю языка, требуют дальнейшей разработки. В целом применимость понятия «тип речевой культуры» к анализу конкретной речевой практики некоторого носителя языка принципиальных сомнений не вызывает. Совершенно ясно, что это понятие дает исследователю в руки значительно более гибкий инструментарий, нежели дихотомия «владение — невладение культурой речи». Но и понятие типа РК представляет собой абстракцию очень высокого уровня, и методы его практического применения нуждаются в теоретическом осмыслении и обосновании, иначе слишком большой разрыв между общей характеристикой того или иного типа и некоторой конкретной речевой практикой будет постоянно провоцировать неадекватные выводы, ведущие к конфликтным ситуациям. Один из путей теоретического развития понятия «тип РК» заключается, по-видимому, в его дальнейшей субкатегоризации: чем больше разновидностей каждого типа мы знаем и чем полнее каждая разновидность описана, тем вероятнее

более точная оценка индивидуальной речевой культуры. Как в медицине: точнее ставит диагноз тот, кто больше знает о болезнях и их разновидностях.

II. Примечательно, что сам набор выделяемых типов РК эволюционирует. В работе [Сиротинина 2001а] названы: 1) элитарный, 2) среднелитературный, 3) литературно-разговорный, 4) фамильярно-разговорный типы (в пределах литературной нормы; как находящийся за ее пределами назван просторечно-жаргонизирующий тип); в работе [Сиротинина 2003] находим иную классификацию: 1) полнофункциональный, 2) неполнофункциональный, 3) среднелитературный, 4) литературно-жаргонизирующий, 5) обиходный типы («в сфере действия литературного языка»). Подобная эволюция, разумеется, естественна, и нельзя не согласиться, скажем, с разделением элитарного типа РК на полнофункциональный и неполнофункциональный. Это и есть тот элемент дальнейшей субкатегоризации типов РК, о необходимости которой только что было сказано.

Но в последнем варианте классификации появляется и нечто принципиально новое: в нем выделен *литературно-жаргонизирующий тип РК*. Присмотримся к его характеристике внимательнее.

Автор указывает, что этот тип складывается в самом конце XX века и сознательно насаждается в средствах массовой информации; «специфика этого типа заключается в сознательном насаждении сниженной, часто даже безграмотной речи» [Сиротинина 2003: 7]; «с аргогическим типом речевой культуры, характерным для людей, не знающих литературного языка, литературно-жаргонизирующий тип не имеет фактически ничего общего (даже жаргонные слова используются другие и с другой целью)» [Там же: 9]. Распространение этого типа автор объясняет, в частности, «приходом в СМИ, особенно на телевидение, новых кадров, среди которых оказалось мало специально подготовленных журналистов, а много самоуверенных, раскованных людей, не имевших никакой лингвистической подготовки и, к сожалению, далеко не всегда носителей хотя бы неполнофункционального типа речевой культуры» [Там же: 7]. Однако далее, приведя примеры из речи тележурналистов А. Караулова, Е. Киселева, С. Сорокиной и др., автор высказывает суждение, в сущности, парадоксальное: «Большинство журналистов, конечно, носители не среднелитературного типа речевой культуры, некоторые, видимо, даже являются носителями полнофункционального типа (при опросах к таковым, как правило, относят, например, В. Молчанова, с колебаниями — С. Со-

рокину, Е. Киселева, В. Познера), но типичен для многих именно литературно-жаргонизирующий тип, отличительной чертой которого является сознательное снижение речи из-за неправильного представления о хорошей журналистской речи» [Там же: 8–9].

Из этой формулировки вытекает, что можно быть носителем одновременно двух типов РК: например, неполнофункционального и литературно-жаргонизирующего. Можно ли, в таком случае, одновременно быть носителем полнофункционального — и неполнофункционального, среднелитературного — и обиходного, неполнофункционального — и арготического типов РК? Ясно, что нет: подобное исключается самим понятием типа РК. Следовательно, в данном варианте классификации в качестве еще одного типа РК фигурирует явление, которое не должно подводиться под категорию типа РК. Между тем существование этого явления несомненно. Как же следует его квалифицировать?

III. Думается, что наряду с понятием типа РК должно существовать еще одно понятие: *речевая манера*. Если тип РК или его разновидность определяется в основном факторами внешнего по отношению к личности характера (например, образование, доминирующая речевая среда и т. п.), то речевая манера определяется преимущественно внутренними факторами: темперамент, особенности характера, доминирующее настроение индивида и т. п.

Понятие речевой манеры не является и не может являться новым. Само словосочетание «речевая манера» известно давно и широко употребляется, хотя значения в него вкладываются различные. Ср. (рядка в цитатах моя. — М. Д.):

В художественных произведениях прямая речь воспроизводит все особенности речевой манеры персонажа. В первую очередь сохраняются черты диалекта или жаргона, например: в речи специалиста употребление терминологии и типичной для данной социальной группы фразеологии, употребление диалектизмов в речи жителей разных местностей. Затем сохраняются все особенности речи в связи с разным отношением к собеседникам и другим лицам (уважение, деловые отношения, насмешка, пренебрежение), с разным отношением к предмету речи (серьезность, разговорный стиль, шутовскость и т. д.) (Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. Синтаксис // <http://reader.boom.ru/gvozdev/s/stil6.htm>);

Речевая манера персонажа как проявление его характера, индивидуальности. Речевая манера персонажа как проявление его социального положения, образования, уровня культуры (Базовые литературоведческие понятия // <http://www.teencity.ru/doc/?bazovie>);

Пунктуация «Памятника», разреженная до почти безжизненной пустотности, играет не менее важную роль в формировании поэтического голоса, в котором воплощено это стихотворение. Она являет собой явный и преднамеренный контраст «институтской» экзальтированности, проецируемой речевой манерой лирического субъекта «Розы». Почти ничто не прерывает ровного течения стиха (Гаспаров Б. М. Заметки о Пушкине // Новое литературное обозрение. 2001. № 52 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/gasp-pr.html>);

Характерной особенностью русской речевой манеры первой половины XVIII века было употребление большого количества иноязычных заимствований, которые в дальнейшем из разряда окказиональной и потенциальной лексики вошли в словарный состав современного русского языка (Ясинская М. Б. Адаптация западноевропейских заимствований в сочинениях князя Б. И. Куракина // <http://drevn.narod.ru/jasinskaja.htm>);

Между поверхностнейшими элементами речевой манеры, формой выражения себя и между последними основами мировоззрения в художественном мире Достоевского всегда глубокая органическая связь (Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // <http://lib.webmalina.com/getbook.php?bid=679&page=19>);

Греческое слово «мимесис» буквально значит «подражание», «изображение», в риторике так называли еще и передразнивание чужой речевой манеры (Хазагеров Г. Г. Персоносфера русской культуры. Два свойства персоносферы // Новый мир. 2002. № 1 // <http://www.relga.rsu.ru/n90/cult90.htm>);

Каю как раз и попытался показать, что возможна разговорная коммуникация письменного дискурса во всех его элементах. У него социализация литературного языка охватывает письмо сразу на всех его уровнях — графическом, лексическом и — что еще более важно, хотя и выглядит не столь эффектно, — на уровне речевой манеры (Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. 1987. С. 306–349 // <http://www.volunteering.org.ua/wordstown/Text/Barthes/pismo.htm>);

Дело в том, что и так называемые простые люди, и средние сословия, и высшие классы в действительности разговаривают на принципиально разных языках. Как пишет Лерх, речевая манера, т. е. практика языка, различна внутри каждой из трех социальных групп... (Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди. Гл. XI: Народные речения и язык как таковой. В преддверии новой лингвистики // http://iwolga.narod.ru/ortega/ort_9.htm);

Если отдать себе отчет в зрительских (слушательских) ощущениях, то несложно прийти к выводу, только кажущемуся парадоксальным: любовь, симпатию, так же как и раздражение, чаще всего вызывает именно речевая манера комментатора. Именно она остается в памяти.

Кто помнит, что говорил Котэ Махарадзе? Все помнят, как он это говорил (Уткин В. Записки о комментариях // <http://nash-c.narod.ru/f-review.html>)².

Приведенные цитаты показывают, что понятие речевой манеры давно используется и в стилистике, и в литературоведении, и в культурологии, и в философии, и просто в тех случаях, когда образованный человек размышляет об индивидуальных особенностях чьей-либо речи. Легко обнаружить, что при наличии некоторого общего ядра подразумеваемое толкование данного понятия варьирует в широких пределах. Именно подразумеваемое: каждый из цитированных авторов употребляет понятие речевой манеры как самоочевидное и не приводит дефиниций; исключение — Х. Ортега-и-Гассет, однако его — вслед за Лерхом — толкование данного понятия через столь же малоопределенное «практика языка» представляется не только не вполне внятным, но и спорным.

Известен, однако, и опыт сотрудников Научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» (Волгоград, руководители В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин; ранее — научно-исследовательская лаборатория «Язык и личность»), предложивших ввести понятие речевой манеры в современную теорию речевой культуры и, соответственно, подвергнуть его теоретической рефлексии (см.: [Языковая личность... 1998; 1999]). Поэтому наша задача в данном случае состоит не в том, чтобы предложить новое понятие, но лишь в том, чтобы уточнить его и подчеркнуть характер его связи с понятием речевой культуры.

Под индивидуальной речевой манерой будем понимать аспект речевого поведения, определяемый типом социальной (в том числе коммуникативной) позиции, доминирующей в социальном бытии индивида, его характером и темпераментом; аспект, включающий предпочитаемые индивидом синтаксические и интонационные конструкции, клише и штампы, пласты фразеологии и лексики. В это понятие входит и собственно манера говорения (темп речи, характер фонации, дикция и пр.).

Речевую манеру нужно отличать от идиостиля — понятия, более строго прикрепленного к письменной форме речи и, главное, обозначающего явление более строго организованное, обладающее внутренней системностью. Понятие идиостиля, как правило, применяется при характеристике речевой практики мастера слова; именно поэтому в идиостиле не должно быть ничего такого, что не было бы мотивировано условиями, ситуацией речи, коммуникативными и прагматическими задачами, эстетическими целями и т. п. Отличительными признаками речевой манеры, напротив, служат как раз черты, не имеющие подобных объяснений, черты, объяснение которых коренится не

в объективных факторах, а в личности говорящего. Например, человеку по разным причинам может быть свойственна повышенная склонность к иронии — и соответствующая ироничность речи даже в ситуациях, которые должны бы это качество исключать (скажем, в ситуациях объяснения в любви, беседы с ребенком); заниженная самооценка — и попытка компенсировать ее повышенной громкостью голоса, подчеркнутой уверенностью тона, чрезмерным использованием вводно-модальных компонентов со значением уверенности или заимствованных и книжных слов (если низкая самооценка касается интеллектуального уровня) — или, наоборот, прямое выражение заниженной самооценки в неуверенности тона, обилии вводно-модальных средств со значением неуверенности. Индивидуальная речевая манера несет на себе отпечаток уникального личного опыта индивида: по этой причине, скажем, в речевой манере преподавателя-филолога могут играть заметную роль жаргонизмы и арготизмы (хотя он прекрасно умеет обходиться и без них); аналогичным образом в речи человека, безукоризненно владеющего литературной произносительной нормой, в определенных ситуациях — с функцией дополнительной коннотативной окраски речи — может появляться диалектный акцент. Крайне любопытны в этом отношении наблюдения за речевыми манерами преподавателей, учителей, врачей, инструкторов, экскурсоводов и т. д. — людей, которым по роду деятельности постоянно приходится оказываться в одних и тех же типовых ситуациях. Ситуации типовые, однако при каждом повторе такой ситуации возникают и уникальные нюансы; чем точнее, скажем, преподаватель учитывает эти нюансы и изменяет в соответствии с ними свою речь — тем в меньшей степени он раб собственной речевой манеры. Однако не быть рабом собственной речевой манеры очень трудно...

Речевую манеру не следует смешивать и с типом речевого (шире — коммуникативного) поведения. Последнее складывается из речевых (коммуникативных) поступков, тактик, стратегий; речевая манера представляет собой способ осуществления этих поступков, тактик и стратегий. Совершенно ясно, что один и тот же речевой поступок может быть осуществлен в разных речевых манерах, даже если находится в пределах одного функционального стиля речи (ср.: *Не перебивайте меня, пожалуйста!* — *Потрудитесь не перебивать меня!* — *Не смейте меня перебивать!* — *Не смей меня перебивать!*). Весьма выразителен и следующий пример (выделяются характерные элементы имитируемой речевой манеры. — М. Д.):

И сейчас же проклятый переводчик оказался в передней, навертел там номер и начал почему-то очень плаксиво говорить в трубку:

— Алло! Считаю долгом сообщить, что наш председатель жилищно-коммунального хозяйства дома номер 302-бис по Садовой, Никанор Иванович Босой, спекулирует валютой. В данный момент в его квартире номер 35 в вентиляции, в уборной, в газетной бумаге четыреста долларов. Говорит жилец означенного дома из квартиры номер 11 Тимофей Квасцов. Но заклинаю держать в тайне мое имя. Опасаюсь мести выщезложенного председателя.

И повесил трубку, подлец (Булгаков М. А. Мастер и Маргарита).

Понятие речевой манеры имеет точки пересечения с известными понятиями языковой личности и речевой характеристики персонажа. Понятие языковой личности, однако, значительно шире (что очевидно), а понятие речевой характеристики персонажа имеет отношение к отражению, моделированию и типизации индивидуальных речевых манер в драматических и эпических произведениях.

Ясно, что теоретически индивидуальных речевых манер столько, сколько носителей языка. Но ясно и то, что они поддаются типизации: это убедительно доказывают, в частности, упомянутые речевые характеристики персонажей в художественной литературе.

Типов речевых манер, по-видимому, можно выделить много; но и здесь есть возможность восхождения к более высоким ступеням абстракции. В каждой социальной группе существует свойственный ей тип речевой манеры, являющийся в пределах этой группы своеобразным эталоном, и он поддается моделированию. Например, удачный опыт моделирования речевой манеры социальной группы, которая, к сожалению, в представлении не нуждается, можно наблюдать в следующем тексте.

Заяц и лиса Современная сказка

К-а-ароче, жил один раз такой пацан, типа — Заяц. Держал недвижимость — правильную реальную хату, че-как, ну, блин, — бунгало ваще. А рядом, два лаптя по карте, одна Лиса-кидала крутилась — ну, типа, деловая, блин, в натуре. А тут по весняку контору Лисы — бац! — спалила налоговая, и осталась Лиса не при делах.

Она, такая, имидж на морду прицепила — и до Зайца. Сдай, типа, Заинька, халабуду свою в аренду, а я потом тебе баксов отстегну немаленько.

Заяц, в натуре, клюв разинул и лоханулся конкретно. Сдал свой квадрат, покатыл на Канары оттянуться. Взад подгребает, а Лиса хату

уже втихаря на себя зарисовала и сидит, такая, типа, все пучком и с понтом, здесь выросла.

Заяц, такой, в обиду и бакланит: «Домой пусти, что ли, коза, блин!» А Лиса лыбу отшарила до макушки и тянет:

— Ты че, лох ушастый, гонишь, ваще нюх оторвало? Давай вали отседова на фиг и не возникай, пока в череп не схавал. Моя собственность.

Заяц, лошара, по горю двинулся и пошел в мусорник слезу давить.

— Ой, кинули меня, ментики-братики, продинамили по полной программе! Выручайте-спасайте, закона хочу. <...> (Петровский курьер. 1998. № 15. 20 апр.).

Приводить текст полностью не имеет смысла, но стоит обратить внимание на то, что в нем имитируется в том числе и манера говорения: *к-а-ароче, че, ваще*. Если попытаться прочитывать этот текст вслух, следуя литературным орфоэпическим и орфофоническим нормам, пародийный эффект будет близок к нулю: данная речевая манера требует носового призвука во всех гласных (гнусавости), подчеркнута растянутых редуцированных *о* и *а* в первом предупредном слоге (что фактически ведет к восстановлению долгого [а] полного образования), эмфатизированного фразового ударения и т. д.

Перед нами текст, стилевую принадлежность которого однозначно определить невозможно; стилистическая гетерогенность здесь принципиальна. Это не «чистый» блатной жаргон, в рамках которого невозможны литературные лексемы с официально-деловым оттенком: *недвижимость, собственность* (ср. образцы «чистых» жаргонных текстов, например, в работах М. А. Грачева или известный опыт Л. Н. Гумилева [Гумилев 1991]); это, разумеется, не стиль сказки и уж тем более не официально-деловой стиль, хотя элементы всех этих стилевых пластов здесь представлены. Для имитированной здесь речевой манеры, кроме иронического смешения стилей, характерна склонность к довольно далекой метонимии, иногда превращающей речь едва ли не в ребус (*сдал свой квадрат*), к окказиональному слово- и фразообразованию, влекущему тот же эффект (*по весняку; все пучком вместо все путем*), к своеобразной механистичной конкретности — иногда также с элементами метонимии (*имидж на морду прицепила, лыбу отшарила до макушки, нюх оторвало, закона хочу*). Все это приметы не стиля и не идиостиля, а именно речевой манеры, ибо нет оснований называть стилем то, что лишено внутреннего единства.

Попытка же максимально обобщить наблюдения над различными речевыми манерами приводит к следующему предположению.

Многообразие речевых манер индивидов, социальных групп, классов и слоев общества пронизывает единая оппозиция двух базовых

типов речевых манер. Первый из них можно обозначить как *моностилевой* тип, второй — как *полистилевой*.

Моностилевой тип консервативен. Он ориентируется на строго ограниченные нормы данной разновидности языка (территориального или социального диалекта, жаргона, литературного языка и т. д.) и в принципе не приемлет «смешения языков». Экспрессивная и эстетическая функции языка используются моностилевым типом в ограниченном объеме — поскольку круг средств ограничен рамками данной разновидности языка. Многообразные разновидности моностилевого типа наблюдаются в речевой практике людей, психическая энергия которых в процессе речевого поведения или распределена равномерно по двум направлениям (вовне: на собеседника — и внутрь: на функции самоконтроля, текущей рефлексии), или направлена преимущественно внутрь.

Полистилевой тип, напротив, динамичен. Его разновидности формируются в речевой практике людей, чья психическая энергия в процессе речевого поведения направлена преимущественно вовне, функция же самоконтроля ослаблена, причем очень часто сознательно. «Смешение языков» — родная стихия полистилевого типа, именно в нем этот тип черпает неограниченные ресурсы для реализации экспрессивной и эстетической функций языка. Полистилевая речевая манера всегда имеет более явно выраженный риторизирующий характер; другое дело, что средства риторизации речи могут быть, мягко говоря, различными. Например, И. А. Иванчук, анализируя проявления разговорности (Р) в речи представителей элитарного типа речевой культуры, выделяет две разновидности реализации риторической Р: умеренно экспрессивную и напряженно экспрессивную, — и приводит примеры из публичных выступлений Т. Г. Винокур и Э. А. Рязанова (см.: [Иванчук 2003: 173–175]; о различиях между риторической и эстетической Р см. в этой же работе). Если же говорить о средствах риторизации, используемых носителями среднелитературного и низших типов, то придется, по-видимому, выделять агрессивно-экспрессивную разновидность Р, просторечность, жаргонность и пр.

Оппозиция моно- и полистилевого типов речевых манер является привативной, и роль маркированного члена в ней отведена, как видно из намеченных характеристик, полистилевому типу. Речевая деятельность приверженцев полистилевой манеры всегда более заметна, она выделяется на фоне речевой продукции носителей моностилевой манеры и чаще вызывает равнодушную реакцию.

Сказанное тем не менее не означает, что невозможна такая же ре-

акция на речь носителей моностилевой манеры. Дело в том, что если внутренняя конфликтность присуща (по определению) только полистилевой манере, то конфликтность внешняя, определяемая не сущностными чертами речевой манеры, а соотношением культурно-речевых предпочтений участников коммуникации, может выявляться в конкретной коммуникативной ситуации в зависимости от соотношения типов речевых манер. Коммуникативное взаимодействие двух носителей моностилевого типа потенциально наименее конфликтно, если участники близки по типу РК (ср., скажем, диалоги Аркадия и Николая Петровича в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»). Коммуникативное взаимодействие двух носителей полистилевого типа (при тех же условиях) потенциально более конфликтно, поскольку стилистические предпочтения коммуникантов полностью совпадать не могут, а значит, вероятно, что какой-либо элемент речевой продукции одного из участников рано или поздно заденет другого (ср. диалоги Базарова и Павла Петровича). Но не менее — а иногда и более — потенциально конфликтно взаимодействие носителя полистилевого типа с носителем моностилевого: те или иные элементы речевой продукции каждого из участников неизбежно вызовут неприятие, недоумение, раздражение, возмущение и т. п. другого, что вполне естественно в ситуации существенного или полного несовпадения стилистических предпочтений (ср. диалоги Базарова и Аркадия).

Оба базовых типа речевых манер можно наблюдать в практике носителей любого типа речевой культуры, причем наблюдать всегда. Оппозиция моностилевого и полистилевого типов речевых манер имеет фундаментальный характер (так как опирается на типы речевого поведения, восходящие к типам социального поведения, которые, в свою очередь, восходят к типам темпераментов) и существует всегда. Однако в кризисные эпохи, когда обостряется борьба мнений, социальных групп и т. п., обостряется и противостояние речевых манер. Их борьба вносит свою лепту и в процесс, ведущий к качественно новому состоянию литературного языка.

Если вернуться к «литературно-жаргонизирующему типу РК», то можно сказать, что это скорее не тип РК, а типовая речевая манера, свойственная не только журналистам, но и весьма многим другим образованным людям — носителям (не)полнофункционального типа РК. Причины же формирования этой речевой манеры исчерпывающе исследованы в названной работе О. Б. Сиротининой.

С помощью предложенных понятий некоторые оценки типа РК, свойственного тому или иному лицу, могут быть скорректированы.

Например, суждение о вычурности речи М. Соколова явно имеет отношение не к уровню его речевой культуры, а к его индивидуальной речевой манере. Особенности его текстов, на которые обращает внимание А. В. Осина, также характеризуют именно его речевую манеру, и вызваны они не тем, что журналист владеет лишь среднелитературным типом речевой культуры, а тем, что его речевая манера представляет собой яркий образец полистилевого типа. На мой взгляд, общая характеристика индивидуальной речевой культуры в этом случае оказывается и точнее, и полнее: М. Соколова можно причислить к носителям элитарного (полнофункционального) типа РК с ярко выраженной ориентацией на полистилевую речевую манеру. Оба этих фактора в совокупности и приводят к тем особенностям речевой продукции журналиста, которые вызывают восхищение у одних читателей и отторжение — у других.

Тип речевой культуры и тип речевой манеры — понятия, которые, как разнонаправленные векторы, пронизывают толщу речевой практики языкового сообщества¹. Совместное и согласное использование обоих понятий позволит, можно надеяться, полнее описать и точнее структурировать эту речевую практику, а значит — создать более эффективный инструментарий для просветительской работы.

¹ См. в этой связи публикацию: *Проскурин О.* Максим Соколов: генезис и функции «забавного слога» // Новое литературное обозрение. 2000. № 41 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://nlo.magazine.ru/reporter/5.html>

² Продолжать цитирование бессмысленно: поисковая система Rambler.ru по запросу на словосочетание речевая манера обнаружила почти 5 тысяч документов.

³ О значении, вкладываемом в данном случае в понятие речевой практики, см.: [Дымарский 2003].

И. Н. Борисова

Конфликтогенная ситуация в повседневном общении

Наблюдение речевого поведения личности в повседневном общении приводит к осознанию частотности так называемых «ситуаций риска», которые являются потенциально конфликтными, угрожают разрушением коммуникативной гармонии и психологического баланса отношений между участниками общения. Реалии современного разговорного дискурса позволяют сделать далеко не самые утешительные выводы о состоянии культуры повседневного общения и коммуникативной компетенции людей, ступающих на «тонкий лед» конфликтогенного или потенциально конфликтного общения, о чем свидетельствует большая часть записей живых разговорных диалогов, представленных в данной статье¹.

Конфликтология — наука о сущности и причинах, типах и формах развития конфликтов, способах их регулирования и разрешения — изучает конфликт в целом и выделяет такие его признаки, как наличие двух сторон — субъектов; наличие противоречий, обуславливающих причины конфликта; взаимодействие сторон; изменения, вызванные противоборством сторон [Кох 1997]. Конфликт определяется в психологии как ситуация, в которой наличествует несовместимость действий, целей или желаний у двух лиц. Среди сущностных черт конфликта психологи выделяют наличие противоречия между субъектами, их противодействие, негативные эмоции по отношению друг к другу, наличие довербальной фазы развития [Майерс 1997].

Нас интересует речевой конфликт как вербализованное проявление

ние конфликтной коммуникативной ситуации. Предметом нашего рассмотрения является конфликтогенная ситуация. Наряду с этим наименованием мы будем пользоваться термином «потенциально конфликтная ситуация» или термином Т. В. Шмелевой «ситуация риска». Сущность такой ситуации заключается в ее коммуникативной амбивалентности: основным ее признаком является наличие различных возможностей разрешения ситуации риска и одинаковая вероятность достижения позитивного и негативного коммуникативного результата — от открытого конфронтационного речевого столкновения (собственно конфликта) до полной гармонизации дискурса. Для коммуникантов эта амбивалентность воплощается в ситуации выбора: еще есть возможность избежать открытого конфликта, но разногласия уже существуют и отражаются в речевых действиях партнеров по общению. Потенциально конфликтные ситуации не всегда переходят в конфликт. Коммуникативный результат зависит от прагматического и коммуникативного намерения, которые и определяют выбор стратегий речевого поведения обеими сторонами. В зависимости от стратегического замысла говорящий может использовать гармонизирующие или дисгармонизирующие тактики, разрешая конфликтогенную ситуацию в ключе толерантного или интолерантного общения.

Конфликтогенная ситуация отличается по набору основных признаков от собственно конфликтной. Опишем различия между конфликтной и потенциально конфликтной ситуациями.

Во-первых, основным признаком конфликта признается наличие глубинных сущностных противоречий в мотивациях человека, вскрывающихся в открытой конфронтации [Козырев 2000; Кох 1997; Крогиус 1976; и др.]. Конфронтационное поведение в конфликте обуславливает необходимость выбора решения и отказ от альтернативной возможности, непредсказуемость исхода конфликта, эмоциональное напряжение и негативные эмоции — раздражение, обиду, злость, страх, тревогу и т. п. Таким образом, конфликтная ситуация — это открытое столкновение интересов, стремление одной из противоборствующих сторон реализовать свою цель, нанести ущерб другой стороне, блокировать ее действия.

Отметим, что не всегда противоречия между коммуникантами носят сущностный психологический, экономический или социальный характер. В повседневном общении мы наблюдаем множество ситуаций, в которых причина речевого конфликта, как говорится, «выеденного яйца не стоит» и не вызывается сущностными психологическими противоречиями между участниками конфликта. Среди причин,

способных вызвать дисгармонизацию общения, можно назвать не только собственно противоречия, но и временные разногласия коммуникантов, вызванные ситуативными факторами: условиями текущей ситуации общения (например, сквозняк), речевыми коммуникативными неудачами, сбоями в функционировании канала общения (например, плохая связь по телефону, большое расстояние между партнерами; нахождение партнеров вне зоны видимости друг друга и т. д.), неблагоприятным эмоциональным состоянием говорящих в момент общения и многими другими, которые в психологическом отношении нельзя охарактеризовать как собственно конфликтные. Однако в разговорном диалоге и эти факторы могут вызывать речевую конфликтность.

Во-вторых, наши исследования свидетельствуют, что конфликтное взаимодействие характеризуется дисгармоничными типами коммуникативной координации речевого поведения [Борисова 2001, 2003, 2005]. Потенциальный конфликт не всегда реализуется в дисгармоничных типах диалогического взаимодействия и конфликтном типе коммуникативной координации речевого поведения.

В-третьих, любой конфликт, отраженный словесно в разговорном диалоге, обладает динамическими и процессуальными характеристиками. В. С. Третьякова определяет конфликт как «протекающее во времени коммуникативное событие, имеющее свое развитие», и выделяет в нем, согласно психологической традиции, следующие стадии: назревание, созревание, пик, спад, разрешение, которые формируют докоммуникативную и коммуникативную фазы [Третьякова 2002: 47]. По мнению исследователя, в докоммуникативной фазе осознаются мотивы, потребности, интересы коммуникантов, оба участника взаимодействия начинают ощущать конфликтность ситуации и готовы к агрессивным речевым действиям. Но это лишь готовность к конфликту, а не его языковая реальность. В конфликтологии этой стадии развития конфликта соответствует понятие «предконфликтная ситуация». Г. И. Козырев определяет ее как «рост напряженности в отношениях между потенциальными субъектами конфликта, вызванный определенными противоречиями» [Козырев 2000: 12].

Безусловно, структура и динамика конфликтных и конфликтогенных ситуаций определяется целями, мотивами и переживаниями оппонентов. Конечно, психологические состояния и прагматические интересы являются ключом к пониманию и прогнозу коммуникативного поведения в конфликтогенных ситуациях, основанием для выбора коммуникантами речевых стратегий и средств их языковой реали-

зации. Действительно, записи живых разговорных диалогов демонстрируют, что открытому конфликту в коммуникативном взаимодействии практически всегда предшествует предконфликтная коммуникативная фаза. Но в этой фазе присутствие языковых и речевых показателей конфликтности не является обязательным. Эта фаза еще гармоничного, бесконфликтного общения. А поскольку предметом нашего исследования является именно речевой конфликт, мы имеем дело с *вербализованными* продуктами взаимодействия и поэтому не можем судить о течении докоммуникативных фаз (назревание, созревание). Их результаты рано или поздно манифестируются в формах речевого диалогического противодействия, которое имеет свою коммуникативную динамику и результат. Мотивы и переживания коммуникантов не являются предметом лингвистического изучения, но исследование протекания потенциально конфликтных ситуаций позволяет говорить о типологических чертах динамики и организации речевого взаимодействия в таких ситуациях.

Мы предлагаем условно выделить в потенциально конфликтной ситуации несколько этапов (фаз, стадий) *с опорой на собственно языковые и коммуникативные показатели*.

В предконфликтной фазе речевое взаимодействие развивается в гармоничном русле, еще характеризуется кооперативной стратегией обоих участников и неконфликтными (консентным или конформным) типами коммуникативной координации их речевого поведения, не имеет языковых и речевых показателей конфликта.

Далее происходит фиксация разногласий коммуникантов, причин потенциального конфликта; вербализуется коммуникативный повод и возникают очаги эмоциональной напряженности и столкновение оценок предмета речи (тонально-оценочный сбой). Эта фаза обычно вербально маркирована. На этой стадии осуществляется распределение коммуникативно-ситуативных ролей: один из участников диалога становится инициатором ситуации риска (*конфликтант*): его активно-конфликтное коммуникативное поведение характеризуется конфронтационной установкой², провокативным речевым поведением, иногда агрессивней и является «спусковым механизмом», запускающим конфликт. Тем самым второму участнику навязывается реактивная роль (*респонсор*), не лишаящая его, однако, возможности проявлять коммуникативную инициативу и участвовать в управлении конфликтом: коммуникативное поведение респонсора может варьироваться в зависимости от его целей, установок, типа личности и коммуникативного опыта.

Переломный момент — момент принятия решения, выбор стратегии дальнейшего коммуникативного поведения (гармонизирующей или дисгармонизирующей общение) одной из сторон. От него зависит способ разрешения ситуации риска. Эта фаза практически всегда имеет речеповеденческие маркеры в диалоге — вербальные или паралингвистические. Коммуникативно-прагматический маркер — смена стратегии одним из коммуникантов.

Разрешение потенциально конфликтной ситуации в сферу негативного или позитивного коммуникативного результата зависит от реализованной участниками модели (сценария) коммуникативного взаимодействия. Фаза разрешения характеризуется меной коммуникативной модальности диалога [Борисова 2001: 212–228] и возможностью зафиксировать коммуникативный результат взаимодействия в конфликтной ситуации. Под коммуникативным результатом понимается речевой (гармонизация или дисгармонизация общения, т. е. наличие / отсутствие перехода конфликтной ситуации в вербализованный конфликт) и психологический (баланс отношений, эмоциональное состояние участников) исход ситуации риска.

В-четвертых, нестандартность потенциально конфликтной ситуации, наличие ситуации выбора лишает общение автоматизма. Поведение коммуникантов в этом случае зависит от целого ряда причин: от предмета разногласий, от целей собеседников, от психологических и коммуникативных особенностей их личностей, социокультурных факторов, коммуникативной компетенции и др. И если конфликтная ситуация разрешается через пик своего развития, т. е. крайнее обострение противоречий, то потенциально конфликтная ситуация не всегда характеризуется пиком конфронтации: он может быть сглажен, а иногда его возможно избежать, разрешая напряженность в позитивном ключе. Таким образом, ситуация риска — это лишь возможность конфликта, а не его действительность, это ситуативное столкновение интересов коммуникантов, это ситуации непроясненности коммуникативной обстановки или позиций. Именно поэтому конфликтные ситуации характеризуются неопределенностью исхода, возможностью выбора стратегии поведения.

В-пятых, если руководствоваться понятиями эффективности, результативности, успешности общения [Иссерс 2000; Культура русской речи 1996; и др.], то конфликтное речевое взаимодействие относится к типу общения с негативным коммуникативным и психологическим результатом. В конфликтной же ситуации результат взаимодействия зависит от умения коммуниканта адаптироваться, найти выход

из фрустрирующей ситуации. Традиционно принятая дихотомия негативный / позитивный³ результат может быть дополнена третьим возможным исходом — «промежуточным» результатом, который нельзя однозначно определить как коммуникативно позитивный или негативный. Это, например, капсуляция⁴ (приспособление), уклонение (уход, самоустранение) от конфликта, урегулирование конфликта (примирение, вынужденное вмешательство третьей стороны) и т. д. Подобные промежуточные результаты неоднозначны. С речеповеденческой точки зрения компромисс и капсуляцию можно оценить как позитивный коммуникативный результат, поскольку они нейтрализуют конфликтогенную ситуацию, не позволяя ей перейти в вербально выраженный открытый конфликт. Однако если гармонизация — это полное разрешение всех противоречий, то промежуточный коммуникативный результат лишь затушевывает, скрывает противоречия и обычно сопровождается негативным психологическим результатом: глубинные противоречия, которые являются истинной причиной конфликта, не разрешаются, и через какое-то время конфликт, уже вербально выраженный, все-таки произойдет. Психологическим результатом становится отсутствие катарсиса⁵, психологического комфорта, дисбаланс отношений, фрустрация, стресс (тревога, смятение, беспомощность, одиночество, вялость, затаенный гнев, усталость, другие негативные эмоции и болезненные состояния). Это позволяет считать коммуникативный результат подобного разрешения ситуации риска пограничным, или промежуточным, результатом общения. Назовем его нейтральным.

Эти отличия позволяют разграничить понятия собственно конфликтной и конфликтогенной ситуации.

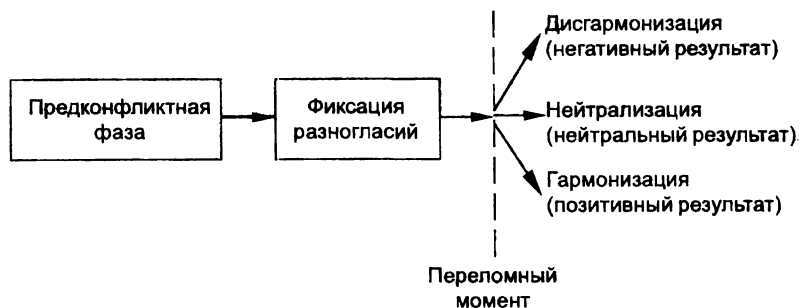
Потенциально конфликтная ситуация имеет место тогда, когда конфликтант инициирует конфликтогенные речевые действия (возражение, замечание, упрек, оскорбление, угроза и др.), чреватые фронтальным развитием взаимодействия, а респонсор предпринимает реактивные речевые действия (не всегда направленные против своего собеседника), имеющие результатом разрешение потенциального конфликта в сферу позитивного или негативного коммуникативного исхода (гармонизацию или дисгармонизацию общения).

Таким образом, ситуативно-коммуникативные разногласия между коммуникантами, вербализованные в разговорном диалоге с помощью языковых и речевых средств, обуславливают возникновение конфликтогенной ситуации. Речевое поведение участников общения, их психологические особенности и коммуникативный опыт определяют даль-

нейшее развитие конфликтогенной ситуации, которая может привести к негативному результату, открытому конфликту, его нейтрализации или разрешению в гармонизирующем ключе (схема 1).

Схема 1

Варианты развития конфликтогенной ситуации

Поскольку нейтральный коммуникативный результат речеповеденчески и культурологически традиционно трактуется как позитивный, можно отнести нейтрализацию конфликта, как и гармонизацию, к зоне толерантного общения [Борисова 2003, 2004].

Прагматический аспект коммуникативного поведения в конфликтогенной ситуации удобно описывать в терминах стратегии и тактики речевого поведения. Коммуникативная стратегия — это макроинтенция, соответствующая общему замыслу говорящего и реализуемая на протяжении всего коммуникативного события. Стратегический замысел имеет глубинную связь с мотивами, управляющими речевым поведением личности, а также явную связь с потребностями, желаниями и практическими целями человека. Коммуникативная стратегия предполагает целенаправленное воздействие на партнера по общению, соответствует общему замыслу говорящего. В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий и типа личности коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели (см.: [Верещагин 1992; Верещагин, Костомаров 2005; Городецкий 1989; Иссерс 1999]). Тактика — это одна из последовательно решаемых задач в границах определенной стратегической линии, интенция речевого поступка в

рамках выбранной стратегии поведения в конкретной ситуации. В то же время это коммуникативное средство коррекции речевого поведения, гибкого оперативного реагирования на изменение внешних и внутренних параметров коммуникативной ситуации; это динамическое использование коммуникативных речевых умений для построения диалога в рамках той или иной стратегии. Стратегический замысел определяет выбор и последовательность тактик, а также языковых средств и приемов их реализации.

Попытаемся дать систематизированное описание речевого поведения коммуникативных партнеров в потенциально конфликтных ситуациях повседневного общения на единых лингвопрагматических основаниях.

Гармонизация общения как вариант разрешения конфликтогенной ситуации: речеповеденческая модель «Примирение»

Гармонизация диалога в ситуации риска (и гармоничное общение в целом) характеризуется позитивным коммуникативным результатом: достигнута цель общения, остался прежним баланс отношений, участники коммуникации сохранили (или приумножили) свои положительные личностные качества, достигли психологического комфорта.

Стратегии кооперативного общения реализуются посредством консентной или конформной коммуникативной координации речевого поведения; поддерживают тональность взаимного приятия, отношения коммуникативного равенства. Стратегии речеповеденческой модели «Примирение» реализуются в ряде гармонирующих тактик (сближения, отказа от выбора, отстранения, вежливости, искренности, доверительности, компромисса и др.). Речевыми сигналами примирения становятся речевые поступки, которые обнаруживают солидарное с собеседником отношение к предмету речи или позитивные оценки собеседника. Они подтверждают совпадение установок собеседников, демонстрируют желание продолжить контакт, внимание и интерес к собеседнику. Обычны десемантизированные стереотипные высказывания типа речевых поддержек [Матвеева 2004].

Коммуникативные сценарии описываются как распределение ситуативно-коммуникативных ролей (конфликтант и респонсор), коммуникативной инициативы и взаимно скоординированных стратегий речевого поведения участников.

Как показывает анализ имеющихся записей разговорных диалогов

в ситуациях коммуникативного риска, речеповеденческая модель «Примирение» манифестируется в трех вариантах сценариев. Назовем их условно «Прощение», «Компромисс», «Сдерживание».

Коммуникативный сценарий «Прощение»

РД-1. Ситуативный контекст: разговор студентки филологического факультета (М.), 18 лет, со своим старшим братом, студентом юридического факультета (Е.), 21 год. Разговор происходит дома у М., в ее комнату только что зашел Е. Разговор записан осенью 2002 года в г. Первоуральске (Свердловская обл.).

Е. — *Привет //*

М. — *Здорово // Ты ничем меня не хочешь обрадовать?*

Е. — *В смысле?*

М. — *Ты мне / кажется / что-то обещал?*

Е. — *Че-ерт // Я опять их [диски] забыл // Прости //*

М. — *Ты мне эти диски уже целый месяц обещаешь принести и все никак донести не можешь (С УКОРОМ) //*

Е. — *Ну честное слово / я просто забыл //*

М. — *Да ну тебя // Достал уже // И сумку тоже не принес (С УКОРОМ) // Я уже и не спрашиваю про нее (С ОБИДОЙ) //*

Е. — *Мы просто с Леной в бассейн в воскресенье собрались / она нам нужна // А диски я тебе принесу // Только не обижайся (УГОВАРИВАЯ) / // Пожалуйста //*

М. — *Если ты мне их завтра не принесешь / я куплю кассету Губина или еще что[че]-нибудь вроде этого и буду слушать (ШУТЛИВО УГРОЖАЯ; ПОСТЕПЕННО СМЯГЧАЯСЬ) //*

Е. — *Только не это / не пугай меня так (ОБА СМЕЮТСЯ) //*

М. — *Ты завтра только не забудь / ладно?*

Е. — *Постараюсь (ШУТЛИВО) //*

М. — *Я тебе постараюсь (ШУТЛИВО УГРОЖАЯ)...*

Инициатором ситуации риска (конфликтантом) в данном фрагменте диалога является М. Цель М. — выяснить, почему Е. (респонсор) не сдержал обещание, выразить неудовольствие по этому поводу. Задача Е. — оправдать себя и постараться избежать потенциального конфликта. В речевой партии Е. реализована гармонизирующая стратегия избегания конфликта. Рассмотрим строение речевых партий М. и Е. как последовательность речевых поступков (Рп) с конкретными тактическими смыслами (см. табл. 1).

Предконфликтная фаза диалога отмечена гармонизирующими тактиками приветствия, относящимися к этикетной группе (*привет, здорово*). Однако тактики-деструкции в речевой партии М. формируют

Речевые партии коммуникантов в потенциально конфликтной ситуации

№	Речевая партия респонсора Е.	Речевая партия конфликтанта М.
1	<i>Привет // (инициирующее приветствие)</i>	<i>Здорово // Ты ничем меня не хочешь обрадовать? (ответное приветствие; провоцирующий вопрос-напоминание)</i>
2	<i>В смысле? (уточняющий вопрос)</i>	<i>Ты мне / кажется / что-то обещал? (настойчивое напоминание с намеком на деликт)</i>
3	<i>Че-ерт // Я опять их [диски] забыл // Прости //</i> (выражение досады на себя; признание деликта; извинение)	<i>Ты мне эти диски уже целый месяц обещаешь принести и все никак донести не можешь (С УКОРОМ) //</i> (упрек)
4	<i>Ну честное слово / я просто забыл //</i> (самооправдание)	<i>Да ну тебя // Достал уже // И сумку тоже не принес (С УКОРОМ) // Я уже и не спрашиваю про нее (С ОБИДОЙ) //</i> (демонстрация обиды; демонстрация раздражения; упрек — напоминание о старом деликте)
5	<i>Мы просто с Леной в бассейне в воскресенье собрались / она нам нужна // А диски я тебе принесу // Только не обижайся (УГОВАРИВАЯ) //</i> <i>Пожалуйста //</i> (самооправдание; обещание устранения причины деликта; настойчивая просьба о прощении вины)	<i>Если ты мне их завтра не принесешь / я куплю кассету Губина или еще что[че]-нибудь вроде этого и буду слушать (ШУТЛИВО УГРОЖАЯ; ПОСТЕПЕННО СМЯГЧАЯСЬ) //</i> (шутливая угроза)
Переломный момент		
6	<i>Только не это / не пугай меня так (ОБА СМЕЮТСЯ) //</i> (шутливое возражение)	<i>Ты завтра только не забудь / ладно? (просьба; запрос согласия)</i>
7	<i>Постараюсь (ШУТЛИВО) //</i> (обещание устранения причины деликта)	<i>Я тебе постараюсь (ШУТЛИВО УГРОЖАЯ)... (шутливая угроза)</i>

провоцирующую, конфликтогенную стратегию обвинения (предъявления претензий) и создают опасность негативного коммуникативного результата. К тактикам-деструкциям в речевой партии М. относятся тактика настойчивого напоминания о деликте (*Ты мне / кажется / что-то обещал?*), создающая негативный эмоциональный фон и способствующая возникновению ощущения неловкости у респонсора, тактика упрека (*Ты мне эти диски уже целый месяц обещаешь и все никак донести не можешь //*), тактика демонстрации обиды (*Да ну тебя //*), тактика демонстрации раздражения (*Достал уже //*). Особый диссонанс в развитие диалога вносит тактика припоминания старой обиды в сочетании с упреком (*И сумку тоже не принес (С УКОРОМ) //* *Я уже и не спрашиваю про нее (С ОБИДОЙ) //*).

Эффективная гармонизирующая стратегия признания вины в речевой партии Е. создается последовательностью тактик-реакций: выражения досады на себя (*Че-ерт //*), оправдания (*Я просто забыл //*; *Мы просто с Леной в бассейн в воскресенье собрались //*), обещания исправить причину (*А диски я тебе принесу //*), настойчивой просьбы о прощении деликта (*Только не обижайся //*). Гармонизирующие тактики-реакции призваны смягчить разногласия, преодолеть возможный конфликт.

Возвращение диалога в гармоничное русло происходит, когда в речевой партии М. меняется тональность и появляется тактика шутиливой угрозы (*Если ты мне их завтра не принесешь / я куплю кассету Губина или что[ч'о]-нибудь вроде этого и буду слушать //*), которая знаменует собой смену конфликтогенной стратегии М. на кооперативную. Последняя реализуется в речевой партии М. тактиками шутиливой угрозы (*Если ты мне их завтра не принесешь / я куплю кассету Губина или еще что[че]-нибудь вроде этого и буду слушать; Я тебе постараюсь...*), вежливой просьбы (*Ты завтра только не забудь //*), запроса согласия (*Ладно?*).

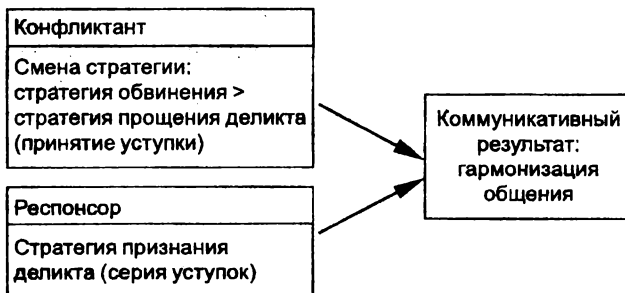
Смена стратегии конфликтанта находит отражение в смене тональности диалога. Это достаточно четко зафиксировано в паралингвистических и эмоциональных сигналах: в начале преобладают ремарки, заданные конфликтогенной стратегией М.: С УКОРОМ, С ОБИДОЙ, УГОВАРИВАЯ; во второй половине — ремарки, заданные стратегией прощения в речевой партии Е. и обусловленные речевой игрой: ПОСТЕПЕННО СМЯГЧАЯСЬ, С УСМЕШКОЙ, ОБА СМЕЮТСЯ, ШУТЛИВО. Смеховой катарсис определяет разрешение конфликтогенной ситуации в зоне толерантного общения, позитивного коммуникативного и психологического результата.

Респонсор последовательно придерживается стратегии примирения, игнорируя провокативный характер речевого поведения конфликтанта и признавая деликт. Опираясь на типологию языковых личностей по их поведению в конфликте, Е. можно отнести к рационально-эвристическому типу языковой личности, который характеризуется косвенностью выражения интенции, опорой на рассудочность, здравый смысл, склонность к смеховому катарсису, иронии. М. в своей речевой партии демонстрирует характерные черты кургуазного типа языковой личности, проявляющего себя в этикетности речевого поведения, в демонстрации обиды, некоторых элементах игры [Седов 1999].

Реактивная стратегия признания вины Е. направлена на разрешение противоречий. Ответным гармонизирующим фактором является уступка со стороны конфликтанта, выраженная речевым поступком просьбы и запроса согласия, и предшествующая этому мена тональности общения в речевой партии Е. (ремарки ШУТЛИВО УГРОЖАЯ, ПОСТЕПЕННО СМЯГЧАЯСЬ). Переломный момент — принятие уступок конфликтантом, который не отказывается от притязаний, но положительно воспринимает уступку Е. Принятие уступок обозначено сменой стратегии М. на гармонизирующую, позволяющую избежать открытого конфликта. Результат взаимодействия оказывается позитивным и в коммуникативном, и в психологическом аспекте.

Схема 2

Сценарий «Прощение»

Таким образом, коммуникативный и психологический результаты взаимодействия в конфликтной ситуации зависят от стратегий речевого поведения обоих участников. Для сценария «Прощение» характерно, что инициатором уступки является респонсор, а в речевом поведении конфликтанта происходит смена стратегии «обвинение / прощение деликта».

РД-2. Ситуативный контекст: разговор студентки филологического факультета (А.) со своим мужем, аспирантом философского факультета (К.), дома накануне похорон их друга. Оба в подавленном состоянии. А. без разрешения воспользовалась мобильным телефоном К. Диалог записан зимой 2003 года в Екатеринбурге.

А. — У тебя ведь был Юлькин телефон?

К. — Ну был // А ты что [че] / опять с моего сотового звонила (РАЗДРАЖЕННО)? Что ты все время с моего звонишь / у меня ведь запас не резиновый (ЕЩЕ БОЛЬШЕ РАЗДРАЖАЯСЬ) //

А. — Мой телефон в сумке / а твой близко (ОПРАВДЫВАЯСЬ) //

К. — У меня деньги кончились / не надо больше звонить по моему телефону (РЕЗКО) //

А. — Мы же договорились / что это наш домашний телефон //

К. — Это ты так решила (С УКОРОМ) // Я этого не хотел // (МОЛЧАНИЕ)

А. — Давай не будем сейчас ругаться по этому поводу (СМЯГЧАЯСЬ) // (МОЛЧАНИЕ)

К. — Киса / иди ко мне // Дай я тебя поцелую (ЛАСКОВО) //

Конфликтотенная ситуация обусловлена в большей степени эмоциональным состоянием, нежели реальными противоречиями коммуникантов. Разговор происходит накануне похорон их друга, они оба подавлены, и малейшее противоречие грозит конфликтом. Ситуация с сотовым телефоном есть лишь повод для того, чтобы дать выход негативным эмоциям. Рассмотрим строение речевых партий М. и Е. (табл. 2).

В первой части речевой партии конфликтанта преобладают тактики-деструкции: тактика провоцирующего вопроса-обвинения, фиксирующего противоречия, тактика демонстрации недовольства и раздражения (*А ты что [че] / опять с моего сотового звонила (РАЗДРАЖЕННО)?*), их обоснование (*У меня ведь запас не резиновый (ЕЩЕ БОЛЬШЕ РАЗДРАЖАЯСЬ) //*), тактика упрека (*Что [че] ты все время с моего звонишь //*), тактика категоричного запрета (*Не надо больше звонить по моему телефону (РЕЗКО) //*), тактика обвинения (*Это ты так решила (С УКОРОМ) //*) и тактика самооправдания (*Я этого не хотел //*).

А. вынуждена защищаться, она использует тактику самооправдания (*Мой телефон в сумке / а твой близко (ОПРАВДЫВАЯСЬ) //*). Стараясь смягчить назревающий конфликт, А. в одной из своих реплик не просто оправдывается, а напоминает об их общем с К. решении, пытаясь апеллировать к «мы» (*Мы же договорились / что это*

**Речевые партии коммуникантов
в потенциально конфликтной ситуации**

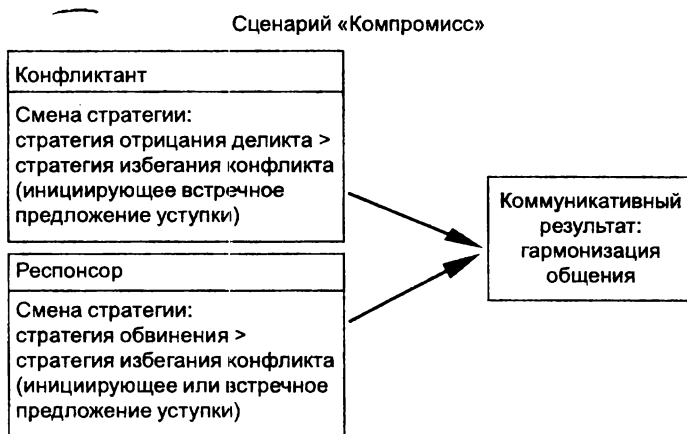
№	Речевая партия респонсора А.	Речевая партия конфликтанта К.
1	<i>У тебя ведь был Юлькин телефон? (вопрос-предполо- жение)</i>	<i>Ну был // А ты что [че] / опять с моего со- тового звонила (РАЗДРАЖЕННО)? Что [че] ты все время с моего звонишь / у меня ведь запас не резиновый (ЕЩЕ БОЛЬШЕ РАЗДРА- ЖАЯСЬ) // (ответ; провоцирующий вопрос- обвинение; демонстрация недовольства, раз- дражения; его обоснование)</i>
2	<i>Мой телефон в сумке / а твой близко (ОПРАВ- ДЫВАЯСЬ) // (само- оправдание)</i>	<i>У меня деньги кончились / не надо больше зво- нить по моему телефону (РЕЗКО) //(обосно- вание просьбы; требование-запрет</i>
3	<i>Мы же договорились / что это наш домаш- ний телефон // (само- оправдание)</i>	<i>Это ты так решила (С УКОРОМ) // Я этого не хотел // (обвинение; самооправда- ние)</i>
Переломный момент		
4	<i>Давай не будем сейчас ругаться по этому поводу (СМЯГЧАЯСЬ) // (призыв к примирению, смена тона)</i>	<i>Киса / иди ко мне // Дай я тебя поцелую (С НЕЖНОСТЬЮ) // (смена тона; ласковое обращение; ответный призыв к интимизации)</i>

наш домашний телефон //). Попытка примирения с обращением к категории «свой круг» (противопоставление «мы — они») в речевой партии А. не находит положительного отклика у конфликтанта, который реагирует обвинением (*Это ты так решила //*) и самооправданием (*Я этого не хотел //*) с подчеркнутым интонационным выделением личных местоимений, предпочитая конфронтационное личностное противопоставление («я — ты»). Тональность диалога с каждой репликой становится более эмоционально напряженной. Назревающий конфликт кажется неизбежным, однако внезапно возникающая пауза прерывает ход диалога. Она дает собеседникам возможность обдумать их дальнейшее коммуникативное поведение.

Наступает переломный момент в развитии конфликтотенной си-

туации. А. предпринимает прямой шаг к гармонизации отношений с помощью тактики призыва к примирению (*Давай не будем сейчас ругаться по этому поводу //*). Реплика СМЯГЧАЯСЬ свидетельствует о том, что А. готова пойти на уступку, на компромисс, не признавая, впрочем, себя единственной виновницей ситуации риска. Следующие после паузы-размышления тактики интимизации⁶ — смены тона, ласкового обращения и сближения — являются ответной уступкой конфликтанта и свидетельствует о том, что диалог окончательно перешел в гармоничное русло (*Киса / иди ко мне // Дай я тебя поцелую //*).

Схема 3

Гармонизация общения в сценарии «Компромисс» достигается за счет серии взаимных уступок обеих сторон; при этом для успешной реализации модели не существенно, кто является инициатором компромисса и уступает первым. Рациональные стратегии коммуникантов способствуют формированию линии кооперативного поведения и получению позитивного коммуникативного и психологического результата.

Коммуникативный сценарий «Сдерживание»

РД-3. Ситуативный контекст: разговор студентки филологического факультета (Л.) со своим знакомым (Д.), студентом УГТУ-УПИ, на дне рождения их общего друга (В.). Л. намеревается уходить домой;

Д. этим недоволен, хочет убедить ее остаться. Диалог записан в марте 2003 года в г. Первоуральске (Свердловская область).

Д. — Ты что [че] / уже уходишь что ли?

Л. — Да / давно пора уже //

Д. — Нет / я не понял (С РАЗДРАЖЕНИЕМ) // Ты куда собралась (ВЛАСТНО, С РАЗДРАЖЕНИЕМ)?

Л. — Я же сказала / домой (СПОКОЙНО) //

Д. — А что [че] так рано-то?

Л. — Ничего себе рано / третий час ночи //

Д. — Что тебе дома-то делать?

Л. — Я очень устала сегодня [сегодня] // Нужно выспаться как следует / завтра тяжелый день // Так что ...

Д. — Слушай / если ты уйдешь / я обижусь (С ОБИДОЙ) //

Л. — Перестань // Что прям как маленький-то (С ИРОНИЕЙ) //

Д. — Ну и ладно (ДЕЛАЯ ВИД, ЧТО ОБИЖАЕТСЯ) //

Л. — На обиженных воду возят // Знаешь об этом (УЛЫБАЯСЬ)? (ПАУЗА)

Д. — Пофиг (ВЗДОХНУВ) // Вали домой / раз уж тебе так надо (ПОСТЕПЕННО СМЯГЧАЯСЬ) // Только дождись такси ради бога / одну я тебя не отпущу пешком //

Л. — Ладно //

(ВХОДИТ В., ИМЕНИННИК.)

В. — Приходи завтра торт есть //

Л. — Угу //

В. — Счастливо //

Д. — Пока //

Л. — Ладно / пока //

Л. (респонсор) имеет четкую рациональную стратегию — избежать потенциального конфликта; стратегия Д. (конфликтанта) — заставить Л. подчиниться. Провоцирующие конфликт тактики-деструкции Д., которые в начале диалога особенно агрессивны, что подчеркнуто в ремарках С РАЗДРАЖЕНИЕМ, ВЛАСТНО — это тактики демонстрации раздражения и провокативного вопроса в одной реплике (Нет / я не понял (С РАЗДРАЖЕНИЕМ) // Ты куда собралась (ВЛАСТНО, С РАЗДРАЖЕНИЕМ)? //), угрозы (...если ты уйдешь / я обижусь (С ОБИДОЙ) //). Кроме того, дисгармонию в развитие диалога вносит серия вопросительных тактик Д., напоминающих допрос с доминирующей коммуникативной позиции: Ты куда собралась? А что [че] так рано-то? Что тебе дома-то делать?

Л. устала, твердо намерена ехать домой, избежав выяснения отношений и потенциального конфликта. Ее репликам свойствен спокойный, сдержанный тон, который является паралингвистическим сред-

ством гармонизации взаимодействия. Л. использует гармонизирующие тактики оправдания с рациональной аргументацией (*Я очень устала сегодня // Нужно выспаться как следует...*), возражения и его аргументации (*Ничего себе рано / третий час ночи //*), спокойного увещевания (*Перестань // Что прям как маленький-то (С ИРОНИЕЙ) //*), указания на неуместность поведения со ссылкой на общепринятые правила кооперативного общения (*На обиженных воду возят //*). Тактика дружеского подтрунивания, имеющая своей целью снять эмоциональное напряжение (*Знаешь об этом (УЛЫБАЯСЬ)?*) подготавливает гармонизацию общения. Улыбка Л., сопровождающая эту реплику, усиливает гармонизирующий эффект. Это подтверждается ремаркой при следующей реплике Д. ДЕЛАЯ ВИД, ЧТО ОБИЖАЕТСЯ.

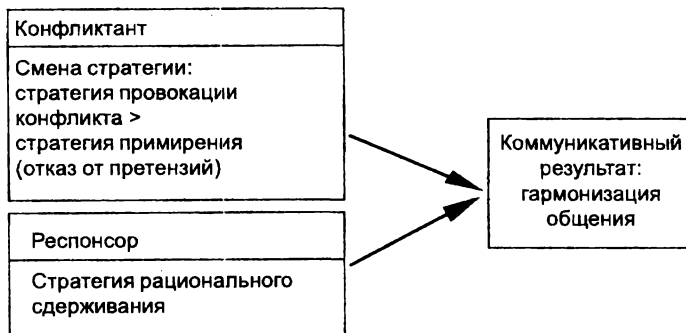
Переломный момент в развитии конфликтогенной ситуации манифестируется репликой Д. *Пофиг //*, где совместно выражены тактики демонстрации деланного равнодушия и отказа от претензий, а затем тактикой уступки — «разрешения» действий Л., ранее вызывавших неодобрение Д. (*Вали домой / раз уж тебе так надо //* ПОСТЕПЕННО СМЯГЧАЯСЬ) и тактикой демонстрации заботы (*Только дождись такси ради бога / одну я тебя не отпущу пешком //*). Гармонизирующий эффект поддерживается вмешательством третьей стороны, приглашением В. (*Приходи завтра торт есть //*). Правда, М. не является модератором, так как его вмешательство происходит уже после гармонизации общения и не влияет на разрешение конфликтогенной ситуации (табл. 3).

Л. строит свою речевую партию в ключе сдерживания конфликта и сознательной редукции модальных реакций на тон высказывания конфликтанта. Речевые поступки Л. характеризуются не только игнорированием конфликтогенных интенций реплик оппонента, нейтрализацией негативных эмоций, но и паралингвистическими тактиками демонстрации уверенности и спокойствия. Последовательность коммуникативного поведения и сдержанность респонсора приводит к уступке (отказу от претензий) Д. и наступающей за ней гармонизации взаимодействия. Стратегия сдерживания Л. оказывается эффективной в коммуникативном и психологическом аспектах: удалось избежать конфликта и сохранить равновесие отношений, психологический комфорт. Разрешению конфликтогенной ситуации в зоне толерантного общения способствует то, что реакции Л. рациональны, не вторгаются в личностную сферу Д., позволяют ему «сохранить лицо» и даже продемонстрировать великодушие, «разрешая» Л. поступить по-своему (схема 4).

**Речевые партии коммуникантов
в потенциально конфликтной ситуации**

№	Речевая партия респонсора А.	Речевая партия конфликтанта К.
1	<i>Ты что [че] / уже уходишь что ли? (провоцирующий вопрос, демонстрация недовольства)</i>	<i>Да / давно пора уже // (ответ; аргумен- тация)</i>
2	<i>Нет / я не понял (С РАЗДРА- ЖЕНИЕМ) // Ты куда собралась (ВЛАСТНО, С РАЗДРАЖЕНИЕМ)? (уточняющий вопрос; демонстрация раздражения)</i>	<i>Я же сказала / домой (СПОКОЙНО) // (повторение ответа; игнорирование про- вокативного тона)</i>
3	<i>А что [че] так рано-то? (вопрос-возражение, выяснение причин)</i>	<i>Ничего себе рано / третий час ночи // (отклонение возражения, аргументация)</i>
4	<i>Что тебе дома-то делать? (вопрос-возражение, выяснение причин)</i>	<i>Я очень устала сегодня [седыня] // Нуж- но выспаться как следует / завтра тя- желый день // Так что... (отклонение возражения, аргументация ответа)</i>
5	<i>Слушай / если ты уйдешь / я обижусь (С ОБИДОЙ) // (угроза-шантаж)</i>	<i>Перестань // Что прям как маленький- то (С ИРОНИЕЙ) // (просьба прекра- тить угрозы; спокойно-ироничное уве- щевание)</i>
6	<i>Ну и ладно (ДЕЛАЯ ВИД, ЧТО ОБИЖАЕТСЯ) // (демонстрация мнимой обиды)</i>	<i>На обиженных воду возят // Знаешь об этом (УЛЫБАЯСЬ)? (шутливое указа- ние на неуместность поведения)</i>
Переломный момент		
7	<i>Пофиг (ВЗДОХНУВ) // Вали домой / раз уж тебе так надо (ПОСТЕПЕННО СМЯГЧА- ЯСЬ) // Только дождись такси ради бога / одну я тебя не отпущу пешком // (демонстрация равнодушия; отказ от претензий; демонст- рация заботы и участия)</i>	<i>Ладно // (выражение согласия)</i>

Сценарий «Сдерживание»

Основным речевым поступком, запускающим процесс гармонизации, можно считать отказ конфликтанта от претензий. Функцию уступки наиболее эффективно выполняют тактики признания вины, извинения, обещания, призыва к примирению. Функцию сдерживания — тактики демонстрация уверенности и спокойствия, рационального реагирования и последовательного избегания негативных эмоциональных и оценочных реакций на адресата и ситуацию.

Отметим характерное для модели сдерживающего взаимодействия бинарно-циклическое строение дискурса. До переломного момента он формируется повторяющимися циклами, состоящими из пар речевых поступков провоцирующих дисгармонизирующих тактик конфликтанта и гармонизирующих реактивных тактик респонсора: тактика-деструкция + тактика-сдерживание.

Итак, мы рассмотрели один вариант коммуникативного разрешения конфликтогенной ситуации, характеризующийся гармонизацией общения и позитивным коммуникативным результатом, — «Примирение», который может реализоваться в сценариях «Прощение», «Компромисс» и «Сдерживание» (табл. 4).

Описанные сценарии, безусловно, не исчерпывают всех реальных возможностей выхода из потенциально конфликтной ситуации путем примирения. Можно констатировать наличие сценария «Взаимное признание деликта, или Солидарная ответственность» (*А. — Это моя вина // Б. — Нет, это я виноват(а) //*), который можно интерпретировать как один из вариантов общего сценария «Компромисс» (взаимные этикетные уступки). Автору приходилось наблюдать подобные речевые взаимодействия в живой разговорной речи и в ситуациях де-

Речеповеденческие сценарии гармонизации общения

Сценарий коммуникативного взаимодействия	Стратегия конфликтанта	Стратегия респонсора	Инициатор гармонизации	Результат
«Прощение»	Смена стратегии: стратегия обвинения > стратегия прощения деликта (принятие уступки)	Стратегия признания деликта (серия уступок)	Респонсор	Коммуникативная и психологическая гармонизация
«Компромисс»	Смена стратегии: стратегия обвинения > стратегия избегания конфликта (инициирующее или встречное предложение уступки)	Смена стратегии: стратегия отрицания деликта > стратегия избегания конфликта (инициирующее встречное предложение уступки)	Не существенно	
«Сдерживание»	Смена стратегии: стратегия провокации конфликта > стратегия примирения (отказ от претензий)	Стратегия рационального сдерживания	Конфликтант	

ловой коммуникации, но фиксаций таких коммуникативных событий в нашей текстотеке не оказалось.

Таким образом, можно утверждать, что способ разрешения потенциально конфликтной ситуации зависит не столько от стратегии поведения одного коммуниканта, сколько от *способов взаимной координации* речевых стратегий, постоянно воспроизводимых в сценариях коммуникативного взаимодействия (паттернах взаимно скоординированного коммуникативного поведения).

Как упоминалось выше, существуют еще два варианта разрешения конфликтогенной ситуации, характеризующиеся нейтральным и отрицательным коммуникативными результатами — назовем их «Обострение конфликта» и «Купирование конфликта». Рассмотрим речеповеденческие сценарии, в которых реализуются эти модели.

Дисгармонизация общения как вариант разрешения конфликтогенной ситуации: речеповеденческая модель «Обострение конфликта»

Конфликтное речевое поведение характеризуется повышенной импульсивностью и реактивностью речевых поступков с непрогнозируемым перлокутивным эффектом в зоне риска, некооперативностью речевого поведения, подчеркнутой конфликтностью отрицательных модально-оценочных реакций, смещенных в личностную сферу коммуникантов, диссонирующей тональностью общения с гипертрофией эмоциональности и эгоцентричности, высокой степенью активности коммуникантов в предъявлении личных претензий, деструктивным коммуникативным результатом в психологической и коммуникативной сферах.

Типичные дисгармонизирующие стратегии, провоцирующие конфликт, — это предъявление претензий, соперничество, игнорирование, демонстрация отрицательных эмоций, дискредитация, принуждение, захват инициативы и контроля над ситуацией, инвектива. Реализация дисгармонизирующих стратегий провоцирует у респонсора конфликтную коммуникативную установку и ответную отрицательную эмоциональную и поведенческую реакцию. Такие стратегии реализуются различными тактиками-деструкциями. В потенциально конфликтной ситуации они используются, как правило, в первой половине диалога и чаще всего только одним из коммуникантов (взаимное применение собеседниками тактик-деструкций есть уже реально текущий речевой конфликт).

Стратегия контроля над коммуникативной инициативой характеризуется захватом конфликтантом роли коммуникативного лидера, который осуществляет контроль над темой и регулирует объем речевого вклада респонсора [Борисова 2001: 248–253]. Намеренное осуществление контроля — поведенческого, эмоционального, интеллектуального — позволяет ограничивать свободу другого и традиционно рассматривается как способ осуществления власти над ним с помощью процесса говорения [Иссерс 1999; Третьякова 2002]. Это позволяет стратегию контроля над инициативой отнести к конфликтным стратегиям.

Суть стратегии принуждения к подчинению (см., например, РД-3) заключается в том, что ход коммуникативного события не совпадает с желаниями и представлениями субъекта речи, и он совершает речевые поступки, стремясь повлиять на партнера в своих интересах —

заставить его действовать соответственно желаемому результату. Стратегия принуждения к подчинению имеет два варианта реализации [Третьякова 2002: 95]: манипулятивный (сокрытие истинной цели и применение неконфликтных речевых действий: выражения симпатии, апелляции к положительным качествам партнера, позитивной стимуляции — обещания, похвалы, уговоров, убеждения, лести) или открыто конфликтный (выражение антипатии, апелляция к чувству долга партнера, авторитетам, негативная стимуляция — угрозы, шантаж, требования, запреты, упреки, приказы).

Если говорить о стратегии дискредитации, то ее цель — воздействие на адресата. В качестве одной из коммуникативных задач субъект речи видит унижение и осмеяние партнера в глазах третьего лица [Иссерс 1999]. В рамках данной стратегии применяются какие-либо негативные факты, мнения, аргументы, прямо или косвенно сигнализирующие о негативных оценках адресата. Для реализации этой стратегии избираются исключительно негативные, конфликтные речевые действия, такие как оскорбление, издевка, насмешка, обвинение. Цель этих действий — обидеть, унижить человека, выставить его в смешном виде. Стратегия дискредитации наиболее заметна в группе конфликтных стратегий. Она оценивается по перлокутивному эффекту, состоящему в умалении достоинств адресата, его оскорблении, осмеянии, и усиливается в присутствии третьих лиц.

Конфликтогенная ситуация с высокой степенью вероятности переходит в фазу открытого речевого конфликта, если один из участников психологически характеризуется как конфликтный тип личности со склонностью к «импульсивному поведению, реализуемому через малые стратегии, к доминированию роли говорящего, эгоцентричности, к морализации аспектов темы общения, к доминированию маркеров со значением неуверенности, пессимистичности, к иронии, сарказму, конфликтному столкновению интенций» [Сухих, Зеленская 1998: 19; см. также: Шалина 1998; Седов 1996].

Приведем фрагмент диалога, в котором ситуация риска разрешается в дисгармоничном ключе и ведет к отрицательному коммуникативному результату, реализуя следующий сценарий.

Коммуникативный сценарий «Разрыв контакта»

·РД-4. Ситуативный контекст: в подсобном помещении перед концом смены ВВ. (Валерий Владимирович, 46 лет, слесарь, образование специальное техническое) играет в компьютерные игры; М. (Максим,

25 лет, станочник, студент-заочник) и А. (Антон, 26 лет, электроэрозсионист, образование среднее) пьют чай.

М. — ...не понял / кто мою ложку (нец.)? Вообще оборзели?

ВВ. — Моя в варенье //

М. — (ПЕРЕДРАЗНИВАЯ) Твоя в варенье / блин / (НЕДОВОЛЬНО) я знаю / что ты в варенье // (НЕОДОБРИТЕЛЬНО) хлебом не корми / дай варенья ему //

А. — (УСЛУЖЛИВО ПОДХВАТЫВАЯ) Его хлебом не корми / дай водки попить (нец.) //

М. — Ему-то? Да я знаю // (ОБРАЩАЯСЬ К ВВ., НАЗИДАТЕЛЬНО) Валера / пора исправиться / сходи в медпункт / там вот / наглядная агитация / щас вот изучал //

ВВ. — Уже исправился (СМЕЕТСЯ) // Отстань / исправился //

М. — (РАЗЫГРЫВАЯ УДИВЛЕНИЕ) Как ты исправился? Ты не можешь так быстро исправиться / ты должен покаяться //

ВВ. — Я / я просто...

А. — (ПЕРЕБИВАЕТ) Он вчера на обед не ходил / прикинь / какое покаяние было //

М. — О-о-о / как он болел // (ОБРАЩАЯСЬ К ВВ., МЕНТОРСКИМ ТОНОМ) Валера / нельзя же так / блин / два выходных / понедельник взял [отгул] / и во вторник еще болел //

ВВ. — В пятницу начал //

М. — (ЦИТИРУЯ ИЗВЕСТНУЮ ФРАЗУ ИЗ ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ) О-о как все запущено-о // Постился / да?

ВВ. — Ага...

М. — Жрать ничего [ничо] нельзя / так водки значит // Все с тобой ясно //

ВВ. — Жрать ничо нельзя / точно ты сказал //

М. — (О КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЕ) Давай-давай вниз //

А. — На одну //

М. — (НАСМЕХАЯСЬ НАД ВВ., ЦИТИРУЕТ АНЕКДОТ) Но достаточно будет и половины дозы / ага? И вниз / и вниз Валера / что [чо] нет-то? Что[чо]-то долго ты думаешь / (ЯЗВИТЕЛЬНО) это динамичная игра / между прочим //

ВВ. — Ну и что [чо]?

М. — (НЕБРЕЖНО) Да ничего [ничо] //

ВВ. — Ну вот и сиди //

М. — (ИЗОБРАЖАЯ РАЗОЧАРОВАНИЕ) Я думал приду / увижу тебя за работой //

ВВ. — (РАЗДРАЖЕННО) Сидите и не (нец.) тут // (нец.) ты меня / Максим // С одной стороны конечно / когда ты зоешь (нец.) / но с другой стороны / к концу смены ты как (нец.) // Сначала вроде...

М. — (ПЕРЕБИВАЕТ, С УГРОЗОЙ) Все сказал?

ВВ. — Сначала вроде еще ничего / до обеда тебя терпеть можно //

М. --- (С НАЖИМОМ, ПОВЫШАЯ ТОН) *Ты все сказал?*
ВВ. --- (ЗЛО) *Ну что [чо] тебе [те] еще? (С ИЗДЕВКОЙ) И полхохла ты / понял (нец.) / если б ты полный хохол / можно б было с тобой поговорить //*

М. --- (С НАРАСТАЮЩЕЙ УГРОЗОЙ) *Что-о [чо-о]?*

ВВ. --- (ГОВОРЯТ ГРОМЧЕ И МЕДЛЕННЕЕ) *Был бы ты полный хохол / с тобой можно было бы поговорить //* А так / полхохла //

М. — (РЕШИТЕЛЬНО) *Все сказал?*

ВВ. — (НЕСКОЛЬКО ТИШЕ) *Нет еще //*

М. — (С РАССТАНОВКОЙ, РАЗДЕЛЯЯ СЛОВА) *Теперь посмотри на часы / и пять минут / помолчи / понял / да? Время пошло //*

ВВ. --- (ЧТО-ТО БОРМОЧЕТ НЕРАЗБОРЧИВО)

М. --- (СТРОГО, С НАПОРОМ) *Я сказал / помолчи //*

ВВ. — (С ДОСАДОЙ И ИРОНИЕЙ) *Эк...*

М. --- (ПЕРЕБИВАЕТ) *И без эк-пэк блин //* (ПАУЗА; М. ПОДХОДИТ К КОМПЬЮТЕРУ, ОБРАЩАЕТСЯ К А., ВСЕ ЕЩЕ РАЗДРАЖЕН) *Ну? Где сеть? Сеть-то где?*

А. — *Работает //*

М. — *Работает?* (М. ДЕМОНСТРАТИВНО ПЕРЕКЛЮЧАЕТСЯ НА РАЗГОВОР С А. О КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ).

На материале данного фрагмента отчетливо видна динамика конфликта. Этот конфликт провоцирует М. вторжением в личностную сферу коммуниканта ВВ. (тактики осуждения, иронии, сарказма, наигранного возмущения, издевательский тон):

М. — 1. Валера / пора исправляться / сходи в медпункт / 2. (РАЗЫГРЫВАЯ УДИВЛЕНИЕ) *Как ты исправился? Ты не можешь так быстро исправиться / ты должен покаяться //* 3. Валера / нельзя же так / блин / два выходных / понедельник взял [отгул] / и во вторник еще болел // 4. О-о как все запущено-о // *Постился / да? Жрать ничего [ничо] нельзя / так водки значит //* Все с тобой ясно // 5. (НАСМЕХАЯСЬ НАД ВВ., ЦИТИРУЯ АНЕКДОТ) *Но достаточно будет и половины дозы / ага? И вниз / и вниз Валера / что [чо] нет-то? Что[чо]-то долго ты думаешь / (ЯЗВИТЕЛЬНО) это динамичная игра / между прочим //* 6. (ИЗОБРАЖАЯ РАЗОЧАРОВАНИЕ) *Я думал приду / увижу тебя за работой //*

Начальный фрагмент можно квалифицировать как транспозицию спонтанно возникающего жанра проработки (с коммуникативной заданностью отрицательно-оценочного компонента «осуждение») в сферу непринужденного межличностного общения. Происходит поляризация позиций коммуникантов, которая разрушает модальное единство и тональный унисон, свойственные согласному течению разговора. Темой разговора и объектом отрицательной оценки является по-

ведение ВВ. Взаимодействие развивается по сценарию эмоционального подавления ВВ., вынуждения его к оправданиям. Однако кооперативное поведение ВВ. в первой половине диалога обусловлено нежеланием обострять ситуацию и организовано по типу консентной коммуникативной координации: тактики оправдания (*уже исправился* (СМЕЕТСЯ) // *Отстань / исправился* //; *Я / я просто*); речевые поддержки и реакции согласия (*Ага* //; *Жрать ничего [ничо] нельзя / точно ты сказал* //), уточнения (*В пятницу начал* //).

Стремление М. занять доминирующую позицию не поддерживается его социальным статусом в группе (он моложе ВВ. и не является его начальником). Адресованная обценная лексика, негативная личностная оценка в совокупности с оскорбительным тоном, речевые выпады инвективного характера (подначка, колкость, издевка, сарказм) позволяют квалифицировать речевое поведение М. как не санкционированное общекультурными нормами и правилами общения, принятыми в данном коллективе, и поэтому провоцирующее конфликт. Конформное речевое поведение ВВ., обусловленное неудовлетворенностью навязанной ему роли «прорабатываемого», скрывает нарастающую эмоциональную напряженность и назревание коммуникативного конфликта. Через некоторое время у ВВ. наступает реакция отторжения и протеста, которая обозначает границу частей с конформной и конфликтной коммуникативной координацией: ВВ. — *Сидите и не (нец.) тут* // *(нец.) ты меня / Максим* // *С одной стороны конечно / когда ты здесь (нец.) / но с другой стороны / к концу смены ты так (нец.)* // *Сначала вроде... сначала вроде еще ничего / до обеда тебя терпеть можно* //

Вторая половина диалога демонстрирует лавинообразное развитие речевого конфликта. ВВ. переходит к открытым оскорблениям М., вызванным желанием унижить его: ВВ. — (СО ЗЛОСТЬЮ) *Ну что [чо] тебе [те] еще?* (С ИЗДЕВКОЙ) *и полхохла ты / понял (нец.) / если б ты полный хохол / можно было б с тобой говорить* //; (ГОВОРИТ ГРОМЧЕ И МЕДЛЕННЕЕ) *Был бы ты полный хохол / с тобой можно было бы поговорить / а так / полхохла* //

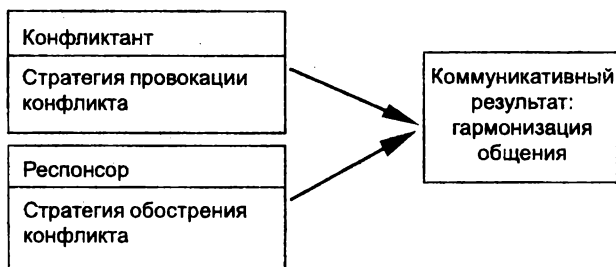
М. избирает тактику игнорирования оскорбления ВВ. и переходит к серии ответных угроз с нарастающей дисгармонизирующей тональностью:

М. — 1. (ПЕРЕБИВАЕТ, С УГРОЗОЙ) *Все сказал?* 2. (С НАЖИМОМ, ПОВЫШАЯ ТОН) *Ты все сказал?* 3. (С НАРАСТАЮЩЕЙ УГРОЗОЙ) *Что-о [чо-о]?* 4. (РЕШИТЕЛЬНО) *Все сказал?* 5. (С РАССТАНОВКОЙ, РАЗДЕЛЯЯ СЛОВА) *Теперь посмотри на часы / и пять минут / помолчи / понял / да? Время пошло* //

Цель угроз — речевое подавление ВВ. и его коммуникативная изоляция. Коммуникативный исход взаимодействия — разрыв контакта между М. и ВВ.

Схема 5

Сценарий «Разрыв контакта»

Дисгармоничный коммуникативный результат является следствием обострения потенциально конфликтной ситуации. Конфликтные диалоги могут иметь крайне неблагоприятный исход для партнеров коммуникации — разрыв контакта, психологическую травму, физическое насилие и т. п. Существует обширный репертуар дисгармонизирующих речевых поступков и тактик, разрушающих согласное течение диалога и провоцирующих открытый конфликт (неодобрение, осуждение, колкость, угроза, упрек, оскорбление и т. д.). По поводу сочетаемости тактик речевого поведения отметим, что в разговорных диалогах с дисгармонизирующей стратегией тактики часто взаимообусловлены; например, после тактики оскорбления, как правило, следует тактика угрозы или ответного оскорбления, после тактики колкости или издевки — аналогичные дисгармонизирующие тактики.

Для структуры диалогов, построенных по сценарию эскалации конфликта, характерно явление зеркального отражения тактик. Отметим типичное для модели конфликтного взаимодействия бинарно-циклическое строение дискурса. Он формируется повторяющимися циклами, состоящими из пар дисгармонизирующих инициальных и реактивных речевых поступков конфликтанта и респонсора: тактика-деструкция + тактика-деструкция.

Отметим, что существуют и другие модели перехода потенциально конфликтной ситуации в конфликт: в нашем примере (РД-4) раз-

рыв контакта инициирован конфликтантом; возможен такой же исход, инициированный респонсором, — *капсуляция*. Существуют записи, демонстрирующие сценарий «Эскалация речевого конфликта в неречевую сферу» и пр., которые невозможно описать в рамках ограниченного текстового пространства.

Нейтрализация как способ коммуникативного разрешения конфликтогенных ситуаций: речеповеденческая модель «Купирование конфликта»

Как уже упоминалось, нейтрализацию потенциального конфликта нельзя считать ни гармоничным, ни дисгармоничным результатом: он является гармоничным с коммуникативной точки зрения и дисгармоничным в психологическом отношении. Это пограничный, промежуточный результат общения. Скажем несколько слов о его психологической стороне. Все психологи однозначно оценивают подобные ситуации негативно, и связано это с биоэнергетикой. Тело постоянно, подобно компьютеру, читает наше отношение к людям, к окружающим вещам [Корнелиус, Фэйр 1992]. Часто именно телом мы постигаем свои эмоции. В разговорной речи это находит подтверждение в таких фразах, как *эта кожей чувствую, от страха желудок сводит, он у меня в печенках сидит, ты мне надоел до зубной боли* и пр. Избегая конфликта или уходя от него, мы ограничиваем себя в выражении негативных чувств, таких как боль, страх, гнев. Но это не значит, что мы отменяем эти чувства: они накапливаются в теле в виде заболеваний; они запоминаются мозгом и вызывают стресс; они требуют выхода, разрядки.

В отношении нейтрализации конфликтогенной ситуации мы должны отметить следующее: стремясь избежать вербально выраженного конфликта, хотя бы внешне сохранить равновесие в отношениях друг с другом, коммуникантам приходится подавлять свои чувства и при незначительных провокациях в будущем это может стать поводом для конфликтной ситуации, результатом которой станет открытый конфликт. Конечно, гнев, враждебность, обида и возмущение могут с легкостью стать разрушительными силами. Но эти же эмоции способны стать толчком для положительных изменений, если их силу мудро использовать. Например, раздражение по поводу постоянно прерывающихся разговоров может быть направлено на поиск более эффективной системы коммуникации.

Теперь рассмотрим коммуникативно-речевой аспект способов достижения нейтрализации. При этом обе стороны могут использовать

как гармонизирующие, так и дисгармонизирующие тактики. Кроме этого, встречается применение амбивалентных тактик, которые можно интерпретировать и как кооперативные, и как конфронтационные (например, тактики иронии, вынужденного согласия, молчания и т. п.).

Отметим, что тактики можно разделить на два типа: 1) социальные, или клишированные, т. е. извлекаемые из памяти; 2) индивидуальные, или эвристические, т. е. созданные говорящим в момент речи.

Рассмотрим действие описанных нами тактик в конкретных разговорных диалогах.

Коммуникативный сценарий «Избегание конфликта»

РД-5. Ситуативный контекст: разговор двух рабочих в подсобном помещении завода — М. (станочник, студент заочного отделения филологического факультета, 25 лет) и ВВ. (слесарь, 46 лет, образование специальное техническое). Диалог записан в г. Первоуральске (Свердловская обл.) в 1998 году.

М. — *А вот будет нормальный человек самогонку гнать?*

ВВ. — *Ну а почему нет?*

М. — *А кому она нужна-то? Пошел / взял нормальной водки //*

ВВ. — *А где ее нормальной-то найти?*

М. — *А ты не бери в киосках-то / (нец.) //*

ВВ. — *Да кто в киосках-то берет?*

М. — *Методом проб и ошибок определяешь / вот Михайлович пришел //*

ВВ. — *Определяешь / да?*

М. — *Не пей ерунду-то всякую (РАЗДРАЖЕННО) //*

ВВ. — *Кто ее пьет-то?*

М. — *Ты / а вот зачем тебе самогонный аппарат / скажи / вот ты гнал когда-нибудь самогон?*

ВВ. — *Гнал //*

М. — *Гнал?*

ВВ. — *Гнал //*

М. — *И что?*

ВВ. — *Нормально //*

М. — *Ты считаешь?*

ВВ. — *Да / я на самогонке гараж построил //*

М. — *Вот так вот спиваете друг дружку / (нец.) //*

ВВ. — *Огород вскопать / вот / обязательно нужно / уже надо готовиться / надо / надо / надо / (нец.) //*

М. — *Ты знаешь / температуру хотя бы / химик / (нец.) //*

ВВ. — *Температуру чего?*

М. — *Кипячения / при перегоне //*

ВВ. — На выходе должно где-то градусов 78 быть //

М. — Вот врешь ты все / 76 //

ВВ. — Ну вот немного / я тебе точно же...

М. — (ПЕРЕБИВАЯ) Не на выходе / а вообще / температура / чтобы вот это испарение / (нец.) / спирт испаряется при температуре 76 градусов / нормальный спирт / без всякого этого дерьма //

ВВ. — Да-да-да-да //

М. — А ты сивухи нагонись / и траванешься со своим самогоном //

ВВ. — Ну почему?

М. — (ВОЗМУЩЕННО) Это самогон гнать //

ВВ. — (СМЕЕТСЯ)

М. — Валера / (нец.) // Водки завались / запиться / (нец.) //

ВВ. — Водка хуже самогона //

М. — С чего она хуже-то?

ВВ. — Хорошо очищенный самогон / это (нец.) //

М. — Валера //

ВВ. — Огурцов закусить / вот так вот / хэм / (нец.) //

М. — Валера / о чем ты говоришь?

ВВ. — Такая бутылка самогона / мутного //

М. — Фу / (нец.) / вонючего //

ВВ. — Вонючего // (СМЕЕТСЯ)

М. — Валера...

ВВ. — Тазик огурцов / во //

М. — (УЛЫБАЯСЬ) Глупый ты //

ВВ. — Сам ты глупый / молодой еще / поумнеешь //

М. — Самогон пить / самогон / я понимаю еще украинскую горилку / (нец.) / но там же технология другая //

ВВ. — Но / а ты откуда знаешь технологию?

М. — Да / (нец.) / тут пришел Антошин папа / (нец.) / вот докопался до меня / <ты сделай мне самогонный аппарат> / вот у тебя есть Антоша / пусть он и делает //

(ПОДХОДИТ НАЧАЛЬНИК, СПРАШИВАЕТ ВВ. О ЧЕМ-ТО)

Перед нами фрагмент разговорного диалога, развивающегося в русле спора, это «несогласный» обмен мнениями по одному вопросу (о вреде самогона). Тема спора принимается обоими коммуникантами, но оценочной солидарности коммуникантов не наблюдается, мнения говорящих не совпадают. Стремление каждого коммуниканта отстоять свою позицию как единственно верную вызывает несогласие с мнением другого, однако это несогласие обозначает позиции коммуникантов по отношению к предмету спора (экзистенциальную модальность) и не вторгается в личностную сферу, не отражается на межличностной модальности и тональности разговора. Лишь однажды М.

произносит реплику, касающуюся личности собеседника (*Глупый ты //*), но мимическое сопровождение (*УЛЫБАЯСЬ*) позволяет квалифицировать ее не как тактику оскорбления или издевки, а как дружескую насмешку.

Итак, перед нами конфликтогенная ситуация. Речевые поступки коммуникантов характеризуются повышенной импульсивностью. ВВ. и М. имеют сходные стратегии — доказать правильность своей точки зрения, переубедить своего собеседника и по возможности избежать конфронтации. Обращает на себя внимание обилие вопросов-возражений:

М. — *А вот будет нормальный человек самогонку гнать?*

ВВ. — *Ну а почему нет?*

М. — *А кому она нужна-то? Пошел / взял нормальной водки //*

ВВ. — *А где ее нормальной-то найти?*

М., чтобы усилить свою аргументацию, упоминает в своей реплике о третьем лице («нормальный человек»), апеллируя тем самым к здравому смыслу своего собеседника. Обилие вопросов-возражений создает напряженный эмоциональный фон. Этому способствуют многократно используемая коммуникантами частица *то*, употребление которой характерно для просторечной речевой культуры и имплицитно оттеняет противопоставления (*нужна-то, нормальной-то, в кисках-то, ерунду-то, пьет-то* и т. д.). Эскалации конфликта способствует реплика М., построенная как вопрос, демонстрирующий интерес к мнению собеседника, но формально звучащая как вызов (*Ты считаешь?*); ироничное замечание-метавывод М. (*Вот так вы спаиваете друг дружку / (нец.) //*); усиливает эмоциональную напряженность и обценная лексика в неинвективном употреблении. Следующая реплика ВВ. (*Огород вскопать / вот / обязательно нужно / уже надо готовиться / надо / надо / надо / (нец.) //*) — первая попытка ухода от конфликта, тактика смены темы на нейтральную, не вызывающую разногласий. Однако М. возвращает разговор к теме, задает провоцирующий вопрос ВВ., используя при этом шутливо-ироническое обращение, подобранное в соответствии с темой спора (*Ты знаешь температуру хотя бы / химик / (нец.) //*). Благодаря именно этой насмешливой тональности дружеского подшучивания реплики-реакции ВВ. не так резки, как можно было бы ожидать. Например, на высказывание М., где открыто констатируется неправота ВВ. (*Вот врешь ты все / 76 //*), следует достаточно спокойное частичное согласие (*Ну вот немного / ...*). Мы видим, что при наличии совершенно противоположных позиций коммуникантов их общение не приводит к дисгармоничному результату и каждый остается при своем мнении. Ин-

интересна последняя попытка М. убедить ВВ. в своей правоте, заставить прислушаться к своим словам. М. несколько раз обращается к собеседнику, называя его по имени, но тот, как будто не слыша его, продолжает свою линию; игнорирующие реплики ВВ. позволяют ему удерживать коммуникативный ход и контролировать коммуникативную инициативу:

М. — Валера //

ВВ. — Огурцов закусить / вот так вот / хэм (нец.) //

М. — Валера / о чем ты говоришь?

ВВ. — Такая бутылка самогона / мутного //

М. — Фу / (нец.) / вонючего //

ВВ. — Вонючего !/ (СМЕЕТСЯ)

М. — Валера //

ВВ. — Тазик огурцов / во //

М. почти готов отказаться от дальнейших попыток переубедить собеседника, понимая, что, позволив себе более резкое обращение с ВВ., который старше его, он рискует закончить спор ссорой. Реплика ВВ. *Сам глупый / молодой еще / поумнеешь //* свидетельствует о его готовности дать отпор, что привело бы к обострению конфликта. Разрешающей конфликтогенную ситуацию гармонизирующей тактикой является уступка — сдвиг темы в реплике М. в сторону такой подтемы, в которой коммуниканты могут достичь согласия:

М. — Самогон пить / самогон / я понимаю еще украинскую горилку / (нец.) / но там же технология другая //

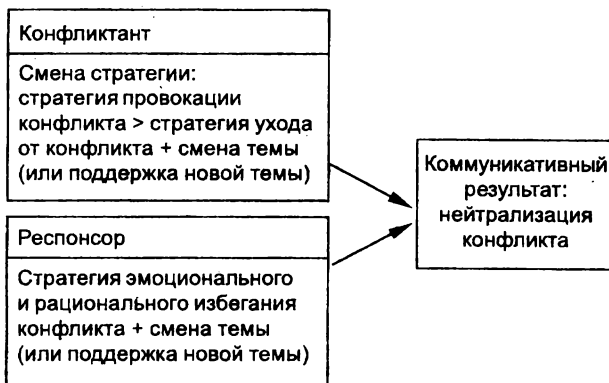
ВВ. — Но / а ты откуда знаешь технологию?

Отметим, что междометие *но* в реплике ВВ. — функциональный эквивалент *ну* или *ага*, т. е. реплика согласия, которое поддерживается развивающим вопросом, демонстрирующим интерес ВВ. к новому развороту темы (схема 6).

Итак, конфликтогенная ситуация, представленная в данном диалоге, оказывается нейтрализованной. Стратегии коммуникантов реализованы лишь наполовину: ни одному не удастся переубедить другого, однако удастся избежать открытой речевой конфронтации. Обратив внимание на ремарки, можно заметить, что ВВ. не воспринимает всерьез М., инициатора спора, как оппонента, о чем свидетельствуют в репликах ВВ. ремарки СМЕЕТСЯ, тогда как реплики М. сопровождаются ремарками РАЗДРАЖЕННО, ПЕРЕБИВАЯ, ВОЗМУЩЕННО, обусловленные негативным отношением к позиции ВВ.

Отметим, что условием успешной реализации поведенческого сценария «Избегание конфликта» является не только инициация участником (респонсором или самим конфликтантом) смены или сдвига

Сценарий «Избегание конфликта»

темы в нейтральную область общих интересов и согласия, но и последовательное удержание шутливой тональности респонсором.

Следующий диалог отличается от рассмотренного выше способом достижения нейтрализации конфликтотенной ситуации.

Коммуникативный сценарий «Модерация конфликта»

РД-6. Ситуативный контекст: разговор студентки филологического факультета Т., 20 лет, со своей подругой, студенткой юридического факультета Ю., 24 года. Они смотрят телевизионный сериал. Л., их подруга, студентка филологического факультета, 20 лет, присутствует, но в разговоре не участвует.

Т. — *Ой девочки / обожаю этого актера / но фильм... Я сегодня поняла / почему мне этот фильм не нравится // Я так рассчитывала посмотреть про любовь / а они уже шесть серий...*

Ю. — (ПЕРЕБИВАЕТ) *Ой Таня / да успеют они еще все // Что [че] ты от них хочешь...*

Т. — (ПЕРЕБИВАЕТ, С РАЗДРАЖЕНИЕМ) *Слушай / Юль / что [че] ты все время всех перебиваешь // Надоело уже // Я больше вообще слова не скажу //*

Ю. (МОЛЧИТ)

Т. — (С ОБИДОЙ) *Вот ты всегда так //*

Ю. — *Да ладно тебе //*

Т. — (С ОБИДОЙ) *Ладно / что [че] //*

(МОЛЧАНИЕ)

Ю. — (С ЛЕГКОЙ УСМЕШКОЙ) *Ну и что ты надулась?*

Т. — (ПЫТАЯСЬ СКРЫТЬ ОБИДУ) *Не надулась я //*

Ю. — *Нет / надулась //* Сейчас [щас] лопнешь (С ЛЕГКОЙ ИРОНИЕЙ)

Т. — (ПЫТАЯСЬ СКРЫТЬ ОБИДУ) *Я не надулась / я кино смотрю //*
МОЛЧАНИЕ. В РАЗГОВОР ВСТУПАЕТ Л.

Л. — *Мне кажется / ведь еще много серий осталось / он еще успеет
понять / что любит ее //* Так что по-любому все еще впереди //

Т. — *Да / конца пока не видно...*

Ю. — *Возможны варианты //*

В этом фрагменте разговорного диалога представлена конфликтно-генная ситуация, инициированная Т. С точки зрения стратегического замысла, к кооперации стремится Ю. В начале диалога Ю. по неосторожности перебивает Т., что и стало поводом для конфликтногенной ситуации. Без сомнения, этикетно не орнаментированный перебив-несогласие — средство, дисгармонизирующее общение, особенно если респонсором является личность, тяготеющая к конфликтному типу реагирования. Перебив вызывает деструктивную тактику замечания-отпора с прямым обращением к собеседнику (*Слушай / Юль / что [ч'о] ты все время всех перебиваешь //*), при этом следует открытое высказывание своего негативного отношения к речевому поступку собеседника и тактика отказа от дальнейшего участия в диалоге, близкая к капсуляции (*Надоело уже //* Я больше вообще слова не скажу //). Перебив вызывает зеркальную реакцию — ответный перебив. Возникает очаг напряженности, критическая точка, обозначающая возможность развития разговора по конфликтному сценарию. Однако Ю. молчит, явно обдумывая свое дальнейшее коммуникативное и речевое поведение. Она понимает, что ее речевой поступок явился поводом для разногласий, и выбирает для себя стратегию примирения. За репликой упрека-сверхобобщения Т., произнесенной с интонацией обиды (*Вот ты всегда так //*), следует реактивная тактика призыва к примирению (*Да ладно тебе //*). Слова *все время, всех, вообще* в упреке Т. могут свидетельствовать, по всей видимости, о том, что перебив является привычной манерой речевого поведения Ю. Следующая реплика, маркирующая переломный момент динамики конфликтногенного взаимодействия, представляет собой тактику предложения уступки (*Ладно / что [ч'о] //*), правда, сопровождающуюся сигналом неполного разрешения эмоционального напряжения (С ОБИДОЙ). Очевидно, Т. принимает решение избежать дальнейших «разборок» и выбирает стратегию избегания, использует тактику молчания-игнорирования. Но интонация обиды Т. не осталась незамеченной, и Ю. возобновляет диалог, причем ее реплика (*Ну и что ты надулась?*) является достаточно опасной в коммуникативном плане, поскольку своим итогом может иметь

как нейтрализацию противоречий, так и полную дисгармонизацию. Следующая реплика Ю. продолжает выбранную ей линию (*Нет / ты надулась // Сейчас [щ'ас] лопнешь //*). Ее можно было бы считать деструктивной тактикой издевки, однако интонация легкой иронии и дружеского подшучивания нейтрализует ее негативный коммуникативный потенциал. Важную роль играет и то, что Т. твердо придерживается своей стратегии избегания конфликта, и на колкость Ю. следует достаточно нейтральная отклоняющая тактика констатации (*Я не обиделась / я кино смотрю //*). Нейтрализации данной конфликтогенной ситуации способствует вступление в разговор модератора Л., предлагающего возврат к нейтральной теме, изначально интересовавшей и конфликтанта, и респонсора. Далее следуют тактики обоюдной уступки — принятие темы модератора обеими сторонами.

Обратив внимание на ремарки, особенно в репликах Т., мы убедимся в том, что полного гармоничного разрешения всех противоречий коммуникантов не происходит. Обида Т., вызванная неудачным речевым поступком Ю., не исчезла. В финале диалога мы видим лишь попытку ее скрыть. Попытка эта более или менее удачна, поскольку дисгармоничного результата общения, т. е. открытого речевого конфликта, в итоге мы не наблюдаем. Происходит нейтрализация конфликтогенной ситуации. В коммуникативном плане это благоприятное разрешение конфликтогенной ситуации, но с психологической стороны итог неясен: возможно, обида Т. лишь скрыта, но не исчерпана, и вероятность новых столкновений Т. и Ю. остается.

Приведем еще один пример участия модераторов в урегулировании конфликтогенной ситуации.

РД-7. Ситуативный контекст: застолье в подсобном помещении завода накануне праздника 8 Марта. Приглашены женщины — сотрудницы цеха (ТВ., Н., Ж.). В роли хозяев выступают мужчины: М. (паспорт см. в приведенных выше примерах), ВФ. (45 лет, электроэрозионист, образование высшее) и Ш. (47 лет, станочник, образование среднее).

ТВ. — *Сначала надо выпить / потом есть //*

Ш. — *Вот-вот / я и подаю //*

ТВ. — *Ой / спасибо //*

ВФ. — (ОБРАЩАЯСЬ К М.) *Народу мало / а ты расселся / блин //*

М. — (С РАЗДРАЖЕНИЕМ, ВЫЗОВОМ) *У меня ноги не влазят //*

ТВ. — (ПОДДЕРЖИВАЯ М.) *И сесть некуда //*

М. — (ВОЗРАЖАЯ ВФ.) *Те куда много народу //*

ВФ. — *Ты один полстола занимаешь //*

М. — (ЯЗВИТЕЛЬНО) *Да / ты вот на второй половине ютишься / на том / что осталось //*

ТВ. — *У-у-у / хорошие пироги // где заказывали / там же?*

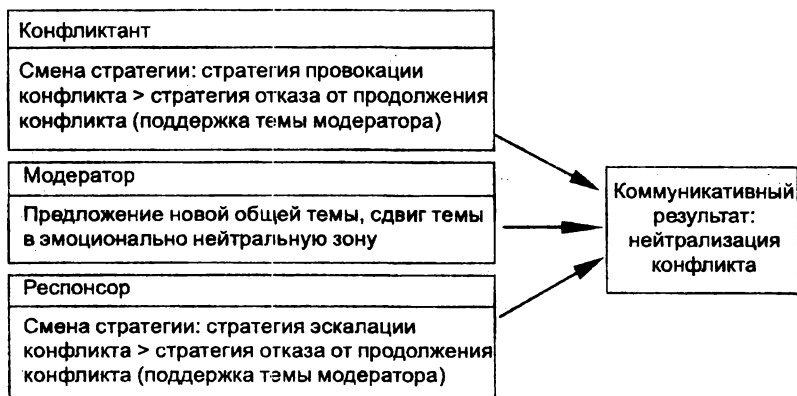
Н. — *Там же //*

Ш. — (О ВИНЕ) *Изюмом отдаст / типа хереса //*

Этот фрагмент разговора-пререкания за общим столом демонстрирует возможность развития публичного конфликта, что обусловлено появлением негативно-оценочных реакций, которые задевают личностную сферу коммуникантов. Упрек-замечание ВФ. в адрес М. (*Народу мало / а ты расселся / блин //*) вызывает реакцию оправдания М. (*У меня ноги не влазят //*), окрашенную раздражением, и вербально выраженное недовольное возражение М. (*Те куда много народу //*). Повторное замечание ВФ., не желающего игнорировать или сгладить возникающую напряженность и прервать пререкания, вызывает встречное язвительное замечание-обвинение М. (*Да / ты вот на второй половине ютишься / на том / что осталось //*). Возникает критическая точка, обозначающая возможность нарастания агрессивности коммуникантов и дальнейшего развития разговора по конфликтному сценарию. Но этот эпизод не нарушает общего хода застольного разговора, поскольку ТВ. и Ш. предпринимают усилия для возвращения разговора в русло гармоничного протекания (ТВ. — *У-у-у / хорошие пироги / где заказывали / там же?* Ш. — (О ВИНЕ) *Изюмом отдаст / типа хереса //*). Эти реплики меняют тему и отвлекают внимание ВФ. и М. от пререканий. После этого конфликтогенных реплик не наблюдается (схема 7).

Схема 7

Сценарий «Модерация конфликта»

Спецификой сценария «Модерация конфликта» является участие в конфликтном речевом взаимодействии третьего коммуниканта, выполняющего «миротворческую» функцию (предложение новой темы). При этом нейтрализация конфликта происходит при условии изменения конфликтных стратегий обоими партиципантами: важна их готовность к прекращению речевого противостояния и поддержке ими обоими коммуникативной инициативы модератора (смены темы).

Вместо заключения

По традиции в конце подобного исследования принято делать выводы инструментального характера: об эффективных коммуникативных действиях и способах их речевого выражения, т. е. в нашем случае — о речевых тактиках, реализующих в коммуникации стратегии разрешения конфликтогенных ситуаций. Мы полагаем, что проведенный анализ дает представление о подобном соотношении; кроме того, приведенные нами примеры, хотя и типичны, носят демонстрационный характер и не могут быть основанием для исчерпывающего списка коммуникативных тактик. Однако наши наблюдения позволяют сделать ряд замечаний обобщающего и проблемного характера.

Во-первых, перечень описанных коммуникативных сценариев, безусловно, можно считать открытым. Но это не мешает прийти к заключению о продуктивности исследования типичных поведенческих сценариев, а не только стратегий поведения отдельного коммуниканта в типичной коммуникативной ситуации. Важен акцент на взаимной обусловленности стратегий партиципантов и регулярной воспроизводимости сценариев коммуникативного поведения, отражающих динамику ситуации и цели ее партиципантов.

Во-вторых, модель предпринятого описания позволяет учитывать и интерпретировать не только собственно коммуникативный, но и психологический результат общения, что делает лингвистические представления о коммуникативной гармонии и дисгармонии более адекватными реалиям нашего речевого существования.

В-третьих, в институциональных сферах общения нет ничего такого, чего бы не было в бытовой межличностной коммуникации. Выявленные в повседневной разговорной речи сценарии коммуникативного поведения в потенциально конфликтной ситуации воспроизводятся в других сферах общения и регулярно осмысливаются в психологии и конфликтологии в рамках методов управления конфликтом. Так, участие «третьей стороны» в разрешении конфликта инструменталь-

но интерпретируется как методика работы посредника (эксперта, консультанта или медиатора) в процессе ведения переговоров или урегулирования конфликта.

В-четвертых, исследование сценариев коммуникативного поведения в потенциально конфликтной ситуации имеет — без преувеличения — огромное культурно-речевое и социально-психологическое значение: партнерам часто не хватает поведенческого инструментария — знания коммуникативных технологий и владения речевыми приемами выхода из таких ситуаций, умения гармонизировать общение, избежать конфликта без нанесения психологического ущерба партнеру.

Бедность репертуара речевых действий не остановит саму деятельность, но повлияет на эффективность взаимодействия в семье и на работе, характер личных и деловых отношений, успешность карьеры, самооценку, а в конечном итоге — на комфортность нашего существования в этом мире.

¹ В работе использованы опубликованные и ранее не публиковавшиеся расшифровки записей живых разговорных диалогов разговорной текстотеки кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

² Установка традиционно понимается как predisposition и готовность действовать определенным образом в определенных ситуациях.

³ Заметим попутно, что представления о позитивном коммуникативном результате этноспецифичны: так, в русской коммуникативной культуре нейтрализация конфликта интерпретируется участниками ситуации как не вполне гармоничный результат общения. Из 8 опрошенных в непринужденной беседе 6 респондентов отметили чувство неудовлетворенности, возникающее в результате избегания конфликтной ситуации, и возрастание коммуникативной напряженности отношений, вызванное вероятностью повторения подобных ситуаций в будущем (*Лучше бы все сказала / а то как дура / сижу тут... обиженная / а завтра все по новой...; И знаешь / каждый день / одно и то же одно и то же / когда-нибудь не выдержу и предъявлю ему все по полной //*), а также катарсический эффект открытого речевого конфликта (*Ну и что / поцапались слегка / подумаешь //* зато на душе легче стало // *а Ленку ведь тоже ждало //*). Напротив, в восточной повседневной или в западной деловой коммуникативной культуре избегание конфликта считается позитивным результатом [Соснин 1994]. В деловой сфере общения обострение конфликта рассматривается как одна из возможностей конструктивного разрешения противоречий и используется специалистами как способ управления конфликтом («продуктивная конфронтация») [Козлов, Козлова 2005: 141].

⁴ Капсуляция — это «интуитивный акт самосохранения, не причиняющий вреда партнеру, вербальное поведение которого предсказуемо» [Шалина 1998]. Это своеобразный акт избегания конфликтной ситуации, когда собеседники отказываются выяснять отношения, зная, что коммуникативным результатом будет открытый конфликт, ссора.

⁵ Под катарсисом здесь понимается освобождение от агрессивных импульсов, психологическая разрядка, избавление от негативных эмоциональных состояний.

⁶ Под интимизацией здесь понимается сокращение дистанции общения (как социально-ролевой, так и физической).

Е. Ю. Протасова

Некоторые особенности реакции обиды

Управление собственными реакциями, умение осознавать свои душевные состояния и находить слова для их точного описания — вот, вероятно, наиболее значимые аспекты вербализации эмоций. Особенно важна профилактика состояний, приводящих к агрессивным проявлениям. Известна провоцирующая роль эмоций в обострении различных внутренних и внешних процессов. Снять эту опасную составляющую оказывается возможным, в частности, благодаря применению психотерапевтических рекомендаций, опирающихся на теории речевого воздействия. На основе данных мониторингов текстов СМИ, выступающих в функции провокатора и катализатора различного рода эмоций, выявляются специализированные средства «языка вражды» [<http://tolerance.ngo.ru>]. По данным опроса фонда «Общественное мнение», россияне чаще всего испытывают усталость (30 %), надежду (21 %), беспокойство (21 %), радость (20 %), спокойствие (17 %), любовь (16 %), тревогу (15 %), интерес (13 %), неуверенность (11 %), раздражение (11 %) (Аргументы и факты. 2005. № 40. С. 14). Согласно опросу РИА «РосБизнесКонсалтинг», с хамством достаточно часто сталкиваются 55 % россиян: каждый день — 27 %, редко — 17 %. Как видим, обида не является часто осознаваемой, именуемой эмоцией. В то же время из данной выборки нельзя выявить типовую реакцию на хамство.

Анализируя данные о встречаемости слов в Интернете (октябрь 2005 г.), ранжирование вербализованных эмоций можно произвести

иним образом: слово *любовь* встречается 44,6 млн раз, *интерес* — 32,8 млн, *надежда* — 17,2 млн (в том числе личное имя), *радость* — 13,1 млн, *обида* — 4,5 млн, *тревога* — 3,1, *спокойствие* — 2,6 млн, *усталость* — 2,4, *беспокойство* — 1,8 млн, *раздражение* — 1,6 млн (здесь может быть и чисто биологическое значение), *хамство* — 1,1 млн, *неуверенность* — 0,6 млн раз. Таким образом, люди далеко не всегда говорят о том, что испытывают: показательно, что *любовь* сравнительно редко испытывают, но регулярно о ней говорят. Понятно, что без *надежды* трудно выжить, возможно, поэтому велика частота испытываемой эмоции и ее вербализации в обоих случаях. Вероятно, о сильных эмоциях говорят чаще, хотя их испытывают реже: слово *ужас*, например, встречается 12,2 млн раз, *страх* — 9,5 млн (но сюда входят и собственные имена), *боязнь* — 0,9 млн, *испуг* — 0,8 млн раз. Если же обратиться к наиболее естественным, почти имманентно присущим человеку эмоциям, то младенец способен испытывать почти сразу после рождения испуг, удовлетворение, чуть позже (но чуть ли не на первой неделе жизни) — радость и обиду. Многие другие эмоции социально обусловлены или опосредованы, в то время как эти присущи любому человеку почти изначально.

Обращаясь к известным лингвистическим исследованиям обиды, мы понимаем, что ее трактовка включает некоторые социальные параметры. Описывая образ человека по данным языка, Ю. Д. Апресян замечает: «*Обижаятся* на близкого человека, оскорбить кого-л. может любой» [Апресян 1995: 378]; «*Обижаться* можно без всяких внешних проявлений, а *дуться* в большинстве случаев предполагает надутые губы. Когда человек *сердится*, он может хмурить брови; если он *досадует*, у него может кривиться рот» [Там же: 381]; в толкования слов *гордиться*, *стыдиться*, *комплимент*, *обида* входит указание на личную сферу человека [Там же: 647].

Анна А. Зализняк [2005] рассматривает предикатив «обидно» с точки зрения семантики щепетильности, поддерживаемой словами *совестно*, *неудобно* и некоторыми другими. Эмоция обиды, считает автор, является специфической для русского языка — и по семантике, и по отсутствию эквивалентов в других языках. При толковании данного слова и связанных с ним лексем *обида*, *обидеться*, *обижен*, используются, среди прочего, значения: «нанести ущерб», «испытывать жалость к себе в соединении с претензией к другому», «ощущать несправедливость». Отмечается, что «“избыть” обиду можно тремя способами: отомстить, простить и забыть» [Там же: 386]. Таковы языковые данные, которые могут прямо или косвенно соотноситься с пси-

хологическими, социальными и иными аспектами обиды. Нам представляется, что содержательно эмоция *обиды* проще, поскольку она встречается даже у новорожденных: как только ребенок устанавливает связь между двумя объектами и начинает ожидать появления второго объекта вслед за первым, а этого не происходит, он *обижается* — или *смеется*, в зависимости от своего внутреннего состояния: если ему хорошо, то непоявление второго объекта — это *смешно*, а если ему плохо — то *обидно*. Характерным внешним признаком детской обиды являются опущенные уголки рта, несколько выпяченные губы, готовность заплакать. Взрослый человек, как известно, также склонен к первичной реакции обиды, но учится ее контролировать. Обида — состояние достаточно простое, родственное смеху. Кажется, таким образом ее обычно не рассматривают, хотя иногда рекомендуется ответить обидчику именно смехом. Мы хотим подчеркнуть, что ощущение обиды, как и готовность смеяться, зависит от внутреннего состояния и личного опыта человека. Однако не всегда возможно точно определить, какое именно чувство обуревают человека: *Что это было: страх, обида, злость, глубокое раскаяние?* (Независимая газета. 2003. 28 апр., [НКРЯ]). Обида сочетается с другими чувствами: «В голосе — уныние, обида, боль» (Звезда. 2003. № 9 [НКРЯ]).

Мы склонны разделить точку зрения психологов, согласно которой *обида* — это реакция обманутого ожидания, возникающая в общении с другим, обычно любимым человеком, при котором оказываются рассогласованными, с одной стороны, установки, представления о гармонии в мире, целенаправленные действия, а с другой — реальность, результат [Орлов 1991: 64–65]. Иллюстрацией этого значения может служить реплика: *Стыдно, девочки! Я ожидал от вас большего. Не только негативом, к примеру, жив человек*. Обида перерастает либо в стремление защититься, либо в переживание. В соответствии с этим *обида* проще, чем *разочарование*, поскольку ни «очарования», ни даже положительного отношения к чему-либо конкретному изначально не выстраивается (пример: *Молодожены разводятся. С обидой, разочарованием, ревностью*). Обида на проявления любви по отношению к другому граничит с ревностью, разочарованием, горечью.

Нам кажется, что сложность обиды лежит не в самой эмоции, а в постоянном возрастании количества ожиданий и изменении их состава. Так, малыш ждет теплого, доброго голоса, а взрослый — уважения, признания, сочувствия: *По правде говоря, когда с тобой лукавят, возникает обида и раздражение. По-детски так хочется от-*

махнуться, надуться и уйти. Как известно, для культурного человека характерны комплексные, социально опосредованные эмоции. Обида, которую испытывает человек, обладающий культурной эрудицией, обрастает дополнительными переживаниями и чувствами.

Литературовед О. Ронен характеризует обиду как движущую силу, заставляющую писателей творить, убийц убивать, фанатиков действовать. Привлекая для своих целей рассказ В. Набокова (Сирина) «Обида», посвященный И. Бунину, он отмечает: «Всякая творческая жизнь в той или иной мере Афронтенбург, замок обид. Однако модернизм уже стеснялся своих унижений, отождествляя дух обиды с мстительной озлобленностью парий, которую Ницше, как правило, обозначал французским словом *Ressentiment*, но в применении к своему любимому Гейне назвал “божественной злобой”, без которой немислимо совершенство». Разбирая обиды Анненского и Блока, автор пишет, что они сетовали на судьбу, обижались на женщин, на невозможность отмщения. Рассуждая об особенностях обид в сфере политики, литературовед замечает: «Поражение, изгнание, обида подрывают нравственные устои народа. Но личности они могут пойти на пользу. Автор “Улисса”, книги о скитаниях и обидах, советовал три средства, чтобы обратить обиду в творчество: “Silence, exile, and cunning” — “Молчание, изгнание и хитроумие”».

Еще в 1920-х годах А. Р. Лурия экспериментально показал, что «дезорганизация активного поведения связана с конфликтным процессом и зависит от задержки какой-нибудь значимой для данного процесса (ведущей) деятельности. Эта дезорганизация оказывается тем резче, чем ближе к моторной сфере разыгрывается конфликт» [Лурия 2002: 344]. Взрослый человек постоянно стремится овладеть своим поведением, преодолеть его недостатки, а у ребенка реактивные процессы происходят на фоне недостаточности высших корковых механизмов и повышенной возбудимости и сенсильности подкоркового и вегетативного аппарата [Там же]. *Обида*, таким образом, — состояние, которое должно быть прекращено, так как оно неприятно тому, кто его испытывает. Если этого не произойдет, *обида остается на душе*. Не случайно сочетаемость со словом *обида* передает образ ранения (*нанести, залечить, уязвить, испытывать боль от...*). Еще одна метафора, также характерная для эмоций, — это *пламя, огонь*, который может *разгораться* и *гаснуть*. Обидчик не обязательно добивается реакции обиды, то, что было воспринято как обида, не всегда соответствует замыслу.

Психологи предлагают следующий тип аутотренинга в случае пе-

реживания обиды, которая является психологической травмой для обоих агентов взаимодействия: «Зачастую прощение того, кто провинился, нам намного нужнее, чем ему. Ведь обида со временем может притупиться, но она при этом никуда не исчезнет. Помочь может только прощение, причем присутствие прощаемого даже не обязательно. Важно, чтобы вы точно осознали, что больше не держите на обидчика зла. Попробуйте сделать так: вечером, когда будете одна, устройтесь в кресле, закройте глаза и представьте себе человека, обида на которого до сих пор жива. Представьте, что вот он вошел в комнату и стоит перед вами. Скажите ему все, что хотели бы сказать — как он вас обидел, как вам тяжело и как бы вы хотели его извинить. А теперь сообщите ему, что вы не держите на него зла, и пусть он разворачивается и уходит» [Ковалева 2003]. В другом случае психологи рекомендуют, как вести себя, чтобы не провоцировать обиду, если контрагент испытывает зависть: «Причина для зависти может быть совершенно непредсказуемой и безобидной: новая безделушка, комплимент начальника и даже просто хорошее настроение. Не вините себя и не занимайтесь самобичеванием. Постарайтесь сделать одновременно две противоположные вещи: не отворачивайтесь от завистников и вместе с этим не приближайтесь к ним слишком близко. Если вы начнете полностью их игнорировать, обида и злоба возрастут. Если вы станете отвечать на каждый их выпад, то невольно закончите сплошными оправданиями. Держитесь с коллегами независимо и не принимайте все близко к сердцу» [Мартемьянов 2004].

Обидно — частотное слово для разговорной речи. Подыскивая точное определение для испытываемого чувства, герой передачи В. Комиссарова «Моя семья» (РТР. 1999. 9 авг.) отвечает на утверждение ведущего: *Жалко, что комната все-таки досталась ей* (бывшей жене и дочери): *Жалко, даже больше обидно, пожалуй, обидно, поскольку он не ожидал, что так получится*. Поиск в Интернете (5,8 млн употреблений) показывает, что подавляющее большинство контекстов с этим словом извлечено из форумов. Данные говорят о том, что слово *обидно* встречается в одном однородном ряду со словами *мерзко, гадко, противно, забавно, тоскливо, грустно, страшно, неприятно, неловко*, чаще всего — с *больно*; на втором месте по встречаемости — *стыдно*. Важно также, что у обиды могут быть различные степени: *очень, жутко, чертовски, прям хоть плачь, до слез* и т. п. Практика трансформации эмоции в рисунок на тему «Отчего мне обидно» входит в терапию рисунком в случае психологической помощи детям-мигрантам, переживающим травму [Солдатова 2002: 113].

Обида часто возникает в ответ на прозвища: *Это и нравилось Петьке больше всего: неожиданно оглушить меня новым словом — и пронаблюдать развитие оби́ды. Сначала до меня доходил смысл — и я решал, насколько мне сбидно, а потом уже обижался — более или менее сильно. Если обижался несильно — дулся. А если обида была кровной, если кличка брала за живое, то навертывались слезы на глаза: я кричал, что он — изверг и супостат, топал ногами, обзывал его сам — и убегал. Так было с Бледной Поганкой. «Поганка» имеет ядовитый оттенок. И почему он выбрал не доброе прозвище — Опенок, или хотя бы яркое — Мухомор, а самое противное — Бледная Поганка! (Нечипоренко).*

В коммуникации обида воспринимается как агрессивное речевое действие. По наблюдениям Т. В. Базжиной, толковые словари русского языка понимают агрессию как действие государства, но не человека или личности, причем ключевым словом при интерпретации является слово *нападение*, а не *защита* [Базжина 2004]. Именно с обидой на государство связана, по мнению прессы, огромная часть обид: *мэру не дали доработать три месяца; семьям погибших на «Курске» дали компенсацию больше, чем семьям погибших в Чечне из-за того, что эти события имели большой международный резонанс*. Обида может возникнуть как общественная реакция на протекающие процессы: *Есть даже некая обида на низкую капитализацию, что характерно для страны с недооцененными рынком активами*. Обижается и одно государство на другое. Например, растет обида Грузии на Россию. Обида возникает между городами. Например, Угличем и Москвой — из-за того, что Углич не стал столицей. Обижается один человек на другого, причем нередко это происходит между творческими личностями — артистами, писателями; возможна обида человека на явление действительности (например, на экономический показатель, индекс биржевой активности и т. п.).

Использование данных НКРЯ показывает, что обиду испытывают, например, *неизвестно на кого мэр, которому не дают доработать три месяца в занимаемой должности; на любое вмешательство в личную жизнь; обида возникает, когда хамят, досаждают, не понимают, кричат, ругаются, оскорбляют; обида на то, чего нет, и на то, что есть*, словом, *обида на жизнь*. Обида имеет разную силу и длительность, причем со временем может возрастать и загухать. *Испытывать обиду* (на кого-то и за что-то), согласно собранному материалу, россиянам чаще всего приходится в определенных случаях:

— обидно, когда государство неправильно поступает: *Нам больно и обидно констатировать, что еще ни разу за многовековую историю наших Вооруженных Сил престиж «человека в погонах» так низко не опускался. Но обидно другое: никто в государстве не хотел думать о том, что военнослужащего с семьей увольняли, в лучшем случае с жильем, на последнем месте...; За державу обидно; Стыдно, обидно, горько говорить о том, что на пятьдесят пятом году окончания войны живут в нашей стране, в нашем городе инвалиды, у которых до сих пор нет надлежащей крыши над головой (из газетных текстов);*

— государственный чиновник испытывает обиду за сограждан: *Мне стыдно, обидно, что я родился на этой земле. Стыдно перед стариками (из газетных текстов);*

— спортсмены обижаются в случае проигрыша, а также когда оценка недостаточно высокая, когда награда обходит достойного: *...проиграл со счетом 2 : 1... мне было стыдно, обидно, я был подавлен; В итоге — у нас снова очень низкие оценки и, как следствие, последнее место. Стыдно, обидно, ну да фиг с ним!;*

— человек испытывает обиду за собственную беспомощность: *Стыдно, обидно за прибавленный килограмм; Однако в юности мы успеваем натворить глупостей и ошибок, за которые в зрелом возрасте бывает стыдно, обидно и больно;*

— подросток обижается, когда сравнение не в его пользу: *Когда меня физичка унижала при всем классе, было реально не только стыдно — обидно;*

— люди испытывают обиду, если что-то исчезло, пропало, испортилось: *Обижены живые люди, с живыми чувствами... А этого уже хватит, чтобы перевесить все «позитивное». Больно. Стыдно. Обидно.*

— обиду вызывает объективное положение вещей: *Обидно, но никогда не знал хорошо русский язык, в школе была 4 с натяжкой (надо было 3 ставить); казалось, все поднялось и поехало, все переселялось целыми караванами на дачу; казалось, весь Петербург грозил обратиться в пустыню, так что наконец мне стало стыдно, обидно и грустно; мне решительно некуда и незачем было ехать на дачу (Достоевский);*

— обида возникает, если другие делают нечто такое, что не нравится субъекту: *Я знаю, что новому эмигранту из России скорее поможет местный канадец, чем недавно туда уехавший русский, что для меня весьма стыдно, обидно и больно.*

В массовом сознании существуют стереотипы: обида должна находить выход, обида оправдывает даже неприглядные действия оби-

женного. Эти стереотипы разрабатываются публицистикой: *Обида Народной партии на «предательство» кремлевских кураторов оказалась настолько сильна, что вылилась в публичные угрозы воспрепятствовать одобрению бюджета-2004 в четвертом чтении* (В. Соловей. На финишной прямой // Фонд Карнеги. 2003. 1 дек.).

Еще один важный аспект феномена обиды — общий школьный синдром, в который входят понятия *обижать, приставать, дразнить, травить, мучить* в их физическом, психическом и социальном проявлениях. В английском языке для этого есть специальный глагол — *bullying*, иногда также *offence, hurt*; в финском языке — глагол *kiusata*. Психологи говорят о том, что признаком такого рода действия является ощущение обиды у того, на кого она направлена; распознать издевательство трудно, поскольку оно включает в себя не только удары или пинки, но и угрозы, оскорбительные слова, насмешки. В этом случае, так сказать, под статью «нанесение морального ущерба» подпадут почти все российские учителя, адресующие ученикам слова *лен-тяи, тугодумы, турки, по тебе колония плачет* и т. п.

Такие факторы обиды, как игнорирование, маргинализация, не включение в свою социальную среду мало типичны для российских трудовых коллективов с их «чувством локтя», но весьма характерны для западных — с их индивидуализмом. В частности, в российской системе служебных отношений не считается оскорблением приставание мужчины к женщине, напротив, общепринято думать, что если этого не происходит, то женщина *обижена вниманием* (ср. телевизионную передачу «Пять вечеров» с А. Малаховым: «Женщины в мире мужчин» (1 канал. 2004. 23 дек.). Нередко начиная с детства «приставания» оцениваются скорее как проявление расположения, интереса и поощряются. Например, если мальчик дергает девочку за косичку, это рассматривается как проявление ухаживания, а не насилия над личностью, вызывает улыбки снисходительных взрослых. С другой стороны, обида женщин на мужчин обычно интенсивнее, чем обида мужчин на женщин: *Разве это не обида всем бабам, коли над ними мужики будут командовать так и издеваться?* (Решетников).

Важным проявлением *bullying* считается изъятие личной вещи у другого. Сам факт оценивается одинаково в российской и зарубежной культурах: это недопустимо. Разница в том, что в России учат обязательно отдавать свою вещь, если вежливо попросят, а на условном «Западе» — не отдавать, если не хочешь.

Педагогические исследования реакции обиды в детских сообществах показывают, что обижают обычно в том случае, когда ребенок

проявляет какую-то яркую черту характера, поведения, обладает нестандартной внешностью, т. е. отличается от других и не оправдывает ожиданий. Обижать могут и целой группой, и поодиночке. Может наблюдаться и травля учителя со стороны учеников: «Тестируя друг друга, дети создают между собой социальный порядок, заключающийся в различных иерархиях когнитивных способностей или физических достижений, — пишет А. Новицкая. — Если при этом замечено что-то необычное, то возникает диссонанс, в некоторых случаях присутствует образ врага, что иногда вызывает подстрекательство к действиям по отношению к жертве — а все это вместе представляет собой начало травли» [Новицкая 2000]. По наблюдениям педагога, обижают тогда, когда ребенок говорит, что-то делает, выглядит не так, как от него ожидают, причем он отличается от самого обидчика или от общей массы как в лучшую, так и в худшую сторону.

На Западе первый шаг по устранению обиды ребенка — разговор с учителем. Второй — выяснение природы взаимоотношений подвергшегося оскорблению ребенка, нащупывание причин его состояния, испытываемого им страха. Третий — совместная с учителем работа по устранению приставаний, а если учитель не способен войти в положение дел и помочь, — следует обращение к директору школы и далее — выше по инстанциям. Обиды, заверяют психологи и педагоги, нельзя оставлять без внимания, о них нужно говорить, дома ребенка нужно поддерживать, потому что нет страшнее чувства, чем падение самооценки униженной личности. Не обращая внимания на обиды, совершаемые на глазах у других, учитель, ученик, любой человек оказывается в положении, когда он поощряет происходящее и попустительствует нагнетанию обиды. Существенное положение: ребенок не виноват, что его обижают; не следует справляться с этим в одиночку (см.: [Olweus 1993]). Несмотря на принимаемые меры, школьная травля остается одной из самых больших проблем в так называемых цивилизованных западных странах, и СМИ регулярно освещают случаи зверств школьников по отношению к своим товарищам.

Русское выражение *ребенка обижают в школе* звучит менее страшно, чем, например, финское *kiusaaminen*. В России родителям предлагают, как правило, обращаться в родительский комитет (так как часто обижает именно учитель). Нередки самовольные расправы с обидчиками. Вот что пишет на одном форуме родитель: *Моего ребенка обижали в школе — я туда пошел и навешал виновному, а не стучал по кнопкам в чате*. Этот способ — «выпустить пар» — стал популярным

в последнее время. Обычны стереотипные реакции: «дай сдачи, умей постоять за себя»; «сам виноват, не надо было...» и др. Хотя в школе работают психологи, центров, куда может обратиться ребенок, ставший жертвой насилия, пока еще мало. Доминирует точка зрения: если обижают, сам виноват. В соответствии с этим принципом ребенка, чувствующего себя обиженным, заставляют еще и чувствовать себя виноватым. Если это отношение может повлиять на совершенствование личности, то оно продуктивно, но в большинстве ситуаций оно приводит к подавлению любого личностного начала, комплексам и накоплению обид.

Согласно аналитическому докладу Московского бюро по правам человека, в первом полугодии 2005 года от 50 до 60 % россиян поддерживали ксенофобные лозунги: неприязнь и раздражение вызывают чеченцы (14,8 %), азербайджанцы (5,1 %), армяне (4,1 %), кавказцы в целом (6,0 %), цыгане (5,1 %), евреи (2,5 %), причем от 40 до 60 % населения выступают против иммиграции, но до 70 % поддерживают приезд русскоязычного населения [Чарный 2005]. Руководитель общественной организации азербайджанской культуры «Очаг» Т. Д. Меликов в передаче В. Познера «Времена» (1 канал. 2005. 16 окт.), посвященной проблемам ксенофобии и расизма в РФ, сказал: *Идет война в душах, обида, обида, которая очень долго может в душе сохраняться, а потом вырывается, вырывается очень жестоко и очень...* Представляется, что метафора накопления обиды связана с нередко сопровождающим реакцию обиды физиологическим привкусом горечи.

«Суть политической корректности можно выразить словами: *Не обидь — не обидь слабого, угнетенного, ближнего, дальнего, инакомыслящего, инаковыглядающего... Не обидь ни делом, ни словом.* То есть в основе этого движения лежат, казалось бы, благие намерения. Однако, как показывает история, с благими намерениями всегда происходит одно и то же: ими мостят дороги, которыми лучше не ходить», — пишет М. Бурас [2005]. Какие же национальные обиды по-прежнему не политкорректны у россиян?

На сайте бурятского народа: *А кого из бурят не обижали в детстве по национальному признаку? Вы что, хотите сказать, что вам не прилетало, если вы бурят, конечно? Ни разу?*

На сайте русского Торонто: *Рада, что мы (русскоговорящие, так выражаюсь, чтобы никого не обидеть по национальному признаку) помогаем друг другу.*

На азербайджанском сайте: *Наш гарант конституции гарантирует полное соблюдение конституционных прав армян — граждан*

Азербайджана. Если вдруг кто-то посмеет их обидеть по национальному признаку, то будет наказан по всей строгости закона.

На сайте русской Франции: не заметно, что детей дразнят или обижают по национальному признаку.

На русскоязычном эстонском сайте: Человек, обиженный по национальному признаку, наверняка возмутится тем, что под произведениями искусства нет пояснений на русском языке. На английском есть, а на русском нет.

Национальный фактор остается по-прежнему острым. Например:

Настоящим москвичом в роте был я одия, остальные были «настоящими»...; Вряд ли он хотел кого-то обидеть по национальному признаку, он имел в виду именно госполитику. Я сам на четверть украинец; Бывший хозяин моего дома — серб, но дом он решил продавать вовсе не из-за того, что его обижали по национальному признаку; Россияне, ну вы, блин... кто это вас там обижает по национальному признаку, автобус, что ли, из-за этого сломался?; Ну вот, ты знаешь, турок в Германии очень обижают по национальному признаку. А если их начнут обижать не по национальному признаку, а по религиозному, полностью исключив национальный? При обсуждении войны в Чечне: У меня есть поэтому неприятное подозрение, что вы хотите кого-нибудь обидеть по национальному признаку. Ср.: Я не хочу никого обижать по национальному признаку, но особым свинством отличаются финны, отдыхающие в Таллинне; Не найди в Китае обиженных по национальному признаку, Запад вмешивается в его дела под предлогом «защиты инакомыслящих».

Д. Рубина, русскоязычная писательница, живущая в Израиле, рассуждает о национальной самоидентификации:

Среди своих — ругаешь ругательно все, на что глаз посмотрит. Среди чужих — зорко следишь и ревниво отцеживаешь тончайшие интонации в беседе: нет ли обиды, насмешки, осуждения... И если учуешь — как вспыхивает это яростное «не трожь!», это желание защитить, оправдать, во что бы то ни стало — даже когда обвинения справедливы! [Рубина 2005: 254].

Общими идеями, связывающими обиды по национальному признаку, являются представления о том, что принадлежность к меньшинству — залог того, что вас будут обижать; что «русскоговорящие» — не национальность, не гражданство, но способ объединения людей, говорящих по-русски. Назвать кого-то по национальности, описав его деяния в отрицательном контексте, — значит его обидеть. Людям не нравится, когда их поступки связывают с принадлежностью к определенному этносу. Национальность шире названия этноса. Те определения национальности «по крови», которые может дать сам себе человек, не всегда и не обязательно совпадают с национально-

стью и гражданством, что чаще всего мешает честному определению себя как «русского». В случае, когда кто-то родился в результате смешанного брака, он испытывает трудности в объявлении себя принадлежащим только к одной национальности. Проблема с самоопределением обостряется на политическом фоне: например, наполовину украинец может долгие годы считать себя русским, но в результате противостояния России и Украины начать чувствовать себя украинцем — и заявлять об этом либо с гордостью, либо со стыдом и обидой, либо безоценочно, но страдая от того, что долго никому не говорил, что он украинец, хотя никакой особой привязанности к Украине не чувствует. Национальность — та или другая — всегда повод для придирок, для «особого отношения», для фаворитирования или дискриминации. Предвзятого отношения по национальному признаку ждут, его чувствуют, из-за него мучаются, принимают превентивные меры, готовятся дать отпор, а когда его нет, удивляются и испытывают облегчение. Равенство всех национальностей может предполагать, что в отношении каждого языка и каждого меньшинства делаются шаги, помогающие людям справляться с проблемами повседневной жизни. Однако поскольку меньшинств может оказаться бесконечное количество, в качестве языков национального общения выбираются некоторые определенные, например, внутри определенного государства — один из государственных языков, между гражданами разных государств — английский или иной язык, достаточно распространенный в данном регионе как язык межнационального общения. Одна обида по национальному признаку влечет за собой другие: тот, кто был обижен, обидится еще раз, увидит обиду там, где ее не было, сам обидит невольно другого, чужого. Обида способствует возникновению национальных конфликтов: национальность изменить нельзя, пока не узнаешь, что ты приемный ребенок, национальностью можно объяснить самые разные черты характера, хотя может оказаться, что тебя приняли за другого.

Обычно русские при упоминании собственной национальности не обижаются, но предполагают, что другие могут считать себя обиженными из-за того, что они не принадлежат к титульной нации. Распространены рассуждения о том, что другие национальности помогают друг другу и русским, а вот русские себе и своим — редко, и в этом усматривают несправедливость, что, как многократно отмечалось, приводит в русском мире к обиде.

Особенность обиды в том, что это чувство двунаправлено: ее наносят и ее переживают. Мы считаем, что первична обида переживае-

мая, что это чувство рассогласования установок, ожиданий и фактически случившегося. Это непонимание, почему все происходит так, а не иначе, как должно быть в соответствии с представлениями данного субъекта о мире. Обида, которую хотят вызвать, наносится тем, кто знает, что это больно, но в идеальном русском мире принято давать обидчикам отпор, не поддаваться на провокации, становиться сильнее обидчика. В реальном русском мире принято копить обиды годами, замыкаться в себе. С другой стороны, можно обижаться на стихийные силы: погоду, жизнь, толпу людей, недостаток общей культуры, и это тоже типично для русского мира.

В настоящее время ощущается необходимость в разработке лингвистических технологий нейтрализации обиды в типовых коммуникативных ситуациях.

Раздел 2
**Языковые средства выражения
вражды и согласия**

И. Т. Вепрева, А. Мустайоки Детабуизация в современном русском языке и тревожная лексика

Постановка проблемы

Свобода слова — это главное достижение демократических преобразований в России. Она дала возможность избавиться от официально-советского языка лжи [Гусейнов 1989; Купина 2000]. Эзопов язык советской эпохи ушел в прошлое, и журналисты заговорили на языке, принятом во всем мире. При этом демократизация языка позволила человеку говорящему раскрепоститься, увеличила долю спонтанной публичной речи. Победа экспрессивного над стандартным раздвинула границы выразительных возможностей языка. Ликвидация цензуры привела к изменению в сознании людей представлений о публично допустимом в речи, расшатала систему тематических табу. Тематическая свобода проявилась в активном обсуждении тем, ранее запретных. Снятие табу с запретных тем заставило говорящего называть вещи своими именами, что привело к эффекту усиления экспрессивности подачи информации.

Общий взгляд на современную культурно-речевую ситуацию вызывает исследовательский вопрос: способствуют ли данные тенденции усилению в языке агрессии, поскольку известно — чем речь энергичнее, резче и грубее, тем более агрессивное впечатление она производит. Цель нашего анализа — рассмотреть степень агрессивности современного газетного дискурса в связи с процессом детабуизации на материале общественно-политической лексики. Количественная выборка материала проводилась с помощью базы данных Интегрум,

включающей в качестве источников наряду с центральными газетами и журналами региональные и зарубежные издания, выходящие на русском языке.

Процессы табуизации и детабуизации

Процесс табуизации тесно связан с явлением эвфемии. Эвфемизм является своеобразной реакцией на языковой запрет. Под эвфемизмами принято понимать лексические единицы и выражения, используемые для таких прямых наименований, употребление которых представляется говорящему неприличным, грубым или нетактичным в какой-либо конкретной ситуации. Существует целый ряд тематических групп лексики, связанных с традиционным сокрытием. Обычно в современных языках не принято говорить прямо о смерти, тяжелой болезни, возрасте, интимных сторонах жизни, следует избегать напоминаний о «неприличных» предметах, о неприятных, отвратительных вещах [Крысин 1994, 1996, 1998]. В этом случае эвфемизмы оберегают психику человека, поэтому эвфемизм можно рассматривать как языковое средство, используемое для бесконфликтной коммуникации: косвенность обозначения может задать положительный прагматический эффект всего высказывания, в котором употребляется эвфемизм.

В то же время необходимо отметить, что эвфемизмы в силу смягченного наименования табуированных слов искажают или маскируют сущность обозначаемого объекта действительности. Информативная двуплановость (завышение имени по сравнению с понятием) может привести к такому явлению, которое А. К. Михальская назвала скольжением смысла [Михальская 1996: 154]. Искажение информации о денотате может быть представлено в виде двух градиционных шкал: сообщение о факте — недоговаривание — полное умолчание; правда — частичное искажение — откровенная ложь. В эвфемизмах, особенно политической сферы, часто находит свое проявление ложь политической выгоды.

Показателен материал, который дает современный газетный курс для анализа сложившегося социокультурного контекста в России. Основу сегодняшней социокультурной ситуации составляют взаимоисключающие процессы. С одной стороны, отсутствие цензуры, наличие тематической свободы, получившей право на существование в обществе, поставленном на демократические рельсы, способствует процессу детабуизации. С другой стороны, политическая эвфемия характерна не только для тоталитарных режимов; сознательное воз-

действие на язык может осуществляться и в условиях парламентской демократии. Можно привести примеры эвфемизмов американской государственной системы: бомбардировка Югославии в 2000 году была названа *предотвращением гуманитарной катастрофы*, военные действия во Вьетнаме 60-х годов — *программой умиротворения*. В ФРГ термин *слаборазвитые страны* был заменен сочетаниями *развивающиеся страны*, *страны третьего мира* и т. д.

Политический эвфемизм — это языковая конструкция с точно измеренным эффектом воздействия на обыденное сознание. Сфера государственной системы и обслуживающего ее идеологического аппарата всегда является областью жесткого социального контроля. Эвфемизация в этой сфере служит базой для создания необходимого общественного мнения. Преуменьшение правды об отрицательных сторонах реального факта, вербализуемое в эвфемистическом имени, вызывает желательные ассоциации. Эвфемизм позволяет скрыть остроту социальных проблем, снять общественную напряженность. Социальных проблем в современной России немало, поэтому неизбежно появление новых эвфемизмов.

Остановимся на особенностях именования чеченских событий в СМИ. «Представление объекта как менее опасного, и, в связи с этим, создание чувства уверенности и безопасности, снижение уровня тревожности» [Шейгал 2000: 198] — данный психологический мотив отведения угрозы явился одним из основных при эвфемистической номинации военных действий в Чечне.

Общим базовым именем ключевого концепта является устойчивое сочетание *чеченская война*. Концепт «война» обычно связывается в общественном сознании с вооруженной борьбой, идеей насильственной смерти. Это понимание отражено в значениях соответствующей лексемы в словарях русского языка. Узловой точкой, задающей развертывание номинаций для чеченских событий, являются прямая и эвфемистическая номинации происходящего: «война» и «антитеррористическая операция» (такова официальная номинация военных действий в Чечне). Номинация данного концепта имеет динамический характер. В самом начале военные действия в Чечне получают эвфемистическую номинацию. Это попытка закамуфлировать обозначение военных действий, которые вызывают резкое общественное осуждение. Суть феномена эвфемистической мистификации состоит в следующем: из денотативного ядра лексемы на периферию концептуальной сферы вытесняется компонент «насильственная смерть», что позволяет редуцировать компонент «смерть». Семантическое напол-

нение ядра происходит с помощью компонентов несущественных, но имеющих коннотацию общественного одобрения: эвфемизм **анти-террористическая операция**, сохраняя семантический компонент «военные действия», включает семы «справедливость», «заслуженное наказание». «Эвфемистическое переименование представляет собой результат своеобразного компромисса между семантикой (отражение сущности денотата) и прагматикой (отражение интересов говорящего). Эвфемизмом обозначается нечто, что по логике вещей следовало бы оценить отрицательно, но интересы говорящего (политическая выгода) заставляют оценить это положительно, и в то же время не позволяют, выдавая явно черное за белое. Выход из данной ситуации один: признать черное черным, но при этом сделать вид, что оно все-таки не очень черное, а скорее лишь слегка черное» [Шейгал 2000: 208].

Наряду с официальным эвфемизмом *антитеррористическая операция* в современных СМИ встречаются следующие эвфемистические замены: *военная операция по разоружению, чеченская операция, специальная операция, контртеррористическая операция, операция по уничтожению террористов, миротворческая операция, боевые задачи по разоружению бандформирований, вооруженный конфликт, локальный вооруженный конфликт, межнациональный конфликт, горячая точка, чеченские события, чеченская эпопея, чеченский вулкан, чеченская проблема, чеченская кампания, наведение конституционного порядка, военный этап восстановления действия конституции страны, место социальных катастроф, последняя классическая военная доктрина в Чечне* и др.

В дальнейшем мы наблюдаем восстановление семантической справедливости: наряду с эвфемистическими номинациями в журналистских текстах начинает употребляться прямая номинация военных действий: *чеченская война, северокавказская война, первая и вторая чеченские войны, военные действия в Чечне, война в Чечне*. Интересна роль метаязыковых высказываний, которые, комментируя наличие эвфемистических номинаций, разоблачают смысловое камуфлирование, например:

Хотелось бы, конечно, сказать торжественно: «Я веду свой репортаж с передовых позиций федеральных войск, штурмующих Грозный». Но нельзя. Хоть это и передовая, и штаб командования всей операции находится здесь, у меня за спиной, и артиллерия работает, и войска спустились утром отсюда в Грозный, но... нет штурма. Каждый раз, когда я произношу слово «штурм», военные меня поправляют: «не штурм, а спецоперация». В чем разница, гражданскому человеку понять трудно.

Бойцы и младшие командиры тоже это не вполне понимают (МК-Урал. 1999. Дек.); А дома уже устали бояться и каждый день припадать к экрану телевизора, слушая сводки с поля боя необъявленной войны, которую правительство до сих пор продолжает стыдливо именовать антитеррористической операцией (МК-Урал. 2001. Февр.).

Поскольку для эвфемизма характерна ассоциативная опосредованная связь с денотатом, осуществляемая через первичное наименование, которое известно обоим коммуникантам, то рефлексив оказывается мостиком, который устанавливает прямую и открытую связь косвенной номинации с первичной. Употребление в одном контексте кореферентных наименований служит средством привлечения общественного внимания к негативным явлениям действительности.

Прямая номинация отрицательного феномена служит толчком для появления оценочных отрицательных номинаций, от нейтрально-объективной констатации факта происходит переход «к гиперболическому пейоративу» [Шейгал 2000: 210]. Параллельно с прямой номинацией «войны» мы встречаемся с дисфемизацией, появлением номинации чеченская бойня: *И только после страшных боев эту войну стали называть своим именем — вторая чеченская. Уже год, как мы живем второй чеченской бойней (МК-Урал. 2000. Авг.); Те, кто затеял эту преступную бойню (На боевом посту. 2002. № 1).* Обе номинации сохраняют компонент «насилованная смерть», что мотивирует отрицательную оценку. Но в ядерную часть лексемы вводятся периферийные компоненты «интенсивность, массовость», «жестокость», «умышленность», которые являются ядерными для концепта «бойня». Сдвиг в сторону «ухудшения» денотата имеет целью сформировать нежелательное восприятие объекта и изменить существующее положение дел. Оценочная номинация усиливает отрицательное отношение к военному конфликту и, безусловно, может быть отнесена к знакам вербальной агрессии.

Конфликтная ситуация в Чечне продолжает оставаться сложнейшей проблемой российско-чеченских отношений на рубеже веков, несмотря на то, что 29 августа 2003 года министр обороны Сергей Иванов в телевизионных новостях официально заявил об окончании второй чеченской войны, употребляя эвфемистические замены: *Мы уходим от понятия «контртеррористическая операция». Мы переходим к понятию «поддержание общественного порядка».* Многократное употребление лексемы *Чечня* и ее производных *чеченский, чеченцы* в негативном контексте способствует превращению данных нейтральных слов в единицы с отрицательной коннотацией. Они конденсируют негативные ассоциации контекста, являясь своеобразны-

ми словами-определителями, сигнализирующими о наличии сложной общественно-политической проблемы.

Тревожная лексика

Периоды социальной и экономической нестабильности общества способствуют развитию катастрофического сознания населения, снижают уровень психологической безопасности и уверенности в будущем. Катастрофические настроения могут передаваться разными способами. В данном случае тональность тревожности и страха создается в СМИ стремлением газетных изданий говорить много и открыто о пугающе запретном. Обилие шокирующих подробностей преступлений, откровенное описание трупов, хладнокровное комментирование жестокостей — вот характерные признаки криминальных хроник и репортажей из горячих точек, которые создают мрачную картину мира. Процесс детабуизации приводит к росту употребления пласта лексики, включающей в свою семантику темы опасности, жестокости, враждебности, которые несут в себе заряд агрессивности. Эту лексику мы назвали тревожной, поскольку ее употребление вызывает у людей чувства тревоги, страха, ожидание опасности, приводит к подавленности и социальной пассивности. Накопление негативности может достигаться простым повторением. На основе постоянного и многократного повторения тревожной лексики моделируется «восприятие ежедневности, обыкновенности и неизбежности преступлений» [Рязанова-Кларк 1998: 81].

Чтобы говорить о росте употребительности тревожной лексики в российских СМИ, необходимо сравнить несколько временных срезов. Идеальны для сопоставления два периода: советский и постсоветский. Для характеристики языка советского времени можно взять «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной [1977], а постсоветского — базу данных Интегрум. Но, к сожалению, «Частотный словарь...» делался в то время, когда ученые испытывали трудности статистической обработки материала. Словарь составлялся лишь с элементами автоматической обработки и не мог охватить широкий массив материала. Так, в словаре в качестве газетно-журнальных источников были привлечены лишь 10 газет за 5 января 1968 года и 5 наименований журналов. Длина выборки из одного журнала была примерно равна длине двух номеров газет. База данных Интегрум дает возможность опереться на тексты свыше 4 тысяч изданий. Результаты сопоставления случайной выборки и полной обработки широкого

массива газетно-журнальных текстов не могут быть адекватными. Поэтому мы выбрали другой вариант определения частотности использования тревожной лексики. В базе данных Интегрум представлен список 10 тысяч самых встречаемых русских слов. Входит ли круг тревожной лексики в этот список? Для количественной характеристики были выбраны, во-первых, лексемы, связанные с военной темой и включающие «агрессивные» компоненты, входящие в денотативное ядро концепта: *война, смерть, убить, гибель, погибнуть, враг, терроризм, нападение*; во-вторых, единицы с семантикой угрозы и тревожного состояния: *страх, страшно, бояться, опасность*; в-третьих, абстрактные слова с повышенной степенью агрессивности: *обреченность, ненависть, апокалипсис, катастрофа*.

Результаты проверки показали различную степень частотности данных единиц. Расположим единицы по степени частотности употребления, начиная с наиболее частотных слов: *война, погибнуть, смерть, бояться, убить, опасность, враг, катастрофа, страх, гибель, нападение, терроризм, страшно, ненависть*. Лексемы, передающие повышенную степень тревожности, — *апокалипсис* и *обреченность* — не вошли в список самых встречаемых слов. Эти достаточно сильные по степени своего воздействия лексемы «обречены» быть редкими в любом контексте. Слово *война* вошло в число первых 400 употребительных слов. Рядом с этим словом, с той же степенью частотности, оказались такие «созидательные» лексемы, как *национальный, игра, спорт, экономика, создание, гражданин, общество*. В первую тысячу частотных слов, наряду с *россиянином, свободой и реформой*, вошли лексемы *погибнуть, смерть, бояться*. Во вторую тысячу слов — *убить, опасность, враг, катастрофа, страх, гибель*. В списке из 2,5 тысяч слов — *нападение, терроризм*, 4 тысяч — *страшно* (рядом такие лексемы, как *еда, проживание, пища*), *ненависть* — последнее слово нашего ряда занимает 4176-е место в списке 10 тысяч самых встречаемых лексем, выбранных из центральных газет и региональной прессы.

Отметим, что количественная характеристика не дает возможности осуществить стилистический анализ тревожных слов, поскольку интерпретационные и ассоциативные поля выстраиваются не только на основе отбора языковых единиц, но и через ансамбль приемов, задающих направление ассоциаций и определяющих процесс интерпретации событийных фактов. Тем не менее показатели степени частотности таких слов дают возможность охарактеризовать современную социокультурную ситуацию. Постоянные военные конфликты, возникающие в ми-

ре, террористические акты, экономическая и политическая нестабильность, чувство тревоги и неуверенности в завтрашнем дне — это все явления современной жизни, отражаемые в СМИ. В качестве примера перечисленных выше проблем сегодняшней России приведем характерный «тревожный» контекст из журнала «Огонек» за октябрь 2005 года. О чувствах, возникших в связи с убийством своего товарища в Воронеже, говорит иностранная студентка Мария: *Я очень люблю русский язык, я очень люблю русскую культуру и моих русских друзей. Но я больше не могу здесь жить. Я устала жить как на войне, я устада каждый день чувствовать страх и каждую секунду ждать нападения. Я уезжаю — плевать на учебу, плевать на все. Россию нужно любить на расстоянии*. С этим утверждением трудно не согласиться.

Высокая частотность употребления тревожной лексики отражает современное состояние общества. Но причиной ее использования является не только общественное напряжение, но и конъюнктурное стремление журналистов обращаться к шокирующим фактам и событиям, которые выделяются из общей массы разнообразных сообщений. Выбор тревожной лексики определяется задачами целенаправленного воздействия на читателя. В российских СМИ появилась нежелательная тенденция смаковать острые моменты общественной жизни. В подтверждение данного положения приведем отрывок из дискуссии, состоявшейся на одной из конференций в Центральном доме журналистов. В своем выступлении Я. Засурский, декан факультета журналистики МГУ, сказал: *Американский полицейский не позволит себе говорить, что он черных мочит*. Оппонируя ему, Лев Левинсон, эксперт Института прав человека, ответил: *Американский полицейский будет мочить без предварительных высказываний* [Засурский 2003].

Соединение многих факторов — реальной нестабильности общественно-политической и экономической жизни России, особенностей русской языковой личности, для которой слово — это тоже дело, а также снижения планки нравственных запретов, тематической свободы, — все это в целом приводит к увеличению употребления тревожной лексики. Подобная лексическая маркированность текста усиливает агрессию газетного дискурса.

Образ мира

Количественное сравнение лексем в нашем исследовании носит относительный характер: рост употребительности мы наблюдали в

рамках выделенной лексики. Поэтому возникает естественный вопрос, так ли тревожен описываемый мир в целом? Насколько социальная версия действительности, создаваемая СМИ, передает ощущение разнобразия жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, мы выбрали точкой отсчета произвольную дату — 6 февраля 2006 года. Каким был мир в этот день в красках непосредственного восприятия действительности, как выстраивается его оценка по шкале базовых оппозиций во всех русскоязычных средствах массовой информации?

Восприятие окружающего мира и его оценка в первом, самом крупном приближении базируется на общеоценочных предикатах *хороший / плохой*, а также на частнооценочных характеристиках, реализуемых в рамках оппозиций сенсорного характера — *черный / белый, приятный / неприятный, светлый / темный, яркий / тусклый*, этического *добрый / злой*, мировоззренческого *свой / чужой*, эстетического *чистый / грязный*. Состояние окружающей действительности представляется в поляризации *жизни и смерти, войны и мира*. Данные оппозиции являются культурно значимыми, так как соединяют в себе, с одной стороны, представления об образцовости и позитивности и, с другой стороны, отступление от идеального, требуемого порядка. Многие сенсорные оценки имеют синкретичный характер, сочетая сущность реального и идеального. Так, известно, что маркером негативной оценки является *черный* цвет как символ крайнего нарушения нравственных норм. Позитивно оцениваемые этические поступки связаны с семантикой *белого* цвета, семантикой *чистого*. При этом *грязный* воспринимается как синоним нечистого, охватывающего сферу не только предметную, но и этическую, эстетическую, религиозную.

Представим выборку количества словоупотреблений оппозиционно выстроенных ключевых лексем (при составлении выборки использованы 4 428 изданий):

<i>Хороший</i>	— 2603	<i>Плохой</i>	— 898
<i>Белый</i>	— 803	<i>Черный</i>	— 729
<i>Светлый</i>	— 196	<i>Темный</i>	— 209
<i>Чистый</i>	— 850	<i>Грязный</i>	136
<i>Яркий</i>	— 444	<i>Тусклый</i>	9
<i>Приятный</i>	— 296	<i>Неприятный</i>	158
<i>Мир</i>	3737	<i>Война</i>	— 1137
<i>Жизнь</i>	— 2569	<i>Смерть</i>	— 654
<i>Свой</i>	— 10076	<i>Чужой</i>	— 287
<i>Добрый</i>	— 456	<i>Злой</i>	202

Укажем единицы по линии убывания встречаемости, выделяя тревожные лексемы: *свой, мир, хороший, жизнь, война, плохой, белый,*

чистый, черный, смерть, добрый, яркий, приятный, чужой, темный, злой, светлый, неприятный, грязный, тусклый.

Поляризация лексем отразила такое восприятие мира, в котором преобладают единицы с положительной семантикой. Мир остается ярким, чистым, в свершении добрых дел, в желании жить в кругу своих, в неприятии зла, войны и смерти. Последнего много в нашей действительности. Об этом необходимо писать, но при этом следует постоянно помнить о той ответственности, которая возложена на СМИ. Агрессивная лексика является мощным средством влияния на массовое сознание. Поэтому она должна подаваться в максимально взвешенном соотношении с лексикой положительного плана. Недаром так невелика частотность слов с сильной семантикой (*обреченность, апокалипсис*). Эти единицы должны быть редкими. Только тогда они могут воздействовать на читателя.

Увеличение пугающей лексики в текстах СМИ снизило болевой порог. Нашего современника трудно взволновать сценами насилия и убийства. Притупленность восприятия действительно трагических событий, отсутствие сопереживания другому, с одной стороны, постоянное чувство тревоги, ожидание опасности, острая потребность в позитивной картине мира, с другой, — это результаты роста употребительности тревожной лексики. В новых социальных условиях формируется определенная коммуникативная культура российской журналистики. Журналистика, являясь формой отражения уровня общественного сознания, одновременно выступает как особый тип власти, оказывающий влияние на формирование ценностной картины современного россиянина. Создаваемые СМИ зоны агрессивно-речевого напряжения в данном культурно-языковом пространстве должны быть максимально продуманы и тщательно выверены. Тематическая свобода — это одно из демократических завоеваний, которым надо учиться умело пользоваться.

О. П. Ермакова

Ирония — язык вражды или язык согласия?

Иначе — агрессивна ли ирония?

На этот счет есть разные мнения. Так, ирония рассматривается как одна из форм языковой агрессии в работе Марии Пайсерт [Peisret 2004: 132–133]. В статье И. А. Шаронова ирония прямо отнесена к приемам речевой агрессии: «Стратегия насмешки и диалогической иронии — достаточно жесткие и агрессивные приемы обороны» [Шаронов 2004: 50]. В. З. Санников считает, что ироническое высказывание маскирует и сглаживает невежливость. Он пишет: «Ироническое высказывание *Да ты герой!* неприятно для слушающего, но все-таки не в такой степени, как “прямое” высказывание [имеющее, в сущности, близкое значение] *Ты трус*» [Санников 1999: 30]. Думаю, в некоторых случаях более агрессивной оказывается ирония: невежливость можно списать на плохое воспитание, ирония же — часто высокомерие, а это задает сильнее.

Очевидно, надо договориться о понимании того, что такое агрессия. В очень широком толковании это любое «вторжение в личное пространство другого человека». Как отмечают исследователи западного менталитета, даже такой речевой акт, как просьба — в известной мере обременение другого человека, или уж, конечно, непрошенный совет, — который, впрочем, и у нас считается неделикатным. Но я буду считать проявлением агрессии те формы языка, которые направлены на оскорбление и унижение человека. Однако и в этом случае не все так очевидно. Казалось бы, агрессия и вежливость никак не могут

сочетаться. В то же время ирония в форме изысканной вежливости может содержать насмешку, пренебрежение, оскорбительное высокомерие. Приведу пример из романа Д. Голсуорси.

Молодой американец (брат Энн, жены Джона), впервые приехавший в Англию, видит в доме Флер и Майкла картину «Белая обезьяна». Картина ему понравилась, и он спрашивает Майкла:

Нельзя ли устроить, чтобы этот художник написал мне картину, я бы отвез ее Энн и Джонку [в Америку]?

— *Боюсь, что это будет довольно затруднительно, —* [говорит Майкл]. *Видите ли, он был китаец и уже лет пятьсот как отправился к праотцам* (Д. Голсуорси. Сага о Форсайтах. Серебряная ложка / Пер. А. В. Кривцовой).

Вряд ли кто усомнится, что, несмотря на очень вежливую форму выражения, в иронии Майкла содержится легкое издевательство над невежеством молодого человека с его чисто американской склонностью все понравившееся купить, сделать своим и т. п.

Относя иронию к одной из форм языковой агрессии, исследователи исходят из того, что иронии, как правило, свойственна насмешка. Однако можно привести примеры иронии, не заключающей в себе насмешки. Ср., например, диалог из романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби». Речь идет о возможной работе на корабле. Смайк, понимающий, что является обузой для Николаса, и жаждущий быть ему полезным, говорит:

— *Я умею доить коров и ухаживать за лошадьми не хуже другого.*

— *Думаю, что немного найдется таких животных на корабле, Смайк, —* [замечает Николас] (Ч. Диккенс. Жизнь и приключения Николаса Никльби / Пер. А. В. Кривцовой).

Здесь так называемая ирония преуменьшения (этих животных совсем нет на корабле) не содержит насмешки над беспомощным и несчастным Смайком. Она носит скорее грустно-сочувственный характер.

Другой пример, из рассказа о маленьком мальчике:

Петя пошел спать, но думать про рака не перестал. Напротив, мысль эта так засела у него в голове, что вся остальная жизнь утратила всякий интерес. Лошадки стояли с невыдранными хвостами, из заводного солдата пружина осталась невыломанной — словом, всюду мерзость запустения (Тэффи. Когда рак свистнул).

Но чаще всего ирония все-таки содержит насмешку, а насмешка — это агрессия. Насмешка в иронии сплошь и рядом демонстрирует высокомерие, интеллектуальное превосходство, некий триумф иронизирующего: «Я умнее своей “жертвы” и вообще выше ее».

Ирония может быть направлена как на актуального собеседника, так и на отсутствующего, или на человека (группу людей, партию и т. д.), с которым иронизирующий незнаком. Но явная агрессия, как правило, требует актуальной «жертвы» иронии. Поэтому примеры самой агрессивной иронии можно наблюдать чаще всего в естественном диалоге или в текстах средств массовой информации.

Принимая тезис — ирония агрессивна, когда содержит насмешку, — полагаю целесообразным выяснить, какие языковые механизмы иронии чаще всего используются для выражения агрессии (о языковых механизмах иронии см.: [Ермакова 2005]). Но прежде хочу отметить, что агрессивный характер иронии имеет две стороны:

1. Ирония выражает агрессию.

2. Ирония вызывает агрессию.

Разные формы иронии, разные языковые механизмы в этом отношении заметно различаются. Не перечисляя все отмеченные языковые механизмы иронии (их немало), рассмотрю те, в которых определенно заложена агрессия. И тоже, разумеется, не все, а те формы иронии, которые наиболее часто вызывают агрессию. Среди явно агрессивных отмечу:

1. Ироническое поощрение.

2. Иронический вопрос (издевательский вопрос).

3. Ироническое согласие.

4. Ироническое отрицание.

5. Ироническое сочувствие, или солидарность.

Приведу примеры этих форм и наиболее типичные реакции на них.

1. Одним из приемов иронии, встречающихся преимущественно в устной речи, является ироническое поощрение, чаще всего облеченное в форму вопроса (в том числе вопроса как просьбы) или совета.

Иронически поощряется продолжение или интенсификация действия, весьма нежелательного для говорящего или отрицательно оцениваемого им как нелепое, неразумное.

— *Ты не мог бы говорить громче, а то газетчики не услышат?* (приятель говорит слишком громко о личных делах собеседника).

— *А что так поздно? Ты уж в следующий раз звони прямо в шесть!* (Приятель звонит в 8 утра).

— *Я отдала им [кошкам] две старые перинки и норковую горжетку.*

— *А горностая у тебя неужели не нашлось?* (И. Хмелевская. Коты в мешках).

Ироническое поощрение обычно не вызывает агрессии, потому что оно само — реакция на действия партнера коммуникации, который до-

пустил бестактность, бесцеремонность, словом — виноват, поэтому ироническое поощрение скорее не издевательство, а упрек. И нередко на него может последовать оправдание, объяснение бесцеремонных или неразумных действий: *Я боялся не застать тебя; Я отдала им старые вещи* и т. п. Или просто извинение: *я не подумал* и т. д.

2. Ярким средством выражения иронии является и р о н и ч е с к и й в о п р о с . Это вопрос, чаще всего маскирующий утверждение о невежестве собеседника, неряшливости и других «достоинствах». Он — сама агрессия!

Вы книжки только пицете или когда-нибудь вы их все же читали?
(Фигль-Мигль. Мюсли // Звезда. 2005. № 6).

«Слово о полку Игореве» проходят в третьем классе церковно-приходской школы. Вы в какой-нибудь школе случайно не учились? (Т. Устинова. Одна тень на двоих).

Эту оперу написал композитор Чайковский. Может быть, вы о нем что-нибудь слышали? (устная речь).

— Вы не старый дед, — отрезала она, — ничего такого не будет, если вы поедите. Если у вас сделается насварение, я вас спасу. Я врач. Вы что-нибудь об этом слышали? (Т. Устинова. Одна тень на двоих).

Разумеется, вопрос о Чайковском, будучи обращенным к ученикам начальной школы, вовсе не содержит издеательства, но безусловно звучит иронически, если преподаватель обращается к студентам театрального училища (филфака и т. д.).

Неудивительно, что иронический вопрос нередко вызывает ответную агрессию:

С самого утра перед выездом Манюня горестно посмотрела на свою ногу и вздохнула:

— Ну почему у меня колготки всегда рвутся в одном и том же месте — на больших пальцах?

Денька посмотрел вверх кружки:

— Слушай, а ты не пробовала ногти на ногах стричь?

— Ну ты козел! — завопило мое чадо (Д. Донцова. За всеми зайцами).

3. И р о н и ч е с к о е с о г л а с и е тоже «заряжено» агрессией, но совсем не обязательно вызывает ответную агрессию. Хотя ироническое согласие — конечно — насмешка, но в ней нет, как правило, явного оскорбления собеседника. Тем более что ирония именно этого типа не всегда понятна партнеру по коммуникации (хотя может быть понятна наблюдателю). Это относится не только к утвердительным словам в противоположном смысле — *О, конечно! Безусловно!* и т. п., но и к любым формам иронического согласия. Ср.:

— Правда, N очень симпатичный человек?

— Конечно! Чрезвычайно! (говорит иронически).

— Нет, правда, да?

Приведу примеры из Тэффи.

— Вы вот, например, пишете, что под казаком лошадь плясала. К чему бы это? Этого не надо. Вам надо работать над собой. Поехать куда-нибудь в деревушку и хорошенько поработать [говорит видный общественный деятель].

— Спасибо. Я непременно. В деревушку.

Потом встретились светлая личность (без определенных занятий) и сказала: «Что вы все мудрите? Волосы пишете лакированные. Хотите изобразить, что молодой человек сидит, так и изображайте: «На стуле сидел господин. На нем волосы». Вот и все. И каждый сразу поймет, в чем дело».

— Да, вы правы. Так, конечно, скорее поймут.

Потом пришла дама. Милая, розовая, душистая, золотистая. Съела конфетку, облизнулась и сказала.

— Не хочу сплетничать, но знаете, Степаниде Петровне ваши фельетоны не нравятся... Не хочу сплетничать, но она говорит про них, что это не Бичер-Стоу.

— А нужно, чтобы Бичер-Стоу?

— ...Ничего, что я вам передала?

— Наоборот, я очень рада. Это ценное указание... Значит — Бичер-Стоу... (Тэффи. Как быть?).

Судя по рекомендациям, советчики не понимали иронии.

4. Ироническое отрицание негативных действий (особенно — позорящих жертву иронии) может вызвать взрыв агрессии, взбесить человека, если он улавливает хоть тень иронии. Это особенно очевидно в ситуации, когда иронист выслушивает сообщение собеседника о «несправедливом» обвинении: в присвоении денег, в доносительстве и т. п.

— А ты, конечно, на него не доносил.

— Ты сам подлец, если мне не веришь (устная речь).

5. Ироническое сочувствие, особенно если оно преувеличено, как правило, вызывает ответную агрессию:

— Представляешь, я приехал, а она — дома [жена].

— Ужас. — сказал Данилов.

— Ты ни фига не понимаешь — и заткнись (Т. Устинова. Одна тень на двоих).

Причина, очевидно, сугубо психологическая: человек, рассчитывающий на сочувствие, не готов к насмешке над ним и сильнее оскорбляется: люди обычно преувеличивают свои неприятности и юмор воспринимают как издевательство.

Разумеется, здесь, как и вообще при коммуникации, имеет значение ряд факторов: ситуация, типы участников диалога — кто говорит,

о чем, каковы характеры, степень воспитанности говорящих и многое другое. Но многочисленные наблюдения убеждают нас в том, что отмеченные агрессивные формы иронии, как и реакции на них, можно считать типичными.

Таким образом, ирония может быть формой агрессии, хотя, как отмечалось, не всегда и не обязательно.

Но парадоксальность иронии заключается в том, что в определенных случаях ирония выполняет две противоположные функции: агрессии по отношению к собеседнику и одновременно защиты того, на кого несправедливо нападает партнер иронизирующего. Один бытовой пример.

В разговоре двух женщин-коллег одна, вечно подозревающая кого-то в присвоении общественных денег, почти откровенно обвиняет в этом третью, не участвующую в разговоре (по общему мнению, вполне порядочного человека).

А.: — Ты хочешь сказать, что она эти деньги в карман кладет?

Б.: — Ну, так получается.

А.: — Да уж, как же иначе! Она ведь известная мошенница! Кругом глубоко порядочные люди, а она — мошенница. Ты ее разоблачила! Молодец! (наблюдателю при этом совершенно ясна ирония, понятна она и обвинителю).

Такое мнимое согласие с обвинением часто действует сильнее, чем горячность в доказательстве невиновности человека.

Если рассматривать иронию в отношении к категории «свой — чужой» (агрессия, как правило, направлена на «чужого»), то в первую очередь ирония *разделяет* общающихся на «своих» и «чужих»: «жертва» иронии явно отчуждается. Но одновременно ирония может (хотя не обязательно) *объединять* ирониста и наблюдателя на основе понимания иронии и солидарности с иронизирующим. Это нередко наблюдается при цитатной иронии, если объект иронии не знает цитаты (он «чужой»), известной в определенном микромире («своих»). Это, разумеется, не специфическая особенность иронии, но именно ирония отчуждает и, возможно, унижает «не-своего».

Н. Д. Бурвикова

Пародирование прецедентного текста как средство языка согласия

Суть любой пародии — смех при расставании с прошлым (последнее следует понимать широко). Насколько такой смех злобен, зависит от ряда обстоятельств.

В процессе воспитания и образования носитель любого языка имеет дело с текстами, которые запоминаются именно своей структурной композицией. В анализируемом в данной работе случае носитель русского языка, чье становление как языковой личности пришлось на советский период, в течение нескольких лет решал задачи по математике и физике, заучивал наизусть тексты художественных произведений в соответствии со школьной программой. Заполнял анкеты.

В памяти осталась структурная композиция прецедентных текстов, с которыми сталкивалась языковая личность, сформированная в советский период. Эта композиция в наше карнавализованное время пародируется.

Вот пример из «Задачника» Г. Остера.

Из каждых 2 575 двоечников один становится директором школы. Из скольких двоечников получится 15 директоров школ?

Третьеклассник Федя купил в школьном буфете стакан компота и пошел мыть руки. В это время в школьном буфете находилось 9 первоклассников, каждый из них плюнул в Федин компот 3 раза. Сколько раз плевали первоклассники в Федин компот?

14 детей учились плавать, трое из них еще не умеют плавать, а двое уже утонули. Сколько детей научились плавать и еще не утонули?

Как видим, примеры остеровских задач являют собой пародию, выдержанную в жанре черного юмора. Скорее всего, это реакция нормального человека, которому надоели благонравные пионеры и октябрята, безропотно собирающие в задачах колоски, металлолом и макулатуру. Сейчас дети из школьных задач покупают карандаши и фломастеры, но это хотя бы нейтрально.

Автор пародий не демонстрирует толерантности к пародируемому тексту. И это можно понять. Стремление к согласию здесь не слишком уместно.

Предлагаемые к заучиванию произведения художественной литературы, конечно же, были разные. Необходимость заучивания у школьников восторга никогда не вызывала, особенно если к помещению в долговременную память предлагались тексты революционной направленности. В самом деле, как могла «Песнь о Буревестнике» — стихотворение в прозе, в свое время действительно будоражившее воображение экзальтированных курсисток, произвести впечатление на школьника эпохи застоя? Понятно, почему «Песнью» упивались студенты предреволюционной поры, но в конце XX века?

Пародия Олега Солода «Сага о рекламе» (приводится в сокращении) в полной мере подтверждает сказанное.

Над шестой частью суши на волнах телеэфира снова реет толстый Сникерс, фаршированный орехом.

Нам реклама запрещает тормозить, его завидев, забывая: тот, кто верит в обещания рекламы, — это тормоз от рождения.

Кстати, может, кто заметил, что давненько на экранах не бывало «Милки Вэя». Видно, сей брусок нежнейший все же утонул в стакане. Что отчасти подтверждает: несмотря на все намеки, вещь была вполне приличной.

Вместо «Марса» на экране воцарился жидкий йогурт, этот йогурт — просто чудо!

Если пальцем вы пробьете тонкий слой фольги на крышке, а потом перевернете, йогурт в дырку течь не будет, потому что дырку клинят крупные куски банана. Вот какой густой и жирный! Его качества испытание проводили в наших школах. В третьем «А» в течение года дети ели этот йогурт, утром, в полдник и к обеду. И уже через полгода всех детей без исключения свало от его названья.

Кстати, как-то их спросили, что тот йогурт отличает, например, от средства «Фэйри». Дети правильно сказали: «Больше жизни! Больше фруктов! А вообще, одно и то же».

В общем, в тонкостях рекламы лучше разбирайтесь сами, а то станете такими, как тот парень с толстой рожей. Тот, что всем обязан маме. Вот уж рожей — это точно.

В общем, если жизнь дороже, меньше слушайте рекламу (Тайная власть. 2005. Янв. № 1).

Текст пародии злой, враждебный всем радужным ожиданиям методистов советского времени, включившим «Песнь о Буревестнике» в школьные программы. Патетика «Песни» в сочетании с трансформированными текстами самых глупых современных реклам дает эффект, обратный толерантности.

Прямо в соответствии с «Песней», часто звучавшей в начальном периоде перестройки:

*Тень, тень, тень, Буревестника тень
Времени ветер несет,
Тень, тень, тень, Буревестника тень
Вновь над страню встает.
Нас в революцию не заманить,
Хватит нести этот бред.*

Кстати, зло спародировать монологи героев из «Горя от ума» в голову не приходит никому.

Тексты с говорящей композицией располагают эмоционально-экспрессивными возможностями соответствующего жанра. Эти возможности закреплены социально и культурно. Композиция такого текста эпистемична. Двойная экспрессия при восприятии и понимании таких текстов сопровождается эффектом обманутого ожидания.

Философы, изучая состояние современных языков, подчеркивают, что одним из свойств естественного языка является свойство «создавать... структуры, выражающие значительно больше, чем из него [языка] можно извлечь путем лингвистического анализа» [Касавин 2003: 26]. Привычку искать это «значительно больше» формирует язык постмодернистских произведений, расшифровка которого задает процессу понимания игровой тон, формирует у читателя направленность на преодоление элементарности, простоты и линейности восприятия. Линейность преодолевается и у пользователей компьютера, которых становится все больше и больше — язык рунета карнавализован. Для современного постиндустриального общества характерен нелинейный образ мышления. И вполне возможно, что все воспроизводимые выражения и явления, извлекаемые из памяти целиком, и «говорящие» композиционные структуры текстов тенденцию к нелинейности развивают. Вот, например, анкета, которую хоть раз в жизни да заполняло большинство советских людей. В ней (до сих пор) есть пункт — владение иностранными языками, который содержит варианты ответов — *говорю свободно, читаю со словарем, могу объясняться*. «Го-

ворящая» композиция анкеты повлекла за собой пародию (авторы — А. Ширвиндт и Б. Покровский): *Турецкий — вижу, но не очень, хинди слышу, но не понимаю.*

А вот для сравнения: малораспространенная — но кое для кого «говорящая» композиция японского трехстишья, танку, настраивающая на пассивно-созерцательный лад — дала пародию, где содержательный момент хоть и содержит отсыл к японской культуре, но на фоне привычного жителям нашей страны снятия колес (особенно с иномарок).

Тойота стоит на горе.

Нету колес у Тойоты.

Их унесла молодежь.

(Из молодежной печати)

В этой пародии на танку нет элементов вражды. Японская поэзия не входила в школьную программу и соответственно не вязла в зубах. Навязшее в зубах вызывает отрицательное отношение, даже если это только структура. Такую структуру не хочется воспроизводить всерьез, ее можно только пародировать, тихо злорадствуя, что подобные тексты ушли. Помнить бы об этом всегда.

Мы тоже полагаем, что согласие лучше вражды. Соответственно, и язык согласия лучше языка вражды. Но можно ли с любовью (даже если это ностальгия по ушедшей молодости) листать старый задачник, воспроизводить по памяти «Песни о Буревестнике»? Куда лучше посмеяться над авторитарными текстами, навязывающими заранее спрограммированное в верхах отношение к различным жизненным ситуациям. Кстати, пусть этот смех и не добр, но он помогает выпустить пар, копившийся десятилетиями. И гуманное отношение, основанное на ненасилии, вовсе не должно предполагать благодушия в оценке текстов, исходящих из насилия над мировоззрением. Добро должно быть с кулаками. При всем уважении к согласию и толерантности.

С. Ю. Данилов

Речежанровые сигналы вражды и согласия: предвыборные теледебаты

Исследование речежанровой структуры текста позволяет выявить специфические речежанровые сигналы вражды и согласия. Речежанровый анализ предвыборных теледебатов был проведен нами с опорой на жанроведческие труды Н. Д. Арутюновой, М. М. Бахтина, Г. И. Богина, А. Вежбицкой, В. В. Дементьева, К. А. Долинина, Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой, В. А. Салимовского, К. Ф. Седова, М. Ю. Федосюка, Т. В. Шмелевой.

Агитационный дискурс за последние 15–20 лет сформировался и стал отчетливо осознаваться как специалистами, так и теми носителями языка, которые не изучают социальную психологию, политологию или лингвистику. В монографии 2000 года «Культурно-речевая ситуация в современной России» Н. А. Купина пишет: «Агитационная речь имеет четкую стратегию: побудить адресата (избирателей) к выбору того, а не иного кандидата, убедить адресата в необходимости совершения сознательного действия» [Купина 2000: 216]. Исследователь отмечает, что в современных условиях названная сверхзадача зачастую трансформируется. Вместо «выбери меня» избиратель получает установку «не выбирай моего главного соперника». Эта стратегия приводит к активизации так называемого черного пиара, стимулирующего протестное голосование (побеждает кандидат «против всех») и, в конечном итоге, к дискредитации демократических выборов.

В период выборов кампаний 2004 года государством были апробированы новые правила предвыборной агитации, предполагающие

проведение теледебатов между политическими соперниками. Федеральный закон о выборах Президента РФ (ст. 52, п. 6) содержит специальное положение: «Одна вторая, а в период проведения повторного голосования две трети общего объема бесплатного эфирного времени, выделяемого государственными организациями телерадиовещания, отводится зарегистрированным кандидатам для совместного проведения дискуссий, “круглых столов”, иных совместных агитационных мероприятий. К использованию этой доли бесплатного эфирного времени все зарегистрированные кандидаты должны быть допущены на равных основаниях. Организация телерадиовещания вправе увеличить объем эфирного времени для проведения совместных агитационных мероприятий в пределах общего объема эфирного времени, выделяемого для зарегистрированных кандидатов». Сходное положение зафиксировано в Федеральном законе о выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (ст. 60, п. 4). Подчеркнем, что именно дебаты, с их строгим регламентом, позволяют реализовать норму предоставления равных долей эфирного времени каждому кандидату.

Законодательное введение политических предвыборных дебатов в массовую коммуникацию стало заметным шагом в языковой политике Российской Федерации. Положительные стороны этого решения очевидны: массовый зритель оказывается вовлечен в «предвыборную коммуникацию»; соперники встречаются лицом к лицу и могут открыто обсуждать и политические программы, и актуальные вопросы дня; анализ предвыборных позиций кандидатов оказывается в центре внимания, и телезритель может принимать взвешенное решение об участии в выборах и голосовании за того, а не иного кандидата.

«Строго однозначного определения термин “дебаты” в русской речевой практике не имеет» [Матвеева 2003: 55]. Материал показывает, что термин «дебаты» воспринимается общественностью некритично: дебатами признается обсуждение социально значимого вопроса по неким, предложенным работниками СМИ, правилам. При этом этический и коммуникативный фундамент дебатов остается вполне ясным: обеспеченное регламентом равенство агитационных возможностей участников речевого состязания; гарантированная открытость всего происходящего для аудитории. Несмотря на позитивную оценку самого факта открытых агитационных теледебатов, следует признать, что предвыборные кампании 2004 года сопровождались регулярными нарушениями регламента. В региональных телепрограммах условия дебатирования не были ясны ни журналистам, ни дебатирова-

ющим; зачастую отсутствовало и само обсуждение социально значимых вопросов. Одна из первых сделанных нами записей предвыборных теледебатов представляет собой телетекст, свидетельствующий о подмене жанра:

I

Заставка -- Выборы-2004.

II

На фоне Московского Кремля (символа российской государственности) появляется надпись:

*Теледебаты кандидатов на должность Президента РФ
В. В. Путина и Н. М. Харитонов.*

III

Заставка меняется. На фоне цветов российского флага написано:
Вопрос кандидатам:

*Чего ждать российской молодежи от Вашей победы на выборах?**

IV

Заставка — Государственный флаг РФ, надпись:

Кандидат на должность Президента РФ В. В. Путин от участия в теледебатах отказался.*

V

Заставка — сплошной красный фон. Надпись:

*На вопрос телезрителей отвечает кандидат на должность
Президента РФ Н. М. Харитонов*.*

VI

Телевыступление Николая Харитонова (за спиной выступающего — Московский Кремль).

VII

Красная заставка, сменяющаяся портретом Н. М. Харитонова с подписью и политическим девизом *За родную землю и народную волю*. Девиз и на первой заставке, и на портрете. Надпись только рядом с портретом:

Николай Харитонов, кандидат на должность президента РФ.

Голос за кадром:

За родную землю и народную волю. Кандидат на должность Президента России Николай Харитонов.

VIII

Заставка --- Выборы-2004 (Дебаты-2004. 1 канал. 2004. 16 февр.).

Примечание. * — эти же фразы произносит диктор за кадром.

Дело не в том, или не только в том, что основные претенденты

повсеместно отказывались от участия в теледебатах (это касается и президентских выборов, и довыборов в Государственную думу по округам). Важнее, что сами дебаты не были подготовлены должным образом. Это видно из приведенного примера, демонстрирующего замену дебатов презентацией кандидата. Но и в тех случаях, когда дебаты были узнаваемыми, а не просто поименованными, участников совместной агитации организаторы зачастую ставили в глупое положение непродуманностью структуры дебатов или несоотнесенностью заявленной темы и формы дебатов. Так, в «финальном» выпуске «Дебатов-2004» на Первом канале (12 марта) ведущий Петр Марченко, представив кандидатов на должность Президента России, сообщает о теме дебатов. Реплика содержит также регламентирующие ход дебатов высказывания, которые предусматривает структура речевой партии ведущего (речевые жанры сообщения, регламентирующего развитие коммуникативного события).

В ходе нашей программы кандидаты ответят на вопросы своих соперников / экспертов и нашего зала // Согласно Закону о выборах / каждому из вас будет предоставлено [представлено] / равное / количество / времени // Тема сегодняшней дискуссии / внешняя политика России // Я предлагаю всем кандидатам сразу ответить на вопрос / в течение тридцати секунд // Как вернуть России статус сверхдержавы? Николай Михалыч // (Дебаты-2004. 1 канал. 2004. 12 марта).

Несоответствие тридцатисекундного временного отрезка глобальности заявленной проблемы очевидно. Число подобных примеров можно умножить, но в рамках нашего исследования мы остановимся не столько на описании просчетов в организации сложного коммуникативного события, каким и являются дебаты, сколько на речежанровой характеристике высказываний коммуникантов, участвующих в теледебатах. Характеристика высказываний дается в аспекте толерантности как лингвокультурологической категории агитационного дискурса.

Язык вражды и язык согласия — это метафоры, смысл которых раскрывается прежде всего в наших представлениях о морали. Сложность этих понятий в том, что слова *вражда*, *враждебность* изначально соотнесены с оценкой *плохо* (враждовать — плохо). Толковый словарь русского языка предлагает следующую дефиницию: *вражда* — 'отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью' [СОШ 1997: 102]. Вместе с тем описательные характеристики типа «враг пошлости» формируют положительный образ: быть врагом пошлости — это хорошо. Более того, стоит отметить, что «враги у всех есть», однако евангельский нравственный идеал — в отсутствии каких бы то ни было врагов.

Этическая оценка понятий «соглашаться (приходить к согласию), примиряться» в современной русской культурно-речевой ситуации неоднозначна и связана с осознанием толерантности как культурной ценности, обеспечивающей сохранение национального, религиозного, психологического многообразия в социуме. О. А. Михайлова, исследуя лингвокультурологическое поле с ядром *толерантность*, отмечает: «В его чрезвычайно емком содержании можно обнаружить и отрицательные коннотации как отголоски героического советского времени, и положительные оценки как отражение черт нового мышления» [Михайлова 2003: 111].

Под языком согласия мы понимаем речевые действия, реализующие установку говорящего на снятие напряжения и уход от конфликта. Другими словами, прибегая к языку согласия, говорящий нацелен на то, чтобы перестать быть «врагом» для слушающего, и системно демонстрирует эту нацеленность в совершаемых речевых поступках. Язык вражды, напротив, предполагает совершение речевых поступков, нацеленных на создание у слушающего образа врага и победу над «врагом».

Очевидно, что сигналами согласия в речи становятся не только формулы вежливости, но также речевые поддержки и подхваты, а кроме того, развернутые сообщения, содержащие информацию, подтверждающую правоту собеседника. Отказ от использования в тексте сигналов согласия ощущается как знак вражды. Система речевых действий, демонстрирующих враждебность к собеседнику, наполняется высказываниями с негативной личностной оценкой собеседника, его идей и поступков, а также развернутыми сообщениями о фактах, которые дискредитируют собеседника.

Аналитические высказывания, интерпретирующие позицию собеседника, не являются сигналами вражды или сигналами согласия, хотя могут восприниматься как таковые благодаря тональности, заданной собеседниками.

Сигналы согласия в речи участников теледебатов

Предвыборные дебаты, на первый взгляд, не располагают к актуализации языка согласия в связи с тем, что участники дебатов — это конкуренты в предвыборной борьбе, например кандидаты в депутаты Государственной думы по одному избирательному округу. Обозначим сигналы согласия, которые появляются в речи дебатующих, а также в репликах тележурналиста, ведущего передачу.

Во-первых, это этикетные речевые жанры и формулы вежливости.

Константин Цыбко. Здравствуйте / уважаемые телезрители // Очень рад возможности очередной встречи с вами / ну и кратко / учитывая что всего одна минута / программа моя достаточно проста / в тех основных направлениях / которые бы я хотел отстаивать в Думе / Первый момент / о котором я говорил уже давно / это момент / связанный с повышением оплаты труда / вообще в Российской Федерации / Средства денежные / где взять / я уже неоднократно заявлял // У нас есть золотовалютные резервы / которые составляют 87 миллиардов долларов // Это громадная сумма / из которой как минимум сорок пять миллиардов / в общем-то излишний резерв // И эти средства сейчас очень нужны / для того чтобы повышать зарплаты / повышать зарплаты и в бюджетной сфере / повышать пенсии / направлять эти деньги на возможности ипотечного кредитования / дать возможность / аа / строительства жилья / возможность получения кредита на строительство жилья // Причем не под 25 процентов / не под 20 процентов / а под 3–4 / максимум 5 процентов / и не на 5 лет / а на 25 лет // Вот тогда мы действительно многие вопросы решим // И действительно / тогда в нашей стране начнется реальный экономический рост / о котором заявляет президент // (Выборы-2004. СГТРК. 2004. 12 марта).

Этикетный речевой жанр приветствия, сопровождаемый формулой вежливости *Очень рад возможности очередной встречи с вами*, легко встраивается в череду таких агитационных речевых жанров, как сообщение о необходимых шагах для улучшения жизни избирателей, предвыборные обещания (*не под 25 процентов, не под 20 процентов, а под 3–4, максимум 5 процентов, и не на 5 лет, а на 25 лет; Вот тогда мы действительно многие вопросы решим*) и предсказание улучшения экономической ситуации (*тогда в нашей стране начнется реальный экономический рост, о котором заявляет президент*). Хотя в приведенном текстовом фрагменте сигналы согласия адресованы телезрителям, потенциальным избирателям, эти сигналы задают позитивную тональность общения. Переключение с *Я* (*я говорил уже давно; я уже неоднократно заявлял*) на *Мы* (*многие вопросы решим*) можно рассматривать не как сигнал согласия, а как тактику самоукрупнения говорящего, этим объясняется и введение идеологемы *президент*.

В последовавшем высказывании второго участника дебатов, Николая Васильевича Волкова, реализуется аналогичный сигнал согласия, направленный на избирателей (речевой жанр приветствия), но добавляются и сигналы согласия с собеседником.

Добрый день. Ну, я полностью согласен с моим коллегой, лучше не скажешь. Но я бы немножко привилегии поменял местами, я бы на-

чал с того, что принял всеобъемлющие законы, которые помогли бы нам избавиться от воровства в стране, от коррупции, именно от этого у нас все беды. Поэтому разворачивается бюджет, откуда выплачиваем зарплаты бюджетникам и пенсионерам. Отсюда вывозятся наши богатства за границу. Отсюда 25 семей в России владеют всем богатством нашей страны. Поэтому те законы, которые назвал мой коллега, конечно, они чужны, и они должны приниматься, но главный закон — это я сказал — о коррупции и о противодействии воровству, это повышение уголовной ответственности нашим чиновникам. Вернуть ответственность чиновникам. Это конфискация имущества, незаконно нажитого, которая сейчас у нас, к сожалению, из уголовного законодательства исключена. Я считаю, вот эти первые основные законы, которые я бы принял, будучи депутатом (Выборы-2004. СГТРК. 2004. 12 марта).

Формула Я полностью согласен с моим коллегой, лучше не скажешь опознается как речевой жанр коммуникативной поддержки собеседника. Приведенное высказывание выполняет также функции логической скрепы текста. Это этикетный речевой жанр, о формульности которого свидетельствует противоречие объявленного полного согласия с последующим уточнением собственной позиции (я бы немножко прерогативы поменял местами). Уточнение собственной позиции воплощено в речевом жанре вежливого, смягченного возражения (те законы, которые назвал мой коллега, конечно, они нужны, и они должны приниматься, но главный закон — это я сказал — о коррупции и о противодействии воровству, это повышение уголовной ответственности нашим чиновникам). Компонентом возражения становится еще один очевидный сигнал согласия — это высказывание, прямо подтверждающее правоту собеседника, — речевой жанр сообщения о признании позиции собеседника правильной (законы, которые назвал мой коллега, конечно, они нужны, и они должны приниматься). Нельзя не отметить, что этот речевой жанр ставит адресанта над адресатом, ведь только старший и более опытный может признать чужое мнение правильным (неправильным) и уточнить его.

Следующий сигнал языка согласия — это подбор уважительных номинаций при упоминании собеседника. В приведенном текстовом фрагменте дважды используется номинация *коллега*. Речевые жанры, сигнализирующие о согласии с собеседником, входят в качестве строковых элементов в речевой жанр предложения исправления сложившейся негативной ситуации.

Сходные сигналы согласия мы наблюдаем и в речи тележурналистов, ведущих дебаты. В анализируемом тексте тележурналист чаще

всего прибегает именно к формулам вежливости, как это видно из следующего высказывания.

Большое спасибо. Итак, приступаем к нашим вопросам-ответам. С вашего позволения, я, пожалуй, вам задам первый вопрос. Чего вы опасаетесь 14 марта, в день голосования, при проведении выборов депутатов в Государственную думу по Верх-Исетскому избирательному округу? Пожалуйста, Константин Валерьевич (Выборы-2004. СГТРК. 2004. 12 марта).

Некоторая избыточность формул вежливости вполне объяснима сложностью позиционной роли ведущего предвыборные теледебаты и неотработанностью регламента. Приведем еще одно высказывание тележурналиста, вскрывающего слабую организацию коммуникативного события:

Теперь, пожалуйста, вопрос друг другу. Первым у нас будет отвечать Константин Валерьевич Цыбко. Ну, я думаю, будем чередоваться ведь, да? (Ну конечно. — реплика К. Цыбко). Один — другой. Пожалуйста, Николай Васильевич, задавайте свой вопрос (Выборы-2004. СГТРК. 2004. 12 марта).

Диалогическое единство (запрос речевой поддержки — речевая поддержка) создает тональность неконфликтного общения собеседников и также является сигналом согласия в речи коммуникатов. К сходному приему прибегают и собственно дебатующие:

Бояться не надо. В кабинке вы один на один с бюллетенем, и самое главное, все эти запугивания — они все фальшивые, ничего не будет, и если такие факты есть, я готов отстоять, я думаю, и Николай Васильевич в этом случае также поддержит вас (да. — Н. Волков). И мы отстоим вас, независимость выборов и справедливость выборов, поэтому никогда не поддавайтесь ни на какое давление. (Выборы-2004. СГТРК. 2004. 12 марта).

Как уже отмечалось выше, типовые сигналы согласия не являются подходящими для любого коммуникативного эпизода в агитационном дискурсе, конфликтном по своей природе, и тем более — в предвыборных теледебатах. Несвоевременное, неуместное обращение к речевым жанрам, сигнализирующим о согласии с собеседником, может не только сработать против говорящего, но и дискредитировать саму идею дебатов, в которых разные точки зрения должны сталкиваться и проясняться, а коммуниканты, в свою очередь, должны доказывать собственную самостоятельность, состоятельность и компетентность в социально значимых вопросах. Приведем несколько примеров.

Николай Васильевич предваряет свой первый вопрос таким высказыванием:

Ну, у нас как бы основных противоречий, как я понял, дебатов с Константином нет.

Речевой жанр, сообщающий о готовности к полному примирению, ставит избирателей в тупик и, как уже говорилось, нарушает жанровую концепцию предвыборных теледебатов. Не менее странно выглядит диалог, в котором один из кандидатов, увлекшись тактиками речевой поддержки, фактически напутствует другого работать в Государственной думе, т. е. победить на выборах.

— ...Менять вот этих депутатов, наказывать их, на мой взгляд, самый простой способ, вот ругают все власти, у нас говорят, вот никто ничего [ниче] не делает. вот избираем, вот почему такое происходит, так избирают, человек ничего [ниче] не делает, его опять выбрали. Он опять ничего [ниче] не делает --- его снова выбрали. Пока избиратель не почувствует ответственность, пока избиратель не будет говорить нет нерадивому чиновнику. То есть тому, кто не справился — все, путь должен быть закрыт в Государственную думу. До тех пор ничего не изменится, поэтому я буду продолжать бороться в любом случае и продолжать работать, ну мне есть где работать, я не безработный человек, для меня не трагедия жизни, если тут вдруг что-то не получится. Для меня это, конечно, удар в том плане, что я отстаиваю честно, искренне те идеи, которые хочу в Думе проводить, но тем не менее. Поэтому я думаю, что мы будем работать, продолжать на своем рабочем месте разрабатывать законодательные инициативы, пытаться другим образом их провести и все-таки добиться реального улучшения жизни в стране.

— А вот, может быть, еще один закон принять, об отзыве депутатов, который раньше был?

— Вот в том-то и дело. Вот это было бы здорово.

— Вот давайте, юристы, поработайте (Выборы-2004. СГТРК. 2004.

12 марта).

Еще один пример неуместного согласия политических соперников, сопоставим с легитимизированным черным пиаром. Говорящий прибегает к запросу выгодной для обоих участников дебатов информации, задает удобную тему, позволяющую сыграть против основного соперника на выборах. Речевой жанр запроса информации содержит и развернутое сообщение о собеседнике. Более всего удивляет, что политический противник, ответив на вопрос, сам выстраивает идентичный, точнее параллельный, запрос информации о том же самом конкуренте на выборах.

1

Единственное, Константин, я бы хотел вас спросить, вы последнее время больше меня проживаете в Свердловске, вы знаете, видимо, основных кандидатов по округу, которые идут вместе с нами на выборы. Меня интересует судьба, что ли, Язблицева, его последнее, он действительно так популярен в округе, что уже дважды выбирался в Госдуму и вот уже третий раз идет на выборы.

Да, кстати, вот я в продолжение, Николай Васильевич, вот вы в Москве, наверное, очень хорошо знакомы со всей системой московской власти, потому что, как я знаю, что вы регулярно и боролись, и с олигархами у вас шла борьба, и вы очень хорошо знаете, наверное, многих руководителей нашего Министерства внутренних дел, в частности и Грызлова, наверное, знаете лично, я уверен. Так у меня вопрос, вот сейчас раздувается миф о том, что «Единая Россия» поддержала Яблицева. Насколько я знаю, я изучал устав партии, для этого необходим либо съезд, либо конференция федеральная, таких документов нет, в Москве мне не подтвердили, может быть, вы что-то по этому поводу знаете (Выборы-2004. СГТРК. 2004. 12 марта).

Важнейшей чертой такого «тавтологичного» запроса информации становится размывание образа адресанта, противоречащее концепту осознанного выбора того, а не иного кандидата. Подобные фрагменты частотны для предвыборной кампании-2004. Их можно отметить как формирующуюся речевую тактику «согласного», тавтологичного дублирования информации в ущерб развитию хода мысли.

Сигналы вражды в речи участников теледебатов

Анализируемый текст выдержан в доброжелательной тональности, скорее свойственной беседе единомышленников, чем дебатам политических соперников. Но сигналы вражды, пусть и не в таком большом количестве, как сигналы согласия, в тексте прослеживаются. В соответствии с фактором адресата следует выделить три группы «враждебных» речевых действий. Во-первых, речевые действия и поступки, нацеленные на представление собеседника врагом, на ущемление его коммуникативных прав и, наконец, на победу над собеседником. Во-вторых, речевые действия, враждебные по отношению к названному, но не присутствующему третьему лицу. В-третьих, речевые действия, враждебные по отношению к аудитории. Чтобы не умножать объем примеров, приведем крупный текстовый фрагмент, в котором прослеживаются разные типы сигналов вражды:

Да, хороший вопрос, Николай Васильевич, дело в том, что, как и в прошлый раз, Яблицев не был избран, и второй раз только путем огромных финансовых вливаний ему удалось фактически громадным подкупом добиться избрания, потому что его и 4 года назад не избирали депутатом, как и 7 декабря, а господин Яблицев шел от Народной партии, он шел с программой Народной партии, был выдвинут Народной партией, сейчас, как мы все знаем, он предал Народную партию, он предал тех избирателей, которые за него голосовали, и перебежал в другую. «Еди-

ную Россию». И кстати, как выяснилось, вчера я это узнал, факты, ни съезд «Единой России» его не выдвигал, ни аппарат его не выдвигал, центральный «Единой России», так вот, популярность у него невысокая, по той причине, что уже против всех голосование было, уже большинство избирателей сказали нет этому кандидату, и, на мой взгляд, вот обязательно должно быть в Законе о выборе депутатов в Госдуму, как и есть в Законе о выборах Президента, что если было голосование против всех, этот человек и все участники именно в этом округе не имеют права вторичного выдвижения. Им уже было отказано в доверии, т. е. сейчас идет попытка навязать того же кандидата, заставить за него проголосовать, т. е., а-а, тогда, получается, и третий, и четвертый раз может у нас одно и то же лицо добиваться этого избрания. Вот это как раз и порождает то, что Зяблицев пытается вторично убедить избирателей в том, что он что-то может сделать. А вот вы посмотрите, я действительно сам живу в Верх-Исетском округе, я сам избиратель этого округа, ничего не поменялось за восемь лет, ничего. Более того, меня вообще удивляет, я посмотрел на имущественное положение господина Зяблицева, депутат уже восемь лет. Огромные участки земли — тысяча сто десять квадратных метров участок земли — это гектар. Огромная квартира в Екатеринбурге, т. е. человек просто... я знаю стоимость на жилье, просто огромные, капитал он потратил. Откуда деньги, удивительно, просто удивительно.

Телеведущая Константину Цыбко (перебивая его). Давайте свой вопрос.

Николай Волков. А вот бешеные бабки. Имеются бабульки, которым он помогает. На каждом углу. Это действительно происходит?

Константин Цыбко. Да чет, вы понимаете, что происходит? Происходит оттого, что люди действительно в тяжелом положении, он довел, я считаю, что он довел. Те Думы довели людей до такого состояния, что за пачку чая, за банку тушенки люди вынуждены работать на него, вынуждены, иначе просто жизни нет, пенсии копеечные. Бюджетная сфера, зарплата — просто копейки. Ниже прожиточного минимума, вот отчего все это происходит. И эти люди в душе-то, я уверен, против него. Они вынуждены зарабатывать деньги таким путем.

Телеведущая. Ваш вопрос Николаю Васильевичу (Выборы-2004. СГТРК. 2004. 12 марта).

Наиболее актуальными оказываются враждебные действия, отнесенные нами ко второй группе. Выделенные с помощью подчеркивания фрагменты текста содержат обвинительные высказывания, входящие к речевому жанру обвинения в отсутствие обвиняемого лица. Это действия, враждебные по отношению к названному третьему лицу. Они граничат с такими низкими речевыми жанрами, как сплетня, слу-

хи, пересуды. В этих высказываниях формируется образ преступника (только путем огромных финансовых вливаний ему удалось фактически громадным подкупом добиться избрания; я посмотрел на имущественное положение господина Зяблицева, депутат уже восемь лет. Огромные участки земли — тысяча сто десять квадратных метров участок земли — это гектар. Огромная квартира в Екатеринбурге, т. е. человек просто... я знаю стоимость на жилье, просто огромный капитал он потратил. Откуда деньги, удивительно, просто удивительно); предателя и перебежчика (господин Зяблицев шел от Народной партии, он шел с программой Народной партии, был выдвинут Народной партией, сейчас, как мы все знаем, он предал Народную партию, он предал тех избирателей, которые за него голосовали, и перебежал в другую, «Единую Россию»); человека, виновного в нищете избирателей и использующего эту нищету (он довел, я считаю, что он довел. Те Думы довели людей до такого состояния, что за пачку чая, за банку тушенки люди вынуждены работать на него, вынуждены, иначе просто жизни нет, пенсии копеечные).

Менее активны враждебные действия по отношению к собеседнику. К ним можно отнести перебивы и отсутствие формул вежливости при обращении к собеседникам. Такой пример встречается в речи телеведущей, которая пытается выдержать регламент и, согласно Закону о выборах, предоставить участникам дебатов равное время. (Телеведущая Константин Цыбко (перебивая). *Задавайте свой вопрос*). Враждебность этого перебива выявляется не только на фоне предшествующих высказываний ведущей, избыливающих формулами вежливости, но также интонационно. Реплика вклинивается в небольшую паузу, произносится резковато, тон усталый и недовольный.

Речевые действия, враждебные по отношению к собеседнику, как правило, вызывают враждебные контрдействия. В данном случае контрдействие сравнительно мягкое (реплика игнорируется дебатирующими).

Нельзя не заметить, что высказывания одного дебатирующего по объему значительно превосходят высказывания соперника. Но собеседник не осознает узурпации роли говорящего как враждебный прием (уже говорилось выше, что поднимаемая тема выгодна обоим участникам теледебатов). Только после еще одного длительного высказывания-подхвата темы Николай Волков пытается доброжелательно сдерживать развитие тезиса *господин Зяблицев плохой*:

Ну, Константин, давайте не будем делать рекламу, тем самым я боюсь, как бы мы рекламу Зяблицеву не сделали (Выборы-2004. СГТРК. 2004. 12 марта).

На наш взгляд, узурпация роли говорящего может быть интерпретирована как сигнал враждебных действий и по отношению к избирателю, еще не определившему, за кого голосовать. Этот прием примыкает к неуместным высказываниям, демонстрирующим согласие, которые вводят избирателей в заблуждение, разрушают концепцию дебатов.

Еще несколько слов о речевом жанре обвинения. Не всякое обвинение соотносено с языком вражды. В анализируемом тексте обвинение в отсутствие позиционной роли защищающих (защищающихся); обвинение, подтвержденное лишь словами и личными ощущениями, а не документами (*я действительно сам живу в Верх-Исетском округе, я сам избиратель этого округа, ничего не поменялось за восемь лет, ничего*); обвинение, эксплуатирующее протестные настроения в обществе, по этическим критериям следует отнести к группе враждебных действий наряду с оскорблениями и очевидной дезинформацией. Названные враждебные речевые действия уведут от анализа позиций политических соперников, что противоречит основной задаче теледебатов.

Сформулируем выводы. Речежанровое изучение языка вражды и языка согласия в теледебатах как сравнительно новой для россиян активной форме агитационного дискурса в целом подтвердило результаты исследования Н. А. Купиной, которая, характеризуя культурно-речевую ситуацию в современной России, описывает пять блоков жанров влияния: «жанры поддержки, жанры протеста, рационально-аналитические и аналитико-статистические жанры, юмористические жанры, виртуально ориентированные низкие жанры» [Купина 2000: 233].

Сегодня мы наблюдаем формирование и публичную «отработку» жанров влияния. После провала дебатов-2004 на телевидении появилось несколько мощных и «рейтинговых» программ, в которых апробируются различные сценарии дебатов, в связи с чем можно ожидать более высокого уровня дебатирования на выборах разных уровней. При этом обкатка технологий организации коммуникативного взаимодействия не может проходить без внимания специалистов, которые способны оказать влияние на реализацию механизмов толерантного коммуникативного взаимодействия.

Необходимо подчеркнуть, что дебаты — это крупная речевая форма, каждый строевой элемент которой может быть исследован в аспекте вражды и согласия. Феномен коммуникативной состязательности, однако, не исчерпывается этими аспектами.

Источники материала

Выборы-2004. СГТРК. 2004. 12 марта. — Расшифровка видеозаписи теледебатов между кандидатами в депутаты Государственной думы по Верх-Исетскому избирательному округу Константином Цыбко и Николаем Волковым.

Дебаты-2004. 1 канал. 2004. 16 февр. — Расшифровка видеозаписи теледебатов между кандидатами на должность Президента РФ Владимиром Путиным и Николаем Харитоновым.

Дебаты-2004. 1 канал. 2004. 12 марта. — Расшифровка видеозаписи теледебатов между кандидатами на должность Президента РФ Николаем Харитоновым, Сергеем Глазьевым, Сергеем Мироновым, Ириной Хакамадой и Олегом Малышкиным.

А. И. Грищенко, Н. А. Николина
**Экспрессивные этнонимы
как приметы языка вражды**

Одной из примет языка вражды служат уничижительные наименования представителей другого этноса, распространенные в жаргонах, арго, просторечии, разговорной речи. Они либо создают образ врага, либо используются как экспрессивные номинации отчуждающего характера, отражающие релевантность для говорящих оппозиции «свой — чужой». Например:

Мите, говорящему по-русски с акцентом, и самому перепадает этой необъяснимой нелюбви — нелюбви вообще, в принципе, жесткой и раздражительной, как подслеповатый снайпер. <...> Митя русский. <...> Но он грузинский русский, родился и вырос в Тбилиси. <...>

Все сложно, как в дневнике шизофреника: от слова «зема», обращенного к нему, делается хорошо и уютно, но слова: «чурка», «черножопый», «косоглазый», «нерусь», — произнесенные в его присутствии, вгоняют его в краску (Д. Гуцко. Русскоговорящий).

Уничижительные номинации лиц другой национальности отражают нетерпимость говорящих, тяготеющую над ними власть предрасудков, суеверий, этнокультурных стереотипов. Они составляют, однако, лишь часть экспрессивных наименований «чужих». Эти наименования образуют в языках обширные по составу группы, единицы которых различаются по способу образования, степени экспрессивности и образности, характеру выражаемой оценки и ее силе.

В западной социолингвистике для обозначения подобных лексических единиц существует термин **этнофелизм**, введенный в 1944 году А. А. Робаксом в книге «A Dictionary of International Slurs»,

которая была переиздана в 1979 году как сохранившая свое научное значение и не имевшая к тому времени аналогов (Roback 1979: 5). Однако уникальный труд Робака носит культурологический и социологический, а не лингвистический характер, и ценен скорее широтой охвата материала более чем двадцати языков, нежели глубиной исследования собственно языковых процессов. Даже термин «этнофоллизм», закрепившийся с его легкой руки в западной науке, вводится походя, в скобках: «...disparaging allusions (or as I have named them, «ethnophaulisms»)» (Ibid: 13). Слово *ethnophaulism*, как объясняется в более поздней литературе [Mullen, Rozell, Johnson 2001: 231], образовано сложением корней двух греческих слов: *ἔθνος* — ‘народ, племя’ и *φῶλος* — ‘дурной, ничтожный’, — и обычно толкуется как «the *blason populaire*, the word used as ethnic slur to refer to outgroups» [Ibid], или «словесный символ и штамп, обладающий оттенками этнической нетерпимости и предубеждения к другим народам» [Пренко 2004]. Именно в такой фонетической оболочке, соответствующей английскому произношению (вместо ожидаемого греческого «этнофаулизм»), этот термин попал в русскую лингвистику, однако до сих пор встречается в русскоязычной литературе крайне редко (например: [Мокшин 1991; Пренко 2004]).

В западной литературе также, но гораздо реже, используется термин эктроним (*ecthronym*), предложенный Эриксоном [Ericson 1939]. В интернет-издании «Свободная энциклопедия Wikipedia» [<http://wikipedia.org/>] существует даже современный словарь разноязычных этнофоллизмов «List of ethnic slurs» [http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_ethnic_slurs], среди которых можно найти и слова русского языка: *буржуй* ‘человек западного мира’, *чех* ‘чеченец’, *черный*, *черножопый* ‘выходец с Северного Кавказа, Средней Азии, Ближнего Востока, Африки и Индии’, *чучмек*, *узкоглазый*, *узкоплечный* ‘монголоид’, *чукча* ‘представитель коренных народов Сибири и Дальнего Востока’, *чухонец* ‘финн, эстонец’, *чурка* ‘выходец из Средней Азии, Казахстана, Азербайджана, Армении, тюрк, монгол’, *дух* ‘афганец, чеченец’, *финик* ‘финн’, *фриц* ‘немец’, *москаль*, *кацап* ‘русский (для украинцев)’, *лабус* ‘литовец’, *ламериканец* ‘американец’, *жид*, *безродный космополит* ‘еврей’, *урюк* ‘выходец из Средней Азии’, *зверек* ‘выходец с Кавказа или Средней Азии’.

Но справедливо ли считать, что лишь презрительными наименованиями (*slurs*, *ethnophaulisms*) ограничивается группа экспрессивно окрашенных этнонимов? И только ли по отношению к иным народам (*international*) они используются? Многие экспрессивные этнонимы

далеко не всегда могут быть квалифицированы как этнофолизмы, например, принадлежащие к высокому, книжному стилю: *агаряне, амаликитяне, измаилитяне* ‘турки и другие мусульманские народы’, *галлы* ‘французы’, *россы* ‘русские’ (в последнем случае экспрессивно обозначение собственного этноса, однако налет книжности и торжественности несколько отчуждает его от современности, так что *россы* выступают в качестве некоторой риторической абстракции), см. также: *Сразились. Русской — победитель! И всячь бежит надменный галл* (А. С. Пушкин. Воспоминания в Царском Селе). Нельзя, по-нашему мнению, считать, что слово *хохол* ‘украинец, малоросс’ обладает исключительно пренебрежительной коннотацией, так как в нем сконцентрирована целая гамма оценочных значений: от собственно уничижительного до ироничного и ласково-добрососедского. Используется это наименование и самими украинцами, особенно в анекдотах. Поэтому мы считаем целесообразным употребление более широкого, хотя и составного термина *экспрессивный этноним*, который, на наш взгляд, адекватнее термина «этнофолизм» характеризует собственно лингвистическое, а не социальное явление.

Обращение к экспрессивным этнонимам закономерно вызывает вопросы: каковы же причины появления этих единиц в языке? когда они появляются и во всех ли языках? Что касается первого вопроса, то причины появления экспрессивных этнонимов в языке делятся на *экстралингвистические* и собственно *лингвистические*. Анализ экстралингвистических причин связывает исследование вопроса об экспрессивных этнонимах с решением общетеоретических междисциплинарных проблем, как-то: язык и общество (и социально-политическая история), язык и сознание (и история идей), язык и этнос (и этническая история), — взаимосвязанных между собой. Например, социальная активность определенной группы превращает ее в отдельный этнос и приводит к столкновению с другими этническими группами, которые начинают осмысляться в определенных категориях; эти группы получают уже в языке определенные наименования. Возникновение в языке невозможно без существования этносов и без этнического самосознания. Наделение этнонимов экспрессивностью невозможно без субъективно-эмоционального отношения к этим этносам, а субъективно-эмоциональное отношение зависит от социально-политической истории и истории идей: например, одни этносы враждебны как захватчики или угнетенные народы и / или относятся к иной, враждебной, конфессии, другие же, наоборот, дружелюбны и единоверны.

Таким образом, со всем этим сложным и запутанным клубком экстралингвистических факторов связан и ответ на вопрос, во всех ли языках возможны экспрессивные этнонимы. Ответ однозначный: во всех, по крайней мере во всех сложившихся и имеющих относительно широкое распространение, ибо язык сам по себе является одним из способов существования этноса. Язык — наиболее яркий признак этноса и прямо связан с этническим самосознанием его носителей. Оставив в стороне не решенную пока в рамках науки проблему единого общечеловеческого праязыка, следует признать изначальное многоязычие человечества (опять же в перспективе исторически обозримого прошлого), а значит, и неизбежность межъязыковых контактов, демонстрировавших контактирующим группам людей их инакость, главным показателем которой служил язык.

Бинарная оппозиция «свой — чужие», «мы — они» как в сознании человека, так и в языке имеет онтологический статус, причем «чужое», имеющее отношение к «ним», изначально маркировано всегда отрицательно. «Наивный этноцентризм первобытных людей выражался в естественном представлении о своей народности, общине, себе и своем обычном поведении как о нормальном, хорошем, мудром, как о благе. Другие же народности представлялись чуждыми, глупыми, смешными, часто враждебными и настораживающими» [Клейн 2004: 160]. На начальных этапах этногенеза возникали экзoэтнoнимы (чаще всего предшествующие образованию самоназваний и эндoэтнoнoмoв), в которых все «чужие», независимо от их этнической принадлежности, не различались и обладали этнофолическим значением (некоторые из них в живых языках сохранились до сих пор), ср., например: др.-греч. *βάρβαρος* ‘варвар, не-эллин’ (было заимствовано латинским языком с уточнением значения — ‘не-римляне и не-эллины’; см. также ниже), др.-евр. *גוי* *goy* (мн. ч. *גוים* *goyim*) ‘племя; не-еврей, язычник’ (используется в Библии и для обозначения скопища животных или саранчи). «Подобно тому как в Греции “эллины” противопоставлялись “варварам”, так в древнем Китае “ся” (хуася) — “варварам четырех стран света”. Хотя само по себе понятие “варвары” эволюционировало как в Греции, так и в Китае, для него в целом было характерно приписывание всем людям, не относившимся к “нашей” этнической общности, определенных врожденных свойств. Варвар — это неполноценный человек» [Крюков 1984: 10]. Этническая дифференциация экзoэтнoнимoв происходит на более поздних этапах этногенеза, когда уже сформировавшийся этнос начинает видеть, что «чужие» неоднородны, что они хотя и

«другие», но «разные». Экспрессивность в номинации «разных других» появляется еще позже и связана, как правило, с активными межэтническими контактами: войнами, торговыми отношениями, колонизацией, сосуществованием на одной территории и т. п. «Исторически экзонимы обычно не имеют той экспрессивной окраски, которую они приобрели впоследствии» [Герд 2005: 53].

Однако вопрос о **времени возникновения** экспрессивных этнонимов в конкретных языках сложен и недостаточно изучен. Обратимся к русскому языку. Когда же появились в нем экспрессивные этнонимы? Существовали ли они в церковнославянском языке русского извода и в живом древнерусском языке? Еще В. В. Виноградов сетовал на то, что «история экспрессивных форм речи и экспрессивных элементов языка вообще в языкознании мало исследована, пути и направления их развития в отдельных конкретных языках не выяснены» [1955: 70]. С тех пор ситуация мало изменилась. Так, Г. Ф. Ковалев считает, что в Древней Руси «никогда не было случаев презрительно-обозначения народов» [1994: 285], а значит, собственно этнофолизмов в древнерусском языке не существовало. Но нами установлено, что этнофолизмы — это лишь часть большой группы экспрессивных этнонимов, трудность выделения которых в древнерусских текстах заключается еще и в том, что у нас нет четких критериев для определения экспрессивности лексических единиц, представленных в средневековых памятниках, особенно этнонимов. Экспрессивность высказывания в древнерусском тексте может быть выявлена лишь при анализе синтаксических конструкций — словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств. Признаками экспрессивности в данном случае могут служить: образность (чаще всего проявляющаяся в функционировании со значением субъективно-эмоциональной оценки, а также сравнений), наличие риторических фигур и связанная с ними повышенная эмоциональность высказывания. Например, в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона можно назвать экспрессивным (с определенной долей условности) упоминание *иудеев* в риторической конструкции с синтаксическим параллелизмом: *Христость славимъ бываетъ, а иудѹи кленоми; языци приведени, а иудѹи отъриновени*. В «Слове о полку Игореве» этноним *половчинъ* выступает в экспрессивном контексте: *...ни соколу, ни кречету, ни тебѹ, чръный воронъ, поганый половчине!* (см. синтаксический параллелизм, риторическое обращение, оценочные эпитеты). Ср. там же: *...прострошася половци, аки пардуже гнѹздо*.

Богата экспрессивно-полемическими обращениями к *жидовину*

«Палея Толковая»: *Люту же твоему невѣрствию, жидовине! Горе и самохотному изволеню твоему, скаанье!* В риторических обращениях «Палеи» к жидовину при данном этнониме весьма часты эпитеты: «оканны» или «оканьный» (окаянный), «немыслия исполнь», «жестосердый», «погыбший», «невѣрства исполненный», «забвенный», «не увѣдавый истины», «Христовъ супостате». Экспрессивна также сравнительная конструкция с императивом: *...жидовине, не буди немыслень и бесловесень яко змий*. Те же эпитеты с эмоционально-негативной окраской приложимы и к этнониму *жидове* (мн. ч.), и к другим этно-конфессиональным терминам: *окаяннии жидове* и *сквернии бесурмене* (т. е. 'мусульмане'), о *оканнии* и *треоканнии жидове*, *оканьнии агаряне*.

Отношение древнерусского книжника к другим народам (об отношении к ним простых носителей языка можно только догадываться) зависит прежде всего от двух экстралингвистических факторов: конфессионального и политического, — тогда как собственно этнические различия еще не имеют особого значения. Важно лишь, о враге или союзнике, православном или иноверце идет речь. Поэтому в негативном контексте упоминаются хазары и печенеги, половцы и татары, немцы и литовцы, а также и язычники вятичи — не только враги Русского государства, но и «нехристи» вообще. В этом и состоит основное отличие в функционировании экспрессивных этнонимов в древнерусских памятниках и в современном русском национальном языке. Конфессиональные различия для средневекового книжника были гораздо важнее, поэтому можно говорить о глубоком типологическом родстве между древнерусскими этнонимами и конфессиональными наименованиями (особенно в экспрессивной их функции) и предположить экспрессивный характер отдельных лексических единиц, обозначающих вероисповедную принадлежность, — таких как 'католики': *латыны, латины, римляне* (см. Лаврентьевскую летопись, под 988 г.: *Не преимаи же оученья от латын, ихъ же оученья развращено*; под 1263 г.: *... быс[тъ] съча велика надъ римляны, и изби множ[ество] бесчислено ихъ*); 'мусульмане': *бесермены, бесурмене, басурманы* и т. д. (см. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина: *Мене злагали псы бесермены...*); *агаряне* (см. «Палею»: *оканьнии агаряне*); *сарацины, срацины* (см. Лаврентьевскую летопись, под 1064 г.: *... найдоша бо срацины на Палестиньскую землю*); *измаилитяне* (см. «Палею»: *... вы же ѿвержени измаили нарекошася, иноземци измалтяны*). Прилагательное *поганый* 'языческий' (см. «Слово о полку Игореве»: *... потопташа поганыя плъкы половецкыя, поганый половецине*)

субстантивируется в 'язычник' и употребляется без определяемого слова как синоним этнического термина (см. там же: *Усобица княземъ на поганья погыбе*). Наличие же синонимических отношений между этнонимами является показателем экспрессивности одного из них. Так, «синонимические отношения в текстах порою связывают этнонимы с некоторыми другими словами неэтнического профиля — например, имеющими вероисповедальное значение (хотя нередко включавшими сопутствующие оценки). <...> ... Термин “поганые” чаще выступал синонимическим к этнониму “половцы” (позже — к “татары”), хотя реже был приложим и к другим названиям (“литва”, “чудь”)» [Шапошников 1992: 114]. Ср.: *А Ыны поганые татарове по Эднорятке взяли да възъ дали в Хазтарахан и[ар]ю* («Хожение за три моря»); *Въ шестый д[е]нь рано приидоша погани ко граду...* («Повесть о разорении Рязани Батыем»).

В словарный состав современного русского языка входит большое число экспрессивных этнонимов, львиная доля которых относится к разновидностям нелитературного языка. Большинство из них словарями до сих пор не зафиксировано, многие включены в специальные словари, которые и послужили источником для нашего исследования (а также собственные наблюдения над живым языком и опросы информантов), как-то: уже упомянутые словари Робака (Roback 1979) и «List of ethnic slurs» [http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_ethnic_slurs], «Словарь московского жарго» (Елистратов 1994), «Словарь морского жаргона» (Каланов 2002), «В. И. Даль и тайные языки в России» (Бондалетов 2005); кроме того, мы использовали словари современного русского литературного языка, словари русских народных говоров, произведения современной русской литературы. Экспрессивные этнонимы в русском языке различаются по стилистической окраске и сфере употребления. Стилистическая окраска, как мы отмечали, в подавляющем большинстве случаев носит *сниженный* характер и выводит эти слова за пределы литературного языка, однако существуют и *книжные* экспрессивные этнонимы: *агаряне, галлы, эллины* 'современные греки' и т. п., большинство из которых, по средневековой географической традиции, библейского происхождения. По сфере употребления различаются *общеупотребительные* (в городском просторечии) экспрессивные этнонимы (*чурка, азер, жид, ко-соглазый* и т. п.) и *ограниченные в употреблении*: относящиеся к социoproфессиональным группам (жаргоны моряков, уголовников, нищих, проституток, язык офеней, шерстобитов и т. п.) и закрепленные территориально, причем в последнем случае следует

разграничивать два типа: диалектные экспрессивные этнонимы (зап.-укр. *роси* 'восточные малороссы' vs вост.-укр. *западеньці*, ленингр. - обл. *чухарь* 'вепс', пелымск. *ваньза* 'манси') и принадлежащие наддиалектному языку конкретного региона, местной разновидности просторечия. Последнее явление особенно характерно для русского языка в «национальных» регионах Российской Федерации и бывших республик СССР: они богаты редкими, «этническими» образованиями, например: *абэвэгэдэйцы* 'адыги', *калбйт* 'казах', *карачай* 'карачаевец', *комики* 'коми', *лабус* 'латыш', *мамбёт*, *мырк* 'киргиз, казах', *сойон* 'тувинец', *харын* 'узбек' и др. В большинстве национальных республик России и бывшего СССР используется общее обозначение для представителей местных этносов, изначально официально-нейтральное: *национал*, *нацмен*, — возникшее в первые годы советской власти: «Прежнее название их [народов России] "*инородцы*" считается оскорбительным. Вводится новый термин: *нацмены* — национальные меньшинства. Деятели среди них — это *националы*, *национальные работники*» [Селищев 1928: 110].

Важно отметить, что к экспрессивным этнонимам — при преобладании экзоэтнонимов, обозначающих «чужих», — относится и небольшая группа эндоэтнонимов, обозначающая «своих», зачастую с не меньшим пренебрежением, чем в этнофолизмах. В русском языке это: книжн. *росс* / *русс*, разг. и простореч. *русак*, *русачок*, *русачка*, *русонёт* / *русонет* / *русопят*, *русоत्या*, арг. *рузман*, прибалт. *русман*, лифлянд. *русманка*, *русанка* (у казаков-некрасовцев), беломор. *русаночек* (возможно, экспрессивным было и др.-рус., зафиксированное только в «Слове о полку Игореве», *русичи*). Некоторые из них первоначально обозначали жителей центральных областей России в диалектах русских субэтносов (в основном казаков), а затем были восприняты общенациональным языком (*русопят*).

Среди экспрессивных этнонимов происходят следующие лексические процессы: приобретение экспрессивности (*жид*, *лях*, *нацмен*, *чукча* 'представитель одного из коренных народов Сибири' и др.) vs утрата экспрессивности (*немец*, *азиат* 'жестокий, некультурный, отсталый человек'), устаревание (*лях*, *галл* 'француз', *бош* 'немец' (времен Первой мировой войны) и т. п.) vs появление неологизмов (в последние десятилетия: *блэк* 'негр', *ламериканец* (из наложения комп. - жарг. *ламер* 'начинающий пользователь компьютера' и *американец*), *чехи*, *чичи* 'чеченцы' и др.).

По морфологическим показателям экспрессивные этнонимы — имена существительные, состав которых активно пополняется суб-

стантивированными прилагательными (*пархатый, черный, уголовн. обрезанный, уголовн. широкополая 'татарка'*) и словами с невыраженными грамматическими признаками (*тумба-юмба 'негр'*). У некоторых экспрессивных этнонимов не развилась форма единственного числа (в связи с чем можно предположить, что множественное число первично для этнонимов вообще), например: *чичи 'чеченцы'* (в ед. ч. употребляется обычно *чех*). Часть этнонимов представляет собой составные номинации, см., например: *безродный космополит, жидовская морда*.

Разнообразны способы создания экспрессивных этнонимов. Это, во-первых, *семантическая деривация* — использование метафорического или метонимического переноса, ср.: *африка, шоколадка, негатив 'негр'* (в последнем слове обыгрывается также звуковая близость начала слов *негр* и *негатив*). Во-вторых, это *заимствование*, см., например: *бритиш, американ, ара* (от армянск. 'иди сюда'), *курат 'эстонец'* (от эст. *kurat 'черт'*), *ниггер, харын 'узбек'* (этимология крайне затемнена: одна из самых очевидных версий — от араб. *harīb 'чужак'*). В-третьих, это *апеллятивизация* распространенных в том или ином этносе имен или фамилий, ср.: *ганс, джон, мамед, фриц, рабинович, шмуть, абрам*.

Наконец, это использование аффиксальных и безаффиксных способов словопроизводства. Наибольшую продуктивность в сфере образования этнонимов проявляет *суффиксация*. Например: *америкашка, итальяха, курултаец ('башкир'), мамалыжник ('румын, молдаванин'), макаронник*. При этом используются как стилистически нейтральные суффиксы со значением лица, так и суффиксы, маркированные в стилистическом отношении, обладающие яркой экспрессивностью (*-ах-, -уг-, -ух-* и др.), например: *фрэнчуха, еврюга, итальяха*. Другой, не менее важный для образования современных экспрессивных этнонимов, способ — *усечение*. Усечение само по себе выполняет в языке экспрессивную функцию, которая совмещается с компенсаторной. В результате сокращения появляются стилистически сниженные, обычно пренебрежительные наименования: *азербайджанец → азер, вьетнамец → вьет, дагестанец → даг, чеченец → чех*.

Отмеченные способы создания экспрессивных этнонимов могут взаимодействовать: так, например, шутивное обозначение немца *карлуша* — результат апеллятивизации имени собственного *Карл* и суффиксации. Экспрессивные этнонимы обладают развитым деривационным потенциалом. Во многих случаях от них образуются *производные слова*: в словообразовательную парадигму входят обыч-

но относительные прилагательные (*джапан* → *джапанский* 'японский', *чайн* → *чайновый* 'китайский'), женские корреляты (офен. *скес* 'еврей' → *скесовка*) и дериваты с различными оценочными формантами (*жидяра*, *жидок*, *жидишка*, *жид(ед)енок*, *жидомор*, *жидюк*).

Особую группу в составе экспрессивных этнонимов составляют *с о б и р а т е л ь н ы е* существительные, ср.: *нерусь*, *татарва*, *чумазия*. Они образуются суффиксальным способом (в том числе и нулевой суффиксацией). В собирательных именах ярко проявляется значимое для функционирования экспрессивных этнонимов вообще нивелирование индивидуальных различий между представителями других этносов, обуславливающее присущую этим наименованиям усредненно-отрицательную оценку «чужих» как некоей нерасчлененной массы. К собирательным этнонимам близки наименования в форме множественного или единственного числа, которые недифференцированно обозначают на основе общего признака представителей разных этносов, объединяя их: *черные*, *черномазые*, *чукча*, *чучмеки*.

В основу экспрессивного этнонима могут быть положены различные мотивировочные признаки, связанные с языковыми стереотипами, доминирующими в тот или иной исторический период. Особенности номинации представителей народов обусловлены общекультурной оппозицией «свой — чужой» и обычно отражают конфликты между этническими группами. «Конфликты способствуют складыванию стереотипов, главным образом недоброжелательных, и одновременно пользование этими негативными стереотипами национальностей закрепляет и подпитывает конфликты» [Бартминский 2005: 178]. Стереотипы исторически изменчивы — подвижны и признаки, определяющие внутреннюю форму экспрессивного этнонима. Показательна динамика наименований немца в польском языке. Первоначально для обозначения чужого использовались названия деталей внешнего облика: *piudry* 'штаны' → *piudrak*, *harkap* 'коса' → *harkap*; позднее мотивировочным признаком служит уже распространенная у немцев пища: *kartoflarz*. Параллельно употребляются этнонимы, в основе которых — конфессиональный признак: *luter*, *kalwin*. «События Второй мировой войны способствовали закреплению негативных элементов традиционного стереотипа» [Там же: 275].

Анализ экспрессивных этнонимов показал, что ряд мотивировочных признаков носит устойчивый характер и учитывается в номинациях представителей разных народов. Это, во-первых, *цветовой признак*: цвет кожи, волос, глаз. Так, наиболее распространенным эпитетом при описании чуди в речи жителей русского Севера было

определение *белоглазая*; в современной речи используются выражающие ненормативную оценку наименования *черный, черномазый*. Обращение к цветовому признаку в сфере этнонимов делает релевантным противопоставление «светлый — темный». Отчуждающие номинации, как правило, основаны на отрицательной оценке темных тонов, черного цвета.

Во-вторых, в качестве мотивировочного признака могут выступать другие *детали внешности*, см., например: *хохол, косоглазый, узкоглазый*. Образ «чужого» устойчиво наделяется особыми телесными признаками. Так, сербы считали, что у турок нет пяток, что сближало образ врага с представлениями об облике нечистой силы; у черногорцев были распространены представления о «хвостатых» турках [Вукановић 1931]. Связь представителей других этносов с нечистой силой является довольно устойчивой. В русском языке это такие обобщенные экспрессивные этнонимы, как: собират. *нечисть, бесы, черти, духи* (изначально *душманы*), *кураты* (хотя, возможно, связано и с омонимичным эст. междометием-ругательством, см. отмеченные ниже образования типа *асей*), офен. *скес* 'еврей' < 'черт, бес'. Некоторые экспрессивные этнонимы мифологизируются в фольклоре, становятся вторичным образом нечистой силы: например, в Средней Азии русские родители пугают не желающих засыпать детей *бабаем, бабайкой*.

В-третьих, при экспрессивной номинации другого этноса учитываются *особенности одежды*: *чалма, феска* 'турок'. Однако более распространенным признаком является отношение к той или иной пище, проявляющиеся, например, в таких этнонимах, как: *шашлык, колбасник, макаронник, мамалыжник, лягушатник, рис, урюк, чурек* (в последнем случае возможно и звуковое сближение со словом *чурка*).

Для внутренней формы этнонимов важен *конфессиональный аспект* оппозиции «свой — чужой»: своя вера противопоставляется чужой, которая оценивается как греховная, неправедная (ср. русск. и укр. *нехрист*). Не случайно в народной культуре (как и в рассмотренной нами выше древнерусской книжности) конфессиональный признак отождествляется с этническим и, напротив, этническая характеристика оказывается значимой для определения конфессии, ср.: *польская вера, немецкая вера*. Так, в XVII–XIX веках в Сербии называли *турками* представителей разных этносов, исповедующих ислам. «Целый спектр «чужеродных» наименований представлен в названиях *некрещенных* детей, которые осознаются как не принадлежащие своему этносу: болг. *еврейче, турко / турченче, цыганче, мохамуданче*;

ю.-рус. *жидок некрещеный*; с.-рус. *лопъ* от «лопарь»» [Белова 2005: 80].

Столь же важным, особенно в исторической перспективе, является *собственно языковой аспект* отмеченной оппозиции. Чужой язык часто осознается как «дикий», «заумный», «непонятный», а представитель другого этноса оценивается как лицо, не способное к общению, полноценной коммуникации, ср.: др.-греч. *βάρβαρος* (от звукоподражания непонятной речи), русск. *немец*, польск. *gluchoniemiec* ‘немец’. В основе внутренней формы экспрессивного этнонима также может лежать воспроизведение того или иного слова или выражения, получившего широкое распространение в межэтнической коммуникации, например: *асей*, *асейка* ‘англичанин’ (устар., морск., арханг.) ← англ. *I say*; *шваль* ‘француз’ (устар., времен Отечественной войны 1812 г.) ← *cheval*; *генацвали* ‘грузин’; *камай* (жарг.) ‘англичанин, американец’ ← искаж. *come on*. Экспрессивный этноним, наконец, может представлять собой имитацию характерных для чужого языка звукосочетаний, создающую комический эффект, например: *то-яма-то-канава* ‘японец’.

Наиболее экспрессивными представляются этнонимы, внутренняя форма которых основана на сближении человека определенной национальности с животным, ср.: *козлюня* (арго) ‘еврей’, *носорог* (жарг.) ‘выходец из Средней Азии или Кавказа’, *зверь / зверек*, *сайгак*, *макака* (устар., времен Русско-японской войны) ‘японский солдат’. Именно им особенно присуща уничижительная оценка, их употребление наиболее резко нарушает этические нормы общения.

С другой стороны, экспрессивность может проявляться в некоторых редких случаях скрыто, намеком. Так возникают этнонимы-эвфемизмы, среди которых можно выделить два типа: эвфемизмы, предназначенные для затемнения значения табуируемого слова, и эвфемизмы-перифразы, предназначенные для подчеркивания этого значения. В современном русском языке табуированию подвергается наименование только одного этноса — евреев. К первому типу эвфемизмов со значением ‘еврей’ относятся составное наименование *безродные космополиты*, возникшее в советской печати на закате сталинской эпохи, и псевдоэтноним *израильяне*, употребляющийся в языке современных СМИ (по своей внутренней форме, указывающей на *государство Израиль*, он, казалось бы, должен иметь значение ‘гражданин Израиля’, однако, возможно неосознанно для самих журналистов и дипломатов, обращается к библеизму *народ Израиля*) и соотносим с собственно этнонимом *арабы* (отсюда клише-гибрид

арабо-израильский конфликт). Ко второму типу относятся слова *хазары, картавые, картавоговорящие, французы* (последний этноним спорадически используется в речи русских Узбекистана для обозначения узбеков; там же встречается и подобное употребление слова *хохлы*). В связи с осложнением межэтнических отношений в настоящее время следует ожидать рост эвфемистических образований.

Таким образом, рассмотренные особенности экспрессивных этнонимов позволяют говорить об их устойчивости в современном русском языке, равно как и в других языках, в том числе европейских, где они объявляются «вне закона», трактуются как «неполиткорректные» и т. п. Безусловно, большая часть данных наименований принадлежит к этнофолизмам и служит одним из самых мощных средств языка вражды, поскольку прямо именует «чужих», придавая этническим номинациям негативный характер. Однако не следует игнорировать и существование наименований более терпимых, но все же остающихся экспрессивными. Из факта наличия в языке этнофолизмов нельзя также делать выводы о его нетолерантности или нетолерантности целого народа. Необходимо изучать эти явления, устанавливая причины их появления — не только экстралингвистические, но и собственно языковые, осмыслять функциональную нагрузку этнонимов в речевой коммуникации.

Д. Р. Шарафутдинов
«Лица кавказской национальности»
и «люди славянской внешности»:
стереотипы вражды?

В коммуникативной практике многих носителей современного русского языка в последние 10–15 лет широкое распространение получили особые этнографические, этнолингвистические и антропологические характеристики *лицо кавказской национальности, лицо азиатской (восточной, южной) национальности / внешности, а также человек славянской внешности / наружности*. Появившись в канцелярско-чиновничьем подязыке (прежде всего в официальных высказываниях сотрудников правоохранительных органов), подобные выражения вышли за границы социально-коммуникативной сферы, которой обязаны своим происхождением, и переместились в неофициальные сферы современной русской речи. Этот феномен обусловлен двумя основными причинами: во-первых, малой степенью осведомленности определенных носителей языка в вопросах лингвистики, этнографии, антропологии и культурологии; во-вторых, совершенно четкими «антикавказскими» политическими установками. К сожалению, в современной России (вне Кавказа) «антикавказские» настроения не ослабевают, чему в немалой степени способствуют получающие мощный общественный резонанс негативные политические (или политически значимые) события, происходящие в кавказских регионах, массовая миграция, усиление роли выходцев с Кавказа в российском бизнесе. Ситуация осложняется многочисленными проявлениями принципиального несходства культуры, менталитета, образа жизни, несовпадения языкового кода многих «кавказцев», с одной стороны, и дру-

гих народов России, с другой. «В современном русскоязычном обществе активизированы те формы общения, которые отличаются повышенной напряженностью отношений между партнерами коммуникации: они используются, например... на тех городских рынках, где верховодят представители неисконного (для данной территории) населения. <...> При совпадении языкового кода у людей, которые хотят или вынуждены вступать в контакт, вероятность интолерантного — “некооперативного”... конфликтного, агрессивного, враждебного поведения меньше, чем при несовпадении. Например, в конфликтах покупателей и продавцов на современных городских рынках, которые нередко находятся “под крышей” азербайджанских, чеченских, грузинских и прочих “кавказских” торговых группировок, поводом для раздражения покупателей нередко служит плохая русская речь представителей этих группировок: кавказский акцент, неправильное словоупотребление, ошибки в построении синтаксических конструкций и т. п. И хотя подобные языковые конфликты являются скорее поверхностным отображением конфликтов более глубинных — этнических и социальных, фактор несовпадения языкового кода оказывается существенным при характеристике речевого поведения участников коммуникативной ситуации с точки зрения толерантности / интолерантности» [Крысин 2004: 27–28].

В 90-е годы обсуждаемые фразеологизированные сочетания употреблялись не только представителями малообразованной просторечной среды, но и многими политическими деятелями, должностными лицами, журналистами, другими носителями литературного языка. В то же время использование этих единиц подвергалось довольно жесткой критике со стороны лингвистов, этнографов, культурологов и специалистов в других областях гуманитарного знания. Естественным образом употребление данных выражений не оставляло равнодушными и самих представителей кавказских этносов.

В последние годы использование этих словосочетаний приобрело своеобразный социально-символический характер. Употребление / неупотребление данных единиц стало оцениваться как социально обусловленное знаковое речевое действие, специфическая лингвосоциологическая примета (маркер) — показатель принадлежности говорящего к определенному социокультурному слою. В настоящее время в сферах публичной политики и политической журналистики использование рассматриваемых единиц воспринимается преимущественно как проявление дурного языкового вкуса и невысокого уровня общей культуры. Человек, претендующий на статус интеллигента с тонким

языковым чутьем и вкусом, принципиально не должен допускать их в межличностном общении, а формирующий респектабельный имидж — в публичной речи. В обыденной коммуникации обсуждаемые выражения могут сознательно употребляться лишь в рамках языковой игры, в ироническом ключе (например, в ситуации игрового «самоопределения» говорящего: «Я сам наполовину *лицо кавказской национальности*»). На негативное отношение говорящего к этим формулам в чужой речи могут указывать просодические средства (интонационное выделение) и высказывания-рефлексивы (см.: [Вепрева 2002]). Подчеркнутое неприятие, принципиальное отчуждение рассматриваемых выражений манифестируется, в частности, «с помощью рефлексивов, включающих сегмент *так называемый*, а также попутных, иронических и прямых оценок вербальных единиц» [Купина 2004: 50–51]: *так называемые лица кавказской национальности; так сказать / с позволения сказать, лица кавказской национальности; как теперь говорят / как теперь модно говорить, лица кавказской национальности; извините / простите / прошу прощения (за это выражение), лица кавказской национальности; лица кавказской национальности (не знаю такой / не знаю, кто это); лица кавказской национальности (надо же придумать такое / такое выражение!)* и т. п. Вместе с тем для представителей отдельных социокультурных групп они остаются не только актуальными, но даже привлекательными в силу «официального» характера (см. ниже).

Люди, «нейтрально» употребляющие подобные «клише», не задумываются над их содержательными особенностями. Между тем содержательное наполнение формул *лицо кавказской национальности* и *человек славянской внешности* нетривиально. Первая формула, на первый взгляд, манифестирует этнический признак индивида («национальность»), вторая — антропологический, фенотипический признак («внешность»). Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что оба выражения в этнографическом и в антропологическом отношениях квазиинформативны и содержат внутренние противоречия. Строго говоря, это фразеологизмы с нулевыми денотатами.

Нет необходимости доказывать принципиальное отсутствие пресловутой «кавказской» национальности как таковой: на Кавказе проживают десятки этносов, причем не только близкородственных; это настоящий конгломерат народов и языков, религий и культурных традиций. На относительно небольшой по площади территории представлены языки по меньшей мере шести языковых семей. Как известно, только в составе нахско-дагестанской семьи насчитывается 29 языков

(см., например: [Климов, Хайдаков 1990: 325]). Рассматриваемые устойчивые формулы воплощают образы социальной мифологии современного российского общества.

Словосочетание *лицо кавказской национальности* может иметь различные содержательные интерпретации, но любая из них не поддерживает последовательной этнолингвистической критики. Если данное выражение обозначает представителей всех этносов, населяющих Большой Кавказ, то в этом случае оно в полной мере касается и проживающих там русских, в том числе терских и кубанских казаков, что явно не соответствует сложившейся традиции его употребления. Если же под ним имеются в виду представители лишь коренных, исконных кавказских этносов, которые говорят на языках, принадлежащих к автохтонным кавказским языковым семьям (картвельской, абхазо-адыгской и нахско-дагестанской), распространенным только на Кавказе, то в таком случае оно неприменимо, например, к армянам, осетинам, татам (индоевропейская языковая семья) или к азербайджанцам, карачаевцам, балкарцам (тюркская семья), что также не отвечает интенциям тех, кто данное выражение употребляет. По-видимому, формула *лицо кавказской национальности* отражает наличествующее в массовом сознании собирательное представление об определенных антропологических характеристиках — некоем типом внешнем облике исконных (или тех, предки которых пришли в глубокой древности, например осетин — потомков аланского племени асов, мигрировавших из-за Волги еще в первые века нашей эры; см. об этом, например: [Широков 1985: 159]) жителей Кавказа вообще.

Следует иметь в виду, что, с одной стороны, на территории Кавказа веками живут не только «лица кавказской национальности», а с другой стороны — сами «кавказцы» веками проживают не только на Кавказе и имеют разное этническое самосознание и различные антропологические приметы. Существуют многочисленные примеры самых разных комбинаций соответствующих признаков. Так, известный российский актер Дмитрий Харатьян определяет себя как этнического армянина, однако по отношению к Харатьяну едва ли кто-либо может применить выражение *лицо кавказской национальности*.

По-видимому, сочетание *лицо кавказской национальности* имеет вполне определенную историческую базу: оно реализует модель широко распространенного в свое время устойчивого выражения *жители Российской империи из числа лиц еврейской национальности* и наследует стилистические и этические созвучия последнего с той принципиальной разницей, что в новейшей формуле словоформа един-

ственного числа (*кавказская национальность*) логически неуместна: не существует некоей *единой* кавказской национальности.

Не соответствует реальному обозначаемому и выражение *человек славянской внешности*. Вообще говоря, так называемая «славянская внешность» (как и «азиатская», «восточная», «южная» и т. п.) чрезвычайно разнообразна. Ср., например, антропологические характеристики этнических русских — типичных представителей Русского Севера (например, архангельских поморов) и Русского Юга (например, терских казаков); а тем более представителей северных и южных групп в рамках славянского мира в целом (например, белорусов и болгар). На индивидуальном уровне неспециалисту может быть очень трудно различить внешне подобных представителей славян и неславянских европейских народов (например, поморов и балтийцев, болгар и греков и т. п.).

То же касается и внешнего облика «кавказцев». Он также может быть совершенно различным и во многих случаях вполне сходным с типовыми чертами других этносов, в частности населяющих Северное и Восточное Средиземноморье.

Несмотря на очевидную смысловую нелепость, нелогичность, анализируемые выражения воспроизводятся значительной частью носителей русского языка весьма активно, регулярно, широко и, что наиболее важно, вполне эффективно. При употреблении рассматриваемых единиц каких-либо серьезных коммуникативных неудач, «сбоев» в общении, как правило, не происходит (естественно, речь идет об общении, в котором сами «кавказцы» не участвуют). Обусловлено это прежде всего тем, что достаточно определенное, существующее на *интуитивной* основе содержание у них, конечно, имеется. Всем говорящим по-русски это содержательное наполнение более или менее понятно: вполне ясно, о ком именно в данном случае идет речь. Такое интуитивно существующее, совершенно реальное и общепонятное наполнение создает предпосылки для успешной коммуникации с использованием данных словосочетаний.

Формулы *лицо кавказской национальности*, *человек славянской внешности* принципиально отличаются от разного рода «кличек и прозвищ (часто обидного, иногда — шутивого характера), которые даются представителям тех или иных этносов» [Крысин 2003: 463], составляющих один из вариантов языкового выражения так называемых этностереотипов (см.: [Там же: 458]) — таких как, например, *чурки*, *черные*, *саранча*, *хохлы*, *бульбаши*; ср.: *макаронники*, *лягушатники* и т. п. «Этностереотип понимается как стандартное представление,

имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос... Изучение этностереотипов — часть более общей проблемы, которую условно можно обозначить как «стереотипы сознания и их языковое выражение». <...> Этностереотипы — одна из разновидностей стереотипов сознания» [Там же].

Сопоставление выражений типа *лицо кавказской национальности* и имен этностереотипов позволяет констатировать, что между этими феноменами существует прежде всего принципиальное стилистическое различие. Выражения типа *лицо кавказской национальности* претендуют на определенную официальность: не случайно их активно употребляют представители «силовых» ведомств в условиях публичного общения, в коммуникативно «ответственных» ситуациях, например в ответах на вопросы журналистов. По-видимому, это связано с характерным для некоторой части чиновников, должностных лиц, представителей сил правопорядка и др. поиском неэкспрессивных средств обозначения лица по его этнической принадлежности.

В условиях неофициального, неформального обиходно-бытового общения на их месте часто выступают имена этностереотипов, которые в большинстве своем носят заостренно антиофициальный характер. Можно даже утверждать, что в официальных ситуациях некоторые говорящие вполне могут употреблять формулы типа *лицо кавказской национальности* в качестве своеобразных эвфемизмов по отношению к отрицательно-оценочным именам этностереотипов. Что касается конкретно сочетания *лицо кавказской национальности*, то оно семантически покрывает целый ряд таких имен этностереотипов: *чурка*, *черный* (с различными дериватами-композиатами), *чурек*, *абрек*, *хачик*, *азер*, *ара*, *гиви* и др.

Употребление формулы *лицо кавказской национальности* ситуативно обусловлено. Говорящий старается держаться строго, сдержанно, нередко используя маску. Эта общая речеповеденческая линия определяет выбор языкового средства. Говорящий предпочитает единицы, оцениваемые им как официальные. Однако в случаях использования единиц типа *лицо кавказской национальности*, обладающих ложно понимаемой официальностью, «псевдоофициальных», возникает своего рода эффект гиперкоррекции: применение этих единиц может вызвать стилистические и этические последствия, весьма отличные от ожидаемых продуцентом речи.

Говорящий анализируемого типа, по-видимому, особым образом оценивает различия между формулой *лицо кавказской национально-*

сти и номинациями типа *кавказец, южанин, азиат* (не в метафорическом употреблении), *восточный человек*. В обыденном сознании обсуждаемая формула и такие номинации различаются как принятые или не принятые в деловой коммуникации, «предписания» которой принимаются некритично. Как и выражение *лицо кавказской национальности*, слова *кавказец, южанин, азиат* и т. п. (имеющие специфические ассоциативные «шлейфы» и / или развивающие аксиологические переносные значения) могут использоваться или не использоваться как негативно-оценочные единицы, но в любом случае стилистические различия между теми и другими («официальное» — «неофициальное» соответственно) сохраняются.

Учитывая вышеизложенное, едва ли можно квалифицировать формулы типа *лицо кавказской национальности* исключительно как «средства вражды». По-видимому, следует различать ситуации неосознанного, автоматического и, напротив, сознательного, нарочитого употребления этих единиц. В ситуациях первого типа, как правило, у говорящего нет желания оскорбить, обидеть, задеть кого-либо (что также принципиально отличает их от инвективных имен этностереотипов). Факты использования обсуждаемых единиц обусловлены, с одной стороны, стремлением к официальности общения, а с другой — невысоким уровнем речевой и, возможно, общей культуры говорящего. Иное дело — ситуации второго типа, когда говорящий намеренно употребляет данные выражения не в целях языковой игры или иронического иллюстрирования критической оценки, а в инвективной функции, как действенное средство «языка вражды». Еще раз подчеркнем, что семантика сочетания *лицо кавказской национальности* не содержит каких-либо компонентов, являющихся прямо оскорбительными, бранными, пренебрежительными, насмешливыми, тем более табуированными и т. п. Вместе с тем данное сочетание передает небрежное великодержавно-высокомерное отношение к соответствующему объекту внеязыковой действительности — Кавказу и населяющим его народам; отношение, связанное с нежеланием разбираться, «копаться» в сложной структуре и пестром этническом составе Кавказа, со стремлением смотреть на него снобистски-упрощенно, сваливая многообразное «в одну кучу». Пренебрежение к содержанию обозначаемого свидетельствует об отсутствии толерантности, проявляющемся в принципиальном отчуждении, отторжении чужого и враждебного.

Таким образом, употреблением формул типа *лицо кавказской национальности* вполне может сопровождаться как толерантное, так и интолерантное речевое поведение — в зависимости от характера эти-

ческих установок продуцента речи. Однако в любом случае их применение свидетельствует о невысоком уровне культуры речи и мышления говорящего.

Рассмотрение особенностей семантической организации и функционирования единиц *лицо кавказской национальности* и *человек славянской внешности* наводит на размышления, связанные с двумя ключевыми вопросами: во-первых, каковы причины и механизмы возникновения такого рода выражений и, во-вторых, чем обусловлена их относительная устойчивость, «живучесть» в коммуникативной практике носителей современного русского языка? Поиск ответов на эти вопросы предопределяет выход в более общую проблематику — связанную со спецификой национально-культурных стереотипов сознания, — что обеспечивает расширение контекста исследования.

В содержательном плане появление единиц типа *лицо кавказской национальности* или *человек славянской внешности* связано с феноменом регулярного смещения в массовом сознании различных дифференциальных признаков народонаселения той или иной территории, выступающего в качестве аксиологического объекта. И такое смещение касается признаков не только «кавказцев» и славян.

Население какого-либо региона, государства, политико-территориального объединения можно характеризовать на основе целой серии дифференциальных признаков, важных для социолингвистических исследований. В их числе географический, лингвогенетический, этнический, расовый и конфессиональный. Признаки эти в целом весьма сложно соотносятся между собой. Расовый (антропологический) признак, биологический по своей природе, обобщающий наследственные физические особенности людей, почти не связан с остальными характеристиками системными причинно-следственными отношениями (можно говорить лишь о некотором глубинном влиянии расового фактора на менталитет этносов). При этом в современном мире есть немало примеров совпадения границ территорий, населенных, с одной стороны, людьми определенной расы, а с другой стороны, представителями определенной этнической группировки и носителями языков определенного генеалогического объединения (в частности, во многих странах Западной Европы). Однако это лишь чисто географические совпадения принципиально различных феноменов. Напротив, лингвистический и этнический признаки народонаселения (нередко объединяемые в общий этноязыковой), а следовательно, география языков и география народов мира, очень тесно связаны между собой. Они не только во многом совпадают, но и в значительной степени вза-

имно обусловлены, поскольку сам процесс формирования этнической общности, как правило, предполагает языковое объединение населения определенного региона (см.: [Мечковская 1996: 89–90]). Ситуация осложняется тем, что в мире широко представлены случаи асимметричных отношений между языковыми и этническими общностями: один язык (английский, немецкий, французский, испанский, португальский, русский и др.) может «обслуживать» несколько этносов, и наоборот, один этнос (швейцарцы, канадцы, ирландцы, мордва и др.) может использовать несколько языков. Конфессиональная неоднородность этноса — явление также совершенно обычное (китайцы, украинцы, чехи, таты и др.). Так, таты (этнос, проживающий преимущественно на Северном Кавказе и в Азербайджане; татский язык принадлежит к иранским) по конфессиональному признаку образуют две группы: таты-мусульмане и таты-иудеи. Отметим параллельно, что языковые и конфессиональные ситуации в современном мире, как правило, характеризуются демографической неравновесностью, несбалансированностью компонентов.

В первую очередь этими фактами обусловлены многочисленные случаи смешения рассматриваемых признаков народонаселения, типичные для современного массового сознания. Особенно часто основу социальных стереотипов создает смешение дифференциальных признаков населения стран Востока. В современной России сфера востоковедения, отраслью которого является и кавказоведение, остается на периферии общественного сознания. Даже студенты гуманитарных факультетов классического университета (филологического, философского, международных отношений, искусствоведения и культурологии) довольно слабо ориентируются в обсуждаемой проблематике в области кавказоведения и в целом востоковедения. Это вполне убедительно демонстрируют результаты тестирования по общим вопросам востоковедения. Студентам названных факультетов было предложено охарактеризовать основное (в количественном отношении) население — основной этнический компонент — заданной страны по четырем параметрам: этническая принадлежность, язык, религия и раса. Выяснилось, что подавляющее большинство (свыше 90 %) респондентов считает Иран, Афганистан и Пакистан арабскими странами. Характеризуя основное население Израиля, некоторые студенты-культурологи вместо соответствующих ответов «евреи, иврит, иудаизм, европеоиды» (формально и содержательно принципиально различающихся!) предлагают ответы: «народ — евреи, язык — еврейский, религия — еврейство, раса — еврейская».

Подобные ошибки характерны не только для студенческой аудитории. Их постоянно допускают многие политики и должностные лица; они широко представлены в текстах СМИ. Так, в популярном периодическом издании «Ваш досуг в Екатеринбурге» (2001. № 13. С. 24) читаем: *Несмотря на отдельные различия, кухни народов арабских стран (Египта, Алжира, Сирии, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ, Йемена, Ливана) имеют много общих черт.* По-видимому, такого рода неточности связаны со стереотипными представлениями об этноязыковых и других характеристиках основного населения определенных стран и регионов; в частности, с принципиальным отождествлением понятий «арабское» и «исламское» (и во многих случаях «центральноазиатское»). Подобные ошибки часто встречаются и в передачах электронных СМИ. Например, в еженедельной программе ОРТ «Времена» (2002. 3 марта) в комментарии к видеоряду по поводу трагических событий на северо-западе Индии говорилось о «жертвах межрасовой резни между мусульманами и индусами». В этой формулировке группы людей определены по конфессиональному признаку (мусульмане, индусы), а отношения между ними названы «межрасовыми» (хотя в данном случае те и другие являются представителями одной расы и говорят на языках одной генеалогической общности — арийской малой языковой семьи в составе индоевропейской большой). В другой телевизионной передаче анализируются, например, отношения между «грузинами, осетинами и мусульманами», хотя, как известно, значительная часть самих осетин исповедует ислам, а на территории Аджарии проживают и грузины-мусульмане. Этот эффект классификации объектов по различным основаниям зачастую лежит в основе обсуждаемых стереотипов.

Сложность ситуации усугубляется и весьма распространенными случаями неразличения признаков этнической принадлежности и гражданства, подданства («русские» и «россияне», «персы» и «иранцы», «евреи» и «израильтяне» и т. п.). Например, часто говорят о том, что в Израиле существует конфликт между арабами и израильтянами (а не евреями), хотя очевидно, что арабы, постоянно проживающие в Израиле (в том числе не на оккупированных территориях) и являющиеся гражданами государства Израиль, также израильтяне. Не следует забывать и о том, что арабский является официальным языком Израиля наряду с ивритом.

Факт периферийного положения сведений о Востоке в российском общественном сознании, как представляется, обусловлен исторически — спецификой приоритетов исторического пути России. Русская

культура в целом, несомненно, ближе к культурам европейских стран, чем, например, к китайской, японской или арабской культурам. Этому способствуют различные факторы, в первую очередь этноязыковой (русский язык принадлежит к славянской группе, все остальные языки которой, включая близкородственные русскому, распространены только на территории Европы), конфессиональный (подавляющее большинство верующих русских исповедует христианство), исторический (сам факт принятия христианства в X веке или, например, реформы Петра Великого в XVIII веке, направленные на европеизацию страны, безусловно, принципиально сблизили Россию с Западом), психологический (русский человек — имеем в виду широкий социальный тип — по своему психическому складу, менталитету, а следовательно, и мировоззрению, образу жизни, быту все же в меньшей степени отличается от европейцев, чем от китайцев или индийцев) и др. Однако все это отнюдь не означает, что восточные культуры мало связаны с русской и могут быть вообще элиминированы, в частности в системе дисциплин учебного плана подготовки филологов-русистов. Между тем традиции российской системы высшего филологического образования по этой специальности предполагают апелляцию в большей степени к языкам и литературам стран Запада (прежде всего Западной Европы и Северной Америки), нежели Востока. Так, в рамках курса «История зарубежной литературы», за редчайшим исключением, рассматривается творчество западноевропейских и американских авторов.

Однако для современного российского общества знания по востоковедению чрезвычайно важны. Если географически определять Восток как Азию, то не следует забывать, что большая часть территории Российской Федерации лежит именно в этой части света. В России проживают миллионы носителей языков азиатских семей и групп, в частности абхазо-адыгской, нахско-дагестанской, картвельской, арийской (индо-иранской), тюркской, самодийской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, палеоазиатских. На многих из этих языков создана мощная литература, характеризующаяся специфическими системными связями с русской литературой. Особый интерес в этом отношении представляет феномен многонациональной советской литературы. Значительное влияние на русский язык и литературу оказали и великие культуры зарубежного Востока, прежде всего арабских стран, Ирана (Персии), Турции, Индии, Китая, Японии. Многовековое взаимодействие русской культуры и культур народов Кавказа оказалось особенно плодотворным. Таким образом, не вызывает сомнений не-

обходимость изучения русистами как важнейших специфических характеристик языков и литератур Азии, так и вопросов культурного взаимовлияния России и Востока, взаимной рецепции литературных традиций и т. п.

Обсуждаемое смешение признаков социума, происходящее в связи со слабым знанием основ общей лингвистики, антропологии, этнографии и религиоведения, а также совершенно определенные социально-политические мотивы и обусловили появление и весьма широкое хождение в некоторых слоях нашего общества единиц специфической новой «терминологии». В связи с этим популяризация знаний об этносах России и сопредельных государств, в том числе (а возможно, и в первую очередь) кавказских, представляется важнейшим направлением деятельности специалистов, имеющим не только культурологическую, но и политическую значимость.

И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев

Выражение враждебности и дружелюбия посредством одной и той же лексемы*

Течет ли из одного отверстия источника
сладкая и горькая вода?

Иак. 3, 11

Общий источник дружелюбия и враждебности

Бывает так, что граница между дружелюбным и враждебным отношением к другому человеку оказывается зыбкой и преодолимой. Речь идет не о «смешанных чувствах», подобных тем, которые испытывал лирический герой известного стихотворения Катюлла «*Odi et amo*», т. е. эмоциональном состоянии, совмещающем в себе характерные черты двух противоположных эмоциональных состояний, а о том, что дружелюбное и враждебное отношение к другому лицу оказываются почти неразличимы.

Это можно связать с тем, что и дружелюбие, и враждебность по отношению к «чужому» могут проистекать из одного и того же источника. Так, интерес и внимание к «чужому» часто сопровождается настороженностью, отталкиванием, но при этом может приводить к принятию «чужого» в свою личную сферу, когда «чужое» перестает быть таковым. Об этом проницательно писал В. Н. Топоров в статье «“Спор” или “дружба”?»: «...за всем этим угадывается некий общий единый

* Статья написана при поддержке РФФИ (проект № 05-06-80215-а «Русская языковая картина мира в межкультурной перспективе»).

корень, ибо тяга и отталкивание, любовь и ненависть, восхищение и зависть, радость и помраченность духа разными языками и с разных позиций могут говорить и об одном и том же. ...Открытие себя для такого приятия “внешнего” и “чужого” часто равноценно открытию для себя некоего нового “неуютного” пространства существования, в котором риск и опасности представляются более существенными, нежели мыслимые выгоды и преимущества. Чувство абсолютной и “допытной” любви к другому-чужому, радости о нем дается редко, и гораздо чаще Я, индивидуально-личное, родовое, культурно-историческое, выстраивает иной контекст — и эмоциональный, и рациональный, — в который оно помещает этого “чужого”. Менее всего стоит упорствовать в том, что это отчуждающее движение исключает противоположное — сближающее» [Топоров 1991: 91–92].

То, что дружелюбие и враждебность могут проистекать из одного источника, находит отражение в языке. В частности, это касается отношения к человеку, с которым происходит нечто плохое. *Жалость* к такому человеку может сочетаться с нежностью (в некоторых русских диалектах *жалеть* значит ‘любить’), но его слабость или беспомощность может вызывать и отвращение (а у прилагательного *жалкий* эта оценка входит непосредственно в значение [Левонтина 1997: 110]). Семантическое развитие слов, обозначающих отношение к униженному человеку, может приводить к межъязыковой энантиосемии: русское *лютость* этимологически тождественно польскому слову *litość* ‘сострадание, милосердие, жалость’¹.

Родство враждебности и дружелюбия проявляется и в использовании в непринужденной речи для выражения восхищения слов, которые в исходном значении предполагают отрицательную оценку человека. Так, отец героя повести Анатолия Алексина «Поздний ребенок», чтобы замаскировать свое восхищение сыном, хвалил его «как бы в шутку», а «иногда грубовато»: *Вот ведь способный какой, мерзавец!; Память какую имеет, мерзавец!; Смелый, мерзавец!* («Слово “мерзавец” он всегда произносит ласково, даже нежно», — комментирует рассказчик.) Сходное явление происходит и с некоторыми английскими ругательствами (*swear words*), которые могут использоваться по отношению к адресату для выражения дружеского участия. Ср. примеры из книги Т. В. Лариной, отмечающей, что для ряда ругательств «словари фиксируют подобную энантиосемию, когда в одной лексеме сочетаются противоположные значения» [Ларина 2003: 187]: *You’re a right, little bastard* (девушка — парню, с нежностью); *Come here, you little bollocks* (мать — своему трехлетнему сыну, с любовью); *You are*

a silly bugger (дружеское восклицание после прозвучавшей шутки). Иногда такое употребление конвенционализуется и фиксируется в словарях — например, у слова *шельма* в «Малом академическом словаре» выделяется особый оттенок значения, толкуемый следующим образом: «...употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-л.», а словарная статья слова *bugger* (буквально ‘содомит’) в «Новом большом англо-русском словаре» (Апресян и др. 1999: 287) выглядит следующим образом: «1. Груб. мерзавец, тип; *You are a bugger!* — *Ах ты сволочь!* 2. разг. ласк. *шельмец* (о мальчике, собаке); *poor bugger* — бедняжка»².

Тесная связь и общие источники дружелюбия и враждебности могут быть иллюстрированы особенностями употребления некоторых русских частиц. Так, в разных типах употребления русской лингвоспецифичной частицы *небось* отражен тот факт, что «задушевность» может идти бок о бок с навязчивостью, описываемой ходовым выражением *лезть в душу*. Частица *небось* выражает общую установку на фамильярность. При этом фамильярность может смыкаться с заботой, основанной на знакомстве говорящего с ситуациями такого рода: *Ложись спать, устал, небось; Небось, проголодался*. Используя *небось*, говорящий как бы вторгается в личную сферу адресата речи или третьего лица («признавайся») или «от меня не скроешь»), демонстрируя свое знакомство с подобными ситуациями («я знаю, как в таких случаях бывает»). Не всегда такая фамильярность приятна адресату речи. Она может восприниматься им и как незаконное вторжение в его личную сферу, обсуждение того, чего он, может быть, не хотел бы обсуждать. Отсюда всего один шаг до недружелюбной фамильярности (*Пусть поработает — небось не развалится*) или даже прямой враждебности: *Ты в лицо гляди, когда с тобой говорят, контра проклятая! Что глаза-то прячешь? Когда родную Советскую власть японцам продавал, тогда небось не прятал? Тогда прямо смотрел!* (Ю. Домбровский)³.

Рано подводить итоги

Другая частица, при помощи которой может быть выражено как дружелюбие, так и враждебность, — это частица *еще* в одном из своих типов употребления, реализуемом исключительно в контексте будущего времени и рассмотренном в нашей статье [Levontina, Shmelev 2005].

Частица *еще* в рассматриваемом типе употребления может выражать два противоположных «скрытых смысла» («metamessages» в

понимании Д. Таннен [Tannen 1986]): угрозы (*Ты у меня еще попляшешь!; Ты еще пожалеешь* и т. п.) и утешения (*Мы еще повоюем; Ты еще всех нас переживешь; Все еще будет хорошо; Все еще наладится*). Приведем характерные примеры из художественной литературы.

Угроза:

Даже издали Швейк совершенно отчетливо слышал пронзительный голос подпоручика Дуба: — Вы меня знаете?! А я вам говорю, что вы меня не знаете!.. Но вы меня еще узнаете!.. Может, вы меня знаете только с хорошей стороны!.. А я говорю, вы узнаете меня и с плохой стороны!.. Я вас до слез доведу! Ослы! (Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка / Пер. П. Богатырева).

Утешение:

*Мы еще оденем вас шелками,
плечи вам согреем соболями.
Мы построим вам дворцы большие,
милые красавицы России.*

(Я. Смеляков)

Иногда обе идеи выражаются синкретично: например, утешение может быть адресовано слушающему, а угроза — третьему лицу; ср.:

— Не огорчайтесь, — услышал Малиновский и понял, что разговаривает с блондинкой в голубом халате. — Они еще пожалеют (С. Довлатов).

При этом кажется совершенно очевидным, что эти противоположные «скрытые смыслы» основываются на некоторой семантической общности. Прежде чем предложить экспликацию этой семантической общности, приведем еще два типичных примера рассматриваемого типа употребления частицы *еще*:

*Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.*

(П. Коган)

Уходя в очередной раз в сторону от очередного комплимента, как боксер от удара, он сказал: «Погоди, я еще напишу что-нибудь стоящее, вот увидишь». (А. Битов. Ненаписанный рассказ).

В приведенных примерах обращает на себя внимание следующее.

Во-первых, они полемичны: *еще* вводит указание на то, что имеется противоположная гипотеза о том, как будут развиваться события. Не случайно фраза, содержащая частицу *еще*, часто начинается с союза *но* (*Но вы меня еще узнаете; Но мы еще дойдем до Ганга* и т. п.).

С полемичностью связано и ударение на глаголе, типичное для фраз, содержащих частицу *еще* в рассматриваемом типе употребления; ср. *Мы дойдем до Ганга*; *мы еще дойдем до Ганга*.

Во-вторых, *еще* подразумевает, что событие, о котором идет речь, произойдет не непосредственно после момента речи. Если говорится *Мы еще оденем вас шелками*, совершенно ясно, что не имеется в виду сделать это в ближайшем будущем. Когда человеку говорят *Мы еще повоюем*, это значит, что сейчас его дела плохи. Этот смысл настолько отчетливо выражается, что, скажем, фраза *Мы еще поговорим об этом* часто используется для прекращения разговора на данную тему.

Наконец, в-третьих, *еще* подразумевает, что в момент речи ситуация развивается таким образом, что прогноз никак из нее не вытекает; ср.: *Заканчивалась поэма в том смысле, что, дескать, вы победили, но мы еще отомстим* (В. Ходасевич. Неудачники).

Использование частицы *еще* обязательно или почти обязательно, если человек вынужден отказаться на данный момент от совершения какого-то действия (или ему не удалось осуществить желаемое) и утешается тем, что это не окончательно и когда-нибудь в неопределенном, пусть не близком, будущем ситуация изменится. Например, если сорвалась поездка, можно сказать: *Да ты еще 10 раз съездишь на Кипр*. Утешая человека, пережившего любовное разочарование, говорят: *Ты еще встретишь настоящую любовь* или *Да она еще сама к тебе прибежит*. Без частицы *еще* эти фразы звучали бы странно.

С другой стороны, можно перечислить свойства ситуации, которые делают употребление *еще* невозможным. Например, *еще* невозможно, если в данном высказывании формулируются условия, при которых данная ситуация будет иметь место, так как это входит в противоречие с вводимым *еще* смыслом 'в данный момент ничто не предвещает наступление данной ситуации'; ср.: *Стучите, и отворят вам; Позвоните, и я приеду; Если что, я помогу*. Именно по этой причине *еще* несовместимо с контекстом симоновского стихотворения «Жди меня»: крайне странно было бы сказать: *Жди меня, и я еще вернусь*. Дело в том, что возвращение здесь обусловливается ожиданием, а значит, *еще* невозможно. Ср. аналогичный пример:

Ничего, ничего, ничего!
Сабля, пуля, штыки — все одно.
Ты, родимая, ты дождись меня,
И я приду.

(Ю. Ким)

Интересно, что если убрать союз *и*, который указывает здесь на причинно-следственную связь, то *еще* станет не только возможно, но и предпочтительно; ср.: *Жди меня: я еще вернусь; Ты дождись меня: я еще приду.*

Еще невозможно, если человек собирается немедленно приступить к исполнению соответствующего действия, как в таких фразах: *В глаз дам!; Стой, стрелять буду.* Вообще *еще* в рассматриваемом значении плохо сочетается с точным указанием на время; ср. странное *Я еще ↓ поеду на море через неделю*, хотя вполне естественно звучит: *Я еще съезжу на море, какие мои годы.*

Фраза с *еще* — это отложенный прогноз. В настоящее время имеются признаки того, что ситуация Р не будет иметь места; предсказывается, что в будущем эти признаки будут некоторое неопределенное время сохраняться или даже нарастать, однако потом ситуация Р начнет иметь место. Просто будущее время без частицы *еще* означает, что или это произойдет сейчас, или отрезок, через который это произойдет, не находится в фокусе. Отсутствие частицы *еще* при форме будущего времени может также имплицировать, что или уже в настоящее время есть признаки, позволяющие сделать прогноз о Р, или же можно указать время или условия Р. Среди таких признаков может быть иррациональная вера, как в известной песне о войне «Я сегодня до зари встану» на стихи Р. Рождественского, когда солдат обещает: *Я вернусь, мама.* Такие высказывания часто звучат как нарочитое подбадривание (как в бодрой солдатской песенке: *Солдат вернется, ты только жди*).

Отсутствие *еще* в тех случаях, когда коммуникативная ситуация содержит признаки, предполагающие его появление, иногда бывает свидетельством некооперативности: ср. повторение прогноза *Он тебя обманет* в ответ на предъявленные свидетельства серьезности намерений данного лица. С частицей *еще* фраза была бы более уместной: да, сейчас все хорошо и ничто не предвещает плохого, но в неопределенном будущем ситуация изменится.

Часто отсутствие *еще* в таких случаях имеет место в переводных текстах, когда переводчик буквалистски следует за оригиналом, в котором аналогичного показателя нет. Некоторое время назад по российскому телевидению прошло сообщение о том, что в Америке было проведено социологическое исследование, выявившее, что наиболее часто цитируемая фраза — это фраза *Я вернусь*. Сообщение звучало несколько загадочно и смешно, потому что фраза в таком виде как-то не опознавалась. Конечно, обычно люди все же догадывались, что

имеется в виду фраза Терминатора: *I'll be back!* Просто ее принято цитировать по-английски — так иногда делают даже люди, которые английского языка не знают. Русский перевод совершенно не обладает нужным набором ассоциаций. Однако дело здесь не только в этом. Как вытекает из всего сказанного, фраза *Я вернусь* не является точным, идиоматичным переводом фразы *I'll be back!* в ситуации Терминатора. По-русски это звучало бы *Я еще вернусь*, означая, что говорящий уходит и некоторое неопределенное время не вернется, но все же он уходит не навсегда.

Итак, с помощью *еще* говорящий признает, что у адресата есть основания считать, что «больше не» или «уже не», но предупреждает, чтобы тот не торопился с окончательным выводом. Иными словами, *еще* означает: неверно, что некоторая ситуация необратима. Кроме того, *еще* вводит в рассмотрение релевантный отрезок времени, начинающийся с момента речи, и указывает, что изменение произойдет в некоторый неопределенный момент времени, располагающийся на этом отрезке, но не в той его части, которая непосредственно примыкает к моменту речи. Смысл 'рано подводить итоги' и обуславливает то, что высказывания с частицей *еще* в рассматриваемом типе употребления могут выражать две противоположные идеи: 'рано радуешься' и 'не торопись расстраиваться, не все потеряно'.

¹ См. [Шмелев 2005: 157–158]; ср. также [Агранович, Стефанский 2003: 88–121].

² См. [Шмелев 2005: 154–155].

³ Более подробное описание различных типов употребления частицы *небось* и диапазона перехода от «интимной» фамильярности к «враждебной» фамильярности см. в статье [Шмелев 1996].

Т. Я. Андреева

Сигналы вражды и сигналы согласия в английском языке

Вся история развития человечества может быть представлена как история борьбы, поражений и побед или установления устойчивого сотрудничества с противником. Не явилось исключением и третье тысячелетие, в наступлении которого каждый житель планеты, питая надежды на будущее, пытался увидеть нечто символическое. Первые годы XXI века оказались неожиданно жестокими. Ведущие страны захлестнула волна межнациональных и межэтнических конфликтов, локальных войн, криминальных «разборок». Понятно, что процессы, происходящие в обществе, не могли не отразиться в языке. На первый план общественного восприятия выдвигаются слова, отличающиеся высокой частотой употребительности (например, *терроризм, взрыв, заложник*). Актуальными становятся слова, денотативное значение которых порождает коннотацию неприятия. Необдуманная реализация подобных слов в речи способна породить агрессию (*боевик, полевой командир, зачистка, бомбист, наемник, джихад* и др.).

Было бы несправедливо не отметить стремление глав правительств, общественных организаций, политических партий и движений, правозащитников к ослаблению напряженности, к попытке устранить противоречия, враждебность, содействовать примирению и согласию. Поскольку общественные изменения находят преломление в языке, реализация принципа толерантности как в социальной, так и коммуникативной сферах в настоящий период приобретает особую актуальность [Купина, Михайлова 2001; Михайлова 2003; Купина 2004]. Процесс

изменения социальных отношений периодически прерывается конфронтацией отдельных государств и разных сил внутри государства, способной перерасти в военный конфликт. В такой ситуации только толерантность может привести к равновесию сил в мире: толерантность, нацеленная на взаимодействие, суть которого — взаимопонимание и сотрудничество между конфликтующими сторонами.

Цель данной работы — выявление специфики отражения семантики вражды и согласия в английском языке. Непосредственным предметом изучения являются слова, сочетания слов, афористические высказывания. Источник материала — двуязычные словари, позволяющие проследить аналогию между исследуемой семантикой русского и английского языков.

Изучение произвольно извлеченных из лексикографических источников 18 690 английских словарных статей показало наличие 420 лексических единиц с семантикой 'вражды' и 'примирения' (Большой англо-русский словарь 1972; Мюллер 1969; Русско-английский словарь 1969). В данной выборке сему 'вражды' содержат значения 358 лексических единиц, что свидетельствует о явном преобладании конфликтотенной лексики.

По своему семному составу лексико-семантические единицы являются неоднородными и представляют собой весьма интересные соединения. Основную сему 'враждебность' имеют существительные: *enmity hostility, animosity*. Кроме того, значение каждого из этих слов включает дополнительные, дифференциальные семы. Существительное *hostility* означает 'враждебный акт, военные действия, неприязнь', слово *enmity* занимает смежную позицию и переводится как 'неприязнь, враждебность'. А слово *animosity* оказывается более отодвинутым, семантически отличается от двух упомянутых и передает значение 'враждебность, злоба'. Сема 'злоба' присутствует также в словах *spite* и *anger*, причем в значении последнего выявляется еще и сема 'гнев'.

В английском языке мы не находим самостоятельных слов, эквивалентных существительному «вражда». Данное значение оформляется рядом словосочетаний с разными номинативными компонентами, которые мы располагаем по степени употребительности:

to be at war (with each other) — 'быть в состоянии войны';

to open hostility — 'начать военные действия';

to be at enmity (with somebody) — 'быть во враждебных отношениях'.

С целью получения более полного представления о лексико-семантических единицах с семой 'вражда' мы обратились к языковой соче-

таемости рассматриваемых выше существительных. Изучение сочетаемости существительных *war, hostility, enmity*, значения которых включают сему 'вражда' в качестве интегральной, показало различную степень их активности, проявляющейся при образовании словосочетаний (Англо-русский словарь 1986). Наиболее употребительными в речи оказались словосочетания с существительным *war* (война), которое зафиксировано в 47 глагольных комбинациях.

Анализ семантики глагольных словосочетаний с существительным *war* позволяет выделить отраженные в английской языковой картине мира этапы развития конфликта, точнее — военных действий.

1. Ожидание надвигающейся войны, предвоенная ситуация:

expect the war — 'ожидать войну';
a war threatens — 'нависла угроза войны';
talk war — 'угрожать, выступить против';
prepare for war — 'готовиться к войне';
urge the country into war — 'толкать страну к войне'.

2. Начало военных действий и их неотвратимость:

break out a war — 'вспыхнуть, разразиться (о войне)';
burst out a war — 'вспыхнуть (о войне)';
declare war — 'объявлять войну';
drag into war — 'втянуть, вовлечь в войну';
draw into war — 'втягивать, вовлекать в войну';
enter the war — 'вступить в войну';
go to war — 'развязать (начать) войну';
rush headlong into a war — 'ввязаться в войну';
start war — 'начать войну';
stir up a war — 'разжигать войну'.

3. Война как длящийся процесс:

bring about a war — 'вести войну';
make war — 'вести войну';
see war at close quarters — 'непосредственно участвовать в войне';
fight in a war — 'сражаться на войне'.

4. Временное (или окончательное) приостановление военных действий:

catch up the war — 'прервать войну';
end the war — 'закончить войну';
fight out the war — 'довести битву до конца'.

Результаты военных действий могут быть представлены словосочетаниями с существительным *war*, в которых прямо или косвенно передается семантика результативности.

1. Достижение победы:

win something in a war — ‘одержжать победу в войне’;

win a great honour in the war — ‘завоевать военные почести’ (‘отличиться в войне’);

push aside (back) the enemy at war — ‘оттеснить противника на войне’.

2. Разрушительные действия войны и гибель людей:

be destroy(ed) during the war — ‘быть разрушенным во время войны’;

be wasted by a long war — ‘быть разоренным длительной войной’;

cut down in the war — ‘погибнуть (пасть) на войне’;

fall in the war — ‘пасть на поле битвы’;

be killed in the war — ‘быть убитым на войне’;

lose in the war smb., smth. — ‘потерять на войне кого-то, что-то’;

suffer from the war — ‘пострадать на войне’;

be wound in the war — ‘быть раненным на войне’.

Наличие большого количества словосочетаний с семантикой начала враждебных действий служит своеобразным предупреждением о неминуемой опасности. В этом случае отношения толерантности могут привести к мирному урегулированию конфликта.

Актуальность данного тезиса подтверждается наличием обширного пласта глагольных словосочетаний, показывающих последствия войны.

Поиск путей преодоления и урегулирования конфликтной ситуации обозначается с помощью глагольных единиц:

prevent the war — ‘предотвратить войну’;

declare against war — ‘выступать против войны’;

cry out war — ‘открыто выступить против войны’;

work against war — ‘бороться (выступать) против войны’.

Параллельно обратим внимание на лингвистическую специфику отдельных словосочетаний. Список глагольных словосочетаний с базовым существительным *war* насыщен, главным образом, глаголами с послелогом (45 %). Семантика соответствующих словосочетаний прозрачна: наличие предлога в английском сочетании подтверждается в переводе.

declare against war — ‘выступать *против* войны’;

come to the war — ‘прибыть *на* войну’;

drag into war — ‘вовлечь *в* войну’;

fight in war — ‘сражаться *в* войне’;

lose in the war — ‘потерять *на* войне’.

Лексико-семантические связи внутри сочетаний являются достаточно прочными: послелоги (предлоги, стоящие после глагола) изменяют глагольную семантику, что делает невозможным установление значения всего сочетания по семантике его компонентов, а введение в сочетание существительного *war* придает фразе военную направленность.

burst — ‘взорваться’, *burst out* — ‘воскликнуть’,

но: *war burst out* — ‘разразилась война’;

cry — ‘кричать’, *cry out* — ‘выкрикнуть’,

но: *cut out war* — ‘открыто выступить против войны’;

cut — ‘резать’, *cut down* — сокращать,

но: *cut down in the war* — ‘погибнуть во время войны’;

mix — смешивать, *mix up* — ‘путать’,

но: *be mixed up by the war* — ‘быть взволнованным войной’.

Словосочетания, семантически неразложимые на компоненты.

rush headlong into a war — ‘ввязаться в войну’;

see war at close quarters — ‘непосредственно участвовать в войне’.

Существительное *enmity* употребляется в двух устойчивых словосочетаниях с противоположным значением (Англо-русский словарь 1986):

lay aside all enmity — ‘отказываться от вражды’;

stir up enmity — ‘раздувать вражду’.

С существительным *hostility* отмечено одно глагольное сочетание:

encourage somebody to hostility — ‘подстрекать кого-л. к враждебным действиям’.

Другим достаточно активным словом в глагольных сочетаниях (Англо-русский словарь 1986) является существительное *quarrel*, в значении которого, как уже указывалось, менее ярко проявляется сема вражды. Существительное *quarrel* сочетается с 30 глаголами.

Словосочетания с глаголом *quarrel*, отражающие состояние взаимной вражды, могут быть представлены несколькими группами.

1. Начало личной вражды, неприязни:

a quarrel arose — ‘началась ссора’;

start a quarrel — ‘начать ссору’;

a quarrel broke out — ‘вспыхнула ссора’;

set about a quarrel — ‘затянуть ссору’;

raise a quarrel — ‘затевать ссору’;

fasten a quarrel upon smb. — ‘навязать кому-л. ссору’;

force a quarrel up on smb. — ‘навязать кому-л. ссору (силой)’.

2. Длющийся процесс личной вражды особой силы с возможным указанием на личное участие в конфликте:

blow up a quarrel — ‘раздувать ссору’;
boil up a quarrel — ‘раздувать ссору’;
break out a quarrel — ‘раздувать ссору’;
stir up a quarrel — ‘раздувать ссору’;
interfere in family quarrels — ‘вмешиваться в семейные ссоры’;
make a quarrel with smb. — ‘поссориться с кем-л.’;
be mixed up in a quarrel — ‘быть впутанным в ссору’.

3. Завершение личного конфликта:

fight out a quarrel — ‘раздувать ссору’;
end a quarrel — ‘прекратить ссору’;
stop a quarrel — ‘прекратить ссору’.

Как свидетельствуют вышеприведенные словосочетания, констатация начала ссоры вариативна, в то время как способы окончания ссоры — однозначны.

Глагольные словосочетания с существительным *quarrel*, семантика которых носит положительный характер, т. е. отражает стремление к мирному решению конфликта, составляют приблизительно одну треть от всего состава. Данный факт указывает на ведущую роль глаголов с семами ‘уладить’, ‘избегать’, ‘забыть’, ‘урегулировать’ и наличие особого пласта лексики, выражающей толерантность:

arrange a quarrel — ‘уладить ссору’;
make up a quarrel — ‘уладить ссору’;
settle a quarrel — ‘урегулировать ссору’;
fix a quarrel — ‘уладить ссору’;
avoid a quarrel — ‘избегать ссору’;
keep out of quarrel — ‘не вмешиваться в ссору’;
hate quarrels — ‘ненавидеть ссоры’;
forget about quarrel — ‘забыть о ссоре’.

Толерантная установка в данном случае заключается в том, что ссору, которая возникает на почве недружелюбных отношений, лучше избегать, отрицательно относясь к ней (*hate quarrels, avoid a quarrel*).

Своеобразный совет невмешательства в ссору третьих лиц (*keep out of a quarrel*) воспринимается как максимум толерантности. Семантически сильными являются сочетания, отражающие урегулирование конфликтной ситуации любыми мирными способами, не наносящими обиды, унижения или оскорбления ни одной из конфликтующих сторон (*arrange a quarrel, settle a quarrel*).

Наиболее употребительные глагольные сочетания с существительным *quarrel* (ссора), в которых степень выраженности вражды явля-

ется имплицитной, и сочетания с существительным *war* (война), в которых выражение вражды приобретает эксплицитный характер, манифестируют типовые толерантные условия мирного решения конфликтов.

Фразеологические единицы со словами *enmity* и *hostility* словарями не отмечены, а фразеологизм со словом *quarrel* зафиксирован всего лишь в трех случаях (Кунин 1967).

Наибольшее количество устойчивых сочетаний включает существительное *war* (Там же). Данные фразеологизмы моноэквивалентны, т. е. в сопоставлении с русскими они имеют единственно возможный аналог. Совпадение значения, лексического состава, образности, стилистической направленности и грамматической структуры свидетельствует о совпадении восприятия картины мира у носителей русского и английского языков.

- war crime* — 'военное преступление';
- war criminal* — 'военный преступник';
- war of attrition* — 'изнурительная война';
- war of position* — 'позиционная война';
- war policy* — 'военная политика';
- war to the death* — 'война на истребление';
- war to the knife* — 'война не на жизнь, а на смерть'.

Отмечены устойчивые сочетания слов, имеющие лексическое расхождение с русскими аналогами при наличии одинакового значения и стилистической направленности.

- war of elements* — *перен.* 'борьба стихий, буря';
- war of the movement* — 'маневренная война'.

Отдельные фразеологические обороты имеют определенную ограниченную сферу применения, что отражается в словаре с помощью соответствующих помет:

- war dog* — *устн.* 'ветеран войны';
- war horse* — *амер. разг.* 'ветеран войны';
- war of the Roses* — *устн.* 'война Алой и Белой Розы'.

Обращение к словарю специальной лексики (РАВиС 1994) показало, что употребительность существительного *war* в атрибутивных словосочетаниях достаточно разнообразна. Зафиксировано около 80 случаев словоупотреблений, характеризующих различные сферы враждебных столкновений.

Валютно-финансовая сфера:

- currency war* — 'валютная война';
- monetary and financial war* — 'валютно-финансовая война';

credit war — 'кредитная война'.

Сфера торговли:

trade war — 'торговая война'.

Экономическая сфера:

economic war — 'экономическая война'.

Военная сфера:

nuclear war — 'ядерная война';

total nuclear war — '(всеобщая) мировая ядерная война';

limited nuclear war — '(ограниченная) локальная ядерная война'.

war usages — 'военные обычаи';

rules of warfare — 'правила ведения войны'.

Приведенные словосочетания демонстрируют широкое распространение конфликтных столкновений разного типа.

Атрибутивные словосочетания с существительным *war* также можно разделить на несколько групп.

Разновидности военных столкновений:

the Great Patriotic war — 'Великая Отечественная война';

war for independence — 'война за независимость';

war attrition — 'война на истощение';

defensive war — 'оборонительная война'.

Место ведения боевых действий:

air war — 'воздушная война';

navel war — 'морская война';

local war — 'локальная война'.

Характер и оценка военного конфликта:

predatory war — 'предательская война';

dirty war — 'грязная война'.

Длительность военных действий:

blitzkrieg war — 'молниеносная война';

sustained war — 'затяжная война'.

Ментальное представление о вражде отражает семантику вражды, зафиксированную в английских пословицах и поговорках. Изученный материал (Митина 2003) равен 1010 наиболее распространенным английским пословицам и поговоркам, из которых 102 единицы (что составило 11 % от общего объема словаря) характеризуют наличие прямого или переносного обозначения исследуемой семантики, проявление отношения к обозначаемому. Как известно, будучи полностью переосмысленными, пословицы и поговорки имеют культурный фон [Бурвикова, Костомаров 2003]. Последний использовался нами как основа семантической интерпретации.

Более 62 % пословиц и поговорок фиксируют сомнение, неуверенность, отрицательное или даже агрессивное отношение к враждебности. Констатация факта носит поучительный предостерегающий характер и представлена в таких примерах:

A threatened blow is seldom given. — Кто много грозит, тот мало вредит.

All are not friends that speak us fair. — Не всякому другу верь.

Do as you would be done by. — Когда хочешь себе добра, то никому не делай зла.

Harm watch, harm catch. — За недобрым пойдешь — на беду набредешь.

Обращает внимание то обстоятельство, что только 38 % единиц содержат утверждение примирения и согласия как ценностей максимально спорного коммуникативного взаимодействия:

A civil denial is better than a rude grant. — Вежливый отказ лучше грубого согласия.

A fault confessed is redressed. — За признание — половина наказания.

A good beginning makes a good ending. — Доброе начало венчается добрым концом.

A good name is better than riches. — Добрая слава лучше богатства.

A hedge between keeps friendship green. — Соблюдение правил в отношениях способствует продолжительной дружбе.

A soft answer turns away wrath. — Покорное слово гнев укрощает.

Better a lean peace than a fat victory. — Худой мир лучше доброй ссоры.

Confession is the first step to repentance. — Признание — сестра покаяния.

Проведенный анализ позволяет сформировать предварительное представление о схеме семантического поля «вражда» в английском языке. Центр ядра составляют существительное *war* как пик политической и социальной вражды — ‘война’ и существительное *quarrel*, отражающее личностное конфликтное столкновение — ‘ссора’. Околоядерная часть представлена словами с основной семой ‘враждебность’: *enmity, animosity, spite, anger*. Ближайшую периферию составляют глагольные сочетания *to be at war, to open hostility, to be at enmity* и набор устойчивых сочетаний со словом *quarrel*. В особую группу полевой периферии входят атрибутивные единицы с существительным *war* с разной спаянностью компонентов и фразеологизмы с базовым словом *quarrel*. К следующему слою периферических единиц

относятся словосочетания, затрагивающие национально значимые знания о вражде. Языковые афоризмы — пословицы и поговорки как комбинация по семантике, а не по средствам выражения, составляют дальнюю периферию.

Языковые средства выражения вражды и согласия в английском и русском языках еще раз подтверждают, что «вражда» как деструктивная категория способствует созданию очага напряженности с последующими негативными процессами — необратимыми разрушениями и гибелью людей. В свою очередь, толерантность, будучи феноменом внутрикультурной и межкультурной речевой коммуникации, должна способствовать прекращению вражды путем установления договоренности и согласия между конфликтующими сторонами.

Источники материала

Англо-русский словарь 1986 — Англо-русский словарь глагольных словосочетаний / Под ред. Э. М. Медниковой. М., 1986.

Большой англо-русский словарь 1972 — Большой англо-русский словарь: В 2 т. / Под общ. руковод. И. Р. Гальперина. М., 1972.

Кунин 1967 — Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. Изд. 3-е, испр.: В 2 кн. М., 1967.

Митина 2003 — Митина И. Е. Английские пословицы и их русские аналоги. СПб., 2003.

Мюллер 1969 — Мюллер В. К. Англо-русский словарь. 70 000 слов и выражений. Изд 14-е. М., 1969.

РАВиВС 1994 — Русско-английский внешнеторговый и внешнеэкономический словарь / И. Ф. Жданова, И. Н. Браслова, Н. П. Васильева и др. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1994.

Русско-английский словарь 1969 — Русско-английский словарь. Около 50 000 слов. Изд. 8-е / Под ред. О. С. Ахмановой. М., 1969.

Раздел 3

Язык вражды и язык согласия в разных сферах коммуникации

Э. В. Чепкина
Язык согласия
в корпоративной прессе

В контексте анализа проблем толерантного общения понятие «язык согласия» используется в соотнесении с понятием «язык вражды». Термином «язык вражды» мы обозначаем такие языковые и речевые средства, а также способы построения текста, которые формируют или поддерживают негативные стереотипы массового сознания. Такие стереотипы приписывают устойчивые негативные характеристики каким-либо социальным субъектам, например этническим или религиозным группам. Тексты, транслирующие язык вражды, поддерживают или формируют у адресата враждебное отношение к кому-либо или чему-либо.

Понятие «язык согласия» на первый взгляд противоположно понятию «язык вражды». Если последний манифестирует в речи интолерантные смыслы, связанные с неприятием «другого», с враждебным к нему отношением, то первый должен был бы, напротив, нести смыслы толерантности, приятия различий. Вместе с тем исследование текстов корпоративной прессы позволяет утверждать, что согласие как ценность поведения и общения прежде всего связано с понятием единства — взглядов, позиций, образа жизни. Смыслы согласия практически не соотносятся с толерантным дискурсом о «другом», они присутствуют преимущественно в описании коллектива работников, «своего круга». В этом описании «своего» и «своих», как правило, активно подавляются смыслы, касающиеся различий, возможного учета разных позиций, разных точек зрения.

Мы рассмотрели тексты, опубликованные в корпоративных газетах предприятий Пермской области в 2005 году (см.: Источники материала). Эти газеты в основном были созданы еще в СССР и большей частью наследуют риторику и стилистику многотиражной прессы советского времени. Подавляющая часть предприятий, являющихся учредителями данных газетных изданий, находится не в Перми, а в небольших городах Пермской области. В содержании и стиле публикаций явно видна родственность с ближайшими соседями этой прессы — городскими и районными газетами. Хотя две газеты выходят в самой Перми, по содержанию и стилистике они аналогичны другим многотиражкам и районкам, а не изданиям областного центра. На наш взгляд, здесь сказывается не столько влияние географии, сколько культурно-идеологическая ориентация. Центральная часть содержания прессы районов и малых городов — описание жизни местного сообщества. В многотиражных, или, говоря современным языком, в корпоративных газетах речь также идет о локальном сообществе, причем его границы еще уже: это прежде всего работники одного предприятия.

Наши наблюдения показали, что если характеризовать современную корпоративную прессу более дифференцированно, то внутри нее можно выделить несколько групп газетных изданий.

С точки зрения учета интересов аудитории и стремления эмоционально привлечь ее преобладают газеты, сохраняющие содержательно и стилистически облик советской многотиражки: в большей части текстов — сухое, безэмоциональное информирование о производственных успехах или решениях администрации. Сейчас, однако, растет число газет, меняющих традиционный облик корпоративной прессы в сторону более разнообразного содержания и более легкого стиля. Внедряются элементы таблоидного формата.

В области отбора информации в последние годы также сформировались некоторые различия: с одной стороны, в большинстве изданий, как и в советские времена, содержание публикаций целиком сосредоточено на внутренних делах и успешности предприятия; с другой стороны, ряд газет обнаруживает стремление стать полноправным игроком среди городских СМИ (по ресурсам многие корпоративные издания вполне сопоставимы с городскими) и поэтому больше обращается к общегородской тематике. В последнем случае газета может практически вести войну в городском медиапространстве, если директор предприятия, например, борется за власть и влияние с действующей городской администрацией.

В идеологическом отношении все корпоративные газеты, финансируемые и контролируемые топ-менеджерами предприятий, транслируют точку зрения руководства и защищают его интересы (от чьего бы имени ни публиковались отдельные тексты). Любопытно в связи с этим мнение некоторых зарубежных авторов о том, что корпоративная пресса — это инструмент связей с общественностью, а не журналистика, если считать последнюю объективным и идеологически нейтральным поставщиком информации [Шомели, Уисман 2003].

Важной чертой корпоративных газет, независимо от их тематических и стилистических различий, является единство идеологической позиции. Базовые концепты этой идеологии — одобрение действий руководителей, преданность своему предприятию, единство всех работников, как если бы они были одной большой семьей. Идеологически неприемлемые, «вредные» мнения, особые точки зрения не допускаются к публикации в корпоративном издании, как и «неудобные» факты. Если возможен диалог разных идеологических позиций, то лишь как конфронтационный, когда чужая точка зрения дается преимущественно в пересказе. Это упрощает содержание корпоративной прессы и делает его в высокой степени предсказуемым.

Такой тип идеологической организации именно журналистского дискурса хорошо известен по прессе советского времени. Он сопряжен и с особым типом толерантности, акцентирующей согласие, единомыслие. Как убедительно показывает Н. А. Купина, «в тоталитарной культуре толерантность — это идеологическое согласие людей, объединенных общностью мировосприятия и мировоззрения... Толерантность поддерживается необходимостью сплочения единомышленников перед лицом врага...» [Купина 2001: 236]. Налицо стремление «к социальной и языковой гармонии без резких различий» [Там же: 237].

Именно идеологическая, пропагандистская функция обуславливает то обстоятельство, что корпоративные газеты заботливо сохраняются или вновь создаются на предприятиях. Можно согласиться с тем, что основой идеологически ориентированного общения в России после краха тоталитарной государственной идеологии, а также «прагматического результата идеологически значимой коммуникации является осознание идеологической общности, формирование “своего круга”...» [Купина 2004: 34]. Подобные прагматические задачи помогает решать язык согласия как набор практик передачи смыслов единства, бесконфликтности, солидарности и единомыслия. Манифестация языка согласия в анализируемых текстах СМИ оформляется с помощью определенных дискурсивных практик.

Общепринятым является изображение коллектива предприятия как одной большой семьи — и метафорически, и даже буквально (когда речь идет о рабочих династиях). Обратимся к конкретному материалу.

Типичный заголовок — *«Семейные узы — рабочие узы»*. В тексте, опубликованном под рубрикой *«Трудовые династии ОАО “Сильвинит”»*, описана одна из таких династий и в конце публикации выражена уверенность, что правнук основателя «навверняка после службы вернется в родной коллектив» (Семейные узы — рабочие узы // За календарей. г. Соликамск. 2005. 22 июля).

В другом тексте — под названием *«Моя семья и моя работа»*, — так отвечает Михаил Сугробов на вопрос, что для него самое ценное, — рассказана история одного из работников:

С самого детства примером для него был отец Александр Сугробов. Он практически всю жизнь проработал на АМЗ. Так что о заводе Михаил слышал в семье постоянно. И после армии, в 1988 году, он стремился устроиться на предприятие, заранее ставшее родным. О работе десяти того цеха он знал не только от отца, но и от своей тети Т. Кондаковой, мастера на формовочном участке.

Здесь смысл ‘семья’ актуализируется и по отношению к действительным родственным связям (отец и сын, тетя и племянник), и по отношению к коллективу предприятия в целом (*предприятие, заранее ставшее родным*). Восприятие завода как единой семьи передано и с помощью описания размышлений героя, когда он устроился на завод охранником:

Михаил посмотрел в окно: корпуса цехов, люди по-деловому заходят внутрь их. Сколько людей, и каждый что-то делает, производит, творит. И все работает как одно целое, как один огромный организм. Живое производство, — мелькали в его голове мысли...*

Рубрика к этому тексту — *Твои люди, завод!* — тоже достаточно красноречива. Неотделенность жизни работника от деятельности завода подчеркивает, кроме заголовка и рубрики, и такая сильная позиция текста, как концовка, где вновь звучит речь героя:

Самое ценное для меня — это моя семья и моя работа. Каждый человек мечтает что-то оставить после себя. Для меня главное то, чтобы в цехе все было хорошо, чтобы все работало, и никто никогда не осудил бы меня за мои дела («Моя семья и моя работа...») // Рабочая жизнь. г. Александровск. 2005. 14 июля.

Завершение высказывания очень показательное: подчеркнуты цен-

* Здесь и далее стилистические и иные ошибки не исправляются и не отмечаются.

ности заботы об общем благополучии и одобрения со стороны коллектива.

Неразрывность судьбы работника и судьбы предприятия воспевается в тексте о начальнике одного из цехов предприятия «АВИСМА»:

Более тридцати лет в трудовой книжке Виктора Трифонова стоит запись — АВИСМА — титано-магниевого комбинат. За ней — целая жизнь и преданность родному цеху. От рабочего вырос до начальника цеха. Вместе с предприятием пережил все его взлеты и падения, но выстоял и не разочаровался в выбранном пути... Для Виктора Трифонова комбинат — второй дом. Здесь он проводит большую часть своей жизни. В восемь часов утра в его кабинете уже горит свет и не гаснет порой до позднего вечера. Только такие люди, как он, которые трудятся, не считаясь с собственным временем, добиваются высоких результатов и уважения как среди коллег и подчиненных, так и на высшем уровне. <...> Более тридцати лет Виктор Трифонов делит с предприятием его судьбу. Он принимает самое непосредственное участие в его развитии, будучи членом совета директоров. И верит, что АВИСМА всегда будет гордиться своими людьми, крепко стоять на ногах и развиваться. Дочь и сын Трифонова тоже трудятся на комбинате, так что Виктор Иванович стал родоначальником новой семейной династии металлургов» (Четвертая высота Виктора Трифонова // Металлург. г. Соликамск. 2005. 9–15 июля).

Мы видим, что и в этом тексте выделяется корпоративная культурная ценность работы родственников на одном предприятии. Особенно показательное употребление стереотипного выражения *комбинат — второй дом*. Другой важный способ манифестации производственных отношений как семейных — слово *родной*. На наш взгляд, здесь реализуется идеализированное представление о безопасном доме: метафорическое понимание дома как того пространства, где на малой части хаотичного мира может быть обеспечено определенное ощущение внутреннего порядка и соблюдения приличий. «Это мечта о защищенном мире, месте, имеющем надежные и эффективно охраняемые границы... такой дом — это воплощение мечты об исцелении от болей и страданий... жизни чужих среди чужих» [Бауман 2002: 115–116].

Благостные картины всеобщего согласия и родственности показывают, что содержание корпоративной прессы в высокой степени мифологизировано. Речь идет не столько о том, что есть, сколько о том, что должно быть. Создается утопический образ гармоничного коллектива, в котором индивид растворен, и это ощущение единства дает ему чувство защищенности. Очевиден коллективный нарциссизм (Т. Адорно), когда через идеализированное отождествление себя с коллективом человек получает часть самоуважения. Миф здесь понимается не как сказка, повествование о фантастическом, вымышленном,

а как повествование о должном, образцовом. Миф — «важное событие, служащее примером для подражания» [Элиаде 2000: 7]. Мифологическое мышление — часть мышления и современного человека тоже. Мирча Элиаде подчеркивает, что подражание мифу способно придать значимость человеческой жизни и что главная функция мифа — предоставить модели для подражания [Там же: 8, 14].

В журналистском дискурсе специфично то, что образцовое не сочиняется, а тщательно отбирается из реально происходящего и редактируется в соответствии с заданной идеологической доминантой: миф творится на основе реальных фактов.

На индивидуальном уровне очевидно воплощение биографического мифа о благополучной и стабильной жизни, которую дает большое предприятие: молодой рабочий, впервые пришедший на предприятие, может быть вполне уверен, что завершит свою трудовую биографию здесь же. И вероятно (по крайней мере, поощряемо), что здесь же смогут работать его дети и внуки. В современной России эта модель предприятия-дома выглядит надежной крепостью, которая защищает работника от тягот реформ и прежде всего от порождаемой ими неопределенности и неуверенности.

Большинство крупных предприятий, имеющих корпоративные издания, расположены, как мы уже отмечали, в небольших городах. Обычно такие предприятия и относятся к градообразующим. Стабильное существование, в котором отсутствие изменений — благо, как правило, является ценностью не только для работников предприятия, но и для всех городских жителей, что подтверждает анализ содержания городской и районной прессы (см. об этом: [Чепкина 2004]).

Рухнувший на уровне государства миф об уверенности каждого гражданина в завтрашнем дне жив на уровне крупного предприятия. Корпоративная пресса пестует модель «государства в государстве», где «малое государство»-предприятие обещает человеку социальные гарантии, которых не дает государство большое. Взамен оно требует безусловной лояльности работника, угрожая возможным «изгнанием из рая». Увольнение, уход работника из коллектива крупного предприятия оценивается как событие для человека трагическое:

Очень многие предприятия не нашли себя в рынке, разорились... А люди, соответственно, потеряли работу. Без больших человеческих трагедий не обошлось. Кто в торговлю ушел, кто в депрессию... (Три «кита» успеха // Соль земли. г. Березники. 2005. 15 июля).

Примечательно, что трагедия видится не в самом факте потери работы, а именно в уходе с крупного предприятия: торговля — это

тоже работа, депрессия — психологическое состояние, которое может наблюдаться и у работающего, и у безработного.

В свете понимания коллектива предприятия как семьи согласие, чувство единства — одна из высших ценностей. Вот, например, теплые воспоминания о трудном времени после войны:

Памяти дорого это нелегкое и интересное послевоенное время... И пусть часами стояли в очередях за хлебом, а праздники отмечали за скромным столом, но дружно и душевно. А беда — только плачивала людей (По дороге на Берлин // Сигнал. г. Пермь. 2005. № 4).

Похожим образом отмечается благо включенности в коллектив и применительно к более поздним периодам, годам реформ. Беседуя с корреспондентом газеты о значении *главного праздника нашей компании — Дня фирмы*, одна из работниц говорит:

В июне исполняется 38 лет, как я работаю на флотофабрике. Так что с «Уралкалем» у меня связана вся жизнь... Много менялось в эти годы: флотофабрика объединялась с химфабрикой, менялись начальники, модернизировалось оборудование, но самое главное — оставался коллектив, который стал родным («Уралкалий» — это... // Соль земли. г. Березники. 2005. 15 июля).

Включенность в коллектив утверждается и в качестве ценности, компенсирующей, например, тяжелые условия работы:

Условия труда в цехе легкими не назовешь. Но она привыкла. К тому же коллектив хороший. «Если надо, во всем помогут, — уже очень серьезно сказала наша героиня. — Работу и сейчас другу предлагают, но я уходить не хочу». (Лучший рабочий // Магниевик. г. Соликамск. 2005. 5 авг.).

Уверенность в тех, кто рядом, сегодня стремительно исчезающая за пределами предприятия, здесь старательно подчеркивается.

Концепция неразрывности жизни предприятия и его работников, в том числе уже вышедших на пенсию, оказывается на первом плане и в публикациях, посвященных свободному времени, занятиям в сфере досуга. Вот короткая заметка о встрече пенсионеров — ветеранов предприятия:

Не очень часто собираются вместе те, кто не один десяток лет отдал родному заводу; кто и сейчас живет его достижениями и всей душой переживает за СМЗ. Поэтому и разговорам не было конца... Зато слышали бы вы, читатели, какие тосты произносили уважаемые ветераны — здравицы в честь завода и до сих пор «своих» цехов! (Почет — «Почетным»! // Магниевик. г. Соликамск. 2005. 22 июля).

А вот часть рассказа о большом корпоративном празднике — шоу-конкурсе «АВИСМЫ» «Мистер Титан-2005»:

Конкурсантам предстоит проявить не меньше добродетелей, чем рыцарям средневековья: доказать преданность даме сердца - АВИСМЕ...

Котельщик Алексей Акулов и слесарь-сантехник Сергей Шабанов читают слова гимна в ритмах рэпа, электромонтер Сергей Калыкин воспекает любимую работу в жанре городского романа... Особенно впечатляет эмоциональный выход электрика Ивана Кочерги с блистательной одой профессии и жизнеутверждающей концовкой: «Я освещаю словно Прометей дела любимой мамы — АВИСМЫ!» ...Атмосфера единения, всеобщей радости и любви к родному предприятию напоминает лучшие заводские традиции прошлых лет (Титаны и поклонники... // Металлург. г. Соликамск. 2005. 9–15 июля).

Восторженно описанный праздник подчинен целям воспитания духа единой корпорации. Примечательно, что любовь к предприятию ассоциативно связывается с любовью к женщине, точнее с возвышенным рыцарским поклонением прекрасной даме, а также с любовью к матери (мамушке-АВИСМЕ). Оба ассоциативных ряда отсылают к интимно-личностным отношениям.

Газетная информация о частной жизни работников (в реальной, а не метафорической семье) также обычно имеет мотивировку, как-то связанную с жизнью предприятия. В качестве иллюстрации процитируем интервью с победительницей заводского конкурса «Краса Мотовилихи» в номинации «Мамино сердце»:

— Олеся, какая она, твоя семья?

— Думаю, обычная. Только большая. Наши сыновья живут и общаются как обыкновенные пацаны. Иногда ссорятся, но всегда держатся друг за дружку: вместе гуляют, играют, катаются на велосипеде. <...>

— Что ты сама ценишь больше всего?

— Самая большая ценность — отношения в нашей семье. Единение, умение жить дружно. Например, в этом году мальчишки хором заявили, что вместо летней поездки на море они выбирают ремонт в квартире. Бывает, возникают разногласия, без них не обойтись. Но все мы стараемся идти друг другу навстречу, в чем-то уступить и поскорее найти единое мнение (Вот такая мама — загляденье прямо! // Мотовилихинский рабочий. г. Пермь. 2005. 18 июня).

Как видим, ценности согласия, объединения одинаково подчеркиваются применительно к производственной и частной жизни. Если говорится о ссорах, то только через «но».

Следует отметить, что идеал согласной, без ссор, жизни имеет прочные исторические корни. Приведем наблюдения А. Н. Кушковой из статьи «К анализу представлений о семейной ссоре», выполненной на материале фольклора, отсылающего к крестьянской культуре. Так, относительно мифологических представлений, отраженных в гаданиях о замужестве, она пишет: «Примечательно, что ссора является самостоятельной категорией в этих гаданиях и входит в один ряд с такими

концептами, как сама женитьба, смерть, бедность, богатство, что, очевидно, свидетельствует о ее значимости в представлении носителей традиции» [Кушкова 1999: 102]. Здесь отмечено также концептуальное представление о предрасположенности семьи к ссорам и необходимости приложения усилий, в том числе магических, чтобы возникновения ссоры избежать. В целом ссора «задается как одна из нормативных процедур для... жизни мужа и жены» [Там же: 111]. Ритуалы примирения при этом реализуют принцип «двое как один», семья как одно целое.

Думается, что и в описании полной согласия и единства жизни коллектива предприятия есть отчасти магическая задача предотвратить или, по крайней мере, сделать незаметными реальные конфликты и разногласия. Настойчивое подчеркивание согласия может быть свидетельством того, что поддержание согласия и единства все же представляется проблемой, потому что, как указывает немецкий социолог Никлас Луман, моральная норма манифестируется в СМИ именно тогда, когда возникает ощущение, что ее соблюдение — под угрозой: «...мораль в нормальных обстоятельствах совершенно не нужна, она является неизменным симптомом проступающих патологий» [Луман 2005: 125].

Невыделение себя из группы — важная часть следования ценности согласия. Эту черту манифестируют отдельные дискурсивные практики. Вот рассказ о работнике, которого наградили за спасение человека на пожаре. На вручение благодарственного письма его пришлось заманивать:

Ничего он вам не расскажет --- не любит шумихи вокруг себя, — предупредили нас в цехе. — Мы даже не скажем ему, зачем вызываем «на оперативку», иначе не придет (Спас человека // Магниевики. г. Соликамск. 2005. 5 июля).

Даже в контексте производственного соревнования смыслы реального соперничества отвергаются. Опубликованный под рубрикой «Твои люди, “Сильвинит”!» текст посвящен тому, что одна из бригад рудника поставила рекорд. Но, несмотря на информационный повод, смысл рекорда все время заглушается:

«Такая бригада у нас на руднике не одна, -- говорит и. о. начальника рудника РУ-3 А. М. Шпилевой. — Рекорды ставит то одна, то другая бригада. Сегодня наступило время бригады Мальцева, слаженного, профессионального коллектива. <...> Рекорд бригады — это успех всего коллектива участка № 5 — ИТР, ремонтной службы, успех рудника. И, конечно же, коллектива бригады. Начальнику вторит бригадир: «И этот показатель — не предел, --- говорит Павел Александрович. — И эти тон-

ны "побьют". Главное, у нашего коллектива есть стремление работать, совершенствоваться». А значит, рекорды будут снова и снова (От настроя к рекорду // Закалий. г. Соликамск. 2005. 15 июля).

Тот же мотив исключения соперничества звучит в словах работницы предприятия, победившей в соревновании за право быть представленной на заводской Доске почета:

Виновница награждения, прощаясь, смущенно сказала: «Говорят, что мне даже премия какая-то положена. Значит, угощу коллег чаем с тортиком. Они не менее моего достойны награждения – вместе мы одна команда. Без нашей взаимовыручки и я бы ничего не получила (Каждый день приносит что-нибудь новое // Сигнал. г. Пермь. 2005. № 5).

Аналогичное разрушение смысла соревнования как соперничества присутствует и в текстах не производственной, а городской или районной тематики. В опубликованном корпоративной газетой тексте о решении возродить соревнование между соседними районами Пермской области сказано:

Руководители не так далеко расположенных друг от друга районов — Верещагинского и Нытвенского — решили возродить некоторые хорошие традиции былых времен и организовать соревнование между территориями. Конечно, оно отличается от соревнования прошлых лет. Здесь нет стремления выяснить, у кого лучше тот или иной показатель, а преобладает желание поделиться опытом, вместе искать и находить пути решения самых насущных проблем (Обмен опытом — явление положительное // Прокатчик. г. Нытва. 2005. 8 июля).

Эту черту общества, устроенного по типу семьи, отмечает Ханна Арендт: «...общество... точно так же, как прежде сфера... семьи, исключает действие в смысле свободного поступка. Его место занимает поведение, которое... ожидается от всех его [общества] членов и для которого оно [общество] предписывает бесчисленные правила, все сводящиеся к тому, чтобы социально нормировать индивидов, сделать их социабельными и воспрепятствовать спонтанному действию, равно как выдающимся достижениям. <...> ...Семейственно свойское окружение людей, принадлежащих к нашим, не только никогда не смогло бы убедительно подтвердить превосходство, но оказалось бы прямо-таки подорвано стремлением выделиться из всех» [Арендт 2000: 54, 64].

Здесь мы снова видим, что корпоративная «семья» — это всегда иерархически организованное единство, где все подчинены общему интересу, который определяет руководитель — «глава семьи».

Особая группа дискурсивных практик, манифестирующих язык согласия в корпоративной прессе, связана с самой манерой построения речи. Для говорящего в рамках такой практики типично заранее

предполагать полное согласие адресата. Или «с легкостью» опровергать возможные возражения. В сущности, при таком построении речи согласие адресату навязывается, ему как бы не оставляют выбора:

Проекты, связанные с модернизацией, строительством нового рудника, новой обогатительной фабрики, уже не мечты, а реальность. И те долги, которые мы возвращаем производству, людям вернутся сторичей... Это не сделает за нас никто. Мы -- делаем! И даже скептики не смогут не согласиться, что это не кампанейщина, а планомерная работа. <...> Не погрещу против истины, если скажу, что сейчас в России предприятий с такой большой социальной нагрузкой, как у «Уралкалия», осталось немного. <...> Поправьте, если ошибусь, но каждый год в канун Дня фирмы приходится слышать отдельные мнения, что деньги на праздники тратить не стоит, лучше бы поделить эти средства на всех калейщиков. Вообще говоря, не такой уж завидной будет «премия», поделенная на 13 тысяч человек. Но даже не о том хочу сказать. Большое предприятие, маленькое предприятие и семья функционируют по весьма сходной экономической модели. Есть доходная часть, есть расходная. Я не встречал семьи, которые отказываются от праздников... Есть праздники, которые каждый цивилизованный человек отмечает. Есть большие вехи в жизни любой семьи, когда хозяйка и хозяин стараются накрыть стол так, чтобы и гостям и им самим было приятно. При этом никто в уважающей себя семье не скажет, что лучше сэкономить. Наш День фирмы разве не событие для коллектива? А кто хорошо работает, тот хорошо отдыхает -- эту истину не опровергнуть» (Три «кита» успеха // Соль земли. г. Березники. 2005. 15 июля).

Как видим, речь одного из главных руководителей предприятия насыщена сигналами ее «истинности» и бессмысленности возможного несогласия.

Те же риторические приемы — в речи руководителя другого предприятия:

Рост заработной платы на Мотовилихе может происходить, только если растут объемы производства, увеличивается производительность и эффективность труда. Я думаю, это не может вызвать раздражения у заводчан... Вывод, я думаю, однозначен: надо искать заказы, набирать объемы -- тогда и зарплата будет расти («Как работаем, так и получаем») // Мотовилихинский рабочий. г. Пермь. 2005. 4 июля).

Язык согласия как стремление выразить мнение, которое должно быть разделено всеми, которое нельзя опровергнуть, присущ не только руководителям. Аналогично строятся высказывания рядовых работников предприятия и самих журналистов или публикуемая в газете речь:

Спорим друг с другом иногда, не без этого. А так в основном здоровые, хорошие отношения («Что хорошо “Мотовилихе” — хорошо России») // Мотовилихинский рабочий. г. Пермь. 2005. 18 июня).

Или вот как подводятся итоги в тексте, включающем советы по выбору косметических средств:

Так что, дорогие женщины, делайте для себя собственные выводы, а они напрашиваются сами по себе и, надеюсь, единственно верные (Правда о липосомах // Городъ: г. Лысьва. 2005. 27 мая).

Здесь присутствует типовая, стереотипная, но внутренне противоречивая логическая схема: собственный вывод адресата напрашивается сам собой, потому что вывод может быть только один.

Те же смыслы — в выступлении газеты с критикой в адрес городской власти:

По моему мнению, и, скорее всего, все со мной согласятся, пик падения отрасли пришелся как раз на период руководства нынешнего главы города С. Сертакова (Кто будет отвечать? // Рабочая жизнь. г. Александровск. 2005. 23 июня).

Любопытно, что риторические правила «согласного» общения выводятся в корпоративной прессе и на уровень рефлексии:

Моя жизнь и моя работа — это одно целое. Вот отремонтируешь станок, и гордость берет, все внутри радуется: получилось! — поясняет С. Яшурич. — А радуется, потому что все с молодости знакомо, родным стало. Ср.: Возможно, не все так хорошо удавалось бы Сергею Анатольевичу, если бы не одна очень важная черта характера — умение находить с людьми общий язык. Жить со своим коллективом в ладу помогает именно взаимопонимание и уважение. Тогда рядом работающие люди становятся хорошими знакомыми, друзьями, почти родными.

Слесарь-ремонтник А. Вершинин рассказывает о Сергее Яшуричине:

...Да у Сергея душа болит за работу. Он простой человек, не зазнается, с людьми умеет общаться (Работа — судьба моя // Рабочая жизнь. г. Александровск. 2005. 23 июня).

Подводя итоги, следует сказать, что язык согласия манифестирует тот тип общения, который оформляет отношения единства (прежде всего идеологического), единогласия. Это скорее «кваситолерантная коммуникация, загоняющая конфликт внутрь» [Купина 2004: 44], которая хорошо согласуется с предлагаемой корпоративными газетами мифологизированной моделью предприятия как надежного, стабильного дома для работника.

Язык вражды и язык согласия — ложная оппозиция, если рассматривать ее как вариант противопоставления интолерантности и толерантности. В согласии есть смысл, близкий толерантности. Приставка со- отсылает нас к соприсутствию, одновременности, совместности. Но здесь звучит и соединение, общий хор, слияние голосов. Язык согласия и язык вражды могут выступать как две стороны одной медали: согласие со «своими» и одновременно вражда по отношению к

«чужим». Формируется своего рода закрытая идентичность, связывающая в нечто единое всех работников предприятия: конструируется специфический социальный образ, отделяющий работников данного предприятия от остальных, например от жителей города, не работающих на предприятии. Эта закрытая идентичность плохо стыкуется с идеалом толерантности: как равенства в различии (см. об этом: [Керимов 2005: 40]).

Если попытаться определить, каким мог бы быть язык, соответствующий духу толерантности, наверное, его можно было бы обозначить как язык разногласия. Здесь разногласие — это разноголосие, т. е. одновременное звучание разных голосов. *Многоголосие* — еще одно слово, которое можно рассмотреть как пригодное для выражения смыслов толерантности. Но *разноголосие* кажется более подходящим словом. Многие голоса могут говорить одно и то же, сливаться в согласный хор. Разноголосие тоже предполагает совместность, но совместность как пространство, рождающее общий язык, общий дискурс, в котором разные голоса не исчезают, не сливаются друг с другом — говорить может любой находящийся в поле данного дискурса.

Это не значит, что разноголосый дискурс лишен проблем. Просто проблемы здесь — иного свойства. Выдающийся социолог Зигмунт Бауман подчеркивает: «Современное человечество говорит разными голосами, и мы знаем теперь, что это надолго. Центральный вопрос нашего времени заключается в том, как превратить полифонию в гармонию и предотвратить ее вырождение в какофонию. Гармония не есть единообразие; она всегда является переплетением различных мотивов, каждый из которых имеет собственное звучание и именно этим звучанием поддерживает общую мелодию» [Бауман 2002: 118].

Слышать другой голос, учитывать другой голос, принимать во внимание разноголосие дискурса — вот что можно было бы предложить вместо идеала конформистского согласия, подавляющего, игнорирующего различие.

Источники материала

Вот такая мама --- загляденье прямо! // Мотовилихинский рабочий. г. Пермь. 2005. 18 июня.

Каждый день приносит что-нибудь новое // Сигнал. г. Пермь. 2005. № 5. «Как работаем, так и получаем» // Мотовилихинский рабочий. г. Пермь. 2005. 4 июля.

Кто будет отвечать? // Рабочая жизнь. г. Александровск. 2005. 23 июня.

Лучший рабочий // Магниевики. г. Соликамск. 2005. 5 авг.

- «Моя семья и моя работа» // Рабочая жизнь. г. Александровск. 2005. 14 июля.
- Обмен опытом — явление положительное // Прокатчик. г. Нытва. 2005. 8 июля.
- От настроя к рекорду // За калий. г. Соликамск. 2005. 15 июля.
- По дороге на Берлин // Сигнал. г. Пермь. 2005. № 4, апр.
- Почет — «Почетным»! // Магниевики. г. Соликамск. 2005. 22 июля.
- Правда о липосомах // Городъ. г. Лысьва. 2005. 27 мая.
- Работа — судьба моя // Рабочая жизнь. г. Александровск. 2006. 23 июня.
- «Семейные узы — рабочие узы» // За калий. г. Соликамск. 2005. 22 июля.
- Спас человека // Магниевики. г. Соликамск. 2005. 5 авг.
- Титаны и поклонники... // Металлург. г. Соликамск. 2005. 9–15 июля.
- Три «кита» успеха // Соль земли. г. Березники. 2005. 15 июля.
- «Уралкалий» — это... // Соль земли. г. Березники. 2005. 15 июля.
- Четвертая высота Виктора Трифонова // Металлург. г. Соликамск. 2005. 9–15 июля.
- «Что хорошо “Мотовилихе” — хорошо России» // Мотовилихинский рабочий. г. Пермь. 2005. 18 июня.

Л. В. Енина

Представители власти в текстах уральских СМИ: вражда и согласие

Цель данного исследования заключалась в том, чтобы выявить базовые характеристики представителей современной российской власти на основе анализа сюжетных ролей в журналистских текстах региональных СМИ Урала.

В исследовании применялся дискурсивный анализ, опирающийся на теорию дискурса Мишеля Фуко [Фуко 1996] (см. также: [Кожина 2004]). В соответствии с концепцией М. Фуко описан российский политический дискурс [Шейгал 2000] и русский журналистский дискурс [Чепкина 2000]. Опираясь на результаты указанных исследований, мы стремились выявить специфику создания образа представителей власти, выступающих в функции персонажей журналистского текста как составляющей публичного дискурса. Средства массовой информации самым тесным образом связаны с политическим дискурсом и являются его неотъемлемой частью.

Мы исходили из того, что персонаж в тексте выполняет определенную сюжетную роль. Сюжетную роль мы соотносим с функцией персонажа сказки у В. Проппа. Под функцией В. Пропп понимает сегменты действия персонажа, устойчивые элементы сказки. Функция может выступать в бесчисленных конкретных формах, которые встречаются во всех сказках, и может быть определена независимо от персонажей, выполняющих эти действия [Пропп 1969] (см. также: [Рикер 2000]). Сюжетная роль в журналистском тексте выявляется в том случае, если текст имеет драматургическую основу, содержит конф-

ликт. Мы рассматривали три воплощения сюжетной роли: виновник зла, спаситель, жертва, при этом лингвистические средства выражения ролей могут быть как нейтральными, так и оценочными. При нейтральном стиле изложения конфликта оценочное отношение к персонажам аудитория легко формирует самостоятельно.

Сюжетная роль персонажа выявляется с помощью данной ему в тексте характеристики. Основной способ выделения персонажа из общего ряда — выбор имени-характеристики (*здоровые политические силы, коррумпированная губернская верхушка, управленец-хозяйственник, мэр-политикан*), указывающего на его отнесенность к той или иной группе политических сил. Наряду с номинациями характеристика персонажа может складываться из указания на определенные качества (*неподкупный, ответственный, честный*), тип поведения (*скандалист*), аналогии с другими персонажами (*выступили с совместным заявлением, заняли противоположные позиции, проголосовали против*). Для персонажей, соотносимых с конкретными личностями, базовым является имя собственное, а оценочные характеристики несут вторичные наименования, сопровождающие имя. Характеризующие наименования обычно указывают на те качества персонажа, которые значимы для доказательства главного тезиса автора, для сопоставления этого персонажа с другими или для противопоставления другим.

Рассмотрим как пример фрагмент из новостной программы «Итоги дня» (анализируем только речь персонажей, исключая видеоряд). Это текст, построенный как конфликт, в котором персонажи наделяются конкретной ролью — виновника зла, спасителя и жертвы.

Журналист: *В Екатеринбурге сегодня проходит театральный форум. Главная тема обсуждения — грядущая театральная реформа. Государство планирует принять законопроект, согласно которому театры станут автономными учреждениями культуры или государственными специализированными некоммерческими организациями. В. Мишин, начальник отдела театрального искусства Федерального агентства по культуре: Государство предлагает такие организационно-правовые формы, когда никто доходы театра считать не будет, можно их тратить в соответствии с Уставом театра. И. Скворцов, артист ТЮЗа: Это разрушение театра!* Журналист: *Представители Союза театральных деятелей России, участники форума намерены направить обращение в Российское правительство против этого законопроекта. Госдума намерена принять закон до Нового года* (4 канал. Итоги дня. 2004. 2 нояб.).

В данном тексте интересующий нас персонаж — представитель вла-

сти — назван обобщенно: государство, Госдума. Действие персонажа: подготовка законопроекта о реформе театра. Негативная характеристика действия *это разрушение театра* позволяет присвоить персонажу Госдума сюжетную роль виновника зла. Жертва — российские театры и персонально актеры, представители Союза театральных деятелей России. Роль потенциального спасителя выполняет российское правительство, к которому жертва намерена направить обращение.

Нельзя говорить об однозначной связи сюжетной роли и оценки персонажа. Встречаются тексты, в которых персонажу дана положительная или отрицательная оценка без сюжетной роли, и тексты, в которых одна и та же сюжетная роль, например спасителя, может сопровождаться разными оценками или не оцениваться совсем.

Если журналистский текст не содержит конфликта и сюжетные роли не выявляются, то все равно персонажи имплицитно или эксплицитно подвергаются оценке со стороны журналиста. Например:

Эдуард Россель сохранил свое место в списке ста ведущих политиков России по итогам октября 2004 года. Наиболее влиятельных политиков определяет путем опроса центр исследований общественного мнения «Глас народа». Опрос проводится по заказу «Независимой газеты». Его итоги по октябрю публикуются в номере «НГ» от 1 ноября 2004 года. Эдуард Россель делит 77–78 места, это выше, чем было в сентябре. Следует заметить, что в списке ста ведущих российских политиков присутствуют всего 13 глав регионов (опубликован список ведущих политиков России. — Л. Е.) (Областная газета. 2004. 4 нояб.).

В данном тексте нет драматургического сюжета, отсутствует конфликт, поэтому персонаж «Эдуард Россель» не имеет сюжетной роли. Положительная характеристика складывается на основе объединения губернатора с ведущими политиками России, влиятельными политиками России.

Представители власти как персонажи журналистских текстов рассматриваются нами в аспекте вражды и согласия. Проявления вражды и согласия представителей власти интерпретируются как структурные позиции в тексте: каким персонажам они противопоставляются и с какими персонажами объединяются. С этой точки зрения для выявления закономерностей дискурса важны и сюжетная роль персонажа в тексте, содержащем конфликт, и оценка персонажа в тексте, не имеющем драматургической основы.

Методика анализа сюжетной роли персонажа в тексте позволяет выявить закономерности закрепления сюжетной роли за определенными персонажами в дискурсе. Закономерность распределения сюжетной роли персонажа в журналистском тексте обусловлена общи-

ми для дискурса СМИ текстопорождающими практиками. «Важно учитывать, что дискурсивная практика является повторяющейся. Это означает, что она не создается коммуникантами, а лишь воспроизводится ими» [Чепкина 2000: 23]. Подчеркнем, что, с одной стороны, предложенная методика выявляет закономерности, не зависящие от ориентации и статуса конкретного СМИ. С другой, — дает возможность проследить различия в идеологических (или в любых других) подходах конкретных СМИ. Обычно эти различия связаны с политической ориентацией издания. Последняя зависит от региональной политической ситуации.

Анализ региональных СМИ показал, что в речи журналистов оценка персонажа заметно уступает место нейтральной подаче: безоценочные наименования персонажей и нейтральный стиль их характеристики преобладают. Безусловной закреплённости какой-либо сюжетной роли за представителями власти в текстах региональных СМИ не обнаружено.

Интересным оказался тот факт, что в региональных СМИ разделение по ветвям власти оказалось не слишком существенным: значимых отличий в характеристиках исполнительной, законодательной, судебной властей не выявлено. Исключение составляют милиция и прокуратура, которые практически всегда выступают в роли спасителей. Конфликтов, противоречий между ветвями власти, отчетливо различных позиций по какой-либо общественной проблеме в проанализированных текстах СМИ не зафиксировано. Зато легко выделяются в отдельные группы, имеющие повторяющуюся позицию в тексте и устойчивую сюжетную роль, представители власти разных уровней: федеральной, окружной, областной (региональной), городской. Исключение составляют правоохранительные органы, которые выступают «единым фронтом» и для которых деление по уровням власти несущественно. Отметим, что конфликты, проблемы в правоохранительных структурах местными журналистами не освещаются. Создается впечатление отсутствия внутренних противоречий.

Наиболее частотными персонажами рассмотренных нами текстов оказались представители региональной власти. Заметно выделяются первые лица: губернатор Свердловской области Э. Россель, мэр Екатеринбурга А. Чернецкий, глава правительства Свердловской области А. Воробьев, глава Законодательного собрания Свердловской области Н. Воронин.

Частотны противопоставления персонажей областного и городского (в первую очередь это касается Екатеринбурга) уровней. Сюжет-

ные роли виновников зла и спасителей распределяются в текстах в зависимости от прогубернаторской или промэрской ориентации СМИ.

«Свои» в ангажированных СМИ выполняют сюжетную роль спасителя, наделяются положительными чертами, их образы укрупняются и вырастают до государственного или даже международного масштаба.

Самый частотный персонаж региональных СМИ — губернатор Э. Россель. Прогубернаторские СМИ представляют Э. Росселя как крупного федерального и международного политика — постоянно публикуются отчеты о международных контактах, зарубежных поездках, встречах с ведущими политиками страны и мира:

Россель провел день в Штутгарте, по поручению правительства и просьбе немецкой стороны выступил с докладом, где коснулся вопроса взаимоотношений власти и бизнеса в его малых и средних формах (ТАУ. 8 ровно. 2004. 5 нояб.).

В данном сюжете губернатор включен в один ряд не только с главой российского правительства М. Фрадковым, министром экономического развития РФ Г. Грефом, но и с канцлером Германии Г. Шредером. Визит в Германию Э. Росселя в составе российского правительства широко освещался в региональных СМИ. Интересно, что в «Областной газете» от 5 ноября 2004 года опубликована фотография: рядом стоят Г. Шредер, Э. Россель и В. Путин, при этом указана дата снимка — 2003 год. Несмотря на годичную давность, фотография поддерживает образ губернатора как политика международного масштаба. Персонаж «губернатор» обнаруживает согласие с персонажами — представителями федеральной власти. Конфликты между областной и федеральной властью в журналистских текстах не освещаются.

Рассмотрим сюжетную роль спасителя, в которой выступает персонаж «губернатор», на примере следующего фрагмента из теленовостей «8 ровно». Во фрагменте дана информация о встрече губернатора с журналистами уральских СМИ. Прямая речь губернатора:

Я подготовил докладную на имя Президента о развале завода заводов («Уралмаш». — Л. Е.). Я подключу все связи вплоть до Генеральной прокуратуры и предупреждаю их... продают, растаскивают государствообразующее предприятие в пользу семейного бюджета кого-то... (ТАУ. 8 ровно. 2004. 29 окт.).

Роль спасителя (в данном случае завода «Уралмаш») от виновников зла, которые остаются не названными, принадлежит губернатору и отражается в его собственных словах и в словах журналиста. Это говорит об общей практике присвоения власти роли спасителя в публичном дискурсе.

В прогубернаторских СМИ среди представителей власти отрицательная оценка, сопровождающая сюжетную роль виновника зла, устойчиво присваивается мэру Екатеринбурга А. Чернецкому.

Чернецкий, сообщает «Урал-регион» со ссылкой на свои московские источники, зачастил в Москву, возжелав губернаторского кресла. Екатеринбургский градоначальник пытается выяснить, сколько будет стоить кресло губернатора такого региона, как Свердловская область... Чернецкий и Тунгусов стучатся во все двери: первый доказывает лояльность Президенту. Тунгусов подкрепляет слова Чернецкого деньгами (ТАУ. 8 ровно. 2004. 4 нояб.).

В этом фрагменте персонаж «Чернецкий» наделяется желанием занять должность губернатора путем подкупа московских чиновников. Вражда проявляется на уровне противопоставления губернатора Свердловской области и мэра Екатеринбурга.

В СМИ, открыто поддерживающих мэра Екатеринбурга, персонаж А. Чернецкий обладает только положительными характеристиками.

О том, как улучшить дорожно-транспортную ситуацию в условиях недостаточного финансирования этой программы со стороны региональных властей, шла речь на одном из заседаний коллегии администрации города. Заслушав информацию специалистов, а также предложения администраций всех семи районов города, мэр Аркадий Чернецкий поручил соответствующим службам сформировать четкий перечень конкретных малозатратных мероприятий по стабилизации обстановки на дорогах (Не построишь — не поедешь... // Уральский рабочий. 2004. 5 нояб.).

В этом тексте сюжетную роль виновника зла выполняет обобщенный персонаж «региональные власти», действия которого оцениваются отрицательно: недостаточное финансирование программы по улучшению дорожно-транспортной ситуации. Роль спасителя принадлежит мэру А. Чернецкому. Заметим, что действия этого персонажа формальны: поручил сформировать перечень мероприятий. В отдельных случаях почтительность, которую демонстрируют журналисты к главе города, обуславливает стилистику неконкретного образа мудрого руководителя, в то время как малозначительные детали бессодержательны и даже могут вызвать комический эффект:

...слова главы Екатеринбурга А. Чернецкого явно попали в яблоčko, поскольку зал взорвался аплодисментами (Стартовая площадка для чемпионов // Уральский рабочий. 2004. 2 нояб.).

Согласие, по данным региональных СМИ, обнаруживается между мэром и представителями районных администраций. Значительно реже мэр Екатеринбурга, в отличие от губернатора, объединяется с персонажами федеральной власти.

В начале ноября 2004 года все региональные СМИ обсуждали толь-

ко что проведенный в здании администрации Екатеринбурга обыск, в течение недели эта тема обязательно присутствовала в программе «Новости в наступлении» телеканала «Студия-41», относящегося к промэрским СМИ. На наш взгляд, освещение этого события отражает свойственные телеканалу общие тенденции формирования образа муниципальной власти.

Рассмотрим динамику освещения этой темы в программе «Новости в наступлении». Во всех сюжетах на эту тему присутствовали два основных персонажа власти: *администрация Екатеринбурга* и *правоохранительные органы* (в текстах: *силовики, несколько человек в штатском, обыскивающие*). В первый день правоохранительные органы были охарактеризованы с точки зрения психологического состояния: ... силовики выглядели растерянно; Их напряжение было так велико, что ни один из них не смог объяснить, что и зачем происходит; участники тотальных досмотров и сами не знали, зачем их отправили в городскую администрацию; зачем-то требовали выдать им постановления, которые публиковались в газетах. Персонаж «правоохранительные органы» выступает в текстах журналистов как исполнитель чьей-то злой воли. *Администрация Екатеринбурга* наделяется сюжетной ролью жертвы с положительной оценкой. Номинации этого обобщенного персонажа претерпели изменения в течение недели — вначале произошла конкретизация: *администрация Екатеринбурга* была представлена как *жилищный комитет администрации Екатеринбурга*, а впоследствии трансформировалась в образ *одного из клерков этого отдела*. В журналистских текстах персонаж «администрация Екатеринбурга» дистанцировался от персонажа «работник администрации, подозреваемый в совершении преступных действий». В текстах, подытоживающих эту тему, персонаж «администрация города» объединился с персонажем «правоохранительные органы» на основе защиты законности и общей цели: *администрация города содействует проведению этих действий, поскольку были предъявлены корректные документы.* Высказывание пресс-секретаря главы города усиливает эффект согласия: *Мы тоже заинтересованы в чистоте рядов наших сотрудников, как и в предыдущие годы.* Сохраняется общая положительная оценка городской администрации, но при этом сюжетная роль жертвы сменилась на сюжетную роль спасителя: *соблюдает чистоту рядов своих сотрудников.* Интересно, что в текстах на эту тему сюжетная роль виновника зла осталась незаполненной. Умолчание о том, кто инициировал действия прокуратуры Ленинского района Екатеринбурга, провоцирует зрителя на то, чтобы

сюжетная роль была заполнена как обычно, в соответствии с привычным распределением сюжетных ролей: виновником зла в программе «Новости в наступлении» чаще всего выступает обобщенный персонаж «областная власть». Информации в текстах журналистов о конфликтах между муниципальной и федеральной властями нами не зафиксировано.

Помимо конкретных персонажей — Э. Росселя и А. Чернецкого — в текстах региональных СМИ широко представлены обобщенные персонажи: *государство, власти, чиновники*. Например:

Как правило, виновато в этом (в росте цен. — Л. Е.) бывает уже само государство. Проиндексировав зарплаты бюджетникам, власти как огня начинают опасаться роста уровня инфляции. Как его остановить? Очень просто — поднять цены. Прежде всего опять же на нефть, газ и энергию. На то, что в большей степени находится под контролем государства (Их снова спустили с поводка // Уральский рабочий. 2004. 5 нояб.).

В следующем примере журналист использует отсылку к типичным высказываниям, отражающим стереотипность отрицательной оценки власти в публичном дискурсе:

...Надо отметить, что критиковать власти за мизерные детские пособия сейчас очень модно. На этом зарабатывают себе политические очки не только наши депутаты-оппозиционеры (в областной Думе. — Л. Е.), но и федеральные» (На детей денег жалко? // АИФ-Урал. 2004. № 44).

Активны в текстах обобщенно-конкретизированные образы персонажей: областные власти, депутаты, муниципалитеты. В рамках критики областной власти в ряде публикаций поддерживается отмена президентом выборов губернаторов и используется противопоставление областной и федеральной властей, указывается на вред для государства деятельности региональных властей:

Возникающая угроза (для региональных властей. — Л. Е.) адекватно воспринята в «байских» республиках правящими там кланами. ...В Свердловской области предпочитают не делать резких движений, а сосредоточились на сохранении ранее завоеванного. Причем того, что в корне противоречит духу президентских реформ государственной власти (Регионы просят огня // Уральский рабочий. 2004. 5 нояб.).

Персонаж «областная власть» противопоставляется обобщенному неконкретизированному персонажу «государственная власть».

Конкретные представители власти федерального уровня, как правило, присутствуют в текстах уральских СМИ либо как показатель российского масштаба регионального политика, либо как носитель авторитетного мнения.

Например, текст о том, что в Кургане прошел конкурс на лучшего хлебопека области, журналист заканчивает ссылкой на высказывание С. Жулева, заместителя начальника Управления хлебной инспекции Правительства РФ по Курганской области:

...Требования к мелким и крупным производителям (хлебобулочных изделий. — Л. Е.) должны быть одинаковыми: высокий уровень продукции (Вести-Урал. СГТРК. 2004. 9 нояб.).

Сюжетной роли этот персонаж не имеет и появился в тексте в качестве носителя авторитетного мнения, хотя цитируемые слова этого и подобных персонажей не что иное, как выражение тривиальных истин.

Представители власти разных уровней в журналистских текстах часто являются носителями авторитетного мнения. В тексте «В знак благодарности ветеранам» речь идет о проведении в Свердловской области субботника перед празднованием Дня Победы, о том, что некоторые предприятия уже перечислили заработанные на субботнике деньги в Фонд содействия строительству поликлиники для реабилитации ветеранов войн. Заканчивается текст абзацем:

Первый заместитель председателя правительства Свердловской области Владимир Молчанов полагает, что субботник не только позволит ускорить строительство поликлиники, но и станет знаком внимания ко всем ветеранам (Строим вместе // На смену! 2004. 27 окт.).

Представители власти являются наиболее авторитетными лицами в журналистских текстах. По нашим наблюдениям, в региональных СМИ событие оценивается как важное, если оно одобрено властью.

Персонаж «президент РФ» выступает высшим авторитетом для региональных политиков, объединение с президентом является показателем значимости регионального политического деятеля. Сохраняется стереотип: во власти президента решить любые проблемы. Показателен, например, следующий сюжет:

Житель Челябинска заработал 300 тыс. долларов, выдавая себя за девушку, которая знакомится через Интернет с иностранцами с целью выйти замуж. Один из обманутых женихов написал Путину, чтобы узнать, заплатила ли «девушка» налоги с полученных от него 700 долларов (Итоги дня. 4 канал. 2004. 1 нояб.).

В данном тексте виновником зла предстает житель Челябинска, жертвой — иностранцы, спасителем — президент.

Персонаж «муниципальная власть», исключая администрацию Екатеринбурга, нечасто появляется в текстах журналистов, но при этом оценивается положительно. Муниципальная власть городов Свердловской области в качестве спасителя специализируется в адресной по-

мощи. Ср., например, слова управляющего Северным округом Ивана Грамматика в телеинтервью:

Все муниципалитеты обеспечили инвалидов войны дровами, освободили от коммунальных платежей (Вести-Урал. СГТРК. 2004. 30 окт.).

В данном примере сюжетная роль спасителя не имеет дополнительной оценки; положительная оценка задана самой сюжетной ролью. Персонаж «муниципальная власть» нередко играет роль жертвы:

Главы муниципалитетов оказались в роли дворников, которых наняли на работу, но не выдали инструмент... Градоначальники голыми руками пытаются поддерживать порядок... Глава Каменск-Уральского В. Якимов: «Наказать рублем не имеем права. Горожане перестают уважать местную власть» (Уральский рабочий. 2004. 3 нояб.).

Если между персонажами разных ветвей, уровней власти (помимо областной власти и администрации Екатеринбурга) установлены отношения согласия, то во взаимодействии персонажей «представители власти» и «представители бизнеса» проявляется вражда.

В прямой речи представителей власти моделируется асимметричная ситуация общения [Крысин 1989: 137], при которой соотношения социального статуса персонажей распределяются по оси «выше — ниже». С этой точки зрения интересен сюжет об установке итальянского оборудования на Нижнетагильском предприятии «Уралвагонзавод». Текст не содержит драматургического конфликта. Но персонаж «правительство области» играет сюжетную роль спасителя:

В. Молчанов: Самое главное, чтобы качество работы не зависело непосредственно от работника... т. е. машина должна быть умная — задали параметры, она их выдает. Журналист: Правительство области считает, что не все могут позволить себе перевооружаться (устанавливать новое оборудование. — Л. Е). Выход: объединение машиностроительных предприятий в холдинг. Правительство будет стимулировать этот процесс (Итоги дня. 4 канал. 2004. 3 нояб.).

Фиксируются несамостоятельность сферы бизнеса и необходимость направляющей роли власти (с точки зрения самой власти).

Нередки случаи неравноправных взаимоотношений между властью и бизнесом. Например, заместитель губернатора Курганской области по гуманитарной сфере и социальной политике А. Мазеин говорит:

Администрация области внимательно следит за соблюдением трудовых соглашений между работодателями и рабочими. Особенно участие власти становится заметным, когда речь идет о частных структурах, в которых произвол со стороны работодателей особенно заметен (Вести-Урал. СГТРК. 2004. 4 нояб.).

Персонаж «власть областная» (сюжетная роль спасителя и положительная оценка) противопоставляется обобщенному персонажу — *частным структурам* (сюжетная роль виновника зла и отрицательная оценка).

На уровне областной власти фиксируется противопоставление «власть — бизнес». Например, сюжет о расширенном заседании правительства Свердловской области включает обращение губернатора к собственникам предприятий области. Э. Россель *просил собственников проявить волю и улучшить финансово-производственные показатели*. Председатель правительства Свердловской области А. Воробьев говорит об учреждении приза для антилидера в бизнесе — чугунной гири и о том, что *будет наказывать чугунной гирей неэффективных собственников, тех, которые задерживают зарплату, уклоняются от налогов, разваливают сильные предприятия* (Вести-Урал. СГТРК. 2004. 4 нояб.). В данном сюжете не только содержательно, но и лексически (*будет наказывать*) заявлены неравноправные отношения власти и бизнеса, отношения руководителя и подчиненного. Также следует отметить, что в данном сюжете программы «Вести-Урал» не было приведено цитат из речи владельцев предприятий, самих собственников, выступавших на расширенном заседании правительства области, что еще раз подтверждает: журналисты не стремятся открыто показать конфликт представителей власти и представителей бизнеса. В текстах уральских СМИ взаимодействие власти и бизнеса манифестируется как иерархическое.

Итак, во всех проанализированных СМИ преобладает информация о представителях исполнительной власти. Согласие обнаруживается между представителями власти федерального и областного уровней, федерального и муниципального уровней. Вражда проявляется между представителями областной власти и представителями муниципалитета Екатеринбурга. Отношения власти и бизнеса также можно интерпретировать как враждебные. Считаем нужным подчеркнуть, что оценка власти в журналистских текстах имеет разнонаправленную тенденцию: обобщенный персонаж власти часто получает сюжетную роль виновника зла и оценивается отрицательно, а конкретный персонаж власти имеет сюжетную роль спасителя и оценивается положительно.

Источники материала

Вести-Урал. СГТРК. 2004. 30 окт.

Вести-Урал. СГТРК. 2004. 4 нояб.

Вести-Урал. СГТРК. 2004. 9 нояб.

Итоги дня. 4 канал. 2004. 1 нояб.

Итоги дня. 4 канал. 2004. 2 нояб.

Итоги дня. 4 канал. 2004. 3 нояб.

Новости в наступлении. Студия-41. 2004. 30 окт.

Новости в наступлении. Студия-41. 2004. 2 нояб.

Новости в наступлении. Студия-41. 2004. 4 нояб.

ТАУ. 8 ровно. 2004. 29 окт.

ТАУ. 8 ровно. 2004. 4 нояб.

ТАУ. 8 ровно. 2004. 5 нояб.

Визит в Германию // Областная газета. 2004. 5 нояб.

Их снова спустили с поводка // Уральский рабочий. 2004. 5 нояб.

На детей денег жалко? // АИФ-Урал. 2004. № 44.

Не построишь — не поедешь... // Уральский рабочий. 2004. 5 нояб.

Опубликован список ведущих политиков России // Областная газета. 2004.

4 нояб.

Регионы просят огня // Уральский рабочий. 2004. 5 нояб.

Стартовая площадка для чемпионов // Уральский рабочий. 2004. 2 нояб.

Строим вместе // На смену! 2004. 27 окт.

.

Р. О. Туксаитова

Язык вражды и язык примирения в медиапространстве Казахстана

Казахстан — полиэтническое государство, в котором проживают представители более ста двадцати национальностей. Проблема межкультурной, межкультурной коммуникации является во все времена актуальной и злободневной. На наш взгляд, есть необходимость рассмотреть вопрос развития языковой политики в государстве. Язык — не просто важнейшее средство общения, это основа культуры, межкультурного и межэтнического диалога. Языковая ситуация в любом многоязычном обществе представляет собой результат взаимодействия двух равно естественных, но противостоящих друг другу потребностей, которые можно назвать потребностью идентификации и потребностью взаимопонимания. По мнению Г. А. Базарбаевой, первая потребность заключается в стремлении во всех ситуациях общения пользоваться родным языком, хорошо усвоенным в раннем детстве; чаще всего, хотя и не всегда, такой язык воспринимается также и как «свой» язык, язык своего этноса и своей культуры. Вторая потребность состоит в желании общаться с любым собеседником без помех и осложняющих факторов вроде наличия переводчика [Базарбаева 2002: 15]. Но в равной ли степени удовлетворяются обе потребности? Автор указанной работы отмечает, что советская языковая политика с точки зрения потребности взаимопонимания и потребности идентификации не являлась оптимальной. Потребность идентификации серьезно нарушалась. Возникало явное неравенство: одним хватало в своей стране родного языка, другим нужно было учить еще русский, а некоторым даже два языка [Там же].

Исследователи выделяют четыре этапа в развитии языковой политики Казахстана: 1-й этап (1920–1938) характеризуется паритетным казахско-русским двуязычием; 2-й этап (1938–1987) характеризуется доминированием русского языка и периферизацией казахского языка; 3-й этап (1987–1995) отличается форсированным повышением статуса казахского языка путем административных мер; 4-й этап (1995 — настоящее время) характеризуется сбалансированной языковой политикой на основе государственного статуса казахского языка и фактического признания доминирующей роли русского языка в социальной жизни.

На первом этапе, после установления советской власти в Казахстане, новые органы управления с целью сохранения своего влияния на местное население должны были найти возможности взаимодействия с народами бывшей Российской империи. Для достижения этой цели была избрана модель Союза национальных государств. Одной из главных задач политики советского государства в отношении народов Средней Азии и Казахстана стало устройство национальных административных единиц, основывающихся на этнолингвистических признаках. Именно в это время предпринимаются конкретные действия государственных органов по укреплению статуса казахского языка, составлению и выпуску первых учебников, внедрению казахского языка в делопроизводство, подготовке национальных кадров. Сразу после образования Казахской АССР были предприняты шаги по обеспечению совместного функционирования русского и казахского языков в различных сферах общественной жизни. Подобные действия объясняются определенной языковой политикой, проводимой государством на данном этапе становления советской власти, и необходимостью привлечения представителей коренной национальности к процессу создания советской государственности. До конца 30-х годов наблюдается равноправное функционирование двух языков — русского и казахского. Впоследствии в республике складывается несколько иная демографическая и лингвистическая ситуация. В 1938 году был принят ряд постановлений СН КССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» (13 марта 1938 г.). Постановления, касающиеся изучения русского языка, были приняты в 1948, 1967, 1978, 1983 годах, т. е. фактически статус русского языка официально закрепляется, что подтверждается соответствующими документами: функции же казахского языка постепенно сужаются, не получая должного внимания со стороны государственных органов.

Ситуация еще более усугубилась в последующие годы за счет фактора многоязычия, созданного в результате эвакуаций, миграции населения в Казахстан в разные исторические периоды, жесткой государственной политики в отношении языков коренного населения, массовых репрессий, уничтоживших видных деятелей казахской национальной культуры.

Таким образом, с конца 1930-х годов Казахстан в составе СССР вступил в новый этап языковой политики, в котором функции русского языка значительно расширяются, а сферы применения казахского языка сужаются. Увеличилось количество носителей русского языка в результате приобщения местного населения к индустриальным формам производства и включения в соответствующую социальную и культурную среду. В тяжелой ситуации оказались общественные функции казахского языка. Он практически перестал быть полноправным языком на территории республики. Вместе с угрозой его полной деградации и исчезновения стала уменьшаться потребность в его использовании, возникла тенденция пренебрежительного к нему отношения со стороны подрастающего поколения и части нигилистически настроенной казахской интеллигенции.

Появилась острая необходимость в научно обоснованной языковой политике, в первую очередь — в «Законе о языках», который был принят в 1989 году. Принятие этого закона, несомненно, значительный шаг в решении национальных и языковых проблем. Он предваряет третий этап развития языковой политики в Казахстане. Закон определил статусы языков: казахский является государственным языком, русский — языком межнационального общения. Казахский язык, без сомнения, обладает определенной традицией, дающей основание для выполнения функций государственного языка. Начиная с 1989 года был принят ряд мер, направленных на повышение статуса и роли казахского языка в общественной жизни. Однако все попытки административного давления на языковую ситуацию и формального решения языкового вопроса должного результата не принесли. Сложившаяся социально-политическая ситуация в республике вызвала резкий отток русскоязычного населения в начале 90-х годов. Правительство и Президент республики предприняли решительные действия, направленные на изменение существующего положения. С 1995 года начинается отсчет четвертого периода развития языковой политики в государстве. В августе 1995 года была принята новая Конституция Казахстана, которая максимально сблизила статус двух языков, провозгласив казахский язык государственным, русский — официальным. Но-

вые конституционные положения, отражающие демократические решения вопросов, связанных с экономической, политической, социальной, этнической сферами, в значительной мере стабилизировали социально-политическую обстановку в республике. В ноябре 1996 года президентом была одобрена «Концепция языковой политики». Ее цель состояла в разработке стратегии государственной политики в области сохранения и функционального развития языков в переходный период, определении задач государства по созданию условий для развития казахского языка как государственного.

В июле 1997 года принимается новый закон «О языках в Республике Казахстан». Данный закон о языках продолжил прежнее решение по укреплению статуса казахского языка как государственного. В нем углублены правовые основы функционирования языков и обязанности государства по созданию условий для их изучения и развития. В законе было подчеркнуто, что одним из важнейших аспектов государственной идентичности является наличие государственного языка и следование языковой политики определенным приоритетам. Закон достаточно адекватно отражает языковую ситуацию, сложившуюся в Казахстане, реально защищает интересы народов, проживающих в Республике.

Как отмечает Т. В. Кривошапова, «ситуация, при которой казахский язык являлся бы средством межнационального общения, на территории Казахстана имела место в различные временные периоды в регионах с подавляющей численностью казахского населения. Общеизвестно, что достаточно высокий уровень знания казахского языка наряду с русским обнаруживают немцы, корейцы и представители других репрессированных народов, сосланных в Казахстан и оказавшихся в казахоязычной среде. Однако подобные примеры являются скорее исключениями, нежели правилами. Следует признать, что в настоящее время в стране в качестве языка межэтнического общения используется русский язык, функционирующий в казахстанском полиэтническом обществе. Современная реальность такова, что даже этническая элита казахов в значительной степени русифицирована, не говоря о представителях других этносов. Казахи вполне профессионально пользуются русским языком, для них он продолжает оставаться языком научного творчества и профессиональной деятельности» [Кривошапова 2003: 52].

По справедливому замечанию Л. А. Байдельдинова, «функционирование языков в стране является социальной стихией, которую нельзя быстро и коренным образом изменить с помощью нормативных ак-

тов» (цит. по: [Кривошапова 2003: 52]). Констатируя причины того обстоятельства, что в Казахстане на протяжении десятилетий сформировалось вольное или невольное признание приоритетности русской культуры, автор полагает, что «всем следует признать упрямую вещь — факт наличия в стране русского языка, вошедшего в ткань нашей жизни, являющегося языком образования, науки и культуры, формой номинирования реальности. И сдвинуть русский язык с этого пьедестала в демократическом обществе не может никакой нормативный акт. Для этого необходимо коренное преобразование лингвистической ситуации, сопряженное с социокультурными и этнодемографическими изменениями» [Там же].

В процессе длительного проживания в полиэтническом государстве в результате межкультурной коммуникации у людей выработалась потребность в общем средстве общения, каким является на протяжении многих лет русский язык. Замечательно сказал Олжас Сулейменов: «У нас весь XX век в трудах, драмах и великих свершениях вырабатывалось много общего, в том числе и язык межнационального общения. Это ценность, от которой нельзя отказываться, запираясь в скорлупу национальных границ. Благодаря русскому языку в национальные культуры вошел весь мир. И вот полтора десятилетия после развала Союза область распространения русского языка сжимается, как шагреновая кожа. И уже только 40 % азербайджанцев могут читать и разговаривать по-русски. В Армении, Грузии, Узбекистане, Туркменистане, Прибалтике — на порядок меньше, даже Украина вытесняет русский. В мире — пять тысяч наречий, и только шесть из них признаны официальными языками ООН. Русский в том числе. И если казах в качестве второго языка знает и русский — это достоинство, от которого не надо отказываться, это было бы бесхозяйственно. Если узнает и третий, и четвертый язык — браво! Прибавлять новое, но не отказываться от того, что уже имеешь, — вот девиз новых поколений» [Сулейменов 2005: 3].

Думается, что только разумная языковая политика, направленная на решение проблем всех проживающих в полиэтническом государстве, может снять острые углы противоречий, возникающих в обществе. В одном из своих выступлений президент Н. А. Назарбаев отметил: «Время показало, что в Казахстане мы очень точно нашли место двум самым распространенным языкам — казахскому и русскому. Важной особенностью нашей государственной национальной политики является сознательная политика двуязычия. В результате у нас не возникло политической напряженности между носителями именно по-

тому, что мы осознаем реальное значение этих языков в жизни всех наших народов, что способствует политической стабильности в обществе» [Назарбаев 2002: 4].

Именно двуязычие — примета актуальной культуры. Актуальной будем называть культуру, которая воспринимается как современная, органическая. В Казахстане художественный билингвизм занимает небольшую часть пространства актуальной культуры, что связано с определенными социально-политическими процессами, происходящими в обществе. Вместе с тем живое общение сохраняет органичную билингвистичность. Это обстоятельство не может не отражаться в публицистике. Газета — это «своеобразный публичный диалог» [Михайлова 2000: 98], в котором участвуют говорящий / пишущий и адресат. Естественно, адресант преследует определенные коммуникативные цели, которые в процессе диалога реализуются и получают определенную реакцию, в первую очередь реакцию читателя-билингва и читателя-монолингва.

Нами предпринята попытка проанализировать русскоязычные, казахскоязычные, билингвистические газеты с точки зрения толерантного / интолерантного видения конкретной проблемы и ее освещения. По справедливому замечанию Э. В. Чепкиной, газета, как и любое другое средство массовой информации, представляет аудитории свою картину мира, свой образ окружающей действительности, рассказывая о событиях, которых читатели своими глазами не видели. К этому образу мира предъявляются более жесткие требования правдоподобия, чем к миру художественного произведения, но он точно так же представляет собой лишь один из возможных способов видения и интерпретации реальности [Чепкина 1997: 22]. Два главных фактора, определяющих специфику картины мира в газете, — это тематический отбор и оценочная позиция субъекта речи. Иначе говоря, газета «видит» не все, а лишь некоторые события и явления и оценивает их строго определенным образом. Не менее важным фактором, обуславливающим специфику газетного материала, является фактор адресата.

Э. В. Чепкина определяет полистилистическую организацию общества как «сосуществование в его рамках разных жизненных стилей, разных культурных форм, присущих образу жизни отдельных социальных групп. В таком обществе отсутствует универсальная культурная иерархия, опирающаяся на единые для всех образцы, вместо этого складывается сложная система взаимодействия различных культурных стилей. В таком обществе журналист неизбежно становится

медиатором, посредником в межкультурной коммуникации. Он обращается к массовой недифференцированной аудитории и имеет в качестве адресатов представителей разных культурных групп» [Чепкина 2003: 475]. Как замечает автор, культурные различия — один из способов структурирования оппозиции «мы — они», имеющей фундаментальное значение в коммуникации, в том числе в журналистском дискурсе [Там же: 475]. В нашем случае оппозиция «свой — чужой» формируется в ситуациях, когда русская газета, адресованная русскому читателю, и соответственно казахская газета, адресованная казахскому читателю, сужает круг адресата, тем самым выражая интолерантное отношение к другим этнокультурным членам общества. Данные газеты, обслуживая коммуникативные потребности определенных адресатов, способствуют созданию круга «своих», и следовательно, обостряют ситуацию, а языком соединения, примирения, нейтрализации ситуации выступает билингвистическая газета, которая либо редуцирует, либо ослабляет очаги напряжения. Покажем это на примере конкретных газетных материалов. Для анализа мы взяли газету «Казачий курьер» (2005. 19 окт.), казахоязычную газету «Жума — таймс» (2005. 10 окт.), русскую газету «Лад» (2005. 1 окт.), билингвистическую газету «Караван» (2005. 21 окт.).

Единство газетного текста в коммуникативном аспекте обусловлено тем, что газетный номер как единый текст предполагает восприятие его в рамках одной ситуации общения. Кроме того, газетный номер в целом отражает позицию (общественно-политическую и психологическую) коллективного субъекта — «автора издания» и ориентацию на «своего» адресата как часть общей концепции издания [Лазарева 1993: 25].

Оппозиция «свой — чужой» отражается в названии газеты «Казачий курьер» — республиканской газеты, которая создана усилиями нескольких общественных объединений казаков. Это Союз казаков Семиречья, Семиреченская казачья община, Южно-Казахстанское областное общественное объединение «Казаки». Газета адресована этническим казакам, проживающим на территории Казахстана, т. е. имеет конкретного адресата. Фактор адресата стимулирует отбор тем газетного материала.

На первой полосе анализируемого выпуска помещен материал о приезде супруги Президента России Людмилы Путиной в Астану:

Супруга Президента РФ Людмила Путина, возглавляющая Фонд развития русского языка в России, встретилась в Астане с представителями русских, славянских и казачьих организаций. На встречу с Людмилой Пу-

тиной приехали также товарищ атамана Союза казаков России Павел Задорожный и атаман Сибирского казачьего войска Сергей Толмачев.

Более двухсот человек представляли казачьи и славянские организации на этой встрече. Определена тема встречи: положение русского языка в Республике Казахстан. В статье отмечается, что были заслушаны доклады атаманов различных областей, которые считают, что *русский язык на территории Центральной Азии нигде не чувствует себя так вольготно, как в Казахстане.*

Теме русскоязычной прессы в Центральной Азии посвящена статья, автор которой информирует читателя о конференции по проблемам русскоязычной прессы в Центральной Азии и информационной поддержки соотечественников, состоявшейся в Бишкеке. На отдельной странице под рубрикой «История» расположен материал, который рассчитан на узкий круг читателей: казачьи заповеди; казачьи символы и знаки. Обратимся к некоторым казачьим заповедям: *1. Честь и доброе имя для казака дороже всего. 2. Казаки все равны в правах. Помни: «Нет ни князя, ни раба, но все рабы божьи!». 3. Держи слово. Слово казака дорого. 4. Держись веры предков, поступай по обычаям своего народа* и т. д. Очевидна определенная адресованность данных ценностных жизненных установок, которые передаются из поколения в поколение и определяют специфику казачьего быта. В материале «Казачьи символы и знаки» содержится информация о казачьих доспехах, утвари, истории их создания, специфике конкретного предмета как особого культурного знака. Например:

...Нагайка — знак есаульца и приставов на круге. В повседневной жизни знак власти у полноправного строевого казака. Нагайка общего казачьего образца является обязательной принадлежностью каждого казака (разрешается носить за голенищем сапога). Нагайка дарилась зятю тестем на свадьбе и висела в доме на левом косяке к двери спальни. Как знак полной покорности и уважения могла быть брошена к ногам уважаемого гостя или старика, который был обязан ее вернуть, а бросившего расцеловать. Если старик через нагайку переступал, это означало, что покорность ему не угодна, и обида или грех провинившегося не прощен. Атаманский кафтан и шапка — принадлежали казачьей общине, передавались вместе с символами атаманства. Хранились у очередного атамана или в атаманском правлении (у донских казаков в древности кафтан — красный или парчовый, шапка черная в 1–2 раза больше по высоте обычной папахи).

Как видим, представленный материал формирует образ «своего» читателя, которому интересны символы и знаки, связанные с тем или иным атрибутом казачьего быта, заповеди, являющиеся жизненными установками для каждого казака.

Адресованность «всеми» читателю наблюдается в статье под названием «Американский генерал о казаках». Эта статья воспроизводит написанные в период Первой мировой войны американским генералом записки, которые не потеряли своего значения и в настоящее время. Например:

Во время моей поездки на фронт мне показали учения двух сотен казаков, и так как в то время не был знаком со знаками отличия русской формы, я не мог заметить разницы между казаками и другими солдатами. Во время моего посещения Гвардейского корпуса офицеры гвардейской казачьей батареи дали «бал». Сначала были скачки. Построены барьеры, выкопаны рвы. Затем была рубка шашками ивовых ветвей, разрезывание картофеля и поднятие концом шашки мешка с соломой, изображающего чучело. Все батарейцы, даже те, которые в последнее время не делали упор на тренировку именно этих навыков, показали всеобщее превосходство, этот факт был доказательством ценности солдат.

Как видим, название газеты как «сильная позиция текста» [Чепкина 1997: 20] и отбор тем газетного материала являются определенными способами установления контакта с «групповым характеризованным типом читателя» [Купина, Енина 1997: 33] и обозначения «своего» круга казаков, ориентированных на сохранение, консервацию этнических традиций. Происходит намеренное отчуждение от мира современных ценностей — казахских и русских (не казачьих). Можно говорить о факторе интолерантности в ситуации оппозиции «свой — чужой», когда в зоне «чужого» находятся все, кто не стал участниками коммуникации, сосредоточенной на разработке ретроспективно ориентированной этнически узкой тематики.

Обратимся к газете «Жума — Таймс». Специфика данного издания заключается в том, что, во-первых, это оппозиционная газета, выражающая интересы определенной части общества; во-вторых, она использует два языковых кода — материалы публикуются как на казахском, так и на русском языках. Оба фактора стимулируют адресованность издания определенной аудитории и формируют образ «своего» читателя. Авторы статей обращаются к той части общества, которую не устраивает политическая система государства, социальная и экономическая ситуация в Казахстане.

Страна в преддверии президентских выборов. Отсюда тематическая заданность последних номеров газеты. У данной оппозиционной газеты есть свой кандидат в президенты. В статье «Мы создадим открытое общество» автор публикации предлагает предвыборную программу кандидата в президенты Ж. Туякбая. По словам кандидата в президенты, его программа, провозглашающая демократические цен-

ности, ориентирована на создание демократической формы правления, открытого общества, открытой экономики. В поддержку кандидата в президенты Ж. Туякбая и его предвыборной программы на страницах газеты выступают единомышленники. Тематическая заданность данной публикации ориентирована на установку контакта со «своими» читателями — будущими избирателями, единомышленниками оппозиционера и кандидата в президенты. В том же ключе построено интервью с политологом К. Абишевым, поддерживающим программные цели кандидата в президенты Ж. Туякбая и все демократические принципы, провозглашенные оппозиционером. Статья «Активистов общественных движений считают угрозой» повествует о молодежной общественной группе «Кахар». По мнению автора статьи, данная организация представляет угрозу для победы Н. Назарбаева в выборах на пост президента:

Назарбаев, возглавляющий богатую нефтью центральноазиатскую страну в течение шестнадцати лет, имел возможность увидеть, как в трех странах, бывших республиках Советского Союза — Грузии, Украине и Киргизстане — в результате цветных революций, на которые поднялось молодое поколение, было свергнуто руководство этих стран. Для противодействия группе «Кахар», что в переводе с казахского означает «герой», власти создали альтернативную молодежную группу «Кайсар», что означает «преданный», «верный».

Газета подчеркнуто ориентирована на круг «своего» читателя. Отчетливо прослеживается оппозиция «свой — чужой» и граница между миром «своих» и «чужих». Свои — оппозиционеры — те, кто выступает против действующей власти, против существующего общественного строя. Мир чужих образуют те, кто не разделяет воззрения оппозиционно настроенной части общества. Тематика газетного материала сконцентрирована на поддержании образа «своего» адресата: «Охота на лидеров» (о задержании автомобиля члена движения «За справедливый Казахстан» Алтынбека Сарсенбаева); «Не по долгу и не по совести» (о жизни политзаключенного Галымжана Жакиянова в колонии-поселении). Основная мысль последней публикации — политзаключенный является опасным идеологическим противником действующей власти. В статье «Нефтяной экзамен для Буша» отмечается:

...Экзамен состоится в двух бывших республиках Советского Союза — Азербайджане и Казахстане, у которых все важные козыри двадцать первого века: неразработанные нефтяные месторождения, мусульманское в своем большинстве население, а также стратегически важное географическое положение между Россией, Китаем, Ираном и Афганистаном. По мнению международного эксперта Джексона Дила, обещи

странами правят диктаторы, которые стремятся следовать примеру государств Персидского залива и наладить отношения стратегического партнерства с Соединенными Штатами Америки.

Наши наблюдения показали, что тексты газеты «Жума — Таймс» формируют оппозицию «свой — чужой», определяя круг «своего» читателя, стимулируя отбор тем, направленных на конкретного адресата. «Свой» круг формируется по политическому принципу; разделение, разъединение читателей происходит на лингвистической основе: казахские выпуски газеты, как отмечалось, дублируются на русском языке.

Республиканская билингвистическая газета «Караван» обращена к широкому читателю: ее читают как монологичные, которые знают только один язык, в частности русский, так и билингвы, владеющие русским и казахским языками. Фактор адресата стимулирует отбор тем: пишущий обращается к социально-экономическим проблемам, которые волнуют все слои общества, анализирует события, происходящие в мире и государстве, освещает культурную, спортивную жизнь внутри страны и за ее пределами. Обратимся к одному номеру газеты «Караван» (2005. 21 окт.).

В публикации «*Проклятие белого золота*» журналист рассказывает о проблеме хлопководов Южного Казахстана:

С развалом колхозов каждый крестьянин получил свой пай. Не беда, что оказалось всего-то пять га, зато практически свое, личное. Что сажать? Конечно, хлопок. Не зря же его называют «белым золотом». Прежде его всем колхозом сажали и вроде всегда были с прибылью. Так по привычке и продолжают сеять хлопчатник. Хотя уже давно понятно: заниматься хлопководством на 5 гектарах в условиях частного фермерства — это совсем другое, нежели выращивать его на 50 тысячах гектаров в колхозе.

Журналист поднимает острую проблему использования детского и женского труда в уборке хлопка, пишет о подорванном генофонде, о рядовом сельянине, о том, что люди живут в среде, насыщенной ядохимикатами, пестицидами, и занимаются крестьяне экологически опасным видом деятельности. *Не случайно в Казахстане в группу риска попадают хлопководы, связанные с экологически опасным видом работы.*

Несколько публикаций посвящены проблеме бензинового кризиса, охватившего все области республики. Вопрос решался на уровне правительства. Как отмечают журналисты, премьер-министр пообещал депутатам парламента сбить цены на бензин в самое ближайшее время. И вместе с тем дал понять: у правительства не так уж много

рычагов влияния на ценообразование. А после вступления республики во Всемирную торговую организацию (по словам премьер-министра, это может произойти уже в следующем году) их станет еще меньше.

Памяти Александра Николаевича Яковлева посвящена статья «Александр — освободитель»:

Историк по образованию, Александр Николаевич Яковлев к концу жизни подводил печальные итоги собственной жизни и жизни страны. Его последние выступления в России и на Западе ныне читаешь как завещание, но не политическое, а нравственное. Оттачивая формулировки, он говорил о революции как общественной истерике, ведущей страну в тупик. На Западе его слушали с большим интересом. Здесь изредка интервьюировали в малотиражных газетах. Он все знал про новую эпоху, потому что полжизни прожил в ней. Александр Николаевич грустил, но не удивлялся.

Страна накануне президентских выборов. В газете опубликована предвыборная программа республиканской политической партии «Отан», лидером которой является президент Нурсултан Назарбаев. Программа нацелена на дальнейшее улучшение социальной, экономической жизни общества. Скорректированы планы по формированию в стране национального стандарта качества жизни. За последнее время качественно усилена работа национальной комиссии по вопросам демократизации и гражданского общества, по вопросам культуры и молодежной политики.

«Не торопитесь с переездом в Германию» — такой заголовок имеет статья Сергея Золовкина. Эта публикация обращена к этническим немцам, собирающимся выехать в Германию на постоянное жительство.

Уже в ближайшее время те из казахстанцев, кто намерен переселиться на Запад, могут испытать на себе все прелести ужесточения визового и контрольно-пропускного режима, а также условий проживания на новом месте. Намечается срочное и широкое применение новейших средств контроля за телефонными, факсовыми и электронными сообщениями тех, кто обитает в странах ЕС на птичьих правах, добиваясь там законного статуса. Расширяется и электронная база данных на всех, кто уже был не в ладах с законом или претендует на социальное пособие, а также бесплатную квартиру, имея особняк по прежнему месту жительства и немалые денежные запасы. За пересмотр эмиграционной политики в невыгодную для некоторых наших земляков сторону выступает Ангела Меркель, первая в истории Германии женщина-канцлер.

По нашим наблюдениям, билингвистическая газета «Караван» использует различные способы для толерантного общения с читателем.

Фактор адресата определяет основной языковой код издания — русский язык, служащий средством межнациональной коммуникации. В необходимых случаях в текстах реализуются казахизмы; активно используются казахские прецедентные знаки — пословицы, поговорки, извлечения из фольклорных и литературных казахских источников. Разнообразная тематика публикаций, затрагивающих интересы широкого круга граждан Казахстана, общая тональность повествования, направленная на нейтрализацию очагов напряжения, возможных в процессе освещения той или иной проблемы, — все это способствует формированию доверия читателя, для которого газета «Караван» ассоциируется с миром, в котором нет «своих» и «чужих», а есть единое пространство культурных ценностей, убеждений, надежд.

Е. В. Каблуков, Л. М. Майданова
**Метаморфозы агональности
в современном парламентском дискурсе**

В разгар перестройки, когда пресса выполняла для своих читателей роль скорой словарной помощи, объясняя и уточняя значения сотен слов, «Собеседник» в интервью «Строим дом сверху...» писал: «Для того парламент и создан (от французского слова “говорить”), чтобы разные политические силы нашли общий язык» [Лукина 1989]. Конечно, настоящий словарь будет иначе трактовать роль парламента. Он строго сообщит, что это «общенациональное представительное учреждение государства, осуществляющее законодательные функции; выборный высший законодательный орган» [Халипов 2005: 588]. Однако и публицистическое толкование словарного понятия не может быть отброшено, так как оно фиксирует процедуру законодательства: закон принимают в процессе говорения, обсуждения. И эта процедура в лингвистическом плане рассматривается как речевое событие в рамках политического дискурса, обслуживаемого определенными жанрами.

В монографии «Культура парламентской речи» новая для России речевая сфера характеризуется как «развивающееся массовое ораторское искусство»: «В парламенте... ставится задача совместного уяснения какого-либо дискуссионного вопроса. Информативность и доказательность доводов в парламентском споре первостепенны» [Культура 1994: 24, 25]. В этой же работе проводится сопоставление нового дискурса с парламентской речью советских времен: «Прежняя парламентская деятельность была спланированной, тщательно подготовленной, лишенной каких-либо неожиданностей. Можно сказать, что это была не деятельность, а лишь ее имитация» [Культура 1994: 6].

Таким образом, уже в первых описаниях парламентской речи в условиях демократической России отмечается ее противопоставленность этой форме функционирования литературного языка в России советской. Основанием для противопоставления служит интенциональный признак: российский парламентарий защищает социально важный интерес в его столкновении с каким-то другим социальным интересом, а советский парламентарий излагал предписанное в ряду других лиц, вещающих то же самое. Интенция борьбы, защиты своей и отрицания чужой точки зрения должна налагать отпечаток на содержание и форму речи депутата. Знаки этой борьбы («агональные знаки») [Шейгал 2004: 121] неизбежно должны присутствовать в высказываниях говорящих, причем вовсе не обязательно в виде агрессивных выпадов. Цивилизованная дискуссия не исключает сигналов агональности; важно, чтобы было реализовано отстаивание в рамках парламентской деятельности социально оправданных притязаний.

Дальнейшее развитие парламентского общения показывает, однако, что нарисованная картина более отвечает идеалу, чем реальности. Дело в том, что для воплощения идеала или хотя бы нормы речевой деятельности в данной сфере в России пока нет условий: социальная стратификация у нас еще не сложилась (достаточно вспомнить бесконечные дебаты о среднем классе), тем более не сложилось представительство интересов ряда социальных групп в парламенте. «Он постепенно утрачивает отведенную ему роль презентации гражданских интересов, уступая место другим политическим институтам и группам давления... Российский парламент постепенно превращается в своеобразного “нотариуса при правительстве”, лишь ратифицируя и одобряя решения, принятые в коридорах исполнительной власти» [Мошкин 2004: 205, 206]. В результате суждения о демократическом обществе, народовластии, правовом государстве и нормальной рыночной экономике некоторые исследователи называют попросту мифами [Кириллова 2005: 357, 358]. Реальные интересы граждан, однако, остаются и «стучатся в дверь» сегодняшнего парламента. Социальные противоречия не могут не вызывать их отражения в парламентском дискурсе, пусть даже в искаженной форме, далекой от норм цивилизованной дискуссии.

Какие же речи ведутся в условиях, когда не согласуются интересы разных групп и не вырабатываются взаимоприемлемые решения, когда в парламенте вообще нет равновесия политических сил? Наш материал — стенограммы заседаний Государственной думы Российской Федерации. В данной статье использована стенограмма заседания 9 февраля 2005 года, на котором обсуждался отчет правительства о работе

в 2004 году и вопрос о восторге недоверия правительству. Всего на этом заседании было обсуждено девять основных вопросов.

В целом текст заседания может быть охарактеризован как «мягко-формализованный ритуальный дискурс» [Карасик 2002: 167]. Организация его полностью соответствует описанию другой формы мягкоформализованного ритуального дискурса — защиты диссертации — в той же работе В. И. Карасика: «заданный сценарий», «трафаретные компоненты сугубо протокольного порядка» (например, клишированные формулы в речи председательствующего), «непрограммируемые компоненты» (вопросы, выступления), голосование участников, «составляющих кворум», оценочная ориентация выступлений [Карасик 2002: 167]. Текст имеет четко обозначенные границы:

Председательствующий. Доброе утро, уважаемые коллеги! Прошу занять свои рабочие места. Нам необходимо зарегистрироваться. Включите режим регистрации. Покажите результаты регистрации... Результат: кворум есть. Коллеги, мы заканчиваем наше пленарное заседание. До свидания, всего хорошего!

Защита диссертации, собрание, проработка (см.: [Данилов 2004]) и в этом ряду заседание Думы — это вторичные тексты, которые складываются из первичных текстов разных жанров. Например, «собрание — сложная семиотическая система жанров, в которой доминирующим и определяющим жанром является доклад». Далее можно перечислить: выступления, справки, содоклады, решения, резолюции (см.: [Романенко, Санджи-Гаряева 2002: 71]). Точно так же текст думского заседания складывается из нескольких обсуждений вопросов повестки дня, которые в свою очередь включают в себя жанры доклада, содоклада, вопроса, ответа на вопрос, выступления и голосования. «Заседание» как текст имеет свое коммуникативное прошлое [Шмелева 1997]. Известно, что думское заседание — это лишь вершина айсберга: оно является орудием документального оформления решения: принять закон в первом, втором или третьем чтении, отклонить проект закона, утвердить или отклонить кандидатуру премьера и т. д. Работа над законом протекает в комиссиях и комитетах Думы и не выносится в полном объеме на открытое публичное обсуждение. На этом этапе каждый может выработать собственное отношение к проблеме, здесь же складываются решения партийных фракций и отдельных депутатских групп. Таким образом, на заседании сталкиваются концепции, защитники которых (в идеале) могут переубедить противников или колеблющихся и «вырвать победу», отстаивать интересы своего электората.

Как же все это выглядит в реальности?

Абстрактно формулируемая цель обсуждения — согласование интересов представляемых депутатами социальных групп и выработка взаимоприемлемого решения — в действительности ни в одном из обсуждаемых вопросов не просматривается. Если современная парламентская речь противопоставляется советской парламентской речи как свободная информационно-аргументативная предписанной, то наш материал не подтверждает такой характеристики. Обсуждение и в современном варианте выглядит как формальное, по сути, фатическое говорение с заданным результатом. Это чисто ритуальное, требуемое законом средство утверждения решения, не зависящего ни от каких обсуждений, ни от каких аргументов, ни от каких оценок, прозвучавших в процессе общения. Реализуется основной принцип фатики: стороны выходят из речевого контакта, «сохраняя прежние взгляды на предмет, а также присущие им до момента контакта пресуппозиции и представления о фреймах» [Клюев 1998: 129]. Предопределенность решения ощущается самими участниками обсуждения (при цитировании указывается порядковый номер обсуждаемого вопроса и его предмет). Прежде всего и та и другая стороны фиксируют формальный характер обсуждения:

Фракция «Единая Россия» уже высказала свое отношение к постановлению об отставке правительства. Мы не будем его поддерживать (4. О востуме); Итоги востума недоверия, которые сегодня мы получим, — это даже не отставка правительства. Я уже понял, что ее не будет, она не состоится (4. О востуме); Да, ни один из четырех вариантов сегодня, очевидно, не пройдет, но проблема все-таки остается; Я буду голосовать за все проекты, чтобы хоть один проект прошел, хотя понимаю, коли «Единая Россия» заняла такую позицию, то, как и в первом вопросе, она все нам завалит и здесь (7. Кодекс РФ об административных правонарушениях); Я не буду больше приводить цифры и факты, понимая, что наш законопроект вряд ли будет поддержан, поскольку есть уже отрицательный отзыв профильного комитета (8. Военская обязанность).

Таким образом, коммуникативная перспектива участникам общения предельно ясна и не может не вызывать сопротивления. Агональность, как видим, стимулируется не естественным желанием победить противника в равной борьбе, а ущемленностью своей позиции в этой полемике. Фиксация формального характера обсуждения нередко сопровождается обвинениями, угрозами, увещеваниями, обобщением оценки и признанием собственного бессилия:

Я понимаю, те богатышки в Думе, которые своих уводят от службы в армии, от военных сборов, — они уже решили, что жар-птицу за

хвост поймали. Нет, братцы, не примем сейчас мер — начнутся события... в случае войны придется больше вашего брата расстрелять, потому что дисциплины у вас не будет (7. Кодекс РФ об административных правонарушениях); Мы, конечно, все проголосуем, поскольку вынуждены это делать, но я бы хотел обратить внимание всех депутатов: ну прислушайтесь к своей совести, что ли, и своему разуму (2. Пенсии); И если заседание Государственной думы превращается сегодня в фарс, где невозможно хотя бы обсудить проблему, которая есть в стране, значит, для парламентской оппозиции остается только одно — напрямую обратиться к народу и выходить на референдум... И, коллеги, я призываю пройти этот путь достойно, чтобы через несколько лет нам не было стыдно, что мы просиживали... занимали здесь зря наши места (4. Вотум); И то, что мы сегодня услышали от Фрадкова, — это же чисто потерянное время! Поэтому мы и стремимся к тому, чтобы ответственность правительства имела реальные последствия, а не просто были разговоры: вопрос от каждой фракции, и спасибо, пошел (9. Ответственность правительства).

Степень проявления всех этих реакций различна, а средства выражения многообразны и порой очень агрессивны, несмотря на статус коммуникативной ситуации — заседает высший законодательный орган государства. Смысл 'болтовня' (оценка разговора как фатического) передается и описательно (рисуеться типичное поведение говорящего: *вопрос от каждой фракции, и спасибо, пошел*), и резко отрицательным обозначением *фарс*. Показательна и самопоправка: грубое *просиживать штаны* заменяется смягченным *зря занимать место*. В качестве угрозы выступает и изображение нравственных переживаний (*стыдно*), и народный гнев (*напрямую обратимся к народу*), и даже расстрел в случае войны. Обвинение сформулировано тоже в весьма нелицеприятной форме: *богатенькие... уводят своих от службы в армии*.

Как же при таком представлении перспективы общения осуществляется обсуждение вопросов повестки дня?

Обсуждение процедурных вопросов показывает, что общающиеся прекрасно осознают предназначенность своих слов не только коллегам, но и широкой аудитории. На данном заседании специально стоял вопрос о прямой телетрансляции одного «сюжета» (о вотуме недоверия правительству). Главными защитниками прямой трансляции были фракции КПРФ и «Родина». Их представители неоднократно предлагали включить вопрос в повестку дня, от имени Думы обратиться к главным телевизионным каналам. Аргументация в ряде случаев была достаточно агрессивной:

Сегодня десятки миллионов людей ожидают, что Дума не спрячется за забором, за своими стенами, а открыто даст оценку того, что

происходит в стране уже месяц (1. Порядок работы); Мы должны дать возможность людям увидеть — это было раньше, уже есть такой опыт в нашей стране — прямую трансляцию. Ничего страшного здесь нет, и нечего бояться (1. Порядок работы).

Отрицательные высказывания ирреальной модальности утверждают наличие отрицаемого: Дума прячется за забором, Дума боится открытости. Косвенно выражается обвинение противника в нежелании говорить с народом.

Противники трансляции переложили ответственность на телеканалы:

У нас на балконе находится более десятка телекамер, каждый из каналов имеет возможность полностью, без купюр, всю информацию передать по своему каналу, никто не ограничивает эту информацию (1. Порядок работы).

Косвенным образом одна из противоборствующих сторон искала в этом обсуждении поддержку своих позиций. Превращение спора без слушателей в спор при слушателях в условиях искаженной коммуникативной перспективы означало выход из формального (фатического) обсуждения в область результативной речи, хотя и произошла бы подмена результатов. Часть депутатов вступала в дискуссию, как уже говорилось, с осознанием обреченности своих усилий на неудачу, с осознанием бесполезности своих слов. При слушателях же их речь становилась вовсе не бесполезной. «Тут люди спорят не для приближения к истине, не для того, чтобы убедить *друг друга*, а исключительно чтобы убедить *слушателей* или произвести на них то или иное впечатление» [Поварнин 1990: 70], тем более что в вопросе о востуме недоверия затрагивались «насущенные, наиболее живые и *реальные* интересы» слушателей [Там же: 71] (курсив цитируемого автора). В определенном смысле агональность могла бы возвратиться к своему естественному для этой сферы общения истоку — столкновению социальных интересов. Но прямая трансляция была отвергнута.

Не совсем понятным для непосвященных образом вопрос о прямой трансляции оказался тесно переплетенным с вопросом о форме голосования.

От фракции «Родина» поступило предложение: *Мы просим, чтобы по вопросу о востуме недоверия голосовать можно было в тайном режиме бюллетенями в кабинках (1. Порядок работы).* Предложение было поддержано фракцией КПрФ. Однако решение перенесли в пункт «О востуме недоверия правительству», и события развивались так: при определении процедуры голосования было внесено новое предложение: *Предлагается провести открытое голосование с использованием элек-*

тронной системы, потому что позиции известны, все знают, как они будут голосовать, и скрывать нам здесь нечего (4. Вотум). Фракция «Родина» настаивает на своем: Я хотел бы внести от фракции предложение о том, чтобы голосование по данному вопросу проходило тайное, причем, в соответствии с регламентом, в кабинках. Мы считаем, что тогда это будет более честное голосование... тайное голосование в кабинках дает возможность выявить истинное отношение нашего депутатского корпуса к итогам работы данного правительства. Естественно, следует реакция обиды: Я считаю, что на самом деле голосование не должно быть тайным. Дмитрий Олегович, вы унижаете депутатов. Депутаты — свободные, независимые люди. Вы говорите, что будет больше голосов...(Оживление в зале.) Я — свободный, независимый! Не рассказывайте мне сказки!» (4. Вотум).

Теперь самое интересное. «Свободные и независимые» депутаты, смело выбравшие открытое голосование, проголосовали так: ЗА недоверие правительству 112 голосов, ПРОТИВ — 20 голосов, ВОЗДЕРЖАЛИСЬ — 4 человека, **НЕ ГОЛОСОВАЛИ** — 314 человек, т. е. 69,8 %. В рамках следующего вопроса повестки дня последовала запоздалая реакция на эти результаты:

Вы знаете, страшная ситуация сложилась: вы сказали, что правительство ваше, а вы его поддержать не захотели. «Единая Россия», трусы вы, бабы и позорники! (5. Распитие пива).

Действительно непонятно, ради чего ломались копыя. Кто мешал и в кабинках не голосовать? А еще более непонятно, кто мешал объявить себя воздержавшимся? В плане же оценки качества общения и здесь нужно отметить его формальный характер. Раз надо — поговорим. Смысла в этом, во всяком случае на поверхности, никакого. Но, пожалуй, только на поверхности. По-видимому, вопрос о форме голосования мог быть использован лишь как повод для характеристики оппонента (в кабинках, без бдительного надзора со стороны фракции, вы можете смело и честно выразить свое мнение = при контроле вы не смеееете честно выразить свое мнение). Поэтому предложение о форме голосования, вероятно, можно истолковать как способ предъявить аргумент «чтение в сердцах» («Вы говорите так из партийной дисциплины» [Поварнин 1990: 99]). Таким образом, и здесь агональность находит для себя обходные пути, причем, вероятно, именно потому, что нет возможности реализовать ее в форме спора по существу — серьезного результативного обсуждения реальных интересов граждан в условиях «равноправия речей», в условиях равных возможностей сторон добиться искомого результата.

Все это были процедурные вопросы. Как складывается обсуждение проблем жизни государства?

Обсуждение пункта повестки дня состоит из доклада (в некоторых случаях еще и содоклада), вопросов, выступлений и решения. Тон обсуждения, наверное, должен задавать доклад. Если принимается закон или поправка к закону, если осуществляется какая-то предусмотренная Конституцией процедура, доклад должен сообщать конкретную, точную, существенную информацию, позволяющую выявить, а затем согласовать интересы сторон. Не впервые оговоримся: это в идеале. Реальность рассмотрим на примере двух докладов: министра М. Ю. Зурабова и премьер-министра М. Е. Фрадкова.

Министр здравоохранения и социального развития М. Ю. Зурабов выступил в рамках второго пункта повестки дня. Обсуждался вопрос об увеличении размера пенсий. Суть: с 1 марта устанавливается базовая пенсия 900 рублей, т. е. происходит увеличение ее на 240 рублей. Далее перечисляются изменения в пенсиях разных категорий граждан, сообщается о количественном составе этих групп, говорится об источниках финансирования. Все выглядит гладко. В содокладе повторяется то же самое, только покороче. Какова цель содоклада — неясно.

Из вопросов депутатов к докладчику вдруг выясняется, что по закону в апреле должна проводиться индексация обеих частей пенсии, которая сейчас перенесена на август, хотя в августе индексация и без того положена по тому же закону. И далее начинается жонглирование цифрами. Депутат от КПРФ утверждает, что прибавка 240 рублей к базовой пенсии не компенсирует потери в результате отмены индексации страховой части пенсии, что пенсионеры будут терять по 90–100 рублей в месяц. Министр М. Ю. Зурабов говорит, что в случае апрельской индексации пенсии выросли бы всего рублей на двадцать. Откуда возникают эти цифры — непонятно. Если вопрос рассматривался предварительно в комиссиях и комитетах, то, наверное, в пределах трех сотен рублей можно было посчитать все более точно и определенно. Но нет. Поиграв в цифры и посетовав на безвыходность положения (о чем уже говорилось), депутаты (не голосовало всего 16 человек) принимают все предложения правительства.

Как видим, согласование интересов отсутствует. Вероятно, если бы правительство было настроено на серьезное обсуждение, в докладе следовало бы указать, какое изменение пенсий могла бы обеспечить положенная по закону апрельская индексация, почему правительство решило заменить индексацию повышением базовой части пенсии на 240 рублей. (Когда пишутся эти строки, августовская индекса-

ция уже произведена и в среднем составила 224 рубля. Следовательно, пенсионеров в марте на месяц раньше осчастливили всего на 16 дополнительных рублей.) Таким образом, буквально из-за копейки 434 депутата плюс представители правительства спорили в течение часа. Трудно такое обсуждение считать информативно-аргументативным. Это всего лишь дань ритуальной фатике, как можно определить подобный тип говорения (оставляем в стороне всякие попытки разобраться в истинных мотивах такой организации обсуждения). Столкновение четко сформулированных интересов и убедительно обоснованных предложений заменяется разговором не по существу, имеющим реальную цель «проштамповать» решение правительства, придать ему силу закона.

Второй столь же показательный пункт — обсуждение двух взаимосвязанных вопросов — отчета правительства и вотума недоверия ему. Тема выступления М. Е. Фрадкова («Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2004 году») оглашена председательствующим. При таком заголовке содержание текста, казалось бы, вполне предсказуемо, тем более что выступает не просто эксперт-экономист, а глава правительства. Точно подобранные цифровые данные, исходное положение в экономике, сложности работы, задачи правительства, их реализация, результаты, планы — примерно этого можно было ожидать.

Цифры докладчик сразу отверг: *...Свое выступление построил таким образом, чтобы попытаться выполнить ваши пожелания и называть меньше итоговых цифр.* Оказывается, премьер извлек из опыта работы в истекшем году некие уроки: *Я хотел бы донести до вас, уважаемые коллеги, эти самые мои уроки. В моем изложении их будет пять.*

И действительно, далее в качестве итогов социально-экономического развития России излагается то, что глава правительства назвал «моими уроками». Придется коротко эти уроки перечислить:

1) проведение социальных реформ необходимо увязывать с обеспечением надлежащего уровня доходов населения; 2) необходимо плотно работать с регионами по всем вопросам, касающимся социальной и экономической политики; 3) нужно расширять подходы к поддержке экономического роста; 4) нужно повышать эффективность рыночных институтов и делать это на основе доверия бизнеса к власти; 5) необходимо увязывать стоимость реформ с имеющимися ресурсами и повышать эффективность бюджетного планирования.

Как выразился по поводу этих уроков один из выступающих в рамках обсуждения другого пункта повестки дня, *самое дорогостоящее образование в мире — это образование российского премьера в тече-*

ние последнего года (9. Ответственность правительства). В самом деле, сформулированные докладчиком максимы представляют собой либо вариации бытовых правил, либо общие места бесчисленного множества текстов последних десяти с лишним лет на социально-экономические темы. Все эти истины можно было бы постичь гораздо более экономным путем и даже вообще до премьерства. Так, пятый урок — это обычное правило ведения любого, в том числе и домашнего, хозяйства: согласуй расходы с ресурсами и доходами, правильно планируй траты. Сопоставим доклад с текстом, появившимся на заре нашего нового российского рынка. Только что правительство России возглавил Виктор Черномырдин. Тоже февраль, только 1993 года. Тоже подводятся итоги года минувшего. Тоже строятся планы. Социально-экономическая обстановка совершенно иная: инфляция превышает полторы тысячи процентов, производство, можно сказать, катится под откос... а речи звучат почти те же самые. В редакционном материале «Российских вестей» излагается доклад премьера на заседании Совета министров 11 февраля 1993 года. Виктор Черномырдин говорит:

Социальная поддержка населения. Надо знать, без чего и без кого не может страна сегодня жить. Нужна адресная, четко выверенная социальная поддержка населения (ср. урок 1); далее газета продолжает: Нужно четко решить, чем заниматься на федеральном и на региональном уровнях управления. Премьер обратился с предложением к представителям регионов: сделайте заявку, что вы хотите у нас отнять. Мы вам дадим, чтобы вы чувствовали себя полноправными хозяевами (ср. урок 2); премьер собирался продолжить политику предшествующего (гайдаровского) правительства, которое надеялось, что будет запущен настоящий, сильный мотор рынка (ср. урок 4); докладчик отмечает: Нужно четко определить, где спад производства, нужно немедленно остановить, где производство нужно наращивать, а где не допустить существование предприятий, заведомо не приносящих пользы ни людям, ни народному хозяйству, и согласиться с их банкротством (ср. урок 3).

Доклад — это первичный, базовый текст в контексте обсуждения очередного вопроса повестки дня. Производные, вторичные тексты — вопросы, вернее вопросно-ответные комплексы, и выступления депутатов в рамках того же обсуждения. Рассмотрим эти жанры.

Специфика всего жанра заседания состоит в том, что в обсуждении могут и даже, наверное, должны фигурировать не только те тексты, которые прозвучали в зале, но и те тексты, которые в письмен-

ном виде были предоставлены депутатам до заседания, а также тексты кулуарных обсуждений, для нашего рассмотрения совершенно недоступные. Кулуарные разговоры нам недоступны. Но письменные материалы, надо полагать, должны были бы компенсировать неконкретность доклада. В них, наверное, депутатам сообщались и цифры, и информация о конкретных действиях правительства, и планы работы в новом году. Опять в идеале можно было бы ожидать, что если в парламенте согласуются интересы разных социальных групп, то депутаты при содействии своих помощников (о повышении оплаты труда которых, кстати, также шла речь на рассматриваемом заседании Думы) тщательно изучили отчет и при его обсуждении могут прояснить детали, высказать пожелания и, согласовав позиции, добиться позитивных решений для тех людей, которых они представляют в законодательном органе. Во всяком случае, жанр заседания парламента предусматривает, что результат обсуждения, т. е. принятое решение, отражает совместные усилия, приложенные для уяснения важной общественной проблемы. От идеала снова переходим к действительности.

Особенность рассматриваемого заседания состоит в том, что вопросы задавались докладчику в рамках двух пунктов повестки дня (3. Отчет; 4. Вотум). Мы будем помечать их цифрами 3 и 4. Итак, что же за вопросы были адресованы премьеру?

Прежде всего нужно отметить неумение некоторых депутатов сформулировать вопрос коротко и ясно. Проявляется это в том, что оратор так затягивает обоснование, что на сам вопрос времени, отведенного регламентом, уже не хватает. Конечно, вопрос более или менее понятен из обоснования: *...Размер детских пособий, порядок их выплаты говорят о том, что вы против того, чтобы у нас были физически здоровые дети. Но еще хуже, если это будут нравственные инвалиды. Нравственный инвалид никогда не построит здоровую экономику. Скажите, какие меры вы и возглавляемое вами правительство намерены предпринять для формирования...* (Микрофон отключен.) (3). Однако отвечающий не всегда берет на себя труд уяснить этот вопрос. Например, в данном случае ответ свелся к детским пособиям, безработице среди молодежи, беспризорничеству. Заканчивается он так: *...нужна комплексная политика по работе с молодежью и детьми.* Таким образом, ответ превратился в оправдание по поводу обвинения, прозвучавшего в обосновании. Сам вопрос, который, видимо, касался нравственного здоровья детей, а следовательно, и воспитания, получил то, что раньше называлось «отпиской» (*нужна программа*). Кто ее будет составлять и будет ли это вообще делаться, неизвестно.

Мешает обсуждению неконкретность вопроса, совмещение вопросов, косвенный характер вопроса, оценка в виде вопроса. Приведем полностью один вопрос:

Михаил Ефимович, вот уже несколько лет бюджет нашей страны стабильно растет, что не только позволяет отдавать опережающими темпами наш внешний долг, но и позволило сформировать Стабилизационный фонд. Вот в этих условиях (а все это существовало в условиях натуральных льгот) какова все-таки истинная причина, зачем понадобилось так скоропалительно, скороспешно принимать и реализовывать этот закон? Ведь на самом деле натуральные льготы не мешали увеличивать бюджет, так сказать, действительно идти по пути роста валового внутреннего продукта. Натуральные льготы существуют во многих странах мира, и никто их не отменяет. В чем причина? Я просил бы назвать авторов. Кто действительно является автором этой реформы (это было бы очень важно знать), причем даже не посчитали количество наших льготников, о чем господин Зурабов здесь не раз говорил, перед тем, как эту реформу проводить. И почему эти люди, если они еще занимают посты, — почему они их занимают? И вообще, вы какие-нибудь выводы делаете по кадровому... (Микрофон отключен.) (4).

Здесь говорящий совмещает три вопроса: 1. Зачем понадобилось так поспешно принимать закон о льготах? 2. Кто составил закон? 3. Делаются ли выводы по кадровому вопросу? На второй вопрос ответа нет вообще. Он только кажется конкретным: кто автор закона. На самом деле от первой мысли о таком мероприятии (монетизации льгот) до текста предложения в Думу дистанция огромного размера. И людей (авторов?) на этом пути не счесть. Кого должен назвать отвечающий? Естественно, он не называет никого. В ответе на первый вопрос происходит подмена предмета речи. Докладчик просто сообщает общеизвестные, много раз прежде звучавшие рассуждения о необходимости монетизации и даже не думает касаться порядка проведения закона через Думу или его внедрения в жизнь. Третий вопрос кажется неконкретным, но, думается, по существу он как раз вполне конкретен. Протестующие против монетизации льгот граждане в своих выступлениях не раз требовали отставки М. Ю. Зурабова, так что вопрос депутата, скорее всего, касался именно этого сюжета. Ответ М. Е. Фрадкова свидетельствует о полном взаимопонимании общающихся: насчет кадровых выводов говорится, как тяжело министр М. Ю. Зурабов переживает сложности начала монетизации, т. е. косвенно дается понять, что «выводы не сделаны», все останется по-старому.

Замена прямого вопроса косвенным также позволяет отвечающему говорить не по существу. Приведем вопросно-ответный комплекс в целом.

Депутат: *Вот я только сейчас приехала из округа, и очень многие пожилые люди просили задать вам некоторые вопросы, я вот один из этих вопросов взяла с собой: «От имени многих и многих таких, как я. Живу в двухкомнатной хрущевке уже сорок лет, муж умер, детей нет. Пенсия — 2400 рублей, квартплата и отопление стоят 2100 рублей. Остается 300 рублей, а еще лекарства и все остальное. Представляет ли себе правительство, как может человек прожить на эту сумму? Если нет, то пусть попробует». Я почему задаю этот вопрос? Потому что следующая проблема в государстве, в марте, — будет связана именно с непомерными жилищно-коммунальными платежами. Вот этой женщине не положена субсидия, потому что она получает пенсию на десять рублей больше прожиточного минимума. Второе... (Микрофон отключен.)*

Докладчик: *Проблема действительно понятна, и мы этим занимаемся. И эта работа, естественно, не ограничивается правительственным, федеральным уровнем. Это в значительной степени вопрос все-таки местных органов. Каждый конкретный случай должен рассматриваться, и руководители в регионах и руководители на муниципальном уровне вправе эти вопросы решать. Есть некоторая нестыковка в тарифной политике, в возможности реализовать федеральные стандарты, их требования, с желанием обеспечить стопроцентную оплату. Это вопросы, которые на сегодняшний день обсуждаются в правительстве (4).*

Остается загадкой, какой прямой вопрос хотела задать «вопрошающая»: о тарифах? о субсидиях? о законодательном регулировании проблемы? И какого ответа она ожидала? Ответ по-своему конкретен: пусть проблема решается на местах.

Непонятно, какой ответ хочет услышать депутат, выражающий оценку в форме вопроса: *Кто у нас в стране умнее — народ или сотня никчемных врачей (шапка, как говорится, оказалась не по Сеньке)? И намерены ли вы, как председатель правительства, изменить кардинально свою политику, чтобы она шла в унисон с мнением народа, ученых и профессионалов?* (4). Ответ характеризует сам докладчик: *Это на общий вопрос как бы общий ответ.* В самом деле, общий смысл ответа: правительство старается вести понятную обществу политику, привлекает оно к работе и экспертов. Трудно оценить этот ответ как высокоинформативный.

Странно для обсуждения такого уровня, но в вопросах почти нет ссылок ни на доклад (что вроде бы еще можно понять, если учесть его содержание), ни на документы, которые, наверное, были предоставлены депутатам до заседания. На документы ссылок нет вообще, а ссылки на доклад отражают его отвлеченный характер (их всего четыре на двадцать вопросов):

Уважаемый Михаил Ефимович, мне и моим коллегам по фракции ис-

крenne жаль, что вам потребовался целый год, чтобы извлечь совершенно очевидные для нас, но, наверное, не для вас уроки. Не слишком ли высока цена? Ведь за это время вы, правительство, вами возглавляемое, обобрали все население России (3); Уважаемый Михаил Ефимович, вы правильно сказали о том, что социальную ответственность между центром и регионами разделять нельзя (3); Уважаемый Михаил Ефимович, вы совершенно правильно сказали, что нам нужно изыскивать средства для решения множества социальных проблем страны (4); Михаил Ефимович, в своем выступлении вы сказали, что при всех реформах нужно в конечном счете отталкиваться от позиции России в мире (4).

В первом случае спрашивающий откровенно иронизирует и выражает отрицательную оценку доклада в целом (затем идет обоснование вопроса и следует, вернее, последовал бы сам вопрос о нравственном воспитании, если бы микрофон не был отключен, о чем сказано ранее). По существу, отсылка к докладу не связана с вопросом. В трех следующих случаях такие связи есть. Они могут быть двух типов. Первый можно описать так: «вы правильно говорите, но действия вашего правительства противоречат вашим словам». Мысль об общей социальной ответственности центра и регионов правильна, но центр сбросил обязательства перед льготниками на регионы; мысль о важности позиции России в мире правильна, но что же в отношениях с Белоруссией творится? Второй тип связи можно описать так: «вы правильно говорите, вот и прокомментируйте такой-то конкретный случай». Правильная мысль о средствах для решения социальных реформ приводит к вопросу о том, сколько денег получено от продажи активов «Юганскнефтегаза». Эти ссылки являются скорее риторическим приемом, формальным замещением предусмотренной коммуникативным ритуалом позиции, но не обращением к конкретным положениям доклада или документов, предваряющих доклад.

Итак, вопросы не свидетельствуют о глубоком обсуждении проблемы. Формально обсуждение наличествует, по существу же никаких ценных идей этим «коллективным разумом» не порождается. «Продуктивная» агональность отсутствует и в этом звене текста заседания Госдумы.

Теперь обратимся к ответам на вопросы. Приведенные ранее ответы были неконкретными. и можно предположить, что это их качество обусловлено неточностью вопроса. Проанализируем весь массив ответов и выявим основные смыслы, передаваемые этими фрагментами вопросно-ответных комплексов. Из двадцати вопросов менее половины получили конкретные ответы. В остальных случаях ответы представляют собой туманные формулировки, в которых переплетаются

ирреальные модальные смыслы. Например, на вопрос о том, что дала административная реформа, следует такой ответ:

О результатах говорить преждевременно. Я специально в докладе оговорил, что если мы сумеем организовать работу так, чтобы министерства стали стратегическими штабами, а министры политически ответственными, фактически отвечающими за соответствующую отрасль людьми, то мы хотя бы частично эту задачу решим. В этом направлении мы идем (3).

Итак, результаты ожидаются в неопределенном будущем, для них нужны условия (министры должны стать ответственными людьми), вряд ли можно с полной уверенностью сказать, что это достижимо. Объективные и субъективные ирреальные модальности переплетаются: 'возможность', 'невозможность', 'неуверенность', 'долженствование'. При этом еще и действия правительства обозначаются неконкретно.

Например, на вопрос об общей социальной ответственности центра и регионов следует такой ответ: *Мы должны во главу угла ставить доходы населения, под это подстраиваться... Да, очень плохо пока, потому что только начали фактически эти акценты расставлять. Но это уже делается... Сейчас нам необходимо консолидировать свои усилия, на базе объективного анализа нужно сделать правильные выводы (3).* В ответе на вопрос о повышении оплаты труда в реальном секторе экономики звучит такая фраза: *Вопрос стоит о том, что это нужно делать, практически реализовывать эти задачи (4).*

Можно было бы объяснить эту отвлеченность ответов и нагромождение ирреальных модальностей особенностями индивидуального стиля говорящего, но данные характеристики удивительным образом напоминают другой жанр политического дискурса — предвыборную листовку, где кандидаты научились обставлять свои посулы электорату многими оговорками и промежуточными деталями. Пр процитируем только один пример из работы Т. Г. Федотовских «Ситуация обещания: эксплуатация ключевых смыслов в предвыборных листовках»: *«Инициировать разработку и реализацию областных законов... Предусмотреть в сбалансированном бюджете области отдельную статью расходов на социальную поддержку пенсионеров и обеспечить возможность доплаты пенсий всем пенсионерам области поэтапно выше прожиточного уровня, установленного в области (Вихарев 2003-2).* Связь «кандидат — благо» отражена вполне реалистично и оттого выглядит вполне эфемерной: поскольку речь идет о кандидате в губернаторы, то ясно, что закон он может только инициировать, а примут его депутаты или нет — бог весть, принятие бюджета — вообще

особая процедура, как она связана с инициированием законов — неизвестно; обеспечивается не доплата, а возможность доплаты, а поэтапность — это уже совсем заоблачные дали, о которых сейчас в России мало кто способен думать» [Федотовских 2004: 70]. Как в том, так и в другом случае потребное благо отодвигается в неясное будущее, между тем статус говорящих и коммуникативная ситуация различны: кандидат в губернаторы и действующий премьер — разные фигуры в политической игре, вот только говорят они почему-то одинаково. Может быть, это связано с тем, что в обоих ситуациях то, что сообщается, слабо связано с реальными действиями говорящего. В случае с кандидатом в депутаты законодательного органа или с претендентом на пост главы исполнительной власти это совершенно очевидно, поскольку само их избрание на должность проблематично. Но ведь и выступающий на заседании Думы премьер не обязан посвящать депутатов в тонкости деятельности правительства, поэтому и становится возможным сведение ответа к общим фразам. Кроме того, сказывается, по-видимому, отсутствие установки на продуктивность общения в целом. Происходит это потому, что одна из сторон, заняв непоколебимую позицию, может полностью игнорировать предложения другой стороны. Следовательно, столкновение интересов, борьба мнений оказываются бесплодными, а разговор одной из сторон — безрезультатным.

Таким образом, вопросы и ответы не демонстрируют глубокого обсуждения даже такого важного вопроса, как работа правительства в течение целого года.

Остается еще один жанр, предусмотренный ритуалом, — выступления участников обсуждения. При обсуждении процедуры рассмотрения пункта 4 «Вотум» депутаты решили, что будет по одному выступлению от фракций. Следовательно, предполагается, что будут выражены не мнения отдельных лиц, а коллективные мнения партий, представляющих интересы определенных слоев населения. Однако никакой дифференциации интересов в выступлениях не проявляется. Все партии защищают абстрактные *общество, Россию, страну, людей, народ, население, граждан*.

От фракции КПРФ: *Требование «правительство — в отставку!» — это не просто инициатива нашей партии или желание сотни депутатов, это суровый голос народа, миллионов участников акций протеста, которые охватили все регионы. Любой ответственный политик понимает, что в стране нарастает нестабильность, что все властные институты продолжают терять доверие граждан*. От фракции ЛДПР: *И не надо выводить людей вопросом о льготах... Ну вы же хотите знать, чем дышит страна?* От фракции «Единая Россия»: *...за последние годы*

люди стали воспринимать социальную стабильность как должное, как нормальное состояние общества, поэтому серьезные перемены и глубокие реформы многие воспринимают как некое покушение на эту социальную стабильность. От фракции «Родина»: Удвоение ВВП. Но спросите наших граждан, 145 миллионов граждан, понимают ли они, как хотя бы расшифровывается эта аббревиатура? А если народ не понимает, как расшифровывается аббревиатура, которая обозначена как главная цель развития государства, так чего вы хотите-то? От независимых депутатов: И мы должны понять, что до тех пор, пока мы не научимся думать о России больше, чем о собственной шкуре, ничего хорошего у нас здесь не получится. Разумеется, несколько раз особо упоминаются самые незащищенные слои населения («Единая Россия»), дедушки и бабушки, которые остались в двух-, трехкомнатных квартирах (независимый депутат).

От кого же защищают депутаты народ и даже Россию? Разумеется, от правительства в первую очередь, более обобщенно — от государства, несколько неожиданно — от самих себя, от депутатов. Все выступления — обвиняющие. Два из них — от КПРФ и ЛДПР — крайне агрессивные. О втором будет сказано отдельно, так как в нем особый сюжет обвинения. Речь депутата-коммуниста насыщена отрицательно-оценочными единицами. Перечислим некоторые из них — и содержание речи будет понятно, так как они озвучивают традиционные мотивы и прессы, и парламентской риторики этой партии: некомпетентность, безграмотность, безответственность, равнодушие, безразличие, нравственная неполноценность, социальный цинизм правительства; уничтожение населения, душист деревню, убивает духовные корни нации, ограбили, вымирающая страна, антисоциальное государство, геноцид, преступление, уничтожение аграрного сектора, зона социального бедствия и нищеты, разрушители, бесчеловечная политика, национальный позор (ср. негативно-оценочные единицы только из одной публикации «Советской России»: высокая смертность, бесконечные похоронные процессии, недопустимый уровень бедности, гробокопательство, аморальность и цинизм российской власти, бездарная неспособность чиновников решать кричащие проблемы, дутая экономика, патриотическая риторика, откровенное издевательство над поколением победителей, разрушительные деяния, зарвавшийся чиновник, аморальные инициативы, духовная деградация, полный распад общества [Народ 2005]). Наказание — как определяет и повестка дня — выражение недоверия правительству и отставка его.

Более сдержанно обвинение выражается в выступлениях депутатов от фракции «Родина» и от независимых депутатов. Самое главное, что в них фиксируется, — это безответственность и некомпетентность. Однако местами прорывается и агрессивность:

Люди в правительстве, называющие себя сегодня либеральными политиками, либо болваны, которые не понимают ничего в мировой экономике, либо предатели, открыто работающие на американские интересы; полный провал по всем направлениям; Куда мы гоним, куда торопимся? Вот поэтому мы и получаем результаты соответствующие.

Наказание они, однако, выносят то же — недоверие и отставка.

От «Единой России» прозвучала речь мягко обвиняющая: *Нынешнее правительство с чьей-то легкой руки назвали техническим. Как ни странно, это очень точный образ: такая счетная машина по распределению народных денег. Мы уже упрекали правительство в бухгалтерском отношении к реформам. Организационное их обеспечение сегодня не выдерживает вообще никакой критики. Наказания никакого фракция не требует: упреки — какое же наказание?*

Теперь о речи депутата от ЛДПР. В ней правительство тоже обвиняется, но лишь в том, что не может себя защитить. В качестве защиты предлагается *арест руководителей левых организаций*. Нарисовав воображаемую ситуацию такой защиты, выступающий и сам присоединяется к обороняющимся: *Не надо бояться, не надо бояться! Не бойтесь! Не бойтесь! Локоть, вы до Новосибирска не долетите, вас арестуют раньше, раньше арестуем вас*. Как видим, неопределенно-личное *арестуют* меняется на первое лицо *арестуем*. Таким образом, агрессия направлена не на правительство, а на коллег-депутатов (в споре это аргумент «к городовому»). Между тем в речи обещано, что фракция проголосует за недоверие правительству: *Повторю еще раз: мы проголосуем за это постановление*.

Наконец, как было сказано, обвинение предъявляется и всем депутатам Госдумы. В речи одного из двух выступивших независимых депутатов прозвучало: *...вина за то, что происходит, ложится не только на правительство, но и на большую часть депутатского корпуса*.

Итак, в выступлениях отражены позиции фракций. Никакого согласования точек зрения нет, результат обсуждения, как уже говорилось, заранее известен. Агональность этих речей — лишь дань ритуалу.

Отсутствие условий для живой, ведущей к оптимальным решениям борьбы мнений на заседании Думы придает многим выступлениям фатический характер. Это обстоятельство иногда находит выражение в том, что в целостном тексте заседания появляются противоречивые высказывания, которые можно объяснить следующим образом. При обсуждении пункта повестки дня говорится то, что выгодно фракции именно в этом контексте, даже если при обсуждении предыдущего вопроса говорилось нечто прямо противоположное.

Так, при обсуждении ряда вопросов на рассматриваемом заседании несколько раз заходил разговор об ответственности правительства:

Уважаемые депутаты, в завершение хочу сказать, что сегодняшнее наше заседание не про отставку правительства, сегодня наше заседание про понятие «ответственность». Люди по итогам сегодняшнего голосования решат: у нас в России за провалы кто-то вообще когда-нибудь несет ответственность или нет? И если слово «ответственность» в нашей стране еще чего-нибудь стоит, то правительство сегодня, 9 февраля, должно быть отправлено в отставку (4. Вотум).

Даже сам премьер-министр говорит о том, что министры должны быть политически ответственными.

Последний вопрос повестки дня как раз и посвящен был внесению изменений в закон «О Правительстве Российской Федерации». Поправки касаются именно юридической ответственности правительства и его членов за проводимую ими политику:

Концепция предлагаемых изменений в действующий конституционный закон сводится к следующему. Первое — к установлению обязанности правительства систематически представлять отчет в Государственную думу о проводимой им социально-экономической политике. Второе — к формированию критерия оценки деятельности правительства по указанным направлениям (9. Ответственность правительства).

При обсуждении предыдущих пунктов повестки дня все дружно говорили об ответственности правительства. На заседании стоял вопрос о вотуме недоверия и об отставке правительства. Отдельно был заслушан отчет правительства о работе в истекшем году. Тем не менее при обсуждении последнего пункта повестки дня в содокладе от фракции «Единая Россия» сообщается: *А как быть с конституционным положением (это статья 10 Конституции) о том, что органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны?* Таким образом, в одном случае обсудив отчет правительства, в другом случае фракция заявляет, что требовать отчета от правительства незаконно. Предложение о поправке оценивают даже как попытку «взломать» Конституцию Российской Федерации (9. Ответственность правительства). И снова поправка не принята не потому, что большинство депутатов проголосовало против, а потому, что 355 человек не голосовало вообще. Ритуал соблюден: прослушали доклад и содоклад, задали вопросы, выступили. И, как от пустой болтовни, отмахнулись от всего при голосовании, вернее при отсутствии такового.

Материал показывает, что и в политической сфере может быть говорение ради говорения, когда все решено до заседания, когда результаты разговора известны еще до его начала, когда речи произносятся

только ради того, чтобы можно было проштамповать заранее принятое решение. Формально это обсуждение — по существу же просто соблюдение ритуала, позволяющее дискурсу выполнить его регулятивную функцию [Шейгал 2004: 33].

Агональность политического дискурса, обусловленная тем, что речевая деятельность в этой сфере обслуживает и отражает борьбу за власть, в парламентской речи в идеале, видимо, должна представлять как столкновение мнений, ведущее к взаимоприемлемому решению проблемы. Однако расклад сил в сегодняшнем российском парламенте таков, что не способствует воплощению этого идеала в жизнь. Ритуализованный характер дискурса обязывает участников общения выстраивать тексты всех положенных для данной речевой ситуации жанров. Но нормативная для дискурса агональность меняет свой характер. У нее изменяется стимул: поскольку защита интересов своего электората для одной из сторон невозможна, сила сопротивления направляется на демонстрацию своей ущемленности, на обвинение противной стороны в нарушении норм общения в данной сфере. Смещение фокуса противостояния проявляется и в том, что борьба за интересы определенной социальной группы сменяется борьбой за возможность предстать перед этой группой в роли ее защитника. Разговор по существу проблемы может превращаться в разговор ради достижения ритуализованной цели — превратить решение правительства в закон. В этом случае сильная сторона просто делает свою позицию недоступной ни для каких поправок и дополнений, и в результате речь оппонента теряет всякую возможность стать результативной.

Остается высказать предположение, что такое формальное (фатическое) обсуждение важнейших вопросов порождается особым характером демократии, которую мы выстроили в своей стране. При демократии формально-представительного типа «граждане путем выборов передоверяют право на решения особым представителям, постепенно превращающимся в новую элиту — класс политических профессионалов» [Панарин 2002: 182]. Поэтому описанное положение дел может оказаться не только следствием временной комбинации политических сил в парламенте, но и проявлением типологических свойств нашей демократии.

Источники материала

База данных «Стенограммы заседаний Государственной думы». Заседание 9 февраля 2005 года.

Ю. Б. Пикулева
**Спортивный дискурс
в аспекте толерантности**

В пространстве актуальной культуры наблюдается устойчивая тенденция к повышению социальной роли спорта во всем мире. Спорт как деятельностная и информационная сфера с каждым годом приобретает в России все большую значимость. Об этом свидетельствуют, в частности, разработка по инициативе президента России федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в РФ на 2006–2015 гг.», появление федерального телевизионного канала «Спорт» и большого количества спутниковых каналов, специализирующихся на трансляциях соревнований по отдельным видам спорта, а также мода на здоровый образ жизни.

Спортивный дискурс выделяется в ряду институциональных дискурсов [Карасик 2002: 279]. Его исследование осуществлялось в функционально-лингвистическом аспекте [Аксенова 1986; Зильберт 2001; Панкратова 2001]. Наша задача — характеристика современного спортивного дискурса в аспекте категории толерантности.

На первый взгляд кажется, что коммуникативная категория толерантности [Михайлова 2004: 16] может быть представлена как базовая категория спортивного дискурса. Спорт, опирающийся на фундамент толерантности, призван примирять, воспитывать физическую культуру и благородство духа.

Однако система базовых ценностей спортивного дискурса обусловливает возможность неоднозначной содержательной трактовки толерантности в этом институциональном типе общения. Так, напри-

мер, важное для спортивного дискурса понятие «fair play» (игра по правилам, честная игра) подчеркивает необходимость соблюдения спортивной этики, незыблемость правил, соблюдение равновесия и ответственность сильного за слабого. Культурогенный потенциал этого концепта проявляется в том, что понятие «fair play» становится одним из ключевых в английской национальной ментальности [Цветкова 2001: 87], теряя строгую «привязку» к спортивной сфере и становясь толерантным жизненным принципом миллионов рядовых британцев. В то же время современный спорт немыслим без базового ценностного понятия «победа», аккумулирующего знания об определенной агрессивной стереотипной ситуации. *Победа* — ‘успех в битве, войне при полном поражении противника’ (СОШ 1999: 527). Перед нами концепт-фрейм, который представляет собой пресуппозиционную модель ситуации [Бабушкин 1998: 19]. Исходной идеей фреймового подхода является то, что человек, познавая новую ситуацию, каждый раз обращается к своим знаниям, своему опыту и выбирает в памяти фрейм, или некоторую заранее заданную структуру данных. Выбор этого ситуативного шаблона должен быть таким, чтобы путем его незначительного изменения, дополнения новыми деталями, но без перестройки самого шаблона сделать его пригодным для анализа и формального представления новой, но по своему построению стереотипной ситуации целого класса или целого класса ситуаций. Можно провести очевидную аналогию между концептами-фреймами «победа», формирующимися в военном и спортивном дискурсе на базе сопоставления ситуаций сражения и состязания. В структуре фрейма «победа», функционирующего в спортивном дискурсе, выделяются субъекты (состязующиеся), целеполагание (выявление лучшего в состязании), действие (состязание субъектов, при котором участвующие стремятся превзойти друг друга), результатив (поражение всех субъектов, кроме одного). Ничья — исход состязания, при котором никто не выигрывает, — оставляет неудовлетворенными состязующихся.

Противоречит принципам толерантности и такая ценность, как «спортивная злость» [Карасик 2002: 425]. В контексте спортивного дискурса в лексической единице «злость» актуализируются сема враждебности (‘злое, раздраженно-враждебное настроение’) и положительная оценка ‘боевого настроения — стремления действовать активно, бороться’ (СОШ 1999: 231). Агрессия становится условием желанной победы спортсмена.

С коммуникативной точки зрения спортивный дискурс неоднороден. Представляется, что можно выделить три типа спортивного

дискурса: собственно спортивный дискурс — ядро спортивного дискурса, представляющее собой общение базовых участников коммуникации (спортсменов, тренеров, судей, спортивных чиновников); спортивный журналистский дискурс — общение спортивного комментатора, журналиста с читателями, радиослушателями, телезрителями, пользователями Интернета; спортивный фанатский дискурс — общение спортивных болельщиков.

Рассмотрим названные разновидности спортивного дискурса в аспекте толерантности.

Специфика **собственно спортивного дискурса** заключается в его закрытости. Текстовый материал малодоступен для широкой публики. По наблюдениям специалистов, основным признаком текстов этого типа является терминологичность. Специализированные понятия здесь обозначаются посредством собственно спортивных терминов: *гол, пас, тодес, хук, хавбек, смэш, аут, тайбрейк, овертайм* и др., а общеспортивные термины нередко заимствуются из военной сферы: *победа, поражения, атака, нападение, контратака, защита, тактика, стратегия* и т. д. [Елистратов 2005: 69]. Агрессивный семантический потенциал базовых военно-спортивных номинаций способствует формированию в сознании спортсменов сценария соревнования-битвы и внушает установки нетолерантного взаимодействия.

Спорт — универсальный механизм для самореализации человека, его самовыражения и развития. Индивидуальность всегда ценилась в спортсмене, однако в последнее время она стала активно проявляться не только на спортивной арене. «Закрытый» ранее спортивный мир становится более проницаемым: спортсмены нередко позволяют себе публичные высказывания, содержащие серьезную критику в адрес других субъектов спортивной среды. Враждебность между участниками спортивной коммуникации (спортсменами, тренерами, судьями, спортивными чиновниками) обостряется на фоне коммуникативной деятельности субъектов, не имеющих прямого отношения к спортивным состязаниям, — например менеджеров, агентов, адвокатов, перекрывающих спортивное общение в коммерческую и правовую плоскости.

В качестве примера приведем фрагмент пресс-конференции, на которой разгорелась настоящая перепалка между лучшими пловцами России Станиславой Комаровой и Дмитрием Коморниковым, с одной стороны, и спортивными функционерами, с другой. Первые отказываются выступать в неудобной спортивной экипировке, предоставлен-

ной спонсором, а потому Всероссийская федерация плавания (ВФП) не допускает их к международным стартам. Общение сторон происходит теперь в присутствии адвоката.

Тагир Самокаев, адвокат пловцов: *Причина отстранения Дмитрия и Станиславы в том, что они не намерены выступать в экипировке спонсора федерации. Это что же получается? Спонсоры выбирают, кто едет на турнир, а кто нет?*

Станислава Комарова, спортсменка: *У нас за спортсменов никто не держится. А для федерации важнее не результат, а деньги. Они даже нами, лидерами команды, пожертвовали, чтобы не потерять деньги.*

Григорий Стецюк, вице-президент федерации: *Комарова говорит, что она не получала деньги из федерации с 2001 по 2003 год. Это неправда. Надо смотреть свои счета, у меня есть все документы.*

Комарова: *Да я каждую неделю хожу в свой банк. Никаких денег нет.*

Стецюк: *Станислава, а ты помнишь, что не заплатила еще штраф? И не за то, что выступала в другой форме. А за то, что не посетила допинг-контроль.*

Комарова: *Так вы же не дали мне реквизиты. Просила дать мне данные, чтобы перевести деньги.*

Стецюк: *Неправда, все данные у тебя были (Моск. комсомолец. 2005. 12 дек.).*

Участники диалога обвиняют друг друга в невыполнении обязанностей, возложенных на субъектов спортивного мира. Обвиненная в коррупции и бездушии Всероссийская федерация плавания, функция которой — обеспечивать спортсменов материальной и правовой поддержкой, утрачивает доверие с их стороны. Спортсмены отстаивают право самостоятельно принимать решения по вопросам, связанным с финансовой независимостью. Стратегия поведения чиновника — обвинение спортсменов в безответственности и несоблюдении контракта, причем спортивный руководитель использует уловку — уходит от темы. Конфликтная ситуация не разрешается гармонично, потому что такая «диверсия», при которой спорщики «уходят» от темы и основного тезиса, обращает сосредоточенный спор в бесформенный [Поварнин 1996: 105].

Одна из распространенных жанровых форм проявления индивидуальности субъектов собственно спортивного дискурса — открытые письма. Открытое письмо представляет собой аналитический жанр, фиксирующий оценки событий социальной практики ее рядовыми участниками [Сашенко 2003: 470]. Автор письма ставит перед собой

цель высказать собственную позицию относительно какой-то актуальной проблемы, проанализировав ее, предложить программу выхода из сложной ситуации. Обнародовав письмо, имеющее конкретного адресата, с помощью средств массовой информации автор стремится привлечь к проблеме общественное внимание, убедить широкого адресата в своей правоте и таким образом активизировать деятельность контрольных инстанций.

Интересно, как меняются источники фрустрации субъектов собственно спортивного дискурса, фиксируемые в открытых письмах. В начале 90-х годов XX века поводом для публичных заявлений становилось отсутствие гражданских свобод у спортсменов. Вспомним знаменитое открытое письмо хоккеиста Игоря Ларионова в адрес тренера Виктора Тихонова, опубликованное в журнале «Огонек»:

За последние шесть лет, с того самого дня, когда нашу сугубо личную, интимную беседу вы предали гласности на общем собрании команды, обвинив меня в «слабой игре», нам с вами никак не удавалось поговорить по душам... Десять месяцев в году мы находимся в отрыве от дома: бесконечные поездки, игры, а нет игр — сборы... Режим суров. Легче сказать, что нам можно, чем о том, что нельзя... (Огонек. 2002. № 31).

В начале XXI века напряжение в спортивной среде вызывает неумелое хозяйствование и финансовые проблемы:

В апреле 2002 г. прыжки проводились только для лиц, готовящихся к армии, и кадетского корпуса. Начальство клуба не захотело провести прыжки со всеми желающими кадетами, хотя эти прыжки были оплачены. Молодым людям, которые желают прыгать и оплачивать свои прыжки, не хотят предоставить такой возможности. При этом спортсменам, обеспечивающим прыжки (укладка парашютов, размещение старта, обучение), не уделяли должного внимания. Не было высоты для возможности тренировок и повышения спортивных разрядов, не было и отдельных спортивных взлетов для улучшения качества прыжка в группе... Очень неприятно наблюдать, как бесполезно пропадает материальная база клуба, как парашютная техника приходит в негодность. Ранее оборудованные классы полностью не востребованы, самолетная и вертолетная техника просто простаивает. А ведь можно организовать там работу и с парашютеристами, дельтапланеристами, не говоря о том, что клуб под своей крышей мог объединить всю область. Есть примеры работы в других областях, но... (из открытого письма спортсменов-парашютистов г. Тамбова председателю ЦС РОСТО Анохину Алексею Ивановичу, Губернатору Тамбовской области Бетину Олегу Ивановичу, Президиуму Федерации парашютного спорта России; см.: <http://www.dropzone.ru/tambovletter.shtml>).

Показательно, что с каждым годом адресаты открытых писем становятся все «высокопоставленнее», а содержание все конфликтнее.

Вот, к примеру, открытое письмо, адресованное президенту Российской Федерации В. В. Путину:

Уважаемый Владимир Владимирович!

Обратиться к Вам заставили нас крайние обстоятельства. Как никто другой Вы знаете, в каких условиях возрождалась футбольная команда «Терек» и какой визитной карточкой и мирной ласточкой стала она в последние годы для Чеченской Республики. Однако наше участие в чемпионате России в премьер-лиге становится в этом году невыносимым, или, если хотите, бессмысленным.

С самого начала турнира судьбу игр с участием «Терека» решают на поле не команды, а судьбы. Поначалу мы думали, что это судейские ошибки. Теперь, когда на протяжении семи месяцев эти ошибки повторяются от игры к игре, у нас нет сомнений: это целенаправленная атака на чеченскую команду со стороны судейского корпуса, возглавляемого Левниковым Н. <...>

Сегодня «Терек» для Чеченской Республики больше, чем команда. Возрождая «Терек» в 2000-м году, президент Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадыров ставил цель через спорт, через культуру, принести мир на чеченскую землю. С Вашей помощью, уважаемый президент, возродив «Терек», мы подарили многострадальному народу Чечни отдушку. Все эти пять лет республика, забыв свои беды и невзгоды, живет успехами и достижениями любимой команды.

За «Тереком» смотрят и наблюдают старики, женщины, дети. Благодаря имени грозненского клуба и его успехам сегодня в республике открыты детско-юношеские спортивные школы. Только в футбольной школе «Терек» занимается полторы тысячи детей. Всего же по республике футболom охвачены тридцать тысяч детей и юношей. «Терек» стал визитной карточкой не только Чечни, но и всего Северного Кавказа. Чеченская футбольная команда сплотила вокруг себя народы и города Северного Кавказа. На наши домашние игры в Пятигорске приезжают тысячи людей из разных городов Юга России. Все они болеют за «Терек». Досадно, что судьбу целого народа, его настроение, определяют сегодня судьи Евстигнеев, Иванов, Гвардис... Не для того мы возрождали «Терек» в тяжелых условиях, чтобы дать похоронить его футбольным арбитрам.

Уважаемый Владимир Владимирович! Мы просим Вашего вмешательства в ситуацию. Мы за честный футбол. Все, чего мы хотим, — это всего лишь объективного судейства. Если российский футбольный союз не в состоянии обеспечить объективное судейство в оставшихся матчах чемпионата России с участием нашего клуба, просим на наши игры назначить иностранных арбитров.

С уважением, Руководство РФК «Терек». Футбольная команда «Терек». Болельщики ФК «Терек» (www.terek-grozny.ru).

Представленный текст формирует в сознании адресата образ спортивной команды — жертвы несправедливого судейства. Однако

несмотря на то, что причина бедствий команды прямо указана — это произвол судей, подтекстный смысл, легко извлекаемый из формулировок, следующий: *«команда «Терек» пострадала из-за того, что представляет флаг Чеченской республики в российском чемпионате»*. Неудача в состязании с лучшими отечественными командами становится вопросом политическим, а не только спортивным, поэтому и обращается «Терек» с жалобой к первому лицу государства. За последние годы значение спорта в системе ценностей современной культуры резко возросло. Представленное открытое письмо показывает, что политика и спорт становятся идеологическими коррелятами. Чеченская футбольная команда, *которая сплотила вокруг себя народы и города Северного Кавказа*, становится *мирной ласточкой, отдушиной для многострадального чеченского народа*. Однако враги (судьи и, возможно, стоящие за ними *политические силы*) *целенаправленно атакуют команду, намереваясь похоронить чеченский футбол*. Агрессия в отношении «Терека» может прекратиться только с привлечением к работе в российском чемпионате иностранных судей (здесь *чужое — значит лучшее*). Мифологема *заговора* (подозрение в том, что результат состязания решается не на спортивной арене, а за кулисами) весьма популярна среди субъектов российского спорта, она активно поддерживается журналистским спортивным дискурсом.

Спортивный журналистский дискурс, представляющий собой комментарии журналистов по поводу соревнований, личностей спортсменов, состава соревнующихся команд и др., демонстрирует усиление стереотипизации образа врага, формирующегося на национальной основе. Как показывает практика, спортивный журналистский дискурс оказывает огромное влияние не только на спортивный мир, но и на общественное мнение в России и в мире. Стоит вспомнить, какой серьезный политический и общественный резонанс получила история о том, как во время зимней Олимпиады в Солт Лейк Сити (2002 г.) с помощью развернутой американскими СМИ кампании по дискредитации судейства в фигурном катании канадская спортивная пара получила золотые медали. В ходе этой информационной атаки активно использовался давно сформированный в массовом американском сознании стереотип *русский — нечестный, связанный с криминальными структурами*. Ключевые слова-раздражители, используемые западной прессой по отношению к Российской Федерации фигурного катания, такие как *мафия, деньги, коррупция, купить*, не являлись тематическими в спортивном дискурсе, а потому переключили обсуждение итогов соревнования в коммерческую и криминаль-

ную плоскости. Общим местом в американских СМИ стала номинация *Дон Фигурлеоне*, адресованная президенту Международного союза конькобежцев Оттавио Чикванта, который, как утверждали журналисты, вместе с российскими спортивными чиновниками контролировал распределение призовых мест в фигурном катании на всех крупных турнирах. Отечественные СМИ, в свою очередь, обвиняли Америку, страдающую комплексом супердержавы, в дискредитации итогов соревнований и попытке установления тотального контроля во всех сферах общественной жизни. Сами же канадские спортсмены были заподозрены в корыстности (цена рекламных контрактов у олимпийских чемпионов значительно выше, чем у серебряных призеров), неспортивном поведении (на разминке канадка намеренно врезалась в российского фигуриста). Журналист, становящийся медиатором, посредником в межкультурной коммуникации, обращается к массовой недифференцированной аудитории, но прежде всего к аудитории, говорящей на его языке, имеющей ту же национальную принадлежность. А потому он вынужден стереотипно реализовывать оппозицию «мы — они»: «мы — журналист и его гипотетический адресат (позиция которого структурно задана самим текстом) — “свои люди”, представители одной культуры; они — чужие в том или ином смысле» [Чепкина 2005: 467]. Защита «своих» спортсменов, таким образом, становится прямой обязанностью средств массовой информации, которые активно использовали метафоры «холодной войны» и теории заговора для описания ситуации, сложившейся на Олимпиаде.

Об укорененности в общественном сознании негативных журналистских оценок по отношению к соперникам можно судить по тому, что спустя годы самые яркие моменты олимпийских баталий становятся прецедентными знаковыми ситуациями, культурно значимыми для социума, эмоционально переживаемыми всей страной и порождающими волну негодования и открытой негативной иронии, служащей для демонстрации неприятия несоответствия идеала и действительности. Эта ирония, в которой чувства довлеют над разумом, которая не скрывает свою оценку, «клеямит язвительной улыбкой» объект осмеяния (иностраннный спорт) и в то же время сомневается в возможности устранения выявленных недостатков [Пивоев 1982: 58], ярко проявляется в анекдотах, которые публиковались в газетах после событий зимней Олимпиады 2002 года. В этих текстах ситуация справедливого спортивного соревнования представляется абсурдной: как нечто несомненное подается идея о том, что в спорте все решается на политическом уровне.

Российская фигуристка Ирина Слуцкая завоевала серебряную медаль... Золотую награду Олимпиады получила американская фигуристка, собиравшая цветы, брошенные Слуцкой, — она единственная из всех американских фигуристок устояла на коньках.

Национальным олимпийским комитетом США предложена новая сверхэффективная система судейства на соревнованиях по фигурному катанию: количество судей необходимо увеличить до 50 — по одному представителю от каждого штата США.

Дочь прибегает в слезах к президенту Бушу:

— Папа, выручай! Я на \$100 000 поспорила, что канадская пара завоеует «золото» в фигурном катании! Папа, ну помоги!

— Ну, дочка, это ведь не в первый раз! То ты по обществоведению напарилась, что войска США стоят в Афганистане, а теперь, значит, фигуристы?!

Французский олимпийский комитет опротестовал результаты войны 1812 года, потребовал сжечь Москву и наградить Наполеона посмертно медалью «За волю к победе» (Комс. правда. 2002. 26 февр.).

Подобное открыто проявленное ироничное отношение возможно в ситуации, когда субъект, порождающий текст, не видит ничего положительного в объекте иронии. Это представление служит основой для психологического отчуждения между спортсменами и народами, болеющими за своих представителей на спортивных состязаниях. Национально обусловленный стереотип (*свой спортсмен всегда хорош, чужой — плох*) становится базой для комментаторских оценок, потому что именно эта система понятий востребована широкой аудиторией, испытывающей благодарность к журналисту, который раз за разом подчеркивает национальное превосходство «своих». Не случайно громом оваций было встречено заявление комментатора Дмитрия Губерниева, который, объявляя выход на лед спортивной пары Бережная — Сихарулидзе в туре «Восхождение» в Екатеринбурге (Дворец игровых видов спорта. 9 окт. 2005 г.), сказал: *Единственные настоящие чемпионы Солт Лейк Сити*. Наших чемпионов отечественные комментаторы, как правило, представляют несомненными, подлинными, образцовыми.

Язык средств массовой информации, описывающих спортивные состязания, отличается особой экспрессивностью, которую обеспечивают выразительные средства языка. Одним из излюбленных приемов в спортивном журналистском дискурсе становится развертывание военных метафор. О «метафорической экспансии» многих военных терминов писал еще Д. Н. Шмелев [Шмелев 1968: 54]. О. П. Ермакова склонна видеть причины частотности метафоры войны в публицистике в милитаристском характере нашей страны в течение мно-

гих лет [Ермакова 2000: 45]. Огромную роль в начавшемся еще в 50–60 годы XX века процессе активного взаимодействия «агрессивной» и собственно спортивной лексики сыграло политическое противостояние [Елистратов 2005: 68–69]. «Спортивные состязания стали все заметнее приобретать зловещий оттенок агрессии. На международном уровне “свое” естественным образом заменялось на “наше”. “Наши” обязаны были “вмазать” шведам, “наказать” немцев, “проучить” американцев. Советские сборные, как десантные отряды, совершали глубокие рейды в тылу врага, вызывая победами чувство законной гордости» [Вайль, Генис 1998: 213–214]. Милитаристские метафоры в спортивном журналистском дискурсе (например, *закрепиться в обороне, начать яростную атаку, осада ворот противника, прорвать линию защиты по правому флангу, обстрел ворот, надежный тыл, пойти в контратаку, армия легионеров* и т. д.) становятся привычными: ведь спорт основывается на жесткой конкуренции, которая характеризуется повышенной агрессивностью, желанием победить любым путем. Но, даже становясь устойчивыми, «стертыми», метафорические речевые обороты не теряют агрессивную составляющую значения.

Этап подготовки к соревнованию, описанный журналистами, часто напоминает былинный ритуал отправления на битву:

Священник благословил Валуева на бой. <...> Заключительный этап подготовки Николай проводит в Берлине. Здесь, у стен рейхстага, он коротает дни, нещадно избивая на ринге десяток своих спарринг-партнеров. Этим парням не позавидуешь: мало приятного в том, чтобы стать мишенью для самого «крупноформатного» боксера в мире... Впрочем, наш чудо-богатырь уповает не на грубую физическую силу и совершенство не только тело, но и душу. На днях он решил завоевать расположение самого могущественного и беспристрастного «болельщика» и отправился в... церковь... Священник благословил боксера на подвиг и посоветовал на Бога надеяться, но самому не оплошать (Комс. правда. 2005. № 195).

Спортивное состязание представляется сражением, в котором воюющие стороны бьются до победного конца:

Победная очередь «Калашникова». Потомок викингов сразу взял быка за рога — 2:0. На минутку Евгений «проснулся», однако скандинав был безупречен — 4:1. Магнус «стрелял», как «Магнум», а Кафельников — «Калашникова» допускал одну осечку за другой. ...Когда зрители уже приготовились смотреть спектакль в трех действиях, россиянин очнулся от дремы и выдал свой фирменный теннис. ...Удивить — значит победить. Ошеломленный швед по инерции еще сопротивлялся, но в конце концов вынужден был капитулировать, открыв дорогу россиянину в третий круг престижного турнира (Сов. спорт. 2000. 15 нояб.).

Обращает на себя внимание, что спортсмены с подачи журналистов нередко получают прозвища, соответствующие названиям видов вооружения, составляющих гордость отечественного ВПК: Су-33 превел предолимпийское бомбометание. Форвард Максим Сушинский стал главной звездой московского этапа Евротура, который блистательно выиграла сборная России (Косм. правда. 2005. 20 дек.); Кириленко «убивает» НБА? АК-47 — не робот, это прозвище Андрея Кириленко, 47-го номера «Юты». Но Андрей, почти как киборг, крушит противника и выполняет самим себе поставленные задачи (Комс. правда. 2004. 17 нояб.). Даже тогда, когда речь идет не о состязании, а о показательных выступлениях спортсменов, все равно журналисты прибегают к военным метафорам: *Если весной мы могли наблюдать за выступлениями практически всей сборной России нынешнего «созыва», то сейчас под свои знамена Илья Авербух, идейный вдохновитель шоу, призвал в основном профессионалов* (Екатеринбург Евро-па-Азия. 2005. № 11).

Агрессивность собственно спортивного и журналистского спортивного дискурсов находит продолжение, а в какой-то мере и подпитку в спортивном фанатском дискурсе. Наблюдая за соревнованиями, болельщики переживают за любимых спортсменов, за честь страны, нации, и эта эмоция объединяет. Но настолько ли толерантно это единение, согласие? Толковый словарь русского языка фиксирует переносное значение глагола *болеть* — *‘будучи чьим-н. сторонником, поклонником, остро переживать его успехи и неудачи’* (СОШ 1999: 55) и отмечает нормативное управление — *за кого-что*. Очевидно, что фанаты болеют за «своих». Но субкультура болельщиков изначально ксенофобская — она строится на нетерпимости к «чужому» — незнакомому, иностранному, а значит, делит мир на «своих» и «чужих». Неслучайно в речи болельщиков употребляется словосочетание с нестандартным управлением: *болеть против кого-чего*. Объединение толпы фанатов на основе враждебного отношения к «чужим» (в частности, к болельщикам другой команды и представителям правоохранительных органов) приводит к формированию идеологии *ультрас* — радикальных болельщиков.

Зафиксированное, а потому доступное для изучения общение болельщиков можно обнаружить в фанзинах (от англ. *fan-zine*), которые создаются прежде всего футбольными фанатами, печатаются на дешевой бумаге, снабжаются обычно нечеткими фотографиями, простыми рисунками. Тексты в подобных изданиях в полной мере отражают идеологию людей, иступленно преданных любимой команде. Дока-

зывать свою преданность команде в среде фанатов принято агрессивными поступками. Стоическое переживание неудач любимой команды признается ненормой: *Сезон оказался провален полностью. Морды остались целыми, стекла неразбитыми, стадионы неразгромленными, ай-яй-яй* (Фанзин болельщиков «Зенита» // Огонек. 2005. № 39). Фанаты становятся носителями ультраправых идей, нередко объединяются со скинхедами, поддерживая лозунг *Россия для русских*. Современные политики уже пытаются «приручить» футбольных хулиганов, видя в этих мобильных, физически сильных, обладающих активной жизненной позицией молодых людях «полезный» электорат. В радикальных кругах витают идеи создания общероссийского патриотического движения, основу которого составили бы футбольные фанаты в союзе с молодыми людьми, отстаивающими «интересы простых русских парней»: *Неприятно смотреть на большое количество толковых людей, обладающих многими необходимыми для Белого Человека качествами, но живущих в условиях идейного вакуума, без духовного стержня* (Русский фан-вестник (издание болельщиков ЦСКА) // Огонек. 2005. № 39). Идеология превосходства титульной нации формируется редакциями подобных изданий даже при обсуждении бытовых вопросов. Например, на вопрос, можно ли настоящему фанату употреблять спиртное, редакция фан-вестника отвечает: *Необходимо держать себя в тонусе. Ведь нам надо растить поколение людей-патриотов, рожать хороших Русских детей, которые не продадут свою страну, как демократы* (Там же). Националистическая основа подобных высказываний, выражающаяся в жестком разделении мира на «своих» (русских патриотов) и «чужих» (в данном случае — продажных демократов), втягивает футбольных фанатов в политическое противостояние.

Развитие информационных технологий приводит к возрастанию популярности интернет-форумов — тематически определенных страниц в виртуальном сетевом пространстве. Здесь любители спорта могут круглосуточно общаться друг с другом: во время соревнований спортивные форумы фиксируют непосредственные реакции, всплеск эмоций фанатов; в межсезонье интернет-пользователи активно обсуждают подготовку к новым стартам и личную жизнь спортсменов. Диалоговая (точнее, полидиалоговая) основа жанра форума, характеризующегося неупорядоченной сменой речевой активности говорящих, массовостью реплик-реакций, речевым единоборством, не может не привести к возрастанию конфликтности, враждебности в этом речевом пространстве.

Продemonстрируем агрессивность спортивного фанатского дискурса на примере интернет-форума «Фигурное катание» (сайт www.sports.ru). Каждая страница этого сайта содержит правила пользования форумом, дающие установку на толерантное общение: ***Предупреждение:** На форуме запрещено размещать: сообщения рекламного характера, сообщения, содержащие ненормативную лексику, сообщения, пропагандирующие национальную рознь, насилие, а также иные сообщения, противоречащие российскому законодательству и принципам деловой и общественной этики.* Практически все эти пункты нарушаются в непосредственном общении, и модераторы, которые должны следить за формой и содержанием высказываний, не успевают удалять или умышленно не удаляют реплики и целые диалоги, не соответствующие декларируемым правилам. Вот фрагмент типичного для этого спортивного форума полилога, начинающегося с информационного сообщения (сохранены орфография и пунктуация оригинала):

НОВОСТЬ

Лолита, 16 марта 2005, 22:25

Хонбо-Джао только что сняли с соревнований,

Re: НОВОСТЬ

А почему?, 16 марта 2005, 22:36

Разве у них были травмы? Если мы выиграем золото, а шансы выросли, то тогда не будет победы на 100 %. Ведь они самые первые соперники наших.

Re: Re: НОВОСТЬ

И у партнера и у партнерши травмы, 16 марта 2005, 22:49

с чего вы думаете они так откатали короткую? Иначе Тотмары их бы не обошли. Увы при всей моей любви к этой паре, они не дотягивают до китайцев.

Re: Re: Re: НОВОСТЬ

riffa 17 марта 2005 07Ж19

Категорически не согласна. Китайцы сейчас далеко не такие как 2 года назад. Программы слабые, исполнение невыразительное

Re: Re: НОВОСТЬ

травма была, 17 марта 2005, 01:43

получена Хонгбо во время разминки.

Re: НОВОСТЬ

случайный прохожий, 16 марта 2005, 22:43

почему????????????

Re: Re: НОВОСТЬ

Очень, 16 марта 2005, 23:19

жаль! У нас по евроспорту сказали, что у них травма, а вот про Женю ни слова. А еще когда гимн России играл съязвили в том духе что посмотрим завтра будет ли играть русский гимн. Вот так вот. Жене УДАЧИ!!!

Re: Re: Re: НОВОСТЬ

Mlia 16 марта 2005 23:Ж25

Da cto vy lezete vcudu so svojim Zhenei. On- ne vse fk. Eurosport, chto obiazan, kruglocutochno peredavat svodku o ego zdorove. ZADRALI POLOUMNYE!!!

Re: Re: Re: Re: НОВОСТЬ

Слушай, психичка, 16 марта 2005, 23:32

люди говорят о том что им интересно. Начни новую тему а не твякай тут.

Re: Re: Re: Re: НОВОСТЬ

???, 16 марта 2005, 23:47

а чем тебе, Фрима, Женька в борщ насрал? Или ты там среди своих евреев совсем с катушек съехала? Пшла отсюда!

Re: Re: Re: Re: Re: НОВОСТЬ

Mlia 17 марта 2005 00:Ж04

Poshla sama na vse bukvy. Ia ne Frima, a evrei vse uehali.

Re: Re: Re: Re: НОВОСТЬ

Да заткнись, 17 марта 2005, 01:27

ты уже, придурочная! Сама задрала тут всех. А по Евроспорту действительно могли бы хоть что-нибудь про Женю и сказать, а то держат в неведении полном. Но похоже, он все-таки снялся. Значит разум победил, слава Богу.

Re: Re: Re: Re: НОВОСТЬ

За Коня, 17 марта 2005, 02:06

Mlia, иди на муй срочно со своими истеричными воплями!

Обсуждение новости, которая, казалось бы, сулит неплохое развитие событий на чемпионате мира для лучшей российской пары, поначалу идет в корректных рамках: собеседники спокойно выражают противоположные точки зрения на сложившуюся ситуацию. Однако нарушение тематической целостности полилога (в разговоре о спортивном парном катании упоминается имя известного российского фигуриста-одиночника Евгения Плющенко) вызывает открытую негативную реакцию. Ненормативная лексика (пусть и в чуть трансформированном виде, но все равно легко опознаваемая) тут же используется следующим участником полилога в качестве «ника» — имени, под которым болельщик общается в виртуальном пространстве форума. Сообщение, включающее резкие оценки и открытую

иронию по отношению к спортсмену (явному любимцу посетителей форума), написано латиницей: это может говорить о том, что его автор — носитель русского языка, проживающий за границей. «Чужая» графика и мнение, отличное от большинства, моментально провоцируют агрессию, о чем свидетельствуют реплики-инвективы, содержащие националистические оценки, вытесняющие «чужого» участника дискуссии за пределы «своего» круга.

Казалось бы, фигурное катание — спорт, имеющий эстетическую природу, и ценители его должны быть людьми культурными, образованными, однако жанр интернет-форума, предполагающий неконтактный способ общения, анонимность собеседников, влияет на болельщиков, позволяя им отбросить условности «цивилизованного» регламентированного общения. Ненормативная лексика, грубые выражения часто используются болельщиками безадресно — в усилительном «междоиметном» смысле — и не преследуют цель понизить социальный статус коммуникативного партнера, оскорбить его [Жельвис 2001: 84]. В качестве первичной реакции на неудачное выступление спортсмена, несправедливое судейство непосредственно во время соревнования и на стадионах, и в форумах нередко употребляются подобные восклицания. Однако, когда соревнование заканчивается и состояние большой эмоциональной напряженности спадает, инвективы продолжают звучать в речи болельщиков уже в качестве намеренных оскорблений, жестких личностных оценок. Причем волна агрессии вызывает цепную реакцию. Поток брани соединяется с призывами к насилию:

насчет вчерашнего (прости, что это уже было, но сил нет — так сказать хочеща)

[нец.], 16 марта 2005, 18:49

Кста, вчера я сидел недалеко от Фло, Кид и еще какой-то идиотки. Они держали плакат «Джонни круче всех», а недавно орали тут как бешенные сучки, что этому самому Джонни обыграть Плюща как два пальца обоскать. Девушки, ответьте на вопрос: что же ваш пидор американский не обыграл Плюща даже при ТАКОМ его прокате?!:-) А?:-) А тебя, Фло, еще раз будешь орать «Ура!», когда Плющ упал, я тебя на части порву — вернешься с соревнований фингалом под глазом. Сучка. У всех остальных прошу прощения.

Re: насчет вчерашнего (прости, что это уже было, но сил нет — так сказать хочеща)

Мда, 16 марта 2005, 19:03

Джонни хороший мальчик и не пидор. А Фло врежьте как следует, полудурочная тварь.

Re: Re: насчет вчерашнего (прости, что это уже было, но сил нет — так сказать хочещца)

для дуры 007, 17 марта 2005, 01:40

Пошла на <нец.>, чмо! Вместе с Фло, Фримой и другими вонючими тварями. Видимо я тоже присоединюсь к тому, чтобы выбить уродине Фло другой глаз. Все равно уродина. А тебе 007 вообще сходить желаю. Все.

Re: насчет вчерашнего (прости, что это уже было, но сил нет — так сказать хочещца)

007, 16 марта 2005, 19:10 И ты не угрожай Фло!!!! У нее хоть один будет фингал и все!!!

Re: Re: насчет вчерашнего (прости, что это уже было, но сил нет — так сказать хочещца)

[нец.], 16 марта 2005, 20:11

я не угрожаю. я просто в глаз дам. я даже уже решил где — на выходе. Пусть готовится. Как раз по очкам ее стильным и врежу. чтобы не была такой сукой.

Болельщик, будучи чьим-то сторонником, поклонником, остро переживает успехи и неудачи кумира / кумиров. У фаната преданность любимому спортсмену, команде доходит до иступления — крайней степени возбуждения, страсти, поэтому конфликты на интернет-форумах неизбежны. Основными причинами появления враждебных выпадов в репликах болельщиков можно признать нетолерантные высказывания в адрес любимых спортсменов, вербальные столкновения профессиональных фанатов и простых любителей спорта, чрезмерные проявления фанатизма. Степень конфликтности может определяться и некоторыми собственно речевыми факторами: так, подробный анализ, слишком длинное высказывание болельщика в форуме всегда вызывает большую агрессию, нежели короткая реплика; негативные реакции возникают и в связи с нарушением тематической целостности разговора, и в связи с орфографической и пунктуационной неграмотностью фаната.

Образы «врагов» в спортивных интернет-форумах строго определены. Прежде всего — это соперники любимых спортсменов и их фанаты; тренеры, жертвами экспериментов которых становятся их подопечные; судьи, несправедливо выставяющие оценки; спортивные чиновники и организаторы соревнований, которые не создают условия для того, чтобы болельщики могли наслаждаться любимым видом спорта; журналисты и комментаторы, обладающие низким уровнем профессионализма и потому мешающие наблюдать за состязанием. Осуждение этих субъектов спортивного мира на виртуальных стра-

ницах всегда проходит с большим воодушевлением и приводит к массовому единению фанатов. Длительное общение фанатов в своей микросреде определяет наличие конвенциональности в оценках, которые маркируют «своих» и «чужих».

Анализ спортивного дискурса в аспекте толерантности показывает, что спортивное сообщество, живущее по законам состязательности, конкуренции и конфликта, склонно к проявлению как скрытой, так и открытой речевой агрессии. Базовые ценности и метафоры спортивного дискурса, имеющие агрессивную милитаристскую природу, активно распространяются в обществе с помощью средств массовой информации, формируя в сознании болельщиков образы «врагов» и нетолерантные установки взаимодействия с субъектами спортивной коммуникации.

Источники материала

Емельянов И., Кабанников А. Пять дырок от бублика // Комс. правда. 2002. 26 февр.

Коробатов Я. СУ-33 провел предолимпийское бомбометание // Комс. правда. 2005. 20 дек.

Коробатов Я. Священник благословил Валуева на бой // Комс. правда. 2005. № 195-т.

Миронова О. Наскальная литература // Огонек. 2005. № 39.

Николаев И. Победная очередь «Калашникова» // Советский спорт. 2000. 15 нояб.

Пикулева Ю. Восхождение на Олимп // Екатеринбург Европа-Азия. 2005. № 11.

Садков П. Кириленко «убивает» НБА? // Косм. правда. 2004. 17 нояб.

Спаский О. Тихонов и СССР // Огонек. 2002. № 31.

Степанцева И. Шершавая вода // Московский комсомолец. 2005. 12 дек.
www.dropzone.ru/tambovletter.shtml

www.sports.ru

www.terek-grozny.ru

О. П. Жданова
Конфликт как актуальный
маркер студенчества

Студенты — в веках необходимое и для самих молодых людей, и для государства сообщество. Как таковое оно давно уже стало привычным в социокультурной системе каждого относительно большого города, который считается или хочет считаться настоящим. В глазах семьи, общественного мнения, производственных и научных корпораций, власти студенчество воспринимается обычно как группа интересов. Так, на студентов пристально смотрит старшее поколение. К ним внимательно присматривается рынок труда. Ровесники же и те, кто младше, ориентируются на студентов в ситуации выбора. И это подтверждено результатами многократно проводившихся социометрических экспериментов, неизменно выявлявших привлекательность и значимость студенчества как социума. Быть студентом хорошо, нужно, интересно — устойчивый стереотип общественного мнения.

В отличие от Америки, где университеты в большинстве своем «прячутся» обычно в пригородах и маленьких городках [Генис 2000: 80], у нас вузы всегда тяготели и тяготеют к центру: столичному, региональному, городскому. Как храмы науки, вузы в России являются для внешней среды и ее субъектов своего рода «знаками качества». Их символическая функция устойчива и определена: создавать вместе с другими знаками благоприятный «портрет» той или иной социальной среды, власти. В крайнем случае быть тем штрихом, который может сделать этот «портрет» более привлекательным.

Сегодня условия жизни и учебы студентов, правила входа в вузовскую среду и выхода из нее настолько изменились, стали настолько многообразными, что вопрос о тенденциях и характеристиках, которые являются определяющими для этого социума в настоящее время, сам по себе позиционируется как актуальный.

Мы попытаемся охарактеризовать состояние студенческой среды как значимого социума в структуре общества и личности. Мы преследуем две основные задачи: уточнить характер языка, которым «говорит» студенческое самосознание, и определить уровень и формы этого языка с точки зрения студенческого самосознания как сложной иерархической структуры.

Следует подчеркнуть, что традиционно понятия *студент*, *студенчество* всегда воспринимались как обобщающие имена, удерживающие представление об обязательных и единых нормах, действиях, правах, обязанностях для каждого *учащегося высшего учебного заведения* (так определяется значение слова «студент» в толковых словарях). И осознаются как хороший вуз, группа, студент прежде всего тот, кто занимается, учится, выполняя все точно и в срок.

Однако совершенно очевидно, что сегодня механистические, функционалистские представления о вузах и студентах становятся все более бесплодными, не вбирающими в себя и не объясняющими того реального многообразия вузовской среды, с которым приходится сталкиваться в последнее десятилетие все чаще и чаще. Так, например, уже закрепилось в современном вузовском дискурсе такое абсурдное сочетание, как *необучаемый студент*. И поведение студентов, и их отношение к учебе становится в целом все менее единообразным. Да и сами вузы, как и студенты, уже не напоминают хорошо отлаженные часовые механизмы. О механистических идеалах и дисциплинарных ценностях в условиях перемен, видимо, можно только вспоминать.

Известно, что сегодня в философии, психологии, лингвистике и других науках существуют разные концептуальные интерпретации социальной реальности. На смену механистическим взглядам приходят, в частности, концепции многообразия субъектов и культур, человеческого капитала, органической культуры, актуализирующие представление о различном и очень ценном там, где прежде виделись редуцированная общность и механистическая единообразная функциональность. И социум предстает, в проекции таких подходов, уже не как результат осознанного или неосознанного редуцирования ненужных индивидуальных и эмоциональных различий, а как сложная, многообразная сочетаемость изначально различного, как связь целостных

и различных в своей целостности нефункциональных, а значит, и нередуцированных индивидуальностей, которые и осмысляются как истинные и самоценные сущности.

Опираясь на философские прогнозы и утверждения о смене гуманитарной парадигмы, согласно которым «перспективная методология далее будет работать не с отдельными типами социальных связей и их соотношениями, а с многообразиями социальных форм и их повседневным взаимодействием» [Керимов 2005: 29], я сосредоточу свое внимание на языке студенческого самосознания.

Известно, что студенческую культуру, как и любую другую, в ее внутреннем ценностном осмыслении не так легко уловить, «пощупать». «Истинная картина» ее внутреннего состояния скрыта от внешнего взгляда. А если и очевидна как факт, то обычно или совсем не интерпретируется, или же интерпретируется с формально-функциональных позиций. И тогда говорится о хорошей или плохой посещаемости студентов, об их академических успехах, или, наоборот, о задолженностях, «хвостах», «завалах». Это обстоятельство побудило меня прибегнуть к достаточно нетрадиционным источникам фактической информации о студентах и студенческой жизни. Такими источниками для этой работы стали данные двухтомного академического «Русского ассоциативного словаря», вобравшего в себя результаты массового эксперимента, который проводился среди студентов первого-третьего курсов самых разных вузов страны с 1988 по 1997 год. Этот словарь отражает, по справедливому мнению его составителей, не только состояние и жизнь языка в эпоху перестройки, не только «ментально-эмоциональное состояние его носителей, но и качество жизни, социальной среды» (РАС 2002: 4). Подчеркну, что этот словарь является источником информации о качестве студенческой жизни, о студенческой среде, особенностях студенческой ментальности, поскольку носителями языка и информации, отражаемой в содержании словарных статей, вбирающих в себя слово-стимул и соответствующее ему множество ассоциатов как слов-реакций на данный стимул, были, по условиям эксперимента, именно студенты.

Состав выделяемых из названного словаря слов-стимулов ограничен единицами, вбирающими в себя представления студентов о себе, об учебной ситуации и учебе. Рассматривая обобщенную модель учебной ситуации как субъект-субъектное коммуникативно-речевое взаимодействие, я разбила (на структурно-семантическом основании) все выделенные стимулы, с учетом тех фактических возможностей, которые предоставляет реальный объем словника РАС, на следующие три ряда.

1. Субъект-субъектные стимулы, вбирающие смыслы и представления, которые непосредственно характеризуют функциональную активность самих студентов или же могут сильно влиять на нее. Здесь целесообразно сразу выделить две подгруппы стимулов:

— кто я: *студент, учащийся*;

— кто ближайший влияющий другой для студента (не-я): *преподаватель, лектор, профессор, доцент*.

2. Процессуальный ряд, отражающий общие представления студента как субъекта о том, какова же его активность. Этот ряд, с учетом уровня обобщения, тоже распадается на две подгруппы:

— слова с общим значением учебы как особого типа деятельности (*учиться, заниматься, готовиться*). Сюда же вошли и соответствующие этим глаголам имена: *учеба, учение, подготовка*;

— стимулы с формально процессуальным, коммуникативно-жанровым значением (*лекция, семинар, занятие, практика*).

3. Коммуникативно-речевой ряд, вобравший глаголы *читать, слушать, писать*, а также *обсуждать, спрашивать, отвечать* как конкретные формы учебной деятельности, различаемые с позиции коммуникативно-речевых ролей и соответствующие этим глаголам существительные (*слушание, чтение, письмо* и др.).

Что касается структуры словарной статьи в РАС, то, как отмечают его составители, отдельные вербальные реакции «вкупе со стимулом» составляют высказывания, которые отражают в этой «взаимной информации» субъективно-оценочные отношения среднего носителя языка к стоящей за стимулом реальности, характеризуя и состояние жизни самого языка, и состояние сознания его носителей. Именно такие высказывания и интересовали меня в первую очередь. Например: *учащийся — дурак, мучающийся, бедняга, прогуливает, отличник* и др.

Учитывая, что ассоциативный эксперимент проводился, по меркам начавшегося века, уже достаточно давно, в сентябре 2005 года я провела дополнительно анкетирование студентов Трехгорного технологического института (филиал МИФИ) по методике «Незаконченные предложения». Задачей информантов было закончить каждое предложение первым пришедшим в голову словом. Задавались стимулы, которые вошли в круг обследованных по РАС словарных статей. Эта методика, являясь по своей природе ассоциативной, дала материалы, позволяющие рассматривать состояние студенческого языка и самосознания с динамических позиций. Вся приведенная ниже числовая информация соответствует общему количеству регистрируемых дан-

ных, словарных и анкетных, или, в случае значимых различий между ними, отражается отдельно, в количественном или процентном соотношениях. Особо комментируются расхождения отмечаемых количественных характеристик между словарными и анкетными данными.

И среди словарных, и среди анкетных материалов субъективно-оценочные студенческие мнения оказались самыми информационно насыщенными и разнообразными. Отношение к себе и к учебе студентов конца 90-х годов только что ушедшего века и студентов 2005 года в целом — за исключением некоторых нюансов — практически одинаковое.

Рассмотрим каждую из вышеназванных стимульных групп. Как и следовало ожидать, в силу антропоцентричности языка, мышления и сознания самыми информативными оказались преимущественно ассоциативные поля для стимулов субъект-субъектного ряда. При этом доминирующим становится ассоциативное поле «студент», фиксирующее как осознаваемое, так и неосознаваемое, стереотипное, привычное представление студентов о себе. Так, в РАС этот стимул вбирает в себя самое большое количество реакций — 666; тогда как остальные слова-стимулы субъектного ряда даже в общей совокупности не могут превзойти его по общему количеству полученных реакций — 512 (*учащийся* — 100, *лектор* — 100, *доцент* — 104, *преподаватель* — 106, *профессор* — 102). Цифры здесь и далее, как и в РАС, фиксируют частотность ассоциаций.

Осознание себя, самооценка — для студентов более мощный и тонкий процесс, чем осознание другого, других (в частности преподавателей). Что касается характера оценочных ассоциаций для стимула «студент», то при общем доминировании негативных высказываний, что закономерно и с точки зрения аксиологии, и с точки зрения коммуникации, и с точки зрения возрастной психологии, самыми значимыми оказываются три оценочные характеристики: *бедный* — около 90 реакций, *голодный*, *несчастный* — около 45 реакций. И если оценочному восприятию *несчастный* противостоят единичные ассоциации *счастливый* / *самый счастливый человек*, то ассоциативная проекция *бедный* — в значении «неимущий» — в пределах и словарных, и анкетных материалов предстает контекстуально подчеркнутой, усиленной под влиянием таких соседних ассоциаций, как *больной*, *плохой*, *худой*, *оборванный*. Было бы менее удивительным, если бы такая самооценка была представлена только материалами РАС, отражающими состояние студенческого самосознания трудных времен перестройки. Однако подобные проекции оказались доминирующими и в 2005 году. Исключение со-

ставляет сдвиг в имидже студентов, который видится сегодня привлекательным. Источников привлекательности два. Первый — это модная одежда, ставшая для студентов более доступной. Второй — это одежда, не стесняющая движений, т. е. трикотажный свитер, фуфайка, кофта, а то и просто трикотажный спортивный костюм. Строгие костюмы и пиджаки студенты надевают сегодня разве что в таких исключительных случаях, как защита дипломной работы. Благодаря доступности одежды сегодняшний студент в собственном восприятии уже не *облезлое, растрепанное, плохое, не очень опрятное существо, чуть неряшливое, небрежно одетое* (данные РАС), но *модноватый, модный, стильный и красивый молодой человек (девушка)*. На этом фоне доминирующие характеристики *бедный, голодный и несчастный*, задающие социально неблагоприятный профиль студенческий самооценки, удивляют и требуют потому дополнительного комментария.

Вряд ли уместно сегодня говорить о бедности, голоде как основных проблемах студенчества. Скорее всего здесь воспроизводятся мифы, стереотипы студенческого самосознания. Так, известно же, что в нашей стране богатство, вплоть до последнего времени, никогда не воспринималось как личная заслуга человека и социокультурная норма. И люди у нас всегда любили приbedняться. Судя по экспериментальным данным, студенты не составляют исключения. С другой стороны, сегодня, в условиях ломки традиционных ценностей и агрессивного утверждения в общественном сознании новобуржуазных ориентиров, устойчивость этих неожиданных характеристик можно объяснить завышенными желаниями, притязаниями, ожиданиями, которые сегодня провоцируются и гипертрофируются в студенческом сознании на фоне чуть ли не сказочного богатства, безудержно и агрессивно демонстрируемого как новая норма жизни. Конечно, далеко не для всех. И в первую очередь не для студентов, если вспомнить о тех крошечных стипендиях, которые получают успешные в учебе студенты. А только для некоторых, тех, кто сегодня осознает и позиционирует себя как элиту, мелькая в соответствующих рубриках СМИ на всех его коммуникативных просторах.

Частотность ассоциации *голодный*, скорее всего, объясняется физиологическими особенностями молодого организма, естественным чувством голода. Это можно комментировать как скорее всего верный знак того, что молодой студенческий организм «в норме», растет и требует своего. Традиционно, как известно, голод воспринимался как сильный «мотиватор» учения (ср. пословицу «Сытое брюхо к учению глухо»).

Если же обратить внимание на спектр самооценок, непосредственно касающихся личности студента, то здесь относительно отчетливо и вместе с тем противоречиво осознается набор свойств, особенностей. Так, с одной стороны, это *веселость* — около 20 % реакций. Наверное, этот признак можно считать одним из доминирующих. По крайней мере, для русского студенческого характера.

Свойства *активный, добросовестный, находчивый, способный, старательный, умный* — всего чуть более 10 % ассоциаций — предстают едва ли не редкими драгоценностями на фоне широко признаваемых характеристик *пассивный, нерадивый, ленивый, сонный, разгильдяй* (около 60 % оценок). Заметим, что если результаты анкетирования студентов младших курсов ТТИ МИФИ аналогичны данным РАС, то на старших курсах самосознание студентов оказывается менее критичным. Здесь не только значительно чаще появляются оценки *прилежный, работоспособный, умный, энергичный*, но меняется и уровень оцениваемых качеств (не просто *умный*, а *всесторонне развитый, талантливый, одаренный, заинтересованный в знаниях*). Спектр позитивно осознаваемых качеств у старшекурсников становится более широким (*обязательный, предприимчивый, пытливый, старательный, целеустремленный* и др.). Этот факт побуждает задуматься и о причинах такого различия, и о динамике развития ассоциативного поля, отражающего состояние студенческого самосознания. Интерес представляют ассоциации по линии второго обобщенного субъекта учебной деятельности (преподаватели).

Можно сказать, что любой преподаватель для студента — прежде всего преподаватель, а потом уже профессор, доцент, лектор. Ассоциативные проекции этого ряда оказываются эмоционально напряженными и даже вызывающими. Здесь значительно больше оценок, выраженных разными словами и словоформами: 70% по сравнению с 43 % в ряду студенческих самооценок. Данные показатели позволяют говорить о меньшей согласованности и «проработанности» этого поля в студенческом восприятии, о меньшей готовности студентов к осознанному дифференцированному восприятию преподавателей как целостному множеству. Преподаватели в глазах студентов прежде всего другие, чужие, а иногда — почти враги. Наиболее показателен в этом отношении ассоциативный ряд к стимулу «**профессор**» — *кислых щей* (в РАС это самая частотная реакция), *лопух, людоед, мучитель, ненормальный, тиран, очкарик, самовлюбленный, сволочь, скотина, скучный, соковыжималка, сумасшедший*. Примечательно, что прилагательное *умный* оказывается контекстуально ограниченным в своей пози-

тивной оценочности: *умный и капризный мужик; умный и скучный; чересчур умный.*

Малопривлекателен в глазах студентов профессор и с точки зрения внешности, возраста. Он — *лысый и старый*, к тому же *очкарик* (очки — самая частотная ассоциация).

Другие стимулы этого ряда (доцент, лектор, преподаватель) содержанием своих ассоциативных полей подтверждают общий тезис. Вот начальный фрагмент словарного ассоциативного ряда на стимул «**лектор**»: *института — 5; дурак — 4; аудитория, лекция, очки, плохой, скучный, умный — 3; болтун, говорит, кафедра, Кибкало, писать, профессор, старый — 2; баран, ведущий, волосатый шар, в очках, вуз, дебил, дятел, женщина, животное, закончил, зала, зануда, злой, изумительный...* (РАС 2002, 1: 290).

Преподаватели в сознании студентов дифференцируются только по самым общим интеллектуальным и нравственным признакам: *плохие и хорошие, умные и дураки, нормальные и ненормальные*; это *добро и зло*. И здесь мы сталкиваемся, видимо, с проявлением общей закономерности, характеризующей асимметричные субъект-субъектные отношения, коммуникации как эмоционально напряженные, потенциально конфликтные. Ведь вербальные реакции на «преподавательские стимулы» — это определенный эмоциональный протест, вызов.

Оппозиция «студенты — преподаватели» остро переживалась студентами, видимо, всегда. И это естественно. Любой преподаватель в глазах не очень успешного и неусердного студента, а это как раз и есть по большей части студенты младших курсов, — если не враг, то прокурор. И это, наверное, судьба субъект-субъектных отношений, где деловые и коммуникативные роли позиционируются асимметрично. В недалеком прошлом эта асимметрия находила свое непосредственное проявление преимущественно в условных студенческих коммуникациях, игровых по своей природе, что было освящено вузовскими традициями и неписаными правилами студенческого фольклора (студенческие песни, анекдоты про преподавателей, КВН и др.). Сегодня эта асимметрия воспринимается иначе. Негативные мнения студентов о преподавателях и учебе находят прямое выражение за пределами игровых жанрово условных коммуникаций.

Перейдем к материалам процессуального ряда. Слова-ассоциаты как самого учебного процесса (*учиться, учеба, учение*), так и его ситуативных вариантов (*лекция, семинар, занятие*), с одной стороны, вроде бы закрепляют ту непростую картину студенческого самосознания, что наметилась по материалам субъект-субъектных стимуль-

ных слов. Весь описанный уже спектр смыслов и характер студенческих оценочных мнений оказался представленным и в этом ряду фактических материалов. Наиболее значимыми для общей характеристики студенчества как поликультурного сообщества представляются ассоциаты и анкетные материалы по стимулам с обобщенным значением учебной деятельности как процесса. Мотивы, потребности и отношение студентов к учебе — это множество, в котором отчетливо просматривается сложный профиль студенчества как внутренне раздробленного социума, несогласованного, противоречивого. Так, для одних **учеба, учение** осмысливается прежде всего как естественный процесс, естественная потребность человека: **учиться (учеба)** — *жить, жизни, уму-разуму, всему, быть человеком, человечности*. Для других это необходимая, полезная деятельность (*надо, так надо, нужно, полезно, всегда пригодится, чтобы выжить*). Для третьих это *дверь в более счастливое будущее, перспектива, интересная работа, престиж, семья, квартира, чтобы больше получать от жизни*. Есть и иронические реакции: *учатся затем, чтобы поменьше зарабатывать*.

Прямые эмоционально-оценочные суждения студентов об учебе и учении в целом чрезвычайно полярны по оценочным смыслам и языковому наполнению. Так, для одних это *круто, мечта, радость, свет, удовольствие*. Для кого-то это *гадость, дрянь, дурь, каторга, маразм, нудно, тяжело*. Очевидно, что это «голос» студенческого недоверия и несогласия. Кто-то же вообще воспринимает учебу как *халяву* или, как вариант, *халяву от армии*. А в некоторых ассоциатах этой группы слышится прямое проклятие: *хочу, чтоб ты провалилась!* (об учебе).

Обратим внимание на разнящееся ассоциативное наполнение словарных статей **учиться** и **учеба**. В РАС отмечены 552 и 101 реакция соответственно. **Учиться** для студентов — естественный и позитивный процесс (**учиться хорошо** — 64; **жить** — 39). Существительное **учеба** берет на себя прежде всего представление об учении как о специально организованном и трудном процессе: *в школе* — 9, *институт* — 6, *трудная* — 4. При этом собственно позитивных отзывов на глагол **учиться** дается почти в три раза больше, чем негативных, тогда как **учеба** получает практически обратное соотношение оценок: 34 отрицательных и только 9 положительных. Обращает на себя внимание и повышенная частотность реакций, отражающих крайнюю степень неприятия **учебы** (*дрянь, дурь, душегубка, мерзость*), тогда как негативы к глаголу куда как эмоционально спокойнее (*плохо, надоело, глупо, мучиться*). Обнаруженное отличие существенно и позволяет говорить именно об организованном образовательном процессе как

причине студенческого недовольства и раздражения. Действительно, студент — это по сути «подданный двух держав» — самого себя и государства, предоставляющего, в той или иной степени, молодому человеку возможность, право учиться. Оно и регулирует деятельность отдельных вузов как системы, а значит, и студентов, ограничивая и контролируя их права, возможности и интересы, вызывая тем самым «огонь» студенческого недовольства. Но не на себя, а на учебу, преподавателей и лекции.

Среди стимулов с коммуникативно-жанровым значением как наиболее неблагоприятная форма осмысливается студентами лекция. Преимущественные реакции на стимул **лекция** — это нечто *скучное, длинное, нудное, ерундовое, невыносимое, неинтересное, тупое*. Это 90 минут сна, сон, писанина, нудный труд. Весьма примечателен здесь ассоциат для одного. Ведь этот один, в глазах студентов, скорее всего, сам профессор (кстати, в современном студенческом фольклоре именно такое восприятие лекции и отражается чаще всего, см. электронные материалы сайта, представляющего сценарии посвящения в первокурсники). На фоне лекций семинары осознаются как более содержательная, событийная и активная форма. Негатива, враждебности здесь значительно меньше. В словарной статье РАС к этому слову доминирует предметная и процессуальная лексика. **Семинар**: *по истории, по математике, по философии и др.; закончился, занятие, начался, подготовка, проводить, прошел, состоялся*. Эмоционально окрашенный и вызывающий негатив, конечно, имеет место и здесь (*кошмар, поганый, скучный, ужас*), но это уже менее типичная характеристика.

Среди ассоциаций на стимулы, называющие разные формы коммуникативной деятельности, знаковыми оказываются слушание и чтение. И это не случайно, поскольку аудирование и чтение — основные для студентов формы речевой деятельности, что прямо закреплено в таких феноменах и соответствующих им номинациях, как «аудитория» и «читальный зал». Однако и слушание, и чтение как учебная деятельность осознаются сегодняшними студентами очень слабо. Доминирующими сценариями деятельности для них являются отдых, развлечение. И **слушание** оказывается связано не с речью, а с музыкой. Так, в РАС из 511 примеров таких реакций более 200. Слушание музыки осознается студентами как конкретная ситуация, поскольку в ассоциациях оказываются зафиксированными и разные музыкальные формы, жанры (*джаз, опера, песня, рок, романс, симфония, компьютерная музыка*), и разные композиторы, музыкальные группы, стили

(«Ария», Бах, «Аквариум», «Звери», TRANS), и разные источники, технологии приема и передачи музыкальной информации (*наушники, плеер, flash, HDD, приемник, радио*), и интенсивность музыкального звучания (*тихая музыка*). На учебное слушание приходится «ассоциативное меньшинство»: **лекции** — около 25 ответов.

Круг тех, с кем общаются студенты, кого слушают, читают, согласно данным PAC, отражающим основные типы коммуникаций и коммуникативных дистанций (интимные, семейные, учебные и публичные), невелик. Даже семейные коммуникации осознаются довольно редко и практически единично представлены такими ассоциатами, как *родители, мама и муж, друзья* (10 %). И это удивляет, поскольку принято считать, что для молодежи общение «среди своих» становится самым востребованным. Почти столько же, около 10 % ответов, приходится на **преподавателей**.

Цифры фиксируют критическое состояние и семейного, и учебного, и дружеского общения студентов. Языковая коммуникация замещается прослушиванием музыки — преимущественно «товарной», обеспечиваемой сегодня широко предлагаемыми в продаже средствами индивидуального прослушивания, — такими как плеер, наушники, мобильный телефон.

Похожая картина наблюдается и в ассоциациях на другие стимулы коммуникативного ряда. Так, **чтение** осознается студентами за пределами учебной деятельности. Сигнал **чтение** — *книг, газет, романов, журналов, писем, стихов* — стимулирует всего более 400 ассоциатов, тогда как за **лекциями** стоит всего около 10 реакций, причем соседние — *лежа и устал*. **Писать** же студенты сегодня предпочитают *письма, записки, sms-ки* (около 240 реакций); на долю учебного **письма** остаются опять-таки крохи: около 35 ответов, и первый из них — это *рефераты*.

В то же время стимул **слушатель** отчетливо осознается студентами: **слушатель: внимательный** — 14, *студент* — 8, *лекция* — 7, *внимание, курсов, лекций* — 3. Сегодня, видимо, уже можно говорить о своеобразной музыкально-технологической аддикции (психологической зависимости) студентов, не представляющих себе жизни без дисков, дискет и кассет.

Итак, ассоциаты всех рассмотренных нами рядов убеждают в том, что отношение студентов к учебе как к целенаправленному, специально организованному процессу сегодня достаточно критическое. Студенты, находящиеся под сильным влиянием массовой культуры с ее установками на развлечение, отдых, — это не столько социум, кол-

лектив, крепкая учебная группа, внутренне интегрированная, переживающая и чувствующая единство целей, устремлений, объединяемая общими правилами учебного поведения, единым отношением к учебе и преподавателям, самой учебой как совместным процессом и коммуникацией, сколько дезинтегрированное социальное множество, своего рода конгломерат. Наблюдаемая по отдельным стимулам относительная согласованность студенческих мнений если и являет собой единение, то деструктивное, поскольку рождается в основном на деструктивной почве, разделении негативных, а не позитивных мнений об учебной ситуации. С другой стороны, следует уточнить, что сами высшие учебные заведения воспринимаются студентами достаточно благожелательно. Так, и в словарных статьях РАС «институт», «университет», и в анкетах часто мелькают такие ассоциации, как *ultima-ter, дом родной, мой, лучший, любимый, прелесть, радость, родной, храм науки*, что можно интерпретировать как общую эмоциональную готовность студентов учиться. Вместе с тем словарные статьи к стимулам «университет» и «институт» по своему эмоционально-оценочному наполнению несколько отличаются. Университетская среда осознается студенчеством как менее «прокурорская», а значит, и менее конфликтная. Так, доля ассоциативного негатива в статье «институт» оказывается почти в два раза больше, чем в реакциях на слово «университет», однако ассоциация *тюрьма* есть в обоих случаях.

Конечно, в каждом конкретном вузе, в каждой студенческой группе, для каждого студента отмеченные тенденции и характеристики могут иметь «свое лицо», прочерчиваться иными оценочными смыслами и другими вербальными знаками. Однако нельзя не признать, что ассоциативный язык студенческого самосознания, перегруженный лексикой, фиксирующей состояние эмоционального недовольства учебным процессом, раздражения, возмущения, можно интерпретировать если не как язык вражды, то как язык внутреннего протеста. Это язык скрытого эмоционального вызова, который открыто проявляется только на уровне неформальных коммуникаций (экспериментально-ассоциативных и анкетных). Будучи семиотическим образованием, такой язык отчетливо указывает на существование ряда конфликтов:

- Конфликт отношений между самими студентами, с одной стороны, и преподавателями, с другой. За этим конфликтом, как и за конфликтной самооценкой, стоит неосознаваемая естественная защитная реакция студентов на трудные для них ситуации.
- Обостряющийся, но неосознаваемый внутренний ролевой конф-

ликт. Так, студенты все более отчетливо воспринимают сегодня себя как «подданных самих себя». И прежде всего своих желаний и потребностей. Они не прочь учиться, готовы видеть в этом пользу, но не любят учебу как строго организованный и регламентированный процесс. Слабым является студенческое осознание обязанности подчиняться общепринятым нормам и правилам учебного процесса. Отсюда негативные реакции, за которыми стоит неосознаваемый, неконтролируемый язык эмоций и естественное стремление к удовольствию.

- Конфликт между формальным учением, официальным общением и общением неформальным — более притягательным и требующим от обеих сторон готовности к открытым контактам.

- Конфликт мнений об учебе и учении между отдельными студентами, а также между студентами младших и старших курсов, отражающий позитивную динамику развития студенческого самосознания и способность преодолевать выявленный в системе ассоциаций ролевой конфликт.

Описанные разновидности конфликтов (см. также: [Рождественский 2003]) позволяют осмыслить скрытую природу враждебности студенчества как особой социальной группы.

М. П. Абашева

Страсти по «Живаго»: властные конфликты в культурном пространстве современного города

Начало двухтысячных годов в общественной жизни России отмечено возвращением интереса к сфере культуры — в отличие от недавних девяностых, когда центром внимания была политика. Это происходит вовсе не потому, что общество возвращается к пониманию культуры как источника ценностных образцов. Скорее, изменилось представление о движущих силах общественного развития и культура стала рассматриваться как фактор, непосредственно участвующий в становлении новых социальных отношений. Можно согласиться с тем, что сегодня сама «культура становится политикой, потому что из политики уходят различия, а в культуре они остаются. В политике нет больше противостояния, а в культуре оно есть. Культура в данном случае понимается очень широко: как пространство, из которого люди черпают какие-то штрихи к собственной идентичности, к собственным образам, к собственному пониманию. Понятно, что в этом пространстве есть разногласия. <...>. И теракты 11-го сентября — это типичная проблема культуры» [Засурский 2003]. Современные конфликты, таким образом, понимаются как выражение проблем культурных и цивилизационных различий.

В этом отношении коммуникативное пространство города, городская культура являют собой наиболее интересный предмет для изучения: здесь, на пересечении самых разнообразных культурных взаимодействий и языков, заметнее новые конфигурации общественного устройства, нагляднее процессы новой самоидентификации — как ин-

дивидуальной, так и групповой. Именно здесь нередко возникает «конфликт идентичностей»: когда в обозримом и видимом наблюдателю пространстве различные группы начинают претендовать на одну и ту же историческую, культурную, социальную, политическую территорию. С точки зрения современной урбанистики «городская жизнь — многослойное хранилище кодов, отработанных и работающих, присутствие вспоминаемого прошлого и изобретаемого будущего. Это пространство, которое мы неустанно описываем и осмысливаем, переписываем и переосмысливаем, — теряя свою идентичность в вечно бурлящем “плавильном котле” и опять обретая ее, неожиданно обновленной» [Венедиктова 2004: 99].

Недавний случай коммуникативного (конфликтного по своему характеру) взаимодействия в городе Перми, рассмотренный в настоящей работе, чрезвычайно наглядно продемонстрировал острое столкновение различных кодов и болезненное формирование новых групповых идентичностей.

Итак, в Перми 16 ноября 2005 года открылся ресторанный комплекс, названный «Живаго» — именем героя знаменитого романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго», написанного в немалой степени под влиянием пермских впечатлений. В 1916 году автор жил во Всеволодо-Вильве, часто бывал в Перми, ее приметы узнаваемы в описании города Юрятин, где происходит действие романа. Сложная судьба произведения (получивший Нобелевскую премию вопреки воле советских властей, роман долгие годы был в Советском Союзе под запретом) не помешала его мировой известности, усиленной благодаря успешной его экранизации режиссером Дэвидом Лином, с Омаром Шарифом в главной роли.

Реакция на открытие ресторана «Живаго» против ожиданий стала красноречивым образцом языка вражды: в газетах, на телевидении и особенно в кулуарах начал разгораться публичный скандал. Скандал, семиотика которого очень внятно обозначила и расстановку сил, и культурные роли его участников, и сдвиг в стратификации культурного поля.

Казалось бы, факт открытия ресторана с литературным именем должен располагать исключительно к языку дружбы. Весь читающий мир уже полюбил поэта, его романного героя, и даже если большинство людей не знакомо с романом «Доктор Живаго», многие видели фильм Лина. Кроме того, российские зрители ожидают появления нового, отечественного фильма, главную роль в котором исполняет Олег Меньшиков.

Ресторан недвусмысленно, но и ненавязчиво ориентирован на Пастернака. У входа на территорию на больших матово-стеклянных стенах бегут пастернаковские рукописные строчки (факсимиле), в вестибюле установлен бюст поэта, краснеют необлетающие рябины. Здесь задуманы, кроме обеденных залов и сигарной комнаты, библиотека (хозяин приобрел для нее подлинные письма Пастернака), сцена, комната для артистов, установлен рояль.

Даже если не видеть в пастернаковской теме перспективный для развития города бренд, можно было бы надеяться, что открытие ресторана «Живаго» напомнит вполне провинциальному городу о том, что он включен в пространство большой культуры. Если же смотреть на это событие сугубо прагматически, в нем также обнаруживаются очевидные плюсы: в центре города появляется место, где, независимо даже от наличия предполагаемой литературной и концертной программы, можно попросту поесть. Кому это мешает?

Оказалось, многим. Например, известному в городе (и не только) скульптору, арестованному в 1970-е годы за распространение самиздата, семь лет проведенному в лагерях. Секретарю Пермского отделения Союза писателей, вдумчивому и совестливому человеку. Поэту, бывшему геологу, тонкому интеллигенту. И даже — директору Пермской гражданской палаты, известному правозащитнику (в Перми — едва ли не самое сильное в России правозащитное движение).

Первые трое публично выразили свое возмущение тем, что ресторан позорит память великого поэта, нарушает авторские права семьи. Они решительно потребовали у хозяев ресторана снять название, стереть факсимильные строчки, убрать бюст поэта¹. Правозащитник же, сын известного художника, на протяжении десятилетий активно призывавший к толерантности, к развитию отношений интеллигенции с бизнесом, вдруг раздраженно переходит на язык вражды. Вот пассаж из его статьи в газете «Личное дело», главным редактором которой он является: «Я думал, что этот архитектурный бред, в виде то ли бассейна, то ли пляжного ресторана на улице Ленина, в конечном счете окажется очередным казино для полубогатых полубандитов. Но чья-то извращенная фантазия нарекла его “Кафе Живаго”. Это какой же пластилин нужно иметь в голове, чтобы так издеваться над памятью самого чистого российского писателя советской эпохи и его бесконечно трагического героя...» [Аверкиев 2005: 8].

Архитектуру и экстерьер ресторана действительно трудно назвать шедевром. В очертаниях сооружения можно угадать гору, из которой выпирают грани кристаллов (призванных, очевидно, символизировать

Урал). Условный Малевич в витражах соседствует с круглыми, как в старых мультфильмах, часами. Но справедливости ради следует признать, что в Перми есть сотни сооружений, не отвечающих изысканному вкусу. Значит, дело отнюдь не в архитектуре. Скорее, в названии заведения.

Но почему именование ресторана в честь литературного героя представляется пермским деятелям культуры столь неприемлемым? Ведь множество ресторанов с литературными именами во всем мире никто не считает издевательством над памятью знаменитых писателей. В Европе есть «Пиквик», «Шиллер» и др., в Москве — «Шекспир», «Пушкин», «Обломов», в недалеком от Перми Екатеринбурге открыто кафе «Мастер и Маргарита». (А ведь судьба булгаковского Мастера несколько не менее трагична, чем участь Живаго, и удаленность от нас в истории произведений Михаила Булгакова и Бориса Пастернака почти одинакова.) Ресторан «Zhivago» есть в Чикаго, в Сент-Луисе, в Берлине; кафе «Доктор Живаго» открыто на Сахалине.

В том ли только дело, что «работает» советское еще представление о ресторане как о грязном кабаке? Дело, пожалуй, в другом. Отчасти — в личном интересе, но главным образом — в борьбе за символическую власть.

Упомянутый нами скульптор много лет иступленно добивается установки своего памятника Пастернаку. Поэт-геолог только что выпустил книжку «Путеводитель по Юрятину». Таким образом, чье-то непрофессиональное вторжение на «пастернаковскую территорию» воспринимается как посягательство на собственное пространство. При этом сам факт, что кто-то (новый русский, лавочник, богач) ПРИСВОИЛ себе право решать — учредить ли нечто в сфере так называемой *духовной жизни* — представляется этим достойным людям по-настоящему оскорбительным.

Суждения деятелей культурного сообщества о ресторане изобилуют скрытыми инвективами и неприкрытой обидой на «тупых» авторов идеи. Это обида — *за свое*. «Едально-питейное заведение называть культовыми именами, реально не связанными с данным местом, — нонсенс. <...> Все это похоже на жалкое самозванство. Плебейство», — считает пермский поэт. (Его суждение размещено на литературном сайте, где местный писатель организовал обсуждение животрепещущей проблемы (Пермский литературный центр. 2005. 14 нояб.). Другой поэт, ничего не зная о хозяевах заведения, также ставит свой диагноз: «Какие-то мальчишки пытаются всеми силами срубить денежку. Используют для этого заемную культуру, не имея соб-

ственной. Используют культуру, короче, используют снова и опять. Порнографическое сознание» (Пермский литературный центр. 2005. 14 нояб.). Примечательно стремление сместить событие в сферу телесного «низа», вывести за границы культуры. Подобные высказывания обнаруживают, что конфликт строится отнюдь не вокруг ценностей (никто не спорит о значимости имен Живаго и Пастернака). Литературное сообщество явно уязвлено тем, что кто-то другой присваивает себе право этими ценностями распоряжаться. И хотя в системе аргументации активно используется идея культуры как музея, который необходимо тщательно охранять, за пафосом музеефикации культуры легко обнаруживается (уже в самом характере инвектив) мифология закрытой статусной группы — «ценностно обоснованного», в терминологии социолога Т. Парсонса, объединения, вступившего в решительную борьбу именно за свой статус. Объединение цементируется собственной мифологией, которая оказалась прямо артикулированной в конфликтной ситуации: писатели чувствуют себя избранными носителями и хранителями культуры. В мифологическом мире право давать миру имя принадлежит только культурному герою. По этой логике мифа крайне враждебные «чужие» наделяются признаками незрелости («какие-то мальчишки»), претендующими занять законное место «своих» (отсюда мотив самозванства). «Чужих» обвиняют в похищении культуры, поскольку они не имеют собственной. То есть книги Пастернака, например, которые каждый может получить в библиотеке или купить в магазине, являющиеся как будто частью общенациональной культуры, мыслятся принадлежащими отнюдь не всем. Статусная группа городской интеллигенции уверена в том, что «полубандиты» по определению не могут эти книги читать.

Т. Парсонс в своей работе о структуре общества справедливо заметил, что положение коллектива или индивида в стратификационной системе измеряется уровнем его престижа или способностью оказывать влияние [Парсонс 1997]. Именно за такое влияние и разворачивается сегодня борьба.

Агрессивная самооборона творческой интеллигенции имеет свои социально-экономические причины. За постперестроечные годы эта группа лишилась, как почти все работающие в сфере культуры, искусства, статуса избранных; ухудшилось их материальное положение, утрачен престиж... В сущности, отдать право решать, можно ли касаться Пастернака (Пушкина, Чайковского, Репина) кому-то другому, да еще «классово чужому» — значит отдать последний бастион, территорию самостоянья. Вот тут и возникают — как замещающие —

смешные аргументы вражды: что, например, название «Живаго» непременно приобретет народное этимологическое значение — от слова «жевать», люди будут читать его как «Жеваго» (Пермский литературный центр. 2005. 14 нояб.).

Надо заметить, что эта группа носителей культуры не так давно занимает приоритетные позиции на культурном поле. После перестройки, в девяностые годы, либеральная интеллигенция — отбывавшие срок в советских лагерях диссиденты, молчавшие писатели, стойкие правозащитники — оттеснила представителей советской официальной элиты — официальный Союз писателей (художников), заняв место культурной элиты, носителей представлений о подлинных ценностях. Прежнее поколение культурной элиты в своих отношениях с властью до сих пор сохранило патерналистские настроения. Они ярко проявляются на любых встречах власти и творческой интеллигенции (например, на съезде Уральской ассоциации писателей, недавно проходившем в Перми), где деятели искусства решительно ратуют за свободу творчества, не менее решительно требуя при этом властной поддержки искусства, прежде всего экономической. Новая же либеральная интеллигенция 1990-х стоит на позициях независимости от политической власти и легитимирует свой статус исключительным правом на сохранение культурных ценностей. Сейчас, таким образом, происходит новый сдвиг в структурировании культурного поля, детерминированный в большей степени не политическими взглядами, но борьбой за культурный символический капитал, за символы самоидентификации.

В России (как литературоцентричной стране) эти символы чаще всего отыскиваются в сфере литературы. Все, что касается литературы, непременно срастается с представлением о высоком, идеальном, подлинно ценном. И распоряжаться именем литературного героя (тем более героя, пострадавшего от режима) может только человек, имеющий на это моральное право, которое, в свою очередь, зиждется на принадлежности к духовной элите культурного сообщества.

В наши дни, как мы видим, либеральная интеллигенция, диссиденты и правозащитники оказываются потесненными новой силой (пока, впрочем, не проявившей никакой агрессии, не отвечающей ни на какие обвинения в свой адрес). Кто же пришел? Кто этот новый Лопухин? В случае с «Живаго» это группа молодых предпринимателей. Идея создания ресторана принадлежит энергичному сорокалетнему предпринимателю, строителю по образованию, кандидату экономических наук, автору книжки стихов.

Вряд ли стоит делать вывод о том, что русский бизнес теперь окончательно расстался с преступностью, что все бизнесмены образованы, умны, озабочены культурным имиджем города или даже страны, но, похоже, анекдотичный Вован в красном пиджаке уходит в прошлое. За последние два года Пермь решительно изменилась даже внешне: очевидно, что бизнес стал вкладывать деньги в нетиповые проекты — каковым и стал ресторан «Живаго».

Возможно, это объясняется и сменой местной политической власти. Если в 1990-е годы губернией руководили (как и во многих других регионах) бывшие комсомольские работники, то новое поколение, пришедшее во власть, — это люди бизнеса. С большим интересом к проекту ресторана «Живаго» относится новый вице-губернатор, отвечающий за городской имидж. (Примечательно, что он пришел во власть из рекламного бизнеса, а раньше был даже ди-джем на радио «Максимум».) Новый губернатор также чувствителен к проблемам имиджа и культуры. В отличие от бывшего губернатора Пермской области Юрия Трутнева, ныне федерального министра природных ресурсов, губернатор Пермского края Олег Чиркунов (тоже, между прочим, автор книги прозы) видит ресурс не только в природе (нефти, газе), но и в культуре. Проект ресторана «Живаго», очевидно, представляется власти успешным — не только коммерчески, но и с точки зрения привлекательности городского имиджа в целом.

Разумеется, с приходом бизнеса в культуру обостряется опасность ее коммерциализации, «гламуризации» — это неизбежно в эпоху «восстания масс». Разумеется, в России всегда невелики надежды на мудрую власть и просвещенный бизнес. На этом фоне возрастает вероятность нового конфликта между властью и интеллигенцией: не из-за политики, даже не из-за различий в понимании культурных ценностей, но на фоне болезненной смены авторитетов, властных инстанций внутри самой культурной элиты.

Накал страстей вокруг ресторана много говорит о нашем времени. И то, что он возник вокруг именованного, — вполне понятно. Имя в данном случае воплощает представление об актуальных ценностях. Их смена отражается в памяти городского пространства, в его номинациях, «следах».

Ведь и в случае с рестораном «Живаго» речь идет не столько о наименовании, сколько о переименовании реконструированного объекта — здания, расположенного в очень заметном месте, в центре Перми. В 1990-е годы здесь тоже был ресторан, называвшийся «Дионис». А еще раньше, с 1960-х годов, в этом здании располагалось кафе

«Юность». Все эти названия, безусловно, являются симптоматичными знаками своего времени. И сами эпизоды переименования маркируют смену представлений о должном и актуальном. Так, имя «Юность» напоминало о характерной для 60-х годов идее оттепельного обновления, пафосе общественных перемен, техническом прогрессе. Название «Дионис» стало репрезентацией новой «свободной» (для развлечений в том числе) эпохи, тяготеющей при этом к культуре, причем не советской, а максимально аполитичной — в данном случае соотнесенной с мифологическим прошлым. Имя «Дионис», таким образом, знаменовало радость жизни и являло собой некий реверанс в сторону культурной традиции.

Что будет значить новое имя ресторана «Живаго» в культурном развитии города? Станет ли оно свидетельством включения высоких образцов искусства в поле массовой культуры или просто симулякром без культурной почвы — покажет только время. В этом смысле любой город предстает перед нами как память, палимпсест, наслоение и движение времен — как текст, который ждет прочтения.

¹ Протестующие полностью уверены не только в справедливости, но и в действенности своих требований. Об этом свидетельствует подзаголовок материала: «“Живаго” — это название ресторана, недавно появившееся в областном центре на обновленном кафе “Юность”, будет изменено» (Пермские новости. 2005. № 1).

Источники материала

Аверкиев И. Пермь осчастливили гигантским ларьком // Личное дело. 2005. № 15 (96), нояб.

Пермский литературный центр. 2005. 14 нояб. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: liter.perm.ru

Пермские новости. 2005. № 44 (1321), 3 нояб.

В. И. Карасик

Смысловая свобода знака и типы общения

В каждом высказывании есть нечто стандартное, основанное на возможности быть понятым другими, и нечто новое, связанное с меняющимися ситуациями общения. Вопрос о связи нового, креативного и стандартного, стереотипного в языке, языковом знаке, содержании языкового знака относится к числу важнейших для семантической теории [Алейников 1988; Борботько 1998] и заставляет нас еще раз задуматься о конвенциональности знака, его контекстной обусловленности и степени смысловой свободы, с одной стороны, и о типах общения, которые можно выделить на основе признака креативности как смысловой свободы знака, с другой стороны. Степень смысловой свободы знака выводит исследователя к проблеме понимания в ходе коммуникации. Достижение понимания в процессе коммуникации зависит от ее интерпретации, которая продуцирует постоянный риск несогласия.

Неправильное толкование текста может вызвать коммуникативную неудачу или языковой конфликт. Задача нашего исследования — определить взаимозависимость между степенью смысловой свободы знака и сферой общения.

Связь между предметом и обозначающим его словом волновала античных философов и до сих пор вызывает споры.

С позиций конвенциональности знака такая связь признается условной, в реальном обиходном общении осознание внутренней формы слова не играет первостепенной роли, главная характеристика зна-

ка — целевая предназначенность, основанная на заместительности (материального) носителя, — не требует актуализации имяназвания как первого этапа существования знака. Практика общения показывает, что единицы основного словарного фонда — это слова со стертой мотивацией, их этимология устанавливается только в результате специального исследования, результаты этих изысканий часто носят предположительный характер, тем не менее успешность общения не зависит от глубокого проникновения в значение используемых единиц. Более того, стоит задуматься в процессе общения о значении слов, которыми мы пользуемся в повседневной речи, и естественная плавность и безыскусственность речи неизбежно нарушаются: несомненно, был прав А. М. Пешковский, заметивший, что «дикири просто говорят, а мы все время что-то “хотим” сказать» [Пешковский 1925: 116].

С позиций неконвенциональности знака между предметом и обозначающим его словом существует прямая связь, эта связь носит сакральный характер, имя предмета в явном или скрытом виде выражает сущность этого предмета, и процесс имяназвания неизбежно основан на понимании такой связи. Иконичность языкового знака не противоречит его сигнальности: осознание сущности предмета необходимо только при его включении в сферу человеческого опыта, после чего наступает этап утилизации этого предмета, когда мы не задумываемся о сущности предмета, но заняты практической деятельностью, в которой этот предмет служит нам инструментом.

Вместе с тем существуют определенные сферы общения, когда мы вынуждены вернуться к истокам значения слов. В противоположность обиходному, бытовому общению здесь имеет место общение бытийное, представленное в двух основных разновидностях — художественной и психолого-философской. В бытийном общении требуется обозначить неочевидное, даже если речь идет о предметах повседневного использования. Неконвенциональная модель значения превращается, таким образом, в трехмерную формулу: слово первичное — обиходное — поэтико-философское. Если посмотреть на соотношение этих трех знаковых ипостасей семантики слова, то следует признать, что в речи как тотальной совокупности ежесекундно произносимых и записываемых высказываний первичные и поэтико-философские слова занимают ничтожно малое место. Значимость этих малоупотребительных слов, однако, нельзя недооценивать как в индивидуальном, так и в коллективном человеческом опыте.

Возникает вопрос: в какой мере первичное означивание предмета совпадает с поэтико-философским?

Первичное означивание включает два этапа: собственно присвоение имени (звуковой либо графической формы) той или иной идее о предмете или явлении и переосмысление первоначального содержания. Единственным способом выявления исходного означивания можно, по-видимому, признать ситуацию наделения именем предмета, как правило, в речи ребенка. При этом, разумеется, случаи наименования «от нуля» являются единичными: давая имя предмету, ребенок неосознанно опирается на свой языковой опыт, т. е. на выразительные возможности языка, усвоенные ребенком в общении со взрослыми. Библейский Адам в этом смысле не является исключением: он давал имена тварям земным на основе своего опыта общения с Создателем. Присваивая имя, человек обосновывает свой выбор либо звуковыми ассоциациями, либо комплексом содержательно-звуковых аллюзий. Только в первом случае можно говорить о подлинном первичном именнаречении, поскольку второй случай — это применение прежнего именования в новой ситуации (например, это использование в именовании объекта ресурсов другого языка, восстановление утраченного смысла или смысловая комбинаторика).

Осваивая мир, дети стремятся внести смысл в характеристики окружающих предметов. Например, услышав слово «будильник», ребенок пытается переименовать предмет, обозначить его более подходящим названием: «диньдильник». Аналогичные примеры: «собака» — «кусака», «палка» — «билка», «вентилятор» — «вертилятор» (в последнем случае мы сталкиваемся с типичным проявлением так называемой народной этимологии, которая по своей сути основана на означивании по принципу детской речи).

В приведенных примерах прослеживается первичная семиотическая модель: наименование по внешнему признаку. Именно поэтому животные называются по характерным звукам, которые слышит ребенок, знакомясь с ними: отсюда уменьшительно-ласкательные «хрюша», «квакушка»; даже автомобили называются по звуку («биби»). Дети пытаются симитировать в имени предмета производимые этим предметом звуки: один мальчик поделил все виды транспорта на три категории — легковые и грузовые автомобили и те машины, которые вызывают восхищение своей необычностью, например тепловозы и подъемные краны, третий класс был назван словом «ампа», и, по всей видимости, в основу номинации был положен пытящий звук, производимый необычной машиной, которая впервые потрясла ребенка. Отметим, что данные историко-этимологических исследований свидетельствуют о значительно большей роли

звукового символизма в обозначении предметов в древних языках по сравнению с современными.

Итак, если мы признаем, что компонентам высказывания на первичном этапе речи в онтогенезе присуща максимальная контекстная связанность и смысловая нечеткость, то закономерно возникает предположение, что по мере систематизации языка в сознании человека языковые знаки меняются: нечеткие компоненты высказывания, многократно повторяясь, превращаются в слова, попадают в парадигматические ряды разных типов, получают значимость в системе и становятся, таким образом, в известной мере независимыми от контекста. Что выигрывает человек, пользуясь такими языковыми единицами? Фиксированное соотношение значения и формы языкового знака — это гарантия адекватного понимания, забота об адресате, социально-обусловленное качество слова, содержательный минимум; на основе которого могут возникать личностно-обусловленные смыслы. Фиксация содержания и выражения словесного знака имеет и свои издержки: это ограничение языкового творчества, уменьшение экспрессивности, погашение личностного начала в общении, известная степень клишированности речи. Разумеется, в живом языке не может быть ни абсолютной свободы, ни абсолютной фиксированности в соотношении содержания и выражения языкового знака, который, по закону С. Карцевского, характеризуется асимметричным дуализмом. Вместе с тем существуют определенные коммуникативные ситуации, повторяющиеся в типовых сферах общения, которые требуют большей свободы либо большей фиксированности в соотношении социально-обусловленного и личностно-обусловленного содержания в слове. Речь идет о шкале смысловой свободы языкового знака.

С позиций дискурса, т. е. текста, погруженного в ситуацию общения, смысловая свобода языкового знака типизируется в определенных разновидностях дискурса. На наш взгляд, одним из наиболее общих критериев классификации дискурса является социолингвистический признак личностной либо статусной направленности общения.

В первом случае нас интересует человек во всем многообразии его личностного потенциала, во втором — только как представитель той или иной социальной группы. Личностно-ориентированный дискурс в свою очередь подразделяется на два основных типа — бытовой и бытийный, первый соотносится с обширным кругом бытовых ситуаций, при этом общение строится на широком поле общих пресуппозиций, слова лишь дополняют то, что и так понятно из ситуации, второй тип распространяется на те ситуации, когда речь идет не

только об очевидном, когда нужно вербально раскрывать свой внутренний мир, его тончайшие оттенки, и здесь мы входим в область художественного либо философского текста.

Статусно-ориентированное общение строится на других принципах. Коммуниканты не обязаны раскрывать свой внутренний мир, здесь ведется игра по заданным правилам в соответствии с объективными характеристиками ситуации и ролевыми ожиданиями участников общения. Статусно-ориентированный (иначе — институциональный) дискурс распадается на определенное количество принятых в обществе разновидностей, соответствующих тем социальным институтам, которые на данный момент определяют общественное устройство социума. Можно выделить политический, педагогический, деловой, рекламный, медицинский, дипломатический, военный, научный, религиозный, юридический, театрально-сценический и другие типы институционального дискурса. Эти типы выделяются с известной долей условности, они исторически подвижны, взаимопересекаются, распадаются на подтипы и жанры. Важно подчеркнуть, что личностно-ориентированный и статусно-ориентированный типы дискурса открывают принципиально разные возможности для смысловой вариативности слова: личностно-ориентированный дискурс допускает свободу языкового знака, в то время как статусно-ориентированный дискурс стремится эту свободу максимально ограничить.

Каковы способы ограничения свободы языкового знака? Это терминологизация слова, переключение означающего в систему дополнительного кодирования, например, с помощью формул и символов, дефинирование, призванное устранить возможное отклонение в понимании адресатом авторского смысла, сноски и цитаты, предназначенные для однозначной интерпретации содержания, указательные повторы, обеспечиваемые системой дейктических знаков (показательны текстовые дейктики «вышеупомянутый», «нижеследующий» и др.), стремление исключить синонимы как средство вариативности речи, но использовать их только для точных обозначений ситуации. Например, в дипломатическом дискурсе слово «озабоченность» (*concern*) используется как знак для выражения готовности правительства принять определенные меры в связи с недружественными действиями другого государства. Главная характеристика речи субъекта в ситуации институционального общения — стремление максимально ясно и точно выразить свою интенцию исходя из того, что адресат не обязан ничего знать о субъекте и сочувствовать ему. Разумеется, человек не может стать роботом и в любой ситуации оставляет за собой право переключить тип

общения, но мы говорим о преимущественной направленности дискурса. Понятно, что степень личностной ориентации также может быть различной в разных видах институционального дискурса: педагогический дискурс является более личностным, чем деловой, а деловой — более личностным, чем юридический. Обратим внимание на то, что жанры того или иного типа дискурса допускают различную степень соотношения статусного и личностного начал в общении: речь адвоката или прокурора в этом смысле отличается от речи судьи, поскольку адвокат и прокурор, выступая в качестве сторон в юридическом процессе, тем не менее сохраняют свои личностные характеристики, судья же представляет собой воплощение государства и по законам жанра должен изъясняться максимально беспристрастно. И в научных статьях есть место личным смысловым образованиям, хотя канон и жанр статьи ограничивают смысловую свободу языкового знака.

Для личностно-ориентированного общения существенны способы снятия ограничений в свободе использования языковых знаков. В бытовом дискурсе люди не стремятся к точности описания, на первый план выходит указательность, что и не удивительно: обиходное общение связано с очевидными вещами. Происходит размывание знаков, экспрессивность и выражение эмоций оказываются значительно более важными в коммуникативном плане, чем сообщение информации об объективном положении дел. Люди могут изъясняться междометиями и их функциональными эквивалентами и прекрасно понимают друг друга. Обыденное общение характеризуется широкой эквивалентностью знаков, способных замещать друг друга без ущерба для передачи смысла: «Ну, что?» — «Да вот...». На этом уровне общения молчание оказывается более информативным, чем речь: *If you don't understand my silence, how can you understand my words?* По сути дела, и фатическая коммуникация представляет собой вербализацию того, что может быть передано невербально: улыбка и кивок эквивалентны словесному приветствию, мимика сожаления не менее успешно передает извинение, чем соответствующая фраза, которая, кстати, не будет воспринята как извинение без невербальной части этого речевого действия, и т. д. Эмпатия, способность понять внутренний мир другого человека считается в бытовом дискурсе между близкими людьми само собой разумеющейся. Бытовой дискурс в максимальной степени близок детской речи в том плане, что говорящий уверен, что адресат должен понять его в любом случае. Высокая контекстная зависимость языковых знаков в бытовом общении закономерно приводит к тому, что эти знаки очень быстро стираются и воспринимаются как

клише. Именно поэтому требуется постоянное обновление определенных типов слов, используемых в стандартных ситуациях для передачи эмоций и нечеткого обозначения предметов, явлений, событий, качеств. Такова питательная среда жаргонов и сленга.

Следует отметить, что семантическое размывание слов происходит неизбежно в различных сферах общения и закономерно вытекает из природы знака: означающее стремится не просто к вариативной замене, но к минимальной манифестации своей формы (языковая эконоμία, по А. Мартине). Так происходит со знаками этикета: снятие шляпа заменяется прикосновением к шляпе, падание ниц превращается в легкий поклон и затем в кивок, вопрос «How are you?», на который никто не ждет развернутого ответа, редуцируется в приветствие «Hi!» Аналогично знаменательные слова становятся служебными.

В бытийном общении — в художественном тексте — смысловая свобода языкового знака обеспечивается иными способами. Как автор, так и читатель (мы говорим о письменном художественном тексте) готовы к тому, что изображаемая действительность имеет личностную окраску, иначе говоря, важно не то, что сообщается, а то, как это сообщает автор, отсюда и установки на возможный отход от фактуальности, и поиск новых средств для самовыражения. Следует отметить, что художественный текст как тип дискурса представляет собой абстракцию, различные художественные стили, направления и личности авторов могут в значительной степени отличаться как друг от друга, так и от умозрительного усредненного текстового типа художественного произведения. Вместе с тем, если мы согласимся с основными исходными посылами создания художественного текста (мотив, оформление, вымысел, самовыражение автора, эмоциональность, образность), то открываются новые перспективы изучения знаковой вариативности языковых средств в художественном тексте.

Как и любое другое коммуникативное действие, художественный текст возникает из потребности что-то сказать, при этом принципиально разными являются установки: сказать для информативной передачи, чтобы адресат что-либо принял к сведению либо выполнил, и для самовыражения, чтобы идея получила свою оформленность. Нельзя не согласиться с латинской формулой *Dixi et animam levavi* (Сказал и душу облегчил), сказанной, впрочем, с другой целью в исходном библейском тексте. Возможно, более точно эту идею выразил О. Э. Мандельштам:

*Но я забыл, что я хочу сказать,
И мысль бесплотная в чертог теней вернется.*

Потребность воплотить мысль и чувство в слове — исходный мотив художественного текста. В этом плане фундаментальное различие между речью для дела и речью для воплощения мысли и чувства и дает нам два типа текстов: перформативные и креативные. Первые предназначены для адресата, вторые же могут быть как адресными, так и неадресными. Перформативные тексты по своей функции в значительной мере сходны с перформативными глаголами, по Дж. Остину, т. е. с вербальными знаками, произнесение которых само по себе является определенным действием. Креативные тексты в этом смысле не являются действиями, т. е. не направлены на изменение положения дел в окружающем мире. Признание креативных текстов как типа ставит под вопрос универсальность коммуникативной функции языка и неперменное наличие Другого для того, чтобы нечто было сказано. Именно креативная функция текста дает возможность автору чувствовать себя свободным по отношению к языковому материалу. Вместе с тем понятно, что свобода эта относительна: креативные и перформативные тексты неразрывно связаны, взаимно пересекаются и реально образуют единое пространство, в котором можно построить условную шкалу перформативности — креативности; на одном полюсе этой шкалы располагаются рецепты, инструкции, приказы, а на другом — лирические стихотворения, в том числе и модернистская лирика, смыкающаяся с песнями без слов.

Если мотив создания текста исходит от автора, то идея оформления текста в значительной степени подсказывается материалом: этот материал очень точно назван Б. М. Гаспаровым [1996: 104] — «мнемоническая среда языкового существования». В языковой памяти субъекта накапливаются на протяжении всей его жизни «частицы языковой ткани разного объема, фактуры, разной степени отчетливости и законченности» [Там же]. В зависимости от типа текста его оформление может быть спонтанным либо контролируемым, в последнем случае происходит перебор вариантов, поиск более точного слова, редактирование. Применительно к художественному тексту мы имеем в виду прежде всего его ритмическую организацию. М. Л. Гаспаров [1999] убедительно доказал, что существует органическая и историческая связь метра и смысла стихотворных текстов в массовом сознании культуры (как у поэтов, так и у читателей), этой связи дано название «семантический ореол стихотворного размера». Поэт не случайно произносит первую строку амфибрахием, ямбом или верлибром. Аналогичным образом установка на эстетическую сторону речи заставляет говорящего или пишущего придерживаться канонов художественно-

го текста, свойственных той или иной языковой культуре. Так, в стандартном учебнике по истории авторский подход к английским пуританам и противостоящим им кавалерам был сформулирован в соответствии с эвфоническими правилами аллитерации: сторонники и противники короля Карла I были охарактеризованы следующим образом: «wrong and romantic — right and repulsive» («неправильные и романтические — правильные и отталкивающие»). Семантика художественного текста неразрывно связана с его формой, в том числе фонетической. Выбор слова в поэтическом тексте подсказан автору как значением, так и звучанием этого слова. При этом, отмечает А. В. Пузырев [1995], первоначальный авторский вариант слова в поэтическом тексте оказывается всегда более эвфоничным, фонетически согласующимся с другими словами, чем последующие авторские варианты, вызванные желанием достичь большей содержательной точности слова. Отсюда следует, что для креативной семантики звучание слова значительно более важно, чем для перформативной семантики. В первом случае слово наделяется дополнительной энергией, изначально заложенной в нем, во втором — выступает как сигнальный знак, форма которого стремится к минимальной манифестации.

С точки зрения получателя речи диада «перформативные и креативные тексты» может быть выражена как «информативные и фасцинативные тексты». Под информацией понимается сообщение (субъективно) новых данных о чем-либо, под фасцинацией (от лат. *fascinatio* — околдовывание, очаровывание, завораживание) — эмоциональное воздействие текста, заставляющее адресата вновь и вновь обращаться к этому тексту. Информативные тексты характеризуются относительной независимостью от формы выражения, они легко перекодируются, аннотируются, их ценность уменьшается при последующем восприятии, в то время как фасцинативные тексты с трудом переводятся на другие языки, принципиально не поддаются сжатию (невозможно сделать дайджест лирического стихотворения), их ценность при каждом последующем восприятии возрастает. Названные качества фасцинативных текстов объясняются их органичным формально-семантическим единством. Фасцинативная функция слова заставляет получателя речи внимательно вслушиваться в речь, толкает к осознанию внутренней формы слова, ведет к мифопоэтическому осмыслению слов:

*Легкой выправкой оленьей
Мчатся гласные к Елене.*

*В темном лике — Анастасья —
Лепота иконостасья.*

(С. Кирсанов)

Креативность прослеживается в словообразовании, будучи важным фактором выразительности языкового знака. Например:

*Перешагни, перескочи, перелети,
Пере- что хочешь — но вырвись:
Камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...*

(В. Ходасевич)

Наиболее ярким способом лексико-семантической креативности является необычная сочетаемость слов — от нестандартных авторских эпитетов до катахрезы, сочетания принципиально несопрягаемых семантически слов. Такая сочетаемость направлена на достижение точности в художественном тексте через художественную образность, механизмом которой является «вторичное замещение — знаковая репрезентация восприятия предмета, а не самого предмета» [Трипицына 2000: 4]. С авторской сверхнасыщенностью смысла мы сталкиваемся в стихотворении А. Тарковского:

*Когда я вечную разлуку
Хлебну, как ледяную ртуть,
Не уходи, но дай мне руку
И проводи в последний путь.*

Вечная разлука — метонимическое обозначение смерти, хлебнуть, т. е. испить, — метафорическое обозначение эмоционального переживания. Смерть сравнивается с глотком ртути. Этот жидкий металл наделяется авторским смыслом — способностью приводить живое тело к металлическому остекленению. Здесь действует образная перестановка: подвижное живое тело становится неподвижным, как металл, при этом именно жидкий металл выступает средством омертвения. Ртутный блеск связан с идеей зеркала, и смерть представляется как переход в зазеркальный чужой мир. Эпитет «ледяная» означает «холодная, как лед», возникают ассоциации с водами Стикса, вечным льдом, смертельным холодом; одновременно это слово фонетически поддерживается глагольной словоформой «хлебну» — «ледяную», ударный и безударный слоги в этих словах совпадают, а гласный ударного слога является рифмообразующим для всего четверостишия.

Примером катахрезы является непонятное на первый взгляд словосочетание в стихотворении И. Бродского «Одиссей Телемаку»:

*...все острова похожи друг на друга,
когда так долго странствуешь, и мозг
уже сбивается, считая волны,
глаз, засоренный горизонтом, плачет,
и водяное мясо застит слух.*

В данном контексте слово «мясо» полностью меняет словарные значения «туша или часть туши животных, предназначенные для употребления в пищу; (разг.) мышечная ткань животных и человека; блюдо, кушанье, приготовленное из туш животных (кроме рыб); (разг.) мякоть плодов, ягод» (БТС 1998). Словосочетание «водяное мясо» является катахрезой, такой же, как «зеленые идеи» из известного лингвистического примера. Образная логика стихотворения подводит читателя к этой фигуре речи, к этому креативному авторскому смыслу вполне естественно: воды так много, от нее так устаешь, что она воспринимается как плотное вещество, похожее на мясо. Фонетически этот образ поддерживается криптофонией (термин А. В. Пузырева [1995]), т. е. зашифрованным в тексте фонетически и семантически близким словом «масса». Усталый путешественник смешивает сенсорные модальности: застить можно свет, здесь же шум моря во время движения корабля мешает слышать, и человек оказывается облепленным плотной мякотью моря, будучи не в состоянии видеть (глаза воспалены) и слышать что-либо. Этот образ очень выразителен и может быть понятен только в приведенном контексте.

В ином ключе креативность можно понимать как резкое, значительное увеличение содержания высказывания за счет множественности прочтения текста. Речь идет о подтексте, и здесь первичная модель подвижного знака, достаточно свободно связывающего означающее и означаемое, что свойственно детской речи, резко отличается от намеренной смысловой многомерности высказывания. Заметим, что косвенные речевые действия, различного рода намеки — это элементарная жесткая манипулятивная связь значений, используемая детьми не менее успешно, чем взрослыми. Есть качественное прагматическое различие между высказываниями *А соседскому Дениске котеночка подарили...* и *Сколько одуванчик ни поливай, а огурец из него не вырастет*. Первое — это косвенная просьба, т. е. перформативный текст, а второе — наблюдение, из которого вытекает обобщение широкого плана. Генерализация смысла имеет эвристический характер:

классы генерализуемых объектов и действий открыты, т. е. поле интерпретации смысла оказывается определенным и неопределенным одновременно. В этом и состоит смысловой сдвиг по аналогии: поливать одуванчик — заниматься бесполезным делом. Из сказанного не вытекает, что обобщаются только констативы, т. е. высказывания, утверждающие связь между явлениями, наличие либо отсутствие чего-либо и т. д. Известная фраза Ф. Ницше *Падающего подтолкни* представляет собой императив, но не является перформативным текстом в нашем понимании; «падающий» — это класс объектов, образующих весьма размытое множество и не всегда связанных с исходной семантикой глагола «падать». Даже если адресат не знает словесно оформленных норм этики и библейского стиха *Проклят, кто сбивает слепого с пути его*, жизненный опыт заставляет человека задуматься о глубинном смысле этой фразы.

Креативный смысл возникает и при переосмыслении известного текста, как правило, прецедентного. Такое переосмысление представляет собой одновременную актуализацию двух текстов, реинтерпретацию исходного текста в рамках иного жанра [Слышкин 1999: 14]. В постмодернистской поэзии этот прием получил широкое распространение:

*У дороги две ветлы,
Вдоль дороги просо,
Девки спрыгнули с иглы,
Сели на колеса.*

(И. Иртеньев)

В приведенном фрагменте из стихотворения «Дружно катятся года с песнями под горку» раскрывается ироническое авторское видение жизни: начало четверостишия представляет собой стилизацию частушки как прецедентного текста, приводятся сельские реалии — дорога, две ветлы, просо; персонаж этого фрагмента — девки (разговорное, сниженное и устаревшее деревенское обозначение девушек); действия персонажей выражены как будто обыденными словами — спрыгнули и сели, и если не знать жаргонного значения этих выражений («сидеть на игле» — колоть наркотики, «колеса» — наркотические таблетки), то может возникнуть впечатление, что речь идет о чем-то заурядном. Конфликт между двумя содержательными планами — фактуально-поверхностным и подтекстовым — и составляет основу иронического осмысления текста: наркомания стала привычным явлением, сопоставимым с описанием природы.

Подведем некоторые итоги.

Креативная сторона общения диалектически связана с его стандартной стороной, но есть сферы и жанры речи, в большей степени открытые для креативной либо перформативной коммуникации. Если перформативная коммуникация непременно направлена на адресата, то креативная может быть и не направлена на Другого. Креативное общение характеризуется относительной свободой языкового знака, возможностью неоднозначного осмысления, высокой контекстной зависимостью, актуализацией внутренней формы знака и фасцинативностью плана выражения знака. Неконвенциональная модель значения слова строится как трехступенчатое образование: слово первичное (в речи ребенка) — слово обиходное (в бытовом и институциональном дискурсе) — слово поэтико-философское (в бытийном дискурсе). Существует сходство креативной семантики слова первичного и слова поэтико-философского на основе общих признаков креативного общения, различие же состоит в особой символической генерализации смысла, свойственной бытийному общению.

Раздел 4

Репрезентация вражды и согласия в литературе и искусстве

М. А. Литовская

Адаптация социально нового в литературе: путь к примирению

Любые социальные изменения рано или поздно находят свое воплощение в искусстве. Являясь чутким барометром духовного состояния общества, оно довольно оперативно реагирует на общественно значимые трансформации появлением текстов с особыми проблематикой, тематикой, а иногда и сюжетной организацией. На определенных этапах развития социума, особенно при революционных потрясениях, вне зависимости от того, были ли они кровавыми или нет, на общественную арену выходят новые персонажи. При том, что социальные перевороты оказывают глубокое воздействие на все общество, в поле зрения обычно попадают вызванные переворотом силы, воспринимаемые обществом как нечто принципиально иное, возможно, даже невиданное, как своеобразный знак социальных инноваций. Собственно рассмотрению динамики того, как в искусстве, в первую очередь в литературе, невиданное превращается в привычное, инородное — в воспринимаемое как естественное, чужое — в свое, и будет посвящено данное исследование.

Рассматривать динамику этого превращения мы будем на материале литературных текстов первых пятнадцати лет советской власти и пятнадцати постсоветских лет, а главными героями будут коммунисты и так называемые «новые русские». Не касаясь проблемы освоения литературой глубинных процессов формирования «нового» советского и постсоветского человека — главного итога социальных изменений, а также болезненного и энергичного реагирования содер-

жательного и формального планов искусства на эксцессы становления этого «нового» человека (см. об этом, например: [Щеглов 1994; Чудакова 2001; Круглова 2005, и др.]), мы сосредоточим внимание на фигурантах экзотических, олицетворяющих не просто социальную новизну, но «те сферы общественной жизни, которые связаны со значениями активизма, свободы, богатства, независимости, в которых действуют подобные фигуры инноваторов» [Дубин 2004: 177]. Сразу оговоримся также, что мы выделяем лишь основную тенденцию выработки форм адаптации общественно нового, не рассматривая многие осложняющие картину нюансы исторической конкретики, неизбежно упрощая происходящие реальные социальные явления и процессы.

Коммунисты стали видным общественным явлением на рубеже 1910–1920-х годов; «новая» российская буржуазия — в начале 1990-х. И те и другие возникли для подавляющей части населения достаточно неожиданно. Общество не было готово к их появлению. Произвели впечатление и их многочисленность, предполагающая наличие некоторого скрытого от глаз инкубационного периода, и та энергия, с которой они начали захватывать в обществе одну позицию за другой. И те и другие быстро начали осознаваться как некая сила, противопоставленная «традиционной» части общества; к тому же сила, поддерживаемая государством. Впрочем, до начального осознания был недолгий период, когда эту новую силу потребовалось увидеть, — *этап обнаружения (проявления)*.

ВКП(б) на момент Октябрьского переворота была одной из множества политических партий и в сознании людей того времени ничем особым не выделялась. В текстах разного рода, не входящих в круг большевистской печати и являющихся откликом на революцию 1917 года, о большевиках если и упоминается, то лишь как о партии, захватившей власть. Главными героями революции казались матросы, солдаты-дезертиры, революционеры-смутьяны.

Гроном их сожги, эти выборы! Спихнули такие-то, как ты, забубенные господа да беглые солдаты царя, — вот увидишь, что теперь будет! — приводит И. А. Бунин в своей дневниковой записи от октября 1917 года мнение старой крестьянки о событиях в стране [Бунин 1991: 128]. *Лежим, заплеваны и связаны, по всем углам. // Плевки матросские размазаны у нас по лбам, —* передает свое ощущение происходящего З. Гиппиус. *Над зыбким мороком болот / Бесовский правит хоровод. / Народ, безумием объятый, о камни бьется головой / И узы рвет, как бесноватый,* — описывает состояние общества

М. Волошин. «Левый марш» (1918) В. Маяковского посвящен *разворачивающимся в марше* матросам как наиболее очевидной для свидетеля движущей силе революции. В его «Оде революции» (1917) большевики тоже не упоминаются. В «Двенадцати» А. Блока идущий по городу патруль состоит из дезертиров, ссыльнокаторжных, верующих / неверующих в Христа, но только не носителей некоей системы политических воззрений. В момент свершения общественного переворота происходящее в стране связывалось с хаосом вообще, смутой вообще, разрухой вообще, особенностями русского народа как некоей этнокультурной общности, но не с представителями конкретной партии.

Общественный переворот 1917 года довольно быстро начинает восприниматься значительной частью общества как начало хаоса, а коммунисты — как фрагмент этого хаоса. Уже в 1918–1920 годах большевики — «черт из табакерки», по словам А. Аверченко, — являются персонифицированным воплощением наступившего нового: отрицательного, безобразного или, напротив, величественного, широкого. Большевик — участник общественной смуты, главной характеристикой которого становится политическое противостояние «буржуям». Так же как и все остальные, большевик не является хозяином положения, а подчинен необъяснимым силам хаоса. Его роль пока малопонятна, хотя очевидно значительна, поэтому он изображается с позиции внешнего описания, чему можно лишь приписывать определенные свойства по аналогии с прошлыми историческими событиями. У него может быть фантастическая биография, как в стихотворении М. Волошина «Большевик» (1918): *Зверь зверем. С крученкой во рту. / За поясом два пистолета. / Был председателем «Совета», / А раньше — грузчиком в порту. // Когда матросы предлагали / Устроить к завтрашнему дню / Буржуев общую резню / И в город пушки направляли — / Всем, обращавшимся к нему / Он заявлял спокойно волю: / «Буржуй здесь мой, / И никому его я резать не позволю».* // <...> *Был арестован. Целый год / Сидел в тюрьме без обвиненья / И наскоро «внесен в расход» / За два часа до отступленья.* Большевик может наделяться недюжинными личными качествами — разбойно-богатырской мощью, например, как в одноименном стихотворении М. Цветаевой: *Весь мир бы разгромил — да проймы / Жмут — не дают дышать! Широкой доброте разбойной / Смеюсь — уверяю грудь!*

«Новая буржуазия» становится заметной в постсоветском обществе в 1992 году (о возникновении понятия «новые русские» см.: [Козлова, Сафонова 1998]), когда страна еще живет надеждами на всеобщую и равную приватизацию государственной собственности, на при-

шедший на смену социализму капитализм «с человеческим лицом». При этом в массовом сознании капитализм, судя по всему, отождествлялся не более чем с обществом товарного изобилия с магазинами, ломящимися прилавками, при этом не предполагалось имущественного расслоения. Во всяком случае, факт появления очень богатых людей воспринимался значительной частью общества не без удивления. «Новые русские», сменившие в широком сознании «кооператоров», первоначально представляются не более чем характерологической деталью нового социального пространства — наряду, скажем, с «челноками».

Как коммунисты, так и «новая буржуазия» первоначально выступают как силы, которых не было в конкретном социальном опыте современников. Коммунисты сначала ассоциировались с революционерами вообще. Буржуазия же в наивном сознании — образах Рокфеллера ли или Мистера Твистера — существовала только там, за границей, а прежние, дореволюционные «буржуи», как и нэпманы 1920-х годов, давно перевелись. Это не помешает, впрочем, искусству использовать применяемые в прошлом для изображения купцов и капиталистов приемы в конструировании образов «новых русских» (см. об этом: [Graham 2003; Lipovetsky 2003]). Представители нового воспринимаются как нечто экзотическое. Именно поэтому они сразу внешне маркируются, наделяясь запоминающимися деталями. Большевики — кожаными куртками. Буржуазия — красными пиджаками. Большевики — наганами и маузерами. Буржуазия — увесистыми золотыми украшениями. Первоначально они входят в символическое пространство культуры как некий обобщенный герой, наделенный определенными общими чертами. Шальная безудержная энергия — вот доминирующее качество первых персонажей-большевиков в литературе. Шальные бешеные деньги — вот доминирующее качество первых персонажей «новых русских».

Уже к 1919 году влияние партии большевиков резко усиливается, появляется директива о создании партячеек в любой организации, где есть не менее трех членов партии, на глазах складывается видимый слой профессиональных партийных работников. Проявились на общественном поле и «новые русские». Постепенно, по мере все более активного присутствия этих сил на общественной арене, они начинают наделяться новыми качествами, включаться в изображаемую социальную структуру меняющегося общества как неотъемлемая часть нового мироустройства. Идет период их активной интеграции в пространство публичного узнавания. Но эта интеграция затруднена как

невозможностью определить место новой силы в уже сложившейся иерархии, так и сложностью понимания устройства этих общественных явлений.

ВКП(б) была окружена ореолом тайны из-за ее преимущественной подпольности и скрытой мощи, позволившей в одночасье обрушить недавно отпраздновавшую свое трехсотлетие царскую власть. В руки партии прямо на глазах переходит кадровая политика, партия становится основным каналом мобильности в советском обществе. Постсоветские «богатые», нувориши, имеют большие денежные средства, т. е. обладают главным ресурсом успешности в постсоветском обществе. При этом и те и другие оказываются носителями неприемлемых качеств, не признанных культурной традицией, но тем не менее не мешающих общественному положению «пришельцев». Двойственное отношение к новым социальным силам, воплощающим, с одной стороны, новую власть (политическую или финансовую, т. е., в конечном счете, — тоже политическую), а с другой — новую культуру, осознаваемую как более низкую по отношению к предшествующей, приводит к отчетливо двойственному выражению отношения к новым социальным силам. Смена статуса приводит к смене особенностей восприятия.

Непонимание происходящего облекается в определенные символические структуры. *Этап обнаружения (проявления)* сменяет *этап мифологизации*, когда непонятное псевдорационализируется через приписывание ему сверхъестественных, таинственных свойств. Внутренний процесс *демонизации* с ее оборотной стороной — *сакрализацией* — включает в себя элементы формирования культурной истории нового социального феномена, объяснение (а не фиксацию, как на предшествующем этапе) быта и нравов. Случаи сниженности в профессиональном искусстве этого периода редки. Так, образ «нового русского» распространяется в основном в анекдотах (см.: [Левинсон 1996]). Образ коммуниста, большевика довольно часто фигурирует в сатирических текстах. Но в качестве отрицательного персонажа он обычно выступает как «переродившийся», т. е. заведомо неполноценный, ущербный тип («О дряни» В. Маяковского, «Выстрел» А. Безыменского). Но даже изображение большевиков в сатирической по пафосу литературе (как антисоветской, так и просоветской) неизменно приписывает им таинственную мощь, позволяющую «комиссарам» ходить по колено в крови, в одночасье разрушить Россию («Окаянные дни» И. Бунина, «Дюжина ножей в спину революции» А. Аверченко и др.) или же получить такую власть, что наличие в семье коммуниста

становится обязательной частью приданого невесты («Мандат» Н. Эрдмана), а слово секретаря парторганизации способно мгновенно разрешить неразрешимые с точки зрения всех его участников этические проблемы («Квадратура круга» В. Катаева). Сами исторические явления существованием, скажем, в Гражданскую войну броневиков «Антихрист» или локальными криминальными войнами 1990-х годов давали основания для мифологизации подобного рода.

Так, в советской стране религию сразу же отделили от государства, естественно, никто официально не провозглашал необходимости сакрализации. Тем не менее искусство, особенно на первых порах, активно использовало соответствующую тропику для описания новой власти, государства, правителя. Новая власть, очень быстро переключившая по своему образцу государство, неожиданностью и скоростью своего воцарения напомнила потрясенным переворотом современникам о дьявольских кознях и сотворении мира новым Богом. Это немедленно нашло отражение в риторическом облике тогдашней публицистики. Ленин в этом контексте, особенно после ранения 1918 года, предстает «спасителем»: Христом и Святым Георгием одновременно. Для Маяковского и Есенина, Гиппиус и Бунина, Волошина и Брюсова, Герасимова и Кириллова религиозная образность выступала как единственно возможная. Во-первых, потому, что была соразмерна грандиозности произошедшего. Во-вторых, потому, что оказалась наиболее доступной и знакомой: никого другого, столь же известного, как Христос, Блок в конце своей поэмы придумать не смог.

Похороны Ленина удивили многих своей мощной религиозной составляющей. Более всего это относилось к решению бальзамировать тело Ленина и выставить его для всеобщего обозрения в мавзолее на Красной площади. Ленин был похоронен с соответствием с умопомпезным интернациональным религиозным ритуалом, что, по мнению ряда историков, могло быть связано с тем, что два члена комиссии по организации похорон Ленина, Луначарский и Красин, были в прошлом приверженцами «социалистической религии человечества» — богостроительства, в соответствии с которой новый человек избавится от иллюзорных представлений о трансцендентном Боге и сам исполнит истинную земную религиозную миссию. Ленин, в соответствии с навязываемыми обществу представлениями, как раз эту миссию и выполнял (см. об этом: [Тумаркин 1997]). В. Маяковский остро ощутил веяния времени и создал посмертную поэму о вожде, используя композиционные приемы традиционной агиографии (см.: [Шатин 1996]). В то же время поэт в своей интерпретации, опираясь

на образ *самого человеческого* (читай — совершенного. — М. Л.) человека, задает тему легитимности, сакральности и харизматичности новой власти ввиду ее историчности. *Обыкновенный мальчик Ленин* родился в результате развития истории как смены формаций: рабства, феодализма, капитализма.

Мистической силой и таинственностью обладали не только вожди партии, но и сама партия. «Партийцы с дореволюционным стажем» (старые большевики) изображались как носители особого знания (к середине 1920-х годов его переименуют в «сознательность»), знания приобщенных к первоисточкам победоносной революции. Тайна нового государства и его движущей силы — коммунистов — стала одной из центральных тем в литературе 1920-х годов. А. Тарасов-Родионов в «Шоколаде» исследует «парадокс Зудина», председателя Губчека, который добровольно отказывается опровергать выдвинутые против него абсурдные обвинения и обрекает себя на расстрел. Б. Пильняк в «Повести непогашенной луны» рассказывает историю героя Гражданской войны, командарма, за которым стоит преданное ему войско, но который тем не менее неизвестно зачем ложится на смертельную операцию по приказу *Негорбящегося человека*. «Щепка» В. Зазубрина — это трагическая история идеалиста-революционера, рыцарски верно служащего слабой, нуждающейся в защите *Революции*, обернувшейся *вздорной ненасытной бабищей*, требующей все новых и новых жертв. Эти произведения не случайно вызвали раздражение официальной критики. В них была не только передана атмосфера загадочной и оттого пугающей современности, но и предпринята попытка разобраться с тем, что происходит, проанализировать, понять механизм деятельности *ордена меченосцев*, получившего *монашескую закалку подполья*. Но, осуждая или принимая поведение большевиков, авторы упорно объясняли их характеры и поступки через уже разработанные в культуре схемы романтического противопоставления до конца верного Идеалу рыцаря — циничному миру реальных властных полномочий и практик, через несоответствие Идеала и послереволюционной действительности. «Настоящий» коммунист (ему противопоставляется коммунист-«перерожденец», «совбур» и т. п.) неизменно предстает как человек, наделенный лишенными тривиального практицизма представлениями о мироустройстве, заброшенный в реальную жизнь идеалист, человек не от мира сего.

Постепенно в политической риторике эпохи формируется образ партийца, особенно партийного секретаря как человека особого рода, способного заниматься всеми видами человеческой деятельности,

руководствующегося в своих действиях не законами, но загадочной «революционной сознательностью». Последний всплеск мистической мощи чекиста (= коммуниста) возникнет в установочном тексте социалистического реализма «Беломорско-Балтийский канал. История строительства» (1934). Краткое резюме в финале книги закрепляет в читательском сознании идею: *В этой книге рассказывается о победе небольшой группы людей, дисциплинированных идеей коммунизма, над десятками тысяч социально вредных единиц.* Но эта победа представлена в книге в виде истории символического романа *Партии и Чекиста*, борющегося во ее имя со *стоглавой гидрой соцвердов* — мещан (см.: [Литовская 1998]).

В соответствующий период в постсоветской публицистике муссируются конспирологические идеи золота партии как источника богатства «новых русских», а сами «новые русские» активно вписываются в контекст таинственных мировых сил и организаций — в первую очередь мафии. В «русских» боевиках герои, сражаясь с бандитами, неизменно выясняют, что их «крышуют» «новые русские» или они «крышуют» «новых русских». «Новая буржуазия» связана с международным криминальным миром, политическими силами, чиновничеством, она всемогуща и абсолютно беспринципна. Соединенная непонятными узами то ли братства, то ли совместно пролитой крови, то ли первородного греха, эта сила пронизывает весь мир. В романе А. Проханова «Господин Гексоген» выведен символический мифологический образ современного состояния государства: есть некое новорусское зло — *Змей*, живущий под Москвой, который подпитывается разнообразными мощными силами — *Еврейским конгрессом, семьей Истукана, мастерской кукол, тайным орденом ФСБ*, каждая из которых хочет заставить *Змея* служить себе. Народ из своих рядов должен выдвинуть *сторожа*, следящего, чтобы *Змей* не прополз дальше, и героя-мученика, который должен узнать тайну *Змея*, чтобы убить его (см. об этом, например: [Купина, Михайлова 2003]).

Параллельно *этапу мифологизации* в искусстве проходит *этап легитимизации*, для которого характерна в первую очередь попытка специфической социальной аналитики: явление не просто включают в уже существующую систему социальных связей, но пытаются найти объяснение тому, почему произошло это включение, и признают законность этого включения. Новая общественная сила перестает быть необъяснимым *Чужим* — Демоном или Богом — и становится объясняемой. Для этого причины (социально-психологические, политические, идеологические) появления новой социальной силы и проявле-

ния ее быта и нравов интерпретируются уже не как мистические, а как рациональные и закономерные. Сложность анализа состоит в том, что сама общественная структура еще не устоялась, а новые силы прочно пронизывают всю общественную жизнь.

Попытки объяснить деятельность коммунистов здравым смыслом, необходимостью решения практических задач переустройства России оказывались несостоятельными из-за грандиозности самого события революции, перевернувшей страну. Но изображать, как формировались коммунисты, литература начинает уже в первой половине 1920-х годов, обращая внимание на открывающиеся перед простым человеком возможности духовного развития (Л. Сейфуллина) и самореализации (Д. Фурманов, А. Серафимович), на готовность к компромиссу с новыми социальными обстоятельствами (М. Булгаков), на совокупность конкретно-исторических, психологических причин, обуславливающих и оправдывающих появление человека нового, героического склада. В очерке М. Горького «В. И. Ленин» не случайна номинация-парафраз героя *окаянное дитя окаянного мира сего*, подчеркивающая социальную природу характера основателя большевистской партии, ее вождя. Так же не случайно Ленин вписан автором в ряд других героев «Литературных портретов» — гениев человеческого духа, которые реализуют себя с максимальной полнотой кто в художественной, кто в научной, кто в политической сфере. Уникальный случай трактуется как закономерный, хотя обсуждать Ленина как представителя новой социальной группы Горький не берется.

«Новые русские» на протяжении 1990-х годов, во-первых, перестают рассматриваться в искусстве как некая неделимая группа, появляются «новые» капиталисты, «новые» карьеристы, «новый» криминалитет и т. п. Все чаще они изображаются не как демоническое воплощение мирового зла или бескультурья, но как результат конкретной социально-экономической акции — «шоковой терапии» рубежа 1980–1990-х годов и как знак определенной социальной — ельцинской — эпохи. При изображении поведения «новых русских», их характера начинают различать традиционные истоки — купеческие традиции; криминальные идеи; западные ценности; коммунистические принципы и др. Подобная «каша» [Бухаркова 2000] все же дает более внятные, чем конспирологические или демонические, объяснения этого специфического, но культурно укореняющегося феномена.

Этап легитимизации новой социальной силы, узаконивающий ее присутствие в обществе через включение в символическое пространство культуры, начинается лет через десять-двенадцать после прояв-

ления в обществе этой силы. В нашем случае это связано с появлением текстов, как бы подводящих итоги предшествующему периоду обнаружения, мифологизации и первичного освоения явления, предлагающих более или менее универсальную и устраивающую общество схему объяснения места нового в изменившейся социальной системе и в системе традиционных культурных ценностей. В 1927 году печатается роман А. Фадеева «Разгром». В 2002 году на экраны выходит телесериал «Бригада» режиссера А. Сидорова. И тот и другой тексты стали в известной степени переломными в трактовке изображенного в них времени, снискали поддержку критики и признание самой широкой аудитории. Авторы книги и фильма создавали их, как сами объясняли, вовсе не для легитимизации новых социальных сил. А. Фадеев хотел продолжить изображение революции как «величайшей переделки человеческого материала» [Фадеев 1954: 263]; А. Сидоров ставил задачу изобразить превращение «людей» в «нелюдей» [Сидоров 2002]. Но на деле и тот и другой показали разгромленные отряды, предводительствуемые яркими носителями сознания новой социальной силы (развернутый анализ форм символизации нового социального пространства в «Бригаде» см.: [Oushakine 2006]). При колоссальных отличиях в пафосе, фабуле, сюжетных мотивировках, при всей художественной неравноценности этих текстов в интересующем нас аспекте они очевидно схожи. Авторы подчеркивают некоторые специфические черты, которые, обобщив, можно свести к следующему. Левинсон, маленького роста невидный еврей из мелкобуржуазной семьи, ставший для своих соратников-подопечных по отряду учителем, разъясняющим новое, сознательное отношение к жизни, и Саня Белый, маленького роста демобилизованный солдат-москвич, выходец из семьи мелкой служащей, ставший для своих «братьев» по «бригаде» сплывающей и очеловечивающей силой, в итоге — через преступления (убийство товарища) и пролитую врагами кровь самых близких друзей — превратились — соответственно — в настоящего коммуниста и настоящего «нового русского».

Авторами был найден сюжет предыстории нового социального персонажа — трудного превращения человека обыкновенного, такого, как все, в героя нового времени, но теснейшим образом связанного со старым. Добрые человеческие задатки в ситуации меняющегося времени, требующего отказа от привычного, предлагающего человеку непривычные, вроде бы изначально противопоказанные ему социальные роли, — вот схема объяснения появления нового социального типа, оказавшегося приемлемым для общества. Герои нарушают куль-

турную традицию, но при этом они вызывают симпатию. Духовная перестройка психологически и социально ответственных личностей, жертвы, приносимые времени, приводящие к перерождению подчеркнута добрых и мирных людей в воинов, нарушающих мораль, формирующих новую, основанную на революционном гуманизме (полезно то, что полезно революции) и капиталистическом индивидуализме (я отвечаю за интересы и безопасность только себя и своей семьи) систему ценностей, которая оказывается созвучной пережитому реципиентом, прошедшему свой, для него самого не менее тяжелый, путь социальной адаптации к новым условиям. Не моментально зафиксированный внешний рисунок непривычного явления, не отчужденная причастностью к таинственному сила, но человек со своей судьбой, в самых универсальных ее воплощениях, дает возможность для примирения со ставшим близким чужим. Подобные тексты становятся своеобразной точкой экзистенциализации, объединяющей воспринимającego и героя в совместном прохождении одних и тех же «мук».

Литература использует имеющиеся у нее в запасе ресурсы «вочеловечивания» и «приближения» чужого: утепление образа через описание не просто быта партийца, его семьи, его сомнений и переживаний, но его близкой и ставшей понятной судьбы. Клычков и Левинсон, Ждаркин и комиссар Коган оказываются не просто людьми с маузерами на боку, подчиняющимися грозной и таинственной Партии или Революции. Под их кожаными куртками бьются горячие сердца, а их мечты об освобождении человечества основаны на заботе об отдельном человеке. Они руководствуются простой и ясной установкой: *Надо жить и исполнять свои обязанности*. В случае с «новой буржуазией» происходит то же самое. Под малиновыми пиджаками анекдотических «новых русских» тоже бьются горячие сердца «нормальных» русских парней, бритые головы «качков» полны мыслей, а сердца — чувств. «Бригада» не случайно стала очень популярным фильмом. Товарищи, волею социальных обстоятельств ставшие «новыми русскими» и героически павшие на полях сражений за передел капитала, появятся и в следующих фильмах. Вспомним хотя бы ленты «Бумер» (2003), «Олигарх» (2002) и многие другие, предложившие обществу образ «новых» богатых с человеческим лицом.

Тогда и наступает *этап социального притяия* еще недавно чуждой людям новой общественной силы. Она становится не просто привычным участком социального пространства, но меняет ценностные социальные установки. Межкультурные ценностные сравнения прини-

мают вид внутрикультурного диалога между членами одного сообщества [Майу 2005]. Искусство продолжает играть свою роль, поддерживая сконструированные им же параметры социального позитива. Постепенно начинает внедряться мысль о некоем превосходстве новых социальных сил: коммунистов, знающих, как, куда и зачем движется общество, во имя чего переживаются людьми лишения и страдания, и «новых русских», обеспечивших «достойную» жизнь себе и своим детям. Они превращаются в устойчивых положительных героев советской и постсоветской современности. А основное требование к положительному герою известно. Он выступает как образец для подражания, поддерживаемый медиа, массированно внедряемый в общественное сознание.

Происходит своего рода фазовый переход, отражающий изменение структуры предлагаемых ценностей, моделей социального поведения. «Новые русские» начинают называться «новой буржуазией». Буржуазность, понимаемая не социально, а этически, входит в моду. Буржуазный, как объясняется на разных уровнях медиа, это не значит богатый, это значит умеющий потреблять. Поскольку богатство недостижимо для всех, богатый не может стать идеальным персонажем вследствие своей исключительности. Социальную значимость приобретают уже не столько большие деньги, хотя без них, как можно догадаться, потребление вряд ли будет полноценным, но именно буржуазные, т. е. консьюмеристские ценности: спокойное респектабельное, обеспеченное существование с шоппингом и фитнесом, освоением рекреационных техник и гастрономических умений. «Новый русский» трансформируется в человека респектабельного, знающего традицию, умеющего с удовольствием потреблять, не превращающего жизнь в вечную духовную муку. В боях за капитал участвуют новые герои — «властные структуры» и «олигархи». «Новый русский» живет в загородном доме (успешный человек стремится жить в загородном доме), готовит еду для удовольствия (еда — это часть культуры), читает (читать — это модно), занимается спортом (вложения в собственное здоровье выгодны и престижны).

Буржуазность как регламентация жизни не на советских (или антисоветских), но на внеидеологических основаниях, то, что в советские времена именовали мещанством, провозглашается предпочтительной жизненной стратегией в массовой культуре. Не случайно в 2000-е годы в отечественной литературе появляются свои «дамские» любовные романы. Для внедрения на российскую почву историй не земной любви появляется важнейшая предпосылка — существование

в общественном сознании образов обеспеченных сограждан (менеджеров, врачей-хирургов, журналистов, адвокатов, актеров, а также периодически работающих за границей ученых), обладающих достаточными средствами для воплощения «настоящей», т. е. красивой и благополучно завершающейся истории любви.

Пафос признания «новых» жизненных преимуществ, характерный для популярных, но не относящихся к низовой массовой литературе книг «Дневник Луизы Ложкиной» (2005) Кати Метелицы и «Валторна Шилклопера» (2004) Марты Петровой в этом сходен: мы достойно и спокойно проживаем свою жизнь, соблюдаем ее ритуалы; наше повседневное существование полно и насыщено, у нас есть средства доставлять себе пусть немногие, но значимые для нас удовольствия; мы не завидуем материальному благосостоянию, потому что у нас свой, достаточно высокий уровень жизни. Богачи и богачки Оксаны Робски («Casual», «День счастья — завтра») живут такой же повседневной жизнью, как и остальные горожане, только платят за все гораздо больше в денежном — и не только в денежном — эквиваленте. Литература работает на стратегию иллюзорного социального выравнивания.

Не все, живущие в особняках, плохие, — вторит фильм «Московская сага», в котором антисоветский вариант советской истории, рассказанный В. Аксеновым в 1980-е годы, подвергся значительной переработке. История духовного сопротивления семьи интеллигентов Градовых советскому режиму воспринимается как предыстория обитателей особняка в престижном Серебряном Бору. Новая социальная сила — «новые русские» — смыкается с авторитетной в прошлом интеллигенцией, имеющей «старые» корни. Постсоветская буржуазия в искусстве последовательно разделяется на выходцев из «старой» интеллигенции, дворянства (они облагораживаются, превозносятся) и выскочек, стремившихся «хапнуть» при всех режимах (они по-прежнему осуждаются, в первую очередь как «кровные», наследственные насильники и холоуи).

Эти процессы отчетливо обнаруживаются в романе А. Червинского «Шишкин лес» (2004). Писатель не предлагает экстравагантных трактовок истории, но осторожно расшатывает стереотипное (как официальное, так и диссидентское) представление о советском прошлом. Николкины — еще до революции сложившаяся семья творческой интеллигенции: прадед — великий композитор Василий Чернов, автор знаменитых опер «Вурдалаки» и «Финист Ясный сокол», бабушка — скульптор Варвара Чернова, автор знаменитой скульптуры «Металлист», замужем за художником Полонским, до революции чле-

ном группы «Бубновый валет», рисовавшим Ленина, покойная мать Даша — скрипачка. Брат Макс — *великий английский режиссер*, начинавший свою карьеру с постановки спектакля «Как закалялась сталь» в Ашхабаде — *гениальной смеси антисоветчины с эротикой*. Антон, его сын, *владелец клуба «Толстоевский»*. Тридцатитрехлетний сын Алексея Котя, интеллигент с серой в ухе, — режиссер, снявший *известный фильм «Великий шелковый путь»*, рекламист. Отец главного героя Алексея, знаменитого кинорежиссера, на момент повествования восьмидесятипятилетний писатель Степан Сергеевич Николкин, Степа. Его сын говорит о нем: *Папа заикается и косит под маразматика, но очень крепок и в совершенно ясном уме. Вы все в детстве читали его книжку «Наша история». Помните, как там у него: «В русской истории встречаются и хорошие люди, и дурные. Но сама наша история не хороша и не дурна. Это, ребята, просто наша история. И другой у нас нет»*.

Финал книги «Наша история», обеспечившей благосостояние семье Николкиных, принципиально важен. История, как и власть, не может быть хорошей или дурной, она нуждается в приятии ее как данности. Лояльность к любой власти лежит в основе благополучия Николкиных, как и сопровождающей их из поколения в поколение семьи Левко. Прадед Левко был в услужении у Николкиных, его сын — *чекист, энкаведешник, кэзэбэшник* — дослужился до маршала, правнук Павел стал «новым русским».

Но если Николкины спокон века живут на одном месте, в одном доме, делают по фамильному рецепту рябиновую водку, у них *мебель в гостиной, как и везде в... доме, старинная, изящная и не куплена в антикварном магазине, а стояла тут всегда*, то Левко во все времена приходится, завоевывая благополучную жизнь, превращаться в «новых русских» — после революции, при Сталине, Хрущеве и Брежнев, в постсоветскую эпоху. Николкины всегда остаются самими собой. Левко приходится постоянно меняться, подстраиваться под меняющиеся общественные условия. При этом во все времена мужчины Левко безнадежно любили женщин Николкиных, а все Николкины традиционно снисходительно относились к Левко. Вопрос, который возникает у Левко, прост: *почему весь мир кверху жопой, а Николкины в полном порядке, в первом ряду партера, при баблях и с лучшими бабами*. Собственно, в романе и предлагается ответ на этот вопрос: потому что так заведено. Есть люди, делающие «реальное дело», и люди, подстраивающиеся к власти. Вроде бы в современном мире все зависит от вторых, но выигрывают чаще всего первые. Искусство в

случае Николкиных служит политике, но оно же дает возможности для самовыражения. К тому же статус человека искусства высок. Политики меняются, но созданные семьей «Финист Ясный сокол», «Металлист» и «Тетя Поля» остаются навсегда. И Левко, и Николкины боятся власти — в этом они похожи, но методы борьбы со страхом у них разные. Левко стараются занять ключевую в парадигме каждого нового типа власти социальную нишу, что чревато непреодолимой зависимостью. Николкиным никакая власть не мешает делать свое любимое дело. Для них власть значит что-то только в том случае, если она посягает на членов семьи: они не сопротивляются ей и оттого всегда остаются невредимыми. *Степа делается героем только от страха*, у него, как у всех Николкиных, очень развито чувство родства: *Когда он боялся за Дашу, когда он боится за детей и внуков, он способен на все*. История непрозрачна и труднообъяснима, но *всякому бунту приходит конец*, и традиционные ценности (семья, частная собственность и государство) всегда берут верх. А они — эти традиционные ценности, одинаковы — независимо от социальной принадлежности, лишь бы люди были хороши и обладали духовностью. Это важнейший вывод, к которому приходит искусство, адаптируя некогда неделимую социальную силу — «новых русских».

Придание социально иному, непонятному, а значит, враждебному, статуса привычного происходит через его обнаружение, сакрализацию / демонизацию и наконец — легитимизацию, осуществляемую через операции сращения старого и нового, фрагментации инородного, позитивной и негативной частям которого придается характер универсального и традиционного, а значит, естественного. Конечной целью адаптации искусством социально нового является прокладывание пути к общественному примирению: формирование чувства безопасности, создание иллюзии общественного выравнивания, естественности существующего порядка вещей.

В. Д. Черняк, М. А. Черняк
**Концептуализация действительности
в современной массовой литературе:
сферы вражды и согласия**

Актуализация на рубеже XX–XXI веков в сознании россиянина концептов *опасность, страх, вражда, ненависть, убийство, катастрофа, апокалипсис* и т. п. очевидна: достаточно открыть любую газету или журнал, посмотреть программу новостей по телевидению. Информационно-аналитический центр «Сова», специально изучающий «язык вражды» в СМИ, отражающих, а отчасти и формирующих ксенофобские настроения в обществе, отмечает «латентную ненависть к чужим» (Новая газета. 2005. № 95).

Современная беллетристика, остро реагирующая на меняющиеся социокультурные доминанты, позволяет выявить изменения в общественном сознании, определить ключевые слова эпохи и установить их соотношение на аксиологической шкале.

В популярных романах Б. Акунина «Любовник смерти» и «Любовница смерти», действие которых происходит в августе-сентябре последнего года XIX века, тема «конца века», апокалиптические мотивы оказываются смыслообразующими. Б. Акунин переносит в эти романы сюжетные хронотопы как произведений М. Горького периода рубежа XIX–XX веков («Любовник смерти»), так и авторов серебряного века («Любовница смерти»).

Декадентская, символистская тема мифологизированной смерти из романа «Любовница смерти» (ср.: *...для женщин Смерть — Вечный Жених. У нас вообще все очень поэтично. Для соискателей Смерть — это как бы <...> Прекрасная Дама, которой мы посвящаем стихи, а*

если понадобится, то и самая жизнь) развивается и в «парном» романе «Любовник смерти» в антураже «горьковского» быта Хитровки. Совершенно очевидно, что воплощение концепта *смерть* в стилизованном акунинском тексте отражает и доминанты картины мира иной, современной эпохи.

Констатация кризиса стала своеобразной аксиомой современного общественного сознания, определяющей не только общую тональность рассуждений о культуре, но и стилистику современного дискурса, в котором особую значимость приобретают оценочные концепты, отражающие состояние социального и нравственного дискомфорта, характерного для современного общества.

«Специфика оценочных концептов заключается в их содержательной неопределенности, обусловленной зависимостью от других, конкретных концептов и концептуальных структур, которые подвергаются оценке» [Болдырев 2005: 34]. Сочетание оценочных концептов, вербализованных, в частности, оценочными лексемами, создает своеобразие дискурсов, отражающих кризисное состояние общества. Новые социально-экономические условия все чаще ставят человека в ситуацию конфликта. Примечательно, например, включение в текст А. Марининой неологизма последних лет *рейдерство*, который очень точно семантизируется средствами «стихийной лексикографии», причем комплекс лексических средств (*недружественный, хваткий, зубастый, скушать*) четко очерчивает эмоционально-оценочные параметры слова и определяет его место в «конфликтотгенной зоне»:

Вот уже без малого четыре года они были вместе и вместе промышляли тем, что способствовали недружественным поглощениям одних фирм другими. То, чем они занимались, имело официальное название рейдерство. Конечно, не надо думать, что работу свою они делали вдвоем, отнюдь. У них были хваткие юристы, опытные экономисты, ловкие переговорщики и зубастые пиарщики, за собой Дмитрий и Дарья оставили стратегическое и тактическое планирование, неусыпный контроль за каждым шагом в операции, за каждым принятым решением и — самое главное в их деле — поиск заказчиков. Их рейдерская фирма была не столь известна, чтобы к ним заказчики в очередь выстраивались, и желающих «скушать» чужое предприятие нужно было искать, да еще так, чтобы этот желающий им доверился (А. Маринина. Пружина для мышеловки).

Тексты современной беллетристики могут служить средством диагностики социокультурных недугов общества. Приведем два фрагмента из романа-антиутопии Д. Быкова, точно передающих атмосферу растерянности и всеобщего хаоса:

Все более очевидная, гнетущая второсортность окружающего — будь то продукты, журналы, телепрограммы, лица людей в транспорте и их убогие страхи — диктовалась только тем, что первого сорта мир уже не выдерживал. <...> Все словно сговорились жить вполсилы, терпеть из милости, читать дрянь, жрать тухлятину, и стоило среди этого появиться настоящей любви, как мир немедленно пошел вразнос. <...>

По дороге к трассе им попался мент, пинками гнавший куда-то пьяного мужика абсолютно русского вида; то ли он намеревался загнать его в участок и там засадить в обезьянник по всей форме, то ли просто запинать в кусты и там обобрать без свидетелей или уж отмутузить до потери пульса; в рамках борьбы с терроризмом сходило все (Д. Быков. Эвакуатор).

Н. А. Кобрина, говоря о вербализации концептов, отмечает особую роль слов, используемых в качестве заглавий произведений: «...заглавия часто являются концептуальной номинацией, т. е. выражают концепт, без структурированной развернутости, как обобщенное осмысление чего-то в определенном ракурсе» [Кобрина 2005: 91]. Ключевые слова заглавий многих произведений отечественной массовой литературы рубежа XX–XXI веков, четко соотносясь с актуальными для соответствующего жанра концептуальными полями, отражают высокую степень агрессивности, примитивизацию языка и, как следствие, примитивизацию картины мира. Они вербализуют концепты *страх*, *убийство*, *враг*, *зона*. Приведем, например, заглавия детективов, вербализующие концепт *убийство* (учитывая серийность и достаточно частую анонимность этого жанра, фамилии авторов опускаем): *Вкус убийства*; *Почти невероятное убийство*; *Обреченный убивать*; *Убийство футболиста*; *Трех убийств мало*; *Убийство и Дама Пик*; *Я убью тебя, милый*; *Налог на убийство*; *Мне давно хотелось убить*; *Придется вас убить*; *Убить, чтобы воскреснуть*; *Убийство в доме свиданий*; *Убийца поневоле*; *Я — убийца*; *Назначаешься убийцей*; *Десерт для серийного убийцы*; *В объятиях убийцы*; *Карлик-убийца*; *Мой желанный убийца*; *Киллеры в погонах*; *Антикиллер*; *Высший пилотаж киллера*; *Закон киллера*; *Сам себе киллер*, и др. Подробнее об этом см. в [Черняк, Черняк 2002, 2004].

Впервые в истории отечественной словесности субстандартные лексические единицы становятся компонентами заглавий, тем самым формируя эмоционально-оценочный дискурс, с очевидностью ориентированный в сторону негативного полюса. Ср.: *Привет, уркаганы*; *Бомба для братвы*; *Маслины для пахана*; *Лох и бандиты*; *Путана: кукла для утех*; *Королева отморозков*; *Мочилов*; *Фраер вору не товарищ*; *На дело со своим ментом*; *Сыскарь*; *Последний трюк каталы*; *Кидала*; *Дембель против воров*; *Баксы не пахнут*; *Леди-стерва* и др.

В начале XXI века актуализировались новые концепты, соотносимые с апокалиптичностью конца века, — *терроризм, хаос, обреченность*. Так, очевидна текстообразующая роль лексем *взрыв, взрывчатка, взрывать, рухнуть* в следующем текстовом фрагменте, использующем клише из современного газетного дискурса:

Бабахало по два-три раза в неделю, то в Москве, то в области, то на южных окраинах, то в Сибири, то на Дальнем Востоке, в непредсказуемых местах и без всякой логики. <...> Никто уже не сомневался, что государство недееспособно, обречено и рухнет в самом скором времени — тем более что взрывать оказалось на диво легким делом. Взрывчатки хватало, шахиды уже не требовались — радиоуправляемый заряд в сумке срабатывал в час пик, на концерте, в музее, среди ночи падал жилой дом, в Ульяновске причиной взрыва называли утечку газа, а в Братске — тектонический взрыв из-за внезапного таяния мерзлоты (Д. Быков. Эвакуатор).

В мире, уже переставшем подчиняться логике и здравому смыслу, одним из ключевых становится мотив безумия. В сознании психически больного человека, все чаще оказывающегося героем произведений массовой литературы, торжество зла становится безграничным:

Пусто и страшно в этом городе, переполненном жизнью, копошении плоти, под землей, над землей, в глубинах метрополитена, на верхних этажах высотных зданий. Наркотики, проституция, тупая борьба за существование, деловитое утоление грязных страстей. Торжество зла, запечатленное миллионами телеэкранов, компьютерных мониторов, газетных страниц. Конец света уже наступил, но никто этого не заметил, потому что некому замечать. Мир населен гоминидами, мутантами, демонами в человеческом облики. По сути, это животные, обезьяны. Но выглядят как люди (П. Дашкова. Вечная ночь).

Весь приведенный текстовой фрагмент, как и многие другие, содержит почти исключительно слова, представляющие пересекающиеся зоны концептуальных полей *зло, страх, грязь, упадок, бесчеловечность*.

Включенные в приведенном тексте в соответствующее ассоциативное поле слова *телеэкран* и *монитор* воплощают еще один мотив, соотносимый в современной беллетристике с «полем зла», — это массовая культура в худших формах ее воплощения и связанное с ней нравственное опустошение личности. Так, герой романа П. Дашковой «Приз», популярный актер Владимир Приз, оказывается уголовником, страстно увлеченным нацистской философией и символикой. Раскрывая тип этого «любимца народа», П. Дашкова напрямую и весьма жестко связывает социальные установки личности, ее культурное развитие и языковое сознание:

Он плохо учился в школе и в институте, с трудом мог осилить более двух страниц текста, не отвлекаясь. Историю Шама знал по голливудскому кино. Литературу и философию — по хлестким цитатам и крылатым выражениям, которые употреблялись в телевизионных ток-шоу. Собственные рассуждения о правильном и неправильном устройстве общества казались ему абсолютно свежими и оригинальными. <...> Слово «рефлексия» ему просто нравилось, но он не понимал, что оно значит, поскольку не имел привычки заглядывать в толковые словари. Шам был девственно, стерильно необразован, однако это не мешало ему быть умным, бодрым и хитрым. В определенном смысле это даже помогло. Чем больше человек знает, тем сильнее сомневается в своей компетентности и своей правоте (П. Дашкова. Приз).

Примечательно, что положительная героиня последнего произведения П. Дашковой «Вечная ночь» — врач-психиатр. Для нее очевидно, что в мире, атмосфера которого насыщена враждебностью, «грань между здоровьем и безумием совсем зыбкая, она может исчезнуть, как линия горизонта в тумане...».

Следует подчеркнуть, что концепт *безумие*, традиционный в отечественной литературе, в современной беллетристике приобретает особые очертания. С одной стороны, это квинтэссенция патологии, воплощение зла, не подчиняющегося никаким нравственным ограничениям. С другой — это то состояние, которое позволяет выжить в катастрофичном мире. Не случайно героем многих произведений беллетристики последних лет становятся врач-психиатр или специалист-психолог (показательны в этом отношении появившиеся практически одновременно роман А. Марининой «Пружина для мышеловки» и П. Дашковой «Вечная ночь», в которых ключевыми являются темы психиатрии и психологии пограничных состояний).

Не ставя перед собой вечную максималистскую задачу лечения больного общества, авторы произведений массовой литературы видят свою цель в другом: читателю конца XX — начала XXI века требуется некое средство, снимающее избыточное психическое напряжение от обрушивающихся на него информационных потоков, редуцирующее сложные интеллектуальные проблемы до примитивных оппозиций («хорошее — плохое», «наши — чужие», «добро — зло», «преступление — наказание» и т. п.), дающее возможность отдохнуть от социальной ответственности и необходимости личного выбора.

Свобода от цензуры и идеологического заказа заменяется в массовой литературе заказом не только коммерческим, но и социальным. Но это уже не социальный заказ советской эпохи, а рыночный заказ массового читателя. Интересно в связи с этим признание Б. Акунина:

«Беллетрист существует в режиме диалога. Он всегда рассказчик, он всегда следит за реакцией публики, он ее просчитывает. *Этого требует элементарная учтивость: взялся развлекать — развлекай*» (выделено нами. — В. Ч., М. Ч.) (Русский Newsweek. 2005. № 4: 66).

Массовая литература отвлекает читателя от монотонности повседневного существования. Читатель с удовольствием наблюдает за похождениями серийных героев романов А. Марининой и Ф. Незнанского, Д. Дашковой и Е. Доценко, Д. Донцовой и Э. Тополя, осознавая при этом, что описываемые преступления никак не нарушают его психологического покоя.

Социолог Б. Дубин, обобщая результаты специального исследования читательского спроса в 2003 году, отмечает, что книги в современной России формируют самые общие навыки социальной адаптации. В этом смысле книги вновь становятся своеобразным «учебником жизни» в принципиально новых социальных условиях. В 1990-е годы читатели переключились на чтение детективов, фантастики, любовных романов и др., а также на те типы телепередач, которые по форме, смыслу и функциям максимально близки к этим жанрам [Дубин 2004]. Очень показательным является следующий фрагмент текста Т. Устиновой, в котором декларируются новые функции массовой литературы как своеобразного инструмента смягчения социального климата:

Это отличное, очень правильное, очень красивое дело — литература. Пусть говорят «бульварная», пусть говорят «недолговечная», пусть «массовая», да пусть какая угодно, все же это лучше, чем продажа нефти согrazжданам по спекулятивной цене, или горлодерство в парламенте, или обворовывание стариков в каком-нибудь фонде! <...>

Она [Маша] была уверена, что вовсе не красота, а именно книжки спасут мир, и если приучить людей читать — хоть детективы! — они и привыкнут потихоньку, и втянутся, а потом уже и прожить без книжек не смогут, а ведь только это и надо, потому что в книжках все есть, ответы на самые трудные вопросы и решения самых запутанных задач, на все времена! (Т. Устинова. Саквояж со светлым будущим).

Ключевым персонажем многих произведений современной беллетристики становится именно писатель (или писательница). Создатель произведений массовой литературы выступает и как активное лицо, разрушающее «зоны вражды» и формирующее «зоны согласия».

Намеренно подчеркивая свое «низовое» положение в литературной иерархии, Д. Донцова с присущей ей иронией говорит, что ее роль состоит в том, чтобы «закрепить привычку держать в руках книгу». Многие массовые авторы делают акцент на «терапевтическом эффекте» своих книг; не претендуя на роль учителя или пророка, они до-

вольствуются ролью домашнего психотерапевта. В этой связи интересно признание Д. Донцовой: «Литературу пытаются представить в виде пирамиды. У основания фэнтези, любовный роман, детектив. На вершине, предположим, французская проза. Это неверно. Весь мир давно перестал спорить, нужна ли развлекательная литература. <...> Не будете же вы все время питаться тортом — заработаете панкреатит. <...> Одна из моих читательниц сказала, что в романах Донцовой создан мир, в котором хочется жить. *Я заместитель семьи для тех, у кого личные проблемы* (выделено нами. — В. Ч., М. Ч.). После моей книжки не возникает желания прыгнуть с седьмого этажа» (www.dontsova.net). Действительно, женский детектив, как и иные разновидности массового женского романа, преподносится читателю (с большей или меньшей степенью иронии) в качестве своеобразного учебника жизни, как руководство по выходу из конфликтов:

Глупые женщины устраивают скандалы со слезами, соплями и битым посудой, а потом недоумевают, отчего муж все-таки уходит. Умные жены молча засовывают испачканную губной помадой рубашку в стиральную машину и заводят разговор о последнем матче «Зенит» — «Торпедо». В результате они оказываются в выигрыше (Д. Донцова. Гадюка в сиропе).

Женский детектив, сегодня весьма популярный и в мужской читательской аудитории, имеет свойство «обывлять» страшное, приблизив на такое расстояние, когда оно перестает внушать ужас. Мужская же аудитория традиционно выбирает боевики, «крутые», шпионские детективы и детективы сатирические. К последним относится серия «про ментов» А. Кивинова, отсылающая «памятью жанра» к производственным романам советской эпохи. Маргинальный статус в жанровом пространстве современного детектива имеет широко и разнообразно представленный «бандитский детектив» (Братья Питерские, Евг. Монах, М. Март, П. Стовбчатый и др.). Обнаруживая в жанре детектива признаки социального и литературного здоровья, А. Генис отмечает: «Преступление — это идеальный в своей наготе сюжет. Каждая следственная версия тождественна психологическому мотиву. За нашим жадным любопытством к уголовным процессам стоит надежда проникнуть в тайну личности — и чужой, и своей. Сама процедура сыска есть философский дискурс вроде сократического диалога, где методом проб и ошибок выясняется истина о человеке» [Генис 1999: 57].

Реклама новых авторов, являющаяся своеобразным сигналом для читателя, нередко включается и в сам текст:

Николай Иванович всю жизнь тяготеет к «тяжелым» мужским детективам. Ума не приложу, где он в советское время доставал в таких количествах Чендлера и Пристли, а уж когда к нему попал Марио Пьюзо! Убегая от несущейся мне вслед тирады о достоинствах писателя Б. К. Седова, создавшего «современный эпический образ», я закрылась в спальне. Села напротив туалетного столика и глубоко вздохнула. Нет, «мужской» детектив решительно не для меня. Мне больше нравится, как пишут наши авторы-женщины. Мягко, по-питерски интеллигентно, с юмором! И нет вокруг них такой помпезности и «фургонов с оркестром», что сопровождают повсеместно московских звезд. К примеру, среди настоящих ценителей детектива давно известно, что питерский прокурор Топильская пишет отнюдь не хуже Марининой (М. Воронцова. Тайна, покрытая браком).

Психологический роман, бытовая, семейная сага, роман с элементами мистики («Тот, кто знает», «Незапертая дверь», «Фантом памяти») — вот то поле, где в последние годы осуществляет свои жанровые эксперименты А. Маринина, которая в одном из интервью говорит о том, что каждая ее книга — «это попытка решить этическую задачу, психологический конфликт или осмыслить драматическую... судьбу. <...> Зло не должно побеждать в книгах, иначе оно победит в жизни. <...> Я не признаю детективов, которые потворствуют криминалу, ненавижу бандитские романы, в которых куча “братков” смеется над тупыми “ментами” и плюет на всех остальных». Попытка активно формировать «зоны согласия» приводит автора к созданию нового типа положительного героя. Место проницательной и тонко чувствующей конфликтность современного мира Насти Каменской занимает резонер, участковый милиционер Игорь Дорошин, в свободное время зарабатывающий деньги написанием текстов для шлягеров. Его рассуждения напоминают руководства психологов по выходу из конфликтов:

Одно из правил, которое я вывел сам для себя за годы работы в жилом секторе, гласило: никогда не спрашивай, понимает ли тебя собеседник, всегда спрашивай, согласен ли он с тобой. Вопрос «Понимаете?» может прозвучать оскорбительно, особенно если человек немолод или, наоборот, слишком юн. Вопрос о согласии или несогласии звучит совсем по-другому и сразу придает беседе характер разговора на равных. Более того, создается впечатление, что я признаю возможность собственной неправоты и интересуюсь мнением собеседника по этому вопросу. То есть получается более уважительно и, следовательно, располагает к искренности и доверительности.

И пусть в моей работе нет засад, выстрелов и головокружительных погонь, зато в ней есть люди, которые знают, что не останутся наеди-

не со своим горем. Каждому, в конце концов, свое, кому громкое торжество справедливости, а кому — тихое спасибо. Одно «спасибо» я услышал сегодня от бедолаги Аргунова, которого, как последнего лоха, «развел» его дружок Ситников, второе последовало от Шурика Вилкова, который, как я уже говорил, отличался умением быть благодарным, третье я услышал только что. Целых три «спасибо» за один день! Ради этого стоит жить, а? (А. Маринина. Пружина для мышеловки).

Мы остановились лишь на некоторых попытках массовой литературы дать своеобразный отклик на ситуацию культурного и социального разлома. Иные, возможно более интересные в художественном плане, попытки беллетристов преподнести в игровом ключе взаимоотношения прошлого и будущего, открыть широкому читателю некий способ познания себя и мира в переломную эпоху, поместить в поле «интеллектуального комфорта» представлены, например, во многих произведениях Б. Акунина.

А. Генис точно заметил, что концу XX века свойственна инфантильность: «Наш век впадает в детство. Сейчас он наклеил себе чужие усы и играет во взрослое надежное, основательное и добропорядочное XIX столетие» [Генис 1999: 28]. Б. Акунина не раз обвиняли в «заигрывании» с XIX веком, в связи с этим — в ограниченности координат художественного мира. Однако в этом «заигрывании» обнаруживается более изысканная, чем те, что были отмечены выше, форма художественного противостояния враждебности и конфликтности современного мира.

Исследование концептуализации сфер вражды и согласия в современной беллетристике убеждает в справедливости того, что в переходные периоды резко интенсифицируются две противоположные культурные традиции: с одной стороны, элитарное искусство, «ориентированное на усложнение языка, поиск новых, порой изысканных, форм, который бы позволил выбиться к новым сферам духовного бытия, а с другой — искусство демократическое, ориентированное на массовые формы художественного мышления и восстановление памяти о первичных, исходных духовных ценностях» [Лейдерман 2002].

Н. Н. Попкова

Агрессивное в иронических текстах Игоря Иртеньева

В ситуации рубежа веков, когда возникает необходимость пересмотра ценностных ориентиров, закономерна актуализация иронии как моду, адекватно отражающего мировосприятие и мироотношение современного россиянина.

Несмотря на то, что феномен иронии в последние десятилетия стал междисциплинарным объектом изучения, единой концепции иронии в филологической науке еще не сложилось [Коконенко 1983; Пигулевский 1990; Пивоев 1982, 2000; Ермакова 2005]. Статус иронии в структуре комического до сих пор не определен, и, вероятно, именно это обстоятельство создает известные трудности в определении таких коммуникативно значимых параметров иронии, как степень эмоциональности, интенсивности эмоций, степень агрессивности, характер выражаемых эмоций.

Так, в науке о комическом традиционно противопоставляются два вида смеха: беззлобно-снисходительный (юмористический смех) и едко-насмешливый (сатирический смех). Б. Дземидок выделяет *промежуточный* (насмешливо-иронический или издевательский) смех [Дземидок 1974: 103]. Именно это «промежуточное» положение иронии и обуславливает ее чрезвычайно неконкретное (неоднородное) эмоциональное содержание: от доброжелательности до язвительной насмешки, издевки; от апатии до агрессивности [Паси 1980: 75–76]; от шутки до враждебности [Козинцев 2002: 216]. Ирония может быть примирительной, теплой, лирической, язвительной, гневной [Шалдина 2003: 16].

В. З. Санников называет иронию «злой насмешницей», подчеркивая, что в иронии «обидный оттенок *несколько* скрыт» (и это единственное отличие от «бескомпромиссно враждебной сатиры»). Ирония «маскирует, сглаживает невежливость» [Санников 2003: 19, 36]. Она «служит средством поддержания хорошего настроения, равновесия духа... смягчает резкость критических суждений, их оскорбительный, унижающий характер» [Пивоев 2000: 108]. На уровне текста «ирония не ограничивается выражением насмешки, а передает богатейшую гамму чувств, включая и те, которые, как считалось, присущи только сатире: негодование, ненависть, возмущение, презрение, осуждение» [Походня 1989: 116].

Наша задача — рассмотреть проявление агрессивного в ироническом тексте И. Иртеньева. Игорь Иртеньев — современный поэт-иронист, автор 14 поэтических сборников, в том числе книги, вышедшей в серии «Антология Сатиры и Юмора России XX века» (2003), лауреат премии «Золотой Остап» и приза Союза журналистов России «Золотое перо» за рубрику в интернет-издании «Газета.ru». Широкой публике он известен как «поэт-правдоруб» (телевизионные проекты «Итого», «Бесплатный сыр», радиопроjekt «Плавленный сырок»).

Агрессией мы будем считать вербализованную враждебность, окращенную эмоцией неприятия, направленную лично на адресата, а также лицо или объект, близкий адресату.

Поскольку ирония представляет собой особый вид эмоционально-ценностного отношения, ее можно рассматривать в коммуникативном аспекте [Пивоев 1982, 2000; Походня 1989; Ермакова 1996]. Так, говорят о субъекте иронии, объекте иронии, «знаках иронии» как совокупности средств разного уровня, указывающих на значимый для понимания иронии контекст [Пивоев 1982: 57]. Такой подход продуктивен при рассмотрении иронического высказывания в естественном диалоге [Ермакова 1996]. Художественный текст, коммуникативное пространство которого организовано особым образом, требует учета своеобразия субъектной организации текста (подлинный субъект иронии (собственно автор) может скрываться под масками), существуют также трудности, связанные с узнаванием контекста.

Современное политическое пространство заполнено значительным количеством фрустрирующих и потенциально фрустрирующих ситуаций. Политика — это сфера, в которой общение между коммуникантами характеризуется повышенным эмоциональным напряжением и резко агрессивными выпадами сторон. В трудах Е. И. Шейгал [2000], А. В. Олянич [2004] доказывается, что агональность — неременная составляющая политической коммуникации.

Обратимся к текстовому материалу. Согласно нашим наблюдениям, в целом ирония в произведениях И. Иртеньева выступает как средство разрядки потенциально конфликтной ситуации, отображенной в художественно обобщенном виде. Негативная авторская оценка скрывается за простодушным, часто наивным высказыванием вымышленного субъекта речи. Прием маски смягчает язвительность и резкость тона, снимает провокационность, даже если «зазор» между авторским сознанием и сознанием субъекта речи будет незначительным. Например, случай, когда в тексте возникает образ «поэта-правдоруба» [Иртеньев 2003: 303]:

*...Я пью за вас, политики родные,
Поскольку кто-то должен пить за вас.*

<...>

*И как бы вас в газетах ни пинали,
Я вам симпатизирую тайком,
Когда б не вы, кого б мы вспоминали,
По пальцам попадая молотком.*

<...>

*А если вам не повезло с народом —
Так мы другой подыщем вам народ.*

Объект иронии в текстах И. Иртеньева, как правило, оказывается предельно обобщенным: это либо социально значимое явление, событие (например, разработка нового закона о молодежи — «Пожилых сограждан надоели рожи» (2003), дело ЮКОСа — «Хоть мне Платон не друг» (2003), ужесточение налогового законодательства — «Мой путь не сказать чтоб удобен» (2004), разрешение конфликта в Ираке — «Как много их, парней хороших» (2004), инфляция — «Природа к жизни пробуждается» (2004)), либо неперсонифицированный обобщенный или коллективный адресат (законодательная власть — «Привет, избранники народа» (2003), депутаты Мосгордумы — «Когда душа угрюма» (2003), Счетная палата — «Земля у нас богата» (2003), французские националисты — «Дорогой геноссе Жан-Мария» (2004), миротворцы ООН — «Во всем, друзья, необходима мера» (2004) и др.).

Остановимся на двух тематически и ситуативно связанных текстах, в которых объект иронии персонифицирован и назван открыто. Такой выбор объекта насмешки провоцирует создание конфликтной ситуации, так как «смех ни для кого не обиден лишь в том случае, если относится к нелепости или слабости, абстрагированным от конкретного лица» [Лук 1977: 9] «Конкретное лицо» в данном случае —

известный политический деятель, бывший вице-премьер правительства РФ писатель Альфред Кох. Первое стихотворение (текст 1) появляется как реакция на назначение А. Коха главой предвыборного штаба Союза правых сил (СПС).

Текст 1

*Видно, правда дело плохо
У Союза правых сил,
Если он Альфреда Коха
Штаб возглавить пригласил.
Пусть Немцов и Хакамада
Отдохнут чуток пока,
Тут нужны зондеркоманда
И железная рука.
Где поставили Альфреда,
Резко вверх дела идут.
Где Альфред — всегда победа,
Где Альфред — все аллес гут.
Разбегайтесь же, медведи,
На глазах теряя вес,
Вновь в седле железный леди,
Штурмбаннфюрер СПС.*

6 мая 2005 г.

Представляется, что ирония в данном случае служит средством создания и усиления агрессии. Объект авторской насмешки, издевки — этническое происхождение А. Коха. Последнее грубо нарушает этические и этикетные нормы, отодвигает на периферию восприятия критику его политической репутации и публичной деятельности.

В текст включены лексические единицы, передающие смыслы 'физическая сила', 'жесткость', 'страх' — *железная рука, разбегайтесь, медведи* (в значении 'представители партии «Единая Россия»') и единицы с культурно-фоновым значением 'не наше, немецкое', 'вражеское': *зондеркоманда, аллес гут, штурмбаннфюрер*, маркирующие сферу «чужого». По мере употребления таких единиц усиливается коннотация враждебности по отношению к адресату. В сильной позиции текста — ключевое слово, которое является главным раздражителем: *...вновь в седле железный леди, / Штурмбаннфюрер СПС*. Этот сигнал вражды имеет резко негативные культурные коннотации, сформировавшиеся в русском языковом сознании в период Великой Отечественной войны. В массовом сознании существует образ штурмбаннфюрера — врага-садиста, не знающего преград в уничтожении

противника. Использование лексемы *штурмбаннфюрер* (словарное значение — ‘майор войск СС в фашистской Германии’ (Большой немецко-русский словарь 2001)), а также паронимическая аттракция [Григорьев 1979: 320] аббревиатур СПС и СС способствуют актуализации культурно-исторической памяти. Существительное *штурмбаннфюрер* обладает глубоким семантическим потенциалом. В русском языке осознаются обе корневые части сложной структуры. *Штурм* — ‘приступ, решительная атака’ (Крысин 2000). Настойчивость А. Коха, его умение «брать приступом неприступные цели» широко известны. Кох, например, сыграл ключевую роль в разгроме команды НТВ и реорганизации этого канала телевидения. Вторая часть сложного по составу слова в словарях русского языка толкуется только по отношению к фашистскому режиму: *фюрер* — в фашистских организациях: вождь (Крысин 2000). Таким образом, смысл ‘склонный к вождизму, обладающий решительным, властным, сильным характером лидера’ (о Кохе) соотносится с образным представлением о безжалостном, хладнокровном, полном решимости к уничтожению фашистском предводителе. Ключевое слово *штурмбаннфюрер*, в языковой семантике которого имеется сема ‘фашистский’, притягивает все другие немецкоязычные элементы текста. Возникает подтекстный предикат-ярлык *фашист*, поглощающий ситуативные смыслы, связанные с предвыборной кампанией в Государственную думу РФ. Усиливается неприязненное отношение к объекту иронии. С помощью грамматически несогласованного характеризующего метафорического предиката *железный леди* к субъекту *Кох* формируется крайне негативная ассоциация. Речь идет о печально известной Ильзе Кох, жене коменданта концлагеря Бухенвальд, которая справедливо считается одной из самых отъявленных садисток среди нацистских преступников.

В целом можно говорить об образе «чужого», воплощающем стереотипные представления об угрозе, недружелюбии, насилии.

Культурный потенциал использованных И. Иртеньевым лексических и грамматических средств настолько значителен, что позволяет автору «шутя» создать остроконфликтную ситуацию. Метафоры не редуцируют нападку. Опираясь на трехступенчатую шкалу вербальной агрессии [Енина, Купина 1997: 26–38], нападку И. Иртеньева можно оценить как агрессию третьей ступени. Текст в целом воспринимается как инвектива, личностный выпад. Прямое оскорбление национального достоинства не может быть оправдано художественной задачей автора и компенсировано смеховым эффектом, так как ироническая насмешка трансформировалась в инвективу.

Стихотворение И. Иртеньева было оценено читательской аудиторией как оскорбительное. «Темный намек» и чувство неприязни, переместившись на первый план восприятия, привели к редукции политической составляющей ситуативного содержания. Редакторский коллектив газеты «Известия», выступая в защиту А. Коха, опубликовал материал, содержащий резко критический отзыв о «стихотворной реакции иронического поэта И. Иртеньева на актуальную политическую новость» (Известия. 2003. 6 мая). Журналисты сочли своим долгом напомнить автору, что национальная принадлежность не основание для оценки личности: «Если Кох ужасен — то не потому, что он немец. И если хорош — тоже не потому».

Итак, рассмотренное стихотворение «Видно, правда дело плохо» (2003) послужило поводом для формирования конфликтной ситуации, основанной на этнической неприязни.

Известно, что конфликтная ситуация требует разрешения. И. Иртеньев, отвечая на обвинения известинцев, стремится утвердить право поэта на иносказательность, пытается объяснить суть иронии как семантически двупланового образного средства.

Текст 2

*Зря обидел я Альфреда
Ради красного словца —
Не похож на людоеда
Ни с какого он конца.
Обаятельный мужчина,
Зрелых лет, в расцвете сил,
Никогда он сроду чина
Штурмбаннфюрер не носил.
Лишь записа лейтенантом
Стал, закончив ЛГУ,
В чем могу поклясться Кантом
И нисколько не солгу.
И в рядах зондеркоманды
Не провел Альфред ни дня —
Сионистской пропаганды
Это грязная стряпня.
Непорочен, как невеста,
Он, невинная душа,
От продажи «Связьинвеста»
Не присвоил ни гроша.
И трехкомнатной квартиры
Не оттяпал наш пострел,*

*И бичом своей сатиры
 Зря Альфреда я огрел.
 Видно, сильно я занесся,
 Обуян гордыней злой,
 И облил партайгеноссе
 Незаслуженной хулой.
 Люди — все по сути братья
 С незапамятных годов,
 И слова свои забрать я
 Хоть сейчас назад готов.
 Сам являясь иноверцем,
 Тяжкий крест всю жизнь несу.
 И любить готов всем сердцем
 Немца-перца-колбасу.*

12 мая 2003 г.

Текст 2 формально представляет собой развернутую ответную реплику. Он выдержан в жанре раскаяния и публичного опровержения недостоверной информации, содержащейся в основном тексте (текст 1): *зря обидел; И бичом своей сатиры / Зря Альфреда я огрел; облил... незаслуженной хулой; И слова свои забрать я / Хоть сейчас назад готов*. Самокритика структурируется в духе публичных рассказов на собраниях советских времен [Данилов 2001]. Штампы и ярлыки, обычно присущие критике со стороны, усиливают развернутый гротесковый образ самобичевания: *видно, сильно я занесся, / Обуян гордыней злой; сионистской пропаганды / Это грязная стряпня; сам являясь иноверцем*. Автор, опираясь на собственный прототекст, последовательно «снимает» свой тезис и аргументы: *Не похож на людоеда; Никогда он сроду чина / Штурмбаннфюрер не носил...; И в рядах зондеркоманды / Не провел Альфред ни дня...*

Однако ироническая модальность текста не способствует оправданию позиции поэта. Прежде всего страстное опровержение тезиса скрывает его подмену. Так, порожденная ранее аналогия *А. Кох — штурмбаннфюрер* вовсе не предполагает буквального понимания. Она призвана актуализировать семы ‘насилие’, ‘бесчеловечность’, ‘жестокость’. На этом фоне утверждение *сроду не носил чина штурмбаннфюрер* и его обоснование — не дослужился — *лишь запаса лейтенантом стал...* является повторной насмешкой. Более того, И. Иртеньев, вводя в текст предикат *людоед*, подтверждает преднамеренность выпадов, содержащихся в тексте 1. Ни цепочки иронического характера, обнаруживающие реальные «грехи» А. Коха (*Непорочен, как невеста, / Он, невинная душа, / От продажи «Связьинвеста» / Не*

присвоил ни гроша. / И трехкомнатной квартиры / Не оттяпал наш пострел...), ни детская дразнилка (*немец-перец-колбаса*) не смягчают впечатления инвективности.

В текст 2 введен еще один агональный сигнал — слово-раздражитель — *партайгеноссе*, зафиксированное лишь в «Большом словаре русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной: «Партайгеноссе — *ирон.* Коммунист <От нем. *Parteigenosse* — товарищ по партии>» (БСЖ 2001). Ироническая окраска этого существительного в современном употреблении несомненна. На первый взгляд кажется, что сегодня явной связи его с фашистской Германией говорящие практически не ощущают. Однако, по данным «Литературной газеты» (2004. 21 сент.), немецкое слово «партайгеноссе» вошло в обиход после появления фильма «Семнадцать мгновений весны» в 1973 году, и массовое сознание соотносит его с центральным персонажем фильма — партайгеноссе Борманом. В настоящее время значение «коммунист» не актуально, в то время как буквальный смысл заимствования осознается большинством носителей русского языка. Таким образом, основа иронии в тексте 2 остается той же, что и в тексте 1.

Повторно используя средства, порождающие агрессию, поэт «взрывает» жанр публичного извинения изнутри. И. Иртеньев настаивает на праве свободного выбора средств сатирического воздействия — независимо от культурных конвенций.

Нарушение этических норм в ироническом тексте с публицистической составляющей не только провоцирует агрессивную реакцию реального лица как объекта иронии, но и формирует агрессивное отношение к этому лицу целевой аудитории. Вместе с тем функционально-текстовые лексические группы, объединенные пересекающимися смыслами «немецкое» / «фашистское», снижают воздействие текстов как произведений политической сатиры, переводят иронию в границы оппозиции «свой — чужой, не наш», которая погружается в ситуацию бытовой перепалки на этнической почве. Безусловный талант автора-ирониста не спасает. Нарушение этических запретов, связанное с употреблением экспрессивных этнонимов, автоматически снижает эстетическое воздействие текста.

Источники материала

Иртеньев И. М. Антология Сатиры и Юмора России XX века. М., 2003. Т. 5.

Известия. 2003. 6 мая.

Официальный сайт И. Иртеньева // <http://irteniev.msk.ru>

И. Е. Васильев

Внутрикультурная конфронтация как путь к обретению групповой идентичности в авангарде

Авангард как совокупный субъект культуры начинал в 1910-х годах с радикального сомнения и подверг критике религиозные догматы, постулаты морали, научные понятия, представления о красоте. Процесс переоценки эстетических ценностей формировал новую художественную стратегию, основанную на глобальном недоверии к классическим традициям, академизму, в которых авангард настораживала прежде всего тяга к здравому смыслу и регламентации, рационалистическому распорядку, лишаящему художника свободы творческого самоосуществления.

В то время как все поклонялись одним богам и исповедовали общие идеи, авангардисты выступили с еретическими заявлениями о необходимости ломать каноны и разрушать условности. Высокая топика искусства замещалась у них образами, порожденными повседневной практикой, свидетельствами жизни в ее дорефлексивном преломлении. Отсюда наличие в авангардном творчестве следов примитивизма, китча.

Занимающийся искусством лишался ореола избранничества, связанного с профессиональной исключительностью, так как демократически ориентированные представители авангарда утверждали, что каждый может быть художником, достаточно одного желания творить по новым правилам. Скучностью средств, отсутствием пышности, украшенности и благолепия, дисгармоничностью произведений авангард отделял себя от традиционного искусства — психологического

реализма, бытописательства, воспроизведения природы. Он вызывал недоумение, дразнил непонятностью своих артефактов.

Почти каждое направление авангарда начинало свою деятельность с заявления об отказе от следования культурным традициям и разрыве с современниками. Итальянские футуристы жаждали уничтожения музеев, предлагаемые ими «слова на свободе» немыслимы вне разрушения языка. Их российские коллеги призывали «бросить с парохода современности» Пушкина, Толстого, Достоевского, оскорбляли писателей-современников, подчеркнуто вызываяще использовали эпатажирующие образы, антиэстетические названия сборников: «Дохлая луна», «Доители изнуренных жаб». Они открыто издевались над читателем, бросая ему в лицо свои манифесты «Пощечина общественному вкусу», «Идите к черту» и т. п., провоцируя скандалы собственным девиантным поведением. Михаил Матюшин — участник футуристического движения — вспоминал: «Первые шаги в искусстве всегда трудны и тяжелы. Тот, кто видел Малевича с большой деревянной ложкой в петлице, Крученых с диванной подушкой на шнуре через шею, Бурлюка с ожерельем на раскрашенном лице, Маяковского в желтой кофте, часто не подозревал, что это пощечина его вкусу. Его радость перешла бы в ярость, если бы он уразумел, что мы этим осмеивали пошлость мещанско-буржуазного быта» [Матюшин 1989:133].

Вызов был «фирменной» чертой многих авангардистов. Концерты, лекции и вечера футуристов и дадаистов протекали, как правило, в обстановке скандала. Раскрашенные лица (ночные знаки и собачки на щеках у русских футуристов), оригинальные одежды, эксцентричные выходки, разрушительно-нигилистический пафос стихов и деклараций — вся эта кричащая театрализованная атрибутика свидетельствовала о желании быть непохожими на других и тем самым привлечь на себя внимание. Нарушение моральных и эстетических норм, требований вкуса, здравого смысла, вообще всяких приличий и порядка свидетельствовало о накоплении в их деятельности критической массы брутально-волевых импульсов. Желание шокировать программировало экстремистский характер творчества футуристов, чьи поиски идентичности формировались с учетом осознания неограниченности витальных сил и собственных уникальных возможностей. Отвергая созерцательный пассивизм, они шумно исповедовали силу и мужественность, ратовали за движение и действие, источали энергию взрыва, бунта, неподчинения, утверждая тем самым напряженную личностную активность, противопоставленную покою филистеров. Их привлекало все властное, биологически сильное, нередко докультур-

ное, примитивистски грубое, обнажающее жизнь без прикрас. Альтернативой эстетскому украшательству, любованию красивыми предметами становилась их «эстетика навыворот», эстетика безобразного. Произведения футуристов в пике академической приглаженности явлений искусства приобретали нарочито нескладный вид, были исполнены агармонических образов, несообразностей, а порой и абсурда.

Эстетические провокации навлекали на голову дерзких новаторов гонения, но это только укрепляло упорство их протестантского вызова. Религиозные ассоциации здесь не случайны, ибо авангард в силу своих реформаторских наклонностей выступал проводником эстетической ереси, максималистски отказываясь от господствующей ортодоксии. Однако, отвергая одни формы художественной условности, он не мог избежать создания других, ибо действительность художественного существования есть система регулировок и предписаний. Понимание данного обстоятельства обнаружилось в признании К. Малевича, сделанном в письме к М. Матюшину (июнь 1913 г.): «Мы дошли до отвержения смысла и логики старого разума, но надо познавать смысл и логику нового уже появившегося разума, “заумного” что ли, в сравнении. Мы пришли к заумности, не знаю, согласитесь ли Вы со мной или нет, но я начинаю познавать, что в этом заумном есть тоже строгий закон, который дает право на существование картин. И ни одна линия не должна быть черчена без сознания его закона, тогда только мы живы» (см.: [Наше наследие 1989: 128]). Возникал новый канон, который нередко абсолютизировался, становился учением, словом Откровения и приобретал идеологическую, а то и квазирелигиозную направленность. Мистико-утопические упования очевидны, например, в рассуждениях Эль-Лисицкого, приведенных в статье, разрабатывающей вопрос о теологическом компоненте авангардного творчества: «...И если сегодня коммунизм, поставивший владыкой труд, и супрематизм, выдвинувший квадрат творчества, идут вместе, то в дальнейшем движении коммунизм должен будет отстать, ибо супрематизм, охватив всю жизнь, выведет всех из владычества труда, владычества быющего сердца, освободит всех в творчество и выведет мир к чистому действию совершенства. Это действие мы ждем от Казимира Малевича. Так, на смену ветхому завету пришел новый, на смену новому — коммунистический и на смену коммунистическому идет завет супрематический» (см.: [Кацис 1994: 95]).

Не только супрематизм, но и другие авангардные течения имели свой «устав», отправляли свою «службу» и поклонялись своим богам. Ученики «школы Филонова», сторонники «заумной» поэзии, по-

следователи В. Хлебникова — все они образовывали некие единства, подчинялись определенному ритуалу общения и поведения. В фокусе интересов были прежде всего идеи, способы и правила игры, вся суть которых, как отмечает исследователь авангардного поведения, «заключалась в том, что они находились в непрерывном изменении. “Своим” считался тот, кто успевал следить за этими изменениями и понимал их смысл. Попавший в авангардистскую общность, для внешних наблюдателей выглядевшую как экзотический клан, должен был уметь выполнять ритуальные действия, которые выполняют все члены общности; при этом идеи, возникавшие у идеологов, лидеров общности, моментально становились всеобщим и лишенным индивидуального происхождения достоянием. Одномоментность и большая скорость восприятия новых идей постоянно создавала ситуацию совершенно параллельного и одновременного изобретения тех или иных стилистических ходов» [Ковалев 1989: 18, 19].

Авангардное движение, реализуясь через деятельность различных, часто конфликтующих между собой объединений и групп, значительно увеличивало вес корпоративного начала в искусстве по сравнению с кружковой жизнью прошлого. Групповое единство было необходимо, чтобы выстоять в жизненной борьбе и утвердить свои идеалы и ценности. Авангард ощущал себя передовым отрядом воинства нового искусства, оказавшимся на чужой территории в окружении неприятеля. Этим объясняется дух боевитости, исходящий из многочисленных манифестов и деклараций, «призывов» и «приказов». Угроза извне сплачивала, усиливала индивидуальное осознание групповой принадлежности членов объединений и союзов, стимулировала ответную реакцию. Авангард вынужден был «устрашать» врага, преувеличивая свои возможности. Императивность и амбициозность — следствие ролевого поведения авангарда, театрализирующего пространство жизненного самоосуществления. Это особенно очевидно в случае с футуризмом, представители которого наиболее активно реализовывали гипертрофированные амплуа: Бурлюк — «отец русского футуризма», Крученых — «бука русской поэзии», Маяковский — «поэт-горлан», Хлебников — «председатель земного шара», Северянин — «король поэтов».

Ранний авангард — это эпоха «героев». В поэтах-футуристах кипела энергия, бурлила витальная сила. Их привлекало все грандиозное и необыкновенное. Тяга к неизведанному составляла психологическую почву их поведения. Устремляясь к будущему, они вместе с тем жили становящимся, богатым возможностями настоящим. И это

переживание современности — нахождение себя в точке развивающейся живой действительности — способствовало мобилизации их жизненной энергии, усиливало желание действовать *здесь и сейчас*, распыляя потенциал накаливаемых эмоций, ярких чувств в бурных восторгах и ненависти, в экспансивных, часто избыточных жестах. Человек «футуристического формата» словно мерялся силой с окружением, самоутверждаясь в борьбе, бунте и агрессии. Физически-телесное поэтому становилось мерой человеческой состоятельности. Среди футуристов были спортсмены и летчики. Они любили риск, острогу ощущений, ценили мужественность и физическую силу. Эти бытовые параметры личности, трансформируясь и усиливаясь, переходили в произведения искусства.

Агональность и авантюристичность свойственны и деятельности последующих поколений авангарда. Межгрупповая соревновательность стимулировала растущее изобретательство, влечение к новым способам творчества, связанным с экстремальностью используемых средств и предельностью испытываемых чувств и предлагаемых ощущений. Авангард интересовало и интересует все экстраординарное, особенное или исключительное. Авангардный миф часто строится на жажде чуда, утопическом желании невозможного. Сверхреальное для него привлекательно своим выходом за пределы логики, здравого смысла, причинно-следственных связей и, наконец, этических предписаний. Шокируя нарушением всяческих норм и запретов, авангард шел на штурм рекордов. Достигнув верхней отметки, он, обнаружив ее мнимость, каждый раз передвигал ценностную планку на новую высоту.

Особенно активно художественные искания экстремального характера обнаруживали себя в начале XX века, поэтому данный период начиная с возникновения футуризма принято определять как «исторический авангард», имея в виду, что именно в 1910–1920-х годах наблюдается «большой культурный взрыв», породивший «пучок линий развития». Для гонящегося за новизной авангарда новое — синоним значимого и прекрасного, тогда как все распространенное, общеизвестное, высветленное картезианско-аристотелевским разумом представляется неактуальным. Авангард стремился совершить прорыв из истории во внеисторическую сферу, смыкающую концы и начала, прошлое и будущее, но он перешагивал и через пространственную определенность, обрушиваясь на принцип миметического претворения замысла. Жизнеподобное изображение квалифицировалось авангардными художниками как бескрылое копирование, исключаящее изобретательство оригинальных форм, соперничающих с форма-

ми природного универсума. Искусство — не фотография и не зеркало, оно не отражает, а творит свою собственную реальность, считали сторонники авангарда. Для ее созидания, полагали зачинатели нового искусства, не годятся прежние подходы и категории «старого» художественного мышления.

Столкнувшись с существующими условностями искусства и стереотипами мышления, авангард бросил вызов обществу: ему все показалось устаревшим и изношенным, нуждающимся в замене. Он захотел стать разработчиком новых путей развития, носителем революционных культурных ориентаций, обеспечивающих успех на пути прогресса. Авангард с воодушевлением относился к завоеваниям науки и техники, однако эти плоды цивилизации были всего лишь союзниками в деле воплощения утопического проекта тотальной перестройки жизни, осуществляемой искусством. Авангард развивал истинные мессианские амбиции и намеревался в момент всеобщего общественно-культурного кризиса создать свой спасительный способ жизнедеятельности и творчества, позволяющий преодолеть настоящее и с надеждой смотреть в будущее.

Самоутверждение авангарда создавало поле напряженнейших отношений в системе «искусство — общество»: каждый шаг нового искусства встречал резкое сопротивление охранителей искусства, не принимавших крайностей авангарда. Оппонентов не могла оставлять равнодушными установка авангарда на создание раздражающих и возбуждающих стимулов. Даже более спокойные варианты художественных решений требовали интеллектуальных констатаций и умозаключений, активизировали мыслительно-творческий элемент в восприятии и оценке произведений и, следовательно, тоже напрягали сознание и воображение адресата. А если учесть, что авангард не только не был чужд насмешки, а порою всю свою деятельность строил на издевательской игре, абсурде (дадаисты, группа «41°», обэриуты), то становится понятным ответное стремление общества поставить на место зарвавшихся неофитов. И вот тут начинают проявляться вековые механизмы культурной адаптации, чутко уловленные современным интерпретатором: «В авангарде как форме социального протеста, — пишет Л. Смирнов в статье «Год Малевича», — проявляют себя фундаментальные законы культуры: радикально новое в искусстве утверждает себя и завоевывает свое право на жизнь в форме самой ранней, ритуальной стадии творчества» [Смирнов 1989: 114].

О чем идет речь? Авангардность — атрибут преимущественно молодежного сознания. Молодости свойственно неприятие устарев-

ших стереотипов. Ее деятельность, оппозиционная сообществу «старших», оказывается наиболее востребованной в «смутные времена» общественных кризисов: «Несовпадение жизненных стратегий молодежи и стариков продиктовано объективным фактом: старые владеют опытом, знаниями, памятью, однако им недостает силы, здоровья, адаптационных способностей и инновационных стремлений, чтобы “идти в ногу со временем”». Исторический анализ показывает, что старики могли играть заметную роль в стабильных, организованных обществах с институализированной собственностью, тогда как в обществах, раздираемых противоречиями, верх всегда брали молодые» [Бурлова 1997: 43]. Молодежь в условиях России начала XX века искала оригинальных путей, свежих красок, новых смысловых и эмоциональных горизонтов.

Таков футуризм. Встроенный в динамику современности, ощущающий цивилизацию XX века как мчащееся вперед время, как прогресс, отбрасывающий не приспособленных к инновациям, он безудержно устремлялся к новому. «Новое» и «другое» были субститутами неизвестного манящего будущего. Прошлое (причем относительно близкое прошлое, цивилизационное, а не архаическое — доисторическое, докультурное и дикарское) расценивалось негативно. Культурный опыт минувшего не годился для преобразования современности, осознавался ошибочным, отсталым. В силу молодости футуризм нетерпим и максималистичен. Он полон сил и устремлен в будущее. Но сообщество «старших» не спешило уступить место нетерпеливым молодым с их дерзкими замашками и глобальными планами переустройства мира. Оно способно дать им «путевку в жизнь» не иначе как через проверку и испытание, механизм своеобразной инициации, который возникает не по чьему-либо умыслу или желанию, а в силу действия общественных, обусловленных эволюционно-исторически закономерностей. Авангард в каждом своем поколении не мог не разделять судьбу юноши, вступающего во взрослую жизнь, или маргинала, претендующего на роль состоятельного и уважаемого члена общества. Но, как показывают специальные исследования, изменение социального статуса возможно только через унижение — инициальную фазу процесса социализации. Посвящаемого высмеивают, обижают и третируют. Более того, он сам ищет обид и унижений, потому что это универсальная форма его метаморфоз, ибо, как утверждал В. Тэрнер в известной работе «Символ и ритуал», «унижение усиливает справедливую гордость своим положением, нищета утверждает достаток, аскеза поддерживает мужество и здоровье» [Тэрнер 1983: 262].

Таким образом, в эпатажном поведении футуристов можно усмотреть не только революционный вызов и скрытую насмешку над мещанскими представлениями (что подчеркивал М. Матюшин), но и форму живительного двустороннего процесса «смеховозрождения», вписывающего подобное поведение в самозаконный ритуал инициации. Желтые кофты, «пощечины общественному вкусу», для сторонних наблюдателей выглядевшие как бессмысленное кривляние и опасное разрушение основ, были ритуальным жестом, преследующим цель возвышения через унижение, включения в культурное пространство посредством конфликта. Всем сторонам внутрикультурной конфронтации свойственна собственная стратегия поведения, они участники общего сценария. Благодаря разыгрыванию соответствующих ролей осуществляется необходимый адаптационно-деятельностный процесс, в ходе которого бунтующая молодежь обретает должный статус.

В современную эпоху скандал стал товаром, происходит коммерциализация искусства. Однако перформансы таких художников-экстремалов, как Александр Бренер, Олег Кулик, Анатолий Осмоловский, Авдей Тер-Оганьян, выглядят как прежние авангардистские акции. Правда, им приходится увеличивать градус отклонения от существующих норм. Их артистическая деятельность связана с вызывающей непристойностью поведения (эксгибиционистские акты, публичная демонстрация различных физиологических отправлений, скандальные выходки и пр.) и реализуется с помощью уже не раз применявшегося языка вызова и агрессии. Такого рода искусство, как и раньше, не ищет сочувствия и понимания, а лишь провоцирует культурную конфронтацию, вызывая чувство шока либо отвращения. Впрочем, подобные отталкивающие эффекты давно использует массовое искусство, что говорит об эволюции нравов, распространении и легализации экстремальных явлений в культуре как показателях общественной толерантности.

О. А. Михайлова

Вражда и согласие в массовой песне советского и постсоветского времени

Прекрасны ритмы песен новых,
Любите их и пойте их.
Но годы проверяют слово,
И в увлечениях своих —
Не забывайте песен старых,
Они о многом расскажут вам...

Е. Долматовский

Песня — один из ярких и, вероятно, центральных жанров массовой культуры. Песни играли заметную роль в советском обществе, не менее значимыми они являются и в пространстве современной актуальной культуры. В исследованиях, посвященных советской песне, отмечается, что пение, особенно хоровое, было частью повседневной культуры до октябрьских событий 1917 года, и после революции пение приобретает ритуальный характер, становится неотъемлемой составляющей агитационно-массовых постановок и новых обрядов [Тяжельникова 2002].

Песня выполняет новые, определенные исторической ситуацией функции, это орудие, «с помощью которого в сознание людей внедрялись идеологические догмы... С помощью радио, а со временем и телевидения, песня превратилась в неперемный фон и орнамент каждодневного существования» [Купина 1999: 88]. В культуре повседневности наших современников песня также занимает важное место, хотя,

разумеется, она утратила функцию идеологического (политического) давления и выполняет скорее релаксационную функцию. Б. Ю. Норман, сравнивая два жанра, требующих эстетической интерпретации, приходит к выводу, что один и тот же текст в качестве песни допускает более простую интерпретацию, чем в качестве стихотворения: в песнях «смысл отходит на второй план, приглушается по сравнению со стихотворным оригиналом. Причем забывается он не музыкой, нет — самим жанром песни». И далее: при восприятии текста песни «первая сигнальная система превалирует над второй, и эстетическое наслаждение достигается не столько благодаря активной работе сознания, сколько, наоборот, благодаря его “дремоте”» [Норман 1991: 111, 113].

Песни слушают представители всех социально-возрастных групп, о чем свидетельствует разговор в прямом эфире во время музыкально-развлекательных радиопрограмм, конкурсы типа «Золотой граммофон» и под. Согласно результатам экспериментального исследования саратовских ученых, самым частотным из художественных жанров в ответах школьников оказывается *песня* [Гольдин, Дубровская 2002].

Песни в жизни общества являются достаточно сильным средством воздействия; будучи массовым жанром, они в большей или меньшей степени оказывают влияние на членов социума, в том числе на формирование толерантного сознания, а также на качество языковой макро- и микросреды [Шкатова 2003]. Поэтому представляется важным рассмотреть тексты песен разных лет в аспекте толерантности / интолерантности, проявления в них сигналов вражды или выражения согласия.

Как явление массовой культуры песня несет ответственность за процесс социализации личности, усвоение личностью социального опыта, знаний, норм, идеалов, соответствующих данному обществу, данной социальной группе. Тексты песен вбирают в себя архетипы массового сознания и одновременно влияют на формирование идентичности. Идентификация себя в социальном пространстве обнаруживается и проявляется в процессе коммуникации. Коммуникант очерчивает «свой круг», объединяется с одними и дистанцируется, отграничивает себя от других, манифестируя коллективную идентичность. Коллективная идентичность есть, как известно, отношение между «своими» и «чужими», при этом репрезентации «своих» и «чужих» обуславливают друг друга. В песенном творчестве разных лет образы «чужого» и «своего» динамичны, они видоизменяются, приобретая

ту или иную доминантную черту в зависимости от идентификационного фактора, представляющего ценность для автора.

В первые послереволюционные годы, как отмечает В. С. Тяжельникова, главное место в песенном репертуаре занимали песни борьбы и протеста [Тяжельникова 2002: 176], в которых была четко обозначена оппозиция «свой — чужой» как противостояние двух миров, двух систем ценностей. Песни первых послереволюционных лет и Гражданской войны представляют политический (военно-политический) дискурс, специфику которого определяет оппозиция «друг — враг». «Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации» [Шмитт 1992: 46]. «Чужой» в тот период — это классовый враг. Обобщенная номинация *враг* является центральной и повторяется во многих текстах:

Вставай, подымайся, рабочий народ!

Вставай на врага, люд голодный.

(Отречемся от старого мира. Слова П. Лаврова)

В бой роковой мы вступили с врагами...

<...>

Кровью народной залитые троны

Кровью мы наших врагов облили.

(Варшавянка. Русский текст Г. Кржижановского)

Образ врага конструируется с помощью и левого, и правого членов оппозиции. Конкретно референтное значение левого компонента «свой» задает имплицитное актуальное содержание правого компонента «чужой». *Мы, наши* — это *рабочий народ, люд голодный*, следовательно, *враг* — это угнетатели, эксплуататоры, которым предъявляется «неоплатный счет». Образ врага может быть и конкретизирован:

У советских деревень

и слобод

веют ветры

Октябрьских свобод,

да с былой

с православной

с кабалой

облетает

позолота с куполов!

(«ОтХОДная». Слова С. Кирсанова)

Для эксплицитного представления «чужих» авторы песен пользуются языком вражды: употребляют обычно негативно-оценочные, часто некорректные интолерантные высказывания, негативные речевые жанры. Всякое высказывание есть «продукт взаимодействия говорящих, и шире — продукт всей той сложной социальной ситуации, в которой высказывание возникло... Слово — как бы “сценарий” того ближайшего общения, в процессе которого оно родилось, а это общение, в свою очередь, является моментом более широкого общения той социальной группы, к которой говорящий принадлежит. Чтобы понять этот сценарий, необходимо восстановить те сложные социальные взаимоотношения, идеологическим преломлением которых является данное высказывание» [Волошинов 1993: 78, 79]. Социальное противостояние между бедными и богатыми, угнетенными и угнетателями отражается в агрессивном жанре оскорбления: для обозначения политического врага выбирается эмоционально окрашенная лексика: *паразиты, супостаты, злодеи, плутократы, богачи, буржуи, обжоры, вампиры*; используются номинации лица, обозначающие негативные с точки зрения интересов общества занятия, поступки, поведение, деятельность кого-либо: *палачи, тираны*; зоосемантические метафоры, содержащие негативные оценки и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения и т. п.; многие из таких метафор относятся к бранной лексике, оставаясь тем не менее в рамках литературного языка: *псы, собаки*; языковые символы, роль которых «заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую» [Телия 1995: 243]: *черная сила тьмы, темные силы, слуги тьмы (черный, темный, тьма в символическом прочтении обретают смысл ‘злодейски агрессивный’)*. Ни о какой толерантности к «чужому» в это время не могло быть и речи, главным становится мотив возмездия: месть за «павших в борьбе роковой» носит выраженный классовый характер, часто играет мотивирующую роль в жертвенном поведении. Главной целью классовой мести было физическое уничтожение врагов, которое воспевалось и культивировалось именно через массовую культуру.

*Месть беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс.
Мицень и смерть всем царям-плутократам!*

(Варшавянка. Русский текст Г. Кржижановского)

*Раздайся, клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед!*

(Отречемся от старого мира. Слова П. Лаврова)

Язык вражды здесь представлен в наиболее жестких формах как открытый призыв к насилию, к агрессивным действиям, к нетерпимости:

*На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!*

(Варшавянка. Русский текст
Г. Кржижановского)

*Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей!*

(Смело, товарищи, в ногу!
Слова Л. Радина)

*Вперед, заре навстречу,
Товарищи, в борьбе
Штыками и картечью
Проложим путь себе.*

(Молодая гвардия.
Русский текст А. Безыменского)

Долой тиранов! Прочь оковы!

(Красное знамя.
Слова Г. Кржижановского)

Вспомним по этому случаю сцену из пьесы Михаила Булгакова «Адам и Ева», в которой гениальный ученый профессор Ефросимов восклицает перед двумя представителями советской молодежи (Евой Войкевич и Адамом Красовским): *Это сон! И девушки с ружьями — девушки! — ходят у меня по улице под окнами и поют: «Винтовочка, бей, бей, бей... буржуев не жалей!» Всякий день!*

Призыв используется в качестве ведущего средства, вместе с тем в песнях этого времени многочисленны и другие конвенциональные средства выражения агрессии — речевые жанры угрозы, обвинения, проклятия:

Весь мир насилья мы разрушим...

(Интернационал. Русский текст А. Коца)

*В врага пошлем мы свой снаряд,
Горя единой местью,*

(Наш паровоз. Слова Б. Скорбина)

*Слезам залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный,
Неумолимо грозный суд!*

(Красное знамя. Слова Г. Кржижановского)

*Нас не страшат ни борьба, ни сраженья
Ярко горит путеводный маяк!
И помешать нам в могучем движенье
Пусть не пытается враг!*

(Партия — наш рулевой. Слова С. Михалкова)

*В битву мы выступим смело
С игом проклятой нужды...*

(Смело, товарищи, в ногу! Слова Л. Радина)

*Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд,
Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут...
Из тебя богачи тянут жилы,
Царь-вампир пьет народную кровь...
<...>*

*Мы пойдем к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодеям проклятья...*

(Отречемся от старого мира. Слова П. Лаврова)

В песнях «борьбы и протеста» главным был образ врага, сознательно создавался дискурс отчуждения [Буряковская 2000], однако мотивы вражды, возмездия, разрушения не могли быть привлекательными долгое время. «Оставляя губительный след в массовом сознании, такого рода ценностные построения не могли долго быть доминантными и уж во всяком случае имели мало шансов стать базовыми для общественной консолидации. Тем более что песни “борьбы и протеста” с каждым месяцем все более резко контрастировали с новой идеологической риторикой, вошедшей в политический лексикон на рубеже 1920–1930-х гг. Они выступали диссонансом созидательному пафосу первых пятилеток» [Тяжельникова 2002: 177].

Новый политический курс был ориентирован не на разрушение, а на созидание, и перед властью с неизбежностью возникла необходимость формирования новой идентичности, которая была бы ориентирована на принципиально новое, созидательное начало, в максималь-

ной степени соответствовала бы новому образу страны и эмоциональным устремлениям строителей новой жизни. После известного выступления И. В. Сталина на Первом всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года сталинское выражение *Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее* стало важной составляющей политического курса, а в эмоциональном плане «насаждение» веселья и радости, несомненно, составляло его основу.

Массовая песня, являвшаяся частью огромного пропагандистского механизма, подключилась к выполнению этого социального заказа — создать дискурс идентичности [Олянич 2004: 312], вывести «легкокрылую формулу жизни молодого поколения, комсомольского племени» [Долматовский 1967: 100], сформировать чувство общности с ярко выраженной эмоционально насыщенной положительной нагрузкой. Вот типичный отклик песни на соцзаказ:

*Звонки, как птицы, одна за другой
Песни летят над Советской страной.
Весел напев городов и полей —
«Жить стало лучше,
Жить стало веселей!»*

(Жить стало веселей. Слова В. Лебедева-Кумача)

С этого времени гражданско-публицистическое начало быстро вытесняет идеологически насыщенную песню борьбы и протеста. Знаковой в этом смысле стала «Песня о встречном» Б. Корнилова, строки которой выражали бесконечную радость. Любопытный факт сообщает Борис Кушнер: «Сегодня мало кто знает, что “встречный” в песне Шостаковича—Корнилова — не веселый прохожий, отвечающий улыбкой на улыбку, а встречный план. Почти забытый фильм «Встречный» (1932 г.) воспевал трудовой энтузиазм строителей нового неслыханного общества...» [Кушнер 2005].

В песнях 30-х годов главным становится образ «своего», друга, единомышленника — молодого человека, которому «все по плечу», возможности которого безграничны, — «стахановские люди в сталинской стране» [Бухарин 1936]:

*Нам нет преград
Ни в море, ни на суше,
Нам не страшны
Ни льды, ни облака...
<...>*

*Нам ли стоять на месте?!
В своих дерзаниях всегда мы правы...*

<...>

*Создан наш мир на славу,
За годы сделаны дела столетий.*

(Марш энтузиастов. Слова А. Д'Актиля)

*Мы сдвигаем и горы и реки,
Время сказок пришло наяву...*

(Песня о Волге. Слова В. Лебедева-Кумача)

*Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор.*

(Авиамарш. Слова П. Германа)

*Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли!
Мы все добудем, поймем и откроем...*

<...>

*Ведь мы такими родились на свете,
Что не сдаемся нигде и никогда.*

(Марш веселых ребят. Слова В. Лебедева-Кумача)

Анализируя советские песни о Родине, Н. А. Купина показывает, что в этом свертхтексте «советский народ обладает небесными силами и поэтому не нуждается в Боге. Он покоряет все вершины. Он всемогущ, как Бог» [Купина 1999: 97]. Такое новое состояние «обыденности невозможного» формировалось благодаря эмоциональному ряду, тесно связанному с весельем и радостью, что выражается, к примеру, в избытии устойчивых эпитетов — *родной, милый, вольный, широкий, веселый* и т. д. Вот лишь некоторые примеры: *Растем все шире и свободней. / Идем все дальше и смелей; Всюду жизнь и вольно и широко, / Точно Волга полная, течет; И, как Волга, резко могучей / Наша вольная жизнь потекла; Где так вольно дышит человек.* «Песня о Волге» резюмирует это состояние: *Прежде песни тоска наша пела, / А теперь наша радость поет.* Жизнеутверждающее мировосприятие поддерживалось даже темпоральным контекстом: преобладает одно время года — весна и одно время суток — утро. В «Песне о Родине» *над страной весенний ветер веет, / С каждым днем все радостнее жить.* В «Песне о Волге» *над страной весна расцвела и счастье, как май, молодое.* В песне «Спой нам, ветер» *все весенние*

песни земли. В «Песне о встречном» нас утро встречает прохладой и страна встает со славою навстречу дня.

Идентификация в сфере политической коммуникации реализуется посредством «мы-дискурса» [Водак 1997]. В текстах гражданских песен он строится с помощью различных средств.

В политическом дискурсе «свои» «часто маркируются возвышенной лексикой и торжественно-приподнятой тональностью» [Шейгал 2000: 122] и, кроме того, проявляется «идеологически одобряемая тенденция к гигантизму» [Купина 1999: 111]:

*Над страной весенний ветер вьет,
С каждым днем все радостнее жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.*

(Песня о Родине. Слова В. Лебедева-Кумача.)

*Что мечталось и хотелось, то сбывается,
Прямо к солнцу наша смелость пробивается!*

(Эй, грянем сильнее! Слова В. Лебедева-Кумача)

Особое значение в это время приобрело личное местоимение *мы*, которое, как известно, служит «для обозначения группы лиц, объединенных общими взглядами, занятиями, интересами и т. п.» (МАС, т. 2: 316), и его словоформы, часто в словосочетаниях со значением совместности: *нам с тобой, нам с друзьями*. Об особенностях употребления *мы* в советской песне пишет Ю. Минералов: «“Мы”... кратко и с суровой многозначительностью стали называть себя сами люди той “сталинской страны”. Недаром Евгений Замятин именно это самоназвание переадресует героям своей “уэллсовской” антиутопии, и его роман “Мы”, изданный по всему свету, разнесет везде по планете это энергичное словцо. <...> Убежденные, что именно им суждено довершить дело отцов, эти молодые люди не только были внутренне цельны — они с беспрецедентной силой ощущали свою слиянность в коллектив, почти в единый организм. Их “мы” было наполнено уникальным, необычайно глубоким содержанием. Рожденные в 1917 году двадцатилетними встретят 1937 год, а еще через четыре года примут на свои плечи Великую Отечественную. <...> Здесь стоило бы сказать еще несколько слов о знаменитом «мы» произведений обсуждаемой группы авторов. До этого еще никогда в истории отечественной поэзии (или даже в истории песни) не было, пожалуй, прецедента, в соответствии с которым конкретные авторы вещали бы с такой уверенностью от имени всего народа. А вот теперь, в 30-е, это стало нормой.

И если для Б. Корнилова в “Песне о встречном” “мы” значит по старинке просто “я и ты, любимая”, то для иных авторов 30-х годов “мы”, конечно, не “он и она”, а все “простые советские люди”. Начав, таким образом, “полномочно” говорить от народного имени, песенники вызывали двоякого рода эффект. С одной стороны, такое “мы” создавало у массы поющих и слушающих эффект регулярного подновления чувства всеобщей сплоченности и чувства сопричастности тому, о чем повествует песня. <...> С другой же стороны, систематическое употребление “мы” в таком смысле... вызывало в людях особое состояние. Его, это состояние, точно охарактеризовал еще великий филолог, глубокий знаток человеческой психологии А. А. Потебня: “Чувство... когда человеку кажется, что его “я” разрастается до слияния с государством, сословием, классом. В этом раздутном состоянии “я” легко подвержено оскорблениям. На это состояние указывает Гоголь: “Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет...” <...> В силу того же чувства своего величия происходят обвинения людей другого социального или политического направления в измене отечеству...». [Минералов 1995: 26, 29, 43].

В текстах песен местоимение *мы* обычно употреблялось с квалификативными предикатами: *мы мирные люди; мы молодые хозяева земли; мы дозорные сегодня, мы сегодня часовые; мы везде, где трудно; мы сильны, мы тверже гранита и стали*. Предикаты манифестируют те объединяющие признаки, которые создают идентификационную карту «своего». Члены «своего круга» молодые, сильные, готовые и способные преодолеть любые трудности. «В большинстве случаев мы имеем дело с лирическим “мы”, которое отличается от коллективного субъекта пролетарской поэзии тем, что означает весь советский народ, понятый как “общее тело”, как “сверхорганизм”. Это “мы” предстает не в форме классово и идеологически гомогенного коллектива, но как содружество (то, что выражает немецкий термин “Gemeinschaft”) “сердец”. Недаром это ключевое слово встречается довольно часто в песнях 30-х годов и обозначает то, что парадоксальным словосочетанием можно было бы назвать “интимная массовость”» [Гюнтер 2004].

Не менее типичное средство создания «мы-дискурса» — притяжательные местоимения в сочетании с существительными, называющими концептуально значимые понятия: *труд наш есть дело чести; создан наш мир на славу; наша дружба свята; наши нивы глазом не обшаришь; наш острый глаз пронзает каждый атом, наш каждый*

нерв решимостью одет. Объекты, которые принадлежат нам и составляют нашу гордость, формируют модель мира, лежащую в основе миропонимания лингвокультурной общности. Этой моделью мира «человек руководствуется во всем своем поведении, с помощью составляющих ее категорий он отбирает импульсы и впечатления, идущие от внешнего мира, и преобразует их в данные своего внутреннего опыта. Эти основные категории как бы предшествуют идеям и мировоззрению... в основе их можно найти универсальные, для всего общества обязательные понятия и представления... речь идет о неосознанном навязывании обществом и столь же неосознанном восприятии, “впитывании” этих категорий и представлений членами общества... Эти категории запечатлены в языке, а также в других знаковых системах (в языке искусства, науки, религии), и мыслить о мире, не пользуясь этими категориями, столь же невозможно, как нельзя мыслить вне категорий языка» [Гуревич 1984: 31]. Такими категориями в текстах советского времени становится система «идеологем единения, сплочения, дружбы народов, новой социальной общности, человека нового типа, верности советским традициям, труда на благо Родины, а также идеологем достижений, героизма, храбрости, стойкости, победоносности» [Купина 1999: 101].

Маркерами «своего» выступают прямые номинации с коннотацией групповой, социальной отнесенности, часто вместе с эмотивно заряженными определениями: *советские граждане, советские люди, поколение ленинцев, комсомольское племя*, а также собирательные существительные и лексемы, имеющие в своем значении компонент ‘совместности’: *братство, бригада, команда*.

*Мы проходим улицу каждой,
Как одна счастливая семья, ---
Сколько ты еще счастливых граждан
Наплодишь, курносая моя.*

(Летняя московская. Слова М. Светлова)

*Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна ученых!*

(Марш энтузиастов. Слова А. Д'Актиля)

*И с ней [страной] до победного края
Ты, молодость наша, пройдешь,
Покуда не выйдет вторая
Навстречу тебе молодежь.*

(Песня о встречном. Слова Б. Корнилова)

Самым частотным в этой группе средств является слово *товарищ*, которое в «языке революционной эпохи» коннотирует принадлежность к общему делу революции и выражает культурно значимый смысл «свой» для этого дела, а в период господства социалистической доктрины значение этого слова обретает коннотацию ‘тот, кто разделяет социалистическую идеологию’ [Телия 1995: 216]:

Наше слово гордое --- товарищ ---
Нам дороже всех красивых слов.

(Песня о Родине. Слова В. Лебедева-Кумача)

Идея общности, единения становится самой сильной в песнях этих лет, декларируется слиянность в коллектив не только по идеологическому принципу: *нет для нас ни черных, ни цветных; если бы парни всей земли вместе собратысь однажды могли*. В расцвете массовой песни отражается глубокий перелом в духовной атмосфере советской культуры.

Новая советская идентичность, стержнем которой было ощущение слитности собственной судьбы с судьбой страны, в годы Великой Отечественной войны стала определяющей. В первые годы войны в песнетворчестве доминировала публицистическая тематика — песни гнева и мщения. Официальное требование, предъявлявшееся к песне в июне-июле 1941 года, — обязательное наличие призыва. Наиболее удачным преобразованием плаката в песню стала «Священная война» В. Лебедева-Кумача:

*Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.*

Прямо обозначены не только враждебные группы — советские люди и гитлеровские национал-социалисты, но и их идеалы:

*Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.*

Опять то самое романтическое и грозное «мы», которое создавало у массы поющих и слушающих эффект регулярного обновления чувства всеобщей сплоченности и чувства сопричастности тому, о чем повествует песня: *И на вражеской земле мы врага разгромим / Малой*

кровью, могучим ударом. Однако в песне военных лет гражданские мотивы сливаются с личными переживаниями, и внешний враг выступает как угроза большой семье. Важным признаком коллективной идентичности становится принадлежность семье как наиболее органичному коллективу: *второй стрелковый храбрый взвод теперь моя семья; славная фронтовая семья; гвардейская семья.*

Послевоенная песня продолжает традиции довоенной песни, но объединяющей доминантой становится этническая идентичность:

*А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.*

*(Летят перелетные птицы.
Слова М. Исаковского)*

Вспомним другие известные строки: *Хороша страна Болгария, / А Россия лучше всех* или песню А. Жарова:

*Под праздник бойцу молодому
Не спится за гранью Карпат.
На Волгу, к далекому дому,
На Родину-мысли летят.*

И тем не менее главным идентификатором для проведения границы между «своими» и «чужими» является не национальный признак, а отношение к войне / миру, потому что основная ценность в это время — мирная жизнь. «Чужие», враги готовы разжечь войну, потому что воплощение зла, тогда как «свои» стремятся к миру во всем мире, готовы отстоять его, потому что воплощение добра и человечности:

*Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем ...
<...>*

*Снова черные силы
Роят миру могилу, —
Каждый, кто честен,
Встань с нами вместе
Против огня войны!*

*(Гимн демократической молодежи мира.
Слова Л. Ошанина)*

*Мы сильны! Берегись, поджигатель войны,
Не забудь, чем кончаются войны!*

*С нами люди простые из каждой страны,
Мы в грядущее смотрим спокойно.*

(Песня мира. Слова Е. Долматовского)

*Всей земли народ
Пусть тревогу бьет:
Будем мир беречь!
Встанем, как один,
Скажем: не дадим
Вновь войну зажечь!
Мы за мир! И песню эту
Понесем, друзья, по свету.
Пусть она в сердцах людей звучит.
Смелей, вперед, за мир!
Не бывать войне-пожару,
Не пылать земному шару!
Наша воля тверже, чем гранит.*

(Мы за мир! Слова А. Жарова)

Гражданско-публицистическая песня являлась мощным источником социализации личности, в это время она была обращена преимущественно к молодым: *Молодежь как сталь закалена, / стройкой мира занята она; Прочный мир оберегай, молодежь; Каждый, кто молод, дайте нам руки, / в наши ряды, друзья; Счастье, слава, подвиги — все впереди, / боевая молодость в пути.*

Массовая песня оказалась неотделима от культурного стиля ушедшей в прошлое исторической эпохи. Другая эпоха, другой культурный стиль начинались во второй половине 50-х годов. Песня стала быстро утрачивать именно свою «массовость», превращаясь в эстрадную песню, которую слушает каждый в отдельности и которая уже никого не объединяет.

Радикальные перемены, происшедшие в России в последние годы, привели к изменениям в сфере социальных категорий: исчезла самая крупная социальная категория, с которой вольно или невольно идентифицировался человек, живущий в СССР, — советский народ, исчезли многие значимые прежде социальные категории идеологического характера, и неизмеримо возросла значимость личной идентичности в структуре самоидентификаций — гиперперсонализация [Павленко, Корж 1998; Лебедева 2002].

Результатом социокультурной трансформации постсоветского пространства стало появление нового типа городской массовой культуры, индивидуалистской по сути, и новой песни, способствующей мар-

гинализации (в противовес социализации) личности. В современных песнях отсутствует *мы*, зато чувствуется подчеркнутое внимание к формам презентации *Я*: *Я по капиллярам / Не запустила твоих телеграмм; Я проведу черту под жизнью прежнюю; Я горю, я вся во вкусе рядом с тобой.*

*Я делаю так
Закрываю замки
Я делаю так
Забываю слова
Я делаю так
Обрываю звонки (звонки)
Выключаюсь...
Сама
Я решаю
Сама
Я выбираю сама
Болею сама
Жалею сама*

(Лель)

Песенное творчество молодых проникнуто агрессией ко всем окружающим и к каждому в отдельности: *Нет, мещанская сволочь и прочая гнусь, / Боль утрат наших время не сгладит; Хочешь, я убью соседей; Тогда поймете, наконец, / какая супер я звезда, и все от зависти помрете / раз и навсегда; И пиво натоцак, и ты — смертельно надоели; Ты зыришь с укором, / а я обесцвечу глаза, обезличу тебя; Я в твоём лифте и сожгу твою дверь; Я дождусь зимы и разобью твоё окно.*

Агрессия разрушает, и не удивительно, что сквозной темой в молодежных современных песнях становится тема смерти: *Я разгонюсь и в окно, / я знаю, не будет больно, / я помню, как это делать; Кто же из нас первый упадет вдребезги на Тауэрский мост; У тебя СПИД, и значит — мы умрем (Земфира); Мы ушли в открытый космос — в этом мире больше нечего ловить; Звезда рок-н-ролла должна умереть («Сплин»); Ты сламаешься однажды, выпьешь яда («Мумий Тролль»); Не спеши ты нас хоронить, / а у нас ещё есть дела («Чайф»); Такая любовь убьёт мир («Маша и медведи»); На сердце боль, в стакане яд («Танцы минус»); Мы бросались в море с высоких скал, / потому что боялись суши (Смысловые галлюцинации); Жизнь здесь ничего не стоит («Ария»).*

Конечно, сегодня есть и другие песни, более светлые и радостные, есть и возвращенные из советского прошлого римейки, но молодежь,

к сожалению, слушает именно такие шлягеры. С горечью следует признать правоту французского писателя М. Уэльбека: «Ни одна эпоха, ни одна цивилизация не создавала людей, в душе которых было бы столько горечи. В этом смысле мы живем в уникальное время. Если бы надо было выразить духовное состояние современного человека одним-единственным словом, я, несомненно, выбрал бы слово “горечь”» [Уэльбек 2003].

Е. Е. Машнина

Язык вражды как выражение базовой составляющей рок-культуры

Враждебность — одна из основных составляющих концепции рок-культуры. Враждебность в рок-культуре многолика: она имеет различные воплощения, разные задачи и цели. Враждебность как концептуальная часть рок-культуры определила круг тем и эстетику рок-поэзии: это педализация тем жестокости, насилия, противостояния, войны (часто тотальное состояние войны является постоянным фоном творчества рок-поэта); антиэстетизм, «эстетика безобразного», использование шокирующих деталей, эпатажность.

Русская культура изначально ориентирована на слово. Русский рок — яркий пример логоцентричности русской культуры: примерно с 70-х годов и до конца существования феномена словесный компонент был доминирующим в триаде «текст — музыка — шоу» русского рока. Естественно, что концептуальные установки рок-культуры отражаются в лексике; враждебность как концептуальная составляющая рок-культуры проявляется в формировании словаря вражды.

Согласие в рок-культуре выступает как часть противопоставления «вражда — согласие» и более крупной оппозиции «свой — чужой», — одной из определяющих установок русского рока. К «своим» ценностям (на разных этапах существования феномена рок-культуры) относят ценности «Системы», ценности хиппи, ценности «Аквариума» и др. Соответственно, для характеристики «чужих» ценностей, укладов и устоев используется язык вражды. Рассмотрим определенные аспекты враждебности рок-культуры.

Враждебность как отражение авангардной коллизии «разрушение — созидание», как противостояние официозу и искусственно насаждаемым ценностям

Мы рассматриваем рок-культуру как авангардное явление, идущее вразрез с официальной идеологией и культурой. Авангард влечет за собой разрушение старого, его неприятие. Сложившиеся эстетические каноны для авангарда не имеют смысла, а традиционные формы трактуются как исчерпавшие свои возможности. Рок-культура, будучи авангардным течением, ищет свой, особый язык, новые, сильные средства воздействия. Но авангардность формы рок-поэзии неразрывно связана с концепцией рока. Язык рок-поэзии — проводник идей, зеркало концепции рока. Установки рок-культуры, мировоззрение и ценности рок-поэтов отражает язык вражды.

В 60–80-е годы (время расцвета и развития рок-культуры) мир кардинально изменился, а в Советском Союзе продолжали тиражировать произведения искусства, созданные по социальному заказу или, по крайней мере, прошедшие жесткую идеологическую цензуру. Официально одобряемые тексты песен, музыкальные формы, стихи и литература, драматургия в массе своей были ангажированными, использовались господствующей идеологией в своих целях. Темы произведений были обозначены раз и навсегда, подача творческого материала была стиснута определенными рамками. Отрицательное мышление (термин, введенный Г. Маркузе), свойственное молодежным направлениям второй половины XX века во всем мире, в условиях Советского Союза развивалось как отталкивание от казенных бюрократических форм: «Муштра и казенщина привели к тому, что все культурные достижения, насаждавшиеся в принудительном порядке, оказались лишенными своей внутренней ценности» [Время колокольчиков 1990: 9]. Один из рок-деятелей того времени М. Немиров так описывает ощущения периода застоя: «...Все... вокруг было так, как будто никаких восьмидесятых не было, а после семьдесят девятого наступил семьдесят десятый, затем семьдесят одиннадцатый — и так далее... Застой, скука, затхлость, дряхлость, и воздух выдыхан весь...» [Немиров 2002: 33]. Теоретики русского рока И. Кормильцев и О. Сурова в обзоре эпохи и условий появления рока отмечают кризис господствующей идеологии: «От идеологии остался только фасад» [Кормильцев, Сурова 1998: 15]. Молодые люди ждали чего-то нового, живого, искреннего, своего. И выразить свое «Я» новым языком было необходимо как воздух. Борис Гребенщиков в интервью «Комсомольской правде» назвал период застоя одним из усло-

вий возникновения рок-культуры: «Двадцать последних лет, которые принято сейчас называть застойными, породили почву для... русского рок-н-ролла. Когда молодые люди перестали верить слову в газетах, на радио, на ТВ, возникла необходимость в каком-то “медиуме”, через который можно общаться друг с другом и понимать друг друга... Люди взяли музыку и сделали ее своей» (Комсомольская правда. 1987. 7 нояб.).

Появившуюся рок-культуру официальная культура приняла враждебно. Рок пугал официальную власть и эстрадные круги тем сильнее, чем большее влияние он оказывал на молодежь. «Преступление жанра заключалось не только в социальности репертуара, но прежде всего в стремительно растущей популярности» [Смирнов 1994а: 68]. В автобиографическом труде очевидца и живого участника рок-движения Ильи Смирнова «Время колокольчиков, или Жизнь и смерть русского рока» [Там же] подробно описана «война» (в каких-то моментах оппозиция неформальной и официальной культур действительно принимала формы войны) между роком и властями. И. Смирнов приводит выдержки из многочисленных публикаций тех лет, направленных против рок-культуры. Например, в «Литературной газете» от 6 мая 1987 года рок именуются разновидностью наркотиков, характеризуется как подстрекательство к насилию, к убийству, бунту [Там же: 115]. Рок-культура ответила официальной культуре агрессией:

*Поставил на высоком чердаке пулемет
И записал в дневнике: «Сюда никто не войдет!»*

(«Наутилус Помпилиус»)

Темы, противоположные официально пропагандируемым или допустимым, требовали языка вражды. Концепция протеста — базовая концепция рок-культуры — предполагала применение злых, категорических, жестких оценок. Рок-культура как авангардное течение не могла говорить на языке общепринятой культуры. Использование рок-поэзией обценной лексики было авангардным шагом, особенно тогда, когда порог табуированности в искусстве был высоким. Обценная лексика в рок-поэзии является средством языка вражды и в большинстве случаев имеет обусловленную концепцией рока направленность: против официальной культуры, против войны, против власть имущих, против обывательского благополучия, против быта, против судьбы и т. д. Иногда обценная, табуированная, низкая лексика рок-поэзии имела только авангардные цели: эпатировать, растормошить публику или заявить о себе. Вслед за авангардом рок-культура искала «интересное» в нелегитимных или даже запретных (с точки зрения

общепризнанных ценностей) сферах, в мировых религиях и учениях (буддизме, дзен-буддизме, язычестве, христианстве, мистицизме); в увлечении наркотиками и психоактивными веществами:

*Реггей, реггей, растаманский джаз,
Мы любим Джа, а Джа любит нас...
Мы лепим куличики из гашиша —
Дети Джа...*

(О. Арефьева)

В рок-текстах распространены обозначения наркотиков (*опиум, гашиш*), в том числе жаргонные (*колеса, конопля, план, кайф*), имена богов (*Джа*) и названия их последователей (*растаманы*), проповедующих «жизнь под кайфом».

Жесткая лексика коррелирует с идейными установками рока. Так, протест против тотального контроля и против вмешательства в личную жизнь, против крамольности самого понятия «личная жизнь» выражался словами, называющими вещи своими именами, раскрывающими неприглядное существование человека, делающего свой, пусть и не самый лучший выбор:

*А главное — никто не видит, чем ты занят здесь —
То ли режешь вены, то ли просто блюешь.*

(М. Науменко. Ода ванной комнате)

Неприятие культуры, насаждавшейся в принудительном порядке, тоже нашло отражение в лексике рок-поэзии:

*Век жуем матюги с молитвами.
Век живем — хоть шары нам выколи.
Спим да пьем. Сутками и литрами.
Не поем. Петь уже отвыкли...*

* * *

*Хотел в Алма-Ату — приехал в Воркуту.
Строгал себе лапту, а записали в хор...*

(А. Башлачев)

И хотя в этом двустишии нет грубых, низких слов, топоним *Воркута* в контексте советской истории воспринимается как символ кары. «Враждебный» рок (так в прессе характеризовали рок-культуру) протестовал против вакуума, который консервировал общую бездуховность жизни:

Где ставить свечу, если в храме сарай?

(О. Арефьева)

Иногда лексика вражды рок-поэзии включает нейтральные слова (*сарай*), которые в контексте целого и в соответствии с авторской идеей приобретают негативную или агрессивную коннотацию.

Социальность репертуара рок-поэзии обусловила отбор жестких средств выражения. Часто выбор грубых, сниженных слов мотивирован резким отношением автора к действительности:

*Сошел на нет всегда бухой отряд,
И как на грех, разведка перемерла.
Покрылись мхом штыки, болты и сверла,
А в небе бабы голые летят.*

(Б. Гребенщиков)

Динамика некоторых тем рок-поэзии, выраженных средствами языка вражды, отражает архетип разрушения — созидания. Феномен рок-культуры (как западной, так и русской) враждебен (если рассматривать враждебность как категорию авангардности) господствующим культурным ценностям не более чем любой другой новый, качественно иной социокультурный феномен по отношению к предшествующему и классическому окружению.

Враждебность как отражение вечного конфликта отцов и детей

Важной социопсихической предпосылкой существования авангарда является молодость. При выделении себя из окружающего социокультурного пространства, обособлении и обозначении своего «Я» рок-культура противопоставляла себя не только традиционным культурным институтам, но прежде всего миру взрослых. Оппозиция «отцы — дети» отражалась в лексике рок-текстов. Одна из психологических особенностей подросткового и юношеского возраста — реакции негативизма, отрицания, неприятия, оппозиции, «юношеский нигилизм»:

*Вы скажете: «Что за поза?
Вы, батенька, максималист!»
А я отвечу: «Что вы, мой фюрер,
Я просто антифашист!»*

(К. Кинчев)

Реакция эмансипации обозначает право молодых на свое видение и самовыражение:

*Выйти из-под контроля, выйти и петь о том, что видишь,
А не то, что позволяют. Мы имеем право на стон.*

(М. Борзыкин)

*Плюю в лицо слуге по имени народ.
Мне нравится БГ, а не наоборот.*

(А. Башлачев)

Максимализм молодых во всем по-авангардному эпатирует:

Разденься! Выйди на улицу голой...

(И. Кормильцев)

*Человечье мясо сладко на вкус,
Это знают Иуды блокадных зим...*

(Ю. Шевчук)

Поисковая активность молодежи предполагает использование новых, ярких идей, что опять же перекликается с авангардным бунтом, неприятием серого, будничного, «нормального». Лексика таких рок-текстов может отражать темы, чаще всего табуированные, враждебные общепринятым. Ценности выстраиваются по принципу «от противоположного»: то, что у «взрослых», — враждебно. Некоторые практики и теоретики рок-движения интерпретируют асоциальность рока в первую очередь как противостояние миру взрослых: «Рок был асоциален всегда. Даже “политически ангажированные” песни представляли собой протест против более глубокого порядка вещей в “мире взрослых”, а не протест против коммунистического строя» [Лурье 2002: 63]. Враждебность и агрессия в рок-культуре убедительнее и привлекательнее для молодежи, нежели согласие, готовность к сотрудничеству и компромиссу. По мере взросления рок-поэтов враждебность к миру взрослых смягчается. Согласие — следствие пересмотра юношески-максималистских позиций и принятия многих форм культуры, творчества, средств выражения — становится характеристикой позднего творчества вчерашних ниспровергателей.

Враждебность по отношению к «чужим»

Вражда может быть направлена не только против мира взрослых, но и против сверстников, против тех, кто не разделяет взгляды «своих», т. е. рок-музыкантов. Подчеркнутая враждебность проявлялась в вызывающем поведении, эпатаже, и, конечно же, в текстах песен. Враждебностью по отношению к «гопникам», «попсе», «урле», «мальчикам-мажорам» наполнены тексты рок-поэзии периода контркультуры (представленного творчеством Цоя, Шевчука, Майка Науменко в 80-е годы). Особенности их текстов — наличие ряда наименований

«чужих» (урла — ‘агрессивные, хулиганствующие подростки’ (БСЖ 2001: 614), *мажоры* — ‘представители элиты, материально обеспеченные’ (Там же: 328)), использование грубых антиэстетических слов (*гадит, тошнит*), бранной лексики (*козлы, свиньи, жлобы*).

*...Кто бьет друг другу морду, когда бывает пьян?
...Кто хлещет в жару португайн, кто не греет пива зимой,
Кто плюется как верблюд, кто смеется как козлодой?
Кто гадит в наших парадных, кто тошнит в вагонах метро,
Кто всегда готов подбить нам глаз и всадить нам в бок перо?
Это гопники!
Они мешают мне жить!
Их называют «жлобы», их называют урлой,
а также лохами, иногда — шпаной...*

(«Зоопарк»)

*Козлы, козлы!
Мои слова не слишком добры, но и не слишком злы,
Я констатирую факт —
Козлы!..*

(Б. Гребенщиков)

Символы *согласия* (как второй половины дихотомии «вражда — согласие») также нашли отражение в рок-поэзии. Рок-тексты (особенно периода субкультуры) ориентированы на вполне конкретный, замкнутый круг реципиентов, которым понятен слэнг, язык «Сайгона», «Системы», «пиджинизированный» английский. Об этом говорят исследователи рок-культуры И. Кормильцев и О. Сурова в статье «Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция» [Кормильцев, Сурова 1998], И. Смирнов в монографии «Время колокольчиков» [Смирнов 1994а], А. Троицкий в исследовании «Рок: 70-е, 80-е, 90-е» [Троицкий 1991]. Существование в «системе», в своей субкультуре предполагает наличие определенных признаков «системы», своих ритуалов и пространственных координат. Отсюда в песнях «питерского рока» — символы-атрибуты своей субкультуры: *фуз* и *квак* (названия деталей музыкальных инструментов), *кофе* в «Сайгоне» (*И кофе в известном кафе согреет меня* — Цою даже не надо называть кофе), *растаманы* (последователи растафарианства, — учения, призывающего к употреблению конопли с целью освобождения от внешних условностей и раскрытия внутренних возможностей), *Джа* («Канабис как божество, языческий дух» (БСЖ 2001: 156)), песни «Rolling Stones» и «Weather Report», *Хару Кришна*, *Дао Дэ Цзин* и т. д. В словарь включаются экзотизмы, заумь, окказионализмы в духе аван-

гардистской поэзии, ненормативная лексика, разговорные наименования. И насколько эта лексика будет понятна потребителям культуры, настолько последние будут считаться «своими».

Согласие демонстрируется по отношению к сверстникам, разделяющим взгляды и вкусы, ценностные ориентации и приоритеты создателей рок-текстов.

Оппозиция «свой — чужой» выражается и в наличии противопоставления «вы — мы»:

Что вам на завтрак? Опять Иисус?
Ешьте, но знайте, — мы вам не простим!
В этом мире того, что хотелось бы нам — нет...
(«ДДТ»)

Да вы не спели, а я спою вам!

(А. Башлачев)

Символы согласия в текстах рок-поэзии уступают в частотности употреблению лексике вражды. Это объясняется концепцией рока, которую можно определить как концепцию протеста.

Помимо рассмотренных аспектов враждебности в рок-культуре (враждебность как отражение авангардной традиции «разрушение — созидание», как противостояние официозу и искусственно насаждаемым ценностям, как отражение конфликта отцов и детей, как тип восприятия «чужих») можно выделить еще несколько установок рока, задающих отбор лексики вражды. Одна из наиболее значительных — эстетика безобразного. Деструкция, дисгармония, выворачивание наизнанку становятся принципами изображения действительности как в авангарде, так и в рок-поэзии. Эстетика безобразного в рок-поэзии обусловлена активным противопоставлением своей позиции — неприемлемой для большинства, и борьбой за свою точку зрения. Кроме того, лексика вражды позволяет показать действительность без прикрас. Это важно для рок-поэзии, стремящейся к искренности и правдивости по отношению к себе и к миру.

Источники материала

Альтернатива: Опыт антологии рок-поэзии (Башлачев, Борзыкин, Кинчев, ДДТ и др.) / Сост. П. Бехтин. М., 1991.

Арефьева О. и группа «Ковчег». Тексты песен // <http://www.ark.ru/texts.html>.

Бутусов В. Наутилус Помпилиус. Тексты песен // <http://oduvanchik.info/>.

Гребенщиков Б. Тексты песен // <ftp://crypt.iae.nsk.su/pub/aquarium/>.

«Зоопарк». Тексты песен // <http://oduvanchik.info/>.

Раздел 5
**Вражда и согласие
в мифологии уральского города**

Е. Е. Приказчикова

Миф и его социокультурные
преломления:
от архаики до наших дней

Характеризуя природу мифического, А. Лобок, один из ярких представителей философского андеграунда Урала, писал: «Язык точно сходит с ума, употребляя слово “миф”» [Лобок 1997: 11]. В культурном сознании любой эпохи миф играет основополагающую роль, поскольку любой миф — это «слово» (в соответствии с логикой греческого термина *μῦθος*), посредством которого человек хочет понять окружающий его мир и найти свое место в этом мире. Задача данного раздела монографии — рассмотреть изучаемую проблему вражды и согласия в зеркале мифологического мышления. Выполняя поставленную задачу, проследим динамику развития мифического, возникновение феномена инаковости в рамках культурной мифологии, проявляющегося в образе *Чужого*, конкретную реализацию бинарных оппозиций.

Архаический миф — это прежде всего миф имени, или ономоиф. С точки зрения мифологического мышления, чтобы подчинить себе вещь, человека, бога, нужно знать его *настоящее* имя — его миф. «Раз у предмета есть имя, значит, у предмета есть миф», — заявлял А. Лобок [Там же: 60]. В египетской мифологии есть прекрасный сюжет, иллюстрирующий эту черту мифологического мышления; он связан с образом египетской богини Исиды. Чтобы получить власть над богом солнца Ра, Исида должна была узнать настоящее имя бога. Тогда она наслала на Ра огромного скорпиона, являющегося ее священным животным, чтобы тот ужалил бога. Отравленный ядом скорпиона, жестоко страдая от укуса, Ра был вынужден открыть Исиде тайну своего

имени в обмен на исцеление, тем самым поставив себя в зависимость от богини, признав ее власть над собой.

Этот мифологический сюжет наглядно демонстрирует и табу на имя правителя, и одновременно власть этого имени, обычно тесно связанные друг с другом. Так, табу на произнесение имени бога все дает себя знать в западносемитской мифологии, где табуированным было само имя Яхве, обычно заменяемое при богослужении на культовое имя Адонай (господин). Настоящее имя божества было известно только старшим сыновьям первосвященников. Мифологическая власть слова — имени государя — находит свое отражение в печально знаменитом возгласе: «Слово и дело Государево!», с которого вплоть до середины XVIII века начинался политический розыск в России. Сходную функцию выполняет фраза «Откройте (пропустите) именем императора (короля)!» Примечательно, что известнейший отечественный специалист по вопросам мифотворчества А. Ф. Лосев, размышляя о диалектике мифа и давая его многочисленные определения, остановился в конце концов на следующем: «Миф есть развернутое магическое имя» [Лосев 1991: 170].

Признавая магию мифологического имени как такового, следует сказать о связи этого имени с важнейшими чертами мифологического мышления, среди которых необходимо отметить неразделение основных и второстепенных признаков предмета, его сущности и явления.

С этой точки зрения любой предмет требует тщательного и дошного описания, чтобы не потерялась его сущность, заключенная в мифологическую оболочку имени. Так, с мифологической точки зрения можно представить, что некая магическая «стольность» составляет основу мифологической сущности стола и одновременно неразделима с его именем. В таком случае, если мы изменим цвет данного стола, или немного подпилим его ножки, или достанем один ящик из этого стола, результат будет все равно одним и тем же: стол перестанет быть столом, превратится в какую-то новую, неизвестную сущность, для которой придется выдумывать новое имя, т. е. новый миф. Точно таким же образом в мифологии всегда оказывается четко определенным внешний облик того или иного божества, вплоть до цвета его плаща или формы сандалий, как это происходит в греческой мифологии. Так, бога Диониса невозможно представить без его шафранного плаща, Гермеса без его крылатых сандалий. Если Дионис скинет свой плащ, Гермес — лишится своих сандалий, а Аид передаст кому-либо свой шлем-невидимку, то они перестанут быть теми богами, которых почитали и которым поклонялись древние греки. Они

станут другими богами, с иными функциями и, конечно же, с иными именами.

Однако, создавая эти новые, параллельные божества, как произошло, например, с образами Гекаты Хтонии и Гекаты Урании в греческой мифологии, архаический человек никогда не заставлял эти божества вступать в конфликт друг с другом, осознавать принципиальную враждебность или чуждость одного образа образу другому. Ономо-мифы были различны, но не вступали из-за этого в конфликт, не отменяли друг друга в силу существования такого важного закона мифологического мышления, который Я. Голосовкер определял как *закон неисключения третьего* [Голосовкер 1987: 46]. В соответствии с логикой такого мышления миф может воплощаться и через первый, и через второй, и через третий образ-имя в силу своей метафорической природы, не поддающейся однозначному логическому истолкованию. Классический миф предстает в виде системы образных представлений, «в форме нескольких метафор, где нет... логической, формально-логической каузальности и где вещь, пространство, время поняты нерасчлененно и конкретно, где человек и мир субъектно-объектно едины» [Фрейденоберг 1978: 28]. Совершенно очевидно, что в контексте подобного мышления мифология *Чужого* как важнейшая составляющая страглитической мифологии, или мифологии борьбы, пока не сформировалась. Ее время еще не пришло. Поэтому на этом этапе развития мифологического мышления невозможно говорить о мифологии согласия как попытке преодоления этой борьбы, этого конфликта.

Первые предпосылки создания страглитической мифологии оформляются в виде осознания мифологической логики бинарных оппозиций, анализ которых был всесторонне произведен К. Леви-Стросом, французским мифологом-структуралистом [Леви-Строс 2001]. Анализируя логику архаического мышления на примере мифов индейцев племени кадувео и бороро из Южной Америки, исследователь пришел к выводу, что у этих народов четко прослеживается механизм бинарных оппозиций, лежащих в основе любого мифа и объясняющих его смысл. Поняв смысл мифа, основанного на бинарных оппозициях, среди которых встречаются такие, как жизнь — смерть, женское — мужское, верх — низ и др., мы можем не только раскрыть механизм человеческого мышления, но и понять структуру окружающего нас мира. Французский исследователь первым ввел в научный оборот столь востребованный в настоящее время термин *мифологема*, или *мифема*, понимая под ней «пучок смыслов», совокупность

которых представляет собой закодированную бинарную оппозицию. Высшая цель мифа, состоящего из группы мифологем, — примирить эти бинарные оппозиции, заменив их на менее противоположные. Этот процесс замены К. Леви-Строс назвал медиацией, или прогрессивным посредничеством, через которые миф преодолевает свои антиномии.

В этой концепции, предложенной К. Леви-Стросом, в свернутом виде уже предложена интересующая нас проблема вражды и согласия на примере мифологического материала. Так, если бинарная оппозиция задает логику борьбы мифологического материала, то мифологема, понимаемая в духе Леви-Строса, нейтрализует эту борьбу через систему медиации, посредничества, поиска медиатора, примиряющего эти бинарные оппозиции между собой.

На социальном уровне процессу функционирования бинарных оппозиций в общественной жизни людей соответствует эпоха деления первобытного коллектива на различные фратрии и рода, у каждого из которых существуют свои фетиши, свой набор тотемных животных и растений. При этом осознание принципиальной различности этих фратрий и родов приводит к первому культурному противостоянию мифологического материала, который начинает осмысляться как индивидуальный и неповторимый для каждого из этих первичных социумов. А. М. Лобок, анализируя культурно-мифологические смыслы этой первичной социальной стратификации, писал: «...фундаментальное культурное несовпадение составляет предмет непрестанной гордости любого аборигена: принадлежность к своему племени означает принадлежность не просто к определенному биологическому роду, но принадлежность к особой знаково-символической вселенной, которая подчеркнута непостижима для представителей иных племен. “Да, я — птица с красным оперением. А ты — водяное животное. А это значит, что тебе никогда не постичь меня и мою тайну. Потому что я — ДРУГОЙ ВИД (выделено А. М. Лобок. — *Е. П.*) по сравнению с тобой!” — как бы заявляет такой человек, манифестируя свою КУЛЬТУРНУЮ природу, которая оказывается для него более значима, нежели природа физиологическая» [Лобок 1997: 22].

Имея определенный тотем, фратрия или род противопоставляли себя другим фратриям или родам. Это позволило С. П. Толстову определить сам феномен тотемизма как «форму осознания связи коллектива, его единства, его противоположности другим коллективам...» [Толстов 1935: 26]. Само же противопоставление первобытных «коллективов», как правило, отражалось в мифах о борьбе между тотема-

ми. Например, у австралийских аборигенов это многочисленные мифы о борьбе клинохвостого орла с вороном.

Следующим мифологическим вариантом осознания своей инаковости является извечная оппозиция космоса и хаоса, которая реализуется в социальном плане через оппозицию первобытной дикости и цивилизации. Эта оппозиция отчетливо проявляет себя в архаическом эпосе Европы и Азии. Так, в «Одиссее» Гомера мир, в котором живет циклоп Полифем, мыслится как земля «сильных, свирепых, не знающих правды циклопов», существ диких и нецивилизованных, ведущих образ жизни каннибалов. Этот дикий мир в социуме «Одиссеи» четко противопоставляется не только земле «богоравных» феаков, живущих еще по законам золотого века, но и конкретно-историческому миру острова Итаки. В аккадо-шумерском эпосе «О Гильгамеше» встречается четкое противопоставление города-крепости Урука, в котором правит мудрый Гильгамеш, и дикой пустыни, в которой живет первобытный богатырь Энкиду, еще не познавший благ человеческой культуры: «шерстью покрыто все его тело», «пряди волос, как хлеба густые». Совершенно очевидно, что и Полифем, и Энкиду выступают в оппозиции первобытной дикости и цивилизации как представители чуждой, враждебной культурному человеку жизни, жизни дочеловеческой или античеловеческой.

Таким образом, миф входит в пространство культуры, порождая феномен культурной мифологии: «Мифология... лежит в основе любой культуры. Она определяет тип данной культуры и тип живущего в ней человека» [Косарев 2000: 40]. На этом основании А. Лобок делает вывод, что любая культура есть миф. У каждой культуры есть тайный язык, не расшифровывающийся в пространстве другого языка, другой культуры. Зато люди, живущие в одном мифе, в одной культуре, понимают друг друга с полуслова. Поэтому можно сказать, что «миф — это своего рода язык-шифр, на котором разговаривают представители одной культуры», а «суть мифа заключается в том, чтобы сделать данную культуру эзотеричной, непроницаемой для представителей других культур» [Лобок 1997: 21].

Эти рассуждения философа объясняют причину появления культурной мифологии *Чужого*, составляющей одно из интереснейших явлений культурной мифологии. Принцип организации мира в соответствии с логикой бинарных оппозиций является характерной ментальной чертой российского сознания, начиная с эпохи средневековья: «Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского средневековья располагаются в

двуполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» [Успенский 1994: 220]. В то время как на католическом Западе рядом с раем и адом есть чистилище, в соответствии с чем «в реальной жизни западного средневековья оказывается возможной широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни “святыми”, ни “грешными”, ни “государственными”, ни “антигосударственными”, ни хорошими, ни плохими» [Там же: 220], в России двуполюсная (бинарная) организация культуры сохраняется и в Петровскую эпоху, и позднее — в эпоху Просвещения. В русском сознании мифология *Чужого* всегда была предельно востребована, начиная с эпохи русского раскола, когда на смену средневековой соборности приходит ощущение принципиальной «инаковости» представителей отдельных субкультур.

В XVIII веке русская культура перестает быть «культурой единого текста», текста сакрального и образцового, но превращается в «культуру различных грамматик» [Хренов, Соколов 2001] в зависимости от существования множества различных субкультур. Возникает то, что Ю. Лотман характеризует как «культурное многоязычие» [Лотман 1996: 139]. Подобный плюрализм картин мира не мог не превратиться в поле ожесточенной культурно-идеологической, литературной и политической борьбы. Эта борьба находит свое отражение в литературных текстах эпохи, приведя к появлению так называемой культурной мифологии *Чужого*, связанной во многом с поиском образа врага.

Дифференциация культурной мифологии с точки зрения проявления в ней феномена *Чужого* осуществляется в нескольких направлениях.

Во-первых, культурная мифология может включать в себя гендерный аспект в силу осознания ею принципиальной инаковости мужской и женской культур. Самые архаические мистерии подобного рода были, безусловно, связаны с делением членов племени на половозрастные группы, в основе которого лежит бинарная оппозиция «мужской — женский». В Древней Греции детские и юношеские мистерии были ориентированы на культ бога Диониса и танцы с оружием куретов, охраняющих колыбель Зевса от Кроноса, в то время как мистерии девочек и девушек оказывались связанными с гендерной мифологией Артемиды — хранительницы девственности посвящаемых ей с 9-летнего возраста девочек. Во время этих инициаций отношения девушек и юношей с лицами противоположного пола были строго запрещены, а сами эти лица однозначно воспринимались как Чужие.

Отголоски этих взаимоотношений можно найти в известных греческих мифах, которые легли в основу литературных произведений античности. Достаточно вспомнить миф о непорочном юноше Ипполите, культ которого был распространен в городе Трезене, чье нежелание покориться власти Афродиты привело его к гибели. Еврипид сделал Ипполита героем своей одноименной трагедии, а в эпоху классицизма к этому же сюжету обратился Ж. Расин в известной трагедии «Федра». Запрет на общение с мужчинами для девочек, не достигших брачного возраста, находит свое отражение в мифе, используемом Еврипидом в трагедии «Ифигения в Тавриде». Согласно этому мифу, жрица Артемиды в Тавриде приносит в жертву всех мужчин, оказавшихся на сакральной территории богини. Отголосок этой традиции можно увидеть в мифе о гибели Актеона, случайно увидевшего девственную красоту богини Артемиды (один из сюжетов «Метаморфоз» Овидия).

В современной культурной ситуации гендерные взаимоотношения, связанные с мифологией *Чужого*, лишившись прежней «кровавости», активно проявляются в литературном пространстве женской литературы. В настоящее время никому не надо доказывать, что в женской литературе представлен принципиально иной тип сознания, чем в литературе, созданной мужчинами. Подчиняясь общим законам литературного развития, находящим свое выражение в общности жанрово-стилевых теорий, концепции развития литературно-эстетических направлений, женский текст культуры отличается принципиально иным гендерным подходом к изображаемой действительности. Так, известный финский исследователь М. Рюткенен констатирует, что поскольку «женщины писали и пишут иначе, чем мужчины, поэтому становится необходимой теория женской литературы, женского письма» [Рюткенен 2000: 5].

Второй аспект, связанный с культурной мифологией *Чужого*, заставляет нас обратиться к тенденции переосмысления концепции ономифа, являющего собой в первоначальном варианте тип первомифа. Первомиф в принципе не может строиться на бинарной структуре, так как структура первомифа обязана включать в себя образ недуализованной целостности. С разрушением этой целостности ономиф испытывает на себе влияние различных субкультур, что находит отражение во множестве вариантов его интерпретации, из которых каждая может вступать в конфликт с другой, видя в ней проявление мифологии *Чужого*. Само понятие культурного мифа представляется как слово (собственно «миф». — Е. П.) о мире, функционирующее в пределах определенной субкультуры конкретной исторической эпохи

и находящее свое отражение в литературных памятниках. Совокупность всех «слов», т. е. всех культурных мифов, дает определенную модель мира, присущую данной культуре.

Особенно отчетливо это проявляется на примере культурной ситуации XVIII — первой трети XIX века, когда существовали субкультуры масонов и вольтерьянцев, денди и лиминариев. В качестве примера можно обратиться к ономомифу Вольтера, который в указанный хронологический период воспринимался не просто как писатель и философ, но как символ своей эпохи, отношение к которому определяло место человека в системе культурной стратификации общества.

Так, первый вариант прочтения мифа, наиболее близкий к истине, гласил: *Вольтер — великий писатель и вождь Просвещения, борец со средневековыми феодальными предрассудками и религиозным фанатизмом*. Именно так воспринимали фигуру Вольтера русские писатели эпохи классицизма: В. Тредиаковский и А. Сумароков, императрица Екатерина II, которая утверждала, что с тех пор, как попались ей в руки сочинения Вольтера, она «не переставала их читать и не желала читать никаких других книг» [Философическая... переписка 1802: 4]. Она также называет его «ходатаем за человеческий род и защитником угнетенной невинности» [Там же: 12]. Вольтер для Екатерины — символ Просвещения вообще.

Второй момент, связанный с феноменом вольтерьянства в России, — миф о *Вольтере-безбожнике, Вольтере-атеисте, «полномочном министре ада»*. Такой взгляд на Вольтера был характерен для многих русских просветителей 70–80-х годов, особенно принадлежавших к масонской субкультуре. Миф о Вольтере-безбожнике нашел свое отражение и у Д. Фонвизина — «Послание к слугам моим», «Чисто-сердечное признание о делах моих и помышлениях», частично «Письма из Франции», «Недоросль».

Третий культурный миф вольтерьянства был связан с представлением о Вольтере как *вожде либертизма, проповеднике безнравственности и свободной любви*. Традиция восприятия такого модного вольтерьянства пережила XVIII столетие и отразилась во многих мемуарных текстах эпохи. Можно вспомнить в связи с этим образ А. Карамышева в «Записках» А. Лабзиной, который не только отучал свою юную супругу от «поста», но и приучал ее к «свободной любви», в соответствии с которой и муж имеет любовниц, и жена должна иметь любовников, и все это называется «жизнью без предрассудков». Ш. Массон рассказывает о «физическом клубе» в Москве, где совершались бесстыдные оргии. С. Жихарев называет его «Евин клуб». Во

всех случаях культивирование разврата рассматривается как подражание Вольтеру.

Следующий момент искушения вольтерьянством был связан с феноменом *самоубийства по идейным соображениям, в связи с разочарованием человека в окружающей его действительности и потерей веры в бессмертие человеческой души*. Основанием для этого культурного мифа стал знаменитый «Метафизический трактат» Вольтера, главы которого звучат следующим образом: «Существует ли Бог», «Имеет ли Человек душу, и что она может собой представлять», «Бессмертно ли то, что именуется душой».

Выраженные в трактате «вольтерьянские» сомнения породили самый трагический культурный миф имени Вольтера, звучащий в России следующим образом: *если нет бессмертия души, а может быть, и Бога, то не для чего жить*. В XIX веке уже герои Достоевского будут ставить вопрос иначе: если Бога нет, то все позволено. Такое культурное мироощущение нашло отражение в повести М. Сушкова «Русский Вертер», а также в феномене самоубийства самого М. Сушкова и ряда других молодых русских дворян-вольтерьянцев. К примеру, И. Опочинин, молодой ярославский дворянин, застрелившись, оставил письмо-завещание, в котором он цитирует «Молитву» Вольтера из «Поэмы об естественном законе».

Наконец, уже в конце 80-х — начале 90-х годов XVIII столетия в атмосфере начавшейся в Европе (и в России) реакции, связанной с событиями Французской революции, начинает складываться еще один, последний вольтерьянский миф русской культуры — *миф о Вольтере — организаторе Французской революции*, который неожиданным образом объединил позиции масонов и императрицы Екатерины: с началом Французской революции она велела, по воспоминаниям графа Сегюра, вынести бюст Вольтера из своего кабинета.

Примечательно, что все эти культурные мифы, связанные с именем Вольтера, существовали в одно и то же время (вторая половина XVIII века) в пределах русской дворянской культуры, неизменно вступая в конфликт друг с другом, наподобие того как конфликтовали представляющие их субкультуры, например масоны и вольтерьянцы.

Последний аспект, связанный с мифологией Чужого и его культурными манифестациями, касается создания мифологии национальных взаимоотношений. Первые подобные мифы возникли еще в эпоху античности и, как правило, они были связаны с традицией литературы путешествий. Достаточно вспомнить историю возвращения на родину Одиссея, когда он оказывается то на острове одноглазых

циклопов, то на земле кровожадных лестригонов, то у лотофагов, которым дарят забвение цветы лотоса.

В этом случае неизменно действует один принцип: образ жизни людей другой земли, их внешний облик должны принципиально отличаться от образа жизни и внешности людей той земли, к которой принадлежит путешественник. Тем самым мы выходим на классическую бинарную оппозицию «свой — чужой», в основе которой, как это доказывал В. Я. Пропп, лежит противопоставление этого (земного) и иного (загробного) миров [Пропп 1946]. При этом жизнь в загробном мире организована по прямо противоположным человеческому миру законам. Поэтому, когда на земле тепло, там — холодно, когда на земле светло — там темно и т. д. Если на земле человек ест и пьет, то в загробном мире он должен воздерживаться от приема пищи, если не хочет остаться там навсегда. Разумеется, эти классические мифологические законы преодолеваются уже в жанре сказки, когда главный герой, например Иван Царевич, требует от Бабы-Яги, чья избушка на курьих ножках, стоящая на опушке леса, является своеобразной границей между тем и этим мирами, чтобы она его накормила и напоила. Тем самым герой выражает свою готовность к путешествию по иному миру без ущерба для себя самого.

Для русской культуры эпохой, когда русское общество ставит вопрос о проблеме национальной самоидентификации, была вторая половина XVIII века. Именно в это время начинается формирование культурных мифов о России в Европе и системы российских мифов о Европе и отдельных европейских странах. Возникла идея о принципиальной *нетождественности* России и Запада.

Именно в это время в Западной Европе появляются попытки «изобрести Восточную Европу», пользуясь терминологией американского политолога Ларри Вульфа, как некоего отсталого двойника Европы западной, ждущей от нее света Просвещения [Вульф 2003]. При этом на Западе активно культивируется мифология русского кнута и телесных наказаний как отличительной черты славянской цивилизации, позволяющей отождествить ее с восточными деспотиями. А это, в свою очередь, оправдывало европейское вмешательство в дела России, начиная с дипломатического давления и кончая прямым военным вторжением в «страну рабов», осмеливающуюся влиять на европейские дела.

Кульминацией подобных настроений можно считать знаменитый «Отчет» о путешествии в Сибирь аббата Шаппа д'Отероша, члена королевской Академии наук, который во второй половине XVIII века ездил туда посмотреть на затмение Венеры. Попутно д'Отерош в сво-

ем «Отчете» приводил уже бытующие в Западной Европе культурные мифы о России, многие из которых включали в себя большую долю истины. Так, аббат называл Россию страной вечной зимы, заявлял, что русских можно заставить работать только с помощью тумачков, чиновники в России — маленькие тираны, народ в России развратен и плохо питается, так как в России очень много постов, в России много болезней, а сама Сибирь — необжитой и холодный край и т. д.

Эти воззрения французского аббата на Россию вызвали гнев императрицы Екатерины II, которая ответила на них в 1770 году своим «Антидотом» («Противоядием»), стараясь доказать, что взгляды аббата — это прежде всего взгляды врага, ненавидящего Россию и стремящегося ее всемерно дискредитировать. Она пишет: «Цель аббата — представить русский народ одичалым и погруженным в крайнюю нищету. Он хочет, чтобы все было дурно; подумаешь, что он подкуплен для того, чтобы все представлять в мрачном и ненавистном свете» [Екатерина II 1869: 246].

Вступив в полемику с аббатом на страницах «Антидота», русская императрица, в свою очередь, занимается творением патриотических мифов, в котором Сибирь (в XVIII веке включающая в себя, кстати, и Урал. — *Е. П.*) описывается как «золотое дно», как настоящий «золотой век». Она пишет: «Почти нет страны, для которой природа была бы столь щедра, как для этой Сибири. Она походит на страну баснословную, оттуда русская поговорка: Сибирь — золотое дно. Горы хрусталя, яшмовые скалы, пригорки разноцветных мраморов вперемежку с грядками золота, серебра, меди и железа, вот в этой стране произведения природы, которая кажется вам оцепенелую» [Там же: 256]. Наконец, в финале этого панегирика Екатерина восклицает: «Я горжусь именем русского!»

Отражая нападки Европы, россияне также стали смотреть на Европу, прежде всего на Францию, как на «чужую» землю. На смену галломании приходила галлофобия, которая призвана была дискредитировать родину Просвещения в глазах россиян с целью заставить их отказаться от слепого подражания галлам. Так, «Письма из Франции» Д. Фонвизина можно назвать классическим текстом, в котором разрушается культурный миф о Франции как носительнице европейского Просвещения, образцовой стране для подражания для всей Европы. При этом объектами критики, часто достаточно желчной и бескомпромиссной, оказываются все сферы французской жизни, начиная от государственного устройства страны и кончая французскими нравами. Во всех случаях «чужой» французской жизни противопос-

тавляется «своя, русская», не оцененная русскими современниками Фонвизина по достоинству.

Так, «мнимой вольности» французов, заключающейся в отсутствии крепостного права, Фонвизин противопоставляет «действительную вольность» русского народа при полном отсутствии в России «вольности по праву». Во Франции, в отличие от России, нет генерального плана воспитания юношества, в результате чего «юношество учится, а не воспитывается». Французские просветители, в том числе и прославленные авторы «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбер, получают от Фонвизина прозвища «шарлатанов», которые «народ обманывают за деньги», присовокупляя к сребролюбию «беспримерное тщеславие». Не вызывает уважения у Фонвизина и французский национальный характер, почти во всем противоположный характеру русскому. Французы не имеют разума, предпочитая ему остроумие, больше всего на свете боятся оказаться смешными, любят праздники и развлечения, ветрены и непостоянны, не признают дисциплины и порядка, очень много говорят и чрезмерно вежливы, что заставляет их соглашаться с любым мнением собеседника.

Что касается французского быта и обычаев, то они вызывают еще большую критику русского путешественника. Так, Фонвизин решительно шокирует нечистота и смрад французских улиц, так что ни в одну деревню нельзя въезжать, «не зажав носа». По мнению писателя, и «...сам Париж немножко почище свиного хлева» [Фонвизин 1959: 150]. Не нравится Фонвизину во Франции плохое столовое белье, которое «так толсто и так скверно вымыто, что гадко рот утереть» [Там же: 429]. Его раздражают традиция церковного хорового пения: «Этаких козлов я и не слыхивал» [Там же: 425], народные развлечения, например кукольный театр, пользующийся во Франции XVIII века большой популярностью. Он пишет с раздражением: «Народ здешний с природы весьма скотиноват. Я думаю, что таких ротозей мало водится» [Там же: 428] и т. д. Огромное количество подобных примеров, приводимых в письмах, нужно Фонвизину только для того, чтобы сделать безапелляционное заключение: «Словом сказать, господа вояжеры лгут бессовестно, описывая Францию земным раем» [Там же: 420]. Разумеется, Фонвизин видел во Франции и много хорошего, начиная с благодатного климата и кончая развитой системой мануфактур. Он не скрывает этих обстоятельств, но по возможности уделяет им как можно меньше места, обращая свое внимание на негативные стороны французской действительности.

Таким образом, создание национальной мифологии Чужого, столь

актуальной для русского XVIII века, для Фонвизина стало символом становления национального сознания русской нации, подготовленного успехами России на международной арене. Сам ход истории предопределил в это время центристское развитие России, которое впоследствии было усилено внешнеполитическими обстоятельствами: политической изоляцией России от Европы в эпоху Революции и наполеоновских войн, когда Россия ощущала себя хранительницей старого порядка в Европе. Победоносная для России кампания 1812–1814 годов довела это национальное чувство до исступления. На короткое время в одном национальном лагере оказались и консерватор граф Ф. Ростопчин, и будущие декабристы М. Лунин и С. Волконский. А. С. Пушкин прекрасно передал это чувство народного единения в повести «Метель». Так мифология вражды готовила почву для мифологии согласия.

Одной из важнейших мифологических составляющих единого социокультурного пространства мифа становится оппозиция профанной — сакральной земли. При этом образцом сакральной земли является обжитая, окультуренная людьми земля, абсолютным воплощением которой является ее сакральный центр (пуп земли). Символом сакрального центра может быть мировая гора, культовое сооружение, например храм или город.

Мифология города занимает исключительно важное место в мифологическом сознании любого народа. Образ города является наилучшим воплощением символики ландшафта вообще, отражением «сакральной географии», так что «общее расположение города с его храмами, цитаделями никогда не было случайным или произвольным» [Кэрлот 1994: 149]. Город рассматривался как естественный центр Вселенной, поэтому требовалось «воспроизвести на его плане устройство мира, описанное в космогонических мифах (небесный свод поддерживают четыре кариатиды — части земли, а сама она покоится на четырех столбах)» [Жюльен 2000: 80].

Если обратиться к символике города как такового, то для европейского христианского сознания образцом такого города будет, конечно, Небесный Иерусалим, описание которого мы находим в Апокалипсисе Иоанна Богослова. Небесный Иерусалим, «святой город, новый, сходящий от Бога с Неба, приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего», не случайно имеет форму квадрата. Это соответствует архаическому идеалу градостроительства, так как квадрат — символ стабильности, устойчивости, вечности. В Небесном Иерусалиме, в соответствии с его христианской символикой, каждая сторона

квадрата имеет в длину 12 000 стадий (12 — число апостолов, умноженное на 1000 — космическое множество). На каждой стороне квадрата расположено трое ворот (символика Бога отца, Бога сына, Святого духа). Материя, из которой выстроен город, «святоносна» — «прозрачное стекло», «жемчуг», символизирующий собой духовный свет.

Квадратными или, в крайнем случае, прямоугольными городами были великие города древности — Александрия, Рим, Пекин, Вавилон.

Обычно город-квадрат был разделен на четыре части двумя дорогами, идущими с севера на юг и с запада на восток и пересекающимися под прямым углом. Эти дороги не только давали сакральную ориентацию на четыре части света, но и выполняли функцию своеобразной оси мира, будучи связанными с небом и звездами. Так было в Риме и Александрии.

Мифологическая модель идеального города обычно в точности повторяет образ мандалы (в переводе с санскрита «священный круг»). Мандала, по словам Жюльен, — «это космограмма, геометрическая проекция Вселенной» [Жюльен 2000: 235], которая состоит из квадрата, вписанного в круг, разделенный на три части. Принцип мандалы определяет философскую модель и европейских городов. Прямоугольные планы городов вырастали из ритуальной круглой границы. «Они являются *quadrata* в обоих смыслах: как разделенные на четыре (части) двумя главными улицами и снабженные четырьмя воротами и в то же время более или менее “квадратные”. Круг и план города не согласуются. Даже в сложных территориальных условиях идеальные геометрические формы твердо соблюдались. Теоретически эта форма может быть понята лишь как *квадрат внутри круга*» [Кериньи 1997: 24].

На Урале мифология города была неразрывно связана с мифологией горы, так как Урал был горным краем, и, соответственно, город-столица являлся горным городом, городом-заводом. Сам уральский горный топоним воспринимался как Каменный пояс России. Камень же в фольклоре и мифологии многих народов традиционно понимается как «некая основа, центр мира... скрепляющий небо и землю» [Турускова 2003: 222]. Одновременно он несет в себе «символ Божественного присутствия, духовного влияния», включает в себе «защитные и оплодотворяющие силы», является «средоточием Божественных токов и космической энергии» [Жюльен 2000: 167]. У П. П. Бажова камень — основной символ сказов и одновременно бытийная данность для Урала — каменного царства по сравнению с Центральной Россией. Идеальным воплощением каменного царства являются горы, заклю-

чающие в себе представление о духовной высоте центра мира как «символе превосходства, вечности, чистоты, постоянства, подъема, устремленности, вызова» [Трессидер 1999: 62]. Не случайно в большинстве сказов Бажова идеальным топосом являются именно горы.

При этом семантика горного топоса, пространственного континуума горы четко подчиняется оппозиции «свой — чужой». «...Свое и чужое пространство взаимопроникаемы. Центральным пространственным образом является образ Горы, задающий вертикальную модель мира. Гора является хранителем сути и тайны бытия, поэтому она сакрализована. Гора объединяет верхний и нижний миры... Таким образом, для человека горнозаводского поселка Гора одновременно является и жизнью, и смертью; и благоприятным, и неблагоприятным; в конечном счете, и своим, и чужим, точнее, — это *освоенное чужое*... В непосредственной близости к Горе расположен завод (заводской поселок), жители которого работают в Горе и вступают с ней в прямой контакт. При этом власть Горы распространяется не только на самих горщиков (Степана, Данилу, Ганю Зарю), но и на членов их семей (Катерину, Настасью, Таютку). Пространство Завода, являясь своим, не вполне свободно от власти Горы, — это *отчужденное свое*» [Харитоновна 2004: 8]. В то же время «социальный мир, удаленный от Горы, — это мир профанный, воспринимаемый Хозяйкой Медной горы и жителями поселка как совершенно инородный и потому отторгаемый» [Там же: 9].

Часто с городом были непосредственно связаны космогонические мифы — мифы творения, как это произошло, например, с Петербургом, когда основание нового города стало рассматриваться как символ наступления совершенно новой эпохи в истории России. Если символом новой эпохи стал Петербург, о котором говорили как о городе-«парадизе», «северной Пальмире», то сакральным символом Петербурга, без сомнения, стал Медный всадник, созданный скульптором Фальконе. Петр простирает руку над завоеванной Ингерманландией, подняв коня на дыбы на пустынной скале, сзади — раздавленная гидра, символ перенесенных трудностей. Так произошла антропоморфизация сакрального пространства Петербурга.

Для сравнения — в Екатеринбурге завершением процесса мифологизации топоса города можно считать воздвижение на Плотинке статуй «отцов-основателей» — В. де Геннина и В. Татищева. Как бы критически ни относились к этим «истуканам» часть горожан, местных политиков и средств массовой информации, непреложным остается факт: антропоморфизация сакрального пространства города за-

вершилась именно с появлением этих мифологических антропосимволов. Закономерно, что именно в последнее десятилетие, на которое приходится пик культурной ремифологизации в нашей стране, в Екатеринбурге появилось много антропосимволов. Например, конный памятник К. Жукову, символизирующий собой бранную славу не только России, но и Урала как «опорного края державы»; скульптурное изображение царской семьи около Храма на Крови — напоминание об эсхатологической эпохе брагодубивственной войны. Наконец, сам памятник В. Татищеву и В. де Геннину является символическим не только для Екатеринбурга и Урала, но и для всей Петровской эпохи «начала начал». Екатеринбургские «истуканы», смотрящие на Запад, в сторону Петербурга и Европы, символизируют собой не только единство военной и гражданской власти в крае, но и неразрывную связь русского и европейского начал в истории России в целом и Урала в частности.

Существует определенная закономерность: чем более переломной, «эсхатологической» мыслится та или иная историческая эпоха в сознании своих современников, тем легче происходит переориентация их мышления на мифологические законы. Прежде всего это касается мифологии имени, вернее, мифологии переименований. Каждое новое имя — новый культурный миф. Эта традиция четко прослеживается в культурном мифотворчестве эпохи Французской революции. А. В. Чудинов писал по этому поводу: «То, что нельзя было сразу разрушить, переименовывали. Около 1400 улиц Парижа, а также большинство исторических мест получили новые названия: Монмартр — Мон Марат (гора Марата), Собор Парижской Богоматери — Храм Разума и т. д. Всего свои наименования поменяли около 600 городов (из них 30 были названы в честь Марата). Менялись также имена людей и вещей. Граждане публично отказывались от прежних и брали новые: античные (Аристид, Гракх, Анаксагор), природные (Одуванчик, Ревень) или революционные (Цивилизация — Жемапп — Республика). В шахматах и картах исчезли “короли” и “королевы”, “рыцари” (шахматные кони) и “валеты”, им на смену пришли “свобода”, “равенство”, “братство”» [Чудинов 2000: 54].

Это культурное мифотворчество эпохи Французской революции напоминает перипетии нашей отечественной истории, когда города активно переименовывались в эпоху становления Советской власти, а затем им возвращалось их историческое мифологическое имя. Так было с Петербургом (Петроградом) — Ленинградом — Петербургом, так случилось и с Екатеринбург — Свердловском — Екатеринбург —

гом. Можно ли сказать, что в процессе переименования меняется только имя? Нет, меняется именно культурная мифология города, его культурно-историческое предназначение. Если Петербург был «рожден имперской стать столицей» (Н. Коржавин), то Ленинград вошел в мировую историю героической «ленинградской блокадой». И трудно себе представить, чтобы такое могло произойти с Петербургом, с городом, которому «снится скилтр державный». Точно так же и новый Екатеринбург с его имперскими претензиями стать «третьей столицей» мало напоминает тот Свердловск, о котором пелось в известной песне 60–70-х годов XX века: «Пусть над перекрестками не гаснут огоньки, нам улицы свердловские знакомы и близки». Этот знакомый провинциальный рабочий город неоднократно воспевался Е. Хоринской, воспевавшей: «Но только роднее Свердловска нигде городов не найдем». Этот «милый» и «родной» Свердловск противопоставлялся в сознании его жителей образу грозного Урала, «опорного края державы» и «кузнеца победы».

Культурная мифология нового Екатеринбурга другая, и она вырастает и из мифологии Свердловска, и из мифологии Екатеринбурга дореволюционного. Таким образом, «мифология, подобно отсеченной голове Орфея, продолжает петь даже после смерти, и пение ее доносится издалека» [Кереньи 1997: 15]. Специфика мифологического сознания представляет собой симбиоз прошедшего с настоящим, когда поступательное движение вперед опирается на пройденное.

В. В. Блажес

Мифология города Екатеринбурга (XVIII век)

«Прежде всего нужно сказать, что Екатеринбург был единственным горным городом во всей России, и весь склад его жизни выстроился по специальному уставу» [Мамин-Сибиряк 1983: 304]. Эта уникальность Екатеринбурга, отмеченная известным писателем и знатоком Урала, обусловлена своеобычностью промышленного освоения региона, поэтому прежде чем говорить о мифологии столицы горного края, следует сказать, хотя бы в общих чертах, о духовном освоении народом этого края. Приехав на Урал, люди оказались на новой территории жизни, и они должны были это природное пространство обжить, т. е. познать, осмыслить, ценностно упорядочить, иными словами, освоить, чтобы чужая территория стала малой родиной, вообще родиной, отечеством.

В последнее десятилетие в печати появилось несколько работ по истории Екатеринбурга, написанных Н. С. Корепановым на основе документов архивного фонда Уральского горного управления. Это очень содержательные публикации, дающие представление не только о социально-административном развитии города и власти имущих, но и о простых горожанах, солдатах, арестантах, заводских рабочих, шарташских староверах, местных ведьмах, чувовских разбойниках и т. п. При этом историк часто приводит уникальную фольклорно-этнографическую конкретику, которая значительно расширяет наши знания по народной культуре Урала XVIII века. Только благодаря работам Н. С. Корепанова оказалось возможным обратиться к такой теме, как мифология Екатеринбурга XVIII века.

1. Промышленное освоение Урала началось в XVII веке. Основой металлургии сначала были мелкие железоделательные промыслы крестьян, посадских людей. Эти, так называемые «мужицкие», заводы возникали по народной инициативе, они положили начало сыродутному производству железа. В Петровскую эпоху произошел крутой перелом в развитии металлургии на Урале. Началось строительство крупных железоделательных предприятий, медеплавильных заводов. Государство поощряло частную инициативу в промышленном освоении России, и в частности Урала. В 1719 году была обнародована Берг-Привилегия — государственный документ, который предоставлял право всем желающим искать месторождения, строить заводы на Урале, освобождал от государственных налогов, а мастеровых и рабочих людей — от рекрутчины. Это сыграло большую роль в освоении края: на Урал стекался люд со всей России, началась закладка новых заводов на Среднем, Южном и Северном Урале, в Камском Приуралье — счет действующим предприятиям к середине XVIII века пошел на десятки. К концу XVIII века их было построено около двухсот, и Урал превратился в мощный промышленный регион, продукция которого успешно конкурировала на мировом рынке. Следует добавить, что золотое богатство Российского государства в конце XVIII — начале XIX века также было обеспечено Уралом.

1.1. Крупные металлургические предприятия строили в первую очередь мастера, кузнецы «мужицких» заводов, а также уральские крестьяне. На государственные заводы «по указу» переводились мастеровые с других предприятий России, частные предприниматели перевозили мастеров с семьями из подмосковных, олонецких заводов. Значительно пополняли ряды рабочих пришедшие люди (беглецы, сходцы, беспаспортные — так их называли в то время), в основном это были государственные, дворцовые, монастырские крестьяне. Наибольшее число пришедших в первой половине XVIII века дали Казанская, Архангельская, Нижегородская и Московская губернии. После указа 1721 года, разрешающего покупать крепостных к заводам, на Урал начали привозить крестьян из центральных и южных губерний России. Приходили на заводы раскольники, спасаясь от гонений, и становились, как правило, хорошими рабочими. Таким образом, в числе уральских рабочих оказались выходцы из разных губерний, разных социальных слоев, люди разных религиозных убеждений. По данным Г. Н. Чагина, к середине XVIII века русских на Среднем Урале насчитывалось 175 570 человек, или 78,89 % общего показателя населения [Чагин: 1995: 73].

2. В сознании русского человека XVII–XVIII веков Урал был пограничной территорией между Европой и Азией, между Россией и Сибирью. И хотя Урал в то время часто именовался Сибирью или Камнем, за ним все-таки сохранялся статус границы между Россией и «не Россией» (т. е. Сибирью). Урал (Камень) сознательно гиперболизировался как рубеж двух территорий; например, Савва Есипов писал в своей летописи (1636 г.): «Сих же царств Росийскаго и Сибирьские земли, облежит Камень превысочайший зело, яко досязати инем холмом до облак небесных, тако бо Божиими судьбами устройсь, яко стена граду утверждена». Никифор Венюков, дважды пересекавший Сибирь в составе посольств в Китай, создал в 1685 году «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства», в котором отмечал: «Камень — граница между Московским и Сибирским царств 2000 поприщ (примерно 1400 км. — В. Б.) ...лежит от моря-океана Поясом до моря Хвалынского» [Титов 1890: 60–61].

2.1. Что касается переселенцев XVIII века, то они противопоставляли Урал и Россию, не называли его Россией, и это противопоставление держалось в языковом узусе и культурном сознании едва ли не до начала XX века, когда еще говорили «эта песня расейская», «солдатом служил в Расее», «нас привезли всей деревней из Расеи» [Бирюков 1953: 94, 95]. Даже во второй половине XX века в семейно-родовых преданиях сохранялись сведения о прошлой «расейской» родине [Блажес 1978: 37–53]. Показательно, что в региональном фольклоре фактически отсутствует мотив печали, тоски по прежней родине, желание вернуться обратно — уже в XVIII веке Урал считало родиной второе-третье поколение переселенцев. Те же рекруты, приписанные к заводам и работавшие на них, заводили семью, домашнее хозяйство, и по истечении срока не возвращались в родные деревни, оставались до конца жизни на Урале, а их сыновья уже были потомственными рабочими.

3. Переселенцы познавали свою новую родину в первую очередь опытным путем, потому что находили следы жизнедеятельности аборигенов (которых именовали чужью, чужинами, чуцками, чужью белоглазой и т. п.): городища, могильники, курганы, различные предметы домашней утвари, украшения, кожаные вещи — рукавицы, шапки, сумки. В нашем распоряжении нет записей преданий первой половины XVIII века, но их слышал и передавал, например, В. И. Геннин. Он писал о чудском городище «близ Екатеринбургa», где был найден идол из красной меди, отмечал открытие месторождения меди в древних чудских копиях: «В 1702 году по Полевой речке на Гумешках, вверх по

Чюсовой реки, в старых чутских копищах найдена медная руда крестьянами Арамилской слободы Сергеем Бабиным да Уткинской слободы Козьмою Сулеевым» [Геннин 1937: 540].

Следы чудской материальной культуры способствовали созданию мифологизированной истории Урала в форме устных преданий. В них чудь представляла как коренной народ Урала, живший своей жизнью: были князья-предводители, имели место военные конфликты, победы и поражения; чудь занималась меновой торговлей, хлебопашеством, добычей и обработкой металла; перед приходом русских («белых людей», «христиан») в лесах появилось белое дерево (береза) и чудь ушла в землю [Иванов 1881: 10; Городцов 1906: 113; Мауэр 1925: 8]. Первым русским человеком в преданиях назывался Ермак, который выступал в различных ипостасях — как справедливый разбойник, отважный землепроходец, смелый воин, наделенный волшебными или чудесными способностями, а также проводник христианства, верно-подданный Ивана Грозного. В уральских преданиях он иногда характеризовался как волжский разбойник, осознавший свою вину перед государем и искупивший ее разгромом Кучума — можно указать на произведение «Ермак взял Сибирь» из репертуара Кириши Данилова, работного человека Демидовых в первой половине XVIII века [Сборник Кириши Данилова 1977: 68–69]. В одних преданиях уход чуди в землю трактовался как гибель в знак протеста против Ермака, в других говорилось, что чудь не покинула своей родины: она ушла в землю и там живет, сделав подземные ходы, соединяющие разные места Урала и уходящие в другие регионы, например в Сибирь, на Алтай [Зырянов 1860: 3; Очерки 1841: 4; Берх 1821: 119].

3.1. Важно подчеркнуть, что в преданиях переселенцев XVII–XVIII веков Урал до прихода русских — это не дикое пространство, а древний промышленный регион. Создавая его историю, переселенцы опирались как на следы пребывания Ермака на Урале, так и на реальные факты жизнедеятельности аборигенов, и были глубоко уверены в истинности своих преданий (кстати, те же городища и курганы фигурировали в устных рассказах как доказательство достоверности сообщаемой информации). Фактически это было народным духовным освоением Урала, «наделением» его мифологизированной историей, в которой тема открытия месторождений по чудским копиям связывала былое с современностью, древнее время с настоящим.

3.2. Включенность населения в поиски полезных ископаемых была сопряжена с познанием и определенной непознаваемостью горно-гео-

логических залеганий, поэтому следовали объяснения «в воображении и при помощи воображения». П. П. Бажов писал:

С помощью «тайной силы» неграмотный горнорабочий и старатель прошлого прежде всего хотели объяснить себе многие непонятные явления, которые приходилось наблюдать при горных работах.

Откуда так много богатства в Гумешках?

Десятки лет сотни людей надрываются над добычиванием и подъемом руды, а ее не убывает. Почему это? И фантастика дает простой и четкий ответ: Гумешки — это склад, оставшийся от «старых людей», которые сюда захоронили все богатство.

Откуда самородки в верхних пластах?

Те же «старые люди» разбросали...

Куда исчезла золотиносная жилка?

Полоз отвел золото.

Как оказалось золото внутри кварца?

Змеевка прошла, на ее пути остались золотые блестики и капельки [Бажов 1976, т. 2: 320–321].

Рабочие рассказывали бывальщины, предания о земных богатствах, их фантастических хозяевах, чудесных помощниках, «знатких» людях, заветных словинках и т. п. Языческая демонология трансформировалась в сознании и устах простого люда в зооморфные и антропоморфные образы хозяев природных богатств, хранителей и распорядителей земными ценностями, а контакты человека с ними регламентировались принципами народной этики. Тяжелые условия труда в рудниках порождали мысли о помощи представителей «тайной силы». Поскольку начальство было суеверным, как и рабочие, последние вводили в свои рассказы разного рода ограничения: например, утверждалось, что рабочих нельзя бить под землей, во владениях Малахитницы, что она сурово наказала одного приказчика, нарушившего запрет [Там же: 321, 322]. Вполне объективное представление об этом мифологическом цикле дают «гумешевские» сюжеты, воспринятые П. П. Бажовым от В. А. Хмелинина в Полевском заводе в конце XIX века. Позже П. П. Бажов написал на их основе сказы, в которых оставил нетронутым содержание фантастических образов Малахитницы, Великого Полоза, Огневушки-Поскакушки, бабки Синюшки, девки Азовки, Голубой змейки, козла Серебряное копытце, синего паука, гукающего филина, змеевок, ящерок, земляной кошки со светящимися ушками, горных муравьев и т. д., — это недавно доказала Н. А. Швабауэр в своей кандидатской диссертации «Типология фантастических образов в фольклоре рабочих России и Западной Европы», защищенной в 2002 году. Она сравнила смысловое наполнение

бажовских персонажей и содержание подобных образов английских, немецких, французских, чешских, польских горняцких преданий и легенд XVIII–XIX веков и показала их типологическую идентичность.

3.3. Только заводское производство — литье, прокат, обработка металла — неподвластны народной мифологизации, это исключение. В него не входит социально-общественная сфера, и главным здесь было понимание простым людям государственной политики в промышленном освоении Урала, роли частного капитала, взаимоотношений заводовладельцев с государством, с казной и т. п. Все эти актуальные вопросы осмыслились людьми в образной форме с помощью «наглядных», почти наивных сюжетов, содержащих тем не менее массовую оценку, народное отношение к власти имущим. В них весь частный капитал, десятки владельцев заводов персонифицированы в фигуре Демидова, а государство, казна — в образе Петра I. Поскольку соревновательность лежит в основе трудовой деятельности, бытовой жизни народа, Демидов и Петр I часто оказываются в ситуациях «кто кого», и нужно продемонстрировать мастерство, физическую силу. Варианты сюжетов: Петр I предлагает Демидову починить испорченный пистолет немецкой работы — Демидов изготовил точную копию, и царь в награду отдал Невьянский завод; Демидов не только отремонтировал пистолет Петру, но и сделал такой же — Петр I не смог их отличить и наградил землей под заводы; Демидов делает подковы — Петр I легко разгибает их; Петр I ломает подковы, сделанные Демидовым, и предлагает согнуть серебряный рубль — Демидов успешно справляется с этим (или рвет металлический рубль как бумажный (см.: [Кругляшова 1974: 119–121, 123–139])).

3.4. Таким образом, промышленное освоение Урала было в первую очередь освоением приезжим народом незнакомой российской территории, превращением ее в малую родину, где дом, семья, хозяйство. Благополучие жизни переселенцев непосредственно зависело от результативности их связей с природной средой. Добыча различных руд, других полезных ископаемых, необходимых для выплавки чугуна и меди, а также производство древесного угля, эксплуатация водной энергии гидротехникой, сплав заводской продукции по рекам — это был тяжелый, иногда очень опасный труд. Но так выстраивались и взаимоотношения переселенцев с уральской природой: люди брали требуемое от природы, и этот процесс одновременно влиял на людей, на их профессиональный, культурный, ментальный облик. Например, среди рабочих появляются отличные знатоки горного дела, мастера производства, уже к 30-м годам «доменные и плотинные мастера и

подмастерья держались почти кастой», а «молотовые мастера и подмастерья стали первыми среди заводских рабочих» [Корепанов 2001: 58, 60]; появились «вымысленники» (так в XVIII века иногда называли изобретателей). В биографическом справочнике А. Г. Козлова приведены имена десятков творцов техники, вышедших из рядовых рабочих [Козлов 1981].

4. Поощряя частную инициативу, государство вкладывало значительные средства в строительство казенных заводов и осуществляло управление обширным горным краем. Именно поэтому в 1721 году началось строительство Екатеринбурга, административного центра, столицы горного края. Значение завода-крепости на Исети было подчеркнуто названием — Екатеринбург, которое выбрал В. И. Геннин, один из основателей города.

4.1. Двойственность, двоякость, бинарность изначально присущи городу Екатеринбургу. Основателями его были В. Н. Татищев, русский государственный деятель, писавший также ученые труды, и голландец по происхождению В. И. Геннин, храбрый офицер, талантливы́й инженер и организатор промышленного строительства, — в этом слиянии русской и европейской духовности ощутимо проявление мощной созидательной деятельности Петра Великого.

4.2. В. Н. Татищев выбрал место для города, начал его строительство, и получилось так, что Екатеринбург оказался фактически на границе двух континентов — Европы и Азии, он одновременно европейский и азиатский, можно сказать, евразийский. Позже, в 1734 году, когда В. Н. Татищев вернется в Екатеринбург, он будет способствовать тому, чтобы Сибирский Обер-бергамт был официально переименован на русский лад и в его названии явлен именно евразийский смысл: возникла Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов.

4.3. Как уже было сказано, название города инициировал В. И. Геннин: он обратился к царице за милостивым согласием и получил его. Для В. И. Геннина было важно, что святая Екатерина — покровительница горного дела, поэтому первая церковь в Екатеринбурге — это церковь Св. Екатерины, которая была заложена в 1723 году и освящена в 1726 году.

В. И. Геннин уверенно соотносил святую Екатерину и Екатерину Алексеевну, и его нисколько не смущало прошлое царицы. Все знали, что она, попав в 1702 году в плен, стирала солдатское белье, была любовницей унтер-офицера, затем ее красоту заметил фельдмаршал Шереметев и взял в наложницы. У Шереметева ее забрал более могущественный Меншиков, который вынужден был уступить ее Петру, и по-

следнему она родила до брака двух дочерей. Просматривается та же двойственность: город назван в честь царицы, поведение которой в молодости было весьма далеким от христианского идеала и не отвечало значению ее имени (от лат. *kathrios* — чистый) [Петровский 1966: 108].

4.4. Стоит обратить внимание на то, что она, крестьянка, при рождении была наречена Мартой, в евангельской огласовке — Марфой, т. е. госпожой (от арамейск. *marta* — госпожа) [Там же: 154]. Причем у евангелистов Марфа — сестра Марии и Лазаря, того самого, которого Иисус воскресил на четвертый день после его смерти; у евангелистов говорится также, что Марфа принимала Иисуса в своем доме, что он «любил Лазаря и сестер его» [Архимандрит Никифор 1891: 421; Лосева и др. 1997: 305–306; Протоирей Леонид Петров 1895: 155]. Все эти евангельские факты важны для верующих и хорошо были известны отцам церкви того времени. А сегодня нужно подчеркнуть, что у жены Петра Великого первое имя было поистине пророческое, освященное высокой евангельской традицией. Две крайности сошлись: простая крестьянка, солдатская портомойка, как ее за глаза называли злые языки при дворе, она все-таки стала госпожой всей Русской земли — свою роль сыграло ее настоящее имя с выраженным судьбоносным значением.

4.5. У нее двоятся имена, отчество, титул. До принятия православия ее называли Екатериной Трубчевой и Катериной Василевской. Ее отец носил имя Самуил, но она стала Алексеевной, поскольку при ее крещении в роли крестного отца выступал царевич Алексей. Она была первой женщиной на русском престоле, имевшей два титула: царицы и императрицы, причем последний титул носила в двух категориях — сначала как императрица, супруга императора (была коронована в мае 1724 года: корону на голову жены возложил сам Петр), а после его кончины была объявлена самодержавной императрицей.

Итак, можно сказать, что в названии города явственны бинарные оппозиции, из которых главные: святая Катерина и царица Екатерина; женщина, «ходившая по рукам», и обладательница имени Екатерина со значением «чистая»; крестьянка, воспитанная в немецкой семье, бывшая замужем за шведским драгуном, и русская царица, затем императрица; прислуга в отрочестве, юности и Марта, евангельская Марфа, которую любил Иисус; женщина, имевшая два имени и два отчества: Марта Самуиловна и Катерина Алексеевна. Имя города включает смысловые противоположности, коррелирующие друг с другом, что, конечно, сегодня не осознается в полной мере носителями городской мифологии, да и вряд ли осознавалось ими в прошлом.

Подчеркну: в полной мере немецкий — Катериненбурх — и царский характер названия города ощущались всегда, и в одно время не нравилось немецкое, в другое — имперское.

4.6. Известно, что В. Н. Татищев, оказавшись во главе Сибирского Обер-бергамта в 1734 году начал изгонять из обихода все немецкие термины, а Екатеринбург устно и в деловых бумагах именовал по-русски Екатеринбург. Это была форма проявления патриотизма, но возможно, он пытался также «поправить» В. И. Геннина, к которому у него было ревнивое отношение. Татищевский Екатеринбург существовал недолго, но свой вклад в городскую мифологию В. Н. Татищев все-таки внес.

4.7. В советское время коммунистам претил царский характер имени города, и в связи с двухсотлетним юбилеем Екатеринбурга начались выступления с предложением переименовать город. Но сначала коммунисты фактически отказались считать В. И. Геннина и В. Н. Татищева основателями города. 1 августа 1923 года отмечалось двухсотлетие Екатеринбурга, и в этот день были торжественно открыты памятники-барельефы рабочим, первым строителям города, выполненные скульптором П. П. Шарлаимовым [Очеретина 1964: 9]. В то время власти и рядовые коммунисты гордились тем, что в Екатеринбурге была расстреляна вся царская семья, поэтому выступали организации и отдельные члены партии с предложениями, даже требованиями изменить название города. Например, делегаты съезда редакторов заводских многотиражек и рабкоров «Уральского рабочего» писали: «Центру горнозаводского Урала, славному городу революции, покончившему с последним из российских императоров, нельзя носить позорное имя царской жены» [Там же]. Возникло даже предложение назвать Екатеринбург Мстиградом, Реваншбургом, Ленинбургом, Красноуральском и т. п., но остановились на Свердловске. Седьмого ноября 1924 года Екатеринбург переименовали в Свердловск. Переименование города происходило как важное политическое событие, газеты публиковали отзывы рабочих, приветственные телеграммы в адрес горсовета: «Поздравляем со смертью Екатеринбурга и рождением Свердловска», «Поздравляем с рождением красного рабочего Свердловска» [Там же]. Во время новой демократии, в 1991 году, городу вернулось исконное имя, но возникла новая номинативная бинарность, просуществовавшая уже более десяти лет и благополучно перешедшая в XXI век: город Екатеринбург и железнодорожная станция Свердловск, Свердловская область. Двойственность, возникавшая в XVIII веке, сохраняется и поныне.

5. Екатеринбург строился как город-крепость, как завод-крепость, потому что нужно было защищаться от нападений башкир. Крепость имела четырехугольную форму, 8 бастионов (иногда пишут про 4 бастиона и 4 полубастиона), крепостные стены с 5 воротами, рогатками, которые выставлялись зимой на льду Исети, и т. п. Река Исеть делила крепость на две части: западную, которая называлась Торговой, затем Канцелярской, и на восточную — Церковную.

5.1. Крепость-город описывали многие авторы, начиная со шведа Ф. И. Страленберга, посетившего город в 1723 году, но никто из них не обратил внимания на символическую ассоциативность, значимость нумерологического ряда, претворенного в планировке Екатеринбурга, кроме современного историка Н. С. Корепанова. На основе архивных данных он очень обстоятельно описал планировку Екатеринбурга как казенного заводского поселения XVIII века, призванного быть административным центром огромного горного края. Он удачно соотнес застройку раннего Екатеринбурга с планами древних поселений, культовых построек и увидел выражение через аллегорическую символику модели вселенной. Городские оси расположены по сторонам света, форма крепости — четырехугольная, ибо число 4 считалось воплощением целостности вселенной: 4 стороны света, 4 времени года, 4 стихии (огонь, воздух, земля, вода); число 4 заключалось в количестве узлов крепости — 8 бастионах, и одновременно этот мотив соотносился с 8-конечным православным крестом [Корепанов 2001: 92, 93]. Можно добавить, что число 4 не только считалось воплощением целостности вселенной, но и знаменовало собой статическую целостность, идеально устойчивую структуру. В этой связи часто ссылаются «на православное понимание некоторых нумерологических образов из Апокалипсиса святого апостола и евангелиста Иоанна: например, “четыре ангела, стоящие на четырех углах земли, держащие четыре ветра земли” (Откр. 7: 1) есть образ “спокойного исторического развития христианского мира” — по существу, образ христианства; подобно этому и “четвероугольник” небесного града Иерусалима (Откр. 21: 16) указывает “на совершенство, устойчивость и постоянство”» [Кириллин 2000: 30, 31].

5.2. Внутри крепости было 5 ворот: Красные, Зелейные (от слова *зелье* — порох), Мясницкие, Исетские и Уктусские — от них начинались столбовая Московская, Исетская, Уктусская и другие дороги. Эти 5 дорог, расходящихся от 5 крепостных ворот, пишет Н. С. Корепанов, соотносились с известными в христианстве 5 «зонами неба», обращенными вовне. Другие исследователи отмечают также, что циф-

ра 5 воспринималась в средние века «как знак мистического единения земной церкви, поврежденного человечества со Спасителем, евангельского пресуществления всех христиан в жизнь вечную (евангельская легенда о пяти хлебах, насытивших пять тысяч человек, и притчи о пяти мудрых и пяти неразумных девах и о рабе, умножившем данные ему пять талантов на другие пять; наконец, пять ран Иисуса» [Кириллин 2000: 31].

5.3. В равновесии функциональности городских строений на Торговой (или Канцелярской) и Церковной частях города очевиден мифологический мотив Правого и Левого. «Левая сторона Екатеринбурга, — пишет Н. С. Корепанов, — “темная”, закрытая, здесь заботятся о душе и теле человеческом (церковь, госпиталь и бани); за Исетскими воротами — первые городские кладбища... Правая сторона — “светлая”, открытая, типичный деловой центр (Обер-бергамт и заводская контора, гостиный двор и базар, кабак и таможня...). Связь “светлой” и “темной” сторон города через плотину также полна скрытой аллегории и символизирует противостояние и единство дня и ночи, разума и души, мужского и женского, жизни и смерти. В планировке Екатеринбурга XVIII в., — заключает исследователь, — зашифрована идея: город — это целый мир» [Корепанов 2001: 93–94].

5.4. Нашему городу крупно повезло, что создавал его именно В. И. Геннин, действовавший рационалистично, с железной немецкой последовательностью. Н. С. Корепанов показал, что Екатеринбург изначально находился вне русской провинциальной традиции и, по замыслу В. И. Геннина, «сам обязан был служить образцом в образцовом мире казенных горных заводов». Поэтому город был небольшим, все постройки имели строгую привязку, «казенные квартиры, подобно казармам, выстраивались в прямые, как стрела, уличные линии, не имеющие названий, — линии дворов управительских, подъяческих, солдатских, мастерских»; в 5 часов утра (зимой в 6) была всеобщая городская побудка: на перекрестках улиц били в барабаны, в позывные колокола, которые висели везде, в том числе у Главного командирского дома; работали по 12 часов с двухчасовым обеденным перерывом; на всех работах в начале дня и после перерыва устраивали переключку; везде стояли солдатские караулы: при Денежном дворе, в меднокупоросной фабрике, при каторжном дворе, у гауптвахты, при пороховом погребе и т. д. — это была «государева», казенная жизнь-служба, причем В. И. Геннин объяснял, что слово «казенный» — от слов «казна его величества» [Там же: 34, 36, 37].

5.5. В. И. Геннин был уверен в необходимости регламентации всей

городской жизни и отдавал строгие приказы и запреты. Приказы были самые разные, например, следовало выкопать в лесу двухаршинную пихту или липу и посадить возле своего дома; нельзя было выпускать на улицу свиней — солдаты получили приказ стрелять их для полковой кухни; в 1726 году наряду с корчемством, воровством и нищенством была запрещена проституция («курв, ежели явятся, наказав, выгонять вон») и за внебрачную связь мужчину пороли плетьюми, затем определяли на год в каторжную работу, а «женщину в одной рубахе выгоняли с завода метлами», причем однажды метлами выгнали за Красные ворота даже иноземку, жену контрагтера Рудольфа Мааке [Корепанов 2001: 170, 171]. Исследователь усматривает здесь «библейский мотив побивания камнями». Думаю, что перед нами русский обычай публичного осмеяния: провинившегося (мужчину или женщину за воровство, блуд и т. п.) раздевали, т. е. оставляли в одном нательном белье, и под зло высмеивающие реплики, ехидные возгласы изгоняли из селения, а один из участников шел последним и замечал след метлой. Здесь метла символизировала избавление от сора, мусора, грязи (к ним приравнивался провинившийся), а с другой стороны, замечание следа означало, что изгнанному нет дороги назад. Обычай публичного осмеяния просуществовал на Урале до начала XX века, когда рабочие на грязных тачках, как мусор, вывозили неудобных руководителей за ворота завода под всеобщий свист, хохот и замечали след метлой (см.: [Блажес 1987: 107–119]).

6. В ноябре 1723 года, в день святой Екатерины, отмечались первые именины Екатеринбургa и по приказу В. Н. Татищева (В. И. Геннин был в отъезде) палили из пушек, угощали казенным вином солдат Тобольского полка. С бастионов екатеринбургской крепости стреляли в дни рождений, именин, восшествия на престол царствующей особы, годовщины Полтавской победы — 27 июня, а иногда при возвращении самого В. И. Генкина из длительной поездки. В 1731 и 1732 годах Екатеринбург пушечным салютом встречал китайскую и джунгарскую посольские миссии, возвращавшиеся на родину. В дальнейшем этот обычай стал широко распространенным на Урале. В XIX веке на набережной в Екатеринбурге стояла специальная пушка [Гладкова 2003: 14]. На заводах стреляли по поводу именин, дня рождения хозяина, членов его семьи; стреляли в честь Христовой заутрени и других церковных праздников; стрельбой у приисковых контор отмечали каждый добытый пуд золота. Использовали охотничий порох или порох, взятый у рудничных запальщиков. И, конечно, обязательно стреляли на народных гуляниях и праздниках. Например, в конце XIX — нача-

ле XX века в Нижнем Тагиле «самое главное на празднике была стрельба из пушек, — писал местный краевед И. А. Орлов. — Сколько их ставили на обоих берегах заводского пруда, точно сказать нельзя» (цит. по: [Блажес 1987: 68]).

В XIX веке «спешка» барок, их загрузка, выход железного каравана на воду проходили в праздничной атмосфере. Одними из обязательных атрибутов праздника были стрельба и чарка водки. Первую чарку подносили всем участникам «спешки», после того как последняя коломенка оказывалась в воде, вторую чарку — после загрузки барок, и третью — когда все барки выходили из гавани в Чусовую. Небольшие пушки местного производства были не только на берегу, но и почти на каждой барке. Тот же И. А. Орлов пишет, что при отходе каравана с барок салютовали, а «когда барки проходили луга и тысячная толпа приветствовала их, в ответ раздавались выстрелы» (цит. по: [Там же: 67]).

Очевидно, можно говорить о том, что с легкой руки В. Н. Татищева горнозаводское население продолжило традицию петровских салютов, приспособив этот обычай к производственно-бытовым и праздничным ситуациям. Последним по случаю названия города был орудийный выстрел 7 ноября 1924 года: он прозвучал сразу же после того, как на заседании горсовета было объявлено о переименовании Екатеринбурга в Свердловск [Очеретина 1964: 9]. Коммунисты полагали, что этот выстрел знаменует окончательность их решения, но оно оказалось временным. Сегодня выстрел 1924 года воспринимается как продолжение традиции, заложенной Н. В. Татищевым в ноябре 1723 года: последний выстрел символически означал не только временное торжество коммунистов, но и память о первых именинах Екатеринбурга. Память оказалась живой.

7. В начале статьи было сказано, что Урал заселяли люди из разных губерний России, которые приносили свои региональные фольклорные традиции. Но все они «уравнивались», когда сталкивались с массой угро-финских или тюркских названий: Тагил, Качканар, Билимбай, Салда, Талица, Шайтан... Для аборигенов эти названия были топонимами, поскольку несли смысловую нагрузку, понятную пользователям, а для русских они ничего не значили. Поэтому новые поселенцы превращали их в свои национальные слова — наделяли их отчетливо произносимыми русскими гласными и согласными, родом, приемлемым ударением, способностью изменяться по падежам и т. п. Топонимы аборигенов, превращенные в удобопроизносимые слова, приспособленные русскими для собственного речевого обихода, вы-

полняли функцию обозначения географического объекта, но являлись уже немотивированными именами.

Немотивированность топонима провоцировала постоянные попытки найти смысл в иноязычных названиях. Конечно, все попытки лежат в русле ложной, или народной, этимологии, но важен сам факт поиска смысла: был царь Ир, он был русскими бит, на этом месте возник город Ирбит; или жители Висима дают такие толкования названия своего поселка: первого поселенца звали Висим, а по нему назвали речку, потом поселок; «течет речка Висим из-под горы, ручейком с камня падает, будто висит — отсюда и слово “Висим”» [Кругляшова 1967: 47–48]. Есть и другие принципы народной этимологизации.

Освоение русскими иноязычных топонимов Урала касается, конечно, и тех названий, с которыми столкнулись строители Екатеринбурга: Исеть, Уктус, Шарташ, Пышма, Арамиль, Сысерть, Ревда, Тавагуй... Следует отметить два речных топонима — Исеть, Уктус, — поскольку в ряде екатеринбургских названий просматривается народный принцип наименования «по реке». Например, Исеть дала названия трем прудам — Верх-Исетскому, Исетскому городскому и Нижне-Исетскому, а также трем заводам при них (Екатеринбургский завод вначале назывался Исетским казенным горным заводом). Река Уктус дала названия целому ряду объектов города. Первым на Уктусе появилось селение Верхний Уктус, затем возникли горные заводы Нижний Уктуский и Верхне-Уктусский. Дорога от Уктуса до Екатеринбурга получила название Уктусской, а ее продолжение в городе — это улица Уктусская; прилегающие к реке горы именуются Уктусскими (см.: [Козлов 1973: 62–63]).

В одном случае название шло не «от реки», а от фамилии человека. На месте будущей Мельковской слободы возле речки Мельковки первым поселился в 1723 году крестьянин Мельков, который поставлял на строительство Исетского завода в Екатеринбурге бревна и драги (кровельную щепу) [Там же: 62]. От фамилии первопоселенца произошли названия слободы и речки — здесь реализован народный патронимический принцип наименования. По данным Н. С. Корепанова, в раннем Екатеринбурге между Уктусской дорогой и Исетью застраивалась Купецкая слобода, где было «подлинное средоточие народной топонимики» — названия улиц давались по именам купцов: Харчевникова улица была названа по имени И. Д. Харчевникова, Сапожникова — по имени В. И. Сапожникова и т. п.; среди загородных уличных названий — Косой и Волчий порядки в Купецкой слободе, Новый порядок в Ссылной слободе. Народные названия имели

екатеринбургские кабаки: Отряси-Нога, или Отрясиха, стоял на Харчевниковой улице; Большой кабак стоял в черте крепости; Разгуляй, или Разгуляйская фартина (фартина — то же, что и штоф, мера, равная двум кружкам), стоял в Банной слободе; кабак Удалой, или Удала фартина, стоял за Пороховыми воротами примерно с 1766 года. В раннем Екатеринбурге Обер-бергамт приказывал расселяться пришлым людям и ссыльнопоселенцам за чертой крепости в слободах Купечкой, Конюшенной, Ссылной, Банной [Корепанов 2001: 88–92]. Н. С. Корепанов провел анализ топонимики раннего Екатеринбурга, остается лишь констатировать, что горожане так же, как все горнозаводское население, осваивали иноязычные топонимы и находились в русле традиционной номинативной практики.

8. Попытки В. И. Геннина ввести этические регламентации европейского свойства сосуществовали с официальными нормами общественной жизни, пришедшими в XVIII век из средневековья: человека жгли железом, забивали до смерти кнутом, казнили через повешение, принародно сжигали на костре, как Тойгильду Жулякова в 1735 году. И одновременно жители Екатеринбурга верили в «сон и чох», в колдунов и ведьм, в волшебные травы и силу заклинаний. Общественное мнение чутко прислушивалось к любой информации на эту тему. Н. С. Корепанов опубликовал две статьи: «Материалы по истории магических представлений горнозаводского населения Урала XVIII века» и «Колдуны Екатеринбургского ведомства в XVIII веке», в которых содержатся колоритные факты, свидетельствующие о вере горожан в магию слова, полифункциональность бытовых предметов, колдовских пассов. Тематика бытовавших заговоров касалась многих сторон жизни: как сделать начальника кротким, «как к себе привращать жен и девок на блудное дело», как устроить ссору между людьми, «как у мужей руки отсушить, чтобы жену не бил и был при ней сердцем кроток», как освободиться от лихорадки и т. п. Заговоры иногда сопровождались ритуальными действиями: в землю закапывались связанные мужские и женские волосы, к нательному кресту привязывался узелок с грязью, соскобленной с подошвы... [Корепанов 1995: 111]. Заговоры бытовали в устной и письменной форме. Практикующие знатоки заговорной поэзии и хранители записанных заговоров преследовались церковью в равной мере, и в этом ей помогала официальная власть. Например, екатеринбургская полиция изъяла у арестованного писчика Степана Попова тетрадку с заговорами, которые он переписал с тетради, найденной солдатом Сергеем Алексеевым на дороге в Екатеринбурге. Иногда расследование занимало несколько

месяцев и применялись даже пытки стариков. Так, 7 февраля 1733 года 75-летний Онисим Шестаков во время застолья будто бы «дунул» на дочь рассыльщика Ивана Вахрушева Соломею и вызвал у нее «икотную болезнь». При допросе сказал, что эту «дьявольскую и еретическую науку» принял лет сорок назад от крестьянина Ивана Петрова. О. Шестаков часто был на свадьбах «свадебным сторожем» — как колдун следил, чтобы кто-нибудь не наслал порчу на хозяев и гостей (давал «воски» и просил прилепить их к кресту). В августе 1733 года на допросе «под пыткой» О. Шестаков отрекся от всех своих прежних показаний [Корепанов 1998: 258, 259].

8.1. Горожане верили, что возле Екатеринбурга растут «волшебные травы», которые можно использовать. Например, «первую — лютик для того, чтоб зачатого во утробе младенца умертвить, вторую — измоден, после лютика давать его, чтоб младенец измышлевал, третью — изгон, чтоб вовсе из чрева материнского выгнать». Эти травы Настасья Нечкина использовала для прерывания беременности дворовой девки и дочери котельного мастера по их просьбе [Там же: 258–260]. «Волшебные травы» лютик, измоден, изгон типологичны трем «закрытым» цветкам уральских суеверий. В сказе П. П. Бажова это цветок папороты (открывает клады, для человека вреден), цветок разрыв-травы (открывает замки, затворы, воровской цветок) и каменный цветок, растущий в малахитовой горе (несчастен будет тот, кто его увидит) (см. сказ «Каменный цветок»; [Власова 2000: 387–388]).

8.2. Несомненно, существовала вера в целебные свойства минералов, камней. Например, провизор екатеринбургской аптеки Христиан Мейндерс не только собирал лекарственные растения и вел с 1739 года «травник», но и объезжал ближние рудники «для приискания лечебных минеральных веществ (камень кровавик, магнитная руда, белая слюда, белая и синяя глина и др.)» [Корепанов 1998: 101]. Очевидно, актуальной была тема поиска полезных ископаемых, золота, камней-самоцветов. Ее освещение носило, конечно, корпоративный характер, и тайну сохраняли как русские горщики, так и контрактеры. Но однажды кто-то из толмачей записал, как ценную информацию, слова одного немецкого лозохода: «В день Луны — олово, в день Марса — железо, в день Меркурия — серебро, в день Юпитера — уголь, в день Венеры — медь, в день Сатурна — сера, в день Солнца — золото» [Корепанов 1996: 152].

8.3. Всеобщая суеверность порождала в Екатеринбурге события общегородского масштаба. Так, в марте 1743 года кто-то отпилил правую руку у преступника, повешенного на релях при каторжном дворе.

«Затрепетал город, — пишет Н. С. Корепанов, — по перекресткам три дня с барабанным боем зачитывали указ екатеринбургских командиров: “Сия неслыханная пакость учинена, может, для какого-либо худого вымысла и обмана...” Стали ждать событий». События случились лишь в августе: в избу, где была одна 14-летняя дочь отставного драгуна, зашел бритый мужик в узорчатом кафтане, красной рубашке и сказал, что останется ночевать. Он вынул из сумки нож и человеческую руку, спрятался в подполье, а в полночь, когда творило начало само подыматься, девочка закричала и выскочила в окно. По городу было проведено два повальных обыска, затем согнали всех мужчин, и девочка указала на одного беспаспортного. Но «мужик вытерпел трехкратную пытку огнем, ни в чем не сознался и тем “очистил” себя» [Корепанов 1996: 99]. Легко представить, сколько в Екатеринбурге было рассказов про мертвую руку и мужика в красной рубашке. Девочка явно выдумала про нож, про поднимающееся в полночь творило и все остальное, она рассказала обычную «страшную историю», поверив в нее. Массовое мнение связывало с повешенным человеком некоторые результативные действия. Например, мыло, которым обмывали повешенного перед захоронением, приобретало целебные свойства; что-либо из личных вещей повешенного могло принести удачу; если мертвой рукой обвести спящих людей, то они будут спать еще крепче или умрут — этот мотив попал даже в народные сказки. Совершенно очевидно, что какой-то суеверный житель Екатеринбурга отпилил руку у повешенного, чтобы нанести кому-то вред или приобрести желаемое.

8.4. Значительное место в народной мифологии занимает информация, распространяемая в виде устных рассказов, лишенная установки на достоверность и содержащих лишь ссылку на молву. Сами рассказчики осознают недостоверность сообщаемых сведений и подчеркивают, что они лишь повторяют то, что другие говорят. Поэтому такая «повторяемая» информация жанрово определяется в народной среде как слухи, толки, враки (все говорят, слух пронесся, кто-то наплел, все болтают...). Повторяя слышанное, рассказчик обычно вводит некоторые предположения, дает свое объяснение, и это может кардинально преобразить как бы «повторяемые» сведения, которые в устах следующего рассказчика подвергаются такой же трансформации. Слухи всегда связаны с ближайшим будущим временем, и это, пожалуй, основной признак, позволяющий выделить их из общего потока информации.

В книге Н. С. Корепанова «В раннем Екатеринбурге (1723–1778)» содержатся многочисленные упоминания о слухах на темы бытового,

религиозного, социального характера. Например, 20 июля 1742 года была гроза без дождя — молния ударила в лавку купца Харчевникова, от нее огонь распространился на все гостинодворные лавки, и они сгорели. Поползли слухи, пишет Н. С. Корепанов, что это только предупреждение, а подлинный «гнев божий» будет в средний Спасов день (8 августа). Подъячий Ерофей Трусов будто слышал от одетого по-раскольничьи мужика, что «Господь Бог пошлет гнев свой на весь здешний город». В это поверили все, включая отцов города: Главное правление организовало ночные караулы из обывателей, распорядилось выставить вдоль улиц кадки с водой, возле гауптвахты бочки на колесах [Корепанов 2001: 98]. В другой публикации автор пишет, что в конце 1750-х — начале 1760-х годов «распространялись фантастические слухи о “милостивых” указах, якобы освобождавших приписных от заводской барщины, появились подложные манифесты и указы. Екатеринбург стал настоящим рассадником подобных слухов. Даже на базаре Невьянского завода в 1763 году “в разговорах его доносилось, будто в Екатеринбургe подъячий Козма Рязанов давал с указов приписным к заводам крестьянам копии, якобы казенные заводы остановлены будут на пять лет...”» [Корепанов 1998: 42].

Подводя итоги, выделим следующие положения.

Промышленная разработка Уральского региона происходила одновременно с духовным освоением этой территории. Духовное освоение включало в себя, во-первых, процесс этнического формирования горнозаводского населения из переселенцев, приехавших или насильно привезенных из разных областей Российской империи и имевших культурные, национальные, конфессиональные различия; во-вторых, опытное познание новой территории через памятники материальной культуры аборигенов (городища, захоронения, чудские копи и т. п.) и через собственную производственную деятельность, непосредственно связанную с отысканием полезных ископаемых, разработкой их месторождений и т. д.; в-третьих, познание Урала через устные источники информации, т. е. через рассказы, предания, легенды крестьян, переселившихся на Урал в XVII веке. В результате возникла устная народная история Урала в форме преданий, созданная горнозаводским населением. В этой истории Урал предстает древним, как бы всегда существовавшим регионом, местом жизни чуди, которая перед приходом людей «белого царя» ушла в землю. Подробно рассказывая о чуди, ее этническом облике, образе жизни, социально-бытовом укладе и т. п., переселенцы были убеждены, что предшествующий — чудской период истории Урала — непосредственно продол-

жается в настоящее время, иными словами, интуитивно ощущалась непрерывность исторического развития, «познанное» чужое прошлое становилось частью своей истории.

Значительное место в этой истории отводилось Ермаку — он первый прошел через Урал и взял Сибирь. В те времена выражение «Ермак взял Сибирь» понималось народом буквально: взял город Сибирь, столицу Кучумова царства; позже, в XIX веке, понималось шире: завоевал всю территорию, именуемую Сибирью. Народ считал победу над Кучумом главным делом Ермака, поэтому предания о других его делах несут «отзвук» этой победы: герой наделяется уникальной силой, умом, целеустремленностью и прочими высокими свойствами, присущими ему как победителю Кучума, покорителю Сибири. Даже если он по пути в Сибирь просто останавливался с дружиной на отдых, то это обязательно будет место с повышенной знаковостью в топографической структуре местности: высокая скала, уникальная кедровая роща, труднодоступная «дыра» в чусовском камне, Ледяная пещера... Путь Ермака по Уралу сопровождается в преданиях подробностями о его знаках-писанцах, спрятанных кладях, зимовках, временных остановках, брошенных стругах и т. п. Это осмысливается как освоение Ермаком новой территории, отсюда десятки топонимов, связанных с именем покорителя Сибири: Ермакова гора, Ермакова лощина, камень Ермак... Ипостаси образа Ермака (раскаившийся разбойник, отважный вольный землепроходец, покоритель легендарной чуди, избранник Бога, проводник Божьей воли, обращающий язычников в христиан и т. п.) весьма многочисленны и отражают осмысление его дела в разных социально-профессионально-конфессиональных группах населения XVIII века.

В это время Урал был также объектом интенсивной культурной рефлексии по линии природных богатств. Поиски меди, золота, камней-самоецветов, железной руды сопровождались разного рода бывальщинами, в которых опытные знания (сведения о сопутствующих минералах, «следках») переплетались с вымышленными мотивами традиционных демонологических представлений о характере залегания подземных богатств, об их хозяевах антропоморфного или зооморфного вида, об их бытии, о нормах ритуального общения человека с ними, о «заветных» богатствах, о силе «тайного» слова. Бывальщины горщиков имели корпоративный характер, выражали локальное самосознание, в них большое место отводилось везению, счастливому случаю, «фарту», но в целом они передавали народное осмысление природных богатств в мифопоэтической форме, были начальным звеном духовного освоения разработки уральских недр.

Как уже было сказано, в устной истории, созданной горнозаводским населением, с приходом Ермака завершался «чудской» период и начинался новый — русский. К последнему стягивались все события, связанные с поисками полезных ископаемых, строительством казенных и частных рудников, заводов, а также народная интерпретация отношений частных заводовладельцев с государством. В уральских песнях Петр I — «государь московский, первый император» [Сборник Кириши Данилова 1977: 166, 167], горнозаводское население дает ему четко выраженную позитивную оценку: его курс на строительство заводов-городов, заводов-крепостей признается государственно важным. Поэтому возникновение Екатеринбурга, промышленного центра, воспринималось как реальное продолжение государственной политики и народной истории Урала. Даже своим именем город вписывается в этот государственный и народно-поэтический контекст.

В мифологии Екатеринбурга XVIII века можно выделить четыре уровня.

Первый был обусловлен планом города: четырехугольная форма завода-крепости, сориентированность городских осей по сторонам света, 5 отходящих от города дорог, 8 бастионов, асимметричность 5 крепостных ворот вместе с пространственным положением реки, плотины, определенной функциональностью строений на Торговой и Церковной сторонах — несли закодированную информацию о модели мира, его целостности, идеальной устойчивости, а также о его структуре. Иными словами, идея «город являет весь мир» была закодирована числовым рядом и пространственно-функциональной закреплённостью административных, социально-бытовых, производственных построек. Эта идея восходит к европейской культурной традиции раннего средневековья, а нумерологические образы плана и топоструктуры города отчетливо соотносятся с христианской нумерологией, что, конечно, не осознавалось всеми горожанами, но было понятно начитанным людям.

Второй уровень — это мифологическая информация, которая в свернутом виде присутствует в имени города. В последнем следует различать смысловое наполнение и энергетику, хотя они, конечно, связаны. Смысловое наполнение, или содержательность, имени города обусловлено многочисленными бинарными противопоставлениями, сопрягающими высокую христианскую и имперскую государственную символику: святая Екатерина, евангельская Марфа, которую любил Иисус Христос, императрица Екатерина Алексеевна — и заурядные бытовые мотивы: Марта Скаврнская — солдатская пор-

томойка, наложница Шереметева, Меншикова... В этой почти оксюморонной связи кроется существенный смыслопорождающий потенциал, влияющий на энергетику имени города.

Под энергетикой имени следует понимать отношение к нему людей в разные исторические периоды. Мы показали отношение В. И. Геннина, В. Н. Татищева, иностранных контрактеров, называвших город Катариненбурхом, жителей города в начале и конце XX века. Можно добавить мнение Пермской ученой архивной комиссии — 7 декабря 1914 года она прислала письмо начальнику Уральских горных заводов с предложением переименовать город. Предлагались варианты: Екатеринозаводск, Екатериноисетск, Екатериноугорск, Екатериноуральск, Екатеринокаменск, Екатериногор, Екатеринобор.

В XXI веке энергетика имени сохраняет свою силу. Например, сейчас привлекает «рифмующаяся» симметрия: если новая столица, выдвинутая на западную границу государства, носит имя Петра, то и столица горного края на востоке России должна была носить имя жены царя. Этой мысли не было у В. И. Геннина, он писал Екатерине о другой аналогии: если Олонецкие заводы названы в честь Его императорского величества, то построенные на Урале крепость и завод «надлежит именованным быть во имя вашего величества, однако ж о том ожидаю указу» [Геннин 1995: 91]. Тем не менее В. В. Алексеев пишет, что геннинским названием Екатеринбург «была выстроена идеологическая параллель с новой российской столицей Санкт-Петербургом, основанной всего на два десятилетия раньше Екатеринбурга. Петербург — город императора Петра I и Святого Петра, Екатеринбург — город императрицы Екатерины I и Святой Екатерины, покровительницы горного дела». Кроме того, В. В. Алексеев полагает, что В. И. Геннин сравнивал Петербург и Екатеринбург еще по одному параметру: «Сравнивать Екатеринбург с Петербургом заставляло и пограничное положение обоих населенных пунктов. Построенный на недавно отвоеванных землях Санкт-Петербург стал для России, по меткому замечанию А. С. Пушкина, “окном в Европу”. Таким же образом Екатеринбург можно назвать “окном в Азию”»... [Алексеев 2002: 8, 9]. Если В. В. Алексеев ссылается на В. И. Геннина, цитирует его письмо и ответ Екатерины, то Н. В. Суржикова берет уже высказывания В. В. Алексеева и расширительно толкует их [Екатеринбург: листая страницы истории 2003: 10, 12]. Конечно, В. В. Алексеев прав, обращаясь к сопоставлению Петербурга и Екатеринбурга, рассматривая Екатеринбург как «окно в Азию», — но он прав как современный историк, оценивающий с позиции XXI века вклад Екатеринбурга в про-

мышленное, географическое освоение Урала, Сибири, всей России. В то же время, когда он переносит в XVIII век параллели «Петербург — Екатеринбург», «окно в Европу — окно в Азию» и придает этому «идеологический» характер, над ним довлеет энергетика имени города. Это случай современного воздействия энергетики имени города при интерпретации прошлого.

Третий мифологический уровень — это фольклорные произведения, активно бытующие и отражающие суеверные представления горожан. В своей совокупности они передают народные представления о двойном или, точнее, двуедином мире: есть реальность, в которой мы живем, есть наш мир и есть как бы оборотная сторона нашего мира, иной мир. Сверхъестественные существа окружают человека, но могут свободно перейти в иной мир, как и носители особого знания — ведьмы и колдуны. Для последних оборотничество — сущностное свойство. Вера в силу заговора, вообще в силу целенаправленного слова, в силу растений, камней, некоторых предметов, а также действий в определенное время в «сакральном» месте отражается в повествованиях различного жанрового облика, обладающих одним общим свойством: с народной точки зрения, это источник правдивой информации. К третьему уровню относится также вся несказочная проза, в которой мифологически осмысливается территория Урала: аборигены, оставившие следы своей материальной культуры, а также многочисленные топонимы, приход русских на Урал, земельные богатства и т. п.

Четвертый уровень мифологической информации составляет информация, которая, с народной точки зрения, является совсем не доказанной, не аргументированной, вообще недостоверной, но заслуживающей внимания, ибо сообщается о грядущих важных событиях, переменах общественного, социально-бытового или иного характера. Люди полагали, что информацию в виде слухов и толков они передают буквально, элементарно повторяют, хотя фактически они давали волю воображению, поэтому их изложение «слуха» приобретало мифопоэтическую окраску.

Таким образом, в мифологии Екатеринбурга XVIII века можно выделить информацию в закодированной форме, информацию в свернутом виде, информацию в фольклорном жанровом оформлении, которая народом считается истинной, и информацию в виде слухов о будущих событиях, которая народом определяется как недостоверная, но тематически значительная.

И. Т. Вепрева

Отражение мировоззренческих противоречий в переименованиях Екатеринбурга

Зависимость имени собственного от культурного контекста эпохи особенно заметна в переломные периоды развития общества. Мотивировка любого имени исторична и социальна. Мотивировка имени собственного является прежде всего фактором экстралингвистическим. В момент возникновения имени признак, положенный в основание номинации, сохраняется в сознании современника. Пройдя исходный момент номинации, слово начинает свою новую жизнь в качестве имени собственного. При этом имя превращается в функциональный знак, не требующий поддержки внутренней формой. Этимологическая информация становится избыточной, она не нужна для функционирования знака. Но в то же время «историко-культурная биография топонима оказывается теснейшим образом связанной с историко-культурной, социальной, политической и даже экономической биографией именуемого объекта» [Горбаневский 2000: 73].

Диахронная многослойность, которая проистекает из смены культурных представлений, из новых наращений смыслов в концептосфере современника, способствует созданию мифологем, основанных на образе, положенном в основу имени. Конструирование мифологии города как дискурса с неопределенной степенью достоверности происходит в контексте индустриальной эпохи при ориентации мифологического сознания на создание новой России. Соучастие имени собственного, называющего географический объект, в развитии и поддержании определенных мифологем обыденного сознания способству-

ет тому, что топоним постоянно находится под угрозой переименования. «Names of places often reflect a struggle for power (Имена городов часто отражают борьбу за власть)» [Short 1996: 424].

Ономастические перевороты, т. е. массовое переименование географических объектов под влиянием крупных социальных событий, в нашей стране проходили дважды — после революции 1917 года и в 1990-е годы, в период распада СССР [Дуличенко 1993: 215–224]. Старые наименования получили многие города: Санкт-Петербург (бывш. Ленинград), Рыбинск (бывш. Андропов), Набережные Челны (бывш. Брежнев), Луганск (бывш. Ворошиловград), Лиски (бывш. Георгиу-Деж), Нижний Новгород (бывш. Горький), Мариуполь (бывш. Жданов), Тверь (бывш. Калинин), Самара (бывш. Куйбышев), Владикавказ (бывш. Орджоникидзе), Бишкек (бывш. Фрунзе), Шарыпово (бывш. Черненко), Екатеринбург (бывш. Свердловск).

Размышления по поводу возможностей изменения образа города под влиянием смены его имени, особенностей противоречивого восприятия имени и полярного отношения к нему в условиях различного исторического контекста мы продолжим конкретными наблюдениями над жизнью топонима, который менял свое имя. Речь пойдет о Свердловске / Екатеринбурге.

Номинация топонимических объектов может происходить по разным основаниям [Суперанская 1973]. Психологический дискомфорт в обществе вызывают прежде всего топонимы, объективирующие отстраненные и условные мотивировочные признаки, составляющие названия-посвящения. Эти названия имеют мотивировочное значение «объект, названный в честь...» и направлены на возвышение человека, обозначенного лексическим мотиватором [Голомидова 1998: 161]. Эта направленность становится ключом к интерпретации внутренней формы топонима. Номинативное посвящение, вбирая смысл утверждения чьих-либо заслуг и достоинств, приобретает оценочные коннотативные смыслы, которые в эпоху смены мировоззренческих ориентиров могут трансформироваться в прямо противоположные. Эти имена изначально представляют собой лексические единицы с яркими идеологическими коннотациями.

Так случилось и с номинацией уральского горнозаводского города, названного в 1723 году в честь жены Петра I Екатерины Екатеринбургом. Известно письмо В. И. Геннина, одного из основателей города, императрице Екатерине о том, что город назван в ее честь.

Важными составляющими содержания топонима Екатеринбург, кроме информативной функции, являлись функция идеологическая и

как сопутствующая — эмоциональная. «Царское» имя — это не только подарок императрице, но и осмысление предназначения города. Это и своеобразная переключка с Санкт-Петербургом, и возможность придания городу статуса неофициальной столицы Среднего Урала, столицы уральских заводов, центра на карте России.

Идеологическое имя в эпоху крупных социальных перемен тяготеет к переименованию. Ономастический переворот, следующий за переворотом политическим, дает возможность зачеркнуть идеологическую информацию, заключавшуюся в его прежнем названии. Сознательным мотивом деноминации является искоренение исторической памяти, и за этими действиями стоят «вполне определенные политические расчеты» [Топоров 2000: 43]. Поэтому после Октябрьской революции в 1923 году, в год 200-летия города, впервые возникла мысль о переименовании Екатеринбурга. В послереволюционной России негативная эмоциональная оценка имени начинает превалировать над информационной. Страницы уральских газет того времени сохранили накал политических страстей вокруг имени города, негативных оценок, связанных с именем Екатерины. Приведем в качестве иллюстрации одно из таких высказываний: *Известны бурные скитания Екатерины в роли «солдатской женки» при русской армии. Петр I одновременно с Меншиковым делил ее любовные ласки. На престоле пьянствовала, развратничала, наконец, пьяная умерла.*

При выборе нового имени вновь пошли по «идеологическому» пути: была использована модель названия-посвящения. В этот раз было выбрано имя большевика Я. М. Свердлова, судьба которого отчасти была связана с Уралом: «товарищ Андрей» побывал в Екатеринбургской тюрьме, в Николаевских арестантских ротах Верхотурского уезда и нарымской ссылке.

Выбранное идеологическое имя имеет сильное эмоциональное наращение. Газетные высказывания тех лет — свидетельство положительной эмоциогенности имени: *Свердловск — это революционное имя, которое с гордостью будет носить центр Красного Урала; Имя Свердлова стоит того, чтобы им назвать Екатеринбург.* Характеристика исторических лиц часто представлена в виде противопоставления: *Столь заслуженная в делах революции столица Урала все еще носит имя царицы-развратницы. Заслуги Свердлова перед лицом пролетариата слишком известны; Разве мы для того устраивали мозолистыми руками радио, водопровод, телефон, электростанцию, чтобы все это числилось за Екатеринбургом, а не за Свердловском.*

На пленарном заседании городского Совета 14 октября 1924 года было решено «переименовать Екатеринбург в Свердловск в память Уральского подпольного работника-большевика Я. М. Свердлова (товарища Андрея), прекрасного и стойкого борца за свободу рабочих и крестьян, организатора и агитатора, одного из постоянных ближайших помощников товарища В. И. Ленина и председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов».

Город Свердловск просуществовал с 1924 по 1991 год. Смена имени (от императрицы Екатерины к товарищу Андрею) привела к потере образа «столичного» города. Возникла потребность наполнить новое имя другими мифологическими смыслами, сформировать доминанту города, которая бы выделила его среди других уральских городов-заводов. В этот период истории Урала «жизненно необходимой региону фигурой» [Литовская 2004: 34] оказался П. П. Бажов со своей «Малахитовой шкатулкой». Бажов стал своеобразным мифотворцем нового Урала. Он прозорливо нашел мифологическую основу, с помощью которой ему «удалось вывести регион из оппозиции центр — периферия» [Там же: 35]. Бажов сместил акценты: главным героем он сделал простого рабочего человека, превращающего камнерезное ремесло в искусство. Выдуманные им Данила-мастер с Хозяйкой Медной горы стали для Екатеринбурга тем же, чем был Петр I для Петербурга. Предоставив слово в своих сказках простому человеку, Бажов поднял на пьедестал истории рабочего-мастерского, что отражало основную тенденцию существующей идеологии. Выдуманная писателем региональная мифология оказалась созвучной обыденному сознанию уральцев. Малахитовая шкатулка, ящерицы, Хозяйка Медной горы, Серебряное копытце, Огневушка-Поскакушка и множество других запоминающихся волшебных героев и предметов прочно ассоциируются с Уралом. Бажов «создал своего рода квинтэссенцию уральскости, объединяющую интересы разных обитателей Урала» [Там же: 37] и помогающую не только сформировать имидж, но и определить свою идентичность.

Крах тоталитарной системы, кардинальные общественно-политические реформы 90-х годов XX века вновь стимулировали актуализацию внутренней формы имени, усилили его эмоциональную составляющую. Из функционального знака с ослабленной этимологией топоним Свердловск становится предметом столкновения мировоззренческих установок. История повторилась: имя Свердлова потеряло свою привлекательность по причине слома коммунистического режима, смены идеологической системы. Общественная дискуссия вокруг

имени города в 1991-м перекликается с обсуждением в 1923–1924 годах: то же противостояние систем ценностных ориентаций, тот же накал политических страстей. Но в 90-е годы сместился акцент в обсуждении проблемы. Главным пунктом дискуссии стал вопрос: оставить новое, «советское», имя или вернуться к прежнему.

Перечислим основные аргументы необходимости или нежелательности смены имени, прозвучавшие в последней дискуссии.

1. Нежелательная коннотация имен Екатерины и Свердлова. Положительную и негативную окраску имеют оба имени. Эта полярность взглядов современников отражает амбивалентность массового сознания в период перемен.

См. положительную характеристику Екатерины: *Что, разве доказано, что Екатерина I была пьяницей и развратной бабой при живом муже? Может, авторы таких заметок шлялись с ней по кабакам и борделям?*

См. отрицательную характеристику Екатерины: *Меня как женщину оскорбляет перспектива жить в городе, носящей имя дамы, чьи исторические заслуги сводятся к тому, что судьба занесла ее в постель к царю, а не к плотнику или унтер-офицеру. Увековечиванием ее имени неизбежно будет одобрен и сам принцип «через постель». А если по этому принципу можно дать имя городу, то почему нельзя таким образом защищать диссертации, трудоустраиваться на «теплые» места, ездить на базар в служебной машине мужа и т. д. Ведь все это — звенья одной цепи.*

См. положительную характеристику Я. М. Свердлова: *А если бы Я. М. Свердлов дожил до 30-х годов, не миновать бы ему участи загубленных миллионов людей, и ныне пришлось бы его реабилитировать. Интересно, стали бы тогда переименовывать город?*

См. отрицательную характеристику Я. М. Свердлова: *Свердлов практически для города сделал мало.*

Иногда горожане сравнивали двух исторических деятелей: *Спросил у молодых ребят, знают ли, к чьему имени призывают вернуться. И услышал ответ: «Пусть город лучше носит имя любой проститутки, но не коммуниста».*

2. Историческая память как высшая ценность в период перемен. Историческое сознание отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом: *Вопрос идет не о переименовании города, а о восстановлении первоначального его исторического названия. И, следовательно, не имеет значения ни личность того, в честь кого город был назван, ни личность того, в честь кого он переименован.*

Для нас должны быть важны только историческая справедливость и воля основателей города.

Чем дальше отстоит прошлое от современности, тем большей ценностью оно обладает. Но парадоксально следующее: несмотря на всеохватывающую ревизию и критику событий советского периода, для многих горожан значимым периодом истории остается «свердловский» период: *Для меня не безразлично то, что я родился в Свердловске, что Свердловск для меня — часть моей души, а не просто топоним. Свердловску скоро исполнится 70 лет. Разве это не исторический факт? Зачем же его перечеркивать. Можно давать разную оценку этому периоду истории, но от этого историей он быть не перестанет.*

3. «Нерусскость» имени. Этот аргумент всегда присутствовал при попытках переименования Екатеринбурга. Предложение о пересмотре немецких наименований было высказано Российским министерством внутренних дел в 1914 году во время войны с Германией и носило рекомендательный характер: *Память об иноземном «бурге» — не русская память. Еще нам «бургов» не хватало; названия наших улиц в центре и название самого города напоминает несуществующую оккупацию: сплошь немецкие и прочие имена. Мы должны очистить свой исторический город от нашествия.*

При обсуждении номинации «Свердловск» всплыла антисemitская тема: *Мы должны дать почувствовать евреям ответственность за грехи революции и те последствия, к которым она привела. Противоположное мнение: Почему города Жданов, Калинин, Молотов перестали носить имена русских деятелей тоталитарного режима, и это никто не считает проявлением русофобии.*

4. Несвоевременность переименования по экономическим причинам: *Мы нищие, кругом разруха, и тратить деньги на это безумие. Поколения нас не простят.* Этот аргумент также оспаривался: *Мы будем есть один хлеб с водой, но решение горсовета выполним.* Авторы противоположных высказываний одинаковы по социально-возрастному статусу: оба пенсионеры, инвалиды.

5. Полное безразличие к тому, как назван город, забвение внутренней формы имени: *Непонятно, что изменится от того, что наш город будет называться Екатеринбургом.*

Подводя итог аргументам «за» и «против» переименования города, необходимо отметить, что достаточно большая группа участников дискуссии осуждала резкую переориентацию, демонстративное отрицание прошлого:

Нельзя просто так взять и объявить бывшего тирана-самодержца святым, а бывшего героя революции — палачом и людоедом. А как, например, быть с Петром I, который построил Петербург на костях русского крепостного крестьянства. Никому в голову не придет переименовывать людей, так почему эта операция позволена над городами.

Нам интересно воссоздать эмоциональный накал публичной дискуссии 90-х годов вокруг смены имени города. Поэтому мы публикуем в рамках данной монографии статью, написанную для городского журнала «Микс» в 1990 году кандидатом философских наук, преподавателем Уральского университета А. С. Атманских и отражающую еще одну точку зрения на проблему.

После переименования города прошло почти 15 лет. Горожане привыкли к новому имени. Как живет вернувшееся имя в новых условиях? Какие ассоциации оно вызывает? Стерлась ли острота восприятия «нового», а точнее, вернувшегося имени? Опрос информантов (100 студентов Уральского университета и 40 госслужащих в возрасте от 30 до 50 лет) позволил узнать мнение горожанина.

Информантам были заданы вопросы: *Привыкли ли Вы к новому имени; хотели бы, чтобы город по-прежнему назывался Свердловск; оцените наименование «Екатеринбург» с точки зрения удобства употребления в речи, звучания, культурных ассоциаций; приведите известные вам разговорные номинации от имени «Екатеринбург» и его производных.* Полученные ответы позволили выделить два направления в современной жизни имени.

Первое направление — осознание «столичности» имени. Возвращенное имя возвратило старую легенду.

Результаты анкетирования показали, что подавляющее большинство екатеринбуржцев приняло новое имя, привыкло к нему, горожане считают, что переименование — необходимый шаг для создания новой России. Среди аргументов за переименование преобладало утверждение о том, что городу возвращено первоначальное имя, восстановлена историческая справедливость, у нового имени нет ассоциаций с советской эпохой.

Имя города большинство информантов назвали благозвучным. При характеристике звуковой стороны номинации «Екатеринбург» подавляющее большинство информантов оценило слово как *красивое, удобное, звучное, благородное, солидное, высокое, благозвучное, мелодичное, звучит громко, приятное на слух, емкое и гордое, напевное, величественное, многозначительное, возвышенное, рядом с ним Свердловск звучит просто и незамысловато; поскольку Екате-*

ринбург образовано от имени, а не от фамилии, то звучит роднее, не так официально.

Благозвучность имени «Екатеринбург» во многом определяется тем кругом ассоциаций, которые вызывает данный топоним. Если в 1990-х «нерусскость» второго компонента «бург» сложного топонима «Екатеринбург» была скорее недостатком, чем достоинством имени, но сейчас именно этот компонент вызывает самый широкий спектр положительных коннотаций: *красивое, так как иностранное звучание; как будто город старый; напоминает Гамбург, Санкт-Петербург; звучит более современно, по европейским стандартам; всего два бурга в России — Санкт-Петербург и Екатеринбург; ассоциация с Германией, Австрией, а это порядок, демократия и справедливость. ассоциация с Санкт-Петербургом — второй столицей, следовательно, Екатеринбург — третья столица.*

Мнение рядовых горожан коррелирует с социальной политикой, которую проводят власти Екатеринбурга. В нашем городе разработан комплексный общественный Проект стратегического развития [Чернецкий 2002], который поддерживает статус Екатеринбурга как центра Урала, как третьей столицы страны. В рамках стратегических направлений Плана разработчиками подготовлено 27 программ. Среди них — «Екатеринбург — культурный, спортивный и туристический центр».

В этой программе главное внимание обращается на проблему въездного туризма. Неповторимые черты Екатеринбурга (выделено курсивом. — И. В.) поддерживают, с одной стороны, идею центра, столичности города, с другой стороны, специфику феномена уральскости:

- Екатеринбург — *историческая столица* горнозаводского Урала; в облике города сохранились значительные элементы индустриального наследия XVIII–XIX веков (Исторический сквер, Плотинка и др.), что делает его признанным *культурно-историческим центром*;

- Екатеринбург — город, где трудилось большое количество иностранных специалистов (инженеров, техников, ученых), *его планировка исторически является европейской* (прямоугольные кварталы, перспективы, проспекты) — это тем более поразительно, что *он находится в Азии*;

- Екатеринбург — *центр камнерезного ремесла*, которое является (наряду с каслинским литьем, златоустовской гравировкой на металле, невянской иконой и нижнетагильским подносным промыслом) признанной визитной карточкой Урала;

- Екатеринбург — *город, где в июле 1918 года были расстреляны*

последний российский император Николай II и его семья, ныне причисленные к лику святых Русской православной церкви;

- Екатеринбург — свидетельство эпохи индустриализации (соцгород Уралмаш, архитектура конструктивизма, сделавшая город единственным в мире хорошо сохранившимся памятником этого архитектурного стиля, составлявшего основу облика так называемого «города будущего»);

- Екатеринбург — промышленный центр, внесший огромный вклад в достижение победы над нацистской Германией;

- Екатеринбург — один из форпостов перестройки в СССР и демократизации в России, город первого российского Президента.

- В отличие от других городов Екатеринбург имеет уникальный символический капитал, свою «изюминку»; подобной особенностью могут похвастаться только несколько городов мира. Екатеринбург — самый крупный и самый восточный город на сухопутной границе частей Старого Света, это пограничный город между Европой и Азией.

Таким образом, предложения по созданию нового имиджа Екатеринбурга совпали (или повлияли на него?) с мнением рядового екатеринбуржца, оказались в русле современных тенденций ориентации на западные образцы, внесли новое содержание в восстановленное имя города, отодвинув на задний план образ рабочего города, где главным действующим лицом был уральский рабочий. Смена имени, на наш взгляд, явилась составляющей этого процесса.

Второе направление в жизни топонима — тенденция к понижению пафосности, которое заключено во внутренней форме имени.

При самой доброжелательной характеристике имени информанты не могли не отметить громоздкости топонима, неудобства его употребления в разговорной речи: *слово громкое, но длинное; сложно от него образовывать производные слова; длинновато, но солидно*. Поэтому в живой речи уральского города мы встречаем варианты, которые реализуют, на наш взгляд, демократическую тенденцию развития современного русского языка. Она проявляется в стремлении к языковой экономии и усилении личностного начала в языковом творчестве.

Динамичность развития современного мира, изменение его информационно-коммуникативных потребностей увеличили степень компрессии, сгущения информации, активность компактных вербальных средств. Наряду с доминированием разговорных универбов, возникших из многословных, в современной речи продуктивны и компакт-

ные номинации, образующиеся путем упрощения обозначений развернутых [Нещименко 2003]. Одним из самых эффективных, активно используемых способов сжатия слова является аббревиация. Екатеринбург, создавая сокращенный вариант имени города, пошел по аббревиатурному пути, усекая первый компонент сложного слова до однофонемного «Е», оставив полным второй компонент «бург». Таким образом получилась номинация «Е-бург». Важную роль в этом процессе играет общая «устнизация», наблюдаемая не только при личном общении, но и в публичной коммуникации. Принятие жителями города разговорной единицы *Е-бург* позволило вновь созданной городской газете называться «Город Е». Автором названия стала студентка одного из вузов города. Данная номинация дает возможность отнести единицу «Е» к неологизмам-аббревиатурам, которые в современном русском языке проявляют особую активность, выступая в составе композитов в роли аналитического прилагательного и становясь экспрессивным средством русского языка (ср. анализ словообразовательных гнезд с вершиной PR или CD [Попова 2003]): *е-буржцы*, *е-бурженка*, *е-бурженец*, *ебургский*, *ебургский*.

Созданная по высокопродуктивному типу новая номинация активизирует языковое творческое начало горожанина, и на базе *Е-бурга* в разговорной речи появляется ироническое *Ё-бург*, созвучное табуированной обсценной единице. Иногда это слово обыгрывается графической записью латиницей: *Yo-burg*.

Языковая игра, реализуя потребность носителей языка в компактной номинации, проявляет себя во вновь созданных окказиональных единицах, образованных по другим моделям: *Бург* (полное сокращение первого компонента), *Катькиноград*, *Катаринбург*, *Екабург* (упрощение полного имени Екатерина до сниженно-разговорного и окказионального), *Екат* (произвольное усечение имени), *Екб* (аббревиация по аналогии с СПб), *Катер* (по аналогии с Питером), *катаринобюргеры* и *катаринобюргерши* (обыгрывается немецкое происхождение второго компонента), *Екатериноград* (замена немецкого второго компонента слова на славянский вариант). Уместно заметить, что тенденция к коллоквиализации и языковой экономии в современной речи позволила ввести в оборот литературного языка сокращенную номинацию *Питер*, которая в начале XX века воспринималась как сниженная и не употреблялась образованными людьми.

В разговорной речи жители города могут употреблять старую номинацию *Свердловск*, которая удобнее в речевом обиходе, тем более что область по-прежнему носит название *Свердловская*.

Полная номинация *Екатеринбург* является мотивирующей основой для производных слов *екатеринбургский* / *екатеринбургский*, окказионального *екатеринбургить* (в сочетании *поедем екатеринбургить* — в значении ‘учиться в Екатеринбурге’). Любостью к родному городу можно объяснить стремление информантов положительно оценить трудные в произношении производные слова: *екатеринбуржцы — это лучше, чем жители Пензы; это же не Набережные Челны*. Компонент *бург* начинает обыгрываться в городских номинациях — например, в названии автомагазина «*Ладабург*».

Подведем итоги нашим наблюдениям над функционированием нового топонима в речи уральцев. Опираясь на проведенный опрос, можно с уверенностью сказать, что новое имя принято и осознано жителями города как привычное, а потому и удобное. Ассоциативный ряд создает необходимый культурный фон, который позволяет высоко оценить «благозвучность» имени. Хотя в действительности момент благозвучности названия в топонимике не самый главный. «Основное назначение топонима — ориентация, а не украшение» [Суперанская 1973: 44]. Возвращенное городу имя возрождает идею столичности на новом витке развития. Особенность Екатеринбург у придают доминантные черты, выделяющие город среди других промышленных мегаполисов. К ним прежде всего относится особый географический статус — граница между Европой и Азией, срединное положение на Урале (по сравнению с Пермью и Челябинском), богатое историческое прошлое, уникальность ряда событий, связанных с городом, новые грандиозные проекты.

Житель уральской столицы чувствует всю специфику нового имени. При общей тенденции к демократизации современной жизни «столичность» номинации устраняется за счет образования сокращенных вариантов. Громоздкость исходного имени создает основу для активизации языкового творческого потенциала. Горожанин в повседневной жизни ироничен по отношению к имени своего города. В подтверждение этого приведем шутливое высказывание, возникшее на местной почве: *Вы живете в Екатеринбурге, если в разговоре редко произносите название своего города полностью. Сокращенные же варианты звучат на грани приличия*.

А. С. Атманских

Восстановление справедливости или ирония судьбы? •

(Опыт метафизического краеведения)

Данная статья была написана для популярного городского журнала «МИКС» в 1990 году, — именно в тот момент, когда город Свердловск активно переименовывали в город Екатеринбург.

Уподобляя историческое время течению реки, мы вдруг обнаружили, что плывем вне естественного русла, по искусственному каналу, нами же возведенному. Трудности быта и отсутствие перспективы толкают к истокам, уходящим за грань 1917 года. Отсюда — страстное желание изменить жизнь, «обустроить» ее по старым образцам, начиная с вывесок. Тверь, Самара, Нижний Новгород...

Стоит присмотреться к феномену пере-ИМЕНОВАНИЯ. Ибо смена имени (названия) не сводится к смене табличек на стене и штампов в паспортах.

П. А. Флоренский (нынче не сослаться на него — дурной тон!) полагал, что ИМЯ суть «тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность», суть «первообнаружение сущности». Речь идет, понятно, об имени человека. Иначе говоря, ИМЯ — не случайная метка и не внешний признак, оно во многом (как и психофизиологический склад) определяет судьбу и биографию человека. «Направляет жизнь человека по известному руслу». Здесь нет никакого фатализма: ведь личность сама избирает свое нравственное содержание. С одним и тем же именем можно быть святым, обывателем или негодяем. Главное — это будут проявления

одной определенной организации. От имени зависит судьба, а не детали жизни.

Речь до сих пор шла об имени человека. Улица имеет скорее название, чем имя, но аналогии напрашиваются сами собой. С одной стороны, при переломе судьбы и, соответственно, при изменении мироощущения эпохи улица с «рискованным» названием обречена на переименование. С другой стороны, — человек, живущий на улице им. Карла Маркса, видимо, чувствует себя несколько иначе, чем живущий на улице Крестовоздвиженской.

Пытаясь представить переименованный в Екатеринбург Свердловск, стоит прежде всего вспомнить названия улиц, по которым ходили люди, на которых стояли церкви и магазины. Тем более что прежних названий осталось всего ничего: Московская, Шарташская, Кузнечная (когда-то — Кузничная), Пушкинская, Восточная и Гоголя (две последние все же раньше были — 2-я Восточная и Гоголевская). Остальные улицы сменили имена или исчезли.

Справедливости ради стоит сказать, что переименования случались и до 1917 года: Заячий порядок стал respectable (мощеной и «фонаризированной») Златоустовской улицей. Однако нам более интересна временами случайная, но реальная логика именования.

Названия екатеринбургских улиц часто были связаны с храмами и церквями, на них стоящими: Крестовоздвиженская, Спасская, Симеоновская, Архиерейская, Верх-Вознесенская, Вознесенский проспект, Вознесенский переулок. В кладбищенскую церковь Успения Божьей Матери женского монастыря упиралась Успенская. Понятно, что одна из улиц, ведущих к Новотихвинскому монастырю, называлась Тихвинской, другая — Монастырской.

Иногда названия улиц соотносились с географией города. Улица, ведущая на юг (к Уктусу) не могла не называться Уктусской. Так же как и два Уктусских переулка — 1-й и 2-й. Вполне естественно, что самая северная улица называлась Северной. Со времени основания города на берегу речки Мельковки сложилась Мельковская слобода, в которой были — Мельковская площадь и улицы 1-я, 2-я, 3-я, 4-я Мельковская (и особо — Мельковская узенькая).

Названия могли быть просто функциональными — особенно это касалось площадей (Дровяная, Щепная, Сенная, Торговая, Ночлежная, Хлебная). С другой стороны, не обошлось и без некоторой поэзии — улица могла получить имя Студеной или Луговой.

Желание же поименовать улицы в честь великих людей и просто заметных личностей возникало реже, нежели сейчас. Видимо, народ

были временно темен, поэтому и воля трудящихся масс проявлялась неявно. Некому было выдвинуть список достойных и проголосовать за новые святцы избранных. Так что Александровский проспект — в честь императора. Пушкинская и Гоголевская — в знак уважения к памяти творцов. В честь городского головы и владельца мельницы — Симановская. В честь «хозяев жизни» — Турчаниновская, Расторгуевская, Харитоновская. В честь известного архитектора — Малаховская.

НО! — время уверенно шло вперед. В 1917 году решили изменить не только строй, но и взгляды на мир. В известной песне эпохи было предложено отречься от старого мира и, соответственно, отряхнуть его прах... Прогрессивная публика предложением заинтересовалась, поскольку в светлое завтра Богоявленская и Водочная, Архиерейская и Крестовоздвиженская не вписывались. Более того, они его оскорбляли. Новый мир предполагал новые имена — от Владилена и Октябрьины до площади Народной мести. А потому — и *иную логику именования*.

Прежде всего надобно было избавиться от «опиума для народа» и «нетрудового элемента». Весьма кстати мировая и местная история оказалась достаточно богата более достойными людьми и событиями.

По заведенной в стране традиции Главный проспект стал проспектом Ленина, Угусская — улицей тов. Троцкого, 1-я и 2-я Богоявленские — соответственно Володарского и Урицкого. Златоустовская превратилась в улицу им. Р. Люксембург, Крестовоздвиженская стала улицей К. Маркса, а Вознесенский переулок — улицей К. Цеткин. Желание запечатлеть судьбоносные катаклизмы превратило тихие Фетисовскую, Ломаевскую и Коробковскую в улицы 9 Января, Февральской революции и Октябрьской революции, а пересекающий их Щипановский переулок (какая глубокая символика!) — в улицу Боевых дружин. Все это понятно: меняется режим — меняется и иконостас.

Кроме вождей мирового пролетариата, на арену выходят местные герои. Покровский проспект становится улицей Малышева, Большая Съезжая — улицей А. Валека, а Симеоновская — Тверитина. Забавная деталь: появление улицы с эпохальным названием — Народной Воли — означало переименование сразу трех «старорежимных» улиц — Нагорной, Земской и Монастырской!

Однако не только политические борцы стали предметом увековечивания. Лозунги культурной революции требовали привлечь внимание широких масс к великому наследию. Остались Пушкинская и Гоголевская, но их «укрепили» улицами Тургенева (Верх-Вознесенская)

и Шевченко (Харитоновская). Параллельные друг другу Госпитальная и Дубровинская получили имена великих и неразлучных Добролюбова и Чернышевского. Крайне надобно было переименовать и Водочную, она и стала — Мамина-Сибиряка. А проходящая рядом непонятно в честь кого Васенцовская обрела имя «культурного» наркома Луначарского. Правда, и культуртрегерство не обошлось без изъятий: нежелательные фигуры не получили «прописки» (Достоевский, например, всегда был в сложных отношениях с социализмом).

Со временем «имя-творческая» деятельность обратилась к безопасным в классовом отношении улицам. Расслабиться было некогда — новые герои и новые события уже не умещались на карте. Усольцевская стала улицей Сакко и Ванцетти, Луговая — Мичурина. И поделом! От дореволюционной «поэзии» слишком явно пахло интеллигентским душком и сентиментальной нервозностью. А вождь совершенно определенно заявил, что нам «истерические выкрики ни к чему», нам была нужна «мерная поступь железных батальонов пролетариата». Поэтому и переименовали — Солдатскую в Красноармейскую, а Офицерскую — в Пролетарскую. Хотя — приходится признать! — эти имена все же проигрывают в сравнении с сегодняшними Экскаваторными и Автомагистральными...

Конечно! — не обошлось в спешке и без некоторых оплошностей. Одну удалось исправить: улицу им. тов. Троцкого (бывшую Уктусскую) после разоблачения вышеупомянутого товарища опять переименовали — безопасно! — в улицу 8 Марта. Но если со Львом Давыдовичем все ясно, то непонятным осталось другое. Почему Успенскую назвали Вайнера — еще объяснимо, он на ней как-то проживал. Но почему в честь Мамина-Сибиряка — не Колобовскую (ныне Толмачева), где он жил, а — Водочную? Это — намек? Опять же — за что извели Малахова с карты города? Видимо, за то — и другой причины не ищите! — что строил много домов мироедам и власть имущим. И — я подозреваю — упорно отказывался посвятить себя строительству особняков для трудящихся... Коковинскую, кстати, тоже можно было не переименовывать в Шейнкмана. И было бы она — в честь Лизы Коковиной, погибшей вместе с Валеком и Авейде.

Словом, переименовали много — и редко что с умом. Так что рассказ можно бы и продолжить. И у широкой публики зреет, видимо, предложение: не достичь ли махом исторической справедливости, переименовав все обратно?

Но (отсылаю к названию статьи) историческая справедливость подобного рода недостижима. Она недостижима, как граммофон, конка

и парад конногвардейских полков. Как вообще Россия, о которой ностальгически принято вспоминать под шелест страниц Н. А. Бердяева. Поздно, сограждане! Поезд ушел. «Вагончик тронется, перрон останется». Н. А. Бердяев — великий мыслитель, но писал он не про нас — нынешних. Мы — из другого мира. Не русские — советские. Со своим уникальным бытом, искусством, производством и стилем отношений.

Вековая мечта славянофилов об особом пути свершилась. Судьба сыграла злую шутку — на этом славном особом пути нам пришлось от них отречься. Наверное — насовсем. И бесполезно искать у Н. Федорова и С. Булгакова ответы на интересующие нас вопросы. Читать их надобно, но их ответы — не наши.

Более того, понимаем ли мы их? В слова-то мы вкладываем весьма различный смысл! Все просто: мы — в «вагончике» — тронулись, а они — на перроне с красивой вывеской «Россия» (славянской вязью исполненной) — остались.

Так и с именами. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, не на углу Златоустовской и Александровского проспекта (в Екатеринбургском родильном доме). И нечего претендовать на чужое прошлое. Чужое, ибо нам не принадлежит. Поясню: это не я отказываюсь от «наследства», это оно от меня отказывается. Судьба — не кино, назад не отмотаешь.

Так что НАШЕ прошлое — вот оно, всегда с нами. Взглянешь на карту города — душа поет от улицы Сцепщиков до улицы Смазчиков! — Проще новый Екатеринбург основать, чем нынешний опять переделявать. В этом и ирония: как было — можем узнать, а возвращаться — бесполезно. НЕВОЗВРАТНО! Василий Васильевич Розанов это еще в 1918 году понял:

С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русской Историею железный занавес.

Представление окончилось.

Публика встала

Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось.

НЕВОЗВРАТНО, посему ностальгия — беспочвенна.

Примечание. Фундаментальные выводы — оптимистические или пессимистические — автор делать не намеревался.

Список прежних и нынешних названий улиц и переулков

Александровский проспект	Улица Декабристов
Арсеньевский проспект	Улица Я. М. Свердлова
Вознесенский проспект	Улица К. Либкнехта
Главный проспект	Проспект Ленина
Покровский проспект	Улица Малышева
Сибирский проспект	Улица Куйбышева
Архиерейская улица	Улица Чапаева
Архиерейский переулок	Улица Тверитина (от р. Исеть до ул. 8 Марта)
Байнауховская улица	Улица Белинского (на юг от р. Исеть)
1-я Береговая улица	Улица Горького
2-я Береговая улица	Отсутствует
Березовская улица	Отсутствует
1-я Богоявленская улица	Улица Володарского
2-я Богоявленская улица	Улица Урицкого
Болотная улица	Улица Большакова
Бороздинская улица	Отсутствует
Васенцовская улица	Улица Луначарского
Верх-Вознесенская улица	Улица Тургенева
Водочная улица	Улица Мамина-Сибиряка
Вознесенский переулок	Улица К. Цеткин
1-я Восточная улица	Отсутствует
2-я Восточная улица	Улица Восточная
Гилевская улица	Отсутствует
Гоголевская улица	Улица Гоголя
Госпитальная улица	Улица Добролюбова
Дровяная улица	Отсутствует
Дубровинская улица	Улица Чернышевского
1-я Загородная улица	Улица Фурманова
2-я Загородная улица	Улица Фрунзе
3-я Загородная улица	Улица Щорса
Земская улица	Улица Народной Воли (между ул. Белинского и р. Исеть)
Златоустовская улица	Улица Р. Люксембург
Клубная улица	Улица Первомайская
Ключевская улица	Улица В. Еремина
Коковинская улица	Улица Шейнкмана
Коковинский переулок	Отсутствует

Колобовская улица
Коробковская улица
Крестовоздвиженская улица
Кузничная улица

Ломаевская улица
Луговая улица
Малаховская улица
1-я Мельковская улица
2-я Мельковская улица

3-я Мельковская улица
4-я Мельковская улица
Мельковская узенькая улица
Механическая улица
Монастырская улица

Московская улица
Нагорная улица

Никольская улица

Обсерваторская улица
Основинская улица
Отрясихинская улица
Офицерская улица
Пестаревский переулок

Почтовый переулок
Пушкинская улица
Пышминская улица
Расторгуевская улица
Симановская улица
Симеоновская улица
Солдатская улица
Спасская улица
Столовая улица
Студеная улица

Сухаревская улица
Съезжая большая улица
Съезжая малая улица
Северная улица

Улица Толмачева
Улица Октябрьской революции
Улица Карла Маркса
Улица Кузнечная
(от ул. Шевченко до пр. Ленина)
Улица Февральской революции
Улица Мичурина
Улица Энгельса
Улица Лермонтова
Переулок Красный — Мельковская
(ранее — Жданова)
Улица Быковых
Улица Азина
Улица Дзержинского
Улица Горького
Улица Народной воли
(от р. Исеть до ул. Московской)
Улица Московская
Улица Народной Воли (от ул. Луначарского до ул. Восточной)
Улица Белинского
(от ул. Малышева до р. Исеть)
Улица Бажова
Отсутствует
Улица Радищева
Улица Пролетарская
Улица Боевых дружин (от ул. Московской до ул. Шейнкмана)
Переулок Почтовый
Улица Пушкинская
Улица Короленко
Улица Ткачей
Улица Попова
Улица Тверитина
Улица Красноармейская
Улица Разина
Отсутствует
Улица Жукова (ранее —
Допризывников)
Улица Чайковского
Улица Валека
Переулок Химиков
Улица Челюскинцев

Тихвинская улица
 Турчаниновская улица
 Уктусская улица
 1-й Уктусский переулок
 2-й Уктусский переулок
 Усольцевская улица
 Успенская улица
 Фетисовская улица
 Харитоновская улица
 Челябинская улица
 Шарташская улица
 Щипановский переулок

Улица Хохрякова
 Улица Испанских рабочих
 Улица 8 Марта
 Улица Уктусская
 Улица Сурикова
 Улица Сакко и Ванцетти
 Улица Вайнера
 Улица 9 Января
 Улица Шевченко
 Улица Машинная
 Улица Шарташская
 Улица Боевых друзей

Список прежних и нынешних названий площадей

Вознесенская площадь

Площадь Комсомольская
 (ранее — площадь Народной мести)

Дровяная площадь

Площадь Парижской Коммуны

Кафедральная площадь

Площадь 1905 года

Коковинская площадь

На этом месте — Центральный рынок

Малаховская площадь

На этом месте — парк им. Энгельса

Мельковская площадь

Застроена

Ночлежная площадь

Площадь Обороны

Сенная площадь

На этом месте — телестудия и парк им. П. Морозова

Торговая площадь

Сквер возле здания Администрации города

Хлебная площадь

На этом месте — дендрарий

Цыганская площадь

На этом месте — трамвайный парк

Щепная площадь

На этом месте — спорткомплекс «Юность»

Ю. В. Клочкова

Формирование екатеринбургского мифа в литературе и его трансформация в произведениях свердловских авторов 20—30-х годов XX века

Вопрос о мифе города в литературе традиционно связывается с категорией локальных текстов, которые, по определению М. В. Строганова, могут выступать в двух возможных значениях: 1) текст о некоторой определенной местности, имеющий общее, не местное значение; 2) текст, обслуживающий только определенную местность и практический не актуальный за ее пределами [Строганов 2004: 484]. Связь локального текста и мифа позволяет говорить о том, что миф о городе — это комплекс представлений о нем, реализующийся в текстах путем метафоризации реальности: «Это метаморфоза, мифологизация образа реальности» [Там же: 485].

При таком взгляде на локальный текст решающее значение имеет оппозиция «столица — провинция», так как стремление к столичному статусу в любом его проявлении мы можем наблюдать у многих нестоличных городов. Так, Екатеринбург всегда называл себя столицей Урала, несмотря на долготетнее административное подчинение Перми. К фактам такого же рода можно отнести современный проект «Ульяновск — культурная столица Поволжья». Для провинциальных локальных текстов актуальной становится сопричастность столице, позволяющая провинциальному городу, во-первых, выдвинуться из множественного ряда, а во-вторых, осознать себя центром мира. Представление о месте собственного пребывания как о центре мира является основным идеологическим мифом провинции [Кошелев 2001].

Вопрос о формировании локальных текстов и, соответственно,

мифа города остается актуальным, несмотря на сложившееся сегодня в филологической науке направление, занимающееся проблемой провинциального текста. Несомненно, становление мифа города и закрепление его в тексте — процесс долговременный и противоречивый, и одна из задач исследователя — изучение ключевых этапов его формирования.

Поскольку Екатеринбург изначально возник вдалеке от очагов культуры как индустриальный город, комплекс представлений, связанный с ним, имеет прежде всего материальную основу — железо, камень, золото. Эти образы отражают также традиционные представления об Урале как о богатом горном крае. В текстовом статусе эти представления проявились в путевых записках путешественников, посещавших Екатеринбург [Злоказов, Семенов 2000]. Первым художественным воплощением локального мифа, хотя и с некоторой натяжкой, можно считать повесть Андрея Лоцманова «Негр, или Возвращенная свобода» (незаконченная, так как возможность писать была насильственно отнята у крепостного автора в связи с событиями 1825 года).

Несмотря на экзотичность героев и места действия (негры, добывающие алмазы в бразильских рудниках), сюжет романа может быть соотнесен с екатеринбургским мифом. Образ камня связывает это пространство с малоизвестным и не менее загадочным пространством Урала. Повесть интересна как попытка перевода реального географического пространства в образ, соответствующий его содержанию. Можно сказать, что Лоцманов наметил контур будущего отношения в литературе к данному месту. Закрепление уральского и екатеринбургского мифа начнется в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Образ Екатеринбурга неоднократно появляется в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка 80–90-х годов. Хотя Екатеринбург легко узнается во многих произведениях писателя, в основном он выступает в них под вымышленными именами. Круг «псевдонимов» Екатеринбурга: Узел, Сосногорск, Загорье, Пропадинск, Бужоем — дает интересный угол зрения для анализа образа Екатеринбурга в творчестве писателя. Широкий спектр семантически разнообразных названий отражает практически все пласты локального мифа, увязывая воедино образ провинциального города с его тоскливым существованием, беспросветной грязью и унынием, в котором гибнут все проявления живой жизни и города с особой энергией, в котором, как в живом узле, завязаны самые разнообразные интересы, судьбы, надежды.

Еще одним этапом литературного закрепления и развития екатеринбургского мифа становится период 1910-х годов, время активного

развития местной газетной журналистики. Образ города появляется в материалах местной хроники, в освещении городских событий. Наиболее интересным в качестве репрезентативного текста нам представляется газетный фельетон — практически обязательная часть газетных публикаций этого периода.

Названия рубрик, в которых помещались фельетоны в екатеринбургских газетах, — «Цветные осколки» («Голос Урала»), «Маленький фельетон» («Уральская жизнь»), «Мелочи повседневной жизни» («Екатеринбургская неделя») и т. п. — соответствовали предмету его изображения: повседневная жизнь и опыт горожан, которые, по мнению автора книги «Общие места: мифология повседневной жизни» Светланы Бойм, «можно описать посредством коротких повествований, историй, анекдотов, “мифов повседневной жизни”» [Бойм 2002: 12]. Несмотря на то, что фельетон в силу природы жанра обращался в основном к негативным сторонам городской жизни, на его страницах оживает ускользающая повседневность, отражаются представления горожан о городе и о себе (анализ пермского пространства в местной фельетонистике см.: [Власова 2004]).

Одной из основных задач екатеринбургского фельетона становится травестирование образа столицы Урала, статус которой, по мнению фельетонистов, Екатеринбург пытается присвоить несколько преждевременно. Эта тема многократно возникает в фельетонах В. П. Чекина, популярного екатеринбургского журналиста 10-х годов.

Внешняя респектабельность города, настаивает автор, иллюзорна, сквозь нее постоянно прорывается необустроенность пространства и жизни обывателей. Приведем один пример. В фельетоне «Похвальное слово Екатеринбургу» (Уральский край. 1911. 19 мая) автор подчеркивает эту иллюзорность, пародируя справочники о Екатеринбурге и противопоставляя им реальность. Сведения в справочниках: *Климат — южная Швейцария. Окрестности — и Швейцария в подметки не годится. В гигиеническом отношении — «счастливая Аркадия»: никаких болезней, кроме насморка, да и тот в самых легких формах. По культурности — Европа. <...> Достопримечательностей не перечесть: пруды облицованы гранитом; собственный маленький полуминистр; председатели судов со звучными фамилиями, чугунные памятники, целые скелеты мамонтов в образцовых музеях.*

В реальности город совсем другой. И если зимой он хотя бы красив (авторская ирония здесь прорывается только по отношению к городским тротуарам, «напоминающим циклопические постройки», и сторожам с их досками, осмеянными еще А. П. Чеховым: *окаенный*

звон сторожевых чугунных досок не портит настроение, тем более, что этот звон к 12 часам ночи переходит в сплошной мирный сторожевой хrap), то летом это не город, а казнь египетская, пропущенная, по оплошности, Моисеем.

О летнем Екатеринбурге Чекин не раз отзывался иронически, но здесь ирония переходит в едкий сарказм: С утра до вечера «самобытный» екатеринбургский ветер носится по улицам с пыльными смерчами, засыпая всех и вся чем попало... Котелки летят, двухаршинные дамские шляпы летят, зонтики превращаются в какие-то потерявшие форму веники. Вечерами дворники, пересыпающие пыль с места на место своими метлами, разбивают самые скромные намерения обывателей погулять по бульварам. Перефразируя классика: Куда деваться бедному горожанину? Где засоренному есть чувству уголок?, Чекин обращает внимание читателя не только на экологические, но и духовные проблемы города: Всякий предпочитает слепнуть от мерцающих лент в «Варьете», «Лоранже», «Магните», вытирать собственным костюмом пыльные ложи городского театра или слушать единственного безголосого соловья и многочисленных безголосых певиц и певцов в пресловутой пьяной Харитошке (Харионовском саду. — Ю. К.), чем бесславно пасть задохнувшимся от пыли. <...> Да, не дай бог вам узнать «столицу Урала» летом. Разумеется, в таком контексте слово столица звучит иронически.

Таким образом, к началу XX века миф города приобретает двойственные очертания: с одной стороны, это крупный индустриальный город, претендующий на то, чтобы называться столицей Урала, но с другой — сама реальность такова, что представления о нем горожан содержат все отрицательные коннотации провинции.

В 20–30-е годы городской миф подвергается значительной трансформации, на которую влияют в том числе процессы, происходящие в стране в целом.

Под воздействием идеологических установок начинает вырабатываться определенный канон в изображении города. Показательна в этом отношении статья А. Баранова «Как не нужно писать об Урале», опубликованная в 1930 году в журнале «Рост». Критикуя несколько посвященных Уралу книг, изданных в различных издательствах, в том числе и центральных, А. Баранов замечает: «По всему Уралу идет реконструкция существующих заводов, строятся новые заводы-гиганты, открываются все новые и новые богатейшие залежи ископаемых. Лицо старого Урала изменяется на наших глазах. Не менее интересно и богато событиями и прошлое Урала. Являясь колыбелью русской и гор-

нозаводской промышленности, Урал вместе с тем был ареной ожесточенной классовой борьбы» [Баранов 1930: 130]. Эти стороны уральской жизни и должны стать, по мнению А. Баранова, предметом изображения, а не серые будничные городские картины (например, очередь за водой, которую продает черпаками водовоз). Повседневность перестает быть интересной. А если она все-таки изображается, то в ней должно искать только героические черты, видеть широкую картину социалистического строительства.

В то же время масштабность преобразований, происходивших на Урале, поражала современников. В городе, поменявшем старое имя на Свердловск, разворачивалось бурное строительство, поднимались промышленные гиганты (Уралмаш, Уралхиммаш), появлялись высотные здания и архитектурные комплексы. Город приобретал облик современного индустриального центра, «образцового города», как о том заявляла газета «Правда» [Мурзин 2004: 122]. В речи свердловского поэта и писателя Н. Куштума на Первом Всесоюзном съезде советских писателей отчетливо видна гордость за то, как изменяется Урал: «Нам, уральцам, нет надобности выдумывать темы для стихов. Лучше того, что есть в нашей жизни, не выдумаешь. На Урале происходят героические события, которыми пронизано всякое, даже самое маленькое, будничное, на первый взгляд, дело» [Куштум 1990: 637]. При таком отношении и взгляде на родной край логичным было бы изображение его особых неповторимых черт, что, в частности, происходило в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка. Но в 20–30-е годы традиция изображения города вслед за преображением самого пространства коренным образом меняется.

В. Каганский выделяет «советское пространство» как особую конструкцию. Исследователь отмечает, что образ советского пространства дает такие черты, как «гиперцентрализованность всей среды и любого места, жесткая оконтуренность ячеек, сочетание хаоса и унылого такта, непредсказуемости и стандартизованности». С другой стороны, «внешне омассовленное, индустриально-урбанизированное» пространство, в сравнении с сегодняшним миром, почти уникально. Уникальность здесь в том, что все пространство «статусно дифференцировано. Место в пространстве есть статус в государстве» [Каганский 2001: 137]. Каждому региону в таком пространстве присваиваются определенные функции, но остается приоритет «надпространственного» («общегосударственного») над местным. «Регионы — области однозначного контекста и интерпретации» [Там же: 160, 161]. Кроме того, в пространстве как социокультурной системе в начале советской эпохи до-

минировала задача объединить искусство и жизнь, «пронизав то и другое идеологическими эманациями» [Каганский 2001: 152].

Теперь задачей писателя становится не выявление индивидуальности города, а, напротив, включение его в единый процесс обновления, рождения нового мира, промышленным оплотом которого предназначалось стать Свердловску. Портрет и сущность города изображались при помощи клише, в уже готовой матрице. Большую роль именно в таком способе изображения Свердловска, по сути, создании нового мифа, сыграл В. Маяковский.

До приезда в Свердловск знаменитый поэт предпринимал множество поездок по стране, и в его литературном багаже накопилось немало стихов-зарисовок городов, в которых четко прослеживаются несколько тенденций. Это нигилизм по отношению к прошлому: *История — / врун даровитый, / бубнит лишь, / что были / царьки да князьки* (Владикавказ — Тифлис. 1924); выхолащивание из истории какого-либо смысла и противопоставление ее новой, творчески насыщенной действительности: *А теперь / встают / с Подола / дымы, / киевская грудь / гудит, / котлами грета. / Не святой уже — / другой, / земной Владимир / крестит нас / железом и огнем декретов* (Киев. 1923), четкий интерес к городу как созидающей, производственной единице одного большого дела, общей стройки: *Баку. / Листья — конопь. / Ветки — провода. / Баку. / Ручьи — / чернила нефти* (Баку. 1923). Образ стройки, строительства довлеет над всеми остальными, переходит из текста в текст, сопровождаясь веселыми, но бесцеремонными лозунгами: *Строй / во всю трудовую прыть, / для стройки / не жаль ломаний! / Если / даже / Казбек помешает — / скрыть! / Все равно / не видать / в тумане* (Владикавказ — Тифлис).

Поскольку Свердловск — это исторически промышленный город, возникший с определенной функциональной целью, поэту остается только слегка «подкорректировать» его образ, чтобы с легкостью включить его в парадигму описания новых социалистических городов.

В стихотворении Маяковского 1928 года «Екатеринбург — Свердловск» образы *новый город, новорожденный город* становятся определяющими. Напомним, что городу 205 лет, возраст не очень солидный, но все же существенный. Правда, в 1924 году Екатеринбург становится Свердловском, но дело здесь не только в смене имени, а следовательно, смене исторического и культурного кода. Скорее, в стихотворении закрепляется новый, теперь уже идеологический миф, хотя и выросший из старых представлений о Екатеринбурге (город-завод, труженик и т. д.). Но город — *новый, работник и воин, и у этого горо-*

да нету традиций. Настойчиво утверждается тема нового этапа истории, перечеркивающего прошлое. Практически мир начинается заново: *У нас / на глазах / городище родится / Из воли Урала, / труда / и энергии!*

Именно эти строки становятся эпиграфом эпигонских стихов Семена Уланова «Биография города», опубликованных в журнале «Штурм» в 1932 году (№ 5 / 6). И хотя героем этого стихотворения становится Челябинск, местный поэт ни на шаг не отступает от «канона классика». В первой части стихотворения перечисляется традиционный набор «ужасов доисторических времен»: *кабацкий мордобой, дороговизна базаров, хозяином в небо таращится крест, капиталисты, обирающие рабочих, и неизбежный острог — подарок императрицы.* Отношение к истории все то же — *помойная яма минувших столетий.* Жизнь начинается только сейчас, *в буднях великих строек.* И сам город изображается одной огромной стройкой.

Противопоставление прошлого и настоящего выводит на поиски нравственных и моральных ориентиров, необходимых для строительства нового. Происходит коренное изменение пространства человеческой жизни. Если в прошлом своеобразную связь человека с небом осуществлял крест на куполе церкви, то сейчас эту функцию выполняет заводская труба. И Урал, где к 30-м годам крестов становилось все меньше, а заводов все больше, представляет определенный интерес для подобного изображения современности.

Один из примеров тому — повесть Николая Куштума «Точка опоры» (Штурм. 1930. № 7 / 8). События происходят не в Свердловске, а в другом уральском городе, но для нас важен здесь именно угол зрения писателя. *Над городом тихо кружились белые мотыльки и медленно падали на холодный камень... Вечер медленно подползал к городу, улицу за улицей сжимала в своих объятиях темнота, и только далеко светилась на здании заводоуправления большая карта пятилетки.* Заводоуправление, карта первой пятилетки выступают здесь в качестве направляющей силы, опоры человеческого существования. Казалось бы, ничего не поменялось, свет снова исходит сверху, как когда-то от церкви, иконы, поменялся только источник света — теперь это завод. Но на самом деле изменилось главное: из реальности исчезает человек как единица, как личность. На смену приходит множество.

Это множество должно жить в идеальном, образцовом городе, который представлялся *недоступный бурям, / никем еще не виданный вовек, / весь — без церквей, без кабаков, без тюрем, / без нищих, без*

бандитов, без калек (Б. Ручьев). Именно в этом статусе при активном участии средств массовой информации и художественной литературы уже позиционировался Свердловск. Но искусство «во многом лишь формально продолжало сохранять вид художественного творчества, фактически становясь носителем и творцом идеологических мифов» [Мурзин 2004: 148].

В тот же год, когда появилось программное для Свердловска стихотворение В. Маяковского, журнал «Штурм» печатает подборку стихов свердловского поэта Георгия Троицкого. Творчески используя принципы Маяковского, поэт рисует картины родного города. В стихотворении «Ночь» возникает образ праздничного ночного Свердловска:

*Все площади успели повстречаться
колоннами во славу Октября,
но не смолкло эхо демонстраций
и город волновался, как заря.
За новым зданием Наркомпочтеля
звездой зеленой вспыхнул светофор,
все трубы радио о радости запели,
смывая в переулки разговор.
Шел Городок чекиста облаками
в мерцании широкого стекла,
на белой башне черными руками
ночь радуго фонариков зажгла.
Три устаревших женщины на крыше
свердловской оперы погасли под звонок,
метнулся занавес и тучей ярко-рыжей
всю улицу до Виза — заволок.
Трамваи двинулись,
как электро-знамена...*

Олицетворяются площади, дома, светофоры, трамваи — символы современного промышленного города, только они, кажется, здесь и живут. Люди скрыты в образе «эха демонстраций» и подавляются величием нового города, простирающегося до небес (*Шел Городок чекиста облаками*). Нельзя обойти вниманием строку о «трех устаревших женщинах» — скульптурной группе, которая и сейчас находится над фронтоном Оперного театра, построенного в 1912 году (в то время единственном большом здании на Дровяной площади, в 20-х годах уравновешенном Городком чекистов). Уже по описанию городских реалий можно отследить отношение автора к прошлому — *женщины — устаревшие, а Городок чекистов — шел... облаками*.

В тексте возникает образ еще одного нового здания, и тоже пост-

роенного в стиле конструктивизма — Наркомпочтеля (Почтамта). Конструктивистские сооружения сыграли большую роль в формировании облика Свердловска. Появление этих комплексов в районе старой Дровяной площади, а теперь площади Парижской коммуны связано с идеями создания «нового города», которые воплощал генеральный план «Большого Свердловска». Сохраняя прежнюю регулярно-прямолинейную планировку, этот план закреплял мысль о перенесении центра города «в связи со сложившейся новой традицией демонстраций и празднеств» с бывшей Кафедральной площади на площадь Парижской коммуны, к Оперному театру. Здесь же должны были вырасти административные и общественные здания, а вместо старого театра — гигантский свердловский «Большой театр» [Мурзин 2004: 124]. Не случайно площади в стихотворении Троицкого *встречаются колоннами во славу Октября* именно здесь, но прежние сооружения уже устаревают. В контексте исторических сведений становится ясно, что это не только творческое воображение автора, но и в какой-то мере выполнение социального заказа.

Говоря о российском воплощении конструктивизма, профессор архитектуры А. Берсенева замечает, что в нем присутствует смелая мысль о новой, коммунистической, организации жизни: «“Сверхзадачей” этих проектов было сближение производственной и личной сфер жизни человека. Жить нужно как можно ближе к работе, быт не должен отнимать у человека много времени, ведь полноценный... отдых — необходимый элемент производственного цикла... конструктивизм рассматривал человека прежде всего сквозь призму производства. То есть “функциональным” был и сам взгляд на человека» [Берсенева 2000: 159].

Естественно, нельзя заподозрить Г. Троицкого в том, что именно поэтому он использует в своем стихотворении эти реалии; скорее всего, они возникают в стихотворении потому, что эти центральные здания, одни из первых высотных, являются предметом гордости города. Интересно, что с этими зданиями связан рожденный в 20-е годы и живущий до сих пор городской миф о том, что с высоты птичьего полета очертания гостиницы «Исеть», входящей в Городок чекистов, представляют собой серп и молот, а очертания Почтамта — трактор, хотя А. Берсенева и развенчивает этот миф.

В стихотворении Г. Троицкого «Ночь» возникает и революционное прошлое города (другое прошлое у города постепенно отнимают):

*И вспомнилось: дымящееся лето,
рассвет, штыком качнувшийся вперед,*

*в опасном блеске этого рассвета
казавшийся огромным пулемет...
И звезды на фуражках побуревших,
стрельба, прошедшая окраину, как бур,
отряды конных
и цепочки пеших,
вошедших в утренний Екатеринбург.
...Хибарки, дворики, купеческое блюдо
серебряного, грузного пруда,
патронов медных сумрачные груды
и стекол утренних печальная слюда...*

Метонимические образы звезд на фуражках, конных отрядов и пеших цепочек раскрывают красоту и величие масс, но не единиц. Появление этих масс «взрывает» тишину сонного купеческого Екатеринбурга. Показательно, что образ городского пруда, чаще связываемый с заводом, плотиной, здесь приобретает вид «купеческого блюда», а сам город производит впечатление маленького городка, в котором жизнь замерла.

В стихотворении «Екатеринбург» Г. Троицкий дает этой метафоре развитие. Город здесь не просто маленький, но застывший, спрятавшийся за горами, «сосновым бором», он несет в себе семантику торговли, мрачного места, в котором движение и сама жизнь кажется невозможным: *Смеяться здесь?! / Любить / В садах избегаться? — / Замри, как шахмат / сбитая фигурка!* Здесь сталкиваются образы Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, и последний изображается именно как подобие столицы: *сумрачное зеркальце сурового Санкт-Петербурга*, которому она делегировала карательные функции: *Но за собором / бор сосновый барствует. / Буран бредет беспаспортным в степи. / Шинелью пахнет это государство. / Викторией Екатерины слепит.* Прошлое изображается в мрачных тонах, пронизано мотивами смерти, холодного ветра, метели, страданий: *Дома как таборы / на снеге и на сене. / Клеймятся люди, / умирают лошади.*

И все же, несмотря на некоторое сходство, замеченное еще Маминым-Сибиряком, Екатеринбург находится в противоборстве со столицей именно как окраина, каторжный угол с центром, в качестве символа которого используется легко узнаваемый образ А. С. Пушкина: *Грозит гранит. / Но не сдается спорящий / С тобой, пудовое драгунское копыто.*

Санкт-Петербург не просто ассоциируется с пушкинским Медным всадником, слово *драгунское* привносит дополнительный смысл ту-

пой и жестокой царской власти, карающей и ссылающей в город тяжелой горечи. / *Форпост волков, метелицам открытый.*

Но этот город остался в прошлом. Это — Екатеринбург. В стихах о Свердловске интонация меняется на противоположную: *Свердловск, ты город перспективы — / К социализму солнечный пролог. / Нанизывая днями годы, / Закончив реконструкций пробег, / Свердловск придет Нью-Йорком гордым / К вокзалу социалистических побед* (К. Тюляпин. Свердловск // Штурм. 1930. № 9 / 10).

Тема обновленного города, города молодости, радости и великой стройки актуальна и для прозаических произведений. В рассказе Бориса Гранина «Годен!» (Штурм. 1932. № 12) метафора «город-работник» преобразуется в духе времени: *Город, и так похожий на старого рабочего, которому сбрили усы и бороду, сегодня превратился в озорного мальчишку.* Связь с прошлым держится только на одном образе, а в целом мы видим абсолютно новый город.

Главный герой рассказа, колхозник Степша, приехавший сюда на строительство Уралмашстроя, до появления в Свердловске представляет его и свою жизнь здесь в устоявшихся стереотипах деревенского человека: *В Свердловске мамзель в шляпке заведует, будем по главной мостовой в обнимку расхаживать.* Новый город, «мостовая» которого — это огромная стройка (*Он провел пальцем вдоль по Ленинской, сплошь унизанной тяжелыми кубами огромных недостроенных, обрешеченных лесами зданий*), — полностью меняет психологию героя. Из испуганного деревенского парня он превращается в мастера (*Вот этот угол я клал!*) и спортсмена (*Ребята крутят его во все стороны и ощупывают, как доброго коня: «Ну и здоров! Тело-то не ущипнешь! Вот это спортсмен!»*), человека, с уверенностью смотрящего в будущее: *Не такого мы закала — нынешние.* Образ города оптимистичен и ясен, наполнен солнцем и шумом, здоровыми, сильными и, что важно, молодыми людьми: *Куда ни помотришь, всеми цветами радуги переливают майки, площади гудят разудалыми боевыми песнями, эхо перебегают из улицы в улицу. <...> Бегут пары, пятерки, десятки, соревнуются в резвости целые коллективы. Компанейские физкультурники, надевшие майку и трусы ради модного праздника, задыхаясь, вскоре отскакивают в сторону.*

Мифотворчество автора достигает апогея в финале рассказа, когда Степше, в числе девятнадцати других сдавших нормы ГТО, в переполненном клубе на сцене под обстрелом нескольких тысяч глаз прикололи значок ГТО. Стоит ли говорить, что в Свердловске этого времени просто не было здания, где бы поместилось такое количество

людей, но для автора это факты второго плана, так же как изображение трудностей стройки. Объективная реальность здесь не просто преобразуется в художественную, но переплавляется в миф, который все сильнее овладевает умами и становится, по сути, государственной идеологией. То, что люди живут в идеальном государстве и сами создают этот праздник жизни, ни у кого не вызывает сомнения.

При этом события могут происходить в любом городе — узнавание конкретного места происходит только по незначительным деталям (*Мы сидели около театра имени Луначарского на каменных глыбах памятника Свердлову*). Абсолютно не принципиально, как называется город, — жизнь везде стала лучше и веселее. Мы говорим здесь об унифицированности образа города в литературе 30-х годов, но это не та «потеря лица», которую мы могли наблюдать в предыдущий период, когда Екатеринбург изображался в парадигме провинциальных городов, объединенных общими признаками унылой, беспросветной, скучной, бесцельной жизни (что частично характерно для творчества и Д. Н. Мамина-Сибиряка, и В. П. Чекина). Но сквозь оптимизм и «солнечность» Свердловска в рассказе Б. Гранина проглядывают страшные откровения романа Е. Замятина «Мы», и тем они страшнее, что автор, изображая новый город, где нет стариков и детей, где люди запрограммированы и схематичны, воспекает его новую реальность. Аналогии с городами-утопиями усиливает так часто возникающий в новой литературе образ солнца, солнечности: *Солнце, солнце, мы твои повелители. / Надо — мы солнце зажжем краше. / Миллионы солнц — земли будут жители, / а ты, земля, будешь наша* (Ф. Михайлов. За новым солнцем // Товарищ Терентий. 1923. № 7).

В повести Сергея Балина «Зеленый город» (Штурм. 1933. № 3, 4) образ города четко встраивается в уже известную оппозицию: мрачное прошлое — радостное настоящее. И поскольку сюжеты произведений екатеринбургских авторов 20–30-х годов схематичны и легко предсказуемы, уже в начале повести, где дореволюционный город изображен в мрачных тонах, мы понимаем, что к финалу все коренным образом изменится, а метафора «зеленый город» относится именно к преобразованному революционными событиями Екатеринбург.

Воспроизводя жизнь екатеринбургской рабочей окраины Мельковки, автор явно опирается на модель А. М. Горького: тусклое, безрадостное существование жильцов дома купца Собянина наводит на мысль о «каторге труда», изображенной в романе «Мать». Образ жизни героев — отупляющий труд, пьянство и издевательства над родными — Балин описывает по горьковской канве. Мрачность челове-

ческого существования подчеркивается городским пейзажем, в котором солнце даже летом *тусклое, холодное*, небо затянуто тучами, из которых неизбежно должен пойти мелкими бусинками дождь, — *затяжной, тоскливый, похожий на осенний*. Столь же скучны и бедны интерьеры квартир: перекошенные подслеповатые окна, чахлые горшки с геранью, тусклые выцветшие фотографии, засиженные мухами, скрипучие стулья, черные вылинявшие иконы.

В то же время в повести, как и во многих произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка, дается своеобразная «историческая справка» о городе, в которой указывается время возникновения: *построен в годы войны России со Швецией*, сообщается о несметных богатствах Урала: *Урал огромен, Урал богат металлами, которые таятся в недрах и на поверхности гор*, о золотой лихорадке, в Екатеринбурге начавшейся именно на речке Мельковке. Так же как и в произведениях Мамина-Сибиряка, здесь изображается «море грязи», превращение улиц осенью в зыбучие болота. Подробно описывается вся гамма заводских утренних гудков, причем даже они меняются с приходом нового времени. В начале повести «нестройный хрипловатый вой гудков» заставляет обитателей Мельковки начать свой тяжелый день: *Михаил поднялся хмурый... <...> На работы шел как курица в воду, шел потому, что надо было жить, кормить семью и платить Собянину за квартиру*. В финале вновь возникают заводские гудки и ставшее обязательным огромное солнце. Картина, которую рисует автор, в очередной раз готовыми средствами отражает образ идеального города: *И поднимается огромное солнце. Оно ласкает землю и приглашает лучами ровные квадраты нового города. Навстречу солнцу кричат гудки, и крик их бодро плывет в свежем воздухе. Из больших домов идут люди в корпуса цехов. Плывет солнце, кричат гудки и... Жизнь идет...* Город утрачивает все черты, закрепляющие его в определенном пространстве. Это может быть и центральный, и провинциальный город, большой либо маленький. Главное, что это Новый город, ликующий и производящий.

Повесть, слабая в художественном отношении, дает нам любопытный срез по-новому формирующегося общественного сознания. Так, мимоходом, как о незначительном событии, упоминается о расстреле царской семьи: *Чехословаки к городу подступали с боем, они торопились освободить бывшего в заключении у рабочих императора. Но их торопливость была предупреждена, и Николай Романов был расстрелян. Это событие мало отразилось на жизни города и быстро забылось*. Здесь очевидна очередная попытка насильственно изменить ис-

торическую память — на самом деле в городе никогда не забывали об этой трагедии.

Так же вольно обращаются екатеринбургские писатели с другими историческими событиями. Отметим тотальность этого процесса, происходящего не только в литературе и не только на Урале. Вольная трактовка, а подчас и коррекция исторических событий означала, как отмечает Б. В. Дубин, «одно: заявку победившей власти и ее приверженцев на монопольное владение истолкованием социальной жизни — как дореволюционной, так и пореволюционного настоящего». Исследователь пишет о конструировании в области «исторического» — группировке событийного материала, истолковании мотивов поведения исторических лиц, переакцентировках официальной риторики в зависимости от нужд и целей власти [Дубин 2004: 81]. «Назначение» Урала промышленной базой страны означало особую работу с его историей, которую необходимо было представить в виде последовательной цепи классовой борьбы. В такой же логике изображалась история Свердловска. Ей посвящена книга Нины Поповой «Екатеринбург — Свердловск» (1935). Как видно из текста, писательница опиралась на известные источники, в частности очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка. Но акценты сделаны на бунтах рабочих и башкир, причем всеми силами читателя стараются убедить в их классовом характере. Дело доходит до курьезов, когда факты городской истории начинают идеологическим «содержимым».

Особенно «повезло» в этом плане истории о Тойгильде Жулякове. Речь идет о башкире, сожженном в 1738 году по приказу В. Н. Татищева за то, что после принудительного крещения он снова «совратился в магометанство». Этот случай приводит Мамин-Сибиряк в очерке «Город Екатеринбург». Как наиболее яркий и поддающийся трансформации, этот факт неоднократно используют екатеринбургские писатели. Разумеется, Тойгильда Жуляков наделяется четко выраженным классовым сознанием, аналитическим умом, умением вскрыть причины тяжелой жизни народа и поставить перед ним соответствующие задачи. В книге Н. Поповой он изображен борцом за права башкир, ненавидящим царских чиновников.

Наиболее «творчески» подошел к трактовке этого сюжета А. Баранов в рассказе «На костре» (Рост. 1930. № 4), в котором городской и государственный, исторический и идеологический мифы выступают в единой связке.

Рассказ Баранова написан «по свежим следам» взрыва Екатерининского собора в Екатеринбурге, одного из самых величественных

зданий в городе. Разумеется, не все в городе принимали и понимали столь экстремистские методы борьбы с религией, и властям необходимо было создать лояльное общественное мнение. Во многом здесь преуспели газеты, объяснявшие необходимость сноса церквей для получения доступных стройматериалов. Нельзя недооценивать и роль художественного слова с его мифотворческими возможностями. Рассказ А. Баранова соединял два события с почти двухсотлетним разрывом: казнь Тойгильды и взрыв собора.

Повествование ведется от лица оригинального старика, который искренно верит в бога, но не признает ни одну религию. Он терпеть не может православную церковь и убийственно отзывается о сектантах. Достаточно емкий образ: верит в бога как в высшую справедливость, но не признает религии как «опиума для народа». Такого «оригинального старика» очень легко переориентировать в официальную государственную веру. Он и взрыв собора трактует в качестве акта возмездия, потому что именно на этом месте был сожжен Тойгильда, причем стихийный бунт башкир приобретает, естественно, черты классовой, сознательной борьбы. Перед началом бунта Тойгильда умело агитирует собратьев, разжигая в них ненависть к притеснителям и указывая на близких соратников — рабочих с заводов: *Наши отцы не боялись урусов. Они сжигали заводы, построенные на наших землях. Они стрелами побеждали смертельный огонь, посылаемый русскими, и захватывали крепости. Рабочие люди не слушали своих начальников и бежали прочь, как только наши воины подходили близко. Наши отцы умели умирать за башкирский край.*

Не менее пламенна речь Тойгильды, горящего на костре возле самой Екатерининской церкви, наполненная не только классовыми, но и антирелигиозными призывами: *Сын мой и вы, правоверные — башкиры и татары. Не верьте корану и не верьте богам урусов. Пусть сгорят боги, как я сгораю на костре, и тогда вам некого будет бояться. Боритесь за свой край, за родной башкирский народ и не сожалением, а местью оплатите за мою смерть.*

Осознание вины и несправимости события приходит к людям, присутствующим на казни, сразу же. А вот возмездие — через сто девяносто лет: *Через десять лет на месте старой, глиняной, корявой церкви люди построили большой, высокий собор и назвали его Екатерининским, а через сто девяносто лет другие люди подложили под него пироксилиновые шашки.*

Знаменательно, что все рассказанное писателем устами «оригинального старика», — почти правда: и башкирские бунты вокруг Ека-

теринбурга, и сожжение Тойгильды Жулякова. Но взрыв собора не связан с этими событиями. Как установили современные историки, башкир был сожжен во дворе Главного горного управления (современной консерватории). Однако именно на связи этих событий настаивает писатель, апеллируя к официальному документу: *Я ручаюсь за достоверность рассказа, потому что старик мне показывал добытые им в архиве документы, и им нельзя не верить.*

Творится новый городской миф, но миф лукавый, который взрыв собора объясняет не государственной политикой, непостижимой для рядового обывателя, а прошлой виной церковников перед народом: *Вчера ночью за величайшие преступления служителей церкви, по воле всевышнего, взорван Екатеринбургский собор.*

В XX веке миф становится важным средством формирования нового общественного сознания. Авторы 20–30-х годов, используя в своих произведениях городские мифы, достаточно свободно обращаются с ними, не только привнося дополнительный смысл, но и отсекая ненужное. Художественный миф подавляется идеологическим, сливается с ним. Город важен своей производственной функцией, а не самобытной индивидуальностью. Поэтому его образ унифицирован и схематизирован, его особые черты связаны с его «официальным назначением» в структуре государства. Представление о Свердловске как промышленном городе, разумеется, вытекает из его «екатеринбургской истории», тем не менее город признается новым, отрывается от своих корней. Усиленно создается образ идеального города, причем в круг новой мифологии попадает все: и городской ландшафт (грязь, плохое обустройство улиц резко исчезает из произведений), и уральская погода — теперь она устойчиво солнечная. Город, ставший участником общего социального эксперимента, теряя собственное лицо, приобретает абстрактные черты «города Солнца», которые можно увидеть в изображении любого советского города. О подобной изобразительной модели города в этот период С. Бойм пишет: «Поскольку Маркс и Энгельс не разработали конкретного плана коммунистического ведения хозяйства, пришлось обратиться за советом к утопистам — Мору, Кампанелле, Оуэну и Фурье — и их проектам города Солнца, в котором должно было происходить “социалистическое обустройство человечества”» [Бойм 2002: 165].

Новый образ города логично встраивается в оппозицию «мрачное прошлое — светлое настоящее», его пространство становится олицетворением иной жизни изменившегося человека, где нет места горестям, болезням, а сам труд хоть и тяжел, но прекрасен и всегда на бла-

го. Неожиданно и мгновенно меняется и Екатеринбург (Свердловск), ставший просторным, светлым, многоэтажным, открывающим перспективу в прекрасное будущее. Все негативное уходит в прошлое, на изображение которого свердловские авторы не жалеют черных красок. Таким образом, в произведениях 20–30-х годов Екатеринбург представляется своеобразной экспериментальной площадкой, в рамках которой формируется новый человек.

Источники материала

- Балин С. Т.* Зеленый город // Штурм. 1933. № 3, 4. С. 27–41.
Баранов А. В. На костре // Рост. 1930. № 4.
Гранин Б. Е. Годен! // Штурм. 1932. № 12.
Куштум Н. А. Точка опоры // Штурм. 1930. № 7 / 8.
Маяковский В. В. Собр. соч.: В 12 т. М., 1978.
Ручьев Б. А. Прощание с юностью // Красное солнышко. М., 1960.
Троицкий Г. А. Екатеринбург. Ночь // Штурм. 1933. № 9 / 10.
Тюляпин К. Свердловск // Штурм. 1930. № 9 / 10.
Уланов С. А. Биография города // Штурм. 1930. № 5 / 6.

Н. И. Коновалова

**Мифологема бани в лингвокультурном
пространстве города:
границ коммуникативной гармонии**

Лингвокультурологические исследования обращены к области как духовной, так и материальной культуры, что обеспечивает возможность анализировать различные стереотипы сознания, представленные в языке. Предметом данного исследования является мифологема бани, выступающая в качестве одного из базовых семантических компонентов русской национальной картины мира. О его значимости свидетельствуют, во-первых, ранние упоминания в памятниках древнерусской письменности (например, уже в Уставе 966 года великого киевского князя Владимира); во-вторых, весьма значительный корпус идиоматических выражений, связанных с баней (только в словаре В. И. Даля их более 300!). Многочисленные описания русской бани включены в справочные издания для иностранцев. Мифологема бани, безусловно, является частью лингвокультурного сюжета, в который встраиваются фидеистические, социальные, эстетические, психологические и многие другие элементы мировидения русского народа.

В области современного гуманитарного знания понятие мифологема¹ стало междисциплинарным, что, с одной стороны, приводит к размыванию его дефиниции, с другой — свидетельствует о согласовании разных парадигм: философской, культурологической, социологической, психологической, филологической — при исследовании феномена общественного и индивидуального сознания.

Неоднозначность определения сущностных характеристик понятия «мифологема» можно, по-видимому, рассматривать как следствие

обращенности исследователей к разным аспектам этого феномена в русле исторически сложившихся школ изучения мифа: психологической (К. Юнг), ритуально-мифологической (Д. Фрэзер), структурной (К. Леви-Строс), структурной фольклористики (В. Я. Пропп).

В современном употреблении можно выявить следующие смыслы, включаемые в объем понятия «мифологема»:

- Максимально большая смыслообразующая единица текста мифа (определение, по сути близкое к исходному, отражающее его семантико-функциональные параметры и используемое в современных исследованиях по мифологии).

- Единица религиозного нарратива (в данном случае во внимание принимается одна из сущностных характеристик мифологемы, отражающая ее связь с культом).

- Цитата из библейского текста (такое понимание представляет лишь одну из частных разновидностей мифологемы, используется в работах по лингвофольклористике и текстологии).

- Элемент наивного представления о мире, выступающий как результат его когнитивного освоения (определение мифологемы, обращенное к ее психоментальной сущности, характерно для современной когнитивистики).

- Исходные образы и сюжеты в искусстве, основанные на традициях народной культуры и приобретшие статус символических (подход, характерный для культурологической и этнологической парадигм исследований).

- Лексическая единица знакового характера, выступающая как репрезентант свернутого текста мифологического содержания (мифологема в семиотическом ракурсе).

- Некая первичная сюжетная схема, некая кросс-культурная идея, встречающаяся в фольклоре разных народов (определение, в обобщенном виде представляющее использование понятия «мифологема» в трудах по этнопсихологии, этнографии, фольклористике).

- Стереотипы массового сознания, в том числе идеологические клише (подобный подход к использованию понятия «мифологема» характерен для современной социолингвистики).

Все приведенные выше определения апеллируют к особенностям ментальной основы мифологемы. Наивно было бы предполагать существование в сознании современного носителя языка базовых мифологем пралогического мышления в исконном виде, однако тот факт, что они в трансформированном варианте «дожили» до наших дней, находит несомненное подтверждение в некоторых социокультурных

стереотипах. Не случайно самое активное использование в последние годы термин «мифологема» получил именно в рамках социолингвистических и лингвокультурологических исследований проблем быденного сознания. Ср., например, учет в рекламных технологиях социальной мифологизации традиционных культурных феноменов (образов), что рассчитано на такое свойство массовой культуры, как претензия на формирование вкусов «большинства». Потребитель должен легко усваивать содержащуюся в рекламе информацию, а наиболее легко, как известно, усваиваются именно архаические образы, которые часто эксплуатируются рекламой. Практически любое рекламное сообщение апеллирует к архетипическим мифологемам, обращение к которым может быть не обязательно осознанным, так как автор и получатель информации находятся в одном культурном поле, где данная мифологема существует и однозначно декодируется. Архаические (мифологические) пласты существуют с в сознании любого человека как «знак культурной самоидентичности человека» [Лобок 1997: 27], поскольку «...вера в тот или иной миф есть главный признак принадлежности человека к миру той или иной культуры. ...Миф — это то, что позволяет человеку чувствовать себя уютно и естественно в своей культуре и неуютно и неестественно — в чужой» [Там же: 25].

Предварительные замечания позволяют рассматривать мифологему как операциональную единицу анализа культурно-национальной картины мира. Эта единица обладает многоуровневой иерархией смыслов: во-первых, она обращена в прошлое, ее основу составляют традиции национальной культуры; во-вторых, она отражает настоящее, реальность современной культурной ситуации, стереотипы коллективного сознания. Эти параметры мифологемы обуславливают необходимость обращения как к анализу мифо-ритуальной традиции, так и к интерпретации современных проявлений исходных архетипов. Предлагаемая ниже модель лингвокультурного анализа мифологем базируется на следующих постулатах:

- Мифологические представления являются основой ритуалов, представляют их «мыслительную часть». Именно в мифологических представлениях заложено первичное практическое знание человека о мире, поэтому они выступают основой регламентации поведения отдельного индивида в соответствии с правилами, принятыми социумом.

- Мифологема как единица мифологических представлений синтезирует особым образом осмысленную реальность практического знания о предмете и сакральность ритуализованного образа предме-

та, сложившегося в сознании человека (в коллективном представлении).

• Мифологема может выступать в качестве единицы структурирования культурного текста, включающего элементы разных кодов: вербального, предметного, акционального и пр., что обусловлено сущностными свойствами мифа, который «... в качестве своеобразного способа освоения действительности... характеризуется тем, что все вещи и явления воспринимаются в нем как сопричастные друг другу» [Исаев 2002: 88].

В соответствии с вышесказанным модель лингвокультурного анализа мифологеми можно представить следующим образом:

I. Семантическая структура «имени» мифологеми (по словарным дефинициям).

II. Современные социокультурные стереотипы, представляющие мифологему.

III. Сюжеты-истoki (мифологические, фольклорные, бытовые).

IV. Элементы мифа, формируемого данной мифологемой (система образов, сквозных мотивов, ритуальных действий и атрибутов).

V. Связанная с мифологемой идиоматика и ее интерпретация.

VI. Трансформация семантики мифологеми: забвение, переосмысление, рождение новых смыслов и т. п.

Попробуем представить один из возможных вариантов лингвокультурного анализа мифологеми «баня».

I. Семантическая структура слова *баня* в процессе развития русского языка несколько видоизменилась. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» дефиниция слова *баня* представлена следующими компонентами:

1. Источник, теплый минеральный ключ, озеро.

2. Место или сосуд для омовения.

3. Постройка, помещение для мытья.

4. Крещение, христианский обряд.

— Рожечные бани (*медиц.*) — то же, что банки (СРЯ 1975, вып. 1: 70, 71).

Первый и второй лексико-семантические варианты (ЛСВ) характеризуют исходное, этимологическое значение слова *баня*. Третий ЛСВ сопровождается обширным иллюстративным материалом, свидетельствующим о национально-культурной специфике описываемой реалии: *И рече имъ: «Дивно видехъ бани деревяны. И пережгутъ и румяно и идуть в ню, изъволкуются и будутъ нази. И облиются квасомъ*

кислымъ и възмутъ на ся прутіе младое и бьются сами (Повесть временных лет). Четвертый ЛСВ комментируется через целые номинативные ряды для обозначения сакрального характера толкуемого слова: *Баня бессмертия (благодати, бытия, паки бытия, паки рождения), святая баня.*

В «Словаре русского языка XVIII века» меняется и состав, и статус лексико-семантических вариантов в структуре значения слова *баня*:

1. Купание, омовение, мытье; вода для купания.

— Баня крещения, покаяния, паки бытия; божественная баня (омовение при крещении, крещение).

2. Ванна, чан (для прогревания, лечения).

3. Место, здание, где моются и парятся.

4. Минеральные источники, термальные воды.

5. Сосуд для нагревания (*хим.*).

— Дать (изготовить) баню. (*Простор.*) Наказать, разбранить (СРЯ 1984, вып. 1: 96).

Отметим, во-первых, перемещение ЛСВ «минеральный источник», выступавшего в качестве основного в XI–XVII веках, на периферию семантической структуры при актуализации сакрального компонента значения и продвижении его к ядру; во-вторых, появление нового специального компонента значения (*хим.*); в-третьих, развитие переносного значения, свидетельствующего об активном освоении языком ассоциативных компонентов значения.

Дальнейшее развитие значения слова *баня* идет, с одной стороны, по пути идиоматизации и специализации отдельных семантических компонентов, с другой — по пути утраты сакральных сем семантической структурой слова в современном русском литературном языке. Так, в БАС отмечены следующие компоненты значения слова *баня*:

1. Специальное помещение для обмывания тела теплой водой при высокой температуре.

— Белая баня — деревенская баня, обогреваемая печью с дымоотводом.

— Черная баня — деревенская баня, обогреваемая печью без дымоотвода.

2. Мытье в бане.

Перен. Задать баню — сделать выговор, выбранить.

Доревол. Кроватная баня — преимущественно о массовых расстрелах рабочих и крестьян.

Хим. Прибор для равномерного нагревания при помощи горячей воды, воздуха и т. п.

Техн. Моющий раствор в промывной машине (БАС 1956: 270).

Национально-культурная отмеченность лексемы *баня* иллюстрируется тем, что БАС фиксирует отдельные этно- и социокультурные компоненты значения: *белая, черная, кровавая*. Однако наиболее ярко этнокультурная значимость слова представлена в народной ментальности, что подтверждается данными СРНГ, в котором «банная» дефиниция максимально культуросоносна.

1. Изба, в которой зимой девушки прядут.

2. Особый обряд перед венцом и после венца.

— Невестина баня. Перед венцом накануне большого смотренья невеста приглашает подруг, запасаает вина, угощенья и идет мыться в баню. Из бани все собираются к невесте, которая за столом плачет под тон свадебных песен, а если плакать еще не умеет, то учится этому искусству.

— Женихова баня. Жених с товарищами устраивает попойку и справляет холостой вечер накануне большого смотренья.

3. Обрядовая песня на свадьбе.

4. Количество льна, набиваемого в баню для просушки, чтобы потом мять его (СРНГ 1966, вып. 1: 97–98).

Кроме отмеченных компонентов, в СРНГ приводятся идиомы, включающие в свой состав производные от *баня*: *банная притка*; *банная бабушка*; *банный хозяин*, *бес*, *пастырь*; *банно нечистище*. Каждая из этих идиом связана с обрядом или ритуалом, существующим в традиционной народной культуре (см. ниже).

II. В разных культурных текстах мифологема бани имеет разные значения: бытовое, ритуальное, социальное, социокультурное и т. п. Современные представления о бане отражаются в стереотипных формулировках-регламентациях, связанных с посещением бани. Такие представления при наличии несомненной общенациональной основы обнаруживают различия в плане соотношения утилитарного и сакрального отношения к бане у жителей Екатеринбурга, небольших городов Свердловской области и особенно у сельских жителей. Это вполне объяснимо: в основе мифотворчества, связанного с баней, лежат базовые концепты мифологического (пралогического) мышления, «поддержанные» мифо-ритуальной традицией, которая реализуется в системе народных праздников и обрядов. Подобного рода «культурные тексты» (термин С. М. Толстой), в значительной степени сохранившиеся в традиционной патриархальной культуре, практически утрачены современной городской культурой и лишь спо-

радикально восстанавливаются в культурном пространстве малых городов.

Для конструирования образа бани в сознании современных носителей русского языка нами были проведены свободный и направленный ассоциативный эксперименты, а также опрос-анкетирование студентов-филологов и культурологов дневного и заочного отделений Уральского госпедуниверситета в г. Екатеринбурге и представительстве г. Камышлова Свердловской области (в анкете указывалось постоянное место жительства: ОЦ — областной центр; РГ — районный центр, город; СМ — село, деревня, поселок). На первом этапе испытуемые должны были дать свободные реакции на слово-стимул *баня*. На втором этапе вносились ограничения в реакции: нужно было привести на то же слово-стимул реакции в виде связанных с ним устойчивых выражений. Наконец, на последнем этапе испытуемые должны были записать известные им правила-регламентации поведения, связанного с банными традициями, а также известные им ритуальные действия, предметы и образы, связанные с баней. Данные ассоциативных экспериментов частично будут представлены ниже, а результаты анкетирования в обобщенном виде можно свести к нескольким типам ответов:

— в бане надо пить много жидкости, натираться солью и потом париться свежим березовым или хвойным веником (ОЦ, РГ, СМ);

— в бане все болезни выпаривают (ОЦ, РГ, СМ), разными травами моются, и против каждой болезни свои травы в веник добавляют (СМ);

— в бане не едят. Современные диеты и лечебные голодания основаны на очищении организма разными способами, в том числе парятся в бане, а после ее посещения не едят от двух до двенадцати часов (ОЦ);

— в праздники в баню не ходят, особенно это касается больших христианских праздников Пасхи, Благовещения, Успения пресвятой Богородицы и др. (РГ, СМ);

— в баню ходят под Новый год (ОЦ, РГ);

— есть специальный банный день — суббота (ОЦ, РГ, СМ);

— крещение в бане крест не снимают, считается, что в бане человек, снявший крест, отрекается от бога, так как это нечистое место (РГ, СМ);

— поздно вечером и ночью в баню не ходят, это опасно / страшно (СМ);

— в бане не моют грудных детей и вообще детей до крещения (СМ);

- на каменку не плюют, прыщи пойдут по лицу (СМ);
- после третьего пара в баню не ходят, угореть можно (СМ);
- парной веник не носят домой, оставляют в бане / два раза одним веником париться нельзя (РГ).

Как видно из приведенного перечня ответов, в обобщенном образе бани сосуществуют ее профанные и сакральные характеристики, причем отдельные представления о банных правилах появились буквально в последние годы под влиянием некоторых социокультурных факторов (ср., например, явно прецедентное высказывание «ходить в баню под Новый год», отсылающее к известному фильму Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром»; ср. также: «в бане не едят» — высказывание, отдающее дань моде всеобщего похудения). Несомненным является преобладание сакральных характеристик бани в представлениях жителей сельской местности, хотя многие «правила» информантами не объясняются, поэтому в ряде случаев нет возможности говорить о знании пишущими причин той или иной регламентации, об актуальности в их сознании этнокультурной информации сакрального плана (это должно быть предметом специального исследования с использованием других методик).

III. Истоки многих современных представлений о бане можно обнаружить в древнейших народных верованиях, элементы которых встречаются в легендах, быличках, страшилках и других фольклорных текстах (см., например, работы Областного дома фольклора, изданные в рамках проекта «Традиционная культура Урала»), в материалах диалектологических и фольклорных экспедиций студентов УрГПУ, а также в иллюстративном материале диалектных словарей.

Можно выделить несколько блоков культурной информации, связанной с баней и лежащей в основе мифологических, бытовых, ритуально-обрядовых и фольклорных сюжетов:

- «Баня в народных верованиях — нечистое место, где обитали демонические существа» (СД 1995, т. 1: 38), особая порода домовых, которые называются *банник*, *банный*, *баенник*, *баенной*, *байнушко*, *лазник*, *банная бабушка*, *банный хозяин* и т. д. (несколько десятков наименований банных духов представлено в словарях уральских говоров и картотеках к ним). См., например, тексты, записанные в разных районах Свердловской обл.: *В этой бане блазило, хохоцут все, а никого нет* (Устьянка, Пышм.); *Идешь мимо бани в Святки: «Ой, иди-ко, шуликуны тебя поймают»* (Бабенки, Кушв.); *Вот как-то баба-то, говорит, хозяйина-то [= мужа] проводила, все тосковала об им,*

тосковала, потом пришла баню затоплять, а он будто тут, хозяином. А на другой-то день пошла затоплять-то баню-то, дак он ее всадил в чугунок [= печку]. Пришли, а она в чугунке, умерла (Замотаева, Сл-Тур.) (ВЭС 2000).

• Баня — место, где совершались некоторые семейные обряды, связанные с народным календарем сельскохозяйственных работ, а также свадебные, родинные, погребальные и др. Так, например, «мытье в бане накануне свадьбы выражало чистоту брачного ложа и вообще чистоплотность» [РО 2003: 75], мытье после свадьбы — «честность молодухи и вступление ее в новый семейный статус» (ВЭС 2000). Родинный обряд также предполагал некоторые правила и запреты, известные сельским жителям до сих пор: *Ране вот родиуку [= роженицу] не оставляли, нельзя рожать в бане было одной. Ребенка переменяли* (Замотаева, Сл-Тур.). *Раньше рожали в бане все... Я слыхала: в бане родили ребенка, его не вымыли, ниче, и она ушла домой печку топить. И потом пришла, и он оmmen. Он уже не походит на ребенка-то. Он не вымыт и не переkreщен. И сколь он жил, и он все равно помер...* В бане-то нельзя оставлять. Баня-то поганая (Бутка) (ВЭС 2000). Традиционно незамужние девушки собирались в бане для совместной работы: пряли, плели кружева, вязали, вышивали, — готовили приданое. Вся семья должна была мыться в бане перед началом больших хозяйственных работ (севом, сенокосом и т. п.).

• Баня — место магии и знахарства, лечения народными средствами (изначально на Руси бани именовали «заведениями для немощных», т. е. больных). В городских банях вправляли суставы, лечили вывихи, делали кровопускания, в деревенских банях лечили практически все болезни, изгоняли лихорадку, снимали порчу и т. п. Ср.: *Наеешься луку, ступай в баню, натришь хреном да запей квасом — вся хворь пройдет. Баня — мать вторая. Кости распаришь, все тело направишь.* Существовала целая система лечебных заговоров, произносимых именно в бане, где можно «смыть болезнь» вместе с водой.

• Баня — место традиционных народных девичьих гаданий, которые были приурочены к Святкам, Рождеству или к какому-либо переломному моменту в жизни. Отворив немного дверь бани, девушки обнажали некоторые части тела, подходили к двери поочередно и говорили под прикрытием сумрака ночи фразу с предложением домовому прикоснуться рукой к обнаженной части тела. Если девушка чувствовала руку мохнатую, то предполагался богатый жених в этом году, холодная голая рука означала жадного жениха, шершавая — характерного и т. д. [РО 2003: 17]. Ср. сохранившиеся до сих пор на Урале

гадальные традиции: *Ну и вот, тоже на Новый год пошли здороваться в это окно [в бане]: если мохнатая рука будет, значит, жених богатой будет. Если голая рука будет, значит, бедненький будет. Девки-то че, сходили, а последняя пошла — мохната рука схватила да и держит, и она заревела на лихой мат [= очень громко, изо всех сил], а мы все драпу оттуда... А парни зашли там да и здоровались (Шушары, Байк.); Баню откроют вот, задницу уставят. Это, говорит, шубенкой [= рукавицей из меха] пощупат, дак взамуж выйдешь, вот ведь смешно, девки. Ума ведь не было (В. Тура, Кушв.); Плешишут на каменку воды, как закипит — это плохая свекровь будет, а тихо — так тогда хорошая (Лиханова); А в бане — там так представлялись [= забавлялись, дурачились]. Вот я [просватанная невеста] седу на порог. Девчонки все там встанут рядом, заставят меня. А так самим попреставляться надо. «Ну-ко, бросай венник. Зацуривайся [= закрывай глаза], бросай венник». Бросаю, бросаю. В которую попаду, та и взамуж уйдет (В. Тура, Кушв.) (ВЭС 2000). Наиболее популярными были гадания в бане с использованием нескольких зеркал и золотого кольца. Это гадание считалось самым страшным, но самым «надежным».*

IV. Анализ мифологемы бани предполагает включение в ее семантическое пространство традиционной системы образов, ритуальных действий и атрибутов, которые обуславливают реализацию основных мифологических мотивов, связанных с этим феноменом.

Мифологическое сознание, ориентированное на связь субъекта с виртуальной «реальностью», служит основанием для построения поведенческой модели взаимодействия с этой реальностью.

Образы, вписанные в «банный» мифологический сюжет, демонстрируют антропоморфизацию (реже — зооморфизацию) «параллельного» пространства: существам, заполняющим это пространство, приписываются качества и внешний вид человека (или животного). Ср., например, «типовые» персонажи русской бани:

Банная бабушка — мифическое существо, обитающее в бане: дряхлая добрая старушка, лечит от всех болезней. Появление банной бабушки иногда непосредственно связано с родами: она сопровождает роженицу, ребенку. По-видимому, это сверхъестественный «двойник» бабушки-повитухи; одновременно это и дух «бани-целительницы и бани-восприемницы» (ВРС 2000: 29).

Банная матушка, банная староста — старшая над другими хозяйка бани, которая, если ее задобрить по всем правилам, охраняла моюще-

гося в бане от других банников, «давала правильный» пар без угарного дыма.

Банник — дух, хозяин бани. Чаще всего невидим и обнаруживает себя шумом. Может превращаться в кота, собаку, лягушку, зайца и даже в веник и уголь. Обычно обитает под полком, поэтому просили разрешения помыться, приговаривая: «Крещеный на полком, некрещеный с полка» (ВРС 2000: 34).

Обдериха — дух бани, опасная хозяйка бани, душит, задирает моющихся, подменивает оставленных в бане без присмотра детей, особенно тех, кого еще не окрестили. Обдерих может быть в бане столько, сколько вымыто в ней новорожденных. В поверьях XIX–XX веков она по преимуществу — персонифицированная опасность, подстерегающая людей в жарко натопленной бане (Там же: 361).

Обмен — ребенок, которого мать на какое-то время оставила в бане одного, и его подменили, как правило, такие дети долго не живут и приносят семье одни несчастья. По некоторым поверьям, обмен — это ребенок, которого обменяли в бане на чертенка или головешку.

«Поверья о бане как о месте контактов с нечистой силой определяли особый характер отношения к ней. Перед входом в баню крестились... в бане следовало вести себя осторожно: нельзя было громко говорить, ругаться, смеяться, хвастаться» (СД 1995, т. 1: 140). В традиционной народной культуре регламентированным является каждый шаг, связанный с баней. Ср., например, серию заговоров, представляющих собой вербальные предписания ритуальных действий, сопровождающих все этапы посещения бани:

— чтобы в бане ничего не пристало: Аминь, крови моей, аминь, думы моей, аминь, тела моего (РЗ 1998: 306);

— когда будешь мыться в бане, нальешь тазик воды и плесни на себя со словами: Водица-царица, я беру тебя не для хитрости, не для мудрости, а для исцеления раба Божьего (имя). Аминь (Там же: 305);

— веник парить, приговаривать: Как березка цветет, кудрявится, так чтобы раба Божья, так же бы цвела и кудрявилась (Там же: 306);

— когда окатываешь, три раза надо сказать: Как с гуся — вода, так — вся худоба: что было до банюшки, нет после банюшки. Как любишь водицу, так любите раба Божьего (имя) весь народ (Там же: 307);

— когда в бане помылся, надо говорить: Банюшка-парушка, чистая хоромушка, спасибо, помыла, спасибо, попарила, тебе — на стоньнице, мне — на здоровьнице // Спасибо, банюшка-парушка, за легкий пар (Там же: 306);

— как из бани идешь, эту молитву надо читать, три раза надо сказать: *Иду я, раба Божия, из бани в восточную сторону. Тут — огненная река, железный тын. Божия мати Мария со мной, заперла в этот тын, Иисусу Христу ключи отдала — от болей, от скорбей, от лихих людей. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь* (РЗ 1998: 306).

Главное, что вытекает из всех приведенных выше характеристик феномена бани в русской культуре, — это ее связь с разного рода ритуалами (бытовыми, фидеистическими, культурными, хозяйственными и т. п.). Отношение русского человека к бане как к ритуалу, как к чему-то сокровенному, волнующему, стоящему над бытом и его суетой удивительно точно показано в рассказе В. М. Шукшина «Алеша бесконвойный».

Баня для героя — это главное в жизни, не мирское, не суетное, ради нее можно отказаться от всего: *Что же он [Алеша] делал в субботу? В субботу он топил баню. Все. Больше ничего. ...Раньше, бывало, до ругани дело доходило: надо то сделать, надо это сделать — не день же целый баню топить! Алеша и тут не уступил ни на волос: в субботу только баня. Все. Гори все синим огнем! Пропади все пропадом! «Что мне, душу свою на куски порезать?!» — кричал тогда Алеша не своим голосом.*

Баня — праздник души, светлая радость: *В субботу он просыпался и сразу вспоминал, что сегодня суббота. И сразу у него распускалась в душе тихая радость. Он даже лицом светлел. ...В бане сумрачно и неуютно пока, но банный терпкий, холодный запах разбавился уже запахом березовых поленьев — тонким, еле уловимым. Это предвестье скорого праздника. Сердце Алешы нет-нет да и подмоет радость.*

Баня — это ритуал, состоящий из продуманного ряда последовательных действий, выполняемых с особым чувством: *Он колот дрова аккуратно, с наслаждением. Разжигать — тоже милое дело. Алеша даже волновался, когда разжигал в каменке. ...И вот это тоже очень волнующий момент — когда разгорается. Ах, славный момент! ...Алеша вытерся и с легкой душой пошел в дом.*

Баня — это ритуал, в котором каждый предмет имеет свою значимость. Особое отношение к ритуальным предметам выражается и серией диминутивов (для подготовки бани у него был заготовлен голичок, песочек в баночке), и олицетворением предметов, с которыми Алеша разговаривает, как с живыми (Каменка ахнула. Жар вцепился в уши. Веничек шепотком, шепотком пока. Листочки, точно маленькие горячие ладошки... раззадоривали. — Ишь ты... какой, — говорил

он ласково чурбаку. — Атаман какой), и прямым указанием на сакральную сущность предметов (Чистота сокровенная поленьев, и дух от них — свежий, нутряной).

Баня — это ритуал, который изменяет состояние человека. Понимание «души» предметов, проникновение в ее суть приводит героя к истинной гармонии с самим собой и с окружающим миром: Какой желанный покой на душе! Был он [Алеша] весь новый, весь парил... Мир вокруг покачивался согласно сердцу. Вселилась в душе некая цельность, крупность, ясность — жизнь стала понятной (Шукшин 1979).

V. С мифологемами связано, как правило, значительное количество афоризмов, образных сравнений, фразеологизмов, пословиц и поговорок, примет, так как идиоматика в силу своей устойчивости «приспособлена» для выражения стереотипов коллективного сознания.

Рассмотрим характер реализации семантической структуры слова *баня* в составе устойчивых сочетаний. Идиоматика, связанная с баней, отражает традиционные представления о ней (см. п. III «Блоки культурной информации»).

Баня — вторая мать. Выражение связано с обрядом рождения ребенка в бане, где производились магические действия над роженицей и новорожденным младенцем: их парили, купали, обливали водой, произнося при этом заговоры на здоровье от хворей и сглаза. Ср. также широко употребительное *после бани как заново родился // В бане мыться — заново родиться*.

Нужен, как на бане крест — абсолютно не нужен. Сравнение имеет мифологический подтекст: в нем обыгрывается несовместимость «нечистого» пространства (бани) с атрибутом «чистого» пространства (церкви) в виде креста.

По рукам, да и в баню. Дай бог любовь да совет! — формула сговора, произносимая сватами перед смотринами. *По рукам, да и в баню. Репа продана, и воз накрыт* — формула, произносимая после смотрин, когда было достигнуто согласие обеих сторон. Выражение сохранилось в активном употреблении в редуцированном виде (*по рукам, да и в баню*) с общим значением «выражение согласия», безотносительно к свадебному обряду. Ср. также выражение *Черт с тобой, не живи со мной, пойдём в баню да разведемся*, изначально соотносимое с обрядом предсвадебной и послесвадебной бани, где баня выступала в функции сакрального локуса, в современном употреблении теряет свои сакральные коннотации и соотносится, скорее, с просторечным бранным: *Иди ты в баню!*

Задавать / задать баню. В основе оборота лежит применение банной пытки в средневековой Руси: провинившегося сажали в баню, обливали его попеременно горячей и холодной водой, поддавали пару и не давали пить. Угроза, содержащаяся в переносном значении устойчивого сочетания, восходит к представлению о мытье в бане как добровольном мучении. Моющийся в бане поддает пару, плеская ковшом воду или квас на раскаленные камни в печи; залезает на полки, где особенно жарко, и хлещет себя распаренным березовым веником. *И до того себя дохлестывают, — написано в древнерусской летописи, — что вылезают из бани едва живыми. Но, облившись холодной водой, они оживают вновь.* Баня, следовательно, становится своеобразным символом мучений. Негативность семантики фраземы вытекает не только из имевших место пыток в бане, но и в не меньшей степени — из комплекса этнокультурных сведений: 1) о бане как опасном, «нечистом» месте; 2) о бане как месте обитания злого, враждебного людям духа — банника; 3) о применяемых в бане радикальных приемах народной медицины, внешне напоминающих битье, избиение (РФ 2005: 43, 44). Употребление фраземы со значением ‘сильно ругать кого-либо, делать выговор кому-либо, бить кого-либо’ в современной речевой практике лишено сакральных характеристик (= десакрализовано).

С легким паром! В современном употреблении — это этикетная формула приветствия или пожелания доброго здоровья тому, кто только что попарился или помылся. Выражение практически десемантизировано.

VI. В целом можно отметить, что десакрализация и десемантизация — это два основных процесса, характеризующие функционирование мифологемы *баня* в речевой практике современного города, что свидетельствует о трансформации семантики мифологемы и переводе ее в область социального стереотипа, социальной мифологии. Социальная мифология — типичные для индивида, идентифицирующего себя с определенной социальной группой, представления, привлекаемые для создания и / или поддержания соответствующего образа (статуса). Этот образ старательно поддерживается рекламой рынка банных услуг (массаж, оздоровительные процедуры, тренажерные залы, фитотерапия, рациональное питание и пр.), предлагаемых в особенно распространенных в наше время VIP-саунах с «заданным» имиджевым репертуаром процедур.

Как отмечается в лингвокультурологическом пособии для иностранцев, «...сейчас ритуал хождения в баню — особое удовольствие, со-

проводимое общением с друзьями и нередко — выпивкой. ...Баней “угощают” самих близких и дорогих друзей. ...Баня для русских — это хобби, увлечение, оздоровительное мероприятие. ...Сейчас русская баня — это часто своего рода клуб состоятельных “продвинутых” людей... Приглашение в баню будущего делового партнера нужно воспринимать как акт особого расположения к вам, как приглашение к неформальному дружескому общению, сближению, к уничтожению психологических барьеров и предубежденности» [Сергеева 2004: 51, 52].

Традиция восприятия бани как культурно-бытового, культурно-досугового центра очень точно представлена в описании Владимира Гиляровского. Приведем некоторые фрагменты из его книги «Москва и москвичи», иллюстрирующие значимость выделенных нами выше типов культурной информации, связанной с феноменом бани в русской культуре:

Единое место, которого ни один москвич не миновал, — это бани. И мастеровой человек, и вельможа, и бедный, и богатый не могли жить без торговых бань. Каждое сословие имело свои излюбленные бани. Богатые и вообще люди со средствами шли в «дворянское» отделение. Рабочие и беднота — в «простонародное» за пятак.

«Дворянское» отделение было устроено с неслыханными до этого в Москве удобствами: с раздевальной зеркальной залой, с чистыми простынями на мягких диванах, вышколенной прислужгой, опытными банщиками и банщицами. Раздевальная зала сделалась клубом, где встречалось самое разнообразное общество, — каждый находил здесь свой кружок знакомых, и притом буфет со всевозможными напитками, от кваса до шампанского. В этих банях перебивала и грибоедовская, и пушкинская Москва, та, которая собиралась в салоне Зинаиды Волконской и в Английском клубе.

Потом в банях появились семейные отделения, куда дамы высшего общества приезжали с болонками и москками. Горничные мыли собачонок вместе с барынями...

Самыми главными банными днями были субботы и вообще предпраздничные дни. В «дворянских» отделениях был кейф, отдых, стрижка, бритье, срезание мозолей, ставка банок и даже дерганье зубов, а «простонародные» бани являлись, можно безошибочно сказать, «поликлиникой», где лечились всякие болезни. Медиками были фельдшера, цирюльники, бабки-костоправки, а парильщики и там и тут заменяли массажисток еще в те времена, когда и слова этого не слыхали. Цирюльники «открывали кровь». Еще в восьмидесятых годах на окраинах встречались вывески с надписью: «Здесь стригут, бреют, ставят пиявки и пуцают кровь». Такая вывеска бывала обыкновенно над входом, а по его сторонам обычно красовались две большие длинные картины, показывавшие, как это производится. На одной сидит человек с намыленным подбородком, дру-

гой держит его указательным и большим пальцами за нос, подняв ему голову, а сам, наклонившись к нему, заносит правой рукой бритву, наполнину в мыле. На другой стороне сидит здоровенный, краснорожий богатырь в одной рубаше с засушенным до плеча рукавом, перед ним цирюльник с окровавленным ланцетом — значит, уж операция кончена; из руки богатыря высокой струей бьет, как из фонтана, кровь, а под рукой стоит крошечный мальчишка, с полотенцем через плечо, и держит большой таз, наполовину полный крови. «Открывание крови» было любимой операцией крочников, ломовиков, мордастых лихачей, начинавших жсиреть лавочников и серого купечества. В женских банях было свое «лечение». Первым делом — для белизны лица — заваривали в шайке траву—череду, а в «дворянских» женщины мыли лицо миндальными высеками. Бабки-костоправки работали только в «простонародных» банях. Бабки в жизни бань играли большую роль, из-за бабок многие специально приходили в баню. Ими очень дорожили хозяева бань: бабки исправляли вывихи, «заваривали грыжу», правили животы как мужчинам, так и женщинам, накладывая горшок.

Если сравнить роль бани в традиционной народной культуре и в современном культурном пространстве, можно обнаружить существенные различия. Так, одни функции бани, значимые для традиционной народной культуры (средство лишения богатыря его богатырской силы, место проведения обряда, ритуала), совершенно не востребованы сегодня; другие (место гадания, магии и знахарства) сохраняются лишь в некоторых районах, преимущественно в сельской местности; третьи (способ, средство и место лечения) переосмысляются в соответствии с модой и другими социокультурными факторами. Анализ ассоциативного поля «баня»² показал, что ядерными для современных горожан являются предметные и предикативные ассоциаты, характеризующие элементы банного пространства: *пар, париться, парилка, веник, мыться, мыло, мочалка, угореть, угар, каменка, поллок, тазик*. Ассоциативное поле включает множество ассоциатов социокультурного плана: *дача, пиво, тусовка, общаться, выводит шлаки, суббота, по-черному, массаж, массажист, душевное пиво, «натопи ты мне баньку по-белому», сауна, Первомайка, бассейн, на Куйбышева, расслабуха, банный день, кайф и др.*

Для современного городского жителя значимой становится баня как место общения, культурного досуга и оздоровительных процедур. Приведем наиболее часто встречающиеся ответы информантов, живущих в Екатеринбурге: баня — это место, где отдыхаешь душой и телом; парилка; можно расслабиться; место, где можно привести себя в порядок; сюда приходят пообщаться; самое главное для нас — это здоровый пар!; очень люблю париться березовым веником; чув-

стvueшь себя так, будто заново родился; это прекрасное средство для снятия нервного напряжения, стресса, которыми так насыщена наша современная жизнь; можно пивка попить; для возвращения работоспособности после тяжелой физической работы; очищенная кожа как бы молодеет; поговорить не на бегу; это средство укрепления здоровья; позволяет постепенно, без вреда для здоровья согнать лишний вес; где мы тусуемся в выходные; вывод шлаков из организма; тренировка сердечно-сосудистой системы; прекрасное средство для снятия нервного напряжения, стресса; дает заряд положительных эмоций; парная снимает утомление, которое постепенно накапливается в организме; с помощью лекарственных трав в бане лечат многие болезни.

Совершенно очевидно отсутствие в составе ассоциативного поля сакрального компонента, и лишь последний ответ в какой-то степени можно рассматривать как отсылку к одному из исходных этнокультурных компонентов семантики мифологемы «баня». Таким образом, налицо трансформация смысловой структуры мифологемы: забвение одних и переосмысление других базовых культурных компонентов, рождение новых смыслов и их социальная мифологизация.

Предложенная в работе структура лингвокультурного анализа мифологемы, включающая как языковые, так и внеязыковые параметры описания культурно маркированного явления, отражает представления социума о характере использования обозначаемого как предмета культуры, что является весьма существенным для подобного рода интерпретации.

¹ Понятие мифологемы как составного элемента мифологического сюжета введено в научный оборот Е. М. Мелетинским, предпринявшим описание классических форм мифа, анализ видов мифологических образов в литературе (см.: [Мелетинский 1977: 2000]).

² Приводятся данные, основанные на результатах описанного выше свободного и направленного ассоциативных экспериментов.

Источники материала

Гилjarовский В. Москва и москвичи М., 1979.

РЗ 1998 — Русские заговоры и заклинания: Материалы фолькл. экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. В. П. Аникина. М., 1998.

РО 2003 — Русские обычаи, обряды, предания и суеверия / Сост. А. В. Копылова. М., 2003.

Шукушин В. Избранные произведения: В 2 т. М., 1979. Т. 1.

И. В. Шалина

Вражда и согласие в повседневной культуре

По мнению современных философов, к началу третьего тысячелетия усилилась своеобразная тенденция к «образованию синкретических ментальных структур, в которых причудливо сочетаются научное и мифологическое, логико-доказательное и мифопоэтическое, рационально-теоретическое и иррационально-мистическое, предметно-практическое и суеверно-магическое» [Найдыш 1994: 45]. Парадоксальность сознания современного человека, продукта техногенной цивилизации, носителя индустриально-городской культуры, проявляется в том, что, с одной стороны, он владеет научной картиной мира (хотя бы в границах тех знаний, которые дает школа) и, стало быть, способен с помощью научных методов познания проникать в сущность исследуемых явлений, выявлять связи и закономерности между ними, с другой стороны, над ним довлеют обыденно-стихийные представления о мире, установки на обращение к многовековому опыту, накопленному предками и закрепленному в указаниях, рецептах, правилах поведения в типичных жизненных ситуациях. Более того, древние ментальные структуры способны не только ассимилировать научное знание, растворяя его в картине общепринятых представлений о мире, но и «оказываются навсегда «встроенными» (через язык, через обычаи и традиции, через систему верований и стереотипов) в подсознание» человека [Бескова 1994, 44].

Естественный интерес лингвиста вызывают как осознанные, так и неосознанные наивные представления о мире (коллективные и инди-

видуальные), эксплицированные в различных высказываниях. Последние позволяют воссоздать «наивно-языковую картину мира», которая также «может быть положена в основу логических и философских систем, служить источником косвенных данных для культурологов, этнопсихологов, историков и т. д.» [Булыгина, Шмелев 2000: 10].

Объект нашего исследования — носители просторечия (отдельная языковая личность или языковой коллектив) как феномен культуры, выраженной посредством языка, т. е. как носители «культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок, поведенческих реакций» [Карасик 1996: 3]. По определению, просторечие представляет собой социально ограниченную речь людей, живущих в городе длительное время, не владеющих нормами литературного языка. Это люди пожилого возраста, прошедшие первичную социализацию в деревне, а потом перебравшиеся в город, не имеющие образования или имеющие только начальное образование. Однако среди просторечно говорящих есть люди, получившие и законченное среднее / среднее специальное образование (продавцы, швеи, медсестры, шоферы, механики и под.). Носителями просторечия будем считать и детей этих людей, коренных горожан, воспринявших культуру родительских семей. Как показывает анализ, ««коэффициент просторечности» индивидуально варьируется» [Китайгородская 1988: 62] и зависит от структуры и функции коммуникации, индивидуальных речевых, психологических особенностей говорящих. Полиглотизм городского жителя делает возможными кодовые переключения.

По мнению Е. А. Земской, «просторечие — это не только специфическая языковая формация, но особый языковой, ментально-психологический и социальный мир, имеющий своеобразный кодекс речевого поведения» [Земская 2004: 243]. Лингвокультурологический подход дает возможность познать через язык ценности и нормы этого жизненного мира¹, увидеть, как в нем запечатлеваются физический облик и телесные практики, внутренние состояния и эмоции, убеждения и оценки, логика мышления и поведения людей.

Жизненный мир носителей просторечной культуры конструируют реальные коммуникативные события, как правило, повторяющиеся изо дня в день действия и контакты, которые становятся привычными, очевидными, само собой разумеющимися. В этой привычной культурной среде человек находит обеспечение таких витальных и психических потребностей, как дом, семья, учеба, работа, транспорт, обслуживание, профессиональный коллектив, общение с друзьями,

соседями; приобретает знания и опыт посредством различных культурно-коммуникативных практик².

Хранилищем знания о мире, позитивного и негативного опыта выступает обыденное сознание, в котором выкристаллизовываются «привычки, обычаи, нормы как воплощения наиболее эффективных способов жизнедеятельности» [Козлова 1984: 26]. Характеризуя свойства обыденного сознания, исследователи подчеркивают в нем «слитность реалистических элементов с сакрализованными формами восприятия явлений действительности» [Кукушкина 1986: 129], несистемность, поверхностность, стереотипность, эмоциональную пристрастность, способность «к порождению мифов и мифообразующих структур» [Автономова 1988: 161–177], «до- и квазинаучных интерпретаций повседневной жизни» [Бергер, Лукман 1995: 39]. Последнее и становится предметом нашего пристального внимания.

Освоение мира, чувственное переживание реальности порождает в человеке естественное стремление найти твердые основы бытия, ясность и покой. Исходя из своего личного и / или коллективного опыта, имеющего ценностную значимость, он сознательно или неосознанно (ре)конструирует объяснительные схемы, примеряет к жизни как руководство к действиям те программы, которые бы обеспечивали сбалансированность и нормальное функционирование всех его систем. Так создаются мифы как способы упорядочивания действительности, гармонизации психофизического состояния человека.

Обращение к мифотворчеству (идеи, верования, стереотипы, клише) имеет для лингвиста объяснительную функцию: позволяет поставить вопрос о мере обусловленности речеповеденческих схем ментальными, о возможности конструирования «модельной личности, служащей символом данной культуры» [Карасик 2003: 100]. Так, М. В. Китайгородская на основе анализа текстов носителей просторечия делает вывод о том, что экстралингвистические особенности носителей просторечия имеют определенную лингвистическую значимость. К таким особенностям относятся: фольклорный путь усвоения тех или иных сведений, сопровождающийся смещением реальных причинно-следственных связей, наивно-прямолинейное восприятие информации с последующим необоснованным обобщением фактов, недостаточно хорошо развитые рефлектирующие способности [Китайгородская 1988: 163–167]. Кажется очевидным, что обозначенные ментальные характеристики релевантны для носителя обыденного сознания.

Обратимся к текстам-разговорам носителей просторечной культу-

ры для того, чтобы выявить, как в их сознании упорядочиваются знания и представления о мире, какие факторы обуславливают ту или иную их интерпретацию. Ниже приводится фрагмент разговора автора статьи И. с супругами О. и С. (О. — 45 лет, среднее специальное образование (закончила торговое училище), работает уборщицей и дворником, имеет сына, который сидит в тюрьме; С. — 47 лет, среднее образование, в настоящее время не работает. И. и О. в детстве дружили; живут в одном доме).

О. (ОБРАЩАЕТСЯ К С.) — Расскажи / как ты ходишь Боженьку-то просишь / чтобы он тебе помог? Он ему все время помогает // Он с похмелья идет на улицу / он спать боится //

С. — Ну хожу // Када всю ночь // Хожу / молюсь / молюсь //

И. — А какую молитву?

С. — Молитву? У меня записано // Руками вот так делаю (Показывает, поднимая руки вверх) // Прошу // Прошу / то денег / мол / подбросить / то бутылку // Ну главное / норму / чтобы опохмелиться и все / и больше не прошу // Ну еще ни разу не было такого / чтобы не подал // Я вот отходил когда [после запоя] / пошел ночью в церковь / бродил-бродил // Она конечно закрыта // Не могу / тяжело // Я встал там на колени / помолился / легче стало //

О. — Ну он ему поможет / Боженька // Ну как это?! А он потом пакости всякие делает // Ему еще больше надо опять // А потом тяжело / он опять Боженьку вспоминает //

С. — Ну правильно / не о том значит прошу //

О. — Вот у меня есть живые помощи-то / ну там че-то написано / живые помощи какие-то / я ни разу не читала // Пришла из больницы и нажралась всякой дряни / жареных грибов / жареных яиц // И все / у меня печень схватило // Тожно я вспомнила / где-то у меня были помощи живые // Схватала их / держала в руке // Ну пока таблеток не наглоталась / не помогло // В такую тяжелую минуту я вспоминаю что надо... //

С. — До сорока лет я как-то не задумывался ни о чем / все было тринтравра // А после сорока мысли уже совсем другие пошли //

О. — Дружок тут евонный приходил // Мне grit / <Там крестики продают освещенные / по 500 рублей> // Думала / седня получу деньги / дак пойду / куплю себе крестик //

С. — А Христос-то ваще не любил золота-то // Вот у меня крестик / как заболело / дак сразу чернеет //

О. — Вот я находила в бараке / када уборщицей работала // Нашла цетточку и крестик вместе // Вот взаправду грят / <Как пришло / так и ушло> // Так же и потеряла //

С. — Это всегда так //

И. — А вот в Храме на Крови...

О. — (ПЕРЕБИВАЕТ, ПРОИЗНОСИТ С ОПАСЕНИЕМ И СОМНЕ-

НИЕМ) На крови? Дак это / лучше не ходить туда / страшно // (Пауза)
Я ниче в церкви не знаю // Мы с Оксанкой пошли как-то в воскресенье //
Пришли туда значит // Купили мы с ней иконки // Я для Кости [сын О.] /
Константин купила / себе / Ольга // Она себе / Гришке / сыну / купила //
К какой иконке пойти поставить свечки / не знаем // А мы пошли за свя-
той водой // Там значит / две работницы мыли пол в одном месте / а тут
баки стоят // А там шла... / молебен какой-то / что-то он им пел / по-
то // Мы у бабок-то этих спрашиваем / <Можно водички набрать?> //
Они грят / <Тихо / тихо // Када идет служба / нельзя говорить> // А мы
больно знаем / мы за водой // Налили / ага // Куда со свечками деваться /
не знаем // Куда поставить // Смотрю / очередь стоит к одной значит
иконе // Я грю / <Оксанка / вот сюда встанем / вишь / все целуют ее> //
Я встала // Ну все встали / и я // Кто был? Не знаю / не помню // жен-
щина какая-то нарисована // Эта / поставила свечку / чмокаю // Оксан-
ка потом следом за мной поцаловала // Ну и че // Мы пришли домой / что
у нее дома скандал / что у меня скандал произошел //

С. — Ты как Задорнов // <Боженька / дай мне денег / дай-дай> // Ой /
не о том надо // Надо о душе было просить-то //

О. — Я ниче не просила // Не помню я / просила или не просила // Но
факт тот / что надо знать / куда идешь / зачем идешь / и куда надо
ставить //

С. — Причащаться надо //

О. — Дак че такое <причащаться>? Записываться надо на прием-
то?

С. — Сперва исповедуешься / а потом тебя... // Таинство причаще-
ния // Вино дают / там / не бутылку // Это кровь Христова // И хлеб / спе-
циально как Христос преломлял // Цыганка хотела у него хлеб стащить /
дак ее чуть не разорвали / потому что она через Христа / вот могла
пакости делать // Ну ваще-то Христос-то не любил церковь // Там вот
концессии были / сундукеи // Они же его еще 300 лет не принимали / Хри-
ста... //

В самых общих чертах обыденное сознание носителя просторе-
чия можно охарактеризовать как конгломерат бессистемных, не име-
ющих четких границ культурно-исторических представлений о мире:
на религиозное знание наслаивается атеистическое; коллективный и
субъективно-личностный жизненный опыт, закрепляясь в приметах и
наблюдениях, наделяются статусом истинностного, элементы книж-
ной культуры соединяются с предрассудками и суевериями.

Тема высокого, бытийного, объектами которого становятся Бог,
личный и чужой религиозный опыт, вина, судьба, естественно вклю-
чается в бытовые разговоры, поддерживается коммуникантами, ин-
тимизируя общение, вызывается потребностью осмыслить собствен-
ную жизнь: С. — До сорока лет я как-то не задумывался ни о чем /

все было трын-трава // А после сорока мысли уже совсем другие пошли //. Можно предположить, что обращение к теме высокого, религиозного должно обуславливать кодовые переключения. Однако если в речи С. отдельные книжно-письменные элементы включаются в структуру высказывания более или менее естественно, то высказывания О. демонстрируют в целом низкую степень языковой компетенции и общей культуры, поэтому такой перекодировки практически не происходит.

Обращает на себя внимание стереотипная номинация *Боженька*, которая, по нашим наблюдениям, употребляется и пожилыми, и молодыми людьми. Она функционирует в просторечной среде как факт гиперкоррекции речи. Диминутивы, будучи языковой приметой непринужденной разговорной речи и просторечия, чаще используются женщинами. В наших примерах диминутив *Боженька* включается и в мужскую речь, и в женскую, однако «длина ряда имени» [Занадворова 2003: 307] в мужской речи больше, чем в женской: лексема *Боженька* используется наряду с лексемами *Бог* и *Христос* (последняя в просторечном узусе приобретает книжную окраску).

Существование в индивидуальной картине мира Бога, *Боженки* обусловлено имеющими историческую основу социально-культурными ориентирами (православные нормы и традиции). Однако современные горожане слишком далеки от патриархального уклада крестьянской жизни. Они воспитаны на идеологических нормах советского времени и нормах индустриальной культуры. Поэтому можно говорить об *обыденной религиозности* [Лебина 1999: 120] городского жителя, который, имея начатки веры, зная некоторые церковные праздники и обряды, остается далеким от жизни праведного христианина. Контакты с Богом, как явствует из разговора, скорее определяются установкой на сверхъестественное, чудесное. Инструментом экспликации представления о Боге могут служить цепочки хода мысли [Матвеева 1990: 43]: С. — *Бог* (персонифицируется в образе Христа) *есть: когда мне плохо, я нуждаюсь в помощи свыше и получаю ее; О. — Бог* (какая-то сверхъестественная сила вообще) *есть, потому что другие люди думают, что он есть, и он им помогает, а я в своей жизни ориентируюсь на других. Но я не ощущаю его поддержки, наверное, потому что думаю о нем, только когда мне тяжело.*

Достоверность знания о существовании Бога верифицируется ссылками на собственный религиозный опыт: *Ну еще ни разу не было такого / чтобы не подал //*; на оптимизацию жизненного тонуса: *Я встал там на колени / помолился / легче стало //*. Символьная связь с

Богом устанавливается также посредством религиозных атрибутов (крест, святая вода, иконы: *Там крестики продают освещенные / по 500 рублей //*; *А мы пошли за святой водой //*), которые наделяются функцией оберега (*Вот у меня крестик //* *Как заболел / так сразу чернеет //*). Так проявляет себя мифологическое сознание: «...предмет совпадает с символом, вещь со словом и жестом, существо с его именем, происхождение с сущностью» [Ерасов 2000: 160].

Отсутствие Божьей помощи (*Поставила свечку... //* *Ну и че / что у нее дома скандал / что у меня скандал произошел //*; *схватала их [живые помощи] / держала в руке / но пока таблеток не наглоталась / не помогло //*) объясняется либо собственной пассивностью (*Я ниче не просила //* *Не помню я / просила или не просила //*), либо незнанием церковных ритуалов и правил (*Но факт тот / что надо знать / куда идешь / зачем идешь / и куда надо ставить //*). Утилитарно-прагматический взгляд на Бога как исполнителя материальных желаний (*Прошу то денег / то бутылку //*) характеризуется амбивалентностью: принимается по отношению к себе (*Норму / чтобы опохмелиться и все / и больше не прошу //*) и высмеивается в Другом (*Ты как Задорнов //* *«Боженька / дай мне денег / дай-дай» //* *Надо о душе было просить-то //*).

Мотив вины в разговорах носителей просторечия перекликается с мотивом судьбы. Семантика греховного включается (наводится) в просторечные поведенческие стереотипы *делать пакости* в значении 'делать что-л. недостойное, гадкое, причиняя кому-л. вред своим поведением', *пировать* в значении 'долго и много, без меры пить, уходить в запой', *гулять* (*распутничать*, нец. *бл...овать*) в значении 'иметь любовные связи на стороне, быть неверным жене / мужу'. Сама лексема *грех* в значении 'сознательное или неосознанное переступание заповеди и нормы' не употребляется. Контексты конкретизируют женское представление о мужских и женских *пакостях*, например: *О. — Сашку-то выгнала / на исправление отправила к матери //* *Грю / <Пить не будет / будет работать / заберу обратно> /; Если бы не пировала... //* *Он по молодости от мамки гулял / такой (нец.) был / а теперь его Боженька наказывает //*.

Итак, отступлением от ролеповеденческих семейных норм считается: пьянство, нежелание работать, воспитывать детей, измена мужу / жене. Наказание в виде болезни, несчастья и т. д. ложится не только на нарушителя норм, но и на его близких: *Если бы не пировала / так Ого бы [сын сидит в тюрьме] не случилось //*. Осознание вины, преодоление ошибки понимается как шаг к изменению судьбы [жизни], выходу из

круга (*Че моя жись? Волнами // То к Богу / то в пьянку //*). Вместе с тем судьба интерпретируется и как нечто предопределенное свыше, то, что должно случиться. Ср. фрагменты из текстов-разговоров:

О. (*говорит о преступлении сына*) — *И вот щас я токо поняла / что виновата во всем Я // Если бы не пировала / такого бы не случилось // Все равно в первую очередь родители виноваты // Ну бывают и благополучные семьи / дети эта / с ума сходят / но все равно в первую очередь родители виноваты / и приходит эта мысль опосля // Вся жись-то прожита / большая половина уже // Если бы раньше / дак этого может и не случилось бы / а может и случилось // Так и должно может было бы быть // Может судьба такая //*

О. — *Как ты докатился до такой жизни?*

С. — *Не я такой / жись такая //*

О. — *Кто ее делает такой?*

С. — *Судьба есть // Ну не то что судьба / что гнет тебя // Сопротивляться не будешь / дак согнет // Будешь сопротивляться / дак че-то получится //*

По данным С. М. Толстой, в мифологической морали наказание исходит от космоса, природы, а в христианской — от Бога. Народная нормативная система допускает, что «совершенный грех можно искупить специальными магическими действиями и тем самым избежать положенного наказания или смягчить, ограничить его» [Толстая 2000: 376], а христианская — требует покаяния и искупления грехов. Тексты-разговоры показывают, что языческое в сознании О., например, смешано с христианским: церковные атрибуты (*освященный крестик, святая вода, живые помощи*) она наделяет магическим статусом, а примитивные манипуляции с ними (*схватала их / держала в руке //*) считает способом предотвращения, смягчения наказания или получения помощи и заменой заботы о душе.

На ключевой для обыденного сознания оппозиции «свой — чужой» конструируется образ врага. Мифологема врага, способного причинить зло Христу и всем верующим (*...она через Христа / вот могла пакости делать //*), имеет национальную прикрепленность: ярлык воровки (*хотела у него хлеб стащить //*) наклеивается на цыганку. Этот этностереотип закрепился в современном языковом сознании русских, приобретает устойчивые культурные коннотации, связанные с представлением о типичной модели поведения цыган на улицах города, их склонности к воровству, попрошайничеству, вымогательству. Ср. фрагмент другого, пререкательного, разговора между О. и С., а также фрагмент разговора в бане:

О. — Ниче себе // До больницы он ходил у меня десятки снимал // После больницы дай опохмелиться // Нормально //

С. — Давай я те скажу / что такое десятка // Это доехать до больницы и обратно // Када ты выгнали с работы / мы пропили с тобой все мой денги // Это смешино / весело / анекдот // Дак я на карточку / на свою карточку брал сигарет / и поесть //

О. — Но-о //

С. — И Я получал // Ты вот здесь валялася / с Тамаркой-цыганкой пила // Я подошел / не мог уже идти / давление тоже было / чуть не упал-то / помнишь? Думал / «Опохмелиться? Нет / не буду» // Принес 800 рублей // Ты вот сюда (показывает на грудь) прячешь от меня / а Тамарка у тя ворует <...> //

Ситуативный контекст: (В бане раздевается женщина (А.), ее бесцеремонно разглядывает пожилая женщина (Б.), потом вступает с ней в разговор):

Б. — Ты по национальности цыганка?

А. — Да //

Б. — А у вас квартиры-то есть или вы кочуете?

А. — Конечно есть //

Б. — А вот меня-то дома не было // Мой-то один был дома // Позвонила цыганка с ребеночком / в туалет попросила // А он ведь у меня такой / давай чай готовить им // А она пока пила / другая всю квартиру обшарила //

А. — Бдительней надо быть // <...> Иная простота хуже воровства // Всякие есть люди //

Обмирщение религиозных ценностей, феноменализм объяснительных, поведенческих схем, которым следуют носители просторечия, есть также результат воздействия советских идеологических стереотипов. На стереотипах «восприятия религии как чего-то нереального, сказочного», «отношения к религии как “пережитку старины”» [Михайлова 2002: 72], внедряемых в сознание идеологами коммунизма, было сформировано несколько поколений «воинствующих атеистов», к которым можно отнести и большую часть носителей просторечия, людей пожилого и среднего возраста. Деидеологизация сознания как важнейшая особенность современной жизни [Купина 1999: 38] характеризуется идеологическим упрямством. Освобождение от ментально-языковых штампов тоталитарной культуры сопровождается их частичной реанимацией. Так, поведенческие шаблоны советского быта: *Смотрю / очередь... // Ну все встали / и я //*; *Записываться надо на прием-то //* актуализируют оппозицию «верхнее — нижнее», где «нижнее» воплощается стереотипной ролевой позицией человека массы, пассивно принимающего

идеологически заданный порядок. Структурно-содержательное родство фундаментальной мифологемы Бога и идеологемы вождя, воплощающих позицию «верхнего», нивелирует культурно-историческую дистанцию. Адаптация сознания свидетельствует о таком универсальном свойстве мифа, как его моделируемость и воспроизводимость на основе протомифа.

Наблюдаемая профанизация и деэстетизация сакрального контекста порождается как языковым автоматизмом и неосознаваемым огрублением речи, так и культурным невежеством носителя просторечия: *Женищина какая-то нарисована //; чмокаю //; у бабок спрашиваем //; живые помощи; А мы больно знаем //; На крови? Дак лучше не ходить туда / страшно //; хлеб стащить /; через Христа пакости делать //*. Вместе с тем носителю просторечия не чуждо приобщение к общенациональной культуре, «допуск к «чужому», поликанальные контакты с литературной культурой» [Купина, Михайлова 2003: 23]. Об этом, в частности, свидетельствует описание С. таинства причастия, употребление им книжной лексики: *таинство причащения, хлеб преломлял, кровь Христова*; искаженное воспроизведение иноязычных слов, функционирующих в книжных контекстах: *концессии, сундуки*.

Поиски самоопределения, ощущение необходимости заполнить духовный вакуум, с одной стороны, и, с другой стороны, доверчивость, любопытство, отсутствие общей культуры, потребность в иллюзиях, невысокая степень сопротивления идеологическому внушению и эмоциональному заражению делают носителя просторечия участником и заложником мифотворческой ситуации. Мнимая гармонизация сознания обеспечивается воздействием на эмоционально-эстетическую сферу: *Но поют / мне понравилось //; ...поет песню / так все складно //; Там Саша-то ниче / проповедник говорил // А этот... косноязычно //*. Ср.:

С. — *Евангелисты / они против церкви // И вот я тоже ходил // «Да я камня на камне не оставляю от этой церкви» // Ну что вроде Богу-то не нужны такие хорамы // Ходил еще я где протестанты // Протестантская / краугольный камень // Они не в церкви / в клубе собираются // Там тоже вроде интересно // Там Саша-то ниче / проповедник говорил // А этот / они меняются там / одно и то же говорил // То есть это / косноязычно // Но поют / мне понравилось // Приглашали к себе // Где-то в области коттедж // На Посадской у них / они еще на квартире собираются //*

О. — *А у меня вот на работе // Приходит такая женищина молодая / боговерующая какая-то / и все мне какие-то книжки сует // Потом grit вот че-то про Библию // Я грю / <Ой / мне надо Библию> // Она grit /*

<Вот можно за деньги / можно бесплатно> // Я грю / <Мне конечно бесплатно> // Вот знаешь / эта / поет песню / так все складно // И потом книжку откроет / почитает // И все правильно там написано // Я потом грю / <Некогда мне на работе-то разговаривать> // <Домой могу прийти> // <Ну ладно / приходите> / сказала ей куда... //

Приобщение к сфере религиозного эксплицирует специфику гендерной мотивации. Так, для мужчины это возможность познать мир, обрести основы духовного бытия, а также способ снятия стресса, вызванного нарушением моральных норм. Стереотипная мужская практика замаливания грехов, допускающая возможность манипуляции религиозными ценностями, тем не менее подвергается сомнению. Мужская солидарность отсутствует:

С. — Че моя жись? Волнами // То к Богу / то в пьянку // По телевизеру показывали / он изменяет жене // <Дак а как ты так?> // Он grit / <А че / я пошел / замолил грехи / все // Я вроде чистый снова // Подход такой интересный //

Сфера религиозного в представлении женщины связывается с чудом, волшебством. Миф о женском счастье, построенный на архетипе Золушки, подтверждается чудесным фактом: была женщина *не замужем, с дочкой, помогала завхозу — нашла мужика хорошего*, стала богатой, *торгует в «Дирижабле»*. Практический рецепт личного счастья базируется на следующей цепочке хода мысли: изучение религиозного учения, посещение воскресной школы дает возможность незамужней женщине познакомиться с *хорошим мужиком* и выйти за него замуж:

О. — А вот в школе я халтурила // Там одна у нас / ну как это / не завхоз она была / а помогала завхозу // Они ходили в какую-то воскресную значит церковь / школу / не знаю // Она была не замужем // Там она нашла мужика себе / хорошего // С дочкой ходили // Шас вот живут // Шас она где-то торгует / в «Дирижабле» что ли // А сначала они магазинчик купили свой // Вот тут / напротив «Мира» у них был // Она там нашла-то мужика себе // У них одна и та же вера // Нашла мужика хорошего // Ходили на занятия вместе / слушали // Вот где надо мужиков-то искать //

Разговоры о высоком и бытовом эксплицируют асимметричность ролей коммуникантов. В семейном взаимодействии О. занимает доминирующую ролевую позицию. Даже знание С. церковных обрядов, использование книжной незнакомой лексики не снимают иронического отношения к его религиозному опыту. Высказывания О. заряжены дидактической энергией, истекающей из незыблемости и первостепенности повседневного (труд, забота о хлебе насущном):

О. (С УПРЕКОМ) -- *Неработень ты!*

С. — *Дак я не могу на одном месте // Я три года работаю / и не могу больше / мне надо болтаться //*

О. — *Ну Сашка / уже годы не те / надо прижать задницу //*

С. — *Нет / щас пойду на одно место //*

О. — *На постоянную надо / потому что дело к пенсии идет // Доживем / не доживем / неизвестно // Ну все равно надо думать об этом // А он на халтуры // Халтуры! А с чего ты потом на пенсию пойдешь? Кто ты будет содержать-то?*

Концепт «труд», по данным О. Е. Черновой, став идеологемой советского времени, за последние двадцать лет претерпел ряд «витков деидеологизации» [Чернова 2004: 12]. Примеры показывают, что прагматизация смыслов жизненных ценностей как результат изменения идеологических предпочтений, выбора новых ценностных ориентиров определила, в частности, новое отношение к труду. Работа осознается носителем просторечия прежде всего как источник заработка и обеспечения себя, семьи, собственной старости (<...> *дело к пенсии идет //*; *Кто ты будет содержать-то?*). Представление о работе как тяжелом труде, сопряженном с физическими усилиями, монотонностью, длительностью, изнурительностью (ср.: *муж работника //*; *всю жизнь вкалываем //*; *не выучился в свое время на инженера //*), детерминировано социально (многие заняты в непрестижной сфере труда), не имеет гендерной дифференциации:

О. — *Я гребу на улице снег / и грю / <Господи / еще ни разу не было / чтобы я за просто так получила деньги // И все у меня работа такая тяжелая // Дак я пишу и лезу на такую тяжелую работу // Найду себе участок такой тяжелый / буду грести / упираться / его / а кто-то просто так деньги получает> //*

Собственная терпеливость (*надо прижать задницу //*; *пишу и лезу на такую тяжелую работу //*) оценивается положительно и подпитывается мифом о том, что *деньги достаются тяжелым трудом; легких заработков не бывает*. Вместе с тем о разрушении мифа свидетельствует актуализация в современном сознании таких смысловых составляющих концепта «труд», как ‘рутинная деятельность’, ‘истощение силы субъекта’, ‘печальная необходимость’, ‘несправедливое распределение результатов труда’ и др. [Чернова 2004: 19–20]. Ср.: *Дак я не могу на одном месте // Я три года работаю / и не могу больше / мне надо болтаться /; ...буду грести / упираться / его / а кто-то просто так деньги получает //*.

В основе высказываний носителей просторечия лежат базовые оппозиции «физическое — интеллектуальное»; «работа — безделье

(халтура)». Следование жизненным стереотипам, основанным на специфике жизненных распорядков: нормированный / ненормированный рабочий день, постоянная / временная работа, стабильный заработок / заработок от случая к случаю — служит источником семейных конфликтов. Нежелание работать и содержать семью, безделье (*неработень ты //*) всегда оцениваются отрицательно. Социально-моральный аспект ценности труда подчеркивается речевым стереотипом *ходить / стать бомжом (бомжихой)* в значении 'плохо выглядеть, опуститься морально и физически'. Так в просторечном узусе маркируется принадлежность к ущербной маргинальной группе:

О. — *На Московской горке бомжи сидят // там лавочка / где белье выхлывают // Сидят ждут // А Сашка идет // Они его уже несколько раз за своего принимали / признавали //*

С. — *Работал я в «Горсвет» / халтурил // Около «Рубина» прохожу / там киоски // <Че такое?> // Раз пошел / «Давай выпьем» // Второй раз / третий // Я прихожу / <Че я так плохо выгляжу?>*

О. — *Значит / раз они тебя за своего признали //*

Обращает на себя внимание еще одна особенность просторечной коммуникации: достоверность интерпретируемой ситуации подтверждается ссылкой на коллективный опыт, закреплённый в традициях, пословицах, поговорках, представляющих собой «модели разнообразных жизненных и логических ситуаций» [Пермяков 1988, 65]. Так, информантка О. в анализируемом выше тексте-разговоре заключает сообщение о найденной цепочке с крестиком генерализованной жизненной формулой-клише: *Вот я находила в бараке / када уборщицей работала // Нашла це 'почку и крестик вместе // Вот взаправду говорят / <Как пришло / так и ушло> // Так же и потеряла //*

Изучение механизмов и форм тиражирования коллективного опыта в исследуемой культурной среде, на наш взгляд, дает возможность понять, каковы ценностные ориентации носителя просторечия, какие образцы коммуникативно-речевого поведения осознаются им как положительные или отрицательные, какова специфика «игровых действий», модифицирующих взаимодействие в рамках задаваемых норм и правил поведения.

Дифференциация носителей просторечия по социолингвистическим признакам позволяет поставить вопрос о существовании по крайней мере двух внутрикультурных слоев. Основной костяк носителей просторечия⁴ (первый внутрикультурный слой) составляют пожилые люди (преимущественно женщины), имеющие сходные жизненные биографии: воспитывались в крестьянской семье и впитывали тради-

ции народной культуры; в поисках лучшей жизни по совету родителей отправлялись в город учиться или работать, становились городскими жителями. Ср. фрагмент рассказа З. (68 л., медсестра, в настоящее время пенсионерка):

З. — *А учиться я / када поступала // Я из такой глухомани // 40 километров от железной дороги // Получила паспорт / ведь в деревне-то еще и паспорта-то не давали / кто хочет // Это вот только раз я училась // И отец говорит / <Ну / Зойка / давай / давай> // <...> А я послушаться отца не могла / раз сказал отец // Хотя мне не очень хотелось из деревни в медицину // Да я ниче не понимала / чЕ я там понимала... //*

Утрата связи с деревенской средой переживается этими людьми по-разному, но пору детства и юности они вспоминают как самое светлое время, несмотря на жизненные трудности. Для примера приведем фрагмент разговора двух бывших деревенских подруг, уроженок д. Курманка Свердловской области, в одно время уехавших в город учиться (Ф. — 67 лет, медсестра; Г. — 68 лет, работница завода «Электроавтоматика»; в настоящий момент пенсионерки):

Ф. — *А я в следующий раз / вот ты приедешь ко мне / состряпаю те пирог с грибами // Возьму две картошинки / у меня есть корыто деревянное / с грибами нарублю // Всяка смесь там / и грузди / и маслята есть / и красноголовики // И состряпаю // Ты ж деревенская / у ты на грибы должно проявиться //*

Г. — *Ты знашь / я те че хочу сказать / у меня щас мало че деревенского проявляется //*

Ф. — *Ой / а я бы щас в деревне жила // Не манит тя? Как хочу в деревню!⁵*

Пожилые носители просторечия составляют в социокультурном и языковом отношении наиболее однородную, инертную, плотную группу. Дети и внуки этих людей (второй внутрикультурный слой)⁶ получили / получают среднее / среднее специальное и высшее образование, активно или пассивно владеют литературным языком. В их речи практически отсутствуют диалектные факты, коэффициент жаргонности индивидуально варьируется. В устной коммуникации они опираются на устоявшиеся в их жизненном мире нормы и стереотипы и, будучи уже коренными горожанами, быстрее впитывают нормы и стереотипы городской культуры. Эти факторы делают группу менее однородной, рыхлой. Ср. два высказывания одной коммуникантки:

О. — *Када мамка умерла / я осталася одна // После похорон сразу / после обеда тут вот села // <Как она> / думаю // Господи / вот все похоже // пальтушка серая у нее была / я на работу в ней бегала // (испуганно вскрикивает) Ой! Копия! Все то же самое / что внешне / что базар //*

Это кошмар какой-то // Я не думала / что так вот / эта (пауза) сходства такие //

О. — В деревне-то нече делать / рождают // Ей еще 16 лет-то / вот родила // Я не представляю / как можно жить / ни работы / ничегошеньки ни для детей / ни для них // Ничего нету // Людка там полола грядки в колхозе / колхоз не колхоз / не знаю // Дак че-то 40 рублей / дак целый кило 'метр / пополи-ка // Я грю / в городе хоть бутылки / банки ходят собирают // Бомжи-то вон живут как / по помойкам ходят / вот работать не хотят // А в деревне-то кто че припас? Господи / ужас / страшное дело //

Сходство социальных условий их жизни (похожие жизненные биографии) определяет одинаковую манеру держаться, мыслить, говорить, т. е. «общую порождающую матрицу практик» [Козлова 1998: 41].

В межпоколенной семейной коммуникации пожилые носители просторечия являются трансляторами «народного знания» и собственного культурного опыта, а следовательно, носителями культурного сознания: «передавая знание, язык в то же время формирует сознание» [Арутюнова 1999: 4]. Вместе с тем городская культура меняет стиль жизни и способы, характер общения людей. По мнению Ю. И. Смирнова, статус горожанина — вот тот «рубеж, за которым народная культура необратимо лишается этносоциальной базы для своего естественного бытования» [Смирнов 1994б: 104]. Стихийное или осознанное переосмысление накопленного коммуникативно-культурного опыта (текстов, верований, обрядов) в силу социокультурных причин превращает старые представления в «реликтовые или эндемичные, спорадически бытующие» [Там же: 100].

Эти формы и способы архаического мировосприятия, по мнению философов, психологов, этнографов, через механизм трансляции жизненно значимой культурной информации, передаваемой в основном в рамках кровнородственных связей — от родителей к детям, оказываются встроенными в структуру личности индивида. Преемственность культурного опыта (в виде приобретенных свойств, умений и навыков) обеспечивает адаптационные возможности человека, повышая, например, степень устойчивости к стрессовым ситуациям [Бескова 1994: 35–44]. Попробуем осмыслить вышесказанное, опираясь на тему семейных отношений в разговорах носителей просторечной культуры.

Данный тематический блок включает многие аспекты, выбор которых задается ситуативно. Интерпретация семейной жизни обусловлена разными факторами, один из определяющих — гендерная принадлежность. Мужской взгляд на любовь и семейные отношения пред-

ставлен в [Купина, Шалина 2004: 52–59]. Дадим иллюстрацию женского взгляда на семью и семейную иерархию.

Семья — одно из ключевых понятий русской культуры. Функции семьи, обязанности ее членов, нормы семейного общения формировались в обрядах и ритуалах. Структура семьи за большой исторический период претерпела определенную динамику. Система семейно-родственных связей была достаточно разветвленной и отражала сложную иерархическую стратификацию *большой* крестьянской семьи. «Ко 2-й половине XIX века *малая* семья становится типичной и доминирующей формой семьи русских, украинцев и белорусов» [Этнография восточных славян 1987: 366]. Такая семья обычно состояла из 2–3 поколений (родители — дети) и объединяла родственников по прямой линии. Ныне семантика многих древних терминов родства, таких как *деверь*, *шурин*, *золовка*, *свояк*, *свояченица*, оказывается забытой, а вот слова *свекровь* и *невестка* помимо реального значения содержат глубокий сакральный смысл, не утерянный в наше время.

Древние стереотипы речевого поведения невестки и свекрови основаны на идее «преодоления “чужести” двух родов, вступивших в родственные связи» [Виноградова 2000: 327]. В ситуации вхождения в чужую семью контакт с локусами нового дома и двора (порог, дверь, печь, стол, колодец и др.) связан «с мифологическими представлениями о сакральных местах в пространстве дома и двора, принадлежащих родовым предкам-опекунам» [Там же: 326]. Почитание свекра и свекрови, выполнение строго определенных предписаний и запретов символизировало приобщение к новой семье человека не-весть-какого, «незнаемого» и потому опасного. Соблюдение ритуализованных форм поведения имело для молодой женщины принципиальное значение, ибо «мужская репутация в семье... в значительной степени зависела от женского социального поведения» [Там же: 329].

Эти ритуализованные формы взаимодействия впоследствии легли в основу этикетных поведенческих норм и закрепили представление о семейной иерархии (см. патриархальный «Домострой»). В драме А. Н. Островского «Гроза» (1859), например, моделируется взаимодействие невестки и свекрови, которая требует неукоснительного соблюдения установленного кодекса речевого поведения: *чтоб почитала свекровь, как родную мать; не грубила свекрови; сложя руки не сидела, как барыня; в окна глаз не пялила; на молодых людей не заглядывалась!* Модель поведения «благочестивой жены», которая «убоится мужа своего» и почитает свекровь, невестка принимает (*Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты...*), а вот исполнять

архаический ритуальный обряд прощания с мужем перед дальней дорогой отказывается: — *Хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воеет, лежит на крыльце. — Не к чему! Да и не умею. Что народ-то смешит!* [Островский 1981: 26, 29]. Конфликт старых и новых семейных, гендерных форм и способов общения (*Так-то вот старина-то и выводится*) явственно обозначился к началу XX века: в это время происходит утрата хозяйственных и идеологических связей с деревней, формирование «человека индустриального», но в ряде случаев традиции, генетически связанные с крестьянской средой, сохраняются. Это естественный процесс, ибо «культурная социализация предполагает сочетание преемственности и отрицания» [Лебина 1999: 230], что способствует формированию «адаптивной нормы... при которой целостность той или иной системы, в том числе и структуры ментальности, не нарушается» [Там же: 21].

Ситуация встречи невестки со свекровью в силу драматичности жизненного момента запечатлевается в памяти многих женщин. Вот как рассказывает об этом В. (уроженка ст. Сущево Ленинградской области, эвакуирована в Свердловск из блокадного Ленинграда в возрасте 15 лет, закончила торговый техникум, работала на Свердловской обувной фабрике, член КПСС):

В. — Меня Толенька [муж] привез туда / в деревню Филимоново / то ли на первом году / не помню / то ли на втором // Мы в бараке уже жили / около завода // И вот мы поехали // Они же в колхозе работали / дома их никогда не бывало / от зари до зари // Переступили порог // У меня сердце заколотилось-заколотилось // Потом идет / коса на плече и грабли <...> // Как назвать? Надо мама назвать // Ну как-то нехорошо / время такое было / что надо называть / это щас // Ну и вот / она значит заходит в коридор // У меня сердце бьется-бьется // Как воспримет? Толя меня конечно описал / когда жениться еще надумал // Такая-то такая / девушка-сирота из Ленинграда / работаем вместе // Меня охарактеризовал // А у меня сердце (показывает, как стучит) // Как это не отчаяться? Переступает через порог / я к ней сразу кинулася // Первая / первая / <Ну / мама / здравствуйте / будем знакомы>! Она обняла меня и слезы покатились // А Толенька кричит / <Мама / а ты что / не рада / что мы приехали?> // Она / <От радости // Вот сынок / пришли-то годы / жениться надо> // Она захлопала / забежала по избе // Я конечно приехала фартовая / крепдешиново платье на мне / тогда было модно крепдешин / с воланами / с брылами / прическа была // Ну и молодая была / я девка-то была завлекательная // Первым делом самовар поставили // Толя значит пошел за водою / свеженьку водичку скипятили // Самовар на стол // Она пошла в чуланчик // В деревнях чуланчик / сенки / а потом чуланчик // Первым делом она бутылку выставила // Бутылочку на стол / закусочку / из печки /

жарковье-парковье / каша перловая была со шкварками // Ну и все / ну и познакомились // Мы конечно в комнате были / не на кухне // Бутылочку-то выпили / песни запели // Сидим-сидим / она и grit / <Вот знаете Верушка / вот Вы не обидитесь / если я вот вас иконкой благословлю> // Я грю / <Нет / мама / наоборот / хорошо> // Она достает с божницы / у ней такая иконочка там <...> // Достала иконочку и нас благословила // А я этот обычай знаю // Мы встали // Толю три разаг перекрестила / иконку поцеловать надо / и я также // И вот эта иконка / до сей поры у нас она хранится // Она благословила и сказала / <Положите себе в чемодан и увезите> // Она щас у меня висит на кухне / под рамочкой // Я чуть что / маленько так раз / и перекрещусь // (произносит торжественно и медленно) Это благословение матери / это великое слово //

Текст-рассказ В. о встрече со свекровью проникнут ностальгической, задушевной тональностью. Мотив переступания порога, дважды включенный в повествование, возможно неосознанно, имеет символическое значение. Стрессовый характер ситуации передается вербализацией эмоционально-физиологического состояния страха и смятения (*У меня сердце заколотилось-заколотилось //*; *А у меня сердце (показывает, как стучит) //*; *У меня сердце бьется-бьется //* *Как воспримет? Как не отчаяться!*). Приятие семейно-ролевой иерархии, зависимой ролевой позиции демонстрируется невесткой с помощью символических словесно-кинетических знаков: *Я к ней сразу кинулася //* *Первая / первая //* *<Ну мама / здравствуйте / будем знакомы!>* Осознанный выбор обращения (*мама; Веришка*), взаимная установка на вежливость (*вы-общение*), эмблематические жесты (*Я к ней сразу кинулася //* *Первая / первая //*; *Она обняла меня / и слезы покатились //* *<...>...от радости //*) направлены на преодоление момента «чужести», акцентуации ролевой асимметричности. Напряженный характер фрустрирующей ситуации задается также двуплановостью мужской роли (муж и сын). В мужской реплике содержится потенциальная готовность в случае необходимости стать буфером, наладить общение: *Мама / а ты что / не рада?* Гармонизация ситуации напряженности снимается взаимными усилиями всех коммуникантов. Ритуально-игровые действия завершаются обрядом благословения: *Мы встали //* *Толю три разаг перекрестила / иконку поцеловать надо / и я также //*. Эмоциональная оценка подчеркивает знаковый характер ситуации: *Это благословение матери / это великое слово //*. Пространственный локус также означает: *Мы конечно в комнате были / не на кухне //*.

Этнографический характер приобретает описание застолья в избе (*самовар, сенки, чуланчик, бутылочка, закусочка из печки, жарковье-*

парковье, каша перловая со шкварками, божница, иконка) и внешнего вида невестки: *крепежиново платье на мне / тогда было модно крепежин / с воланами / с брылами //*. Ролеповеденческие стереотипы хозяйки (*Первым делом она бутылочку выставила / закусочку //*) и гостей (*Бутылочку-то выпили / песни запели //*; *сидим-сидим //*) подчеркивают типичность сценария застолья, характерного для русских, и преемственность традиций народной праздничной культуры.

Таким образом, испытательный момент (*Как не отчаяться!*) снимается выбором стратегии гармонизации взаимодействия свекрови и невестки, направленной на долгосрочное сотрудничество. Эффективность этой стратегии подчеркивается последующими репликами сказчицы:

В. — *Мы с ней дружно жили / она нас любила / и когда мы вот ездили / она первым делом / <Верушка / как вы живете? Тебя Толя не обижает?> // Всегда! Это первым делом // Вот и в Москву приезжали / всегда спрашивала // <Да нет / мама / че нам делить-то? Нам делить нече // Работаем / отпуска ждем / к вам приезжаем> //*

Просторечная номинация *свекровка* используется наряду с общекультурной *свекровь* и может иметь как нейтральную, так и пейоративно-отчуждающую окраску. Кроме них в именной ряд включаются *свекруха* (имеет пренебрежительно-фамильярный оттенок, употребляется преимущественно молодыми женщинами), *мамка*, *мать*, *мама* (могут сочетаться с именем собственным или местоимением: *Сашкина мать*; *его / евоная мать*), *баба*, *бабка*, *баушка* в сочетании с именем (в ситуации общения с детьми), реже имя-отчество:

О. — *Сашкина мать рассказывала / она два раза к нему ездила // Он был тогда-то хороший // И что дважды благодарность от командования / что хорошего сына воспитала // А куда-то приехал и испоганился весь //*

Жену сына свекровь обычно называет *невестка*, *сноха*, *жена сына* (также возможно сочетание с именем собственным или местоимением *Сашкина жена*) либо по имени. В собственно апеллятивной функции используются существительные *мама* (уважительное), *мамка* либо имена собственные. Номинации типа *твоя свекровь*, выполняющие игровую функцию, нами не выявлены⁷.

Коммуникативная дистанция между невесткой и свекровью, изначально заданная культурными традициями, может преодолеваться свекровью, которая выступает в роли не только заступницы, но и наставницы, готовой поделиться женским опытом. Сближение основывается на чувстве женской солидарности, гендерной общности в ущерб кровному родству. Роли матери и свекрови вступают в противоречие. Ф. (67 лет, медсестра) «учит жить» свою дочь:

Ф. — *Меня свекровка-то учила / <Мужу-псу не показывай жопу всю // Выйдешь перед мужем баска / красива / в новом платье // <Ой / мать / я никогда у ты не видел> // <А помнишь прошлым летом мы были там-то / и купили по пути / ты просто забыл> // Вот так надо / запомни!> // Вот токо так учила меня жить //*

Женское речевое поведение не исчерпывается ситуациями гармонического взаимодействия. Совместное проживание двух семей становится объективной причиной ущемления коммуникативных прав невестки или свекрови: *Там / где две женщины / у одной плиты не сварят // Там все равно дележка начнется //*. Квазигармоническое взаимодействие обеспечивается стратегией невмешательства в семейные дела сына, внутренним приятием маргинальности своей коммуникативной роли. Приведем фрагмент разговора носителей просторечия (**Т. В.** и **Ж. Н.** — женщины-работницы 45 и 50 лет; имеют среднее специальное образование; **О. М.**, **В. В.** и **М.** — рабочие; 47, 45 и 25 лет соответственно):

Т. В. — *А че вы все про тещ да про тещ // Я свекровка / а тоже рот не открываю //* (**СМЕЕТСЯ**) *Я тоже молчу //*

О. М. — *Свекровки обычно молчаливые //*

Ж. Н. — *Не открываешь рот?*

Т. В. — *Не открываю / тоже молчу //*

В. В. — *Там / где две женщины / у одной плиты не сварят // Там все равно дележка начнется //*

Любопытно, что последнее высказывание обобщенного характера принадлежит мужчине и отражает типично мужскую точку зрения на имманентно присущую женскому поведению иррациональность и алогичность, неуживчивость, готовность к ссоре из-за пустяка.

Наделенные сакральным статусом домашние локусы *плита (печка)*, *кухня*, *обеденный стол* — это локусы, где производится типично женская работа, прежде всего приготовление пищи. «Женское пространство» в народной культуре семиотически распределено в соответствии с семейно-ролевой иерархией, поэтому нарушение культурных конвенций приводит к конфликтным ситуациям. «Печь, как женское пространство по преимуществу, используется для создания максимально обобщенных образов женских ссор: “Переругаются у печки бабы...”» [Кушкова 2001, 120]⁸. По данным исследовательницы, среди типичных сюжетов крестьянских ссор, происходящих между живущими под одной крышей, выделяются следующие: «Свекрови ссорятся с невестками», «Свекровь ссорит сына с женою», «Невестки ссорятся между собой», «Мужик — кулаком, баба — языком» и др. [Там же: 118].

Сравнительный срезовой анализ позволяет поставить вопрос о наборе константных и переменных культурных составляющих, моделирующих женскую семейную ссору. Предположительно в их число входят роли, мотивы, поводы, коммуникативные стратегии и тактики, языковое содержание типичных речевых ходов, коммуникативный результат. Так, типичным поводом к ссоре было и остается распределение женской работы по дому, а также разделение наработанного⁹. Последнее в современной интерпретации может быть определено внутрисемейной конвенцией, регулирующей денежную сумму, поступающую от каждой семьи в «общий котел» на семейные нужды. Вообще, тема денег (кто сколько зарабатывает, на что и как тратятся деньги, кто делает больший вклад в семейный бюджет) является конфликтогенной. Очень часто выяснений отношений подобного рода заканчивается ссорой. Приведем фрагмент «пререкательного» разговора между бывшими родственниками, вынужденными жить в одной квартире: Н. (домохозяйка, 43 года, образование среднее, бывшая работница завода; бывшая невестка Б.); Б. (пенсионерка, 74 года, образование начальное, бывшая свекровь Н.); Т. (краснодеревщик, 42 года, образование среднее специальное, бывший муж Н.).

Ситуативный контекст: Б. на кухне готовит еду. Входит Н.

Н. — Ты зачем говоришь ему [бывшему мужу] / чтоб мне денег не давал?

Б. — Я ему ниче не говарю //

Н. — Он мне сам сказал / да / <Мне мамка сказала> //

Б. — Он не работает / из дома телевизор утащил //

Н. — А мне-то че // А почему ты мнЕ это говоришь?

Б. — Дак тебе че надо? Сережке [о сыне Н.] 17 лет / пусть идет работать //

Н. — Да че-е ты говоришь!

Б. — Ниче не говорю // Вот вы бы вдвоем работали / и покушать было бы //

Н. — А я содержу / мы не голодуем / и я за все плачу / за все плачу // Один раз попросила у тебя на проезд / ты сказала / <Пускай пешком ходит> //

Б. — Правильно //

Н. — Я одной сказала женщине //

Б. — Раньше ходили пешком //

Н. — Да это все // Так вот тАкого и воспитала // Он у тебя всю жись ворует и пьет // Люди говорят / <Он все ходит и пьет> //

Б. — Ходит вот и сплетничает / жалуется / бедняжка // (передразнивая) <Я одна воспитываю / да я его одеваю / обувая> // Вот три года

назад Я купила ботинки / а вот щас купи вот тЫ // И брюки вот третий год он носит //

Н. — А я каждый месяц плачу 250 рублей за школу //

Б. — Ты мать / ты че мне говоришь?

Н. — Слушай / я вас за людей не считаю //

Б. — А я тебя ваще не считаю никак // Я тебя считаю бомжихой //

Н. — А ты кто? Я когда пришла к вам / слушай / у вас ни мебели / ни (нец.) не было // Вы бомжи / и пыль / и грязь была //

Б. — А ты прибралась / такая засранка // Ниче не делала //

Н. — Да че ты говоришь // Я на почете была //

Б. — (С ИЗДЕВКОЙ) Да правда / дорогая / ты пришла и мебель принесла //

Н. — А скажи / твой-то че купил? // Ни таму / ни другому [о сыновьях] // Все утащил последнее из дому //

Б. — Дак ты че мнЕ об этом говоришь?

Н. — Ниче / дак ты кого воспитала?

Б. — Вот воспитала не воспитала / отвали // (УХОДИТ)
(ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ВХОДИТ Т.)

Н. — У тебя мать очень жадная на деньги //

М. — Слушай / не наезжай // У меня и так голова болит //

Н. — Она ни разу не дала ребенку на проезд //

М. — Подожди / я вот не вытерплю / я тебя подыму и на жопу опущу //

Н. — Да что ты / надо же // Вот была бы как Валя / у тети Лизы // Она каждый день запивает // Вот тогда бы узнал бы // <...> А сколько таких-то // А у меня ребенок еще голодом не сидел //

М. — Пошла (нец.) //

Н. — Сам пошел (нец.) // Иди отсюда // Вон Максим щас встанет / тебе (нец. выраж.) // Ты мне раньше (нец. выраж.) / щас тебя (нец. выраж.) / и бьют как собаку / вот / потому что ты придурок / (нец.) // (УХОДИТ)

Вопрос о деньгах скорее повод к семейной ссоре, но достаточно типичный повод. Причина — вынужденное совместное существование в одной квартире людей, ставших чужими (по такому же сценарию может протекать ссора соседей, живущих в коммунальной квартире, только поводы к ссоре будут другими). В семейном локусе регулярно повторяются ситуации-стереотипы, которые «однозначно задают определенные тематические и жанровые шаблоны» [Китайгородская, Розанова 1999: 252–253]. Возникающая спонтанно ссора, как кажется, развивается по обкатанному, «опривыченному» сценарию: реплика-повод цепляет ответную, и начинается перебранка, которая, набирая обороты, развивается лавинообразно. Бытовая тематика служит поводом и фоном для перерастания упреков, самоутверждения,

нападок и защиты в оскорбления личностного характера: *Я вас за людей не считаю — Я тебя считаю бомжихой; Вы бомжи — Ты засранка*. В ситуации конфликта утрачивается специфика гендерных практик: обцензизмы становятся для женщины типичным способом выражения вербальной агрессии. Конфликт заканчивается размыканием контакта одним из коммуникантов или дракой. Привычность эмоциональной разрядки сглаживает агональный характер взаимодействия, поэтому взаимные инвективы и рукоприкладство воспринимаются коммуникантами менее остро, чем сторонним наблюдателем. На «заместительно-кумулятивный механизм», свойственный ссоре вообще и соседским и семейным крестьянским ссорам с участием женщин в частности, указывает А. Н. Кушкова: изначальный повод ссоры, как правило, замещался широким контекстом «неблаговидных поступков» противоположной стороны [Кушкова 2001: 128].

Обращает на себя внимание еще одна особенность: обе женщины для выражения взаимных упреков, подчеркивания неуместности сказанного используют один и тот же речевой стереотип: *Дак ты че мне об этом говоришь?* По сути, каждая коммуникантка хочет сказать: *То, что ты мне говоришь, не вызывает во мне сочувствия и отклика прежде всего, потому что ты мать и это одна из твоих главных обязанностей — воспитание, забота о ребенке*. Ср.: **Н.** — *А я каждый месяц плачу 250 рублей за школу //* — **Б.** — *Ты мать / Че ты мне говоришь //*. Понятия «материнская любовь», «материнская забота» получают большую значимость для русского сознания. Архетипический образ матери как символа любви, доброты, заботы по отношению к детям является определяющим и для современного человека. Аксиологическая оппозиция «хорошая мать — плохая мать» конструирует ролевые требования и ролевые ожидания: кормить ребенка: *У меня ребенок еще голодом не сидел / хотя и не работаю тоже*; заботиться о его здоровье и социальном комфорте: *А я содержу / и я за все плачу //* *Проездной Я покупаю ему / за качаловку [о спортивной секции] плачу / на таблетки / на витамины / на еду / за школу плачу / мне же никто не дает //* *оберегаю всячески //*. В представлении носителя просторечия воспитать плохого ребенка может только плохая мать: **Н.** — (обращается к свекрови) *Так вот такого и воспитала //* *Он у тебя всю жизнь ворует и пьет / все утащил последнее из дому*; **Н.** — (обращается к бывшему мужу) *Ты всю жись такой / сука / тебя сделала мама такого //* *А мы маемся / и дети маются //*.

Наиболее типичными жанрами конфликтного женского общения являются колкие замечания, инвективы, издевки, обвинения, нагово-

ры, сплетни, угрозы, проклятия. Последние, согласно нашим примерам, укладываются в небольшой круг клишированных речений, мифологический механизм которых не всегда осознается современным человеком: *Да чтоб ты сдохла! Отсохни твой язык! Чтоб тебя твои внуки так же встречали! Чтоб тебя Бог наказал за такие слова!* и под. Ср. мифопоэтический дух угроз и проклятий в народной культуре.

<свекровь — невестке:> ... через твою брань замкнется твой рот, нельзя будет ни есть, ни пить; прирастут твои ноги к земле; вернуться твои пятки наперед.

<невестка — свекрови:> Только микни про меня словечко, так язык и вырву. Буду ходить по тебе, пока в пол не врастешь. Как издыхать станешь, душу из тебя железными вилами вытяну, когда сама не скоро выйдет. Варатком (кипятком) обдам, малько вся завипишь. Из твоей кожи бубен сделаю, да и буду играть и по тебе поминки справлять [Кушкова 2001: 121].

Эмоционально-оценочные и образные глагольно-именные номинации, характерные для просторечной коммуникации (*зубатить, собачиться, цапаться, зубоскальничать, зудеть, язва сибирская, занудина, баба базарная* и др.), указывают на способы, роли и характер женского взаимодействия. В этом же ряду стоит и фразеологизм *есть поедом* в значении *'попрекать, бранить, не давать покоя'* [Юнаковская 2004: 28]. Ср. показательную иллюстрацию, которую приводит А. А. Юнаковская: *Я всю жизнь со свекрухой жила. Поедом ела. Я ей сразу не понравилась. Как зашла.* Культурная информация, выводимая из значения фразеологизма, позволяет смоделировать еще один тип деструктивного женского взаимодействия: *Свекровь «сжигает со свету» невестку.* Яркое художественное воплощение он получает в драме А. Н. Островского «Гроза», один из главных персонажей которой, Кабаниха, стала в русской культуре символом властной, деспотичной свекрови. Она свою невестку Катерину *поедом ест, как ржа железо*. К числу речевых жанров такого специфического общения относятся придирки, нападки, наговоры, например:

Кабаниха: Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Что ты выскочила в глазах-то поюлить. Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь.

Катерина: Ты про меня, маменька напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я все одна, ничего я из себя не доказываю [Островский 1981: 12].

Вместе с тем свекровь-ханжа боится людского суда, что *пойдут ее детки-то по людям славить, что мать ворчунья, что мать проходу не дает, со свету сживает, что свекровь заела совсем* [Островский 1981: 13].

Типичный сюжет в границах обозначенной ситуации: «Свекровь ссорит сына с невесткой». В этом случае свекровь с помощью высказываний провокационного характера «испытывает сына на прочность», как бы заставляя его сделать выбор между женой и матерью или настраивает против жены: *Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу; Может быть, ты и любил мать, пока был холостой. До меня ли тебе: у тебя жена молодая; Так променяешь ты жену на мать? Ни в жизнь я этому не поверю; Уж я вижу, что я вам помеха; Так по-твоему, нужно все лаской с женой? Уж не прикрикнуть на нее и не пригрозить? Хоть любовника заводил! А?* [Островский 1981: 13, 14].

В реальной жизни «вампиризм» свекрови / невестки не редкое явление, особенно если между ними отсутствуют взаимопонимание и контакт. Например, хозяйка-свекровь постоянно жалуется сыну (А.) на невестку-неумеху, лентяйку (Б.), за которой она постоянно следит и которую любит поучать, после чего тот *выговаривает* жене:

А. — *Мамка grit / что ты постиралась плохо // Рубашку-то мою не постирала / не прополоскала // Вся парха в швах осталась / Мать видела // Мылом надо стирать / не порошком //*

Б. — *Надоели мне ее поддуживания // Скоко можно // Сказала ведь / что не буду стираться с мылом // Пусть сама тогда стирает // Ходит наговаривает на меня //*

Коммуниканты подчеркивают вредный характер свекрови и ее неблагодарность. Вражда между родственниками может быть настолько сильной, что в старости свекровь предпочитает *дом старчества* ухаживаниям невестки, лишает ее наследства, квартиры, как, например, в случае с М. (70 лет, бывший продавец магазина, образование незаконченное среднее).

М. — *У меня свекровка ушла в дом старчества / и квартиру бросила // Нам ниче не дала за всю свою жись // Меня лишила квартиры / сама ушла из квартиры / значит это / довели ее до этого / 6 месяцев там прожила / и до свидания // Дак я к ей же и бегала // Она же меня всего лишила / она же меня так обидела / а я к ей же и бегала //*

Ненависть невестки, обделенной свекровью, может быть разрушительной. В текстах-разговорах конструируется образ женщины-ведьмы, колдуньи. Вера в магию, сглаз, порчу, родовое проклятие и траги-

ческие последствия магических манипуляций очень сильна. Приведем в заключение фрагмент разговора двух коммуниканток, **В.** и **Ф.** (паспортные данные см. выше) на поминках соседки, внезапная смерть которой переживается ими болезненно:

Ф. --- Людка [неродная дочь сына, внучка умершей женщины] вишь какая ходит / на всем готовеньком //

В. -- Не говори // Героиня // Ни мебели не покупать / ниче не надо //

Ф. --- У Марьи-то Васильевны все добренькое / чистенькое // Серьезная / уважительная женщина была //

В. --- Но-о! // Она очень обиходная женщина была // Не повезло ей с сыном / взял с ребенком жену / и не спасибо не насрать //

Ф. — Ой / она мне сама рассказывала / плакала горькими слезами / как Сережу-то невестка против нее настраивала // А мы же такой народ / надо вместе //

В. -- Но-о / и мне говорила // Сережина-то жена знает че-то типа колдовства // Она ведь хотела / чтобы Марь Васильевна заболела // Квартиру хотела //

Ф. --- Мне она сама грила / менструальной кровью та заражала ее / чтобы пришла смерть //

В. — Она када поедет к ним / невестка-то в еду че-то ложила // Мясняные / тряпку выполаскивала / и наливала в чай / в суп / похлебку // Марь Васильевна сама видела / она мне тоже плакалася // Ох как страшно!

Подытоживая сказанное, еще раз подчеркнем возможность и необходимость постановки вопроса о просторечии как типе речевой культуры. Один из важнейших методологических подходов к исследованию просторечной речевой культуры состоит в лингвокультурологическом описании ценностей, установок и норм жизненного мира носителей просторечия.

Эта культура близка к культурам традиционалистского типа, опирающимся на систему образцов и правил, которыми «руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей» [Ивин 2002: 108]. Ей свойственны идеологический консерватизм, ментально-психологическая ригидность, опора на повседневные бытовые практики. Синкретичность древних и новых ментальных структур, преемственность социально-культурных традиций и их своеобразное преломление с учетом особенностей современной жизни находят языковое выражение в речеповеденческих стереотипах, коммуникативных практиках, обрядах и ритуалах, оказываются запечатленными в адаптивных нормах данной социальной группы.

Обыденное сознание, для которого характерны некоторые особенности мифологического сознания, свойственно носителям просторе-

чия. Оно делает их взаимодействие эмоционально чувственным, открытым к восприятию незнакомого, его переживанию и дидактогенным, склонным к морализаторству, сентенциям, агрессии.

Описание новых культуроспецифичных мифов позволит углубить представление о просторечной речевой культуре.

¹ Понятие «жизненный мир» используется в социологии «для обозначения мира повседневности таким, каким он представляется обычным людям. Главной его особенностью является восприятие того аспекта социальной жизни, который предстает в качестве непреложного, само собой разумеющегося, обыденного» [Семенова 1998: 222].

² Традиционно считается, что сфера функционирования просторечия узка и ограничена. Наиболее типичные места реализации просторечия: внутрисемейная коммуникация, «соседские посиделки» во дворе домов, суд (свидетельские показания, прием у судьи), кабинет врача. См. об этом в [Китайгородская 1988; Крысин 2003]. Наш опыт наблюдения (записи разговоров рабочих цеха высокоточного оборудования Первоуральского новотрубного завода) позволяет включить в сферу функционирования просторечия профессиональное (корпоративное) взаимодействие [Шалина 1998; Кулина, Шалина 2004].

³ Но устойчиво употребляется как форма согласия с собеседником и произносится с висячей интонацией, характеризующейся отсутствием понижения тона в конце повествовательного предложения.

⁴ Согласно терминологии Л. П. Крысина, это носители просторечия-1 [Крысин 2003: 56].

⁵ Обратим внимание на одну интересную языковую особенность речи Ф., за которой мы наблюдаем давно: вступление в коммуникацию с людьми, которых она зачисляет в «свой круг» (родственники, некоторые соседи и знакомые), автоматически включает механизм расконсервации диалектных, особенно фонетико-интонационных фактов: оканье, еканье, висячая интонация и др.

⁶ По терминологии Л. П. Крысина, носители просторечия-2 [Крысин 2003: 56].

⁷ А. В. Занадворова обращает внимание на языковую игру как распространенный способ называния родственников в интеллигентских семьях, например: Жена мужу: — *Твоя теща просила тебя картошку посмотреть на обратном пути* // [Занадворова 2003: 305].

⁸ На основе анализа значительного массива этнографических, фольклорных, художественных, нормативно-правовых текстов дескриптивного и прескриптивного характера второй половины XIX века А. Н. Кушкова реконструирует типичные гендерные практики конфликтного типа, бытовавшие в крестьянской среде [Кушкова 2001].

⁹ Разделение наработанного связано с делением женской работы на «общую», исполняемую в интересах всей семьи, и «работу на себя», которая совершалась на «бабьей неделе». В это время женщина освобождалась от выполнения общих обязанностей по дому и работала «на себя», а вся выручка поступала в ее личное распоряжение [Кушкова 2001: 130].

Н. А. Купина

Тоталитарные мифологемы в речевом пространстве уральского города

Концепты, наполняющие культурное пространство современного российского города вообще и уральского города в частности, в настоящее время отличаются разнородностью. Разнородность препятствует формированию целостности как условия существования системы и, следовательно, возможности системного изучения учеными общественного и общественно-языкового сознания, так как «главное в системном подходе — это рассмотрение исследуемого объекта как некоторой целостности или системы, если, разумеется, объект обладает соответствующими свойствам, и анализ составных частей и различных свойств объекта именно под углом зрения целого» [Солнцев 1977: 13; см. также: Садовский 1974: 5]. Важная задача, стоящая перед исследователями феномена разорванности языкового сознания современного горожанина, связана с выявлением причин асистемности, неупорядоченности концептосферы.

Разнородность, разорванность концептосферы объясняется не только резкими социальными изменениями в жизни российского общества (см.: [Вепрева 2002: 8–16]), но и активными языковыми процессами рубежа XX — XXI веков (см.: [Караулов 1991; Культурно-речевая ситуация... 2000; Русский язык... 1996; Складневская 2001; Современный русский язык 2003]). Под влиянием этих процессов на многих участках концептосферы отмечается нарушение регулярных связей между именем концепта и его содержанием, в то время как условием закрепления концепта в общественном языковом сознании выс-

тупает его «закрепленность за определенным способом языковой реализации» [Воркачев 2001: 47]. Нарушение целостности концептосферы объясняется также наличием различных источников культурных концептов, значимых для современного общественного сознания.

В общем виде можно выделить следующие такие источники: русская традиционная культура, в том числе культура православия; тоталитарная советская культура, в том числе культура воинствующего атеизма; складывающаяся культура постсоветского времени, характеризующаяся интенсивным осмыслением новых реалий и идей, в том числе заимствованных из западного культурного мира. Менее чем за 100 лет российский народ был вынужден дважды пересматривать национальную систему ценностей. Можно согласиться с В. П. Лукьяниным в том, что «разрушение общенациональных представлений об историческом прошлом, о достоинстве и чести гражданина, о ценностях жизни и культуры для общества в целом равнозначно распаду центральной нервной системы в отдельном организме: организм еще жив, но он уже недееспособен» [Лукьянин 1997: 20]. Действительно, мировоззренческая ломка тормозит развитие общественного сознания. Россия, которую по праву воспринимают в мире как страну идей, испытывает потребность в новых идеях. Кризис идей, их дефицит отрицательно сказывается на психологическом состоянии общества.

В данном исследовании используется рамочное соотношение «постсоветский / современный — советский». На базе этого соотношения выявляются социолингвистические характеристики концептов, маркирующие культурно-языковое сознание горожан-уральцев.

Советский период развития русского языка и культуры вошел в историю как период тоталитарный; современный — как посттоталитарный. Характерно, что в речевом употреблении прилагательное свойства, «обозначающее признак предмета... как постоянный атрибут» [Михайлова 1999: 61], точно определяющее разновидность посттоталитарного общественного устройства России, отсутствует, ибо последнее в полной мере не соответствует ни буржуазному, ни демократическому, ни постиндустриальному, ни какому-либо другому устройству общества и — отраженно — типу культуры.

Отсутствие автоматизма в механизмах самоидентификации (*кто мы? какое общество мы строим / построим?*) — одно из следствий культурно-концептуальной разорванности языкового общественного сознания. Носители современного русского языка, т. е. языка постсоветской эпохи, столкнулись с необходимостью переосмысления тех культурных концептов, которые в языке советской эпохи имели чет-

кие номинации и соответствующие эмоциональные и рациональные оценки (безусловно положительные или безусловно отрицательные), позволявшие подвести каждую из номинаций к одной из сторон бинарной аксиологической оппозиции (см.: [Купина 1995: 6–43]): «свое (советское, наше) — буржуазное (чужое, не наше)». Переосмысление содержательно-оценочного наполнения каждого отдельного концепта оказывается втянутым в переосмысление всей системы культурных ценностей в ее языковом выражении. Наивно было бы полагать, что идеологические опоры тоталитарной культуры могут безвозвратно исчезнуть, а образовавшиеся в концептосфере лакуны естественно «зарубцеваться» или механически наполниться новыми концептами. Сложность когнитивных механизмов обуславливает необходимость разностороннего исследования средств языкового выражения культурно-ценностных предпочтений носителей языка в конкретных социокультурных условиях. Именно эти языковые средства могут служить объектом диагностики современного состояния языкового общественного сознания. Под этим углом зрения мы рассмотрим языковое существование уральского города. Анализ языкового материала предварим общими замечаниями.

В тоталитарной культуре язык становится действенным инструментом влияния на общественное сознание. Основная функция языка в тоталитарном государстве — функция предписательности. Операционными единицами языка становятся идеологемы и мифологемы. Особенность идеологемы заключается в том, что ее значение связано с денотатом (обозначаемым) политического характера. Идеологемы — это вербально выраженные политические или политизированные идеи. С лингвистической точки зрения, идеологема — это слово (например, *партийность*), словосочетание (например, *развитой социализм*), предложение (например, *Рабочий класс ответил на призыв партии беспремерным трудовым подъемом*), текст (например, *постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года «О журналах “Звезда” и “Ленинград” ...»*). В отмеченном тексте, например, ключевыми были идеологемы *мелкобуржуазности*, *вредности*, *упадничества*, предпринимавшие творчество очень разных художников — А. Ахматовой и М. Зощенко — как чуждое «нашей» идеологии. Ярлык «чуждости» вытесняет произведения этих авторов за пределы советской литературы и автоматически приводит в действие институты идеологического влияния, которые разрабатывают акции политического осуждения безыдейности и упадничества в художественной литературе. В советскую эпоху политизируются все основные участки национальной

концептосферы; содержание отдельных концептов примитивизируется; на первый план общественного восприятия выдвигается политическая составляющая концепта; сам концепт мыслится как идеологема, а система идеологически ориентированных концептов трансформируется в систему идеологем, порождающую два основных типа мифологем.

I. Значение идеологемы может получать добавку, т. е. приращение, объективно обладающее недостоверностью. Такое приращение мифологизирует идеологему. При этом «определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается» [Барт 1996: 234]. Например, слово *трудящийся* в значении 'человек, живущий своим трудом' (Мокиенко, Никитина 1998: 614) использовалось как идеологема, обозначающая типовой субъект, деятельность которого направлена на благо страны. Использование топа тождества в стандартном высказывании, которое характеризуется объективной реальной модальностью (*Трудящиеся — подлинные хозяева страны*), мифологизирует идеологему. Утверждается, что трудящиеся владеют богатством, плодами своего труда, полновластно распоряжаются собственностью и жизнью страны. Данное утверждение поддерживает фундаментальную идею *диктатуры пролетариата* и, как всякий политический мифологизированный стереотип, используется «для реализации политических целей борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства» [Цуладзе 2003: 56]. Образцовые идеологические тексты поддерживают мифологическую добавку, которая внедряется в языковое сознание всеми возможными средствами. Например, в «Толковом словаре русского языка» (ТСУ) слово *трудящиеся* иллюстрируется с помощью извлечений из авторитетных текстов влияния: *Вся власть в СССР принадлежит трудящимся...* (Конституция СССР); *В нашей стране рабочий класс и вся масса трудящихся идет вперед под высоко поднятым победоносным знаменем партии Ленина — Сталина* (Молотов) (ТСУ 1940, т. 4: 815). В данном случае опорная идеологема *трудящиеся* соотносится с реальным денотатом (люди, живущие своим трудом). Мифологические добавки вторгаются в денотативное значение и срачиваются с ним. *Мифологизированные идеологемы* способствуют деформации традиционной, собственно русской картины мира.

II. Особой значимостью обладают *собственно мифологемы*, характеризующиеся наличием квазиденотата, как, например, слово *коммунизм*, отмеченное «Словарем русского языка» (СОШ) в значении 'общественно-экономическая формация, основанная на общественной

собственности на средства производства, при которой ставится целью построение бесклассового общества, полное социальное равенство всех членов общества и осуществление принципа «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям» (СОШ 1999: 287). Общество, отвечающее всем входящим в определение параметрам, построить невозможно, следовательно, означаемое нельзя квалифицировать как реальный объект. Вместе с тем мифологема коммунизма является фундаментальной мировоззренческой мифологемой. Ее внедрение в массовое сознание сопровождается конструированием сценария, имеющего свой хронотоп (*в отдельно взятой стране / в СССР / в странах социалистического содружества / во всем мире; прекрасное будущее / следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме*), субъектную организацию (*строители коммунизма, коммунисты, партия и народ — буржуазия, мировая буржуазия, враги коммунизма*). Данный сценарий обладает также стратегической направленностью (*Наша цель — коммунизм*) и реалистическим пафосом (*Коммунизм стал самой революционной силой развития человечества, господствующей идеологией нового общества, в котором живут уже сотни миллионов населения мира* (История КПСС. М., 1986; цит. по: ЯИ 1988: 311).

Миф, следовательно, имеет свою драматургию, которая способствует созданию «особой мифологической реальности, воспринимаемой человеком как истина» [Кириллова 2005: 142]. Миф — это скорее драма, а не «рассказ, в котором уместаются любые конкретные события» [Мардашвили 2000: 40]. Мифологема выступает как имя мифа.

В тоталитарном языке мифологические смыслы получали стереотипные формы выражения. Стандартизованность, регулярность, обязательность, письменная закреплённость, тиражированность — все это способствовало автоматизму восприятия и воспроизведения мифологем.

Перейдем к анализу тоталитарных мифологем, функционирующих в речевом пространстве уральского города.

Реализация тоталитарных мифологем в неизменном виде

Тоталитарные мифы проявляют «упрямство». Несмотря на коренные социальные изменения, они все еще сохраняются в общественном сознании. В непринужденной речи мифологические смыслы нередко реализуются автоматически. Особое идеологическое задание мо-

жет отсутствовать. Например, при обсуждении молодыми рабочими Первоуральского новотрубного завода (См.: [Купина, Шалина 2004]) всплывают мифологемы *гордости родным производством и мирового превосходства отечественной промышленности*. В диалоге, который приводится ниже, характерная для тоталитарных мифологем коннотация гордости выражается с помощью эмоциональной пафосной интонации уверенности и стереотипных высказываний с притяжательным местоимением *наши*, обозначающим превосходство принадлежащего отечественной промышленности, уральским заводам способа производства, а также принадлежность всего, что производится на заводе, рабочим (мыслительный стереотип *наше — это мое*): *наши трубы (2 раза), наша-то сталь / ни у кого нет / нет нигде / как наша*. Мифологический смысл абсолютного превосходства усиливается противопоставлением *наша — у немцев... нет таких сталей; ...ни у кого нет... нет нигде*. Коммуниканты не замечают комизма положения (речь идет об украденной на заводе трубе), однако именно несоответствие ситуаций хищения производственного имущества и мирового превосходства уральской промышленности обнаруживает факт мифологизации языкового сознания:

М. — *Смотри чтоб не взорвалось это все!* [о самогонном аппарате]

Ю. — *С нашей трубы-то сделано / не взорвется / не должно /*

М. — *У немцев понимаешь нет таких сталей / из которых наши трубы делают //*

Ю. — *Дак ни у кого нет / наша-то сталь / нет нигде / как наша //*

М. — *Немцы блин ваще / труб делать не умеют //*

Мифологизм мышления проявляется при спонтанных диалогических реакциях. Например, корреспондент обращается к молодому екатеринбуржцу, который участвует в демонстрации 7 ноября 2004 года. Юноша держит лозунг *Смерть буржуям*:

Корр. — *Зачем требовать смерти буржуям?*

Молодой человек (НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ) — *Они пьют кровь трудового народа //*

(Пожилой человек, который держит лозунг: «*Нам не нужен Путин Вова — дайте Сталина живого*», одобрительно кивает).

Молниеносность реакции свидетельствует о воспроизводимости стереотипа, поддерживающего мифологизированные идеологемы *классового врага, непримиримости, уничтожения*.

В газетной речи тоталитарные мифологемы продолжают функционировать. Это говорит об их социальной востребованности. В материалах районных уральских газет обращает на себя внимание идеологическая штампованность, с помощью которой сохраняются мифо-

логические смыслы советского времени. Например, на страницах газеты «Верный путь» (Ординский район Пермской области) развивается миф о бескорыстном героическом труде рабочих на благо родного края. Используется композиционная сетка, которая эксплуатировалась советской прессой: 1) повествование о труженике (субъект имеется в уважительной тональности) и трудовом коллективе; 2) рассказ о беззаветном труде передовиков, их трудовом подвиге (акцентируется высокая общественная значимость результатов этого труда); 3) критика отдельных недостатков, препятствующих еще более высокой производительности труда:

Пять лесников трудятся в лесу: вальщик леса Александр Аркадьевич Ведерников, тракторист Владимир Иванович Собянин, чокеровщики-сучкорубы-огребщики Александр Владимирович Ваулин, Алексей Аркадьевич Ведерников, Андрей Демьянович Герасименко. Это они выполняют производственные задания, вносят вклад в укрепление предприятия, обеспечивают жителей Велса дровами. Наши люди — прекрасные специалисты, потомственные лесорубы. Они могли бы работать еще более производительно, но...

Активизация мифологем нередко объясняется пропагандистской задачей момента. Например, в период подготовки референдума по вопросу объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа мифологема *дружбы народов* использовалась как аргумент в пользу проводимой политической акции. Обращение к идеологическим опорам советского времени призвано пробудить высокие чувства, заставить участников референдума ощутить себя гражданами великой державы, включиться в обновленную идеологическую реальность:

Дружба народов не была пустым словом в бывшем СССР. И проявилось это не только на фронтах Великой Отечественной войны. <...> Часто, отгораживаясь друг от друга различными барьерами, мы забываем, что у нас не только общая страна, но и очень славное общее прошлое. Прошлое, овеянное легендами.

...7 декабря состоится референдум по вопросу объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Нам предстоит решить, как дальше жить. И следует помнить, что от нашего участия в референдуме зависит будущее нашего края (газета «Частинские вести». Частинский р-н Пермской обл.).

Мифологический орнамент тоталитарных идеологем используется в педагогической пропагандистской работе. Например, сакрализация идеи *патриотизма* соединяется с методами и приемами советского патриотического воспитания, причем в тексте статьи (которая приводится в сокращении), хоть и есть упоминание о *новых техноло-*

гиях воспитательной работы, отражен опыт советских образовательных учреждений. За каждой из идеологических номинаций, например *месячник героико-патриотической работы, выпуски боевых листов, встречи с ветеранами войны*, стоит ритуализированный культурный сценарий. Элементы ритуала способствуют восприятию мифологических смыслов как реальных. Единственным отступлением от языковых тоталитарных советских образцов является сочетание зона «*Милосердие*» (скорее всего здесь калькируются мифологизированные идеи тимуровского движения). В приведенном и подобных текстах ощущается дефицит вербального обновления вечных мифологем и отсутствие современных педагогических приемов формирования мировоззренческих установок подростков:

«Гражданин Отечества» — направление, по которому в течение трех лет работает весь педагогический коллектив совместно с учащимися. За данный период накоплен определённый опыт работы по патриотическому воспитанию учащихся, по подготовке к призыву на военную службу. <...> В течение учебного года проводятся различные мероприятия, многие из которых стали традиционными: месячник героико-патриотической работы «Защитник Отечества», «Вахта Памяти», «Уроки мужества», тематические линейки и беседы, выпуски боевых листов ко Дням воинской Славы России, встречи с ветеранами войны, шефство над памятниками, помощь в зонах «Милосердия», военно-спортивная эстафета на приз М. П. Крохалева — выпускника училища, Героя Социалистического Труда, ветерана Великой Отечественной войны. Это лишь неполный перечень мероприятий, направленных на воспитание у учащихся чувств патриотизма, уважения к истории Отечества, традициям родного края. <...> Меняются времена, внедряются новые современные технологии воспитательной работы, но было, есть и должно оставаться святым для всех и каждого любовь к Родине, память об историческом прошлом, защита Отечества. Впереди новый учебный год, новые планы, новые успехи в гражданско-патриотическом воспитании учащихся профессионального училища № 5 (газета «Красная Вишера»).

Сомнения в истинности и целесообразности мифологических смыслов

Тоталитарный мифологический конструкт нередко выступает как тема непринужденного диалога. Например, две студентки Уральского педагогического института и Уральского университета, Л. и И., беседуют в домашней обстановке. В разговоре [Живая речь... 1995: 90] всплывает мифологема «загнивающего» Запада. В рассуждениях Л. используются ключевая метафора *Запад прогнил* и противопоставле-

ние Запада и России, например: *на Западе все деградировали — Россия — это пятно чистое в мире грязи*, а также отдельные аргументы в пользу мифологического смысла 'деградация Запада', почерпнутые из молодежной газеты. Вместе с тем Л., демонстрируя здравый смысл, формирует вопрос: *почему же он [политический эмигрант] в Россию-то никак не возвращается / с Запада-то?* Девушка вспоминает анекдот о Западе, *который гниет / но пахнет прекрасно*. Смеховая реакция подруги свидетельствует о том, что и она сомневается в реальности *деградации Запада*. Сомнение — это шаг на пути к сознательной демофилогизации.

Л. — *Конечно жизнь у нас тяжелая // как вот я тут прочитала одну статью / правда давно выпускалась / за 15 августа в «Комсомольской правде» / там значит дяденька какой-то / у него с головой все (КРУТИТ ПАЛЬЦЕМ У ВИСКА) / не все в порядке / написал статью / не помню ее названия / но суть в том что типа <Как я вижу Запад> / большая такая статья на две страницы // значит в тысяча [тыща] девятьсот семьдесят восьмом году его лишили советского гражданства / и после этого / значит вот / уже в наше время / когда у нас уже активно шел процесс бурной перестройки-переклички-перестрелки...*

И. (СМЕХ)

Л. — *Вот значит ему это гражданство вернули. Но! Вот эта статья / значит / там Запад полностью охаян / что на Западе все давно деградировали / что они значит жмоты / что врачи им советуют менять зубную щетку раз в месяц а они меняют раз в год и на этом экономят / что там банки / что значит все живут э-э-э... в свинарнике и получают гроши / и в общем вся эта статья в таком духе что весь Запад прогнал и что (ПАТЕТИЧЕСКИМ ТОНОМ) Россия — это пятно чистое в мире грязи! Значит вот буквально цитирую / отсюда возникает вопрос / почему же этот товарищ / почему же он в Россию-то никак не возвращается / с Запада-то? Нужно еще отметить что живет он в ФРГ. Ну вот ты же знаешь / опять же вот посмотреть / но вот возьмем этот же самый гнилой Запад / который гниет но пахнет прекрасно...*

И. (СМЕХ)

Сомнения в целесообразности следования мифологическим идеям часто звучит в репликах заводчан. Например, в разговоре коммуниста Владимира Ивановича с молодыми рабочими прослеживается 3 позиции: вера в реальность коммунизма (Владимир Иванович); отрицание приверженности коммунистической идее; колебание, сомнение в целесообразности следования какой-либо политической идее, в том числе — коммунистической:

В. И. — Ты за кого / Валера?

В. — Я-то? Я-то точно не за коммунистов / Владимир Иванович / не за их я //

О. — *А я не знаю блин / За кого я // Не знаю я //*

В. — *А ты че / Владимир Иванович / вкалывал всю жисть / вкалывал / где он / коммунизм-то твой?*

Последняя реплика остается без ответа: Владимир Иванович скорее всего осознает утопичность идеи коммунизма, но отказаться от этой идеи он не в силах. В других случаях он находит ответ, из которого следует, что всякая политическая идея реальной пользы простому человеку не приносит:

В. — *Коммунисты / коммунисты! Владимир Иванович / че коммунисты-то тебе дали?*

В. И. — *А тебе че дали эти твои / рыжие / кудрявые?*

Молодые люди не находят убедительных аргументов в споре о коммунизме, но чувствуют, что старшее поколение незаслуженно обманули. Они уже готовы принять новую суровую реальность:

М. — *Владимир Иванович / какие коммунисты? Хватит нам! <...> Давно уже пора заканчивать этот коммунизм / блин / и каждый за себя биться //*

Ценностные мифологические ориентиры старшего поколения молодыми людьми не принимаются или воспринимаются скептически.

Споры рабочих о коммунизме и коммунистах свидетельствуют о силе и долгосрочности влияния фундаментальных мифологем на мировоззрение горожан.

Естественное погружение мифологических смыслов в ситуацию момента

Тоталитарные идеологемы, вросшие в обыденное сознание, выполняют функцию поведенческих регуляторов. Они выступают как мыслительное условие ожидаемого разрешения мировой ситуации. Ожидаемый результат укрепляет мифологические смыслы; неожиданный результат способствует их коррозии. Например, мифологема *каждому по труду* обуславливает ожидание денежного поощрения (премия, тринадцатая зарплата, поездка в санаторий и др.) или морального поощрения (грамота, фотография на доске почета, статья в газете и др.). В доверительной беседе молодых екатеринбурженок — работницы Б. (она маляр по металлу) и студентки А. наблюдаем реализацию отмеченной мифологемы и мифологем константных. В числе последних мифологемы *справедливости, коллективизма, пролетарской солидарности*. Б. с горечью рассказывает о царящем на заводе произволе. Характерно, что она заботится не столько о себе, сколько о своих подругах, труд которых никак не поощряется. В устный рас-

сказ вклиниваются детали, акцентирующие особые обстоятельства жизни и труда женщин: *Маше... не давали садик / она живет в Калиновке* (т. е. 'далеко от места работы, за пределами города') /; *Таньку взяли / у ней ребенок / тоже без мужа; по сменам... остались только я да Лариса* (сменная работа отрицательно сказывается на состоянии здоровья). *Справедливость* в отношениях между работницами проявляется в том, что Светлана (так зовут Б.) и Лариса понимают невозможность сменной работы для одиноких матерей. Девушки в знак солидарности соглашались работать по сменам: *мы вдвоем только все работаем. Несправедливость* проявляется в том, что премии всегда достаются тем, кто работает меньше и хуже, чем Светлана и Лариса, т. е. не в соответствии с *трудовым вкладом*: *как премию делить, дак... бригадиру в первую очередь; бригадиры те вообще ни хрена не делают только бегают... адреса собирают / детали вывозят в ОТК / и все*. Стереотип «работа — это труд физический и никакой другой» проявляется не только в оценке труда бригадиров, но и в оценке труда инженеров: *премия у ИТР больше*, и это несправедливо, так как сама Светлана вынуждена работать не отвлекаясь, сосредоточенно: *лишний раз ни с кем не поговори*.

Ожидаемого поощрения результатов труда не происходит: мизерные надбавки к остальной зарплате лишь задевают чувство собственного достоинства: *самая большая [надбавка] 25 рублей — они там свои-то премии / они там дай боже получают*. Мифологический смысл '*каждому по труду*' разрушается: за свой честный труд работницы не получают справедливого вознаграждения. Этот вывод переносится на отношение начальства к честному физическому труду независимо от места работы: *Где лучшие-то найдешь / где // сейчас везде такая катавасия // Немотивированное и не имеющее производных существительное катавасия* ('беспорядок, суматоха') подчеркивает необъяснимость нынешнего положения дел, невероятность отсутствия достойной оплаты тяжелой сменной работы. Темпоральный сигнал *сейчас*, т. е. 'в наше время', косвенно отсылает к прошлому (по воспоминаниям старших работниц, *раньше* премии выплачивались регулярно). Местоименное наречие *везде* употребляется как интенсив, демонстрирующий повсеместное отсутствие справедливости.

Следствие регулярной нереализации предписания *каждому по труду* — нигилистическое отношение к достоверности мифологической реальности в современных социальных условиях: *нигде нет правды-то*. В данном случае ощущается ментальная оппозиция понятий «правда — истина». *Правда* для молодой работницы — 'справедли-

вость по отношению к ней и ее подругам-работницам, существующая здесь и сейчас, соответствующая реальному положению дел', но не 'адекватное отражение в сознании того, что существует объективно'. Истинное осмысление ситуации в данном случае отсутствует.

Подобные столкновения мифологизированных предписательных смыслов и конкретной жизненной ситуации приводят к нигилистическому отношению как к соответствующей мировоззренческой установке, так и к нравственным основам человеческого взаимодействия. Еще одно социальное следствие — неверие в собственные силы, в возможность своим трудом обеспечить себя и свою семью. Социально-психологическое состояние апатии имеет отрицательные следствия не только для отдельной группы людей (в данном случае — это работницы-маляры), но и для механизмов производственных отношений. В подтексте, однако, есть намеки на возможность в будущем изменения ситуации оплаты труда, отношения начальства к результатам труда. Все, о чем рассказывает Светлана, относится к настоящему моменту, но не к будущему. Нельзя говорить о полном разрушении мифологических смыслов, но лишь о глубокой их коррозии. Приведем текст диалога, записанного в 1989 году, т. е. в момент разрушения советских принципов организации труда [Живая речь... 1995: 30–31].

Б. — *Работать некому <...> и Маша вышла / А Маше это... не давали садик / и она все время во вторую работала / а сейчас ей дали садик / значит она все время в первую будет // она живет в Калиновке в сторону Березовска //*

А. — *Ужас какой!*

Б. — *И вот представь // Лариса в отпуск уходит / Замараева / не может работать / она тоже тогда по сменам работала / не может теперь по сменам работать // у нее мужа в МЖК [молодежный жилищный кооператив] забрали // теперь все / они ж там помногу по 12 или по 10 часов работают / не знаю как они там //*

А. — *Там вахтовый наверно //*

Б. — *Все время там пропадает // ну она сказала что не могу // и это то они хоть с ней менялись / я в первую / она во вторую // ребенка из садика забрать // и это... у той тоже двое детей // она тоже по сменам не будет работать // Таньку взяли / она у нас работала // она что одна // [т. е. все равно что одна] у ней ребенок / тоже без мужа // мать отказывается с ребенком сидеть // тоже всегда с утра // бригадирша по сменам не работает // так что вот / вселюсь я да Лариса // вообще некому //*

А. — *Безлошадные...*

Б. — *Зато как премию делить / так [дак] знаешь / бригадиру в первую очередь // за что только спрашивается // Тогда Танька сказала / так она еще и обиделась / что ей премию не надо давать // я говорю / <что*

не дак что ли // как премию делить / так Шерстиновой и Замараевой / больше никому> // Шерстинова — бригадир / Замараева / ну она хоть ладно красит // все равно / что уж // а мы что не красим?

А. — И как часто премию дают?

Б. — Дают как часто // я не знаю // за этот месяц дали // тут что... экспортер / детали на экспорт делали //

А. — И много дают?

Б. — Ну прямо [прямо] / много / самая большая 25 рублей / там / у рабочих / ИТР [инженерно-технические работники] больше / ну вот такая / / они там свои-то премии / они там дай боже получают. Потом что еще // в том месяце / мне в фонд мастера дали десятку // Щукреевой еще там дали // так Шердинова завозмущалась / <что это вам двоим дали?> / / Я говорю / <а мы вдвоем только все работаем> // а она / <ну а Марь Ивановне?> // Я говорю / <а Марь Ивановна у нас пожизненно премию не получает /> так она рассмеялась / говорит / <правильно / сколько работает ни разу ей не давали> // я говорю <ты на больничном была / считай уже автоматически премия не назначается> // она / <а Маше?> А Маша тоже без содержания месяц брала / <тоже месяц> / говорю / <не работала и все> Так вот // тоже знаешь // ой господи / все как-то так считают / что они только и работают / больше никто ничего не делает // бригадиры те вообще ни хрена не делают / только бегают // что они что такое / вот произвели это // только [токо] бегают / адреса собирают / детали выводят / в ОТК [отдел технического контроля] / и все // лишний раз ни с кем не поговори / вот // <работайте / работайте / нечего по сторонам смотреть> // нигде нет правды-то // мать уж говорит / <надо Светка увольняться> // я говорю / <что толку-то увольняться> Где лучше-то найдешь / где // сейчас везде такая катавасия // ничего не поймешь где и как // <...>

Мы рассмотрели ситуацию, которая «проживается» самим говорящим и им же интерпретируется. В ряде диалогов прослеживается наблюдение ситуации со стороны. Например, в разговоре студентки А. с Б., мужем сестры, воспроизводится эпизод, рассказанный на концерте в Екатеринбурге сочинителем и исполнителем песен Александром Розенбаумом [Живая речь... 1995: 77, 78]. Нужно заметить, что сольные концерты мастеров авторской песни обычно сопровождаются рассказами из жизни, связанными с темой песни, исполняемой непосредственно после этого рассказа. Рассказ Розенбаума становится темой домашнего разговора именно потому, что в нем реализовано столкновение мифологемы *бескорыстной любви к родине* с тягой к тому, что стоит денег. Дочь Розенбаума, девочка-подросток, демонстрирует примат материального над идеальным. Житейский конфликт (желание съесть конфету в красивой обертке — отсутствие у отца ва-

люты на покупку заграничных конфет) девочка переводит в идеологическое русло: *я хочу жить в той стране / где такие конфеты продают / а у нас вот конфет нет ... я в своей такой своей стране / жить не хочу*. С одной стороны, мы наблюдаем крайнее проявление подросткового эгоизма; с другой — стихийный протест против обмана. Девочка была воспитана как гражданка самой богатой, самой развитой, самой лучшей страны в мире, страны счастливых людей. Поняв, что *все лучшее не принадлежит детям*, она почувствовала себя обманутой... Форма выражения протеста — отказ от обманувшей ее страны.

Мы видим, что первое же столкновение с «другим» миром порождает скептическое отношение к внушенным воспитанием догмам. Это хорошо понимает студентка, раздумывающая над рассказом отца девочки. Столкновение мифа и реальности — одно из главных условий демифологизации:

А. — *А вот знаешь здорово / мы на Розенбаума съездили / такой мужик вообще / песни такие хорошие поет / знаешь / рассказывал / говорит / ну / отдыхали с дочкой на пляже ну для иностранцев / ну и продают говорит вот конфеты для / ну детям говорит: на доллары //*

Б. — *Иностранцы что ли?*

А. — *Да / и дочка говорит его спрашивает / <почему ты мне это не покупаешь конфеты> / ну и он отвечает что денег-то валюты-то нет / а она говорит <я хочу жить в той стране, где такие конфеты продают / а у нас вот таких конфет нет> говорит / <значит> / говорит / <я в своей такой своей стране жить не хочу> //*

Погружение мифологемы

в идеологически неправильный контекст

Тоталитарный язык вырабатывает свои правила речевого использования идеологем и мифологем, предполагающие обязательность «правильных» языковых построений, в которых «соблюдены общеобязательные требования языкового кода» и «эстетические теории» эпохи [Гаспаров 1996: 313]. В соответствии с идеологическими нормами и канонами тоталитарной эстетики идеологема и мифологема могли реализовываться в нейтральном или стилистически высоком контексте. Низкая контекстная среда признавалась соответствующей лишь по отношению к единицам, обозначающим и характеризующим мир буржуазный, врагов советской власти, предателей, перебежчиков и др. Идеологические нормы, таким образом, поддерживались однонаправленностью использования стилистически маркированных средств языка. Отступление от этих правил приводит к демифологизации.

В современной речи горожан тоталитарная мифологема часто намеренно погружается в сниженный контекст. Соединение высокого и низкого карнавализует речь, приводит к запланированному комическому эффекту, который является отрицательным идеологическим результатом, уничтожающим мифологический пафос. Приведу примеры демифологизированных фрагментов диалогической речи рабочих-трубников:

В. — *И это цех высокоточного инструмента / передовое производство / лучшее в мире // ни одной нормальной кувалды!*

Мифологема *превосходства*, развиваемая на базе идеологических стереотипов (*Передовое производство / лучшее в мире*), предполагает наличие в высказывании пафоса ликования. Оппозиция *цех высокоточного инструмента — ни одной нормальной кувалды!* разрушает идеологический пафос. Абсурд ситуации подчеркивает слово *кувалда* — ‘большой молот’ (СОШ 1999: 312), т. е. примитивный инструмент, который используется для нехитрой, несложной работы. Просторечное употребление прилагательного *нормальный* в значении ‘пригодный для работы’ усиливает эффект демифологизации. Последняя ярко проявляется, если в контекст вклинивается нецензурное слово. Например, молодой рабочий, смеясь, говорит своим друзьям:

М. — *Видели там / лозунг повесили / Слава труду! Кто-то уже х... написал / Вот это прико! Я ж чую // Тут-то весело! (ВСЕ СМЕЮТСЯ).*

Мифологизированная идеологема *прославления* обеспечивалась в тоталитарном языке целым рядом стереотипных лозунгов, организованных по модели *слава кому / чему: Слава советскому народу; Слава КПСС; Слава Советскому Союзу*. В этом же ряду — лозунг *Слава труду*, обладающий патетической окраской (см.: (Мокиенко; Никитина 1998: 547, 548)), внушающий человеку труда чувство пролетарского превосходства, основанное на всеобщем признании трудового подвига. В данном случае текст лозунга (а лозунг обычно помещается на фасаде заводского здания) осквернен нецензурным словом. В советское время подобное речевое хулиганство было бы расценено как идеологическая диверсия. В наши дни рабочие могут свободно выражать свое мнение о речевых поступках. В данном случае эпизод создания профанного контекста воспринимается как прико — т. е. ‘шутка, розыгрыш, что-то смешное’ (слово *прикол* употребляется преимущественно в речи молодежи — (Ермакова и др. 1999: 165). И осквернение лозунга бранным словом, и восторг рабочих, которым изрядно надоела продукция одряхлевшей пропаганды, и отсутствие страха за возможные идеологические санкции — все это свидетельствует о демифологизации.

Средство разрушения мифологических смыслов — языковая игра, которая проявляется в разных формах. Например, в диалоге молодых рабочих, который приводится ниже, ощущается балагурство. Молодые люди передразнивают интонацию старого человека. В игру вводится каламбур, основанный на многозначности предложно-падежной формы слова *привет* — ‘выражение дружеского расположения’ / *с приветом* — ‘со странностями, не совсем нормальный’ (СОШ 1999: 588). В языке советской эпохи некоторые существительные получали «постоянные эпитеты-прилагательные» [Селищев 1968: 155]. Стереотип *с коммунистическим приветом* использовался для выражения уверения в верности коммунистической идеологии, преданности партии. В реплике М. словосочетание *С коммунистическим приветом* получает предикативно-характеризующий смысл: ‘об ортодоксальном коммунисте, который все еще привержен коммунистическим догмам, и потому кажется не вполне нормальным’. В кратком диалоге выражено полное неприятие молодыми людьми коммунистической идеологии:

Ю. — *Максис / тебе тут из шестого [цеха] звонили / такой блин / с ветеранским голосом (ИЗОБРАЖАЕТ ИНТОНАЦИЮ ЗВОНЯЩЕГО) //*

М. — *С коммунистическим приветом / да? (СМЕЮТСЯ)*

Языковая игра, в которую с удовольствием включаются коммуниканты, обнаруживает психологическую настороженность, нежелание принимать слово на веру и одновременно реалистический взгляд на мир и конкретную ситуацию. Молодые рабочие не хотят чувствовать себя жертвой обмана. Можно говорить о выработке иммунитета к идеологизированным мифологемам. Средством защиты от мифологического вируса является ирония:

М. — *Валера сегодня [сегодня] весь день философствует //*

В. — *<...> Дак телевизор... включил вчера / этот как раз выступал / по экономике...*

М. — *Дак че сказал блин?*

В. — *Дак че там? Подъем производства / У нас везде уже вовремя плетят (нец.)*

А. — *Подъем / да?*

М. — *Уже подъем пошел! Америку обогнали!*

Ю. — (ПОДХВАТЫВАЕТ) *Вы никак / не можете почувствовать! Подъем идет!*

В. — *В ихний карман //*

Мифологема *небывалых темпов развития производства*, выраженная цепочкой стереотипов (*подъем производства, подъем пошел, подъем идет, Америку обогнали*), разрушается с помощью повторов, охваченных иронической декламанической интонацией. Особую зна-

чимось приобретает заключительная реплика, которая прагматизирует идеологическую семантику, оценивает ее как ложную, фальшивую, вводящую людей в заблуждение.

Следует отметить, что прагматизация мифологем во многих случаях ее проявления всегда способствует демифологизации. Так, употребление слова *партия* в контекстном контакте со словами, семантика которых включает сему 'деньги', выхолащивает мифологический смысл. Например: *Слышали / партию можно купить / как маленькую фирмочку; Парнишка один / вместе учились в школе / теперь с Жириком работает / получает как вся наша бригада // В партии Жирика / шестерка / а карманы блин набиты //*

Идеологическая эмоция выхолащивается, и некогда *величественное слово партия* (В. Маяковский) «тускнеет».

Резкое снижение идеологической эмоции наблюдаем при использовании пожилым рабочим (В. И.) мифологизированной идеологемы *великий советский поэт-песенник*, т. е. 'поэт, отдававший свой талант народу великой страны, прославлявший свою страну и заслуживший бескорыстную любовь и уважение советского народа'. Темпоральная оппозиция *был великий — сейчас стал блатным* передает презрительное отношение к идеологическому перерожденцу:

Л. — «Лесоповал» слушаете?

В. И. — «Лесоповал»? Это Миша Танич зарабатывает деньги / помните такого? Был великий советский поэт-песенник / Михаил Танич / а сейчас / стал блатным / лишь бы деньги <...>

Подобные высказывания свидетельствуют о том, что мир чистых идей и высокого творчества в обыденном сознании мыслится как не совместимый с миром чистогана. Идеино-политическая и материальная (денежная, собственническая) смысловые составляющие вступают в противоречие, обуславливающее демифологизацию.

Десакрализация мифологемы

Известно, что имя вождя мирового пролетариата Ленина употреблялось как сакральная мифологема. Тексты о Ленине наполнялись восхищением, преклонением перед великим человеком. Болезнь и раннюю смерть Ленина объясняли покусением на вождя, трудностями и лишениями, которые сопровождали жизнь Ленина, без остатка отданную революции. В диалоге молодых рабочих речь идет о «дурной болезни» Ильича. Нарушение табу — основа десакрализации мифологемы:

А. — Сифилис считалась / модная болезнь //

М. — Да када она так считалась?

А. — Вот Ленин-то болел...

М. — Тебе кто сказал?

А. — Читать надо...

Вот еще один диалог молодых рабочих:

Л. — Это / Ульянов заходил //

Д. — Ленин?

Л. — Это такое мудо! (СМЕЮТСЯ)

В данном случае жаргонное вульгарное слово, реализующее пренебрежительное значение 'придурковатый' (Мокиенко, Никитина 2000: 359), относится к однофамильцу вождя, но косвенно маркирует сакральную мифологию. Это и служит источником десакрализации мифологии «Ленин».

Десакрализации имени Сергея Лазо, героя революции, который, согласно легенде, был сожжен в топке паровоза японцами (НЭС 2001: 607), способствует лексическая замена в строке известной песни на слова А. Суркова («Бьется в тесной печурке огонь...»). Ср.:

С. — Где живет он [друг] ? По какой улице?

Ж. — По Сергея Лазо //

С. — А... (ПОЕТ) Бьется в тесной печурке Лазо...

В диалогах, демонстрирующих факт десакрализации мифологических смыслов, отражается идеологический цинизм современных горожан. Так, мать (Ж.) откровенно рассказывает о том, как помогает сыну получить фальшивую медицинскую справку о психической неполноценности, чтобы избежать призыва сына в армию. Десакрализации подвергается мифологизированный идеологический стереотип *Служба в армии — священный долг каждого молодого человека*.

Во всех приведенных случаях наблюдаем разрыв между именем мифологии и ее содержанием.

В. И. — Че сына-то в армию не берут?

Ж. — Он у нас дураком заделался // (ВСЕ СМЕЮТСЯ) Мама / grit / с меня надо снять / что я дурак сделать / Ланно / грю / сделаем / до 27 лет дураком походишь //

Десакрализация — это один из многих возможных вариантов демифологизации.

Мы рассмотрели функционирование и трансформации тоталитарных мифологем на материале текстов устной и письменной городской коммуникации. В поле нашего внимания оказались идеологизированные мифологемы и собственно мифологемы. Перейдем к выводам, вытекающим из анализа языкового существования уральского города.

В постсоветский период активизируется процесс демифологизации, который, однако, нельзя считать завершенным. Тоталитарные идеологемы проявляют «упрямство»: как в обыденной диалогической речи, так и в речи газетной они все еще функционируют в готовом виде и реализуются в форме вербальных и композиционных идеологических стереотипов, обнаруживающих традиционную связь между именем, содержанием и драматургией мифа. Немаловажные причины «упрямства» идеологемы — общественная потребность в утолении эмоционального голода (тоталитарные мифологемы насыщены идеологическими эмоциями); страх перед реальной действительностью, освоение которой требует значительных личностных усилий; дефицит новейших идей, обладающих ментальной значимостью.

Первый шаг на пути к демифологизации — личное столкновение носителя мифологического сознания с истинной реальностью, которая исключает реальность мифологическую.

Еще один шаг к демифологизации — сомнение в подлинности и целесообразности мифа. «Сомнительные» и спорные диалоги, в центре которых стоят мифологемы, показывают степень актуальности мифологических смыслов. В оппозиции «свой — чужой» эти смыслы оказываются не всегда поляризованными, а человек сомневающийся чувствует себя «ничьим», «самим по себе». Можно предположить, что демифологизация — одна из причин десоциализации.

Лингвистическим условием процесса демифологизации является погружение мифологемы в идеологически сниженный контекст (иронический / профанный / игровой), а также контекст, включающий единицы с семей 'деньги'.

Демифологизация языкового сознания горожан-уральцев сопровождается проявлениями мифологического скептицизма, мифологического цинизма и нигилизма. Все это имеет глубокие социально-психологические последствия, заслуживающие внимания ученых.

Источники материала

Верный путь 2004 — Верный путь. Общественно-политическая газета Ординского р-на Пермской обл. 2004.

Живая речь... 1995 — Живая речь Уральского города: Тексты / Науч. ред. Т. В. Матвеева. Екатеринбург, 1995.

Красная Вишера 2004 — Красная Вишера. Общественно-политическая газета трудящихся Красновишерского р-на. 2004.

Частинские вести 2004 — Частинские вести. Народная газета Частинского р-на Пермской обл. 2004.

Литература

Автономова 1988 — Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988.

Агранович, Стефанский 2003 — Агранович С. З., Стефанский Е. Е. Миф в слове: продолжение жизни (очерки по мифолингвистике). Самара, 2003.

Агрессия в языке и речи 2004 — Агрессия в языке и речи. М., 2004.

Адамишин 1997 — Адамишин А. Как важно любить птиц // Независимая газ. 1997. 27 июня.

Аксенова 1986 — Аксенова И. Н. Дейктические характеристики спортивного репортажа // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986.

Алейников 1988 — Алейников А. Г. Креативная лингвистика (обоснование, проблемы и перспективы) // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М., 1988.

Алексеев 2002 — Алексеев В. В. От завода-крепости к евразийской столице: вехи истории Екатеринбурга // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице. Екатеринбург, 2002.

Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. Т. 2.

Арендт 2000 — Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000.

Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999.

Архимандрит Никифор 1891 — Архимандрит Никифор // Библейская энциклопедия. М., 1891.

Аязбекова 1999 — Аязбекова С. Ш. Картина мира этноса. Алматы, 1999.

Бабушкин 1998 — Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеоло-

гической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1998.

Бажов 1976 — *Бажов П. П.* Сочинения: В 3 т. М., 1976. Т. 2.

Базарбаева 2002 — *Базарбаева Г. А.* Становление и развитие языковой политики в Республике Казахстан. Алматы, 2002.

Базжина 2004 — *Базжина Т. В.* Агрессия как маркер слабости позиции // Агрессия в языке и речи. М., 2004.

Баранов 1930 — *Баранов А. В.* Как не нужно писать об Урале // Рост. 1930. № 1–2.

Барт 1996 — *Барт Р.* Мифология. М., 1996.

Бартми́нский 2005 — *Бартми́нский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.

Бауман 2002 — *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.

Бахтин 1993 — *Бахтин М. М.* Под маской. Маска третья. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М., 1993.

Белов 1984 — *Белов В. И.* Избранные произведения: В 3 т. М., 1984. Т. 3: Лад: Очерки о народной эстетике; Пьесы.

Белова 2005 — *Белова О. В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.

Бергер, Лукман 1995 — *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.

Берн 1988 — *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. М., 1988.

Берсенева 2000 — *Берсенева А.* Конструктивисты и чекисты // Урал. 2000. № 6.

Берх 1821 — *Берх В.* Путешествие в города Чердынъ и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.

Бескова 1994 — *Бескова И. А.* О природе трансперсонального опыта // Вопр. философии. 1994. № 2.

Блажес 1978 — *Блажес В. В.* Предания о рабочих династиях // Фольклор Урала. Свердловск, 1978. С. 37–53.

Блажес 1987 — *Блажес В. В.* Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск, 1987.

Бобрик 2001 — *Бобрик М. А.* Очерк языка семьи // Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е. А. Земская. Москва; Вена, 2001.

Бойм 2002 — *Бойм С.* Общие места: Мифология повседневной жизни. М., 2002.

Болдырев 2005 — *Болдырев Н. Н.* Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005.

Бондалетов 2005 — *Бондалетов В. Д.* В. И. Даль и тайные языки в России. 2-е изд., испр. М., 2005.

Борботько 1998 — *Борботько В. Г.* Общая теория дискурса (принципы

формирования и смыслопорождения): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998.

Борисова 2001 — *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.

Борисова 2003 — *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: зоны толерантного и нетолерантного общения // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.

Борисова 2004 — *Борисова И. Н.* Коммуникативная координация речевого поведения в «прекословных» разговорах // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004.

Борисова 2005 — *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. М., 2005.

Булыгина, Шмелев 1996 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Оценка при вторичной коммуникации // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 236–242.

Бунин 1991 — *Бунин И. А.* Окаянные дни. Дневники. М., 1991.

Бурас 2005 — *Бурас М.* Православие как религия новых чутких // Отеч. записки. 2005. 2 окт. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.strana-oz.ru

Бурвикова, Костомаров 2003 — *Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г.* Единицы лингвокультурного пространства в аспекте проблемы толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллектив. моногр. Екатеринбург, 2003.

Бурлова 1997 — *Бурлова Т. А.* Неодновременность одновременного: к проблеме хронософии постмодерна. Екатеринбург, 1997.

Буряковская 2000 — *Буряковская В. А.* Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

Бухарин 1936 — *Бухарин Н. И.* Наш вождь, наш учитель, наш отец // Известия. 1936. 21 янв.

Бухаркова 2000 — *Бухаркова О.* Крыша. Прощай, эпоха отморозков // Огонек. 2000. № 7.

Бэрон 2000 — *Бэрон Р.* Агрессия: Учеб. пособие для студ. вузов / Р. Бэрон, Д. Ричардсон; Пер. с англ. С. Меленевской и др. СПб., 2000.

Вайль, Генис 1998 — *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 1998.

Вежбицкая 1999 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Венедиктова 2004 — *Венедиктова Т.* Город как дискурс // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филол. 2004. № 3.

Вепрева 2002 — *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.

Верещагин 1992 — *Верещагин Е. М.* Речевые тактики призыва к открытости // Вопр. языкознания. 1992. № 6.

Верещагин, Костомаров 2005 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык

и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М., 2005.

Верховский и др. 1996 — *Верховский А., Папп А., Прибыловский В.* Политический экстремизм в России, М., 1996.

Верховский и др. 1999 — *Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В.* Политическая ксенофобия: Радикальные группы. Представления политиков. Роль Церкви. М., 1999.

Вестник 2005 — Вестн. Центр. избир. комиссии РФ. 2005. № 1.

Виноградов 1955 — *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // *Вопр. языкознания.* 1955. № 1.

Виноградова 2000 — *Виноградова Л. Н.* Новобрачная в доме мужа: стереотипы этикетного и ритуального поведения // *Логический анализ языка: Языки этики* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М., 2000.

Власова 2000 — *Власова М.* Русские суеверия. СПб., 2000.

Власова 2004 — *Власова Е. Г.* Пермь в местной фельетонистике конца XIX — начала XX века // *Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты.* М., 2004.

Водак 1997 — *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.

Волошинов 1993 — *Волошинов В. Н.* (Бахтин М. М.). Фрейдизм. М., 1993.

Вольтер 1996 — *Вольтер.* Метафизический трактат // *Философские сочинения.* М., 1996.

Воркачев 2001 — *Воркачев С. Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // *Изв. АН. Сер. лит. и яз.* 2001. Т. 60. № 6.

Время колокольчиков 1990 — *Время колокольчиков: Советская рок-поэзия* / Вступ. ст. З. Стасова. М., 1990.

Вукановић 1931 — *Вукановић Т.* Лична имена код Срба // *ГЕМБ.* 1931. № 6.

Вульф 2003 — *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

Гаспаров 1996 — *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Гаспаров 1999 — *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М., 1999.

Генис 1999 — *Генис А.* Хоровод: заметки на полях массовой культуры // *Иностр. лит.* 1999. № 7

Генис 2000 — *Генис А. А.* Американская азбука. Екатеринбург, 2000.

Геннин 1937 — *Геннин В. И.* Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937.

Геннин 1995 — *Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995.

Герд 2005 — *Герд А. С.* Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. СПб., 2005.

Гладкова 2003 — *Гладкова И.* 25 екатеринбургских тайн. Екатеринбург, 2003.

- Глазычев 1970 — *Глазычев В. Л.* Проблема «массовой культуры» // *Вопр. философии*. 1970. № 12 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.glazychev.ru/publications/articles/1970_problema_mass_cult.htm
- Голомидова 1998 — *Голомидова М. В.* Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
- Голосовкер 1987 — *Голосовкер Я. Э.* Логика мифа. М., 1987.
- Гольдин, Дубровская 2002 — *Гольдин В. Е., Дубровская О. Н.* Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // *Жанры речи*. Саратов, 2002. Вып. 3. С. 5–17.
- Гольдин, Сиротинина 1993 — *Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // *Вопр. стилистики*. Саратов, 1993. Вып. 25.
- Гольдин, Сиротинина 1997 — *Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б.* Речевая культура // *Русский язык: Энцикл.* М., 1997.
- Горбаневский 2000 — *Горбаневский М. В.* О типах историко-культурной биографии русских городских топонимов // *RES LINGUISTICA: Сб. ст.: К 60-летию проф. В. П. Нерознака*. М., 2000.
- Гордон 2005 — *Гордон А. Г.* Диалоги. М., 2005.
- Городецкий 1990 — *Городецкий Б. Ю.* От лингвистики языка — к лингвистике общения // *Язык и социальное познание*. М., 1990.
- Городцов 1906 — *Городцов П. А.* Чудь // *Этнограф. обозрение*. 1906. № 1–2.
- Грайс 1985 — *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1985 (Лингвистическая прагматика; Вып. 16).
- Григорьев 2003 — *Григорьев В. П.* Поэтика слова: На материале русской советской поэзии. М., 1979.
- Гудков, Дубин 1994 — *Гудков Л., Дубин Б.* Литература как социологический институт. М., 1994.
- Гумилев 1991 — *Гумилев Л. Н.* История отпадения Нидерландов от Испании // *Снегов С.* Язык, который ненавидит. М., 1991. С. 202–204.
- Гуревич 1984 — *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Гюнтер 2004 — *Гюнтер Х.* Поющая родина (Советская массовая песня как выражение архетипа матери) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.polemics.ru/articles/?articleID=3324&hideText=0&itemPage=1>
- Данилов 2003 — *Данилов С. Ю.* Речевой жанр проработки в тоталитарной культуре: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
- Данилов 2004 — *Данилов С. Ю.* Проработка и дебаты: коммуникативные практики идеологического взаимодействия // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации*. Екатеринбург, 2004.
- Дейк 1989 — *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дземидок 1974 — *Дземидок Б.* О комическом. М., 1974.
- Дзялошинский 2002 — *Дзялошинский И. М.* Культура, журналистика, толерантность (о роли СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности и мультикультурализма) // *Роль СМИ в достижении соци-*

альной толерантности и общественного согласия / Под ред. Л. М. Макушина. Екатеринбург, 2002.

Дмитриев 2002 — *Дмитриев А. В.* Социальный конфликт: Общее и особенное. М., 2002.

Долматовский 1967 — *Долматовский Е.* ...слова Лебедева-Кумача // Наш современник. 1967. № 9. С. 100.

Дольник 1994 — *Дольник В. Р.* Непослушное дитя биосферы: Беседы о человеке в компании птиц и зверей. М., 1994.

Дубин 2001 — *Дубин Б.* Слово — письмо — литература. М., 2001.

Дубин 2004 — *Дубин Б.* Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М., 2004.

Дуличенко 1993 — *Дуличенко А. Д.* От агрессии слов к ономастическому перевороту: (Заметки о русском языке перестроечного времени) // *Russian Linguistics*. 1993. № 16.

Дымарский 2003 — *Дымарский М. Я.* Культура речи и речевая практика // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Междунар. конгр. МАПРЯЛ «Русский язык и русская речь сегодня: старое — новое — заимствованное». СПб., 2003.

Дьяченко, Кандыбович 1998 — *Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А.* Психология: Слов.-справ. М., 1998.

Екатерина II 1869 — *Екатерина II.* Антидот, или разбор дурной, велико-лепно напечатанной книги // Осмнадцатый век: Ист. сб. М., 1869. Кн. IV.

Екатерина II 1972 — *Екатерина II.* Избранные произведения. М., 1992.

Екатеринбург 1998 — Екатеринбург: Ист. очерки (1723–1998 гг.). Екатеринбург, 1998.

Екатеринбург 2003 — Екатеринбург: Листая страницы истории. Екатеринбург, 2003.

Елистратов 1996 — *Елистратов В. С.* Онтология языковых стилей (На материале русской литературы XX века): Автореф. дис. ... д-ра культуролог. наук. М., 1996.

Елистратов 2005 — *Елистратов А. А.* Военная лексика в языке спорта // Рус. речь. 2005. № 2.

Енина, Купина 1997 — *Енина Л. В., Купина Н. А.* Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.

Ермакова 1996 — *Ермакова О. П.* Вербализованная ирония в естественном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург, 1996.

Ермакова 1997 — *Ермакова О. П.* Об иронии и метафоре // Облик слова: Сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 1997.

Ермакова 2000 — *Ермакова О. П.* Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 2000.

Ермакова 2003 — *Ермакова О. П.* Толерантность и некоторые особенности русского менталитета в зеркале русского языка // Философские и

лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 125–134.

Ермакова 2005 — *Ермакова О. П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга, 2005.

Жельвис 2001 — *Жельвис В. И.* Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.

Жюльен 2000 — *Жюльен Н.* Словарь символов. Екатеринбург, 2000.

Зализняк 2004 — *Зализняк Анна А.* Реконструкция «истинного смысла» реплик в конфликтном диалоге: постановка проблемы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Междунар. семинара «Диалог'2004» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2004.

Занадворова 2003 — *Занадворова А. В.* Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Засурский 2003 — *Засурский И.* Почему культура становится политикой? // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения: Материалы исслед. и науч.-практ. конф. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.tolerance.ru

Земская 1994 — *Земская Е. А.* Категория вежливости в аспекте речевых действий // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1994. С. 131–136.

Земская 1997 — *Земская Е. А.* Категория вежливости: общие вопросы — национально-культурная специфика русского языка // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1997. Heft. 2. S. 271–301.

Земская 2002a — *Земская Е. А.* Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов // *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik* / Hrsg. S. Mengel. Hamburg; London, 2002. S. 157–169.

Земская 2002b — *Земская Е. А.* Сорняк или роза?: (К вопросу о сохранности русского языка у эмигрантов четвертой волны) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61, № 4. С. 37–42.

Земская 2004 — *Земская Е. А.* Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М., 2004.

Земская 2005 — *Земская Е. А.* К вопросу о категории вежливости // Проблемы филологии в синхронии и диахронии. Челябинск, 2005.

Земская www.gramota.ru — *Земская Е. А.* Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.gramota.ru

Зильберт 2001 — *Зильберт А. Б.* Функциональная структура спортивного дискурса // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград, 2001.

Злоказов, Семенов 2000 — *Злоказов Л. Д., Семенов В. Б.* Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000.

Зорина 1999 — *Зорина З. А.* Основы этологии и генетики поведения: Учеб.

для студ. вузов, обуч. по биол. специальностям / З. А. Зорина, И. И. Полетева, Ж. И. Резникова. М., 1999.

Зырянов 1860 — *Зырянов А. Н.* Несколько слов о курганах в Шадринском уезде // Перм. губерн. ведомости. 1860. № 5.

Иванов 1881 — *Иванов А. П.* Материалы к антропологии Пермского края // Тр. о-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те. 1881. Т. 10, вып. 1.

Иванчук 2003 — *Иванчук И. А.* Разговорность публичной речи носителей элитарного типа речевой культуры: некоторые вопросы теории // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 3: Посвящ. 80-летию О. Б. Сиротининой. С. 167–176.

Ивин 2002 — *Ивин А. А.* Риторика: искусство убеждать. М., 2002.

Изард 2002 — *Изард К. Э.* Психология эмоций. СПб., 2002.

Иссерс 1999 — *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.

Иссерс 2000 — *Иссерс О. С.* Коммуникативный успех как прогнозируемая категория // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.

Йокояма 2003 — *Йокояма О.* «Свои» и «чужие»: межкультурная коммуникация и этнические стереотипы в чеховской России // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 463–475.

Каганский 2001 — *Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.

Карасик 2002а — *Карасик В. И.* Ритуальный дискурс // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.

Карасик 2002б — *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Карасик 2003 — *Карасик В. И.* Аспекты языковой личности // Проблемы речевой коммуникации / Под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов, 2003.

Караулов 1991 — *Караулов Ю. Н.* О состоянии русского языка современности: Докл. на конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и материалы почтовой дискуссии. М., 1991.

Касавин 2003 — *Касавин И. Т.* Язык повседневности: между логикой и феноменологией // Вопр. философии. 2003. № 5.

Кацис 1994 — *Кацис Л. Ф.* Прологомены к теологии ОБЭРИУ // Лит. обозрение. 1994. № 3–4.

Керимов 2005 — *Керимов Т. Х.* Различие как исходная проблема новой методологии исследования общества // Толерантность в обществе различий. Екатеринбург, 2005. Вып. 15.

Керинь 1997 — *Керинь К.* Прологомены // Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев; Москва, 1997.

Кириллин 2000 — *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI вв.). СПб., 2000.

Кириллова 2005 — *Кириллова Н.* Медиакультура: от модерна к постмодерну. М., 2005.

Китайгородская 1988 — *Китайгородская М. В.* Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. М., 1988.

Китайгородская, Розанова 1999 — *Китайгородская, М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Клейн 2004 — *Клейн Л. С.* Становление гуманитарной традиции (от первобытности до Возрождения) // Развитие личности. 2004. № 2.

Климов, Хайдаков 1990 — *Климов Г. А., Хайдаков С. М.* Нахско-дагестанские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.

Клюев 1998 — *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация. М., 1998.

Кобрин 2005 — *Кобрин Н. А.* О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005.

Ковалев 1989 — *Ковалев А.* Парадокс авангардиста // Творчество. 1989. № 8.

Ковалев 1994 — *Ковалев Г. Ф.* Этнонимия Древней Руси // Русская ономастика и ономастика России: Слов. / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1994.

Кожина 2004 — *Кожина М. Н.* Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст — Дискурс — Стил: Сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 9–33.

Козинцев 2002 — *Козинцев А. Г.* Послесловие: Карнавализация и декарнавализация // Смех: истоки и функции. СПб., 2002.

Козлов 1973 — *Козлов А. Г.* От улицы Перспективной до проспекта Ленина // Урал. следопыт. 1973. № 11. С. 62–63.

Козлов 1981 — *Козлов А. Г.* Творцы науки и техники на Урале. XVII — начало XX века: Биогр. справ. Свердловск, 1981.

Козлов, Козлова 2005 — *Козлов В. В., Козлова А. А.* Управление конфликтом. М., 2005.

Козлова 1984 — *Козлова Н. Н.* К анализу обыденного сознания // Филос. науки. 1984. № 4.

Козлова 1999 — *Козлова Т. В.* «Новые русские»: понятие и дискурс // Фразеология в контексте культур. М., 1999.

Козырев 2000 — *Козырев Г. И.* Введение в конфликтологию. М., 2000.

Коконенко 1983 — *Коконенко Е. И.* Проблема типологии иронии как эстетического и художественного феномена // Проблемы некоторых эстетических категорий в теории и истории эстетики. М., 1983.

Корепанов 1995 — *Корепанов Н.* Материалы по истории магических представлений горнозаводского населения Урала XVIII в.: (Из фонда Уральского горного правления) // Урал. ист. вестн. 1995. № 2. С. 111–114.

Корепанов 1996 — *Корепанов Н.* «Нашей иноземной братии немного число...» // Урал. старина. Екатеринбург, 1996. Вып. 2. С. 148–168.

Корепанов 1998 — *Корепанов Н.* Колдуны Екатеринбургского ведомства в XVIII веке // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1998. Ч. I. С. 258–260.

Корепанов 2001 — *Корепанов Н.* В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). 3-е изд. Екатеринбург, 2001.

Кормильцев, Сурова 1998 — *Кормильцев И., Сурова О.* Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // *Русская рок-поэзия: текст и контекст*. Сб. науч. тр. Тверь, 1998.

Корнелиус, Фэйр 1992 — *Корнелиус Х., Фэйр Ш.* Выиграть может каждый. Как разрешить конфликт. Пермь, 1992.

Косарев 2000 — *Косарев А. Ф.* Философия мифа: мифология и ее эвристическое значение. М., 2000.

Костомаров, Бурвикова 1997 — *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Карнавализация как характеристика современного состояния русского языка: лингвометодический аспект // *Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения: Материалы междунар. науч. конф.* М., 1997. Ч. 1. С. 23–24.

Кох 1997 — *Кох И. А.* Конфликтология. Екатеринбург, 1997.

Кочеткова 1999 — *Кочеткова Т. В.* Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999.

Кошелев 2001 — *Кошелев В. А.* «В городе Калинове»: Топос уездного города в художественном пространстве пьес Островского // *Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы науч. конф.* / Сост. А. Ф. Белосусов, М. В. Строганов. Тверь, 2001.

Кривошапова 2003 — *Кривошапова Т. В.* Этнокультурная ситуация в современном Казахстане // *Народная культура Сибири: Материалы 12-го науч.-практ. семинара Сибир. регион. вуз. центра по фольклору.* Омск, 2003.

Крогиус 1976 — *Крогиус Н. В.* Личность в конфликте. Саратов, 1976.

Круглова 2005 — *Круглова Т.* Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург, 2005.

Кругляшова 1967 — *Кругляшова В. П.* Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим). Свердловск, 1967.

Кругляшова 1974 — *Кругляшова В. П.* Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974.

Крысин 1989 — *Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

Крысин 2003а — *Крысин Л. П.* Формы существования (подсистемы) русского национального языка // *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация* / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Крысин 2003б — *Крысин Л. П.* Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллект. моногр.* / Отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. Екатеринбург, 2003.

Крысин 2004 — *Крысин Л. П.* Толерантность как социолингвистическая категория // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллект. моногр.* / Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. Екатеринбург, 2004.

Крюков 1984 — *Крюков М. В.* «Люди», «настоящие люди» (к проблеме

исторической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика. М., 1984.

Кукушкина 1986 — *Кукушкина Е. И.* Обыденное сознание, обыденный опыт и здравый смысл // Филос. науки. 1986. № 4.

Культура парламентской речи 1994 — *Культура парламентской речи.* М., 1994.

Культура русской речи 1996 — *Культура русской речи и эффективность общения.* М., 1996.

Культурно-речевая ситуация... 2000 — *Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий / Отв. Ред. Н. А. Купина.* Екатеринбург, 2000.

Купина 1995 — *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.

Купина 1999 — *Купина Н. А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.

Купина 2001 — *Купина Н. А.* Идеологическая толерантность // Лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2001.

Купина 2004 — *Купина Н. А.* О прагмоидеологической составляющей толерантной / интолерантной коммуникации // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллект. моногр. Екатеринбург, 2004.

Купина, Енина 1997 — *Купина Н. А., Енина Л. В.* Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.

Купина, Михайлова 2001 — *Купина Н. А., Михайлова О. А.* Лингвокультурологические проблемы толерантности // Толерантность в современной цивилизации: Материалы междунар. конф. Екатеринбург, 2001.

Купина, Михайлова 2003 — *Купина Н. А., Михайлова О. А.* Концепт *власть* и его идеологическое преломление в тексте современного русского бестселлера // Рус. яз. в центре Европы. 2003. № 6.

Купина, Шалина 2004 — *Купина Н. А., Шалина И. В.* Современное просторечие: взгляд изнутри // Рус. яз. в науч. освещ. 2004. № 7.

Курганов 2002 — *Курганов Е.* Анекдот. Символ. Мифологические этюды по теории литературы. СПб., 2002.

Кушкова 1999 — *Кушкова А. Н.* К анализу представления о семейной ссоре // Мифология и повседневность. СПб., 1999. Вып. 2.

Кушкова 2001 — *Кушкова А. Н.* Конструирование гендера в текстах о крестьянских ссорах // Повседневность и мифология. СПб., 2001.

Кушнер 2005 — *Кушнер Б.* Прощание с песней // Еврейская старина. 2005. № 6 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.vestnik.com/issues/2002/0328/koi/kushner.htm

Куштум 1990 — *Куштум Н. А.* Стенограмма речи на Первом всесоюзном съезде советских писателей // Первый всесоюз. съезд сов. писателей: Стеногр. отчет. М., 1990.

Кэрлот 1994 — *Кэрлот Х. Э.* Словарь символов. М., 1994.

Лазарева 1993 — *Лазарева Э. А.* Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург, 1993.

Ларина 2003 — *Ларина Т. В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.

Лебедева 2002 — *Лебедева Н. М.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность. М., 2002.

Лебина 1999 — *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь современного города: Нормы и аномалии. 1920–1930 гг. СПб., 1999.

Леви 1989 — *Леви В.* Нестандартный ребенок. М., 1989.

Левинсон 1996 — *Левинсон А.* Новые русские и их соседи по анекдотическим контекстам // Новое лит. обозрение. 1996. № 22.

Леви-Строс 2001 — *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 2001.

Левонтина 1997 — *Левонтина И. Б.* Жалость // Новый объяснительный словарь русского языка. М., 1997. Вып. 1.

Лейдерман 2002 — *Лейдерман Н.* Трасктория «экспериментирующей эпохи» // Вопр. лит. 2002. № 4.

Литовская 1998 — *Литовская М.* «Беломорско-Балтийский канал. История строительства» как эталонный текст социалистического реализма // Русская литература XX века: Направления и течения. Екатеринбург, 1998. Вып. 4.

Литовская 2004 — *Литовская М. А.* Бажов и символическое пространство Екатеринбурга // Региональные культурные ландшафты: история и современность: Материалы Всерос. науч. конф. / Под ред. Н. П. Дворцовой. Тюмень, 2004.

Лобок 1997 — *Лобок А. М.* Антропология мифа. Екатеринбург, 1997.

Лосев 1991 — *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М., 1991.

Лосева и др. 1997 — *Лосева И. Н. и др.* Библиейские имена: люди, мифы, история. Ростов н/Д, 1997.

Лотман 1996 — *Лотман Ю. М.* Классицизм: термин и (или) реальность // Из истории русской культуры (XVIII — начало XIX века). М., 1996. Т. 4.

Лотман 1997 — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1997.

Лотман, Успенский 1971 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* О семиотическом механизме культуры // Учен. зап. Тартусского гос. ун-та. Тарту, 1971. Вып. 284. С. 144–166.

Лук 1977 — *Лук А. Н.* Юмор, остроумие, творчество. М., 1977.

Лукина 1989 — *Лукина М.* Строим дом сверху // Собеседник. 1989. № 45.

Лукьянин 1997 — *Лукьянин В.* Надежды снова нас питают... // Интеллигенция и власть: Сб. материалов. Екатеринбург, 1997.

Луман 2005 — *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2005.

Лурия 2002 — *Лурия А. Р.* Природа человеческих конфликтов. М., 2002.

Лурье 2002 — *Лурье В. М.* Смерть и самоубийство как фундаментальные концепции русской рок-культуры // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. Тверь, 2002.

Майданова 2000 — *Майданова Л. М.* Газетно-публицистический стиль:

метаморфозы коммуникантов // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.

Майерс 1997 — *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1997.

Майерс 2005 — *Майерс Д.* Социальная психология. 2-е изд. СПб., 2005.

Майу 2005 — *Майу С.* Сравнение: первая встреча, этноцентризм и межкультурная коммуникация // Ценности, каноны, цены. Текст как средство культурного обмена. М., 2005.

Мамардашвили 2000 — *Мамардашвили М.* Введение в философию // Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен. СПб., 2000.

Мамин-Сибиряк 1983 — *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Город Екатеринбург // Седой Урал. М., 1983.

Маров, Марова 1998 — *Маров В. Н., Марова Н. Д.* Миф — интерпретация — текст // Русский язык в контексте современной культуры: Тез. докл. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1998.

Матвеева 2004 — *Матвеева Т. В.* Корректность речевого противодействия // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004.

Матюшин 1989 — *Матюшин М.* Русский кубофутуризм // Наше наследие. 1989. № 2.

Мауэр 1925 — *Мауэр Г.* Кое-что о чудских городищах // Кунгурско-Красноуфимский край. г. Кунгур. 1925. № 2.

Мелетинский 1977 — *Мелетинский Е. М.* Миф и историческая поэтика фольклора. М., 1977.

Мелетинский 2000 — *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 2000.

Мечковская 1996 — *Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика. М., 1996.

Минералов 1995 — *Минералов Ю.* Так говорила держава. XX век и русская песня. М., 1995 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://loi.sccc.ru/sn\td\DERGAV.doc>

Михайлова 1993 — *Михайлова О. А.* Предложения с предикатами свойства (вариантные отношения) // Вариантные отношения в языке и тексте. Екатеринбург, 1993.

Михайлова 2000 — *Михайлова О. А.* О чем говорит чужая речь на газетной полосе // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.

Михайлова 2003 — *Михайлова О. А.* Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллект. моногр. Екатеринбург, 2003.

Михайлова 2004 — *Михайлова О. А.* Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / Отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург, 2004.

Мокшин 1991 — *Мокшин Н. Ф.* Мордва — этноним или этнофолизм? // Сов. этнография. 1991. № 4. С. 84–93.

Мошкин 2004 — *Мошкин С. В.* Парламентаризм в России: дискурс кон-

ституционного дизайна // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004.

Музаев 1999 — *Музаев Т.* Этнический сепаратизм в России. М., 1999.

Мурзин 2004 — *Мурзин А. Э.* Советский миф в судьбе Урала. Екатеринбург, 2004.

Назарбаев 1996 — *Назарбаев Н. А.* На пороге 21 века. Алматы, 1996.

Найдыш 1994 — *Найдыш В. М.* Мифотворчество и фольклорное сознание // Вопр. философии. 1994. № 2.

Наше наследие 1989 — Наше наследие. 1989. № 2.

Немиров 2002 — *Немиров М.* Все о поэзии '88 // Рус. журн. 2002. 28 янв.

Нещименко 2003 — *Нещименко Г.* Тенденции языковой экономии. Общие вопросы // *Slowotworstwo / Nominacja*. Opole, 2003.

Новицкая 2000 — *Новицкая А.* Сложности владения двумя языками // Детское двуязычие: Русский семинар. Helsinki, 2000.

Новые русские 1995 — Новые русские идут! // Искусство кино. 1995. № 1.

Норман 1991 — *Норман Б. Ю.* Лингвистика каждого дня. Минск, 1991.

Олянич 2004 — *Олянич А. В.* Драматургия политического и военно-политического конфликта в массово-информационном дискурсе (стратегии презентации «своих» и «чужих») // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004.

Орлов 1991 — *Орлов Ю. М.* Восхождение к индивидуальности. М., 1991.

Осина 2001 — *Осина А. В.* Хорошая речь и среднелитературная речевая культура // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов, 2001 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.gramota.ru

Очеретина 1964 — *Очеретина И.* Имя рабочего города // Урал. следопыт. 1964. № 11.

Очерки... 1841 — Очерки истории Пермского края // Перм. губерн. ведомости. 1841. № 1.

Павленко, Корж 1998 — *Павленко В. Н., Корж Н. Н.* Трансформации социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психол. журн. 1998. Т. 19. № 1.

Панарин 2000 — *Панарин А. С.* Политология. М., 2000.

Панкратова 2001 — *Панкратова О. А.* Спортивный дискурс как предмет лингвистического исследования // Языковая личность: проблемы когнитии и коммуникации. Волгоград, 2001.

Парсонс 1997 — *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997.

Паси 1980 — *Паси И.* Ирония как эстетическая категория // Марксистско-ленинская эстетика в борьбе за прогрессивное искусство. М., 1980.

Пермяков 1988 — *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988.

Петровский 1966 — *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. М., 1966.

Пешковский 1925 — *Пешковский А. М.* Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика: Сб. ст. Л.; М., 1925.

Пивоев 1989 — *Пивоев В. М.* Ирония как эстетическая категория // Филос. науки. 1982. № 4.

Пивоев 2000 — *Пивоев В. М.* Ирония как феномен культуры. Петрозаводск, 2000.

Пигулевский, Мирская 1990 — *Пигулевский В. О., Мирская Л. А.* Ирония и символ (опыт характеристики романтического мирозерцания). Кишинев, 1990.

Поварнин 1990 — *Поварнин С. И.* Спор. О теории и практике спора // Вопр. философии. 1990. № 3.

Поварнин 1996 — *Поварнин С. И.* Спор: О теории и практике спора. СПб., 1996.

Попова 2003 — *Попова Т. В.* Толерантность русского словообразования: (на материале новообразований конца XX века) // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.

Походня 1989 — *Походня С. И.* Языковые виды и средства реализации иронии. Киев, 1989.

Пренко 2004 — *Пренко Л. И.* К вопросу о семантике французских этнофолизмов // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: 8-й симпозиум «Теоретические и прикладные аспекты исследования языков народов Северного Кавказа и других регионов мира»: Тез. докл. IV Междунар. конгресса. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://pn.pglu.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=1030>).

Прокуровская 1996 — *Прокуровская Н. А.* Город в зеркале своего языка: на языковом материале г. Ижевска. Ижевск, 1996.

Пропп 1946 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

Пропп 1969 — *Пропп В. Я.* Морфология сказки. М., 1969.

Протоиерей Леонид Петров 1889 — Протоиерей Леонид Петров // Справочный богословский преимущественно церковно-исторический словарь. СПб., 1889.

Прохоров 1997 — *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1997.

Прохоров 1999 — *Прохоров Ю. Е.* Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте // Язык, сознание, коммуникация. М., 1999. Вып. 8. С. 52–61.

Прохоров 2004 — *Прохоров Ю. Е.* В поисках концепта. М., 2004.

Пузырев 1995 — *Пузырев А. В.* Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. Москва; Пенза, 1995.

Пушкарева 1997 — *Пушкарева Н. Л.* Русские за рубежом // Русские / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1997. Сер. «Народы и культуры».

Речевой этикет 2003 — Речевой этикет: семантика и прагматика // Моск. лингвист. журнал. 2003. Т. 7, № 2.

Рикер 2000 — *Рикер П.* Время и рассказ. М.; СПб., 2000. Т. 2: Конфигурация в вымышленном рассказе.

Рождественский 2003 — *Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики / Под ред. В. И. Аннушкина. М., 2003.

Романенко, Санджи-Гаряева 2002 — *Романенко А. П., Санджи-Гаряева З. С.* Общефилологические основания советской жанровой системы // *Жанры речи.* Саратов, 2002. Вып. 3.

Российские вести 1993 — Виктор Черномырдин: «Нужны не разговоры, а конкретные дела» // *Рос. вести.* 1993. 12 февр.

Рубина 2005 — *Рубина Д.* «...Их бин нервосо!». М., 2005.

Русский язык... 1996 — *Русский язык конца XX столетия (1985–1995) /* Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.

Рюткенен 2000 — *Рюткенен М.* Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // *Филол. науки.* 2000. № 3.

Садовский 1974 — *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем. М., 1974.

Санников 1999 — *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

Санников 2003 — *Санников В. З.* Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней. М., 2003.

Сафонова 1998 — *Сафонова Ю. А.* Новые русские: (заметки об одном новом фразеологизме) // *Русистика.* 1998. № 1–2.

Сашенко 2003 — *Сашенко М. В.* Письмо 2 // *Культура русской речи: Энцикл. слов.-справ.* / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М., 2003.

Сборник Кирши Данилова 1977 — *Сборник Кирши Данилова /* Изд. подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977.

Седов 1999 — *Седов К. Ф.* Жанры речи в становлении дискурсивного мышления языковой личности // *Русский язык в контексте культуры.* Екатеринбург, 1999.

Седов 2003 — *Седов К. Ф.* Этическая составляющая типологии речевых культур // *Проблемы речевой коммуникации /* Под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов, 2003.

Селищев 1928 — *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928.

Селищев 1968 — *Селищев А. Н.* Выразительность и образность языка революционной эпохи // *Селищев А. Н. Избранные труды.* М., 1968.

Семенова 1998 — *Семенова В. В.* Качественные методы: введение в гуманитарную социологию. М., 1998.

Сергеева 2004 — *Сергеева А. В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2004.

Сидоров 2003 — *Сидоров А.* Телевидение — это жесткий бизнес // *Искусство кино.* 2003. № 3.

Сиротинина 2001a — *Сиротинина О. Б.* Основные критерии хорошей

речи // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов, 2001. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.gramota.ru

Сиротинина 2001б — *Сиротинина О. Б.* Элитарная речевая культура и хорошая речь // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов, 2001. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.gramota.ru

Сиротинина 2003 — *Сиротинина О. Б.* Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов, 2003. Вып. 2. С. 3–20.

Скляревская 2001 — *Скляревская Г. Н.* Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2001. Вып. 6.

Слукин 1983 — *Слукин В.* Подземелья Каменного пояса // Рифей: Урал. лит.-краевед. сб. Свердловск, 1983. С. 180–249.

Слышкин 1999 — *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.

Смирнов 1989 — *Смирнов Л.* Год Малевича // Наше наследие. 1989. № 2.

Смирнов 1994а — *Смирнов И.* Время колокольчиков, или Жизнь и смерть русского рока. М., 1994.

Смирнов 1994б — *Смирнов Ю. И.* Язык, фольклор и культура // Язык — культура — этнос. М., 1994.

Современный русский язык... 2003 — Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Солдатова 2002 — Психологическая помощь мигрантам / Под ред. Г. У. Солдатовой. М., 2002.

Солнцев 1977 — *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977.

Соснин 1994 — *Соснин В. А.* Теоретические и практические подходы к урегулированию конфликтных ситуаций в зарубежной конфликтологии // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1994. Вып. 6: Конфликты в политике и экономике: мониторинг и менеджмент.

Стернин 2003 — *Стернин И. А.* Гуманитаризация российского общества как задача нового века // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 3. Посвящ. 80-летию О. Б. Сиротининой. С. 150–158.

Строганов 2004 — *Строганов М. В.* Две заметки о локальных текстах // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004.

Сулейменов 2005 — *Сулейменов О.* Аргументы и факты. 2005. № 37.

Суперанская 1973 — *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственн. М., 1973.

Сухих, Зеленская 1998 — *Сухих С. А., Зеленская В. В.* Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998.

Тарасов и др. 1997 — *Тарасов А., Черкасов Г., Шавишукова Т.* Левые в России. От умеренных до экстремистов. М., 1997.

- Титов 1890 — *Титов А.* Сибирь в XVII веке. М., 1890.
- Толстая 2000 — *Толстая С. М.* Преступление и наказание в свете мифологии // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М., 2000.
- Толстов 1935 — *Толстов С. П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9—10.
- Топоров 1991 — *Топоров В. Н.* «Спор» или «дружба»? // *Aequinox*: Сб. памяти о. А. Меня. М., 1991.
- Топоров 2000 — *Топоров В. Н.* Страничка из этнокультурной и языковой истории юговостонобалтийского ареала (об одной топонимической катастрофе) // *RES LINGUISTICA*: Сб. ст.: К 60-летию проф. В. П. Нерознака. М., 2000.
- Тресиддер 1999 — *Тресиддер Д.* Словарь символов. М., 1999.
- Третьякова 2002 — *Третьякова В. С.* Речевой конфликт и гармонизация общения. Екатеринбург, 2002.
- Троицкий 1991 — *Троицкий А.* Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е. М., 1991.
- Тряпицына 2000 — *Тряпицына Е. В.* Категория точности художественного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Тумаркин 1997 — *Тумаркин Н.* Ленин жив!: Культ Ленина в советской России. СПб., 1997.
- Турускова 2003 — *Турускова Т.* Новый справочник символов и знаков. М., 2003.
- Тэрнер 1983 — *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983.
- Тяжельникова 2002 — *Тяжельникова В. С.* Советская песня и формирование новой идентичности // *Отеч. история*. 2002. № 1. С. 174—180.
- Успенский 1994 — *Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // *Избранные труды*. М., 1994. Т. 1.
- Фадеев 1954 — *Фадеев А.* О литературе. М., 1954.
- Федотовских 2004 — *Федотовских Т. Г.* Ситуация обещания: эксплуатация ключевых смыслов в предвыборных листовках // *Майданова Л. М., Соломатов С. И., Федотовских Т. Г., Чудинов А. П.* Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах. Екатеринбург, 2004.
- Философическая... переписка 1802 — *Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины Второй с Вольтером, продолжавшаяся с 1763 по 1778 г. М., 1802.* Ч. 1.
- Фонвизин 1959 — *Фонвизин Д. И.* Собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 2.
- Фрейденберг 1978 — *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1978.
- Фуко 1996а — *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.
- Фуко 1996б — *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, воли и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996.
- Халипов 2005 — *Халипов В. Ф.* Энциклопедия власти. М., 2005.
- Харитоновна 2004 — *Харитоновна Е. В.* Репрезентация русской менталь-

ности в сказах П. П. Бажова: Автыореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

Хомяков 2003 — *Хомяков М. Б.* Толерантность и ее границы: размышления по поводу современной англо-американской теории // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 11–25.

Хренов, Соколов 2001 — *Хренов Н. А., Соколов К. Б.* Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001.

Цветкова 2001 — *Цветкова М. В.* Концепт «fair play» в английской национальной ментальности // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф. Тамбов, 2001. Ч. 2.

Цуладзе 2003 — *Цуладзе А.* Политическая мифология. М., 2003.

Чагин 1995 — *Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX века. Пермь, 1995.

Чарный 2005 — *Чарный С.* Расизм, ксенофобия, этническая дискриминация, антисемитизм в России (январь — июнь 2005 г.): Аналит. докл. Моск. бюро по правам человека (сокр. вариант) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.antirasizm.ru

Чепкина 1997 — *Чепкина Э. В.* Формы общения с читателем в современной газете // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.

Чепкина 2000 — *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000.

Чепкина 2003 — *Чепкина Э. В.* Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.

Чепкина 2004 — *Чепкина Э. В.* Дискурсивные практики формирования оппозиции «свой — чужой» в районной прессе (на материале газет Пермской области) // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004. С. 287–302.

Чепкина 2005 — *Чепкина Э. В.* Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / Отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. М., 2005.

Чернецкий 2002 — *Чернецкий А. М.* Стратегия города Екатеринбурга и программа развития въездного туризма // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2002.

Чернышова 2004 — *Чернышова Е. Б.* Коммуникативное поведение дошкольника / Е. Б. Чернышова, И. А. Стернин. Воронеж, 2004.

Чернявская 2003 — *Чернявская В. Е.* Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003.

Черняк, Черняк 2002 — *Черняк В. Д., Черняк М. А.* Заглавия массовой литературы и речевой портрет современника // Мир русского слова. 2002. № 1.

Черняк, Черняк 2004 — *Черняк В. Д., Черняк М. А.* Конфликтность и толе-

рантность в заглавиях текстов массовой литературы // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллект. моногр. Екатеринбург, 2004.

Чудакова 2001 — Чудакова М. Опыт историко-социологического анализа художественных текстов: На материале литературной позиции писателей-прозаиков первых революционных лет // Чудакова М. Литература советского прошлого. М., 2001.

Чудинов 2000 — Чудинов А. В. Утопии века Просвещения. М., 2000.

Шалдина 2003 — Шалдина Р. В. Творчество А. Т. Твардовского: природа смеха: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

Шалина 1998а — Шалина И. В. Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Шалина 1998б — Шалина И. В. Взаимодействие речевых культур в диалогическом аспекте: аксиологический взгляд: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Шалина 2004 — Шалина И. В. Толерантность / интолерантность в просторечной семейной культуре // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / Отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург, 2004.

Шапошников 1992 — Шапошников В. Н. Историческая этнонимика: Учеб. пособие. СПб., 1992.

Шапп д'Отерош 1768 — Путешествие в Сибирь по приказанию короля в 1761 г.... Господина аббата Шаппа д'Отероша... Париж, 1768.

Шаронов 2004 — Шаронов И. А. Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония // Агрессия в языке и речи. М., 2004.

Шатин 1996 — Шатин Ю. Эстетика агиографического дискурса в поэме В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» // Дискурс. 1996. № 2.

Шейгал 2000 — Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2000.

Широков 1985 — Широков О. С. Введение в языкознание. М., 1985.

Шкатова 2003 — Шкатова Л. А. Качество языковой среды // Проблемы речевой коммуникации / Под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов, 2003. С. 159–166.

Шмелев 1968 — Шмелев Д. Н. Лексика современного русского языка // Русский язык и советское общество: (социолого-лингвистическое исследование): Лексика современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

Шмелев 1996 — Шмелев А. Д. Жизненные установки и дискурсные слова // Aspekteja [= Slavica Tampereusia V]. Tampere, 1996.

Шмелев 2003 — Шмелев А. Д. Терпимость в русской языковой картине мира // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 111–125.

Шмелев 2005 — Шмелев А. Д. В поисках мира и лада // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идиомы русской языковой картины мира. М., 2005.

Шмелева 1997 — *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997.

Шмитт 1992 — *Шмитт К.* Понятие политического // Вопр. социологии. 1992. Т. 1, № 1.

Шомели, Уисман 2003 — *Шомели Ж., Уисман Д.* Связи с общественностью. СПб., 2003.

Щеглов 1994 — *Щеглов Ю.* Энциклопедия некультурности (Зощенко: рассказы 1920-х годов и «Голубая книга») // Лицо и маска Михаила Зощенко. М., 1994.

Элиаде 2000 — *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2000.

Этнография 1987 — *Этнография восточных славян.* М., 1987.

Юнаковская 2004 — *Юнаковская А. А.* Омское городское просторечие: фразеология: Слов. Омск, 2004.

Язык вражды в обществе, политике и СМИ 2005 — *Язык вражды в обществе, политике и СМИ.* М., 2005.

Язык мой... 2002 — *Язык мой...* Проблемы этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ: Сб. ст. / Сост. А. М. Верховский. М., 2002.

Языковая личность 1998 — *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты:* Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. И. Карасик. Волгоград; Саратов, 1998.

Языковая личность 1999 — *Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики:* Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. И. Карасик. Волгоград, 1999.

Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Ericson 1939 — *Ericson E. E.* Echthronyms: Derisive names for various peoples // Words. № 5. P. 100–103.

Graham 2003 — *Graham S.* The Wages of Syncretism: Folkloric New Russians and Post-Soviet Popular Culture // Russian Review 62. 2003. Jan.

Grodziński 1977 — *Grodziński E.* Rola formuł grzecznościowych w językach współczesnych // Poradnik językowy. 1977. Z. 7. S. 305–310.

Grodziński 1980 — *Grodziński E.* Wypowiedzi performatywne. Wyd. PAN. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1980.

Kerbat-Orecchioni 1996 — *Kerbat-Orecchioni C.* La conversation. Seul, 1996.

Lampe 1961 — *Lampe G. W. H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.

Leinonen 1985 — *Leinonen M.* Finnish and Russian as They Are Spoken: from Linguistic to Cultural Typology // Scando-Slavica. 1985. T. 31.

Levontina, Shmelev 2005 — *Levontina I., Shmelev A.* The particles one cannot do without // East-West Encounter: Second International Conference on Meaning ⇔ Text. Moscow, 2005.

Lipovetsky 2003 — *Lipovetsky M.* New Russians as a Cultural Myth // Russian Review. 2003. 62. Jan.

Mullen, Rozell, Johnson 2001 — *Mullen B., Rozell D., Johnson C.*

Ethnophaulisms for ethnic immigrant groups: the contributions of group size and familiarity // *European J. of Social Psychology*. 2001. Vol. 31. Issue 4.

Olweus 1993 — *Olweus D.* Bullying at school: what we know and what we can do? Oxford: Blackwell, 1993.

Oushakine 2006 — *Oushakine S.* Aesthetics Without Laws: Cinematic Bandits in Post-Soviet Space // Forthcoming SEEJ. 2006.

Peisert 2004 — *Peisert M.* Formy i funkcje agresji werbalnej. Pryba typologii. Wroclau, 2004.

Short 1996 — *Short J. R.* The urban order. An introduction to cities, culture and power. Great Britain, 1996.

Tannen 1986 — *Tannen D.* That's Not What I Meant! New York; Toronto, 1986.

Tannen 1989 — *Tannen D.* Talking Voices: Repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse. Cambridge, 1989.

Tannen 1990 — *Tannen D.* You Just Don't Understand: Men and Women in Conversation. N. Y., 1990.

Tannen 2002 — *Tannen D.* I Only Say This Because I Love You. New York; Toronto, 2002.

Словари

Апресян и др. 1999 — *Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др.* Новый Большой англо-русский словарь. М., 1999. Т. 1.

БАС 1956 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1956. Т. 1.

Большой немецко-русский словарь 2001 — Большой немецко-русский словарь. М., 2001.

БСЖ 2001 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.

БТС 1998 — Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

ВРС 2000 — *Власова М. Н.* Русские суеверия: Энцикл. слов. СПб., 2000.

ВЭС 2000 — *Востриков О. В.* Традиционная культура Урала: Этноидеогр. слов. рус. говоров Свердлов. обл. Екатеринбург, 2000. Вып. 5: Магия и знахарство. Народная мифология.

Елистратов 1994 — *Елистратов В. С.* Словарь московского арго: Материалы 1980–1994 гг.: Ок. 8000 слов и 3000 идиоматич. выраж. М., 1994.

Ермакова и др. 1999 — *Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

Каланов 2002 — *Каланов Н. А.* Словарь морского жаргона. М., 2002.

МАС 1981–1984 — Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1981–1984.

Мокиенко, Никитина 1998 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

Мокиенко, Никитина 2000 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

- НФЭ — Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 4.
- НИЭС 2001 — Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / Под ред. В. И. Бородулина, А. П. Горкина, А. А. Гусева, Н. М. Ланды и др. М., 2001.
- НЭС 2001 — Новый энциклопедический словарь. М., 2001.
- РАС 2002 — Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю. Н. Караулов и др. М., 2002.
- РФ 2005 — Русская фразеология: Ист.-этимол. слов. / Под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005.
- СД 1995 — Славянские древности: этнолингв. слов.: В 5 т. М., 1995.
- СОШ 1999 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. М., 1999.
- СРНГ 1966 — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. М.; Л., 1966. Вып. 1, 2.
- СРЯ 1975 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1.
- СРЯ 1984 — Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984. Вып. 1.
- СЭС — Советский энциклопедический словарь. М., 1981.
- ТСИС 2000 — Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2000.
- ТСУ 1935–1940 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- Частотный словарь 1977 — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
- ЯИ 1998 — Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / Гл. ред. Г. Н. Складчиков. СПб., 1998.
- Roback 1979 — Roback A. A. A Dictionary of international slurs (ethnophaulisms) / With a supplementary essay on aspects of ethnic prejudice. 2nd ed., reprint. Waukesha (Wisconsin), 1979.

Сведения об авторах

- Абашева Марина Петровна** — доктор филологических наук. Пермский государственный педагогический университет (Пермь, Россия).
- Андреева Тамара Яковлевна** — кандидат филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Атманских Андрей Сергеевич** — кандидат философских наук. Уральская академия государственной службы (Екатеринбург, Россия).
- Блажес Валентин Владимирович** — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Борисова Ирина Николаевна** — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Бурвикова Наталья Дмитриевна** — доктор филологических наук. Институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия).
- Васильев Игорь Евгеньевич** — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Вепрева Ирина Трофимовна** — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Грищенко Александр Игоревич** — аспирант. Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия).
- Данилов Сергей Юрьевич** — кандидат филологических наук. Ураль-

ский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).

Дымарский Михаил Яковлевич — доктор филологических наук. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Енина Лидия Владимировна — кандидат филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).

Ермакова Ольга Павловна — доктор филологических наук. Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского (Калуга, Россия).

Жданова Ольга Павловна — кандидат филологических наук. Трехгорный технологический институт, филиал МИФИ (Государственный университет) (Трехгорный, Россия).

Зализняк Анна Андреевна — доктор филологических наук. Институт языкознания РАН (Москва, Россия).

Земская Елена Андреевна — доктор филологических наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия).

Каблуков Евгений Викторович — аспирант. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).

Карасик Владимир Ильич — доктор филологических наук. Волгоградский государственный педагогический университет (Волгоград, Россия).

Клочкова Юлия Владимировна — кандидат филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).

Коновалова Надежда Ильинична — кандидат филологических наук. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Купина Наталия Александровна — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).

Левонтина Ирина Борисовна — кандидат филологических наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия).

Литовская Мария Аркадьевна — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).

- Майданова Людмила Михайловна** — доктор филологических наук.
Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург, Россия).
- Машнина Елена Евгеньевна** — аспирант. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Михайлова Ольга Алексеевна** — доктор филологических наук.
Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург, Россия).
- Мишланов Валерий Александрович** — доктор филологических наук. Пермский государственный университет (Пермь, Россия).
- Мустайоки Арто** — доктор филологических наук. Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия).
- Николина Наталья Анатольевна** — доктор филологических наук.
Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия).
- Пикулева Юлия Борисовна** — кандидат филологических наук.
Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург, Россия).
- Попкова Наталья Николаевна** — аспирант. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Приказчикова Елена Евгеньевна** — кандидат филологических наук.
Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург, Россия).
- Протасова Екатерина Юрьевна** — доктор филологических наук.
Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия).
- Прохоров Юрий Евгеньевич** — доктор филологических наук. Институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия).
- Салимовский Владимир Александрович** — доктор филологических наук. Пермский государственный университет (Пермь, Россия).
- Стернин Иосиф Абрамович** — доктор филологических наук. Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).
- Туксайтова Райхан Омерзаковна** — кандидат филологических наук.
Аграрный университет им. Сакена Сейфуллина (Акмалы, Казахстан)
- Чепкина Элина Владимировна** — доктор филологических наук.
Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург, Россия).
- Черняк Валентина Даниловна** — доктор филологических наук. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Черняк Мария Александровна — кандидат филологических наук.
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Шалина Ирина Владимировна — кандидат филологических наук.
Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург, Россия).

Шарафутдинов Джалиль Рафаилович — кандидат филологических
наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горь-
кого (Екатеринбург, Россия).

Шилихина Ксения Михайловна — кандидат филологических наук.
Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).

Шмелев Алексей Дмитриевич — доктор филологических наук.
Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва,
Россия).

Научное издание

**Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте
современности**

Коллективная монография

Редактор О. А. Виноградова

Оформление переплета и макет А. Л. Бондаренко

Оператор компьютерной верстки Л. А. Хухарева

Ответственный за выпуск Ф. А. Еремеев

Подписано в печать 27.11.2006. Формат 84 × 108 / 32.

Уч.-изд. л. 32,0. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ *1317.*

Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ»
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования РФ, ИНО-центром (Информация. Наука. Образование) и Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров (США) в 2000 году.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. ИНО-центр (Информация. Наука. Образование) осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а / а 231

Электронная почта: info@ino-center.ru

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-центр (Информация. Наука. Образование)» — российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Билдингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX в., который, благодаря своим стараниям и книгам о России, сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров (США) — частная благотворительная организация, основанная в 1978 году. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго США. С осени 1992 года Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.